

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

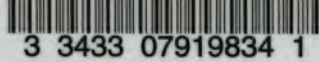
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919834 1

511187

ОБЪ ИЗДАНИИ РУССКАГО ВЪСТНИКА

ВЪ 1870 ГОДУ.

Вслѣдствіе новой почтовой таксы оказывае-
ся возможнымъ возстановить прежнія, для под-
писчиковъ болѣе выгодныя, условія подписки:

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее
изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ
въ 1870 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ,
безъ доставки, **ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕИ 50 КОП.**
съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою
пересылкой во всѣ мѣста Россіи **ПЯТНАДЦАТЬ
РУБЛЕИ.**

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конто-
ръ Университетской типографіи, на Большой
Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Со-
ловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петер-
бургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова,
на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО**
въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Слу-
жащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ру-
чательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію	17	—
Въ Данію и Францію	18	50
Въ Англію, Грецію, Испанію, Португалію и Швецію	20	—
Въ Италію и Панскія владѣнія	22	—
Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.		

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 к.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковичъ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОИ.

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ бульварѣ.

1870.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
511137
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1910 L

ГРОДНЕНСКІЙ СЕЙМЪ

1793 ГОДА*

ПОСЛѢДНІЙ СЕЙМЪ РЪЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

III.

Русско-прусская декларация о новомъ раздѣлѣ.—Валевскій.—Прибытіе короля.—Изданіе универсаловъ.

17го февраля произошелъ размѣнъ ратификацій между дворами Петербургскимъ и Берлинскимъ по январскому договору о раздѣлѣ Польши. Недѣли двѣ спустя, Сиверсъ получилъ изъ Петербурга копію съ этого договора и декларацию, которую онъ 29го марта (9го апрѣля) долженъ былъ, вмѣстѣ со своимъ прусскимъ товарищемъ Бухгольцемъ, представить польскому правительству. Этой деклараціи предшествовало дѣйствительное занятіе областей присоединяемыхъ къ Россіи. Последнее поручено было генералъ-аншефу Кречетникову, которому предписано окончить занятіе къ 27му марта, и въ этотъ день обнародовать манифестъ къ жителямъ вновь присоединенныхъ провинцій, приглашая ихъ принести присягу на вѣрность російской императрицѣ. ** Подобный же

* См. *Русск. Вѣстн.* № 1.

** См. манифестъ 27го марта 1793 года о присоединеніи польскихъ областей къ Россіи. *П. С. З.*, № 17.108; потомъ указъ сенату 23го апрѣля объ учрежденіи трехъ новыхъ губерній: Минской, Изяславской и Брацлавской, № 17.112, и указъ, синоду 13го апрѣля объ учрежденіи православной епархіи во вновь приобретенныхъ обла-

манифестъ и въ тотъ же день генераль Мёллендорфъ долженъ былъ обнародовать въ провинціяхъ отходившихъ къ Пруссіи.

Слѣдовательно, время разчитано такимъ образомъ чтобы на третій день послѣ обнародованія манифестовъ подана была упомянутая выше русско-прусская декларація. Вотъ ея содержаніе:

Тарговицкая конфедерація, долженствовавшая возстановить порядокъ и спокойствіе въ республикѣ, только съ помощью войскъ ея императорскаго величества могла проложить дорогу къ водворенію своей законной власти. Виновники революціи 3го мая и ихъ приверженцы уступили только силѣ оружія, но послѣ того они предались тайнымъ кознямъ. Потерпѣвъ неудачу у сосѣднихъ кабинетовъ, они начали возбуждать народъ противъ Русскихъ, внушать къ нимъ ненависть и даже угрожать имъ Сицилійскою вечерней. Императрица въ теченіе 30 лѣтъ привыкла бороться съ постоянными неурядицами республики и уповааетъ на средства вѣрныя ей Провидѣніемъ чтобы обуздывать злонамѣренныхъ; она продолжала бы и теперь употреблять безкорыстныхъ усилія противъ всѣхъ этихъ козней, еслибы не встрѣтились обстоятельства возвыщающія о болѣе великихъ опасностяхъ. Непонятное заблужденіе націи (французской), нѣкогда столь

стать, № 17.113. Манифестъ 27го марта начинается указаніемъ на долги, безплодныя старанія императрицы сохранить во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой тишину и вольности, въ особенности на ея соблазнованіе о притѣсненіяхъ которымъ подвергаются земли и города населенныя жителями намъ единоплеменными и единоязычными. Сверхъ того, Поляки вошли въ сношенія съ безбожными французскими бунтовщиками и хотятъ имъ подражать. Въ силу этихъ причинъ ея императорское величество, чтобы вознаградить себя за многіе убытки и предохранить безопасность Россійской имперіи, а равно и самихъ польскихъ областей, соизволяетъ на вѣчныя времена присоединить къ своей державѣ земли заключающіяся въ вышеописанной чертѣ (слѣдуетъ обозначеніе новой границы). Всѣмъ жителямъ подтверждается полная свобода ихъ вѣроисповѣданія и безопасное владѣніе ихъ имуществомъ. Всѣ и каждый, начиная съ аристократическаго дворянства, должны принести присягу въ вѣрности. Если кто, владѣющій недвижимымъ имуществомъ, не захочетъ присягать, тому дозволяется продать свое имѣніе и выѣхать за границу въ трехлѣтній срокъ. Еврейскія общества остаются при всѣхъ тѣхъ свободахъ * которымъ пользуются.

дѣвствующей, теперь униженной, раздираемой и находящейся на краю пропасти, это заблужденіе, вмѣсто того чтобы послужить предметомъ ужаса для безпокойныхъ (польскихъ) умовъ, напротивъ, показалось имъ предметомъ достойнымъ подражанія. Они усиливаются водворить въ республикѣ тѣ же адскія ученія которыя безбожная, нечестивая и безумная секта изобрѣла для разрушенія всѣхъ началъ религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ. Въ столицѣ и во многихъ провинціяхъ Польши уже образовались клубы, которые вступили въ братство съ парижскими якобинцами; они распространяютъ свой адъ втайнѣ и производятъ броженіе въ умахъ. Столь опасный очагъ естественно возбудилъ вниманіе сосѣднихъ державъ; онѣ сообща обсудили средства задуть зло въ самомъ зародышѣ и предохранить отъ заразы собственныя границы. Ея величество императрица всероссійская и его величество король прусскій, по соглашенію съ его величествомъ императоромъ римскимъ, признали самую дѣйствительною мѣрой: заключить Польскую республику въ болѣе тѣсныя границы чтобъ облегчить ей возможность имѣть мудрое и хорошо устроенное правительство, которое было бы въ состояніи обуздать беспорядки и партіи, столь часто нарушавшія спокойствіе республики и ея сосѣдей. Итакъ русская императрица и прусскій король берутъ въ свое владѣніе часть польскихъ провинцій, и приглашаютъ польскую націю созвать сеймъ чтобы принять мѣры необходимыя для обезпеченія республикѣ прочнаго мира. *

Вмѣстѣ съ этою деклараціей вице-канцлеръ препроводилъ Сиверсу слѣдующія наставленія:

„Вы сами рѣшите, по согласію съ Бухгольцемъ, подавать ли ее въ одномъ экземплярѣ съ общемою подписью, или раздѣльно, но съ тѣмъ чтобы содержаніе ея было одинаково и подача одновременна. Также предоставляется на ваше усмотрѣніе: подать ли ее прямо генеральной конфедераціи, или посредствомъ министерства, то-есть канцлеровъ короннаго и литовскаго; такъ же, если найдете полезнымъ, предупредите довѣренныя лица (изъ членовъ конфедераціи) чтобъ они помогли успокоить первые взрывы. Хотя это событіе давно ожидаемое, однако первое впечатлѣніе будетъ сильно и живо.

* Ferrand, III. 244. D'Angenberg, 306. *Korresp. Krajowy u Zagraniczy*, 581.

Крайнія мѣры не страшны; но одна изъ нихъ можетъ про- извести неприятое замедленіе: это внезапное распущеніе конфедераціи, сопровождаемое какими-либо формальностями и разбѣздомъ ея членовъ. Вы воспрепятствуете тому всеми вашими средствами; предупредите что подобная мѣра не можетъ быть допущена пока не исполнено требованіе заключающееся въ концѣ деклараціи и относящееся къ созванію сейма. Заставивъ ихъ остаться, вы потомъ, вмѣстѣ съ Бухгольцемъ, постарайтесь убѣдить ихъ чтобъ они добровольно уступили закону необходимости. Вы по очереди представите имъ *надежды, опасенія и дѣйствительность*. А именно: во-первыхъ, вы будете обѣщать правительство твердое и независимое, устроенное по ихъ вкусу и выбору, выгодную торговлю съ сосѣдями, а также поддержку на случай покушеній извнѣ. Во вторыхъ, вы погрозите имъ продолженіемъ смутъ, секвестрами, конфискаціями, разореніемъ ихъ имуществъ и, можетъ-быть, совершеннымъ уничтоженіемъ Польши, то-есть раздѣломъ ея между сосѣдями. В третьихъ, обѣщайте должности и староства, которыя могутъ льстить ихъ самолюбію или возбуждать ихъ жадность, сопровождая эти обѣщанія нѣкоторыми подарками. Первою и ближайшею вашей цѣлью будетъ изданіе универсаловъ въ формѣ употребляемой для созванія сейма чрезвычайнаго. Начало его должно быть назначено на первыя числа мая. На сеймикахъ предсеймовыхъ вы употребите все свое вліяніе чтобы выборы пали на людей къ намъ расположенныхъ. Разумѣется, ни универсаловъ, ни выборовъ не должно быть въ провинціяхъ къ намъ отходящихъ. Изъ смѣшанныхъ подданныхъ выбирать по преимуществу тѣхъ у которыхъ окажутся значительныя имѣнія въ нашихъ предѣлахъ." Инструкція нѣсколько разъ повторяетъ чтобы Сиверсъ во всемъ дѣйствовалъ согласно съ Бухгольцемъ и съ командующими генералами.

По полученіи этихъ наставленій, русскій посолъ принялъ всѣ мѣры чтобы предупредить какой-нибудь неожиданный взрывъ со стороны Поляковъ. Гродно и его окрестности оберегались сильными военными отрядами, которые имѣли приказаніе никого не пропускать изъ города безъ особаго паспорта. Кроме войскъ Кречетникова, занявшихъ важнѣйшіе пункты во вновь присоединенныхъ провинціяхъ, князь Репнинъ придвинулъ къ севернымъ границамъ Литвы находившіеся въ его распоряженіи полки, чтобы по первому

требованію Сиверса направить ихъ куда онъ укажетъ. Подобныя же военныя мѣры приняты были Пруссаками относительно Великой Польши. Имѣя въ виду приготовить нѣсколько умъ къ предстоящему удару, Сиверсъ, согласно съ петербургскими инструкціями, за нѣсколько дней до подачи деклараціи, собиравъ о ней тѣмъ вождямъ Тарговицы на приверженность которыхъ онъ разчитывалъ, а именно: двумъ братьямъ Коссаковскимъ, воеводѣ вилевскому князю Радзивилу и Валевскому; послѣдній только что прибылъ въ Гродно чтобы занять мѣсто вице-маршала въ коронномъ отдѣлѣ конфедераціи.

Въ назначенный день, то-есть 29го марта (9го апрѣля), Сиверсъ и Бухгольдъ подали одну общую декларацію, съ приложеніемъ отъ каждаго изъ нихъ особой ноты. Несмотря на то что главные члены Тарговицы были предупреждены, впечатлѣніе оказалось довольно сильное. Въ собраніи поднялся шумъ; многіе голоса кричали что ни за что не подпишутъ ни договора о раздѣлѣ, ни универсаловъ о созваніи сейма, потому что, приступая къ Тарговицкой конфедераціи, они присягали никогда не соглашаться на новый раздѣлъ. Къ русскому послу отправлены депутатами оба вице-маршала, Валевскій и Коссаковскій (родственникъ епископа, за отсутствіемъ Забѣло, временно заступавшій его мѣсто въ литовскомъ отдѣлѣ). Они объявили что генеральная конфедерація какъ прежде, такъ и теперь, основываетъ свою единственную надежду на великодушіи ея императорскаго величества; просили позволенія послать нарочнаго въ Петербургъ къ своему маршалу, графу Потоцкому, и убѣждали не торопить ихъ отвѣтомъ до прибытія короля и министровъ, за которыми пошлютъ курьеровъ. Депутаты эти имѣли приказъ явиться только къ русскому послу, но никакъ не къ прусскому. Сиверсъ отвѣчалъ увѣреніями въ великодушіи императрицы и совѣтовалъ конфедераціи сохранять осторожность во всемъ что она будетъ постановлять и обнародывать. Потомъ посоль взялъ карту и провелъ по ней черту новой границы между Польшею и Россіей. Затѣмъ онъ распространился о счастьи которое ожидаетъ новыхъ подданныхъ ея величества; о будущемъ процвѣтаніи ихъ торговли, при лучшихъ сообщеніяхъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями, чѣмъ равно воспользуются и жители Рѣчи Посполитой; о быстрой юстиціи, о службѣ и карьерѣ для мелкихъ и крупныхъ дворянъ. А въ ожиданіи всѣхъ этихъ благъ онъ

предлагалъ имъ заняться универсалами, сеймиками, приготовленіемъ матеріаловъ для сейма и для пересмотра конституціи. Депутаты просили показать имъ на картѣ новыя границы съ Пруссіей. Сиверсъ исполнилъ ихъ желаніе. На ихъ лицахъ выразилось сильное волненіе, особенно казался пораженнымъ Валевскій, прежнее возводство котораго (Ольрадское) отходило къ ненавистнымъ Пруссакамъ.

Вскорѣ по уходѣ депутатовъ явился къ Сиверсу епископъ Коссаковскій, и просилъ передать свою благодарность ея величеству за пожалованную ему часть краковскихъ доходовъ. Но главною цѣлью его посвѣщенія былъ, конечно, вопросъ о сеймѣ. Онъ утверждалъ то же что говорили и прочіе его товарищи: конфедерація не можетъ издать универсаловъ о созваніи сейма, потому что связана торжественною присягой не допускать ни малѣйшаго ущерба въ границахъ республики. Умный, ловкій епископъ предложилъ обойти это затрудненіе слѣдующимъ образомъ. Въ основномъ актѣ Тарговицкой конфедераціи заявлено рѣшеніе возстановить въ Рѣчи Посполитой тотъ порядокъ, который былъ испровергнутъ конституціей 3го мая. Прежде всего нужно возстановить постоянный совѣтъ (Rada Nieustająca), назначивъ въ него людей самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ; этотъ совѣтъ вмѣстѣ съ королемъ издастъ универсалы; новый сеймъ сважется въ новую конфедерацію, а Тарговицкая будетъ распущена. Послѣ многихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, Сиверсъ сказалъ епископу что онъ подумаетъ. Поразмысливъ хорошенько и взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ не могъ придумать ничего болѣе удобнаго; принялъ планъ Коссаковского и сообщилъ о немъ своему двору.

Въ тотъ же день когда подана была декларація, Сиверсъ отправилъ копію съ нея и манифестъ 27го марта въ Бѣлостокъ къ королю; тѣ же документы онъ препроводилъ и въ Варшаву къ великому канцлеру. Для русскаго посланника, какъ писалъ онъ Станиславу-Августу, было очень прискорбно сознаться что печальныя предчувствія его величества о судьбѣ Польши оправдались; тѣмъ не менѣе единственное рѣшеніе которое оставалось королю, это безусловная преданность волѣ императрицы. Сиверсъ изъявляетъ надежду что король отдохнетъ день или два въ Бѣлостокѣ и воспользуется пріѣхатъ въ Гродно; онъ прибавлялъ что самъ хотѣлъ предпринять путешествіе въ Бѣлостокъ чтобы лично сообщить

королю о случившемся; но воспользовался присутствіемъ въ Гроднѣ кавалера Литавжа, и поручилъ ему отвезти документы.

Получивъ это письмо, Станиславъ-Августъ, вмѣсто того чтобъ ускорить путешествіе, напротивъ, началъ спѣшить еще медленнѣе. Все сопротивленіе его новому раздѣлу Польши имѣло совершенно пассивный характеръ; онъ писалъ Сиверсу жалобныя письма, оттягивалъ свой прїѣздъ и, по удачному сравненію Баума, напоминалъ жертвенное животное, влекомое къ алтарю на закланіе и непрерывно упиравшееся. Но у русскаго посла былъ магнитъ который неотразимо притягивалъ къ себѣ короля: это обѣщанныя ему субсидіи. За королемъ слѣдовала большая свита, и онъ почти не имѣлъ средствъ содержать ее; а между тѣмъ тотчасъ по изготовленіи универсаловъ ему обѣщали дать 10.000 дукатовъ, и потому въ продолженіе сейма уплатить вдвое противъ того, если онъ будетъ вести себя хорошо, то-есть слушаться во всемъ русскаго посла. Всѣ эти суммы могли только удовлетворять текущимъ расходамъ, и надъ бѣднымъ королемъ продолжали тяготѣть его долги. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія, то-есть возможностью пользоваться новымъ кредитомъ и дѣлать новыя долги, представлялась ему коммиссія погашенія, которую русскій посолъ обѣщалъ устроить съ дозволенія императрицы.

Около того времени Сиверсъ простудился и получилъ сильный насморкъ при лихорадочномъ состояніи; такимъ образомъ онъ не могъ лично отправиться въ Бѣлостокъ для свиданія съ королемъ, о чемъ заранѣе было условлено между ними. А между тѣмъ король не двигался далѣе; на приглашеніе подписать декретъ о возстановленіи постоянного совѣта и универсалы о созваніи сеймиковъ, Станиславъ-Августъ отвѣчалъ что это можетъ сдѣлать только генеральная конфедерация, которая теперь совмѣщаетъ въ себѣ все правитель-ство. Въ Бѣлостокѣ, конечно, уже получили свѣдѣніе о томъ что русскій посолъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе со стороны самой генеральной конфедерации, въ лицѣ только что избраннаго по его указанію вице-маршала Валевскаго. Послѣдній обманулъ возлагаемыя на него надежды: посолъ декларации 29го марта онъ вдругъ явился жаркимъ патріотомъ, и въ засѣданіяхъ конфедерации горячо протестовалъ противъ новаго раздѣла Польши. Хотя его поддерживали немногіе изъ

товарищей, и гораздо многочисленнѣйшій литовскій отдѣлъ, руководимый епископомъ Коссаковскимъ, готовъ былъ дать благоприятный отвѣтъ на русско-прусскую декларацію, но отвѣтъ этотъ не могъ состояться безъ согласія съ короннымъ отдѣломъ и безъ подписи его вице-маршала.

Тщетно Сиверсъ нѣсколько разъ призывалъ Валевскаго и пытался его уговорить. Вице-маршалъ не только не уступалъ, но и подалъ лично отъ себя письменную протестацію. Тогда Сиверсъ прибѣгъ къ мѣрамъ устрашенія и объявилъ слѣдующее: 1) онъ хотѣлъ уже для облегченія жителей удалить изъ окрестностей Гродна русскія войска, но теперь оставляетъ ихъ до тѣхъ поръ пока будутъ выданы универсалы о сеймѣ; 2) онъ посоветовалъ Игельштруму не производить уплаты воеводствамъ за провіантъ, также до того времени пока не появятся универсалы; 3) онъ велитъ задерживать суда идущія внизъ по Вислѣ и Нѣману чтобы русская армія не нуждалась въ припасахъ, если безполезныя замедленія принудятъ держать ее въ Польшѣ долгое время, и 4) онъ отдастъ приказъ обезоружить польскія войска, находящіяся въ русскомъ кордонѣ. Мѣры эти произвели надлежащее дѣйствіе. Конфедерация, вмѣсто пассивнаго ожиданія короля, рѣшила послать къ нему депутатовъ съ просьбой поспѣшить въ Гродно и не оставить ее своими совѣтами. Депутация состояла изъ четырехъ лицъ: вопервыхъ, епископъ Коссаковскій, вполне намъ преданный, потомъ подкарбій Дзѣконскій, другъ короля и человѣкъ двусмысленный въ дѣлѣ политики (*portant le manteau sur les deux epaules*, какъ выразился о немъ Сиверсъ), два остальные члена депутации, князь Четвертинскій и Пасковскій, принадлежали къ нашимъ противникамъ. Русскій посоль отправилъ къ королю курьера съ письмомъ, въ которомъ предупреждалъ его о депутации, рекомендовалъ Коссаковскаго какъ человѣка лучше другихъ понимающаго обстоятельства, и совѣтовалъ не обращать вниманія на слова трехъ остальныхъ депутатовъ. Все это, конечно, сопровождалось убѣжденіями ускорить свой прїездъ въ Гродно, а въ перспективѣ показывался вопросъ о погашеніи королевскихъ долговъ.

Между тѣмъ Валевскій не уступалъ, и прислалъ Сиверсу французскій переводъ своей протестаціи. Тотъ назначилъ ему свиданіе, въ присутствіи Анквича, Иосефовича и Забѣло. Разговоръ продолжался цѣлме полтора часа; но ни постой

войскъ, обременяющій жителей, ни задержка платежей за съѣстные припасы, ни остановка судовъ на Неманѣ и Вислѣ — ничто не тронуло Валевскаго. Когда же посоль объ- явилъ что наканунѣ вечеромъ онъ послалъ курьера къ гене- ралу Кречетникову съ приглашеніемъ секвестровать имѣнія Валевскаго, какъ нарушителя общественнаго спокойствія, глаза послѣдняго наполнились слезами. Окончательнымъ ударомъ для него было сообщеніе о томъ что Пруссаки приготовляютъ ся занять воеводства Краковское и Сандомирское, если польскія войска не перестанутъ завязывать дѣло съ ихъ пикетами; въ этихъ воеводствахъ у Валевскаго были земли. Онъ попросилъ сроку два или три дня, то-есть до прибытія короля и министровъ. Сиверсъ возразилъ что ни король, ни министры не имѣютъ съ нимъ ничего общаго въ этомъ дѣлѣ, и затѣмъ спросилъ допустить ли онъ голосованіе. Валевскій отвѣчалъ отрицательно. А подпишеть ли онъ, какъ вице-маршаль, если это сдѣлаютъ противъ его воли? И снова отрицаніе. Тогда посоль прекратилъ разговоръ, давъ сроку Валевскому подумать до слѣдующаго дня.

Переговоривъ послѣ того съ нѣкоторыми преданными лицами, Сиверсъ отправилъ къ Валевскому свои два вопроса на бумагѣ, требуя на нихъ письменнаго отвѣта. Такъ какъ отвѣтъ опять былъ отрицательный, и примѣру Валевскаго послѣдовалъ Ржевускій, который тоже выступилъ съ протестаціей, то Сиверсъ посѣшилъ подать конфедераціи грозную ноту отъ 9го (20го) апрѣля: онъ предупреждалъ что впредь имѣнія тѣхъ членовъ которые позволяютъ себѣ выдавать протесты будутъ подвергаемы секвестру, и требовалъ чтобы маршальскій жезлъ былъ отнятъ у Валевскаго и переданъ его предшественнику (то-есть Пулавскому). Въ то же время русскій посоль подавъ другую ноту, съ требованіемъ секвестровать имѣнія эмигрантовъ чтобъ отнять у нихъ средства поддерживать интриги и составлять заговоры въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ и Парижѣ.

Въ этотъ день на засѣданіи конфедераціи происходили сильныя споры по вопросу о возстановленіи постоянного совѣта, которому особенно противился Валевскій. Ноты поданныя русскимъ посланникомъ усилили раздоръ еще болѣе. Тогда весь литовскій отдѣлъ и пять членовъ короннаго съ прежнимъ вице-маршаломъ Пулавскимъ вышли, оставивъ Валевскаго съ одиннадцатью противными членами, и отправившись въ

монастырь эскъ-иезуитовъ, гдѣ открыли отдѣльное засѣданіе. * На засѣданіи слѣдующаго дня состоялся приговоръ о возстановленіи постоянного совѣта и о замѣнѣ его отсутствовавшихъ и умершихъ членовъ новыми. Валевскій удалился изъ Гродна; въ послѣдствіи онъ, однако, принеся присягу на русское подданство, и тогда Сиверсъ велѣлъ снять секвестръ съ его имѣній.

Между тѣмъ король все еще медлил въ Бѣлостоцѣ. Четыре депутата, отряженные къ нему генеральною конфедераціей, воротились съ отвѣтомъ что онъ пріѣдетъ 21го апрѣля. Въздъ за ними явились коронный конюшій Кидкій и секретарь Фризе съ порученіемъ осмотрѣть все ли готово въ гродненскомъ замкѣ для принатія его величества. Фризе при этомъ вручилъ Сиверсу королевское посланіе. Станиславъ-Августъ писалъ, что хотя онъ и обѣщавъ прибыть въ Гродно 21го числа, но чѣмъ болѣе обдумываетъ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе колеблется; въ заключеніе король проситъ уведомить, не находятъ ли русскій посолъ за лучшее чтобъ онъ оставался пока въ Бѣлостоцѣ, такъ какъ это обстоятельство нисколько не помѣшаетъ возстановленію постоянного совѣта. Сиверсъ отвѣчалъ на это длиннымъ письмомъ (6го (17го) апрѣля), въ которомъ употребилъ все средства побудить короля къ неотлагательному пріѣзду въ Гродно. Онъ соглашался даже чтобы король пріѣхалъ только для открытія засѣданій постоянного совѣта и для подписки универсаловъ; послѣ чего онъ опять можетъ удалиться въ Бѣлостоцъ и оставаться тамъ до созванія сейма.

Кидкій и Фризе, съ своей стороны, придумывали разные способы чтобы дать королю благовидный предлогъ для дальнѣйшей отсрочки. Они объявили что въ замкѣ нужно еще многое привести въ порядокъ для принатія его величества, что его спальня только наканунѣ выкрашена, что дороги все еще дурны отъ весенней распутцы, и т. п. Наконецъ послѣ сообщили что изъ 20.000 дукатовъ, полученныхъ королемъ на путешествіе въ Гродно, у него оставалась только одна

* Огиускій разказываетъ иначе: по его словамъ, Валевскій въ это засѣданіе положилъ свой маршальскій жезлъ и покинулъ залу, торжественно протестуя противъ всякаго плана который грозитъ независимости и цѣлости Польши (2а кн., 4я гл.). Вауль повторяетъ то же съ приведеніемъ патетической рѣчи Валевскаго (III, 191). Мы держимся домыслимъ Сиверса.

тысяча. „Тыъ лучше, отвѣчалъ Сиверсъ, это одѣласть его уступчивѣй.“

Всѣ эти проволокки и множество мелкихъ непріятностей причисляемыхъ русскому послу замѣтно начали выводить его изъ терпѣнія. Вотъ что писалъ онъ своей младшей дочери 7го (18го) апрѣля: „Въ самомъ дѣлѣ, моя милая, ты справедливо думаешь что Гродно для меня еще хуже чѣмъ Варшава. У этихъ Полаковъ существуетъ невѣроатная смѣсь пороковъ и добродѣтелей. Одни прятчутся, а другіе нагло выступаютъ впередъ, и именно съ послѣдними мнѣ приходится имѣть дѣло.“ Говоря о своемъ нездоровьѣ, онъ прибавляетъ: „Общаю щадить себя для васъ; но какъ скоро приходится мнѣ бороться противъ укоренившихся здѣсь золъ, особенно противъ слабого, несчастнаго короля, то я легко разгорячаюсь. Не даѣе какъ сегодня вечеромъ имѣлъ я продолжительный разговоръ съ однимъ епископомъ и тремя членами конфедерациа. Они усиленно просили объ одномъ предметѣ, и чтобы тронуть меня, сказали: „Вы сами отецъ, можете ли вы намъ отказать?“ „Да, отвѣчалъ я,—я отецъ, но добрыхъ, умныхъ дѣтей, и дѣлаю то чего они желаютъ; но вы, вы исполнены интригъ и коварей, и думаете что нѣтъ другой дороги для достиженія цѣли. Чтобъ исправить васъ я долженъ быть непреклоненъ. Можетъ-быть я кажусь вамъ жестокомъ, но я только справедливъ.“ Всѣ эти дни они мнѣ сильно досаждали.“

Наконецъ, истощивъ всѣ предлоги для замедленія своего путешествія, 10го (21го) апрѣля, въ воскресенье, отслушавъ обѣдню, король выѣхалъ со своимъ дворомъ изъ Бѣлостока. На слѣдующій день, между 2 и 3 часами пополудни, онъ достигъ Гродна. Командующій расположенными здѣсь русскими войсками генераль-поручикъ Дунинъ, съ генераломъ Раутенфельдомъ и офицерами своего штаба, встрѣтилъ короля на лѣвомъ берегу Нѣмана; полки стоявшіе въ парадѣ отдали королю всѣ военныя почести; артиллерія произвела 51 залпъ. Король переправился черезъ Нѣманъ и прибылъ въ замокъ, гдѣ его ожидали генеральная конфедерациа, министры, сенаторы и многія дамы. Магистратъ и еврейская синагога встрѣтили короля еще за городомъ. Русскій посолъ не участвовалъ въ этой встрѣчѣ, потому что страдалъ лихорадкой и кашлемъ.

Не всѣ министры последовали за королемъ въ Гродно.

Канцлеръ Малаховскій, дотогѣ вѣрный сторонникъ Россіи, отказался отъ участія въ послѣднемъ актѣ драмы и сложилъ свое достоинство подѣ предложемъ болѣзни. Точно также отказался отъ своей должности и надворный маршалъ Рачинскій. Это обстоятельство причинило не мало заботъ русскому посланнику. Тщетно онъ уговаривалъ ихъ остаться при своихъ должностяхъ и посылалъ къ нимъ общаго ихъ друга Бокампа. Переговоры не привели почти ни къ чему. Малаховскій совершенно уклонился отъ дальнѣйшей политической дѣятельности; а Рачинскій, который въ самомъ дѣлѣ былъ серьезно боленъ подагрой, согласился присутствовать въ Гроднѣ чтобы помогать Сиверсу своими совѣтами. Когда рѣшенъ былъ вопросъ объ отставкѣ этихъ министровъ, Сиверсъ послалъ курьера въ Варшаву къ Ожаровскому и Мошинскому съ приглашеніемъ немедленно прибыть въ Гродно. Рачинскій, Ожаровскій и Мошинскій должны были составить его тайный совѣтъ по дѣламъ короны, а епископъ Коссаковскій и вице-маршалъ Забѣлло по дѣламъ Литвы.

Послѣ удавленія Браницкаго и Щенснаго - Потоцкаго со сцены дѣйствія, въ Гроднѣ оставался еще третій основатель Тарговицы; это безпокойный Северинъ Ржевускій. Онъ не переставалъ метать грома и молнію противъ новаго раздѣла Польши и, въ качествѣ польнаго гетмана, разсылалъ начальникамъ польскихъ отрядовъ и гарнизоновъ приказы готовиться къ отчаянной оборонѣ противъ Пруссаковъ. Игельстромъ часто извѣщалъ Сиверса о безпокойствахъ которыя причиняли ему эти приказы. Очевидно Ржевускій, по примѣру двухъ упомянутыхъ товарищей, хотѣлъ устранить отъ себя нареканія по поводу новаго раздѣла; но отступление свое старался произвести съ шумомъ и со славой горячаго патриота. А между тѣмъ Сиверсъ долженъ былъ щадить его, потому что императрица взяла подѣ свое особое покровительство начальниковъ Тарговицкой конфедерации. * Относительно Ржевускаго она предписываетъ

* Еще въ февралѣ Ржевускій отправилъ письмо въ Петербургъ въ собственныя руки императрицы: онъ возражалъ противъ слуховъ о раздѣлѣ, описывалъ затруднительное положеніе свое и графа Потоцкаго, и высказывалъ недоверіе чтобы на то была воля ея величества. „Читано съ насмѣшкой и велѣно Зубову скорѣе заготовить отвѣтъ“, замѣтилъ въ своихъ запискахъ Храповицкій.

самый снисходительный образъ дѣйствія. „Если Ржевускій, говорится въ рескриптѣ 22го марта, не считаетъ удобнымъ сохранить свое мѣсто въ конфедераціи при настоящихъ обстоятельствахъ, вы не только облегчите ему средства удалиться, но я сочту удовольствіемъ утѣшить его всѣмъ что не противорѣчитъ принятой мною системѣ.“ Однако горячность Ржевускаго увлекла его въ открытую оппозицію союзнымъ дворамъ и грозила надѣлать имъ не мало затрудненій. Вслѣдъ за Валевскимъ онъ, какъ извѣстно, тоже выступилъ съ протестомъ, который предложилъ ввести въ акты конфедераціи и потомъ напечатать. Тамъ говорилось что прежде онъ благословлялъ имя русской императрицы и въ ея покровительствѣ видѣлъ надежную защиту Польши противъ всякаго врага; но декларация 9го апрѣля повергла его въ отчаяніе; онъ торжественно протестуетъ противъ нея, согласно съ присягой, въ силу которой каждый членъ конфедераціи не можетъ согласиться ни на какое уменьшеніе границъ Рѣчи Посполитой. Въ упомянутой выше нотѣ 20го апрѣля Сиверсъ погрозилъ наложить секвестръ и на имѣніе Ржевускаго. Но императрица и послѣ того осталась вѣрна своей политикѣ щадить вождей Тарговицы и продолжала предписывать своему послу величайшую умѣренность. Она вѣручаетъ оставить Ржевускому полную свободу дѣйствія и не мѣшать, „если онъ постарается умыть руки въ предстоящемъ событіи всѣми средствами которыя представляютъ ему обычаи и законы его страны“. Дѣло кончилось тѣмъ что Ржевускій рѣшился уѣхать изъ Гродна; но, по просьбѣ Игельштрома, все еще опасавшагося новыхъ хлопотъ съ этимъ оригиналомъ, Сиверсъ пригласилъ его не поселяться въ Варшавѣ, а также не появляться на предстоящемъ сеймѣ. Изъ посольскаго донесенія отъ 10го мая видимъ что онъ все еще проживалъ въ Гроднѣ, и что онъ былъ вѣдъ себя отъ досады при извѣстїи о сдачѣ Каменца. Коменданту этой крѣпости, Злотницкому, Ржевускій послалъ приказъ защищаться до послѣдней крайности, а Злотницкїй сдалъ ее Русскимъ безъ выстрѣла.

16го (27го) апрѣля послѣдовала наконецъ отвѣтная нота на русско-прусскую декларацию. Оба вице-маршала, Пулавскїй и Забѣлло, именемъ генеральной конфедераціи объявляли что она не имѣетъ средствъ противиться рѣшенію двухъ союзныхъ державъ. Связанная торжественною присягой хранить

цѣлость Рѣчи Посполитой, она устраняетъ себя отъ всякаго участія въ раздѣлѣ Польши и призываетъ членовъ постояннаго совѣта, который еще не отдалъ отчета въ своемъ прежнемъ управленіи; она назначаетъ новыхъ членовъ на мѣсто умершихъ или законнымъ образомъ исключенныхъ изъ совѣта. Этому учрежденію возвращается все его полномочіе, чтобъ удовлетворить настоятельнымъ нуждамъ Рѣчи Посполитой.* Хотя давно ожидаемый отвѣтъ конфедераціи появился и не совсѣмъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ продиктованъ русскимъ посломъ, однако, по его собственному выраженію (въ письмѣ къ Зубову отъ 16го апрѣля), „надобно было нѣсколько уступить ихъ справедливой скорби“.

Такимъ образомъ возстановлено было учрежденіе созданное въ 1775 г., навлекшее на себя общую ненависть Поляковъ и устраненное не задолго до революціи 3го мая. При выборѣ новыхъ членовъ постояннаго совѣта, Сиверсъ, какъ онъ выражается въ своей депешѣ, „слѣдовалъ строго правилу не назначать никого изъ лицъ окружающихъ короля“. **

Первымъ актомъ постояннаго совѣта было изданіе универсала о созваніи сеймиковъ предсеймовыхъ. Въ этомъ универсалѣ предполагаются извѣстными настояція обстоятельства Рѣчи Посполитой; въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ постоянный совѣтъ, возобновленный въ силу конституціи 1775 года, не нашелъ ничего лучшаго какъ предложить королю созваніе чрезвычайнаго сейма; поэтому шляхетство приглашается къ 27му мая (нов. ст.) собраться по воевод-

* *Korresp. Krajowy y Zagraniczny*, 705.

** Вотъ списокъ членовъ, представленный Сиверсомъ. Старые: епископы плацкій Шембекъ и жмудскій Гедройцъ, каштеляны Зибургъ, Бернадскій, Липскій, Шидаовскій, Помель, Соболевскій, старосты Оскаловскій, Шидаовскій, пинскій хорунжіи Куржевецкій, шамбелянъ Янковскій, Держбицкій, полковникъ Конарскій, подкоморій левчицкій Стоковскій, генералъ-майоръ Валевскій и польный литовскій писарь Геагудъ. Вновь назначенные: воевода виленскій князь Михаилъ Радзивиль, коронный подскарбій Коссовскій, коронный секретарь Грановскій, хорунжіи кременецкій Свѣтославскій, Модзелевскій, Храповицкій, генералъ-поручикъ Забѣлао, подкоморій Юндзилъ, староста жерецкій Иозефовичъ, Швейковскій, Мануцци, Каверій Валевскій, ексъ-каштелянъ Теофилъ Залускій, ексъ-подстолий Валцкій, шамбелянъ Владекъ. Маршаломъ совѣта назначенъ Анквичъ, а секретаремъ Тенгоборскій.

ствамъ и повѣтамъ на сеймики для выбора сеймовыхъ пословъ и для снабженія ихъ надлежащими инструкціями. Днемъ открытія сейма назначается 17е іюня, а мѣстомъ для него городъ Гродно. *

Судьбѣ угодно было чтобы день подписи универсаловъ пришелся въ годовщину 3го мая; такое совпаденіе вызвало у короля обильныя слезы. Эти слезы, замѣчаетъ Сиверсъ, „служатъ очевиднымъ доказательствомъ что онъ еще не избавился отъ своихъ заблужденій и что мнѣ предстоитъ еще много труда излѣчить его отъ нихъ“. 23го апрѣля (4го мая) вице-канцлеръ литовскій Хребтовичъ началъ прикладывать печати къ универсаламъ. За нимъ была очередь канцлера короннаго. Послѣ отставки Малаховскаго, Сиверсъ предлагалъ коронную печать четыремъ лицамъ, въ томъ числѣ своему пріятелю графу Мошинскому; но всѣ они отказались; тогда онъ отдалъ ее воеводѣ калишскому князю Сулковскому; хотя всѣ имѣнія его, обремененныя долгами, находились по новому раздѣлу въ предѣлахъ Пруссіи, но онъ былъ извѣстенъ своею преданностію Россіи. Этотъ человекъ не выдавался ни положеніемъ своимъ, ни способностями; но изданіе универсаловъ не позволяло откладывать назначеніе канцлера; а между тѣмъ подъ рукою не оказалось никого болѣе пригоднаго.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ донесеній русскій посолъ передаетъ интересный разговоръ съ королемъ по поводу его желанія отречься отъ короны.

„Въ прошлое воскресенье, пишетъ онъ, я обѣдалъ у короля за небольшимъ круглымъ столомъ въ девять приборовъ. Послѣ обѣда онъ позвалъ меня въ кабинетъ, и здѣсь, поговоривъ о многихъ незначительныхъ предметахъ, перешелъ къ своему несносному бремени, то-есть къ долгамъ, а потомъ къ оцѣнкѣ своего положенія въ глазахъ польскаго народа, Европы и потомства. Въ заключеніе онъ изъявилъ рѣшительное желаніе имѣть настолькоъ свободы чтобъ отречься отъ короны. Онъ говорилъ горячо, довольно откровенно, часто со слезами на глазахъ; желалъ только погашенія своихъ долговъ, жестоко его тяготившихъ, и небольшой пожизненной пенсіи. По его словамъ, нашлось бы довольно людей которые охотно примутъ корону изъ рукъ вашего импера-

* *Korresp. Krajowy y Zagraniczny, 746.*

торскаго величества. Наконецъ онъ просилъ меня написать о томъ вашему величеству, или позволить чтобъ онъ самъ написалъ. Я увѣрялъ его что ваше величество не желаете его отреченія, о чемъ довольно ясно дади ему понять въ вашемъ первомъ столь благосклонномъ письмѣ. Онъ сказалъ что вполне это цѣвнть, и что если не возьметъ короны великій князь Константинъ, который одинъ только могъ бы осчастливить Польшу, то нашлись бы другіе которые охотно примуть этотъ подарокъ. Онъ тотчасъ назвалъ графа Потоцкаго съ видомъ презрѣнія и ненависти; я отвѣчалъ отрицательно; потомъ упомянулъ принца Виртембергскаго, далѣе графа Артуа, прибавивъ что они не сдѣлаютъ Польшу счастливою.

„— А саксонскій курфирстъ, спросилъ я съ нѣкоторымъ лукавствомъ, — развѣ онъ не приметъ короны при настоящемъ положеніи Польши?

„— Нѣтъ, было его отвѣтомъ,—онъ принялъ бы ее съ готовностью.

„— Но у него нѣтъ сына.

„— О! у него есть дочь, которую онъ любитъ и которая будетъ очень богата.

„— Я полагаю, отвѣчалъ я съ серьезнымъ выраженіемъ лица, — что этотъ государь не приобрѣлъ расположенія ея императорскаго величества.

„Онъ казался озадаченнымъ, немного помолчалъ, и потомъ повторилъ что ему остается только одно—отреченіе, еслибы не несчастные долги! Я отвѣчалъ что, безъ сомнѣнія, ихъ можно погасить при помощи большихъ жертвъ и лишеній съ его стороны.

„— Вы возьмете у меня мои столовые имѣнія?

„— Да, государь, вы пожертвуете ими; вѣдь они приносятъ вамъ только половину своего дохода.

„— Чтò же вы мнѣ оставите?

„— Пять милліоновъ, можетъ-быть и шесть; изъ нихъ половина пойдетъ на уплату вашихъ долговъ. Могли ли бы вы, ваше величество, жить въ уединеніи на полтора милліона?

„Лицо его мгновенно прояснилось.

„— Да это 80.000 червонцевъ! Такъ много не нужно даже въ Римѣ или въ Неаполѣ. Ахъ! прибавилъ онъ по-нѣмецки, съ видимымъ волненіемъ простирая ко мнѣ руку: — еслибы

вы могли это сдѣлать, мой любезный посланникъ! Отправимся въ Италію. Тамъ будемъ мы счастливы, и все забудемъ.

„Онъ былъ очень изволнованъ, я также немного, ибо это все-таки король. Онъ всталъ и, казалось, хотѣлъ меня обнять. Но я охладилъ нѣсколько его порывъ, напомнивъ начало нашего разговора. Онъ повторилъ свою просьбу чтобы я написалъ. Я отвѣчалъ что еслибъ и сдѣлалъ это, то понапрасну.

„Изъ всего этого разговора я вывелъ то заключеніе что между нимъ и курфирстомъ саксонскимъ произошло какое-нибудь соглашеніе, при посредствѣ эмигрантовъ которымъ тотъ покровительствуетъ; что ему обѣщано кое-что на остальное время жизни, если онъ отречется, и если курфирсту будетъ обезпечена польская корона.“

IV.

Сеймики предсеймовые. — Посольскіе выборы. — Проектъ польской конституціи и вида императрицы. — Коссаковскіе и сохраненіе Тарговицы.

Наступило время самой хлопотливой работы: это сеймики предсеймовые. Руководить польскими сеймиками было не легкою задачею для русскаго посланника. Какая система выработалась въ такихъ случаяхъ, показываетъ намъ письмо Игельштрома, писанное около того времени къ Сиверсу. „Во время Радомской конфедераціи (1767 года), говоритъ онъ, я имѣлъ порученіе отъ князя Репнина руководить сеймиками въ Краковскомъ воеводствѣ, и постараюсь изобразить вамъ тотъ образъ дѣйствія котораго держался. Маршаломъ конфедераціи (Краковской) былъ графъ Велепольскій, принадлежавшій вполнѣ русской партіи; но князь думалъ что этого недостаточно, и возложилъ дѣло сеймиковъ на меня и на графа Понинскаго. Мы были такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ что наши дѣйствія и наши слова находились въ строгомъ соотвѣтствіи. Онъ за свои труды получалъ подарокъ въ 500 дукатовъ, о чемъ я не долженъ былъ знать, однако зналъ очень хорошо. Я получалъ 1.000 дукатовъ; но обязанъ былъ дать о нихъ точный отчетъ, и имѣлъ на случай нужды позволеніе, даже приказъ, покупать голоса по указанію графа Понинскаго. Голоса эти принадлежали не

вельможамъ, а мелкой шляхтѣ, которая составляетъ большинство, слѣдовательно дастъ перевѣсъ на сеймикахъ, и она торгуетъ своими голосами. Ихъ покупаютъ за 10, 15 и самыя дорогіе за 30 дукатовъ. Всѣ мои расходы на сеймикахъ въ Прошовицахъ и Освѣцимѣ простирались, если не ошибаюсь, до 200 или 300 дукатовъ, не считая личныхъ издержекъ. Мнѣ также былъ данъ тайный приказъ имѣть тщательный надзоръ за Велепольскимъ и Повинскимъ, хотя они считались въ числѣ нашихъ, но для того чтобы не измѣнили въ то самое время когда уже поздно было бы поставить кого-нибудь другаго на ихъ мѣсто. Мнѣ также поручено было заботиться о слѣдующихъ пунктахъ: 1. Чтобы на сеймѣ избраны были тѣ лица имена которыхъ находились въ спискахъ сообщенныхъ мнѣ посланникомъ. 2. Чтобы инструкціи ихъ были тѣ же самыя какія составлены посланникомъ и разосланы имъ на сеймики. 3. Чтобы въ маршалы сеймика выбирался маршалъ конфедераціи. 4. Инструкція послантъ, прежде ея подписи, должна быть мнѣ прочитана. 5. При открытіи сеймика обыкновенно читаются разныя посланія (отъ короля, отъ куаціи и епископа, отъ воеводы, отъ гетмана и пр.); но князь Репнинъ предписалъ мнѣ чтобы читались только его письма и королевскія; а всѣ другія присуждалось бы къ вѣчному забвенію посредствомъ не таеz zgoty. Оба уполномоченные вашего превосходительства (то-есть маршалъ конфедераціи и русскій офицеръ) должны взять подъ надзоръ мѣстный городской судъ и строго наблюдать чтобы никакая протестація не была записана въ судъ безъ ихъ вѣдѣнія и согласія. Вотъ, по моему мнѣнію, матеріалъ для инструкцій, которыя вашему превосходительству угодно будетъ сообщить уполномоченнымъ, съ прибавленіемъ, чтобы въ случаѣ нужды пускали въ ходъ силу убѣжденія и щедрую раздачу дукатовъ, то-есть чтобы дѣйствовали при помощи страха, преданности или корыстолюбія. Денежныя суммы штабъ-офицерамъ для необходимыхъ издержекъ ваше превосходительство назначите сами; но менѣе 200 дукатовъ нельзя имъ давать на самыя малые сеймики. Доля маршаловъ и президентовъ должна быть опредѣлена или по степени вліянія которымъ они пользуются, или по степени ихъ жадности, впрочемъ не менѣе 500 дукатовъ. Если есть такіе которые разчитываютъ на полученіе

староствъ или должностей, то они могутъ обойтись и безъ русскихъ денегъ.“

Сиверсъ дѣйствительно усвоилъ себѣ ту же систему. Но для успѣха дѣла прежде всего нужно было золото; а въ донесеніяхъ его мы продолжаемъ встрѣчать постоянныя жалобы на недостатокъ денегъ. Въ письмѣ къ Зубову отъ 29го апрѣля (10го мая) онъ говоритъ что „предсѣдательствующіе на сеймикахъ должны давать ѣсть и пить избирателямъ. Прошло то время когда склоняли на свою сторону вельможъ и другія значительныя лица надеждою на староства и прочія бенефиціи. Времена такъ измѣнились что четыре лица отказались принять мѣсто великаго канцлера и только пятый пожелалъ его взять; но онъ ничѣмъ не владѣетъ въ Польшѣ, и слѣдовательно не будетъ имѣть никакого вліянія на выборы пословъ. А покупать голоса послѣ выборовъ стоило бы гораздо дороже. Прусскій посланникъ подъ великимъ секретомъ сообщаетъ мнѣ половину расходовъ.“

Несмотря на эти задержки со стороны Петербурга, приготовленія къ сейму шли безостановочно. Въ устройствѣ коронныхъ сеймиковъ Сиверсу помогали Рачинскій, Ожаровскій и Мошинскій, а относительно литовскихъ—епископъ Коссаковскій со своими братьями, воевода виленскій Радивиль, подскарбіи Огинскій и епископъ виленскій Масальскій. Кромѣ раздачи денегъ, рѣшено было чтобы въ коронныхъ областяхъ cadaго президента сеймика поддерживалъ русскій штабъ-офицеръ съ небольшимъ отрядомъ войска; а для Литовскаго великаго княжества эта мѣра найдена излишнею. Главный надзоръ за коронными сеймиками принялъ на себя, считавшійся опытнымъ въ подобномъ дѣлѣ, Игельстромъ. Хотя подкупы и были самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія цѣли на выборахъ, однако русскій посланникъ счелъ нужнымъ подкрѣпить ихъ и другими мѣрами. По его внушенію, генеральная конфедерація выдала еще два постановленія. Во первыхъ, кто не отрекся отъ конституціоннаго сейма, не присталъ къ Тарговицкой конфедераціи, сдѣлался членомъ городского сословія, участвовалъ въ депутаціи приносившей благодарность за конституцію 3го мая, тотъ лишается права быть избирателемъ или избираемымъ. Вторымъ постановленіемъ лишеніе этого права распространялось на тѣхъ которые, послѣ своего приступа къ Тарговицкой конфедераціи, осмѣлились занести протестъ противъ

какихъ-либо ея рѣшеній. На основаніи такихъ постановленій можно было исключить изъ сейма почти всякаго подозрительнаго посла.

Сиверсъ надѣялся что сдача Каменца (21го апрѣля) произведетъ на умы такое впечатаніе которое облегчитъ намъ успѣхъ на выборахъ. Но изъ дальнѣйшихъ его донесеній видно что впечатаніе это не было сильно. Полаки необыкновенно мало обращали вниманія на серьезныя событія, и ловили всякій ничтожный поводъ чтобы предаваться несбыточнымъ надеждамъ. Вотъ что доносили Сиверсу изъ Варшавы: „Тревожныя извѣстія волнуютъ здѣсь умы. Три дня ходятъ слухи что императоръ займетъ воеводства Краковское, Сандомірское и даже Люблинское. Эти слухи, кажется, основаны на томъ что въ Вѣнѣ Кобенцель удаленъ изъ министерства, и дипломатическая часть снова перешла къ старому Кауницу и его помощнику (Тугуту). Кромѣ того, вчера проскакалъ курьеръ отъ Бухгольца къ королю Прусскому, и это также встревожило здѣсь умы.“

Со стороны польскихъ войскъ оставшихся въ русскомъ кордонѣ также не обошлось безъ нѣкоторыхъ попытокъ сопротивленія. Въ Несвижѣ осьмой полкъ пѣхоты, вслѣдствіе какого-то двусмысленнаго приказа отъ гетмана Коссаковского, отказался дать присягу и былъ обезоруженъ генераломъ Кноррингомъ. Въ то же время два отряда польской кавалеріи (Сухоржевскаго и Лазинскаго) переправились за Днѣпръ въ Молдавію. И вотъ, по донесенію Сиверса, „глаза Поляковъ устремлены теперь на эти два отряда. Они льстятъ себя возможностью войны Турціи противъ Россіи. * Разчитываютъ также на зависть Вѣнскаго двора и на молчаніе которое хранитъ его повѣренный Декаше, прибывшій сюда два дня назадъ.“ „Все занимается этотъ легкомысленный и непостоянный народъ, до такой степени что приписываютъ важность вчерашнему визиту Декаше у короля въ дорожномъ платьѣ: а у него просто украденъ былъ дорогомъ чемоданъ.“

* Движеніе это кончилось, разумѣется, пустыми результатами. Бригада Сухоржевскаго была обезоружена въ Молдавіи, и солдаты принуждены были наниматься въ работы у крестьянъ для своего пропитанія; многіе изъ нихъ воротились потомъ назадъ съ просьбою принять ихъ въ русское подданство. А часть бригады Лазинскаго, улаченная притворомъ Сухоржевскаго, по приказу своего командира вооружилась на прежнія квартиры (*Korresp. Krajow. u Zagr.* 872).

Нѣсколько поздне (въ депешѣ 16го—27го мая) онъ говорить: „Можно исписать не одинъ листъ ложными вѣстами которыя распространяются по цѣлой Польшѣ и Литвѣ для того чтобы ввести въ заблужденіе добрыхъ людей и помѣшать имъ отправиться на сеймики, или для того чтобы тамъ одѣланы были глупости. Самый нелѣпый изъ всѣхъ слуховъ тотъ, будто третьяго дня австрійскія войска должны были вступить въ Краковское воеводство, и тамъ эксмаршалъ Малаховскій, подъ покровительствомъ императора, завяжетъ новую конфедерацію. Не менѣе нелѣпъ слухъ о союзѣ между Портой, Франціей, императоромъ, Англіей и Швеціей, чтобы сообща дѣйствовать въ пользу Польши.“

Станиславъ-Августъ держалъ себя какъ и всегда, то-есть не обнаруживалъ никакихъ энергическихъ попытокъ къ сопротивленію, а по возможности продолжалъ пассивную оппозицію. Онъ имѣлъ еще большое вліяніе на мазовецкую шляхту, и Сиверсъ объявилъ что возлагаетъ на него отвѣтственность за успѣхъ выборовъ въ Мазовіи. Король умолялъ было не принуждать его къ участію въ этомъ дѣлѣ; но по настоянію посланника велѣлъ написать отъ своего имени къ тѣмъ лицамъ которые предполагались для занятія предсѣдательскаго мѣста на выборахъ. Когда отъ короля добились всего что было нужно, ему позволили отправиться въ Бѣлостокъ на мѣсяць, то-есть до открытія сейма. Туда же должна была пріѣхать сестра его, пани Краковская. Для сношеній своихъ съ посланникомъ, король оставилъ въ Гроднѣ секретаря Фризе. Условлено было каждый вечеръ посылать изъ Гродна эстафету, съ тѣмъ чтобы къ утру она поспѣвала въ Бѣлостокъ. Сиверсъ хотѣлъ назначить въ королевскую свиту подполковника Штапельберга, того самого который провожалъ короля на пути изъ Варшавы. Но Станиславъ-Августъ упросилъ отмѣнить это назначеніе, такъ какъ оно давало ему видъ находящагося подъ стражей. Чтобы не оставить, однако, короля безъ надзора, Сиверсъ вызвалъ изъ Варшавы въ Гродно совѣтника посольства Обера, подъ предлогомъ принять отъ него присягу. При проѣздѣ чрезъ Бѣлостокъ Оберъ долженъ былъ остановиться здѣсь на одинъ день, а на обратномъ пути два дня, именно въ то время когда туда придуть извѣстія о сеймикахъ. Кромѣ того и самъ посланникъ собирався навѣстить короля въ Бѣлостокъ.

Главными дѣятелями при выборѣ пословъ должны были

лвиться члены Тарговицкой конфедерации. Они были отправлены Сиверсомъ на сеймики, такъ что въ теченіе трехъ недѣль, по словамъ посланника, „генеральная конфедерация испытывала родъ летаргіи за отсутствіемъ большого числа членовъ“. Руководство въ дѣлѣ выборовъ распределено слѣдующимъ образомъ: Ожаровскому поручены воеводства Сендомірское и Краковское; въ помощники ему даны графъ Залускій для Сендомірскаго и графъ Анквичъ для Краковскаго; генералу Міончинскому ввѣрено воеводство Люблинское, Осолдинскому и Шидловскому—Подляхія, а вице-маршалу конфедерации Пулавскому—Волинь и Холмъ. Выборы въ Мазовіи, Равѣ и Плоцкѣ оставлены на личномъ попеченіи Игельштрома, а вся Литва предоставлена епископу Коссаковскому и его помощникамъ. Лица отправленныя руководить сеймиками, конечно, снабжены были русскими и прусскими деньгами. „Надобно было, доносить Сиверсъ, не только дать имъ на столъ и напитки, потребныя во время выборовъ, но также оплачивать путевыя издержки, помѣщеніе, кормить ихъ, снабжать экипажами и дать еще на обратный путь, съ какою-нибудь наградой въ родѣ мѣста, ордена или денегъ. Признаюсь откровенно, всѣ эти неприятыя хлопоты не увеличиваютъ моего уваженія къ Полякамъ.“ О количествѣ расходовъ даютъ понятіе слѣдующія цифры. Игельштромъ на коронныя сеймики получилъ болѣе 10.000 дукатовъ; онъ далъ Міончинскому 3.000; сверхъ того послѣдній получилъ еще 1.000 на выборы въ Краковѣ и Сендомірѣ. Пулавскому, кромѣ 1.000 дукатовъ мѣсячной пенсіи, выдано 2.000 на волинскіе выборы и 500 на холмокіе; епископу Коссаковскому на литовскіе выборы 4.000 дукатовъ. Второстепенныя дѣятели, конечно, получили гораздо менѣе; напримѣръ, одному изъ помощниковъ Пулавскаго, майору Лобаржевскому, дано 300 дукатовъ. Однако Сиверсъ, въ донесеніи своемъ на имя Зубова (13го мая), говоритъ, будто никогда еще выборы сеймовыхъ пословъ не обходились такъ дешево: Литва приблизительно стѣбитъ только по 200 дукатовъ на посла, а Польша по 500.

Наконецъ насталъ торжественный день 16го (27го) мая, „день всеобщей лихорадки въ Польшѣ“, то-есть посольскіе выборы. Въ Гроднѣ Сиверсъ приказалъ удалить войска и пушки съ площади прилегающей къ костелу, въ которомъ должно было происходить избирательное засѣданіе сеймика.

Эта мѣра произвела благоприятное впечатлѣніе. „Выборы (гродненскіе), пишетъ онъ, совершились очень прилично, они пали на вице-маршала конфедераціи Забѣлло и старосту Живева.“ Спустя нѣсколько дней, когда сдѣлались извѣстны результаты и другихъ выборовъ, русскій посланникъ въ донесеніи (22го мая) говоритъ что успѣхъ сеймиковъ превзошелъ его ожиданія, и хвалитъ усердіе лицъ которымъ было поручено это дѣло. „На литовскихъ сеймикахъ не было никакого русскаго отряда, ни даже русскаго штабъ-офицера; но для Польши нельзя было обойтись безъ этой мѣры предосторожности. Холмскій сеймикъ рѣшилъ отправить ко мнѣ депутацію съ просьбой о принатіи въ русское подданство. Меня увѣраютъ что на многихъ литовскихъ сеймикахъ былъ объ этомъ вопросъ.“

Количество всѣхъ пословъ выбранныхъ на сеймъ простиралось до 140. Значительная часть этихъ выборовъ пала на совѣтниковъ Тарговицкой конфедераціи и на маршаловъ мѣстныхъ конфедерацій, примыкавшихъ къ Тарговицѣ. *

Для примѣра того какъ отбывались сеймики и производились выборы на послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой, приведемъ описаніе Люблинскаго сеймика. Описаніе это заимствуемъ изъ современной варшавской газеты, слѣдовательно не будемъ забывать его нѣсколько официальнаго характера, такъ какъ польскія періодическія изданія въ то время выходили подъ строгимъ наблюденіемъ русской дипломатіи.

Урядники и обыватели Люблинскаго воеводства, въ значительномъ числѣ съѣхавшіеся на сеймикъ, въ опредѣленный часъ собрались у маршала Люблинской конфедераціи, ясновельможнаго пана Міончинскаго; а отъ него перешли въ ратушу. Здѣсь маршалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими совѣтниками конфедераціи, открылъ засѣданіе конфедерацкаго суда, и оставивъ тутъ выбранныхъ имъ совѣтниковъ, со всѣмъ собраніемъ урядниковъ и обывателей отправился въ костель отцевъ доминикановъ, гдѣ обыкновенно совершались сеймовые обряды воеводства. Земскій судья, Андрей Кожмянъ, какъ старшій изъ присутствующихъ урядниковъ, открылъ сеймикъ; въ рѣчи своей онъ обратился къ Міончинскому и просилъ его, какъ маршала конфедераціи, взять въ свои руки президентскіи

* Списокъ выбранныхъ лицъ см. въ *Korresp. Krajow. u Zagr.* 909 стр. и даѣе, и въ приложеніи къ депешѣ Суверса, отъ 22го мая (2го іюна).

жель. Тотъ не замедлилъ исполнить эту просьбу и затѣмъ началъ распорядиться выборами съ помощью совѣтниковъ конфедераціи. Требуемые шесть пословъ немедленно и единогласно выбраны (конечно, имена ихъ назначены были уже заранѣе); первымъ въ ихъ числѣ оказался самъ Міончинскій; а изъ остальныхъ трое были членами той же конфедераціи. Когда прочли посольскую инструкцію, маршалъ закончилъ сеймикъ и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ присутствующихъ, числомъ болѣе 500 человекъ. Первые тосты провозглашены за Русскую императрицу и за Польскаго короля. На другой день давался роскошный пиръ у начальника русскаго отряда генерала Милашевича. Столы были накрыты въ саду подъ наметами, украшены цвѣтами и зеленью, уставлены пирамидами изъ сахарныхъ печеній, фруктовъ и пр. Сюда собралось до 200 шляхетскихъ обывателей. Слова пили здоровье императрицы и короля при громѣ пущекъ и звукахъ военной музыки. Отличное вино въ изобиліи было предложено пирующимъ и вызывало въ нихъ неподдѣльную веселость. *

* *Korrespondent Krajow. y Zagran.* 951. Кромѣ этого оффиціальнаго описанія, мы находимъ еще нѣсколько чертъ относящихся къ тому же сеймику въ мемуарахъ Кастаня Кожмана. По его словамъ, лучшіе обыватели и урядники воеводства старались уклониться отъ присутствія на выборахъ. За отсутствіемъ воеводы, подкоморія и хоружаго, очередь открыть сеймикъ пала на его отца, земскаго судью Андрея Кожмана. Послѣдній также хотѣлъ уклониться и послалъ сына къ Міончиному съ объясненіями о своей болѣзни. Но конфедераціи маршалъ, несмотря на старое знакомство съ Кожманомъ, не призналъ никакихъ объясненій, и отвѣтилъ что судья непременно долженъ прійти, иначе онъ навѣсчитъ на себя преслѣдованіе; впрочемъ, предложилъ попытаться частіа у генерала Милашевича. На квартирѣ генерала Кожманъ-сынъ нашелъ нѣсколькихъ совѣтниковъ конфедераціи и другихъ обывателей, предлагавшихъ себя кандидатами въ сеймовые послы и слѣдовательно весьма заинтересованныхъ въ благополучномъ отбытіи сеймика. Когда онъ узналъ о дѣлѣ его прѣзда, то въ одинъ голосъ закричалъ: „Нѣтъ, его болѣзнь притворная!“ и спѣшилъ предупредить о томъ генерала. Милашевичъ зналъ лично Кожмана, и былъ человекъ мягкій, привѣтливый. Онъ выразилъ ему свое сожалѣніе; но объявилъ что почти ничего не можетъ сдѣлать для его отца, имѣя строгіе приказы отъ своего главнокомандующаго (то-есть Игельстрома), и что, побуждаемый Міончиномъ и совѣтниками конфедераціи, онъ принуж-

Какъ образцы инструкцій которыми снабжались сеймовые послы отъ своихъ избирателей, приведемъ одну изъ нихъ, составленную для пословъ Тродкаго воеводства. *

Эта инструкция начинается риторическимъ разсужденіемъ о бѣдственномъ положеніи отчизны, которая „сдѣлалась жертвою икоземныхъ замысловъ, раздирающихъ ее на части и отдѣляющихъ брата отъ брата, сыновъ отъ лона материнскаго“. Для довершенія своихъ замысловъ сосѣднія державы съ великою поспѣшностію заставляютъ созвать чрезвычайный сеймъ. Не входя въ объясненіе этихъ обстоятельствъ чтобы не умножать своей горести, обыватели надѣются что потомство отдастъ имъ справедливость и пойметъ истинныя причины приведшія отечество къ упадку. Далѣе слѣдуетъ самая инструкция, раздѣленная на 10 пунктовъ. Въ первомъ пунктѣ говорится что раздѣлы Польши необходимо должны затрогивать интересы другихъ государствъ, и что Рѣчь Посполитая напрасно упустила случай апеллировать къ европейскимъ державамъ во время перваго раздѣла; ея молчаніе было принято въ Европѣ за знакъ добровольнаго согласія. Поэтому посламы поручается хлопотать объ отправленіи полномочнаго лица къ великодушному народу Англійскому, а также о снабженіи надлежащими инструкціями резидентовъ польскихъ при другихъ европейскихъ дворахъ. Если же приговоръ Европы будетъ не въ пользу Поляковъ, то они смиряются предъ божественнымъ предопредѣленіемъ. Далѣе слѣдуютъ порученія: стараться о лучшемъ устроеніи правительства, о сохраненіи старой республиканской формы; о сокращеніи войска и числа министровъ, согласно съ уменьшеніемъ предѣловъ и доходовъ Рѣчи Посполитой; ходатайствовать предъ Русскою императрицей о вознагражденіи убытковъ причиненныхъ ея войсками и о выводѣ этихъ войскъ; также просить императрицу и короля Прусскаго о возвращеніи казенныхъ

денъ послать эскадронъ драгунъ на экзекуцію въ имѣніе земскаго судьи. Межуары прибавляютъ что генералъ предложилъ молодому человѣку поспѣшить поскорѣе къ отцу и предупредить чтобы тотъ скрылся на время изъ своего имѣнія. Причемъ Милашевичъ выразилъ крайнее негодованіе противъ Тарговичанъ и будто бы сказалъ: „Во мнѣ течетъ польская кровь, и мнѣ больно видѣть столько осатѣленія и подаости.“ Земскій судья, впрочемъ, не воспользовался снисходительностію генерала.

* Рукописный документъ изъ библіотеки Красинскихъ въ Варшавѣ.

касъ въ провинціяхъ ими забранныхъ; хлопотать о возстановленіи прежнихъ трибуналовъ и судейскихъ привилегій; о пересмотрѣ постановленій (записки) генеральной конфедерации и утвержденіи тѣхъ изъ нихъ, которыя должны быть обращены въ постоянный законъ. Если иностранныя державы заставятъ просто возобновить конституцію 1775 года, то послы пусть стараются по крайней мѣрѣ лишить постоянный совѣтъ исполнительной власти и права толковать законы. Наконецъ, избиратели поручаютъ посламъ никоимъ образомъ не соглашаться чтобы долги короля были отнесены на счетъ государственной казны. Итакъ, инструкция, какъ мы видимъ, была составлена подъ полнымъ вліяніемъ русской партіи, то-есть партіи Коссаковскихъ, и въ сущности заранее соглашалась на главныя требованія русской дипломатіи. Она позволяетъ себѣ только тихія жалобы и скромную аппелляцію къ потомству и къ иностраннымъ державамъ.

10го мая внезапная смерть похитила Михаила Никитича Кречетникова, которому поручено было устройство вновь приобретенныхъ отъ Польши провинцій. За нѣсколько дней до смерти онъ былъ пожалованъ за свои труды графомъ; но курьеръ съ указомъ не нашелъ уже его въ живыхъ. Онъ былъ старый сослуживецъ и пріятель Сиверса, и послѣдній въ своихъ письмахъ къ разнымъ особамъ выражаетъ глубокое сожалѣніе объ этой потерѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его сильно интересуеетъ вопросъ кто будетъ преемникомъ Кречетникова. Старшій послѣ него по командѣ генералъ Дерфельденъ принялъ на время начальство въ западномъ краѣ. Извѣщая посланника о состояніи дѣлъ въ томъ краѣ, онъ прибавляетъ что всѣ, кто знаетъ Сиверса, желаютъ его видѣть преемникомъ Кречетникова. Кромѣ того ходила слухи о назначеніи туда Игельштрома, или князя Репнина, или Тутолмина. Самъ Репнинъ въ письмѣ къ своему пріятелю Сиверсу указываетъ на эти слухи, но не считаетъ ихъ серьезными, и выражаетъ надежду что Сиверсу, по окончаніи его порученія въ Польшѣ, будетъ ввѣрено устройство западнаго края. Въ одномъ донесеніи императрицѣ, отъ 14го мая, Яковъ Еюимовичъ прямо говоритъ что предложилъ бы себя на мѣсто Кречетникова, еслибъ имѣлъ тѣ же лѣта и тѣ же силы которыми владѣлъ въ эпоху своего тверскаго намѣстничества. Онъ повторяетъ слухи объ Игельштромѣ, Репнинѣ и

Туголминъ, и прибавляетъ: „Но, ради Бога, никого въ родѣ Пассека *, Потемкина или Каховскаго. А для одного изъ праздныхъ мѣстъ соблаговодите вспомнить одостоинномъ губернаторѣ несносной Финляндіи, если ваше величество не берегаете его для завоеванія всей этой страны.“ Этотъ достойный губернаторъ былъ не кто иной какъ зять Сиверса, то-есть мужъ его старшей дочери, генералъ Гюнцель. Въ письмѣ къ Зубову, отъ того же числа, Сиверсъ еще откровеннѣе высказываетъ свое задушевное желаніе: занять мѣсто князя Репнина, то-есть получить въ управленіе родныя себѣ балтійскія провинціи. По поводу вопроса о преемникѣ Кречетникова, онъ говоритъ: „Если это князь Репнинъ, я сожалѣю о Ливоніи, которую вы бы утѣшили, графъ, сохранивъ ее для меня; первый генералъ-губернаторъ тверской не былъ бы тѣмъ недоволенъ. Если это Игельстромъ, то не посылайте мнѣ ребенка за генералъ-аншефа; лучше еще другаго генералъ-поручика, такъ чтобъ отдѣльные корпуса были сосредоточены въ моемъ распоряженіи.“ ** Но всѣ эти предположенія разрѣшились тѣмъ что преемникомъ Кречетникову былъ назначенъ олонекій и архангельскій генералъ-губернаторъ Туголминъ.

Въ одно время съ приготовлениями къ сейму русскій посланникъ трудился еще надъ другою задачей: пересмотрѣть и исправить главныя статьи польскаго государственнаго устройства, такъ чтобы предстоящему сейму оставалось только прочесть ихъ и утвердить. Основною для этой работы должна была послужить конституція 1775 года. Въ майскихъ донесеніяхъ своему двору Сиверсъ представляетъ проекты отдѣльныхъ частей, по мѣрѣ ихъ изготвленія. Сначала были изготовлены раста сопвента и основныя законы. По замѣчанію посла, почти вся черновая работа надъ пересмотромъ

* Блаумъ, III, 248: „nur kein Pappe (?), noch ein Potemkin, oder ein Kaschowski.“ Мы думаемъ что има мерзобранное Блаумомъ и отмѣченное имъ знакомъ вопроса, есть Пассекъ, извѣстный генералъ-губернаторъ бѣлорусскій.

** И въ этомъ письмѣ есть та же прибавка о зятѣ, показывающая (вопреки увѣреніямъ Блаума) что Сиверсъ не былъ чуждъ заискиваній у Зубова въ пользу свою и своихъ родотвенниковъ. „Для моего зата соблаговодите какое-нибудь губернаторское мѣсто намѣ; онъ не пойдетъ ни на сѣверъ, ни въ глубь; а ручаюсь вамъ за его доотомства.“ (Архивъ мин. иностр. дѣлъ.)

польской конституціи принадлежитъ двумъ графамъ, Рачинскому и Мошинскому. Онъ обращался за совѣтами и къ епископу Коссаковскому; но тотъ отказался дѣлать свои замѣтки, потому что желалъ быть не второстепеннымъ, а главнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ. Проекты отдѣльныхъ статей конституціи сообщались королю; его живое къ нимъ участіе и замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ, заставляли догадываться что намѣреніе отречься отъ престола было далеко неискренно.

■ Когда работа дошла до организаціи сеймовъ, посланникъ предложилъ на рѣшеніе императрицы слѣдующіе вопросы. Срокъ между сеймами, вмѣсто двухъ лѣтъ, не увеличить ли до четырехъ? Мѣстомъ сейма должны ли быть непременно Варшава и Гродно? Съ одной стороны онъ приводитъ соображенія въ пользу Гродна: надобно вознаградить Литву, такъ какъ столицею государства Варшава; притомъ въ Варшавѣ сеймъ болѣе подверженъ вліянію двора и партій, а Литва всегда была предана Россіи и ею легче руководить. Но съ другой стороны, Гродно ближе къ провинціямъ отошедшимъ къ Россіи, и гродненскій сеймъ, пожалуй, будетъ напоминать жителямъ этихъ провинцій объ ихъ прежнемъ соединеніи съ Польшей. Впрочемъ чрезвычайные сеймы, по мнѣнію Сиверса, должны быть созываемы постоянно въ Гродно. Въ сеймовыя засѣданія предполагалось ввести существенную перемену: отправлять ихъ при закрытыхъ дверяхъ, чѣмъ предупреждались беспорядки и смуты производимыя арбитрами (то-есть публикой). Самая важная реформа относилась къ сейму избирательному. Вмѣсто собранія въ полѣ подъ открытымъ небомъ, и вмѣсто общаго права шляхты участвовать въ избраніи королей,—права, конечно, воображаемаго, потому что мелкая шляхта была при этомъ только орудіемъ въ рукахъ аристократическихъ фамилій,—предполагалось созывать сеймъ изъ представителей, но въ количествѣ втрое большемъ противъ обыкновеннаго сейма. Для русскаго посланника, безспорно, будетъ легче руководить такимъ собраніемъ чѣмъ беспорядочною толпою которую до сихъ поръ представляли избирательные сеймы.

Потомъ слѣдовали проекты о сеймикахъ, о постоянномъ совѣтѣ, судебныхъ учрежденіяхъ, о количествѣ войска, общественномъ воспитаніи, о финансовой части и средствахъ погасить долги короля, и пр. Мы только слегка касаемся работы надъ новою польскою конституціей, такъ какъ

дальнѣйшія событія помѣшали ея осуществленію. Но для насъ знаменательны слѣдующія слова Сиверса въ одномъ изъ его донесеній по поводу этихъ работъ: „Я смотрю въ будущее. Потомукъ моей повелительницы будетъ нѣкогда государемъ и осчастливить ту страну въ которой говорятъ по-польски, не домогаясь другой ея части, гдѣ уже забудутъ этотъ языкъ.“ Мы не знаемъ, были ли эти слова (относившіяся, конечно, къ великому князю Константину) выраженіемъ личнаго усердія Сиверса, который думалъ въ данномъ случаѣ идти навстрѣчу желаніямъ императрицы, или они почерпнуты изъ интимныхъ разговоровъ съ ней въ Петербургѣ? Со стороны Екатерины мы видимъ только заботу о томъ чтобы на будущее время обезпечить наше преобладаніе въ Польшѣ и устранить отъ нея вліяніе прочихъ сосѣднихъ державъ. Эта сторона ея политики выясняется нѣсколько изъ дальнѣйшихъ инструкцій русскому посланнику.

Вотъ что говорится въ рескриптѣ къ нему отъ 24го мая: „Усмотрѣвъ съ удовольствіемъ изъ вашихъ донесеній что дѣло вамъ довѣренное достигло той поры когда намъ остается утвердить и запечатлѣть торжественнымъ между нами и республикою Польскою договоромъ, мы повелѣваемъ составить проектъ таковаго трактата и препроводить его къ вамъ съ надеждамиъ полномочіемъ. Въ опредѣленіи статей его сообразовались мы съ тѣми кои поставлены въ трактатѣ 1773 года по случаю присоединенія Бѣлоруссіи. Вновь вносимыя нынѣ постановленія не могутъ не вограться Полякамъ: мы отдаемъ на ихъ волю учредить и основать по ихъ усмотрѣнію образъ внутреннего управленія, а также политическихъ и торговыхъ отношеній къ сосѣднимъ державамъ. На собирающемся сеймѣ не нужно будетъ заниматься никакимъ другимъ дѣломъ кромѣ послѣдшаго окончанія извѣстныхъ нашего и Берлинскаго дворовъ притязаній. Поэтому, какъ скоро сеймъ соберется, требуйте чтобы немедленно назначена была обыкновенная делегація для вступленія съ вами въ переговоры. На оныхъ старайтесь удержать сподна всѣ статьи, въ нашемъ проектѣ предписанныя, и по благополучномъ совершеніи негоціаціи, вамъ порученной, допустите къ такой же и прусскаго министра, подавая и отъ него заимствуя всякое пособіе къ скорѣйшему и полезнѣйшему окончанію общихъ вашихъ дѣлъ. А когда достигнете, то сеймъ или вовсе распустишь и созвать новый, или отсро-

чить на нѣкоторое время, дабы при вторичномъ собраніи онаго головы, нѣсколько успокоенныя отъ хлопотъ и огорченій, каковыя они естественнымъ образомъ должны претерпѣть по причинѣ потерь и жертвъ, отъ нихъ вынужденныхъ, успѣли осмотрѣться въ ихъ новомъ положеніи.“

Далѣе предписывается послу чтобъ онъ относительно сейма и делегаціи держался примѣра 1773 года, а также и въ случаѣ какихъ-либо затрудненій съ прусскимъ министромъ. Содержаніе этой инструкціи предполагается сообщить Берлинскому двору для того чтобъ онъ послалъ своему министру соответственныя предписанія, а между тѣмъ Сиверсъ долженъ былъ, подъ видомъ дружеской откровенности, извѣстить о ней своего прусскаго товарища.

Въ слѣдующемъ рескриптѣ (отъ 26го мая) императрица уже прямо указываетъ мотивы по которымъ она рѣшила чтобъ договоръ республики съ двумя державами объ уступкѣ провинцій былъ веденъ отдѣльно отъ вопроса о новой конституціи и о будущихъ отношеніяхъ Польши къ сосѣдямъ. „Эти мотивы, говоритъ рескриптъ, вы могли понять отчасти уже изъ полученныхъ вами, при отъѣздѣ инструкцій. Но съ тѣхъ поръ я съ разныхъ сторонъ слышала опасенія Поляковъ что слабость и ничтожество, въ которыя впадетъ Польша вслѣдствіе новаго раздѣла, не позволятъ уже ей существовать въ качествѣ независимаго государства. Отсюда почти единодушное желаніе послѣдовать судьбѣ тѣхъ которые вступаютъ подъ мое владѣніе. Но я не могу слушать ихъ голоса, не возбудивъ ревности сосѣднихъ державъ и не навлекши на себя множество затрудненій. Тѣсный союзъ между двумя націями нельзя заключить, не подчинивъ одну другой.“ „Берлинскій дворъ хотѣлъ бы или раздѣлать мои виды относительно Поляковъ, или открыть себѣ новыя преимущества; ни то, ни другое не входитъ, конечно, въ мои планы. Я стараюсь устранить Пруссаковъ и поставить ихъ внѣ игры, какъ скоро они устроятъ и опредѣлятъ условія ихъ пріобрѣтеній.“ Далѣе Сиверсу предоставляется на выборъ: продолжить тотъ же сеймъ, или распустить его послѣ формальной уступки провинцій и потомъ созвать опять для утверженія новой конституціи. При этомъ второмъ собраніи русскій посолъ долженъ такъ расположить умы чтобы договоръ о союзѣ съ Россіей былъ добровольно предложенъ самими Поляками, и въ томъ именно видѣ въ какомъ онъ одобренъ

императрицей. Промежутокъ между распущеніемъ и новымъ собраніемъ сейма полагается въ 6—8 недель, и имъ нужно воспользоваться для устройства „нашихъ“ дѣлъ съ республикой, пока наша сосѣдка Пруссія будетъ занята на Рейнѣ. Для текущихъ занятій въ этотъ промежутокъ должны служить постоянный советъ и еще какое-нибудь другое правительственное учрежденіе. О намѣреніи короля отречься отъ престола, рескриптъ замѣчаетъ: „Минуту онъ выбралъ для того самую неудобную. Надобно чтобъ онъ удержалъ бразды правленія до тѣхъ поръ пока государство выйдетъ изъ настоящаго кризиса. Вы ему сообщите что только подъ этимъ условіемъ я позабочусь устроить его судьбу такъ чтобъ онъ былъ счастливъ въ удаленіи о которомъ мечтаетъ.“

Однимъ изъ вопросовъ наиболѣе закижавшихъ русскаго посланника былъ вопросъ о томъ что дѣлать съ излишкомъ польскаго войска. Часть этого войска, находившаяся въ провинціяхъ отошедшихъ къ Россіи, дала присягу на русское подданство и пошла на пополненіе нашихъ полковъ. Но такъ какъ Польская республика въ новомъ своемъ видѣ, по соображеніямъ посла, не можетъ содержать болѣе 16.000 арміи, то оставалось еще пристроить излишекъ болѣе чѣмъ въ 20.000 человекъ. Сиверсъ предлагаетъ императрицѣ весь этотъ излишекъ принять въ русскую службу, а республику вознаграждать переводомъ на себя части ея голландскаго долга. Съ одной стороны надобно было предупредить Австрійцевъ и Пруссаковъ, которые воспользуются случаемъ завербовать къ себѣ эти лишнія войска; а съ другой, немедленное ихъ распущеніе угрожало бы спокойствію и безопасности населенія. Императрица на первое время согласилась съ мнѣніемъ Сиверса, и поручила ему потребовать отъ сейма чтобы по этому предмету назначена была особая коммиссія, съ преданными Россіи лицами во главѣ. Но окончательное свое рѣшеніе она предполагала сообщить послѣ; а пока русскій посолъ долженъ былъ удерживать польскія войска на прежней ногѣ и не допускать чтобъ ихъ завербовали Пруссаки или Австрійцы.

Приведенные нами рескрипты, опредѣлявшіе общими мѣстами направленіе русской политики, очевидно не удовлетворяли нашего посланника. Въ донесеніяхъ его, адресованныхъ на имя графа Зубова, мы встречаемъ дѣльный рядъ жалобъ на недостатокъ болѣе подробныхъ и точныхъ инструкцій въ

виду наступающаго сейма. На готовые уже проекты главныхъ статей польской конституціи онъ совѣтъ почти не получалъ отвѣта. Въ то же время онъ предлагалъ на разрѣшеніе Петербургскаго двора еще нѣсколько важныхъ затрудненій. Кромѣ неувѣренности что дѣлать съ польскимъ войскомъ, возникъ еще вопросъ что дѣлать съ Пруссаками, которые переступили демаркаціонную линію, установленную договоромъ о раздѣлѣ, и захватили нѣсколько лишнихъ пунктовъ, такъ что ихъ новыя границы подходили почти къ самой Варшавѣ. Далѣе представлялся вопросъ о левнѣйшей зависимости Курляндіи, которую, по мнѣнію Сиверса, за известную сумму можно было бы перевести съ Польши на Россію. Наконецъ посланникъ спрашивалъ какою именно нотой онъ долженъ открыть предстоящій сеймъ. Но на всѣ эти вопросы получались пока общія, неопредѣленные наставленія. Рядомъ съ жалобами на недостатокъ ясныхъ инструкцій идутъ попрежнему сѣтованія на неисправную доставку денегъ. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на ослѣпавшее положеніе своего прусскаго товарища, который въ изобиліи снабженъ отъ его двора и деньгами, и инструкціями. Сиверсъ признается (въ депешѣ отъ 22го мая), что еслибы не половина доставляемая Бухгольцемъ для общихъ расходовъ, то онъ не имѣлъ бы чѣмъ существовать и чѣмъ снаряжать сторонниковъ Россіи на сеймъ. Кромѣ денегъ, посланникъ долженъ былъ прибѣгать и къ другимъ приманкамъ для этихъ сторонниковъ, то-есть къ обѣщаніямъ орденовъ, должностей, имѣній и т. п. Но онъ боится рисковать такими обѣщаніями, не имѣя на то необходимыхъ полномочій. Онъ боится что придворная партія замѣтитъ его затруднительное положеніе и потеряетъ къ нему всякое довѣріе.

Какъ на источникъ своихъ затрудненій Сиверсъ намекаетъ на интриги неприязненной ему при дворѣ партіи, которая, помимо посла, вступила въ непосредственныя сношенія съ вождями Литовской конфедераціи, то-есть съ Коссаковскими. Это обстоятельство, можетъ-быть, имѣло свою долю вліянія. Но настоящія причины сдержанности и нѣкотораго колебанія въ инструкціяхъ императрицы надобно искать во внѣшнихъ отношеніяхъ того времени. На Рейнѣ все еще длилась борьба Австро-Пруссаковъ съ Французами, не принимая рѣшительнаго оборота ни въ ту, ни въ другую сторону.

Существовало опасеніе что Австрійцы, убѣдясь въ трудности выполнить свой планъ обмѣна Бельгіи на Баварію, потребуютъ себѣ доли въ новомъ раздѣлѣ Польши, тогда какъ ни Россія, ни Пруссія не желали допустить ихъ къ участию въ этомъ раздѣлѣ. Прусскій король, также какъ и германскій императоръ, долженъ былъ сосредоточивать свои главныя силы на Рейнѣ, и Екатерина, тщательно наблюдавшая за ходомъ борьбы, выжидала наиболее удобной минуты для того чтобы рѣшительнѣе выступить со своими видами на Польшу.

Между тѣмъ антипатіи возникшія между Сиверсомъ и вождями русской партіи въ Литвѣ, Коссаковскими, продолжали увеличиваться. Епископъ Ливонскій богатыми подарками и лестью сумѣлъ приобрести расположеніе Зубова и его наперсника Альтести. Какой-то подаренный имъ дорогой алмазъ возбудилъ тогда большіе толки въ Петербургѣ. Приказанія императрицы совѣтоваться въ важныхъ дѣлахъ съ епископомъ до того волновали Сиверса что одно время онъ едва не послалъ просьбу объ увольненіи, и въ заграничныхъ газетахъ пущенъ былъ слухъ что онъ будетъ замѣненъ Морковымъ. Игельштромъ, какъ мы знаемъ, въ этомъ случаѣ держался стороны сильнѣйшей, то-есть Зубова и Коссаковскаго. Интересны его сужденія о послѣднихъ въ письмѣ къ Сиверсу, который спрашивалъ о причинахъ внезапнаго отъѣзда генерала Коссаковскаго изъ Гродна въ Варшаву. Игельштромъ отвѣчаетъ что подлинныя причины ему неизвѣстны; но что, можетъ-быть, генералу нечего дѣлать въ Гроднѣ, и онъ пожелалъ удалиться съ глазъ посланника, пока послѣдній не сдѣлается къ нему благосклоннѣе; а предлогомъ къ отъѣзду послужило переформированіе полковъ.

„Позвольте мнѣ, продолжаетъ Игельштромъ, говорить съ вами откровенно, какъ съ другомъ. Въ нашемъ послѣднемъ письмѣ я нахожу о Коссаковскихъ выраженія которыя меня удивляютъ. Эти господа окончили всѣ сеймики (въ Литвѣ) безъ войскъ, безъ денегъ и безъ надзора. Какъ же имъ не пользоваться вашимъ довѣріемъ? Они устранили Валевскаго, они усердно дѣлаютъ все что вы хотите. Но что они и друзья ихъ желаютъ устроиться на счетъ республики, такъ это очень естественно, и имъ позавидуютъ только тѣ которые уже сдѣлали то же самое. Король и вся его фамилія дѣлали то же во время своего управленія при всѣхъ конфедераціяхъ. Напримѣръ, они ограбили графа Брюля. Братъ короля,

оберъ-камергеръ, взявъ у Броя староство Цинское съ 30.000 дукатовъ ежегоднаго дохода; остальные его староства захвачены тою же фамиліей. При первомъ раздѣлѣ Польши они взяли четыре староства, изъ которыхъ каждое приносить по крайней мѣрѣ 12.000 дукатовъ въ годъ. Теперь король хочетъ чтобы уплатили его 30.000.000 долгу, и при всемъ томъ онъ дѣйствуетъ противъ насъ, тогда какъ Коссаковскіе всегда будутъ съ нами. Все это собственно до меня не касается; но я вступаю какъ вашъ другъ, и увѣренъ что вы никогда будете мнѣ за то благодарны.“

Итакъ вотъ главный источникъ возникшей антипатіи. Коссаковскіе успѣли воспользоваться обстоятельствами чтобы всеми способами обогащать себя, своихъ многочисленныхъ родственниковъ и кліентовъ на счетъ казенныхъ и частныхъ имуществъ; а Сиверсъ счелъ своимъ долгомъ положить предѣлы ихъ грабежу. Но борьба съ Коссаковскими была не легка. Игелъштромъ мѣтко указалъ на ихъ заслуги. Они слишкомъ доказали свою преданность и усердіе къ Россіи чтобы императрица пожертвовала ими для Сиверса. Они обезпечивали за нами содѣйствіе почти всѣхъ сеймовыхъ пословъ отъ великаго княжества Литовскаго. Мы видѣли что, по слухамъ, даже многіе избирательные сеймики въ Литвѣ заявили о своей готовности перейти въ русское подданство. Не знаемъ на сколько эти извѣстія были справедливы и насколько было искренности въ подобныхъ заявленіяхъ. Императрица избѣгала до времени всякихъ поводовъ возбуждать зависть соседнихъ державъ, а также раздоръ между Поляками и Литовцами на предстоящемъ сеймѣ. Она велѣла только поблагодарить Холмцевъ за ихъ преданность, и поручила посланнику не давать пока хода подобнымъ заявленіямъ.

Какъ велико было значеніе Коссаковскихъ въ то время, и до какой степени простиралась ихъ изворотливость, яснѣе всего обнаружилось въ вопросѣ о распущеніи Тарговицкой конфедераціи.

Сиверсъ представлялъ императрицѣ что неудобно было бы продолжать существованіе этой конфедераціи рядомъ съ сеймомъ: Тарговица не пользовалась расположеніемъ Поляковъ, и сохраненіе ея могло вредно вліять на состояніе умовъ во время сейма. Екатерина соглашалась съ этимъ мнѣніемъ, и поручила только наблюдать чтобы будущій сеймъ не причинилъ конфедераціи никакого униженія; ибо мы ответственны

вашу честь поставляемъ въ предохраненіе отъ всякихъ обидъ и притѣсненій людей намъ столь явно усердствующихъ“, говорилось въ рескриптѣ 24го мая. Но предъ самымъ открытіемъ сейма, когда посланникъ готовился уже распустить конфедерацию, онъ получилъ упомянутый нами выше рескриптъ 26го мая. Въ этомъ рескриптѣ говорилось что въ промежутокъ между двумя сессіями для текущихъ дѣлъ могутъ служить постоянный совѣтъ и еще другое правительственное учрежденіе (autorité). Это неопредѣленное выраженіе Сиверсъ истолковалъ такъ что подъ другимъ учрежденіемъ тутъ разумѣется именно Тарговицкая конфедерация, и приостановился съ ея распущеніемъ. Чтобы оградить себя отъ упрековъ на случай будущихъ затрудненій, онъ не преминулъ въ своихъ депешахъ снова указать на обстоятельства которыя могутъ вредно подѣйствовать на расположеніе умовъ, и тутъ на первомъ мѣстѣ поставилъ сохраненіе Тарговицкой конфедерации, а за тѣмъ привелъ неопредѣленное положеніе вопроса о польскомъ войскѣ, также связаннаго съ нимъ вопроса о долгахъ республики и неуплатѣ контрибуцій по забраннымъ у жителей припасамъ для русскаго войска.

Въ отвѣтъ на эти представленія, въ рескриптѣ 15го іюня, императрица снова соглашается съ мнѣніемъ посланника о неудобствахъ сохранять Тарговицу рядомъ съ сеймомъ, и говоритъ что онъ навѣрно повялъ ея рескриптѣ отъ 26го мая: подъ словомъ другое учрежденіе разумѣлась не Тарговицкая конфедерация, а другія власти установленныя конституціей 1775 года. Императрица поручаетъ немедленно распустить генеральную конфедерацию и всѣ связанныя съ нею частныя конфедерации. Казалось бы, послѣ такого яснаго, положительнаго рѣшенія не могло уже быть вопроса о продолженіи Тарговицы, и Сиверсъ постыжнито привести въ исполненіе тотъ приговоръ котораго онъ самъ такъ усердно добивался. Однако этого не случилось. Посланникъ взявъ на свой страхъ отложить исполненіе приговора на неопредѣленное время, и дозволивъ конфедерации существовать рядомъ съ сеймомъ. Онъ только сократилъ кругъ ея дѣятельности, и оставилъ за ней значеніе высшаго судебного мѣста въ республикѣ. Въ тѣхъ донесеніяхъ его, которыми мы пользовались, не встрѣчаемъ прямого объясненія причинъ такому обороту дѣла, и можемъ только о нихъ догадываться.

Въ вопросѣ о сохраненіи или распущеніи Тарговицы, конечно, никто не былъ такъ заинтересованъ какъ братья Коссаковскіе. Въ ихъ распоряженіи находилась ея литовскій отдѣлъ, а посредствомъ него ихъ власть распространялась на цѣлую Литву. Мы знаемъ какимъ образомъ она воспользовалась этою властію. Съ распущеніемъ Тарговицы, конечно, прекращалась и возможность производить дальнѣйшія экономическія операціи. Но еще опаснѣе представлялось имъ то обстоятельство что, какъ только конфедерація будетъ распущена, тотчасъ обнаружится вся ея непопулярность въ польскомъ обществѣ, посыпятся иски и апелляціи отъ людей ею обиженныхъ и ограбленныхъ, и сеймъ, уступая напору общественнаго чувства, по всей вѣроятности начнетъ пересуждать ея декреты и пересматривать ея судебныя рѣшенія. Тогда родственникамъ и друзьямъ Коссаковскихъ придется, пожалуй, или со стыдомъ возвращать назадъ имѣнія, староства, должности и т. п., или по крайней мѣрѣ подвергаться большому безпокойству. Въ виду такихъ обстоятельствъ Коссаковскіе, безъ сомнѣнія, пустили въ ходъ всѣ пружины чтобы выиграть время и продлить существованіе генеральной конфедераціи. У посланника явилась мысль что Тарговицу надобно пока сохранить: на случай какого-нибудь неожиданнаго сопротивленія со стороны сейма или его внезапнаго разрыва, у насъ подъ рукою, думалъ онъ, будетъ авторитетъ, который мы снова можемъ выдвинуть на сцену чтобы дѣйствовать его именемъ и такимъ образомъ соблюсти тѣмъ законности. Конечно, эта мысль была подсказана посланнику самимъ епископомъ Коссаковскимъ, и подсказана весьма кстати: когда пришелъ въ Гродно рескриптъ 15го іюня, сеймъ уже былъ открытъ, сеймовая оппозиція уже успѣла заявить себя, и Сиверсъ убѣдился что руководить имъ будетъ не такъ легко какъ онъ думалъ. Епископъ, вѣроятно, не упустилъ внушить и то что вліяніе его на литовскихъ пословъ обуславливается прежде всего его положеніемъ въ генеральной конфедераціи, и что безъ этого условія онъ не ручается за ихъ повиновеніе. Какъ бы то ни было, посланникъ уступилъ этимъ внушеніямъ; въ виду начавшихся затрудненій съ сеймомъ, для него было важно обезпечить за собой содѣйствіе такого вліятельнаго лица и такого искуснаго дипломата какимъ былъ епископъ Ливонскій. Притомъ фамилія Коссаковскихъ была сильна покровитель-

ствомъ Зубова. Самая неопредѣленность упомянутого выраженія въ рескриптѣ 26го мая, можетъ-быть, скрывала за собой какое-либо колебаніе въ данномъ вопросѣ. По крайней мѣрѣ мы не видимъ потому что-бы императрица выражала какое-либо неудовольствіе за неисполненіе ея порученія со-общеннаго въ рескриптѣ 15го іюня.*

Что касается до предположенія Екатерины отсрочить сеймовыя засѣданія послѣ утвержденія договора объ уступкѣ земель, посланникъ высказался противъ этой отсрочки. По его словамъ, польскіе послы предпочтутъ продленіе сейма, потому что большая ихъ часть на время сессіи получаетъ содержаніе отъ русскаго посланника; Литовцы также охотнѣе пробудутъ въ Гроднѣ нѣсколько лишнихъ недѣль чѣмъ поѣдутъ домой съ тѣмъ чтобъ опять возвратиться. Притомъ вѣсть съ договоромъ объ уступкѣ надобно было сдѣлать договоромъ о союзѣ и торговлѣ, а также изданіемъ новой конституціи, прежде нежели Пруссакъ и Австрійцы примутъ свои мѣры противъ русскаго преобладанія въ Польшѣ.

V.

Сеймовый маршалъ.—Открытіе сейма.—Начало оппозиціи.—Арбитры.—Вопросъ о делегаціи.

Съ приближеніемъ сейма городъ принималъ все болѣе и болѣе оживленный видъ: послы мало-по-малу съѣзжались сюда со всѣхъ концовъ Польши и Литвы. Сиверсу, при его болѣзняхъ и дѣлахъ, очень не легко было справиться со множествомъ разнаго рода вопросовъ и въ то же время заботиться о помѣщеніи, содержаніи и угощеніи значительнаго

* Наши соображенія въ этомъ случаѣ подтверждаются слѣдующими данными. Въ послѣдствіи Сиверсъ самъ сознавался что онъ сдѣлалъ ошибку, уступивъ внушеніямъ Коссаковскихъ и позволить конфедераціи такъ долго существовать рядомъ съ сеймомъ (Blum, 434). По поводу бурныхъ оцѣнокъ возникшихъ при открытіи сейма, Сиверсъ въ письмѣ къ императрицѣ прямо говоритъ что Коссаковскіе напередъ предвидѣли возможный разрывъ сейма и новое оживленіе конфедераціи (Blum, 276). Можетъ-быть и самая оппозиція, заявившая себя при началѣ сейма, не обошлась безъ тайнаго участія епископа, желавшаго нагляднымъ образомъ показать что конфедерація еще можетъ понадеяться.

количества сеймовыхъ пословъ. Такъ какъ недѣла было принимать ихъ всѣхъ за-разъ, то онъ завелъ очередные обѣды на 60 человекъ. „Эти обѣды—пашеть онъ дочери—меня обременяють. Подумай! На каждыя два дня по одному обѣду въ 60 приборовъ и съ пьяницами, которыхъ я даже незнаю.“ Въ другомъ письмѣ Яковъ Бѣимовичъ, какъ любитель всего изящнаго, съ удовольствіемъ сообщаетъ что онъ былъ въ одномъ собраніи, гдѣ нѣкая графиня Камела превосходно пѣла италіянскія арии; что состоящій при посольствѣ графъ Морелли также поеть очень пріятно и играетъ на гитарѣ, а иногда они поють вмѣстѣ.

Дней за пять до открытія сейма, въ Гродно прибыли изъ Бѣлостока король со своею сестрой, пани Краковской, и съ двумя племянницами (Мяшлекъ и Тышкевичъ). Около того же времени иностранные министры также покинули Варшаву и собрались въ Гродно, именно: панскій нунцій (Самуццо), повѣренные англійскій (Гарднеръ), шведскій (Толь) и голландскій (Кригсгеймъ).

Русскому послу предстояло еще рѣшить важный вопросъ о томъ кто будетъ руководить засѣданіями сейма, то-есть кого выбрать въ сеймовые маршалы? Предположенія свои на этотъ счетъ онъ изложилъ въ депешѣ отъ 22го мая (2го іюня): „Для Литвы я думаю выбрать вице-маршала настоящей конфедерации литовской Забѣлло, генераль-поручика и великаго ловчаго, который отличился усердіемъ и преданностью къ Россіи. Для Польши еще не рѣшилъ; ожидаю возвращенія графа Ожаровскаго изъ Краковскаго воеводства. Еслибъ я его убѣдилъ принять маршальскій жезлъ, то былъ бы увѣренъ въ успѣхѣ, благодаря его талантамъ и усердію. Но этотъ жезлъ сдѣлался губеленъ для князя Понинскаго, и судьба его ихъ устрашаетъ. * Если не удастся побѣдить его щекотливость, то первымъ послѣ него стоитъ у меня въ спискѣ графъ Бѣлинскій, великій коронный нотарій, человекъ испытанныхъ талантовъ и усердія, но, расточивъ свое имѣніе, онъ не пользуется общественнымъ уваженіемъ. Второй за нимъ слѣдуетъ графъ Анквичъ, бывшій посломъ въ Даніи во время революціи, человекъ разорившійся; но я

* Адамъ Поминскій, великій коронный подекарбій и маршалъ на сеймѣ 1773—1775 гг., на которомъ утверждень былъ первый раздѣлъ Польши. Четырехлѣтній сеймъ арестовалъ его, подвергъ суду и лишилъ всѣхъ его достоинствъ.

ручаюсь за его преданность, если кто-нибудь не заплатитъ ему болѣе мена. Третьимъ стоитъ графъ Мюнчинскій, точно также разорившійся, но всегда вѣрный своимъ добрымъ принципамъ относительно Россіи. Последнимъ и послѣ Ожаровскаго болѣе надежнымъ былъ бы вице-маршалъ конфедераціи Пулавскій; но ему не достасть таланта чтобы руководить сборищемъ во 140 человекъ.* Итакъ, по истинѣ неутѣшительный выборъ предстоялъ нашему посланнику, когда пришлось обезпечить за нами важный постъ сеймоваго маршала: спасокъ его зажимаютъ картежные игроки и шулера въ родѣ Бѣлавскаго и Мюнчинскаго, или такіе продажные люди какъ Анквичъ, или такое ничтожество какъ Пулавскій (младшій членъ той семьи которая отличилась во времена Барской конфедераціи). *

* Объ одномъ изъ приведенныхъ лицъ, именно о Мюнчинскомъ, кромѣ мемуаровъ Кожмана, мы находимъ еще слѣдующія подробности въ запискахъ Михаловскаго (п. 16): „Въ картахъ онъ былъ геніальнымъ шулеромъ; а что удивительно и даже неправдоподобно, каждому, кто садился съ нимъ, напередъ говорилъ что обыграетъ его, но нѣмъ никакого отъ игры не оставалось.“ Епископъ виланскій, князь Масальскій, также любившій веселую жизнь и карты, однажды обыгранный Мюнчинскимъ, далъ слово никогда съ нимъ болѣе не играть. Годъ чрезъ два послѣ того, епископъ, во время своего путешествія въ Римъ, остановился въ Венеціи, и въ одной кофейнѣ былъ увлеченъ въ игру какимъ-то Армяниномъ, который металъ банкъ фараона. Проигравъ тысячу сто злотыхъ, епископъ, печальный, собирался уйти, какъ вдругъ мнимый Армянинъ сдернулъ съ себя парикъ и бороду, и явившійся на мѣсто его Мюнчинскій оказалъ: „А вотъ ваша княжеская милость не сдержала своего слова!“ Онъ часто занималъ деньги у друзей и никогда не платилъ долговъ; но за то еще чаще раздавалъ ихъ, и никогда не спрашивалъ обратно. Онъ выигралъ огромныя суммы въ Польшѣ и за границей; а подъ конецъ жизни существовалъ только небольшою русскою пенсіей (*Male parta idzie do szarta*, замѣчаетъ Михаловскій). Этотъ глубоко испорченный, но даровитый человекъ, во всю свою жизнь не прочелъ ни одной книжки; но такъ умѣлъ занять своею бесѣдой и такъ остроумно спорилъ что начитанные люди отступали предъ нимъ на задній планъ. При всей его безавраственности, но замѣчательно тѣхъ же записокъ, не было человека который пользовался бы болѣею популярностью между шляхтой. Такая популярность, конечно, бросаетъ яркій свѣтъ и на самое шляхетское общество того времени.

Окончательное свое рѣшеніе по этому вопросу Сиверсъ сообщаетъ въ депешѣ отъ 4го (15го) іюня. „Послѣ моихъ разговоровъ съ Ожаровскимъ о маршальскомъ желаніи, который онъ цѣнитъ слишкомъ дорого, я рѣшилъ въ пользу Бѣлинскаго, посла отъ Варшавы. Онъ краснорѣчивъ, уменъ, провицателенъ, постоянно былъ преданъ Россіи, ненавидитъ короля и дворъ, бѣденъ и разстроенъ въ своихъ дѣлахъ; надобно будетъ его кормить. Я обѣщала ему мѣсто маршала постоянного совѣта. Еслибы конфедерація уничтожилась, то Забѣлло былъ бы сеймовымъ маршаломъ отъ Литвы; на этотъ случай я заставилъ выбрать его въ послы отъ Гродна. Но такъ какъ конфедерація остается и притомъ можетъ возникнуть соперничество между двумя президентами, то я рѣшилъ что будетъ только одинъ сеймовый маршалъ, чему уже бывали примѣры. На случай болѣзни Бѣлинскаго, его желъ возьметъ Анквичъ, посолъ отъ Краковскаго воеводства. Уладивъ это дѣло, перейду къ другому важному пункту, къ назначенію литовскаго канцлера, безъ котораго сеймъ не могъ бы дѣйствовать. За смертью Санѣги, я рѣшилъ чтобы конфедерація представила королю на его мѣсто вице-канцлера Хребтовича, который теперь въ Карасбадѣ. Вы знаете гдѣ находятся его земли, и слѣдовательно мы можемъ быть въ немъ увѣрены. Онъ всегда слылъ за преданнаго Россіи, и уступилъ потоку революціи однимъ изъ послѣднихъ. На мѣсто вице-канцлера я назначаю графа Платера, каштеляна Троцкаго; онъ извѣстенъ за друга короля; но его земли въ русскихъ владѣніяхъ; епископъ (Коссаковскій) также за него ручается. Польнымъ литовскимъ гетманомъ думаю сдѣлать Забѣлло, а Гелгуда литовскимъ маршаломъ.“

Въ это время Сиверсъ болѣе и болѣе начинаетъ чувствовать трудность своей задачи, но утѣшаетъ себя тѣмъ что тяжелое для него время сейма прѣдложится не долго, всего двѣ, три недѣли. * Въ полномъ успѣхѣ, повидимому, не было сомнѣнія: выборы въ Польшѣ совершились согласно съ желаніями русскаго правительства; а литовскіе послы большею частию были кліенты Коссаковскихъ; преданность послѣднихъ простиралась до того что они неоднократно предлагали,

* Такую надежду разделялъ съ нимъ и его прусскій товарищъ, но онъ полагалъ нѣсколько болѣе времени. „Я надѣюсь, писалъ онъ Мюллердорфу, что въ концѣ іюня или въ началѣ августа все будетъ окончено.“ (*Hermann. Ergänz. Band, 424.*)

вмѣсто раздѣла, присоединеніе всей Польши къ Русской имперіи. Слѣдовательно, огромное большинство сейма принадлежало къ русской партіи и обезпечивало за нами исходъ дѣла. Прусское правительство, наоборотъ, могло считать только небольшую горсть своихъ приверженцевъ, то-есть людей состоявшихъ у него на жалованьи. Положеніе этихъ людей было весьма щекотливое при общемъ раздраженіи Поляковъ противъ Пруссіи, какъ вѣроломной союзницы и главной виновницы новаго раздѣла. Число сенаторовъ явившихся на сеймъ было такъ незначительно что собраніе ихъ едва ли могло быть названо сенаторскою избой; оно простиралось только до 12 или 13 человекъ, включая сюда и наличныхъ министровъ. * Донося объ этомъ неприятномъ обстоятельстве, Сиверсъ прибавляетъ что надобно съ нимъ помириться, и что оно обнаруживаетъ намѣреніе двора не слишкомъ мѣшаться въ дѣло.

Разчитывая на скорое окончаніе сейма, Яковъ Есимовичъ, очевидно, не зналъ еще что выборы не вездѣ произведены были такъ удачно какъ онъ думалъ. Несмотря на всѣ мѣры принятыя русскими агентами и Тарговицкою конфедераціей, въ число пословъ все-таки успѣли проникнуть нѣсколько смѣлыхъ патриотовъ, рѣшившихся на самую упорную оппозицію. Наиболее рьяные изъ нихъ оказались выбранными въ тѣхъ воеводствахъ въ которыхъ вліяніе короля почиталось наиболее сильнымъ, то-есть въ Мазовіи, Плоцкѣ и Равѣ (Карскій, Микорскій, Шидловскій, Краснодембскій, Раконскій, Цѣмневскій и др.). А между тѣмъ русской посланникъ въ депешахъ своихъ съ особенною похвалою отзывался объ успѣхѣ Игельштрома, который руководилъ выборами именно въ этихъ воеводствахъ.

Наканунѣ 6го (17го) іюня Сиверсъ созвалъ на совѣтъ вождей русской партіи; у него сошлись: епископъ Коссаковский, Рачинскій, Мошинскій, Ожаровскій, Бѣлинскій, Платеръ и Анквичъ, и тутъ условлено было все относящееся къ ходу перваго дня сейма, а главнымъ образомъ выборъ Вѣлинскаго въ сеймовые маршалы. На слѣдующее утро, въ поне-

* Вотъ имена сенаторовъ, которыхъ мы встрѣчаемъ на Гродненскомъ сеймѣ: трое Коссаковскихъ, Сулковскій, Платеръ, Тышкевичъ, Огинскій, Дзякомскій, Млашекъ, Суходольскій, Ласоцкій, Ледузовскій и Оборскій.

дѣятели, въ королевскомъ замкѣ обратились сенаторы и послы, и вмѣстѣ съ королемъ отправились въ замковую канцеляду. Здѣсь они отслушали обѣдню, совершенную Иосифомъ Коссаковскимъ, епископомъ инфантокимъ. Послѣ обѣди родственникъ его и вмѣстѣ коадьюторъ Янъ Непомуценъ Коссаковскій, известный проповѣдникъ своего времени, оказалъ проповѣдь, примененную къ обстоятельствамъ дня. Главная мысль ея была слѣдующая: „Богъ, будучи высочайшею благодію, сотворилъ человека для того чтобъ онъ былъ вѣчно счастливъ; а тѣ горести и несчастія, на которыя жалуются свѣтъ, суть дѣло самого человека.“ По окончаніи проповѣди король воротился въ свои покои; а послы отправились въ Посольскую избу, находившуюся тутъ же, въ королевскомъ замкѣ. Мѣста предназначенныя для арбитровъ были уже наполнены. Русскій посланникъ рѣшилъ немедленно настоять на удаленіи арбитровъ изъ залы сеймовыхъ засѣданій и, чтобы подать примѣръ, не присутствовалъ теперь въ ихъ числѣ.

Графъ Анквичъ, какъ посолъ краковскій, первый по старшинству, взявъ маршальскій жезлъ и обратился къ собранію съ рѣчью. Онъ началъ общими фразами о бѣдствіяхъ постигшихъ отчизну, указавъ на пустыя мѣста гдѣ прежде засѣдали послы обширныхъ провинцій (занятыхъ теперь сосѣдями); намекнулъ на внутреннія распри какъ на источникъ бѣдствій для республики; съ уваженіемъ отозвался о генеральной конфедераціи, которая связала воедино всѣ воеводства, земли и повѣты, и въ заключеніе пригласилъ рыцарское сословіе выбрать сеймоваго маршала; причемъ арбитровъ попросилъ удалиться изъ палаты, по обычаю, на время этого выбора.

По выходѣ арбитровъ приступили къ подачѣ голосовъ, и маршаломъ сейма единодушно былъ выбранъ Бѣлинскій. Но когда прочли форму присяги которую онъ долженъ былъ произнести, поднялся шумъ. Присяга эта была написана въ канцеляріи генеральной конфедераціи. Тутъ, между прочимъ, было сказано что маршалъ обязанъ повиновеніемъ Рѣчи Посполитой Сконфедерованной, и кромѣ того долженъ наблюдать чтобы засѣданія сейма производились при закрытыхъ дверяхъ, то-есть безъ арбитровъ. Оба эти пункта произвели весьма дурное впечатлѣніе: въ первомъ тотчасъ увидѣли покушеніе Тарговицы подчинить себѣ самый сеймъ; а второй показался неприятною новостью,

вслѣдствіе которой публика, по выраженію Сиверса, „терзала средство своего развлечения и вліянія“. Когда шумъ немного утихъ, впустили арбитровъ. Графъ Анквичъ, обративъ своею рѣчью къ новому маршалу, напомнилъ ему что онъ третій въ ряду своей фамилии который беретъ на себя руководить сеймомъ въ самое смутное для отечества время. Потомъ онъ пригласилъ Бѣлинскаго произнести присягу на исполненіе своихъ обязанностей и принять изъ его рукъ маршальскій жезлъ. Но тогда вновь поднялся шумъ изъ-за формы присяги и быстро перешелъ въ величайшій беспорядокъ. Бѣлинскій два раза становился на колѣна, но крики заглушали его голосъ; многіе послаы, чтобы не допустить до исполненія обряда, соскочили со своихъ мѣсть, отбросили скамейку и вырвали распятіе, предъ которымъ должна быть произнесена присяга. Анквичъ поднялъ жезлъ вверхъ, и успѣвъ возстановить нѣкоторый порядокъ, пригласилъ арбитровъ снова удалиться изъ палаты. Но и послѣ того споры не прекратились. Болѣе четырехъ часовъ продолжались эти шумныя сцены, и Анквичъ наконецъ закрылъ засѣданіе до одиннадцати часовъ слѣдующаго утра.

Въ тотъ же день у Сиверса обѣдали до сорока пословъ. Послѣ обѣда онъ созвалъ опять на конференцію тѣхъ же совѣтниковъ, съ прибавленіемъ канцлера Сулковскаго. Они были того мнѣнія что источникъ беспорядковъ заключался въ ненависти которую питали къ Тарговицкой конфедерации многіе королевые послы, особенно мазовецкіе; говорили также о вредномъ вліяніи двора. Каждый изъ совѣтниковъ взялъ на себя сказать вліятельнымъ членамъ Посольской избы чтобъ они обратили своихъ товарищей на истинный путь. Сиверсъ позвалъ королевскаго секретаря и поручилъ ему передать, что если король не возстановитъ порядка на сеймѣ, то послѣдствія для него будутъ очень неприятыя.

Но и второе засѣданіе было не болѣе удачно чѣмъ первое. Анквичъ опять попросилъ арбитровъ удалиться; потомъ онъ донесъ палатѣ что, по ошибкѣ канцеляріи, въ формѣ присяги написано было о повиновеніи маршала *Рѣчи Посольской Конфедерованной* вмѣсто: *сеймующимъ сословіямъ Рѣчи Посольской Конфедерованной*, и что ошибка эта уже исправлена. Такимъ образомъ одинъ пунктъ спора былъ устраненъ; но второе условіе, объ исключеніи арбитровъ, снова подняло бурю. Опять нѣсколько часовъ продолжались

бесплодными пререканіями, и опять рѣшеніе вопроса отложено до слѣдующаго утра. Русскій посолъ ясно могъ видѣть что затѣяна какая-то интрига, какой-то заговоръ, и не безъ участія короля; цѣлю этой интриги, конечно, было разорваніе сейма. Заговорщикамъ нужно было выиграть только еще одинъ день, и тогда ихъ цѣль могла быть достигнута: такъ какъ, по сеймовымъ обычаямъ, если въ теченіе трехъ дней сенаторская и посольская изба не соединяются, то сеймъ считается несостоявшимся. Усилія Коосаковскихъ и другихъ вождей Тарговицкой конфедераціи оставались безъ успѣха. Впрочемъ и самое усердіе ихъ въ этомъ дѣлѣ поддержано въ некоторому сомнѣнію, такъ какъ въ случаѣ разорванія сейма конфедерація снова выступала на сцену еще съ большею силой чѣмъ прежде.

Яковъ Евимовичъ снова призвалъ своихъ друзей на конференцію. Они посоветовали ему на слѣдующее утро отрядить къ каждому изъ шести пословъ наиболѣе производившахъ шуму по одному русскому офицеру, чтобы „дѣлать имъ компанію въ ихъ квартирахъ, пока присяга будетъ произнесена“. Сиверсъ такъ и поступилъ. Пятеро изъ этихъ крикуновъ были найдены дома и задержаны; а шестой (Карскій) ушелъ и спасся въ королевскую передаю, гдѣ его оставили въ покоѣ. Кромѣ того, чтобы поддержать свои угрозы и внушить уваженіе толпѣ, посланникъ приказалъ полку кавалеріи съѣсть на коней и стать въ полуверстѣ отъ города, а баталіону егерей расположиться на площади, по близости замка. Предъ началомъ засѣданія онъ отправился къ королю, сопровождаемый двумя генералами и двумя великими маршалами, короннымъ и литовскимъ. Посланникъ изъяснилъ сожалѣніе о томъ что уже два дня потеряны самымъ неприличнымъ образомъ, и прибавилъ что строго будетъ преслѣдовать дальнѣйшій безпорядокъ, ибо не позволить чтобы собраніе было распущено не исполнивъ своего назначенія. Король по обыкновенію началъ увѣрять въ своей невинности. Отъ него Сиверсъ съ литовскимъ маршаломъ перешелъ въ залу сената; тамъ никого еще не было. Потомъ онъ подошелъ къ дверямъ посольской палаты; здѣсь находилось небольшое количество пословъ. Сиверсъ поручилъ маршалу наблюдать чтобъ арбитровъ не допускали, и чтобы никто изъ пословъ не уходилъ изъ засѣданія; для чего велѣлъ поставить къ дверямъ стражу.

Принятые мѣры подѣйствовали. Третье засѣданіе было также довольно шумное; однако сеймовый маршалъ произнесъ наконецъ присягу. Онъ изъявилъ свою благодарность палатѣ за честь оказанную ему не по заслугамъ, поблагодарилъ также и Анквича, изъ рукъ котораго принялъ маршалскій жезлъ. Затѣмъ онъ приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей назначеніемъ сеймоваго секретаря, и должность эту поручилъ пану Езерковскому, который немедленно произнесъ присягу. Далѣе, слѣдуя порядку сеймовыхъ обычаевъ, Бѣлинскій выбралъ трехъ депутатовъ въ сенатъ, чтобы довести королю объ избраніи маршала посольской избы и испросить дозволеніе на соединеніе обѣихъ палатъ. Отъ Малой Польши былъ назначенъ Теофилъ Залускій, отъ Великой—Станиславскій, а отъ Литвы князь Любецкій. Депутаты отправились въ сенаторскую избу, гдѣ нашли короля восседающаго на тронѣ и окруженнаго сенаторами. Залускій, какъ старшій между депутатами, держалъ рѣчь; ему отвѣчалъ коронный канцлеръ Сулковскій; послѣ чего депутаты допущены были къ цѣлованію королевской руки. Воротясь въ посольскую избу, они, посредствомъ того же Залускаго, отдали отчетъ въ своемъ порученіи. По обычаю сеймовому, надобно было ждать депутатовъ отъ сената, которые принесли бы королевское приглашеніе соединиться съ сенаторскою избой. Но число наличныхъ сенаторовъ было такъ ничтожно, что назначеніе особой депутаціи оказалось неудобно. Маршалъ сеймовый замѣтилъ что необходимость дорожить временемъ и желаніе скорѣйшаго соединенія палатъ заставляютъ его обойтись безъ этой церемоніи. Онъ велѣлъ сеймовому секретарю читать списокъ пословъ по порядку воеводства, и въ этомъ порядкѣ они отправились въ сенаторскую избу. Здѣсь, по указанію великаго маршала литовскаго, послы заняли свои мѣста. Бѣлинскій обратился къ королю съ словомъ; онъ упомянулъ о пропасти въ которую повергнулъ Рѣчь Посполитую бывший революціонный сеймъ, и указалъ на обязанность настоящаго сейма обсудить мѣры къ облегченію бѣдствій отечества. На эту рѣчь опять отвѣчалъ коронный канцлеръ. Затѣмъ всѣ послы допущены были къ цѣлованію королевской руки, и засѣданіе закрыто до слѣдующаго дня, т. е. до четверга.

Въ четвергъ также не обошлось безъ нѣкотораго повторенія предыдущихъ замѣшательствъ. Такъ какъ засѣданіе

происходило въ сенаторской избѣ, то здѣсь исполнительная власть принадлежала одному изъ маршаловъ Рѣчи Посполитой, именно тому въ области котораго отбывался сеймъ; въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, эта власть находилась въ рукахъ великаго маршала литовскаго, Лудовика Тышкевича, женатаго на одной изъ племянницъ короля. Маршалъ сеймовый, по силѣ своей присяги, не могъ открыть засѣданіе въ присутствіи арбитровъ; но удаленіе ихъ должно было совершиться по распоряженію маршала литовскаго. Когда часть пословъ потребовала выполненія маршальской присяги, Тышкевичъ, очевидно принимавшій участіе въ глухой интригѣ противъ сейма, заявилъ что присяга сеймоваго маршала ему не была сообщена, а что самъ онъ присягалъ поступать по законамъ, законы же не даютъ ему права исключать арбитровъ. Король въ этой распрѣ держалъ себя пассивно и не принималъ ни той, ни другой стороны. Наконецъ сеймовый маршалъ объявилъ что открываетъ засѣданіе и проситъ арбитровъ удалиться. Послѣдніе вышли. Тогда Бѣлинскій донесъ собранію о полученіи двухъ нотъ за подписью посланниковъ русскаго и прусскаго. Обѣ ноты были одинаковы по формѣ и по содержанию; въ нихъ предъявлялось требованіе чтобы сеймъ назначилъ делегацію, уполномоченную вести переговоры и заключить трактаты съ двумя сосѣдними державами на основахъ деклараціи 9го апрѣля (29го марта).

Когда прочтены были ноты, король возвысилъ свой голосъ и заявилъ что онъ присоединился къ Тарговицкой конфедераціи на основаніи ея акта, въ которомъ главнымъ пунктомъ поставлена была цѣлостъ Рѣчи Посполитой, и что онъ никоимъ образомъ не отступится отъ этого пункта. Въ заключеніе онъ предложилъ сеймующимъ сословіямъ дать отвѣтъ на эти ноты въ умѣренныхъ выраженіяхъ, но съ просьбою къ двумъ дворамъ чтобъ они возвратили республикѣ вновь забранныя у нея земли, такъ какъ польскій народъ не подалъ никакого повода къ этому забору. Затѣмъ король назначилъ въ конституціонную делегацію (которая редактировала сеймовыя постановленія или конституціи) трехъ сенаторовъ, а маршалъ сеймовый шесть пословъ.*

* Сенаторы: Суходольскій, Лазоцкій и Ледуховскій. Послы: отъ Литвы Козаковскій и Годачевскій, отъ Малой Польши Анквичъ и Міемчильскій, отъ Великой—Клацкій и Дрезмовскій.

На слѣдующій день, то-есть въ пятницу, опять возобновились споры по поводу арбитровъ. Тышкевичъ предъявилъ полученную имъ изъ конфедератской канцеляріи копію съ присяги сеймоваго маршала и попросилъ арбитровъ удалиться. Послы мазовецкіе, съ Карскимъ во главѣ, и тутъ нашли возможность не согласиться: они возразили что бумага которую получилъ Тышкевичъ была только копіей и не снабжена печатью, слѣдовательно она не имѣетъ силы. Присутствовавшіе члены конфедераціи, по приглашенію Тышкевича, засвидѣтельствовали подлинность документа. Но мазовецкіе послы продолжаютъ стоять на своемъ; между тѣмъ большинство сейма требуетъ удаленія арбитровъ. Во время этого спора Тышкевичъ снова переходитъ на сторону оппозиціи и замѣчаетъ что, если говорить правду, то и самъ онъ не видитъ законной причины удалить публику. Со стороны оппозиціонныхъ пословъ послышались рукоплесканія, а по ихъ примѣру громко захопала арбитры. Тогда на послѣднихъ посыпались сильные упреки со стороны большинства. Ожаровскій особенно горячо возсталъ противъ такого неуваженія къ королю, сенату и рыцарскому сословію. Арбитры наконецъ удалились. Маршалъ сеймовый открылъ засѣданіе, Забѣлло, посоль волковыскій, предлагаетъ цѣлованіемъ руки выразить королю общую благодарность за его вчерашнюю рѣчь въ пользу цѣлости Рѣчи Посполитой. Послѣдовало допущеніе всѣхъ пословъ къ рукѣ его величества; церемонія эта отягала, конечно, не мало времени. Затѣмъ приступили къ обсужденію русской и прусской ноты. Нѣкоторые послы развиваютъ мысль короля, то-есть совѣтуютъ воспротивиться раздѣлу и обратиться къ великодушію русской императрицы. Епископъ Коссаковскій заявляетъ свое всегдашнее мнѣніе что спасеніе отечества онъ видитъ только въ тѣсномъ союзѣ съ Петербургскимъ дворомъ, а если въ книгѣ судебъ предназначено Польшѣ быть исключенною изъ списка государствъ, то бесполезнымъ усиліямъ онъ предпочитаетъ мужественное перенесеніе несчастія. Голыньскій, черниговскій посоль, изъясняетъ опасеніе чтобы настоящій сеймъ не уподобился сейму 1775 года, на которомъ утвержденъ первый раздѣлъ съ завѣреніемъ что втораго никогда не будетъ. Янковскій, сендомірскій посоль, подаетъ проектъ такого отвѣта на ноты двухъ посланниковъ, въ которомъ говорится объ отправленіи уполномоченныхъ

ко дворамъ Петербургскому, Берлинскому и Вѣнскому, съ тѣмъ чтобы при первыхъ двухъ просить о выводѣ войскъ изъ польскихъ провинцій, а при третьемъ ходатайствовать о помощи на основаніи трактатовъ гарантированныхъ всѣми тремя дворами. Галензовскій, люблинскій, предлагаетъ подобный же проектъ, съ прибавленіемъ чтобы деклараціи обѣихъ державъ и отвѣтъ на нихъ генеральной конфедераціи были сообщены присутствовавшимъ въ Польшѣ иностраннымъ посламъ. Все собраніе выражаетъ согласіе съ его предложеніемъ. Но посреди этихъ проектовъ, и конечно для того чтобы отвлечь отъ нихъ вниманіе, Теофилъ Залускій напоминаетъ что вмѣстѣ съ внѣшними дѣлами надобно обратить вниманіе и на внутреннія. Какъ лицо которому конфедерація поручила финансовую часть, онъ доноситъ сейму о бѣдственномъ состояніи государственной казны; послѣ занятія провинцій сосѣдями доходы такъ уменьшились что войско не получаетъ жалованья; другіе необходимые расходы также приостановлены; поѣтому онъ проситъ прежде всего заняться согласованіемъ расходовъ съ приходами. Карскій отвѣчаетъ на это что не допустить никакихъ другихъ предметовъ на обсужденіе, пока ноты не сообщены иностраннымъ министрамъ, что „надобно умереть или спасти отечество, и если нужно погибнуть, то лучше погибнуть съ честью, а не со срамомъ“.

Въ субботу Тышкевичъ представилъ копію съ присяги сеймоваго маршала, снабженную всѣми формальностями, и на основаніи ея попросилъ арбитровъ удалиться, что и было исполнено. Приступили къ чтенію отвѣтовъ которые канцлеръ отъ имени сейма долженъ былъ сообщить посламъ русскому и прусскому. Первый отвѣтъ составленъ былъ въ общихъ, неясныхъ выраженіяхъ, въ напоминаніи трактатовъ, въ обращеніяхъ къ справедливости и великодушію Русской императрицы, и оканчивался просьбой въ точности опредѣлить цѣль требуемой делегаціи. Въ отвѣтъ Бухгольцу прямо говорилось что сеймъ не видитъ никакого повода къ занятію польскихъ провинцій прусскими войсками и ожидаетъ что послѣднія наконецъ очистятъ край. Въ понедѣльникъ 13го (24го) іюня была прочитана отвѣтная нота обоихъ посланниковъ. Они снова требовали немедленнаго назначенія делегаціи, снабженной достаточными полномочіями. Началось оживленныя пренія. Одни послы хотятъ умолять Екатерину

о великодушiи; другіе возбуждаютъ надежду на иностранныя державы, которыя не позволяютъ нарушить равновѣсіе въ пользу двухъ дворовъ. Въ порывѣ краснорѣчія, лидскій посолъ Александровичъ восклицаетъ: „Государь! веди насъ, и мы за тобой послѣдуемъ.“ Въ отвѣтъ на это воззваніе, король обѣщаетъ сопротивляться всякому отчужденію провинцій, и приглашаетъ сословія вооружиться мужествомъ. Нѣкоторые поддерживаютъ проектъ Яковскаго и надежду на помощь Вѣнскаго двора. Но многіе другіе, особенно Анквичъ, противятся этому проекту. Бѣлинскій не допускаетъ его на голоса, и пытается склонить сеймъ къ назначенію делегаціи. Черезъ день послѣ того проектъ Яковскаго, однако, подвергся голосованію и получилъ большинство. Такимъ образомъ рѣшено обратиться къ иностраннымъ державамъ, преимущественно къ Англіи и Австріи, съ просьбой о вмѣшательствѣ въ пользу возвращенія провинцій занятыхъ русскими и прусскими войсками.

На засѣданіяхъ 25го и 26го іюня (нов. ст.) было произнесено много рѣчей за и противъ делегаціи. Епископъ Коссовскій, чтобы помирить обѣ стороны, предложилъ среднюю мѣру: вмѣсто одной делегаціи назначить двѣ, такъ чтобы первая договаривалась съ русскимъ посланникомъ, а вторая съ прусскимъ; но ни той, ни другой не давать полномочія для заключенія трактата. Сеймовый маршалъ пригласилъ палату обратить особое вниманіе на это предложеніе, и 26го числа подвергъ его голосованію. Но вопросъ онъ поставилъ такимъ образомъ: Нужно ли делегацію снабдить инструкціями для договора съ Россіей и Пруссіей, или только съ одною первою? Король подалъ свое мнѣніе въ пользу послѣдняго рѣшенія, и когда собрали голоса, то оно получило 107 противъ 24. Но пока не были опредѣлены ни число делегатовъ, ни снабженіе ихъ полномочіями.

Неожиданное сопротивленіе встрѣченное союзными кабинетами со стороны короля и его торжественныя заявленія что онъ не отступитъ отъ главнаго условія на которомъ присоединился къ Тарговицкой конфедераціи, не замедлили возбудить общее вниманіе въ дипломатическомъ мѣрѣ. Но едва ли кто вѣрилъ въ серьезность подобныхъ заявленій. Всѣмъ уже такъ хорошо были извѣстны его безхарактерность и привычка играть комедію. Тотчасъ заподозрили что поведеніе его обусловливается внушеніями иностранной

державы, и не трудно было догадаться что этою державой была Австрія, которая не могла равнодушно смотрѣть на увеличеніе Пруссіи. Въ своихъ депешахъ Сиверсъ не разъ указываетъ на частыя свиданія короля съ австрійскимъ повѣреннымъ Декаше. У короля даже завелись деньги, — замѣчено въ письмѣ къ Зубову отъ 13 (24) іюня, — и онъ не торопится болѣе вопросамъ о своихъ долгахъ, съ которыми прежде ни одного дня не давалъ ему покою.

Вообще Сиверсъ, послѣ не разъ высказанныхъ надеждъ что дѣло такъ хорошо подготовленное будетъ скоро окончено, очутился въ положеніи весьма непріятномъ и затруднительномъ. „Эти дни, говоритъ онъ въ письмѣ къ дочери, была отвратительная погода; прибавь къ тому обѣды, дѣла, ложь, интриги, коварство—если все это продлится, то я потеряю всякое терпѣніе.“ „Сеймъ заставляетъ меня много работать. Я уже не сплю послѣ обѣда. Ко мнѣ ежедневно приходятъ восемь лицъ съ извѣстіями о томъ что происходило на сеймѣ и для того чтобъ условиться о ходѣ слѣдующаго засѣданія. Не бойся, моя милая, чтобъ я пожелалъ остаться посреди этого легкомысленнаго народа. Они четыре дня кружили около мелочныхъ формальностей и только на пятый, испуганные моею нотой, заговорили о раздѣлѣ.“

При всѣхъ своихъ затрудненіяхъ, русскій посланникъ все еще не получалъ болѣе опредѣленныхъ и точныхъ инструкцій. Къ довершенію несправностей, самые усердные его помощники, графы Рачинскій и Мошинскій, уѣхали на время въ Варшаву, гдѣ несостоятельность банкировъ грозила разстройствомъ ихъ собственныхъ дѣлъ. Не мало заботъ причиняли ему также предложенія литовскихъ вождей. Епископъ Коссаковскій продолжалъ увѣрять его что вся Литва и даже часть Польши готовы совсѣмъ присоединиться къ Россіи, разумѣется съ условіемъ чтобъ имъ сохранены были ихъ старыя привилегіи, то-есть привилегіи польской шляхты и католическаго духовенства. Партія Коссаковскихъ начинала даже слыхкомъ рѣзко выставляя на сеймѣ свою приверженность къ Россіи. Тѣмъ не пріятнѣе становилось положеніе прусскаго посланника въ виду горячихъ декламаций противъ Пруссіи. Послѣ засѣданія 15го (26го) мая, въ которомъ только 24 голоса оказалось противъ договора съ одною Россіей, Бухгольцъ вышелъ изъ себя и началъ выражать подозрѣніе что въ этомъ рѣшеніи участвовало тайное вліяніе

русскаго посланника. А между тѣмъ Яковъ Бѣимовичъ доноситъ, что еслибъ онъ дозволилъ, то будто и остальные 24 голоса соединились бы съ большинствомъ, то-есть произошло бы единогласіе. Онъ по возможности старался успокоить своего прусскаго товарища, и обѣщалъ въ слѣдующемъ засѣданіи снова подать общую ноту.

Какимъ образомъ составлялись въ русскомъ посольствѣ отчеты о сеймовыхъ засѣданіяхъ, показываютъ слѣдующія слова изъ депеши Сиверса вице-канцлеру отъ 13го (24го) іюня: „Посылаю вамъ журналы шести первыхъ засѣданій, редактированныя Оберомъ по донесеніямъ многихъ лицъ, *которыя не знаютъ другъ друга.*“ Эти лица были, конечно, подкупленные сеймовые послы. Затѣмъ посланникъ прибавляетъ: „Вы видите что умы волнуются, и я предпочелъ бы лучше дать имъ время чѣмъ употреблять еще большее насиліе. Сегодня будутъ обсуждать мою и Бухгольцову реплику, назначать делегацію, и поручать къ завтрашнему дню приготовить проектъ инструкцій и полномочій. Завтра все это опять приговорятъ ad deliberandum (то-есть къ обсужденію), а послѣ завтра рѣшатъ. По всей вѣроятности 28го числа (нов. ст.) делегація начнетъ свои дѣйствія.“ Мы уже видѣли что эти расчеты, составленные въ тѣсномъ кружкѣ польскихъ совѣтниковъ, на дѣлѣ не оправдались: 26го числа сеймъ хотя и рѣшилъ вопросъ о началіи переговоровъ съ Россіей, но при этомъ не снабдилъ делегацію никакими полномочіями. Увидимъ далѣе, что русскій посланникъ, разъ вступивъ на путь принудительныхъ мѣръ, долженъ будетъ все болѣе и болѣе удаляться отъ умѣреннаго тона и отъ своихъ мягкихъ приемовъ.

Прежде нежели послѣдуемъ за его дальнѣйшею борьбой съ сеймовою оппозиціей, приведемъ еще одинъ эпизодъ изъ первыхъ дней того же сейма. Огинскій разказываетъ въ своихъ мемуарахъ что онъ хотѣлъ внести на обсужденіе палаты какой-то патріотической проектъ относительно новой организаціи правительства. Этотъ проектъ онъ вручилъ сеймовому секретарю, въ надеждѣ что, по обычаю, его напечаталютъ и раздадутъ всѣмъ членамъ, а по прошествіи трехъ дней прочтутъ въ полномъ засѣданіи и подвергнуть обсужденію. Но черезъ два дня, въ часъ пополудни, нашъ подскарбій получаетъ отъ русскаго посланника записку слѣдующаго содержанія:

„Графъ, я сейчасъ узналъ, что вы рѣшились предложить сейму проектъ, о которомъ мнѣ ничего не было извѣстно, и который никакой другой цѣли не можетъ имѣть какъ только помѣшать обсужденію болѣе важныхъ предметовъ. Объявляю вашему сіятельству: если вы не сообщите немедленно сеймовому маршалу о томъ что берете назадъ вашъ проектъ, то я черезъ часъ велю наложить запрещеніе на ваши имѣнія.“

Гродно 19 іюня 1793.

Сиверсъ.

Огинскій въ ту же минуту уведомилъ Бѣлинскаго объ этой запискѣ, и прибавилъ, что онъ не можетъ взять назадъ проекта, но что сеймовый маршалъ пусть поступитъ съ нимъ такъ, какъ предписываютъ ему его обязанности (то-есть пусть отложитъ его въ сторону). На слѣдующее утро литовскій подскарбій явился къ Сиверсу и, не говоря ни слова о полученной ночью запискѣ, попросилъ позволенія удалиться на нѣкоторое время въ свои помѣстья, близъ Варшавы, такъ какъ здоровье его нуждалось въ особыхъ попеченіяхъ. Посланникъ не затруднился исполнить его просьбу, и только взялъ съ него обѣщаніе воротиться въ Гродно, какъ скоро здоровье ему это позволитъ. Огинскій немедленно уѣхалъ, конечно, весьма довольный возможностью хотя на время выйти изъ своей неловкой роли польскаго патриота и въ то же время слуги русскаго правительства.* Впрочемъ онъ недолго пользовался этою возможностью, и вскорѣ, по требованію посланника, снова явился на сеймъ.

Д. ИЛОВАЙСКИЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* Приведенный случай представляетъ одинъ изъ примѣровъ не точностей и невѣрностей которыми изобилуютъ мемуары Огинскаго. По его разказу, онъ 17го числа, въ день открытія сейма, держалъ рѣчь о необходимости реформъ и тутъ же подавъ свой проектъ сеймовому секретарю. А извѣстно что 17е число прошло въ спорахъ о формѣ присяги сеймоваго маршала, секретарь еще не былъ назначенъ, и палаты еще не соединились. Подскарбій со своимъ проектомъ не могъ выступить раньше 19го числа. Но во все эти дни мы совсѣмъ не встрѣчаемъ Огинскаго въ описаніи сеймовыхъ засѣданій (по отчетамъ газеты *Korrespondent* и по журналамъ Сиверса).

ПОДСПУДНЫЯ СИЛЫ*

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

На другой день молодежь собиралась въ Москву; срокъ отпуска студентовъ кончился; Владиміръ Лучаниновъ вѣхалъ чтобы готовиться къ экзамену на степень кандидата.

— Вотъ, вѣдь, и жаль отпустить васъ, грустно толковалъ старикъ Лучаниновъ, рассказывая по столовой, гдѣ отъѣзжавшіе усѣлись завтракать.

— Знаете что, Захаръ [Петровичъ, говорилъ Владиміръ Алексѣевичъ,—будемте переписываться.

— Очень радъ, да вѣдь врядъ ли вы сдержите слово, отвѣчалъ Барскій.

— Правда, что иной мѣсяцъ какъ-то или считаешься, или заговорешься и не пишешь, говорилъ Владиміръ Лучаниновъ. — А о многомъ бы хотѣлось съ вами поговорить; вотъ хоть о русской оперѣ. Мы начали вчера толковать, да и не кончили. Займитесь-ка здѣсь собираніемъ русскихъ напѣвовъ.

— Можетъ-быть, попробую, отвѣчалъ Барскій.

Въ это время вошелъ священникъ, худощавый, лѣтъ тридцати человекъ; всѣ встали и подошли къ благословенію.

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 2.

— Садись-ка, батюшка, сказалъ старикъ Лучаниновъ.

Священникъ сѣлъ. Молодые люди, окончивъ завтракъ, съ папиросами тоже подсѣли къ нему.

— У меня есть до васъ просьба, Владиміръ Алексѣевичъ, началъ священникъ.— Не можете ли вы оставить мнѣ, хоть на мѣсяць, *Мертвыя души* Гоголя? Я ихъ прочелъ два раза, но мнѣ нѣкоторыя мѣста хочется списать. Такъ хороши они.

— Онѣ у отца. Возьмите. Если я найду въ Москвѣ экземпляръ, я вамъ подарю ихъ, отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Священникъ поблагодарилъ, пожавъ обѣ руки молодому человѣку.

— Знаете чтò, началъ Алексѣй Андреевичъ. — Я прочелъ ихъ; это вещь, безъ сомнѣнія, великая. Но вы, можетъ-быть, посмѣтесъ надъ старикомъ, какъ бы она не соблазнила молодыхъ писателей?

— Это почему? Какъ это, позвольте узнать? спросилъ священникъ.

— А вотъ какъ, продолжалъ старикъ Лучаниновъ:— кромѣ огромнаго успѣха, какъ всякая талантливая вещь, она будетъ имѣть легіоны подражателей. У Гоголя есть свѣтъ въ душѣ, поэзія, идеалъ; сохрани Богъ, если подражатели начнутъ копировать природу не имѣя никакого идеала, какъ фотографы примутся копировать, съ дѣлю издѣваться только надъ ближнимъ. Чтò выйдетъ изъ этого?

— Изъ этого? Польза выйдетъ, возразилъ Владиміръ Алексѣевичъ, выслушавъ мнѣніе о *Мертвыхъ душахъ* бывшее тогда общимъ между читателями постарше.— Станутъ смѣяться не надъ добродѣтелью, а надъ порокомъ, разумѣется, окончилъ молодой человѣкъ.

— Знаю я, продолжалъ Алексѣй Андреевичъ,— но обличать надобно съ любовью къ ближнему, иначе врядъ ли будетъ польза отъ обличенія. Успѣхъ Гоголя соблазнилъ многихъ. Я замѣчаю это даже по твоимъ послѣднимъ письмамъ, Владиміръ; ты начинаешь тоже корчить Гоголя.

— Чтò жь, по-вашему не надо было ему печатать *Мертвыхъ душъ*? немного покрасивъ, спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Сохрани меня Богъ отъ такой мысли, отвѣчалъ старикъ,— когда ты разгорячишься, ты навязываешь другому мысли которыя и не снились даже, прибавилъ онъ, добродушно

улыбнувшись.—Я боюсь что всё, кинувшись обличать, забудутъ поэзію. Гоголь поэтъ; поэту Гоголю не въ силахъ всякій подражать, а Гоголю наблюдателю, хоть не совсѣмъ, а кое-какъ, могутъ не безъ успѣха многіе. Я боюсь что всё примутся развивать въ себѣ способность подмѣчать смѣшное, на счетъ другихъ способностей. А это крайность.

— Да что жъ за крайность? Богъ съ ней съ поэзіей, сказалъ младшій Лучаниновъ.

— Какъ это Богъ съ ней? возразилъ старикъ.

— Ну, нѣтъ, этого нельзя сказать, замѣтилъ задумавшійся было о чемъ-то старшій Лучаниновъ.—Какъ Богъ съ ней?

— То-то, продолжалъ Алексѣй Андреевичъ.—Вѣдь это почти то же что Богъ съ нимъ съ солнцемъ. Вѣра и высокая поэзія; безъ нихъ нѣтъ полной жизни. Я помню прекрасныя слова твоего товарища, Владиміръ, Корнева. Кстати, кланяйся ему отъ меня; да уговори его пріѣхать къ намъ въ Васильевское погостить лѣтомъ. Помнишь, онъ говорилъ: „поэты, это тоже хвалебный ликъ Господа“. Се добро зѣло, вотъ что лежитъ, въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ творчества всѣхъ великихъ поэтовъ. Поэтъ изображаетъ намъ красоту женской души; развѣ это не гимнъ Творцу этого прекраснаго созданья. И какой величавый строй принимаетъ лира поэтовъ, когда коснется она вѣры: Нашъ Державинъ? Или у Пушкина? Помните его стихотвореніе духовному лицу? Прочти-ка, кажется, ты знаешь наизусть его, Владиміръ.

Владиміръ Алексѣевичъ прочелъ извѣстное стихотвореніе:

„Въ часы забывъ иль пражной скуки,
Бывало лиръ я моей,
Ввѣрять извѣжные звуки
Безумства, дѣлу и страстей....“

— Какое же изъ вашихъ обличеній такъ обогрѣетъ меня какъ эта полная мысли и музыки рѣчь? спросилъ одушевившись старикъ, когда сынъ прочелъ послѣднія строки стихотворенія.—Не такъ ли, батюшка?

— Пожалуй что такъ, отвѣчалъ священникъ. — Но вѣдь и обличеніе-то полезно, Алексѣй Андреичъ, добавилъ онъ.

— Вы съ этимъ обличеніемъ дождетесь знаете чего? перебилъ старикъ.—Вамъ будутъ живописцы писать обличительныя картины, а музыканты обличительныя квартеты и симфоніи. Вотъ помяните мое слово.

Всѣ засмѣялись; старикъ тоже. На дворѣ загремѣли бубенцы.

— Ну, однако время, замѣтилъ Алексѣй Андреевичъ.—Батюшка, благослови отъѣзжающихъ; проводимъ ихъ, вмѣсто обличенія, напутственной молитвой, прибавилъ онъ, улыбувшись.

Священникъ, облачившись, отслужилъ молебень. Приложившись ко кресту, старикъ вынесъ изъ кабинета небольшой старинный образъ Базанской Богоматери и благословилъ дѣтей.

— Одно: помните Бога, говорилъ онъ, обнимая сыновей;— помня Его, вы не сдѣлаете безчестнаго дѣла. Шалость извинительна, подлость не извиняется ничѣмъ.

Благословивъ образомъ и Петрушу, онъ пригласилъ всѣхъ присѣсть по русскому обычаю. Отъѣзжавшіе поцѣловались со священникомъ.

— Не забывай насъ, сказалъ Алексѣй Андреевичъ, обнимая Барскаго и отдавая ему письмо къ Тарханкову.

Всѣ вышли на крыльцо. Старикъ еще разъ, на крыльцѣ, обнял отъѣзжающихъ, и двѣ тройки гусемъ тронулись со двора. Барскій сѣлъ съ ними же до большой дороги.

— Прощайте, отецъ, кричали отъѣзжающіе.

— Господь съ вами, произнесъ, перекрестивъ ихъ издали, Алексѣй Андреевичъ.

Вслѣдъ за тройками выѣхалъ старикъ Сидорычъ изъ сарая на своей разгонной парѣ.

— Вотъ вѣдъ и грустно; пусто какъ-то въ домѣ-то безъ нихъ, говорилъ священнику старикъ, возвратившись въ переднюю.

Священникъ [остался] обѣдать.

— Задумался нашъ старче, говорилъ вѣшая шубу камердинеръ.—Слякохся до конца, прибавилъ онъ, потчужа табакомъ прослезившагося отъ разлуки съ сыномъ прикащика.

Домъ стихъ; мѣрный стукъ маятника стѣнныхъ часовъ какъ будто тоже выговаривалъ слово: „пусто, пусто, пусто“. Уѣхавшимъ друзьямъ легче разлука чѣмъ оставшимся дома; новые предметы на дорогѣ, новыя впечатлѣнія развлекаютъ ихъ; оставшимся всякая вещь, каждый уголокъ напоминаетъ объ удалившихся. „Вотъ здѣсь сидѣлъ я вмѣстѣ съ ними; у это-то стола шелъ нашъ послѣдній разговоръ; тутъ мы простились и, кто знаетъ, можетъ-быть на вѣки?“ думается осиротѣвшему домохвату.

Через полчаса тройки вылетели на большую широкую дорогу и остановились; кучера принялись переключивать рядом лошадей. Молодые люди, выйдя из саней, закурили папиросы и стали кучкой посередине дороги.

— Какой прекрасный старец ваш отец, начал Барский, обращаясь к старшему Лучанинову.

— Вы его мало знаете. Хотя он мнѣ отец, но это такое благородное сердце какихъ мало, отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Это правда, подхватилъ младшій Лучаниновъ.

— Жаль одного, сказалъ нахмуренный, набивая изъ кисета трубку.—Какой-то онъ, я не скажу ханжа, а ужъ черезчуръ богомолье. Его, впрочемъ, можетъ спасти отъ этого, знаете что?

— Чтò же? спросилъ Владиміръ Лучаниновъ.

— Естественная исторія, отвѣчалъ, раскуривая трубку, хмурый.

Всѣ засмѣялись.

— Смѣйтесь, продолжалъ нахмуренный,—а это истина; онъ любитъ садъ, свою оранжерею; я говорю, это спасетъ его.

Языкъ нахмуреннаго немного заплетался; за завтракомъ онъ налегъ на вишневку. Молодые люди чувствовали ложь сказаннаго, но мнѣніе объ излишнемъ богомольствѣ отца раздѣлялъ отчасти и Владиміръ Лучаниновъ. Онъ высоко уважалъ старика; онъ вѣровалъ что не притворно кланялся земно народу старецъ 'въ церкви, предъ тѣмъ какъ шелъ приобщаться, не притворяясь плакалъ говоря: „простите меня, отцы и братья; много я предъ вами согрѣшилъ“. Художественнымъ чутьемъ понималъ молодой человекъ величіе евангельской рѣчи, и слезы навертывались у него на глазахъ, когда прежній священникъ старикъ, учитель его, произносилъ, сдерживая рыданье, простые слова Евангелія: „Марія же Магдалина и другая Марія сѣдяще прямо гроба“. Но молодой, гордый разсудокъ не въ силахъ былъ еще дойти до единогласнаго рѣшенія съ сердцемъ. Попавъ въ кучку молодежи, юноша, для краснаго словца, иногда не прочь былъ посмѣяться и поострить надъ тѣмъ предъ чѣмъ нужно или безмолствовать, или молиться. Съ грустью смотрѣлъ на это старикъ отецъ его. „Опытъ и жизнь“, думалъ онъ однакожь, „наведутъ его на настоящую дорогу. Совѣтами тутъ не поможешь.“ И

только изрѣдка онъ намекалъ юности что нужно быть скромнѣе, осторожнѣе, говоря о святыхъ.

— Лошади готовы, доложилъ Петруша.

Москвичи расцѣловались съ Барскимъ. Ему надо было ѣхать встороню проселкомъ.

— Пишите, говорилъ ему, Владиміръ Алексѣевичъ.—А будете въ Москвѣ, или мы сюда прѣйдемъ, навѣстите же насъ.

Наконецъ всѣ устали, накинувъ шинели; нахмуренный закурилъ новую трубку; кучера подобрали возжи, и двѣ тройки, загремѣвъ бубенцами, дружно тронули саки.

-- Прощайте, кричала Барскому молодежь, махая фуражками.

— Прощайте, отвѣчалъ музыкантъ, усаживаясь въ свои сани. Закутавъ ноги ковромъ, онъ оглянулся; тройки неслись уже далеко отъ него; слышался слабѣе и слабѣй смѣхъ молодежи, стукъ саней на ухабахъ, громъ бубенцовъ и русскій нашъ ямской, удалый покрикъ.

— Вишь какъ запалили, улыбаясь замѣтилъ старикъ кучеръ, поворачивая на проселокъ свою пару. Сани побѣжали среди рѣденькаго кустарника и спустились черезъ нѣскольکو минутъ на рѣчку. Сидорычъ принялся разказывать какъ хорошо дворовымъ жить у Лучаниновыхъ; сколько армяковъ и полушубковъ кучерамъ дается въ годъ; какой обѣдъ подается въ застойной; но музыкантъ не слышалъ почти ничего изъ этихъ наблюденій. Закутавшись въ свою шубу, думалъ онъ, зачѣмъ это судьбѣ угодно было, словно на-смѣхъ, познакомиться его съ этими добрыми людьми, полакомить, точно ребенка, конфеткой, чтобы потомъ угостить опять черствымъ обыденнымъ кускомъ. И ему видѣлся его непріютный, угарный флигель, непониманіе вокругъ, оскорбительно милостивый взглядъ Павла Ивановича и длинный, безконечный корридоръ подневольнаго, безцѣльнаго и безотраднаго будущаго.

— Аль задремалъ? произнесъ, оглянувшись, болтливый старикъ Сидорычъ, замѣтивъ что разказы его слушаетъ одно пустое, свѣжное поле.

IX.

Часовъ въ семь утра музыкантъ сидѣлъ на своемъ кожаномъ, жесткомъ диванѣ и читалъ письмо, только что полученное съ почты, отъ Елизаветы Николаевны. Въ музыкант-

ской раздавались рѣзкіе звуки трехъ скрипокъ, вытягивавшихъ вмѣстѣ гамму.

„Вы не заѣхали къ намъ, многоуважаемый Захаръ Петровичъ (писала дѣвушка), предъ отъѣздомъ изъ Петербурга и не прислали своего адреса. Я въ оркестрѣ узнала только вчера куда писать вамъ; вотъ почему не писали мы раньше. Часто мы вспоминаемъ васъ съ отцомъ; особенно по воскресеньямъ, возвратясь отъ обѣдни и сядя за кофейникъ, такъ и ждешь, вотъ раздастся колокольчикъ, и вы войдете со скрипичнымъ ящикомъ. Отецъ натянулъ струны на виолончель и вчера игралъ со мною Бетговевскую сонату; но съ нимъ играю я не такъ смѣло какъ съ вами; вы были снисходительнѣе, а онъ, какъ ошибешься, вскочитъ и начинаетъ браниться. Что вы подѣлываете? Мнѣ, не выѣзжавшей изъ Петербурга, трудно представить глушь въ которую судьбѣ угодно было занести васъ. Какъ-то не вѣрится чтобы всю жизнь вы провели тамъ; не остаются безвѣстными такіе таланты какъ вашъ. Отецъ вамъ кланяется; въ настоящую минуту онъ возится съ виолончелемъ, оставляетъ душу, чуть не въ сотый разъ. Отъ вашей Гварнери онъ безъ ума. Не забывайте насъ; пишите хоть изрѣдка, а я отвѣчать буду. Рояль я покупаю у мастера; онъ согласился, былъ такъ снисходителемъ, чтобы я уплачивала понемногу. Богъ дастъ, заплачу; триста рублей онъ взялъ съ меня; уроки, слава Богу, есть у меня. Будьте здоровы. Желаемъ вамъ всего хорошаго. Не унывайте. Никто какъ Богъ. Отецъ хотѣлъ приписать вамъ, но занялся виолончелемъ.

„Остаюсь преданная вамъ и готовая къ услугамъ.

„Е. Сѣткина.

„Няня вамъ кланяется.“

Нѣсколько разъ музыкантъ перечитывалъ письмо; разсматривалъ каждую букву, желая угадать что думала, ставя то или другое слово, писавшая. Наконецъ, отложивъ письмо, онъ досталъ съ окошка чернильницу, вынулъ почтовый листъ изъ портфеля и усѣлся у стола чтобы написать отвѣтъ. Но отвѣчать было мудрено. Ему не хотѣлось описывать свое некрасивое положеніе. „Вѣдь это не тѣ страданія“, размышлялъ онъ, „которыя показывай хоть на сценѣ; это не Гамлетовскія какія-нибудь страданія. А написать что мнѣ не особенно невыносимо мое положеніе, она подумаетъ что я, какъ болонка которую приласкали, подобострастно лижу руку милостиваго хозяина. Какая гадость! Да и не повѣритъ она; увидитъ что я лгу,“ продолжалъ думать онъ, отбросивъ

перо. „Вотъ что развѣ, опишу я ей поѣздки къ Лучаниновымъ.“

Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ взялъ перо и началъ писать. Гобойствъ, усѣвшись у окна, писалъ карандашомъ на продолговатомъ листкѣ нотной бумаги заданный ему Барскимъ урокъ гармоніи. Барскій не засталъ Павла Ивановича, возвратясь отъ Лучаниновыхъ. Онъ уѣхалъ въ губерскій городъ по предводительскимъ дѣламъ своимъ и для того чтобъ отдать визитъ губернатору. Въ городѣ всѣ толковали объ игрѣ скрипача Захара. Дамы приставали къ Павлу Ивановичу съ просьбами, чтобъ онъ позволилъ своему Захару сыграть что-нибудь въ концертѣ въ пользу сиротскаго дома. Павелъ Ивановичъ отпѣкивался, говорилъ что оркестръ его не готовъ.... „Съ театральнымъ сыграетъ,“ говорилъ губернаторъ; „сыграетъ съ театральнымъ,“ тарантили дамы, окружая Павла Ивановича; „какъ хотите, а вы должны позволить ему сыграть.

— Можно ли быть такъ нелюбезнымъ, сказала смѣясь губернаторша. — Наконецъ съ фортепьянами можетъ играть. Serge Палашовъ будетъ аккомпанировать. Serge, вы согласны?

— Ну нѣтъ, аккомпанировать, отозвался, бѣлокурый, пухлый лѣтъ сорока человекъ. — Устройство концерта я готовъ взять на себя.... Да аккомпаниментъ устроимъ, добавилъ онъ.

Наконецъ Павелъ Ивановичъ согласился и въ тотъ же день отправилъ въ деревню нарочнаго съ письмомъ къ прикащику.

Съ этимъ письмомъ и вошелъ прикащикъ въ комнату Барскаго, который перечитывалъ только что оконченный отвѣтъ Елизаветѣ Николаевнѣ.

— Здорово, Захарушка, началъ онъ. — Вотъ, другъ, отъ барина приказъ тебѣ пріѣхать въ городъ со скрипкой. Концертъ, слышь, тамъ какой-то затѣвается, такъ ты будешь играть.

Прикащикъ въ подтвержденіе, доставъ очки, прочиталъ письмо, которымъ предписывалось немедленно прислать Захара въ городъ со скрипкой. Далѣе говорилось чтобы привести въ городъ, какъ можно осторожнѣе, жеребца Богатыря, проданнаго помѣщикомъ вице-губернатору. Прикащикъ прочелъ зачѣмъ-то и о жеребцѣ.

— Скажи враже, якъ панъ каже, произнесъ музыкантъ, запечатывая отвѣтъ свой Елизаветѣ Николаевнѣ. — Сегодня что ли вы меня повезете?

— Сейчас. Я уж велѣлъ закладывать, отвѣчалъ прикащикъ.

Барскій принялся укладывать въ мѣшокъ платье и бѣлье свое. Гобоистъ помогалъ ему. Прикащикъ зѣвалъ и крестилъ ротъ рукою, сидя на диванѣ.

— Чтò, понимаютъ ли? спросилъ онъ Барскаго, прислушиваясь къ однообразной игрѣ скрипокъ, нарѣзывавшихъ гаммы въ сосѣдней комнатѣ.

— Понимаютъ, отвѣчалъ Барскій, улыбнувшись и разсматривая ноты, которыя нужно было взять въ городъ.

— Поправить не успеете, Захаръ Петровичъ? робко спросилъ гобоистъ, вертя въ рукахъ исписанный нотный листокъ.

— Давай, давай; успею, отвѣтилъ музыкантъ, взявъ листъ изъ рукъ мальчика и садясь къ столу.

— Прощай, Захарушка.... Мнѣ надо еще по хозяйству, сказалъ, подымаясь, прикащикъ. Пожавъ Барскому руку, онъ вышелъ изъ комнаты.

Барскій поправляя ошибки облокотясь на столъ, гобоистъ слушалъ объясненіе съ усиленнымъ до того вниманіемъ, что даже морщился. „Да, це, вѣдь, надо было тутъ, а я цисъ; эхъ, досадно“, перебивалъ онъ иногда, „забылъ.“

— Ну, вотъ тебѣ еще два мотива, придѣлай къ нимъ три голоса, сказалъ Захаръ Петровичъ, накидавъ карандашомъ двѣ темы.

Между тѣмъ къ крыльцу флигеля подъѣхали тѣ самыя сани въ которыхъ ѣздилъ музыкантъ къ Лучаниновымъ, парой же, но заложенною въ рядъ; къ придѣланнымъ къ задку сани высокими пальцамъ былъ привязанъ, какъ-то гордо выступавшій, вороной конь проданный вице-губернатору.

Барскій, надѣвъ шубу, взявъ ящикъ со скрипкой и вышелъ на крыльцо. Гобоистъ несъ за нимъ вещи.

— Да какъ же это я поѣду? началъ было Захаръ Петровичъ.—Вѣдь онъ впрямлетъ въ сани, жеребець-то?

— Не впрямлетъ, успокоительно отвѣчалъ старики кучеръ.— Зачѣмъ ему къ тебѣ въ сани? Садись, знай, прибавилъ онъ, оглаживая дико поглядывавшаго по сторонамъ жеребца. Музыкантъ усѣлся, косясь на привязанную лошадь. Кучеръ, помѣстившись на свое мѣсто, тронулъ лошадей. Жеребець лягнулъ раза два задомъ, рванулъ веревку, но словно почувствовавъ что не оторвешься, пошелъ, подпрыгивая, за санями.

— Пойдетъ, утѣшительно крикнули провожавшіе два конюха.—Только на поворотахъ ты, смотри, полегче, Сидорычъ.

— Знаю, отвѣчалъ кучеръ,—не впервые. Важивали мы не эдакихъ одровъ, не то что за пятнадцать верстъ, а и подаль, въ Питеръ.

Барскій по временамъ оглядывался на хрипѣвшаго надъ самымъ его ухомъ жеребца. Задѣвая о шесты привязанные по бокамъ, конь вздрагивалъ, пугливо повода по сторонамъ своими черными зрачками.

— А какъ выпрыгнетъ онъ въ сани, да скрипку расшибетъ мнѣ въ дребезги, началъ опять Барскій.

— На что ему скрипку твою бить? Сиди знай, отвѣчалъ Сидорычъ, выѣзжая на большую дорогу.— Охъ только вотъ сначала-то ершитса, а тамъ пойдетъ любеховько.

Конь въ самомъ дѣлѣ, будто покорившись неумолимой веревкѣ, пошелъ довольно смирно за санями.

Часа черезъ два, сани, миновавъ городскія лавки, поворотили въ широкую улицу и вѣхали въ ворота каменнаго, одноэтажнаго, но большаго дома, принадлежавшаго Павлу Ивановичу Тарханкову.

Домъ былъ знакомъ хорошо музыканту съ дѣтства. Отсюда онъ былъ отправленъ мальчикомъ въ Петербургъ учиться музыкѣ. Кучеръ проѣхалъ прямо къ конюшнѣ.

— Довели хорошо? спросилъ, вѣхавшій вслѣдъ за ними на дворъ въ санкахъ въ одну лошадь, Павелъ Ивановичъ.— Не засѣкъ ли ноги? говорилъ онъ, подойдя и осматривая подробно упарившагося жеребца.

— Нѣтъ, ничего, кажись; слава Богу, дошелъ какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ Сидорычъ.

— Здравствуй, продолжалъ Павелъ Ивановичъ, замѣтивъ наконецъ стоявшаго подлѣ саней, со скрипичнымъ щикомъ, музыканта.— Завтра концертъ. Сегодня, такъ часовъ въ восемь вечера, отправься ты, братецъ, къ Сергѣю Александровичу Палашову. Вотъ, въ моихъ саняхъ и сѣздишь. Кучеръ знаетъ гдѣ онъ живетъ. Палашовъ устраиваетъ концертъ. Такъ ты условься что играть, опять насчетъ акомпанемента. У него и прорепетируешь.

— Слушаю, отвѣчалъ Барскій.

Павелъ Ивановичъ ушелъ. Вышедшій къ сараю дворникъ повелъ Захара Петровича въ большую музыкантскую, помѣщавшуюся въ одномъ изъ боковыхъ, тоже каменныхъ, но

двух-этажных флигелей. Неприбранная, грязная комната, въ которую ввелъ онъ музыканта, напомнила Барскому дѣтство. Здѣсь жилъ Нѣмецъ, капельмейстеръ, низенькій, сухой, вспылчивый старичокъ, звавшій Захара Петровича „сахаромъ“; „сахаръ, возьми твой; виолинъ и ходи ко мнѣ“, говаривалъ старикъ. Барскій долженъ былъ каждое воскресенье вечеромъ играть съ нимъ дуэты Виотти, которые до страсти любилъ старикъ. Стояла та самая кровать, только безъ тюфяка, на которой, въ своемъ вязаномъ колпакѣ, спалъ Нѣмецъ, капельмейстеръ. На зеленомъ сукнѣ ломбернаго стола еще уцѣлѣлъ счетъ, вѣроятно, послѣдней партіи пикета; каждый праздникъ, послѣ дуэта, старикъ, распивая кружку пива, игралъ въ пикетъ съ пріятелемъ, провизоромъ губернской аптеки.

— Какъ же, братъ, нѣтъ ли у васъ тюфяка какого-нибудь на кровать-то? спросилъ Захаръ Петровичъ дворника.

— Ну, ужъ тюфяка, не знаю. Сѣнникъ я, пожалуй, набыю, а тюфяка нѣтъ у насъ, отвѣчалъ дворникъ, черноволосый, съ окладистою бородой, молодой, красивый парень.

— Набей хоть сѣнникъ; вѣдь не на голыхъ же доскахъ спать, сказалъ Барскій.—Я тебѣ на чай дамъ. Да вотъ, братъ, воды умыться принеси.

— Все приготовимъ; сейчасъ воды принесу, отвѣчалъ дворникъ, выходя изъ комнаты.

Положеніе Барскаго въ помѣщичьемъ домѣ было какое-то неопредѣленное. Старики дворовые, прикащикъ, даже старый кучеръ Сидорычъ, глядѣли на него какъ слѣдуетъ, какъ на своего, и обращались съ нимъ запросто. Молодые, отчасти сверстники, отчасти вовсе незнакомые съ Захаромъ Петровичемъ, дожидаясь, вѣроятно, чтобъ онъ первый выразилъ желаніе быть съ ними на короткую ногу, глядѣли на него вѣпросительно, даже подсмѣивались надъ нимъ и звали Петербуржцемъ. Обѣдать, на примѣръ, въ деревнѣ ему приносили во флигель гобонсть; здѣсь съ бариномъ были все молодые, и музыкантъ рѣшительно недоумѣвалъ къ кому ему обратиться чтобы добыть постель, самоваръ и тому подобное.

„Идти въ трактиръ,“ не успѣлъ подумать онъ, какъ въ комнату вошелъ, съ папирской въ зубахъ, въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ, поваръ: это былъ малый лѣтъ тридцати, съ залхватскими манерами, бѣлокурый, кудрявый, съ блѣднымъ, изношеннымъ лицомъ и съ покраснѣвшими, вѣроятно отъ

огня, прищуренными вѣками. Прищуренные глаза придавали лицу выраженіе нѣкотораго нахальства.

— Наше вамъ, сирѣчь, почтеніе, началъ онъ, развязно протянувъ руку; онъ былъ немного выпивши. — Извините, пардонъ, что я такъ какъ.... Можетъ-быть вы не желаете съ нашимъ братомъ, чумичкой.... Вы вѣдь фертуозъ, а мы....

Слово виртуозъ поваръ, по всей вѣроятности, производилъ отъ буквы фертъ, дѣйствительно похожей на подбоченившася самодовольно человекъ.

— У всякаго свое занятіе, отвѣчалъ Барскій, пожавъ ему руку. — Я, напротивъ, очень радъ что вы зашли. Научите меня, къ кому тутъ обратиться вотъ насчетъ постели, самовара?

Поваръ сильно затаился папироской, и насмѣшливо прищуривъ еще больше глаза, довольно долго, молча, смотрѣлъ на музыканта.

— Про это можно пѣсню свѣтъ, да чтобы кого по уху не задѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, отряхнувъ мизинцемъ пепель съ папироски.

— То-есть, какъ же это по уху? За что? Я васъ не понимаю, отвѣчалъ, покраснѣвъ и приготовивъ на случай кулакъ, Барскій.

— Такъ понимай, внушительно вытянувъ шею, отвѣчалъ поваръ.

— Да вы объясните мнѣ. Что я оскорбилъ что ли васъ своимъ вопросомъ, или чѣмъ другимъ? Сколько мнѣ помнится, я васъ одинъ разъ всего видѣлъ. Объясните мнѣ что долженъ я понимать такое? Сядьте, какимъ-то нервнымъ голосомъ произнесъ музыкантъ, выдвинувъ единственный стулъ свой на середину комнаты.

— Это дѣло второе, объяснилъ поваръ, запустивъ руки въ карманы панталонъ и развалившись на поставленномъ стулѣ. — Если вы нами, значитъ, не гнушаетесь, это все, самоваръ, постеля, только свисни, живымъ манеромъ все здѣсь явится. А буде съ гордостью, — банжуръ.... Ступай къ помѣщику. Вотъ я какихъ понятій.

— Да чѣмъ же мнѣ, позвольте васъ спросить, гордиться? сказалъ Захаръ Петровичъ. — Вѣдь я такой же крѣпостной какъ и вы, даже того же барина.

— Это мы все понимаемъ, а только....

— Никифоръ, къ барину, сердито крикнулъ, быстро отворивъ дверь, камердинеръ.

— Сейчасъ, отозвался поварь, вставъ со стула.— Наши ребята тожь не вислопята, добавилъ онъ, легонько хлопнувъ по плечу Барскаго.— А вотъ что, манъ анжъ, нѣтъ ли у васъ квинточка мнѣ на гитару?...

— Ступай, тебѣ говорятъ, говорилъ, стоявшій въ дверяхъ, камердинеръ.

— Успѣть.... Чай не загорѣлось.... Погодить, отвѣчалъ поварь, разсматривая струну поданную ему Барскимъ.— Важнецъ; вотъ за это, то-есть чувствительнѣйше, продолжалъ онъ, расшаркиваясь и убирая въ карманъ жилета квинту.— А насчетъ чего-нибудь иного, прочаго...;—сказавъ это, онъ значительно кашлянулъ и кивнулъ на камердинера.— При немъ, братъ, лишняго не говори: предатель, шепнулъ онъ на ухо музыканту и выбѣжалъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса, дѣйствительно, засаленный, чумазый поваренокъ принесъ двѣ котлеты, приготовленный чай, сливки и печенья. Поварь, вѣроятно, хотѣлъ доказать что онъ не пустословъ и не наобумъ предлагаетъ свое покровительство музыканту.

— Обѣдъ въ пять часовъ, приказалъ сказать вамъ Никифоръ Алексѣичъ, проговорилъ мальчишка.

— Благодари Никифора Алексѣича, сказалъ Барскій, — и передай что я не буду обѣдать дома.

Закусивъ и переодѣвшись, онъ взялъ ящикъ со скрипкой, ноты и отправился къ Палашову. Не зная адреса, онъ пошелъ было спросить въ господскій домъ.

— Васъ доведутъ въ барскихъ саняхъ, сказалъ ему случившійся на крыльцѣ камердинеръ. Онъ сказалъ что-то кучеру стоявшему съ санями въ одну лошадь у крыльца; кучеръ подалъ лошадь, и Барскій, въ господскихъ саняхъ, отправился къ незнакомому ему вовсе Палашову.

Проѣхавъ почти весь довольно большой городъ, сани поворотили у самой заставы на пустырь, и миновавъ огороды, подкатили къ стоявшему совершенно одиноко сѣрому, деревянному, старому дому. Барскій вошелъ на ветхое крыльцо.

— Что, дожидаться что ли васъ? спросилъ кучеръ.

— Да я и самъ не знаю. Гдѣ жъ дожидаться? Мы вѣдь будемъ сыгрываться, отвѣчалъ музыкантъ. — Какъ-нибудь дождь.

— Я скажу камердинеру. Можетъ приглаютъ за вами лошадей. А то вѣдь тутъ извозчиковъ нѣтъ; нусть, отвѣчалъ кучеръ, поворачивая лошадь.

— Скажи, такъ часу въ десятомъ, въ десять пусть приглаютъ, сказалъ ему Барскій, и вошелъ чрезъ незапертую дверь въ сѣни.

Кучеръ уѣхалъ.

Отворивъ вторую, тоже незапертую дверь, музыкантъ вошелъ въ темную передую. Въ комнатѣ не было никого. Онъ снялъ шубу и отворилъ дверь въ залу. „И тутъ никого нѣтъ“, подумалъ онъ, и кашлянулъ раза два. На звуки кашля изъ сосѣдней комнаты вышелъ лѣнливою поступью человекъ лѣтъ сорока, довольно толстый, съ коротко остриженными бѣлокурыми волосами и какимъ-то соннымъ выраженіемъ лица и сѣрыхъ глазъ. Запустивъ руки за пестрый, италянскій кушакъ, которымъ былъ подпоясанъ триковый халатъ его, онъ подошелъ къ Захару Петровичу.

— Барскій, если не ошибаюсь? сказалъ онъ, уставивъ мутные глаза свои на музыканта.

— Точно такъ, отвѣчалъ Барскій, — съ Сергѣемъ Александровичемъ имѣю честь я...?

— Съ нимъ, перебилъ вошедшій. — Очень радъ. Да скрипку... Вотъ хоть на рояль...

Барскій поставилъ скрипку и посмотрѣлъ на надпись рояля.

— Вартъ. И не дурной, изъ лучшихъ, говорилъ хозяинъ, всматриваясь въ гостя. Онъ замѣтно избѣгалъ мѣстоименій *ты* и *сы*, зная что музыкантъ крѣпостной. Тогда существовали еще, читатель, чрезвычайно затруднительныя правила объ употребленіи этихъ двухъ мѣстоименій.

— Эй! крикнулъ хозяинъ: — сила!

Въ комнату вошелъ слуга, въ поношенномъ черномъ фракѣ, человекъ лѣтъ шестидесяти. Онъ посмотрѣлъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей своихъ пытливо на музыканта и потомъ, поднявъ голову и брови, спросилъ:

— Чтѣ прикажете?

— Разумѣется, братецъ, чтѣ. Обѣдать и шампанскаго, отвѣчалъ хозяинъ, ввода гостя въ гостиную и указавъ ему на кресло противъ дивана.

— Слушаю-сь, отвѣчалъ слуга, снова опустивъ брови и выходя изъ гостиной.

— Васъ удивляетъ, началъ хозяинъ, развалившись на

диванъ (онъ уже рѣшилъ вопросъ насчетъ мѣстоименія).— Васъ удивляетъ, можетъ-быть, что я называю его силою. Его зовутъ Матвѣемъ. Но онъ сила... Напримеръ, денегъ нѣтъ ни копѣйки. Сила, подай шампанскаго. Онъ подаетъ. Достань пятьсотъ рублей. Черезъ часъ, два, они у меня въ карманѣ. Какъ, гдѣ онъ достаетъ, чортъ его знаетъ, но для него нѣтъ невозможнаго. Онъ просто гений. Сигару не угодно ли?

— Я не курю.

— А выпить? Водки?

— Не пью, отвѣчалъ Барскій.

— Какъ? Музыкантъ, въ Россіи, да еще, извините, крѣпостной, и вы не пьете? спросилъ хозяинъ.

— Не пью; въ обществѣ я люблю выпить рюмку, другую вина, а такъ....

— Ну, то-то же... Сейчасъ прійдетъ къ намъ виолончелистъ. Служить въ полици; вообразите, частный приставъ, но музыкантъ. Вотъ вы увидите. Но этотъ пьетъ, *con spirito*, прибавилъ хозяинъ.— Вы меня извините что я, вида васъ въ первый разъ, въ халатѣ.

— Ничего, отвѣчалъ Барскій.

„Что за чудорождъ“, думалъ онъ, рассматривая мощную фигуру Палашова. Палашовъ тоже рассматривалъ гостя, по временамъ присважно оглядывая его съ ногъ до головы своими мутными глазами. Комната, гдѣ сидѣли они, устлана была старинною, ломаною мебелью; по угламъ висѣли паутинны; одни изъ оконъ были полузатворены ставнями; паркетный полъ мѣстами былъ проломанъ и весь испещренъ пятнами; по срединѣ комнаты лежалъ свернутый половикъ; по столамъ были разбросаны журналы, карты, старыя перчатки, ноты. У подъѣзда завизжали полозья, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ гостиную, оправляя височки, толстый, низенькій человекъ съ припомаженнымъ хохолкомъ на головѣ, въ полицейскомъ, довольно поношенномъ вицмундирѣ.

— А виолончель съ тобой? спросилъ хозяинъ.

— Со мной, отвѣтилъ, вопросительно взглянувъ на Барскаго, вошедшій.

— Ну, въ такомъ случаѣ, рекомендую. Какъ васъ зовутъ? спросилъ Палашовъ музыканта.

— Захаромъ Петровымъ, отвѣчалъ Барскій. ●

— Захаръ Петровичъ Барскій, докончилъ хозяинъ.— А это виолончелистъ.... На что вамъ знать его фамилію?

Пришедшій разсмѣялся и нерѣшительно подаль два пальца музыканту. Усѣвшись рядомъ, онъ искоса внимательно разсматривалъ Барскаго:

— А водки хочешь? спросилъ частнаго хозяинъ.

— Да, выпью рюмочку.

— Эй, сила, хлопнувъ въ ладоши, крикнулъ хозяинъ.

Вошелъ опять лакей съ надвинутыми бровями.

— Закуску, subito.

— Готово, въ залъ; пожалуйста, отвѣтилъ слуга, навертывая на большой палецъ бѣлую какъ снѣгъ салфетку.

— И шампанское будетъ? спросилъ хозяинъ.

— Будетьсь, не подымая бровей отвѣтилъ слуга.

— Ну, не сила ли ты, братецъ? Не сила ли онъ, господа? Ты знаешь, говорилъ Палашовъ, обращаясь къ частному, — вѣдь я спустил вчера послѣднiе пятьсотъ рублей въ клубъ. А вотъ, какъ видите, есть водка и шампанское.... Такъ къ водкѣ, господа. Матвѣй, ты сила, братецъ, сила.

Старикъ почтительно улыбнулся.

— Прикажете кушать подавать? спросилъ онъ, нѣсколько нагнувшись.

— Подавай, братецъ, подавай, отвѣчалъ хозяинъ, приглашая жестомъ гостей войти въ залу.—А голова трещить, однако, послѣ вчерашняго.... Вѣдь тридцать двѣ бутылки; положимъ, вшестеромъ, но все-таки многонько.... Давайте жь, выпьемте.

На столѣ среди бутылокъ стояла четвертая бутылъ съ водкой.

— А я, братъ, продолжалъ Палашовъ, обращаясь къ виолончелисту, — думаю переимѣнить размѣръ. До сихъ поръ я игралъ въ двѣ четверти, то-есть бралъ полведромъ. Хочу попробовать въ четыре; чтобы безъ ritardando, знаешь.

Виолончелистъ разсмѣялся. Барскiй глядѣлъ съ недоумѣниемъ на наливающаго стакавъ водки хозяина и спрашивалъ самъ себя: куда это попалъ онъ? Частный отвелъ его въ сторону.

— Вотъ что, мой другъ, началъ онъ, взявъ его подъ руку.— Я позвалъ трехъ театральныхъ музыкантовъ. Мы думаемъ тебѣ, то-есть, виновать, вамъ, аккомпанировать квартетомъ. Это будетъ лучше чѣмъ съ фортепианами. Богаче, знаешь... знаете, какъ-то....

— Я не привезъ ничего; у меня взяты пьесы съ фортепиадо, отвѣчалъ Барскій.

— Какъ же быть-то? продолжалъ частный.— Да вотъ, впрочемъ, что.... А-жюльевый концертъ Родѣ, вѣроятно, вы играете?

— Играю.

— И прекрасно. А въ заключеніе хотъ *Соловья* Вьетана. Ноты сейчасъ же будутъ здѣсь. Есть у тебя чернильница и клочокъ бумаги? спросилъ онъ Палашова.

— Въ кабинетѣ все найдешь, отвѣчалъ хозяинъ, принимаясь тянуть налитый стаканъ водки.

Частный вышелъ и черезъ минуту воротился съ запиской.

— Отдай это моему кучеру, говорилъ онъ Матвѣю, чтобы онъ съвздумалъ домой и отдалъ эту записку барынѣ.... Понимаешь?

— Слушаю-сь.

Лакей вышелъ, а виолончелистъ принялся за закуску.

— А вы? спросилъ онъ музыканта.

— Не пьеть.... Какой же вы артистъ! говорилъ хозяинъ, запуская руки за кушакъ и оставивъ мутные глаза на Барскаго.

Между тѣмъ слуга подалъ супъ, и хозяинъ утѣлся съ обими гостями за накрытый довольно прилично столъ. Старикъ камердинеръ важно всталъ, съ наверхутою на большой палецъ салфеткою, за стуломъ хозяина.

Говорятъ, рѣдко ошибешься повѣривъ первому впечатлѣнію произведенному на васъ новымъ человѣкомъ. Но есть личности съ перваго раза просто непонятныя, сбивающія съ толку. „Циникъ“, рѣшите вы, услышавъ пошлаую острогу такого человѣка; но рядомъ съ этою острогой онъ вдругъ проявитъ такую деликатность чувства, такую дѣвственность души, что вы встанете въ тупикъ и невольно подумаете: „чортъ знаетъ что за человѣкъ, не разберешь его“. Такая двойственность поражала каждого, кто впервые видѣлъ Палашова. Какъ шестнадцати-лѣтняя институтка, берегъ онъ въ своемъ альбомѣ засохшій цвѣтокъ, никому не разказывая почему онъ ему дорогъ, и вмѣстѣ отпускалъ подъ часъ дюжинами такіе анекдоты которые могли бы нравиться развѣ какому-нибудь потерявшему вовсе чувство стыда человѣку. Трудно объяснить эту двойственность.... Прикрывалъ ли онъ свою чувствительность этимъ грязнымъ рубищемъ цинизма, изъ опасенія, быть-можетъ, чтобы не посмѣялся кто надъ ней?

Или же самъ себя осмѣивалъ онъ, чувствуя какъ не ко двору такія чувствительныя сердца въ нашей современной средѣ, толкующей, днемъ и ночью, о капиталахъ и процентахъ? Больше всего любилъ онъ музыку. Съ грѣхомъ пополамъ зналъ гаммы, онъ игралъ по слуху на фортепіано цѣлыя увертюры, арии и зналъ почти всѣ квартеты и симфоніи Бетгоvena. Будучи сыномъ одного промотавшагося богача, Палашовъ привыкъ къ роскоши; средствъ не хватало жить по-бароки; по смерти отца, одинокій холостакъ продавалъ имѣнье за имѣньемъ, не думая объ утрѣ. Домъ Палашовыхъ въ Петербургѣ былъ, когда-то, сборищемъ всѣхъ знаменитостей; писатели, живописцы, музыканты были домашними людьми у Палашовыхъ. Въ одной изъ залъ громаднаго дома игралъ знаменитый квартетъ братьевъ Миллеръ; въ другой стояла, только что присланная на выставку изъ Рима, картина какого-нибудь Орлова; въ кабинетѣ хозяина рисовалъ каррикатуру Брюлловъ, и рядомъ съ нимъ сидѣлъ извѣстный писатель, привезшій еще неизданную, новую свою повѣсть. Сергій Александровичъ, послѣ отца единственная отрасль стариннаго рода Палашовыхъ, окончивъ курсъ въ пажемскомъ корпусѣ, поступилъ въ конную гвардію, наслужилъ однако не долго; черезъ годъ его перевели въ армію за какую-то шалость, и онъ вышелъ въ отставку. Какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ онъ не учился сухой азбукѣ, требующей усидчиваго труда. Онъ, будто въ теоремѣ, не трудясь надъ длинною цѣпью вычисленій, принималъ на вѣру прямо выводъ. Нерѣдко ошибался онъ, конечно. Но часто талантливая природа отгадывала чутьемъ вѣрность мысли, красоту слова, слышала гениальное сочетаніе звуковъ. „Какъ это хорошо“, говорилъ Палашовъ, повторяя на своемъ роуль, со слуха, цѣлыя мѣста, слышанной всего разъ, симфоніи.

Въ губерскій городъ былъ присланъ Палашовъ за то что обругалъ свиньей во всеуслышаніе, на весь театръ, какого-то пѣвца, въ то время какъ пѣвцу подносили подарокъ. Распродавъ почти всѣ имѣнія свои и оставшись съ одними отцовскими долгами, Палашовъ продолжалъ занимать и, къ удивленію всѣхъ, находилъ гдѣ-то и какихъ-то кредиторовъ. Долги онъ изрѣдка уплачивалъ то полученною неожиданно небольшою суммой отъ какой-нибудь тетки, или отъ отцовскаго пріятеля. Деньги полученныя отъ отцовскихъ друзей Палашовъ возвращалъ прежде другихъ долговъ.

Въ губернскомъ городѣ всѣ полюбили его на другой же день прїѣзда. Безъ Палашова не устраивался ни одинъ концертъ, благородный спектакль; хоть онъ самъ не игралъ, но хлопоталъ, смѣшилъ на репетиціяхъ. Онъ пѣлъ цѣлые вечера, хриплымъ голосомъ своимъ, романсы Глинки въ домахъ гдѣ любили пѣніе; съ молодежью игралъ въ карты, пилъ шампанское, улаживалъ дикники и холостыя вечеринки.

— Это какой-то l'existence manquée, говорила про него губернаторша.

— Именно, именно, подтверждалъ губернаторъ.—И что мнѣ удивительно. Вѣдь, ну скажите, какой у него голосъ? Никакого. А онъ разкажетъ вамъ, просто объяснитъ, споетъ изъ Шуберта или изъ Глинки. Что бы изъ него вышло, еслибъ онъ серіозно поучился музыкѣ?

Но Палашовъ, даже получивъ серіозное музыкальное образованіе, врядъ ли бы оправдалъ надежды его превосходительства. Такіе люди какъ Палашовъ, намъ кажется, призваны для того чтобы пропагандировать, распространять творенія гениевъ. Они воспламеняются чужимъ огнемъ, но свѣтятъ иногда ярко въ темныхъ жилищахъ людей, по лѣности, или по чему другому, равнодушныхъ къ прекрасному. Въ этой, часто не сознаваемой самими ими службѣ, они велики. Какъ вѣтеръ заноситъ онъ растительное сѣмя въ глухія, бесплодныя мѣста. Дивятся всѣ, откуда появилось на такой неблагодарной почвѣ красивое растеніе. Это пролетѣвшій безслѣдно вѣтеръ занесъ сюда пару сѣменъ съ сосѣдняго луга.

— Ну, теперь дверь на крючокъ и, кто бы не прїѣхалъ, говори: „не принимаетъ“, сказалъ хозяинъ, допивъ послѣдній стаканъ шампанскаго и подымаясь изъ-за стола, старику слугѣ своему.

— Погоди же.... Дай прїѣхать музыкантамъ, замѣтилъ было приставъ.

— Прїѣхали, сударь, музыканты.—Я провелъ ихъ корридоромъ въ кабинетъ, отвѣтилъ Матвѣй.

— Убери это все.... Поставь пюпитры, свѣчи, распорядился Палашовъ,—и двери на крючокъ. Да притвори ставни. Знаете что, Захаръ Петровичъ; квартетъ бы прежде сыграть.... Какъ вы думаете? А?

— А ноты? спросилъ Барскій.

— Не тревожься; извините, то-есть, не тревожьтесь, мой любезный, не тревожьтесь; я велѣлъ привезти свои квартеты,

отвѣчалъ частный, доставая изъ ящика свою виолончель. Онъ никакъ не могъ наладить говорить „вы“ Барскому. Это происходило вовсе не изъ желанія оскорбить, а потому что языкъ ихъ благородій въ то блаженное время просто не поворачивался сказать „вы“ крѣпостному человѣку, не слушался.

Изъ сосѣдней комнаты вошелъ сѣдой старикъ въ длинномъ сюртукѣ, въ мѣдныхъ большихъ очкахъ, съ альтомъ подъ мышкою; онъ смѣрилъ Барскаго взглядомъ гладиатора встрѣчающаго выпущеннаго на арену звѣря. За старикомъ шелъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, лысый, небольшого роста, съ длинными, темнорусыми бакенбардами. Послѣдній былъ первая скрипка театральнаго оркестра. Этотъ старался показать что ему все равно съ кѣмъ ни играть, что онъ даже не замѣчаетъ Барскаго.

— Вотъ, позвольте васъ познакомить, началъ хозяинъ, называя фамилию.

Пока шли рукожатія, слуга поставилъ люстры и свѣчи. Барскій досталъ скрипку. Музыканты принялись строить инструменты. Театральные скрипачи какъ-то вздрогнули и оглянулись на Барскаго, заслышавъ металлическіе звуки Гварнери. Хозяинъ выкатилъ изъ гостиной волтеровское кресло, и закуривъ сигару, разсѣлся въ немъ.

— Что же мы будемъ играть? спросилъ частный приставъ.

— Что вамъ угодно, сказалъ, усаживаясь, Барскій.

— Начнемте отцомъ Гайденомъ, вмѣшался хозяинъ.— Вотъ этотъ, помните?—И онъ пропѣлъ тему перваго аллегро.

Старикъ альтистъ разложилъ ноты и отыскалъ квартетъ указанный хозяиномъ.

Барскій подтянулъ смычокъ и поднялъ скрипку. Гранулъ первый аккордъ, и повѣяло здоровымъ, свѣжимъ юморомъ не нашего времени; какъ легкія феи перебѣгали съ мѣста на мѣсто скрипки; тяжелый на подъемъ виолончель пускался вслѣдъ за рѣзвыми скрипками выдѣлывать мелкіе па и выкрутасы; смычки то шаловливо прыгали по струнамъ, то запѣвали, будто нечаянно вспоминая основную тему.

Нельзя было узнать игру Барскаго. Смычокъ, даже тонъ скрипки, совершенно измѣнились. Предъ вами сидѣлъ напудренный скрипачъ стараго времени, въ камзолѣ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Графъ и графиня, казалось вамъ, сидѣли у окна своего средневѣковаго замка, а самъ

великій Гайдень, молодой еще, стоялъ у кресель благосклонно улыбавшейся ему графини.

— Вотъ какъ играется, какъ надо играть Гайдена, сказалъ хозяинъ, поднявшись съ кресель и подходя своею лѣвюю поступью, къ музыкантамъ.

— Хорошо, отозвался виолончелистъ. Театральные музыканты также одобрительно кивнули головами; но ихъ заимала больше превосходная старая скрипка Барскаго.

— Этого мало что хорошо. Я слышалъ знаменитые квартеты. Играли хорошо. Но я не слыхивалъ чтобы кто изобразилъ мнѣ такъ рельефно Гайдена. Вѣдь ваша игра просто переноситъ насъ въ тотъ вѣкъ. Не смѣйтесь. Я вѣдь думалъ: ужъ не обрѣзали ли вы смычокъ вашъ; увѣрю васъ. Парики, пудра, замки тогдашніе, чопорная походка кавалеровъ, медленно движущихся дамъ со шлейфами. Вѣдь это вы мнѣ всё нарисовали. Я былъ тамъ, вѣрите мнѣ; былъ, слушая васъ. И знаете, господа, къ такому исполненію способенъ одинъ русскій, нашъ русскій музыкантъ, къ нему способна только дѣтски воспріимчивая душа нашего русскаго художника.

Барскій улыбнулся въ отвѣтъ на эту горячую тираду и замѣтилъ оратору что онъ немного увлекается.

— Можетъ-быть, грустно отозвался хозяинъ. Мы Русскіе забыты какъ-то, что-ли.... Сыграй-ко такъ Французъ, и мы же будемъ съ ума сходить; на память красть его перчатки будемъ... Да что жъ за дѣло вамъ? Ну, увлекаюсь.... Вѣдь въ увлеченіи лежитъ большая доза правды, окончилъ онъ, возвратившись на свое кресло.

Раздался менуэтъ. Чинно принялись раскланиваться кавалеры; изящно наклонивъ прекрасный станъ, отвѣчали на эти мѣрные поклоны, дамы. Басъ, точно савитый вельможа, важно двигался въ своемъ огромномъ парикѣ, въ общемъ веселомъ, но чинномъ и размѣренномъ танцѣ. Гайдень вѣжливо шепнулъ какую-то шутку молодой графинѣ.

— Ну, развѣ это не картина? началъ опять Палашовъ, когда менуэтъ кончили.—Надобно выпить. Сила.... Давай шампанскаго.... Ваше здоровье, дорогой Захаръ Петровичъ!..

Всѣ выпили по бокалу.

Полидось пѣвучее *adagio*. Это былъ теплый, задумчивый разказъ о давней, затаенной страсти. Тамъ гдѣ вторая скрипка начала свое соло, Барскій припомнилъ женскіе

каріе глаза, такъ успокоительно, такъ ободряя, бывало, на него глядѣвшіе.

— Прелестъ.... Ваша скрипка просто говорить, вскрикивалъ Палашовъ, ворочаясь въ своемъ широкомъ креслѣ. — Бетговена сыграйте мнѣ, большой, знаете, эс-дурный кажется; Harmon-Quartett еще зовутъ его Нѣмцы, умолялъ онъ....

— Знаю, отвѣчалъ Барскій....—А репетировать-то?

— Да что вамъ репетировать? Играйте что хотите.... До репетиціи ли тутъ, нетерпѣливо толковалъ хозяинъ, а виолончелистъ уже клалъ голоса Беттовенскаго квартета. Кто-то сильно застучалъ въ запертыя, по случаю квартета, наружныя двери.

— Кто это? Говори дома нѣтъ, не принимаю; пьянъ скажи, лежитъ безъ памяти, гналъ Палашовъ слугу, вошедшаго было съ докладомъ. Старикъ вышелъ, и черезъ нѣсколько минутъ послышался скрипъ отъѣзжающихъ саней.

— Такіе слушатели, Сергій Александровичъ, какъ вы, одушевляютъ, сказалъ Барскій, канифоля смычокъ.—Садитесь же и слушайте, прибавилъ онъ, строго взглянувъ на музыкантовъ.

Музыканты поняли этотъ взглядъ и осторожно взяли первыя ноты.

Тихо раздалась торжественная гармонія предвходнаго адагю. Слушатель какъ будто входилъ въ полумракъ преддверія готическаго храма; лучъ солнца перерѣзывалъ его сквозь расписанное красками длинное, узкое окно. Полный ожиданія чего-то стоитъ посетитель предъ тяжелою дверью, отворяемою сторожемъ. А.... Вотъ онъ храмъ со святилищемъ и олтaremъ, для коихъ выстроены и преддверіе, и эти стѣны испещренныя кистью и рѣзцомъ ваятеля.

Широкимъ тономъ высказалъ скрипачъ главную, основную мысль піесы, и чудодѣйственно начало созидаться около нея, надъ ней, великое, неизбежное зданіе. Одна и та же тема окрашивалась то оттѣнкомъ тяжкаго горя, то свѣтлымъ сіяніемъ чистой, вѣчной радости; то подымала бурю она, увлекала за собой всю массу гармоніи, для того чтобы дойти до того вопля который одинаково слышенъ и внятенъ уже и знатоку, и профану; то исчезала въ общемъ молитвенномъ гимнѣ, вдругъ зазвучавшемъ стройнымъ хоромъ силъ будто послѣ долгой умственной работы сознавшихъ наконецъ свое высокое призваніе.

Палашовъ то пристально принимался смотрѣть на широкій размахъ смычка музыканта, то, закрывъ глаза рукою, вслушивался въ грозные раскаты подымавшейся музыкальной бури. Первые фразы первой скрипки, какъ змѣйки молніи, сверкали на темномъ, густомъ фонѣ гармоніи.

Умолкла музыка. Бережно взяли послѣдній аккордъ музыканты. Хозяинъ тихо поднялся съ кресель, и подоидя къ первой скрипкѣ, низко поклонился, коснувшись пухлою своею рукою пола. Виолончелистъ сіялъ.

— Вы просто Бога хвалите своею игрой, сказалъ старый альтистъ, снимая мѣдныя очки съ увлажненныхъ слезами глазъ своихъ.

— Какой тутъ Богъ? запальчиво перебилъ Палашовъ.—Бетговеиъ самъ богъ.

— Эхъ, баринъ, отвѣчалъ старый альтистъ.—Узнаешь ты когда-нибудь что съ Богомъ шутить плохо... Охъ, узнаешь.

Барскій пожалъ всѣми руками и принялся укладывать разогрѣвшуюся скрипку. Первый скрипачъ подошелъ къ ящичку и не безъ зависти смотрѣлъ на красующуюся на бархатномъ, малиновомъ фонѣ Гварнери.

— Вотъ онъ, сказалъ хозяинъ, вынося изъ кабинета мраморный, небольшой бюстъ Бетговена. Всѣ взглянули на прекрасное чело великаго художника; рѣзецъ, случайно вѣроятно, начертилъ какое-то горькое выраженіе на сжатыхъ многозначущимъ безмолвіемъ устахъ гениальнаго человѣка.

— Ну, онъ бы пожурилъ насъ кое за что, сказалъ Барскій. Виолончелистъ немножко покраснѣлъ и принялся перелистывать ноты.... Вѣроятно, камень Барскимъ былъ пущенъ въ его огородъ.

— Лавровый бы вѣнокъ надѣлъ на васъ, перебилъ хозяинъ.—Вѣдь два-три промаха ничто предъ разумніемъ, предъ тою ясностью съ которою...

— Ну, оно все-таки, перебилъ Барскій.

— Рѣшительно вздоръ, продолжалъ Палашовъ.—Да если на античной аркѣ недостаетъ двухъ, трехъ камней, развѣ погибнетъ для меня отъ этого красота и величавость арки? Знаете что, сыграйте завтра въ концертѣ этотъ квартетъ.

— Пожалуй, да не было бы скучно?... скажутъ классическая музыка, отвѣчалъ Барскій.

— А чортъ побори тѣхъ кому будетъ скучно. Что вы, забавлять что ли ихъ подрадились? говорилъ хозяинъ.

— Пожалуй.

— Рѣшено.... Значить....

— Первое *allegro* Роде, *Соловей* и потомъ квартетъ, рѣшилъ Барскій. Послѣ квартета я не могу играть *Соловья*.

— Еще бы. И отлично. Только вѣдь нужно еще скрипку для Роде и для *Соловья*, говорилъ Палашовъ, обращаясь къ напѣвавшему что-то частному.

— Есть, есть второй скрипачъ, отвѣчалъ приставъ;—онъ не прѣхалъ сегодня. Гдѣ-то играетъ на вечерѣ. Уладимъ все.

— А теперь заprite вашу скрипку и пойдете въ гостиную.... Эй, сила!... Приготовь чай. Или, не двинуть ли бутылочку?

— Нѣтъ.... Мнѣ пора. Я лучше выпью стаканъ чаю, отвѣчалъ Барскій, запирая ящикъ.—Сани, не знаю, прѣехали ли?

— Прѣехали, отвѣчалъ слуга, подавая чай.

Всѣ вышли въ гостиную.

Театральные музыканты робко усѣлись со своими стаканами на стульяхъ у дверей гостиной, и какъ диковину разсматривали перелистывавшаго какую-то книгу Барскаго. Хозяинъ, задумавшись, ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ сдѣлался неразговорчивъ.

— Ну, а въ деревнѣ-то вы не играете квартетовъ? спрашивалъ частный Барскаго....—Вы меня извините что я сфальшивилъ; проглядѣлъ дѣзъ.... Чортъ его знаетъ какъ. Ошибка грубая, я знаю. Я примѣтилъ какъ вы взглянули на меня.

— Эти вещи не извиняются вѣдь только въ самую минуту фальши, отвѣчалъ, добродушно улыбаясь и пожимая протянутую руку пристава, Барскій. На этой половицѣ крѣпостной былъ предъ нимъ его превосходительство. — Нѣтъ, съ вами еще играть можно, снисходительно кончилъ полный генералъ отъ квартета.

Надобно было видѣть какъ не рѣшавшійся, вотъ съ часъ тому назадъ, сказать „вы“ музыканту челоѣкъ заискивалъ, вертѣлся; какъ умильно, вопросительно, глядѣлъ въ глаза, испрашивая снисхожденія у оскорбленнаго его ошибкой мастера.

Выпивъ стаканъ чаю, Барскій взялъ ящикъ и сталъ прощаться.

— Ну, батюшка, я не умѣю васъ благодарить, сказалъ хозяинъ.—Вы мнѣ доставили высокое наслажденіе.... Да что тутъ говорить.... Вы не глядите на меня что я такой беззудный.

Музыкантъ уѣхалъ въ присланныхъ за нимъ пошевняхъ; театральные артисты сѣли съ нимъ же; онъ взялся подвезти ихъ до города.

Палашовъ и частный приставъ часовъ до двухъ ночи толковали о необыкновенномъ талантѣ Барскаго. Хозяинъ, сверхъ обыкновенія, ничего въ этотъ вечеръ не пилъ.

Быль часъ двѣнадцатый ночи, когда Барскій въѣхалъ на господскій дворъ. Домъ былъ не освѣщенъ. Въ кухнѣ горѣлъ огонь. Оттуда раздавались звуки гитары, мѣрный топотъ чьихъ-то здоровыхъ ногъ и голосъ повара, залхватски напѣвавшего плясовую. „Въ бельэтажѣ, въ палюмажѣ“, вмѣстѣ съ топотомъ, долетало до музыканта, пока онъ, выйдя изъ саней, поднимался по лѣстницѣ въ свой флигель.

X.

Павелъ Ивановичъ Тарханковъ утромъ, въ день предполагаемаго концерта, сидѣлъ въ кабинетѣ своего городского дома; онъ былъ еще въ халатѣ. Покуривая трубку и прихлебывая по временамъ изъ чашки кофе, Павелъ Ивановичъ перебиралъ какіе-то пожелтѣвшіе документы, въ родѣ дворянскихъ грамотъ, писанные рукою александровскаго времени. Въ кабинетѣ, да и во всемъ домѣ было какъ-то неуютно, какъ обыкновенно бываетъ въ домахъ въ которые хозяева заглядываютъ только наѣздомъ. Старинный письменный столъ краснаго дерева, неуклюжій гардеробъ, покоробленный портретъ какого-то старика въ дворянскомъ мундирѣ составляли все убранство кабинета. Стекла не выставлены, вѣроятно съ давняго времени, рамъ потускнѣли; въ комнатѣ пахло чѣмъ-то нежилымъ.

— Василий Савельичъ Аристарховъ, доложилъ вошедшій, вѣчно мрачный, камердинеръ.

— А! Василий Савельичъ, проси, отвѣчалъ хозяинъ.— Да набей мнѣ трубку.

Камердинеръ вышелъ и чрезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошелъ, или вѣрнѣе вплылъ, безъ малѣйшаго звука, высокаго роста, нѣсколько полный, со свѣжимъ, прекрасно вымытымъ и выбритымъ лицомъ господинъ. Съдые волосы его были острижены подъ гребенку. На немъ былъ надѣтъ бархатный щегольской пиджакъ, высокіе воротнички рубашки

были ослѣпительной бѣлизны. На жилетѣ блестящая длинная золотая цѣпь.

Хозяинъ приподнялся.

— Извините, что я не одѣтъ. Проспалъ и потому.... началъ онъ.

Гость крѣпко пожалъ лѣвою рукой жирный локоть Тарханкова, беззвучно опускаясь въ стоявшія съ боку стола кресла.

Камердинеръ подалъ трубку Павлу Ивановичу.

— Оставь же насъ, сказалъ Павелъ Ивановичъ, закуривъ трубку.—Кто прѣдетъ, говори: „дѣтъ дома“.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ, выходя на цыпочкахъ, лакей.

Тарханковъ заперъ дверь на ключъ.

— Не прикажите ли сигару? спросилъ онъ гостя.

— У меня есть, мягко отвѣтилъ гость, вынувъ изъ кармана роскошный, золотой, съ эмалью, портсигаръ.

Хозяинъ зажегъ свѣчку; гость, обрѣзавъ аккуратно вынутую регалію, пустилъ струйку дыма въ нежилую атмосферу комнаты.

— Вотъ справка о которой я вамъ говорилъ, сказалъ хозяинъ, вынувъ изъ стола какую-то бумагу и передавая гостю.

Гость принялся читать ее.

Хозяинъ усталъ на него сѣрые, мышинные глаза свои и самодовольно улыбался, пуская полегоньку дымъ изъ янтара.

— Да.... началъ, положивъ бумагу и играя своею цѣпчочкой, гость,—но вѣдь окончательно вѣрить этому нельзя; положимъ, онъ перерылъ весь архивъ, все-таки, какъ вы поручитесь что противная сторона не отыщетъ эти документы. Замѣтьте что вы имѣете дѣло съ сильнымъ противникомъ. Гораздо бы вѣрнѣе было, какъ я вамъ говорилъ, еслибъ отыскать ихъ, и....

— И.... уничтожить, вы полагаете, какимъ-либо образомъ? спросилъ нервнѣе, вполголоса хозяинъ, нѣсколько побавровѣвъ.

— То-есть, я вамъ не говорю, не то что уничтожить, а.... Мало ли есть различныхъ средствъ на это.... Конечно, это можетъ стоить довольно дорого, но за то вы тогда обезпечены, вы не рискуете сдѣлаться калифомъ на сушки, проговорилъ гость.

— Я понимаю васъ, согласенъ, да вѣдь какъ, гдѣ отыщешь

ихъ. Положимъ.... Денегъ я бы не пожалѣлъ.... Что деньги? отозвался хозяинъ вздохнувъ и задумчиво опустивъ голову.

— Невозможнаго нѣтъ ничего, дражайшій Павелъ Ивановичъ, таинственно произнесъ гость, потянувъ дымъ изъ сигары и пристально взглянувъ на хозяина.—Святые денежки все дѣлаютъ.... Есть поговорка: „чудеса творять“.

Водворилось молчаніе. Гость, или почувствовавъ неприличіе довольно продолжительнаго безмолвія, или желая показать свое равнодушіе къ дѣлу о которомъ шла рѣчь, вдругъ началъ совершенно неожиданно сладкимъ до нѣги голосомъ:

— А люблю я, признаюсь, люблю народныя пословицы. Сколько въ нихъ разума и, знаете, не нашего, такъ-сказать, падшаго ума, а.... Сколько въ нихъ вѣры въ правду, свѣжести.

— Это вы насчетъ чего? спросилъ, думавшій видимо совершенно о другомъ, хозяинъ.

— Насчетъ пословицъ нашихъ русскихихъ. Я говорю, сколько въ нихъ наивной, именно наивной, мудрости.... Какъ цѣлостенъ еще и какъ уменъ нашъ народъ, повторилъ гость, сбросивъ пепель со своей сигары.

— Да, очень умный народъ.... Такъ вы говорите что можно достать эти бумаги? Есть онѣ? нетерпѣливо придвинувшись поближе къ гостю, спросилъ хозяинъ.

— То-есть какъ есть? отвѣчалъ гость разсматривая что-то на потолокъ.—Я этого не говорилъ. Я говорю что невозможное иногда дѣлается возможнымъ. Надежда, продолжалъ онъ, быстро и съ пріятною улыбкой взглянувъ на хозяина;—„надежда кроткая посланница небесъ....“ Помните у Жуковского? „Тебя хочу воспѣтья, о божественная...“ Какаѣ предесты! Слогъ-то? А? Ну кто, скажите, кто изъ нынѣшнихъ писателей....

— Хорошій слогъ, но.... Будемте говорить откровенно, перестаньте хозяинъ.—Имѣете вы нѣкоторыя свѣдѣнія развѣ, что документы....

— Какъ дальше, вотъ не помню.... Да; „ты утѣшаешь мореходца....“ Нѣтъ, не то; я пропустилъ еще одинъ предестытшій періодъ.... Боже мой, какъ бишь?

— Послушайте, нетерпѣливо приставалъ хозяинъ, мысленно посылая къ чорту и мореходца, и неумѣстную восторженность гостя.—Денегъ, я вамъ прямо говорю, я денегъ на это не пожалѣю.... Помогите.... Возьмите это дѣло на себя, почтеннѣйшій Василій Савельичъ.... Облагодѣтельствуйте человека на всю жизнь.... Василій Савельичъ.... Вы знали моего

брата; вы были другомъ нашего дома, продолжалъ уже прослезившись Павелъ Ивановичъ....—Во имя памяти покойнаго, если не для меня.... Помогите.

— Какъ это все, однакожь, мнѣ напоминаетъ, началъ гость, задумчиво оглядывая голыя стѣны нежилаго кабинета,—напоминаетъ о быломъ, о прошломъ.... Этотъ гардеробъ.... А! вотъ и онъ, продолжалъ онъ, остановивъ взоры на висащемъ на стѣнѣ потрескавшемся, запыленномъ портретѣ.—Вотъ онъ. Его улыбка.... Вылитый.... Чья это кисть?... Боже мой.... Давно ли, кажется, все это было.... Мы были оба молоды....

— Ну, вотъ видите, перебилъ хозяинъ, обрадовавшись впечатлѣннѣю произведенному портретомъ.... Братъ вѣдь и любилъ же васъ! У, какъ любилъ.... Я помню.

— И я любилъ его, вздохнувъ и меланхолически погѣсивъ на бокъ круглую сѣдую голову, произнесъ гость.

— Вотъ видите.... Такъ помогите....

— Двѣсти тысячъ, и дѣло будетъ сдѣлано, отвѣчалъ хладнокровно гость, выходя вдругъ изъ мечтательнаго настроенія.

Хозяинъ выпучилъ глаза и быстро отодвинулъ свое кресло; его будто ожгли эти два слова спокойно сказанныя гостемъ.

— Двѣсти тыс... началъ было онъ, но не докончилъ, словно испугавшись какъ бы не выскочила изъ стола на его взглядъ эта сумма.

— И то единственно помня дружбу покойнаго.... Боже мой! Аванасьевское, Горки.... Вѣдь это рай земной! Отчего вы тамъ не живете? Этотъ великолѣпный домъ, садъ. Боже мой, сколько самыхъ отрадныхъ, молодыхъ воспоминаній.... Да.... снова задумчиво наклонивъ стриженую голову, окончилъ гость.

Хозяинъ бессмысленно перекаладывалъ съ мѣста на мѣсто лежавшія на столѣ бумаги.

Опять воцарилось молчаніе.

— Скажите, началъ гость, развалившись и подперевъ голову своею бѣлою, тщательно вымытою рукой,—вы продолжаете поддерживать оркестръ? Ахъ, тамъ была одна пѣвица, помню я... Параша, кажется.

— Продолжаю, отвѣчалъ хозяинъ. — Послушайте, сказалъ онъ, желая сразу загатить этотъ нахлынувшій потокъ воспоминаній,—вѣдь это такая громадная сумма что....

— А вотъ это какая сумма, спокойно отвѣчалъ гость, помахивая своею прицелевою ботинкой.... Останется ли мнѣ за хлопоты пять тысячъ, я не знаю.

— Какъ это? спросилъ, изумившись, Павелъ Ивановичъ.—
Отъ двухсотъ тысячъ....

— Гдѣ вы живете? На дунѣ? спросилъ гость.

— Нѣтъ, но... началъ было хозяинъ.

— Такъ, что же васъ такое изумляетъ? Вы говорите, вы имѣете оркестръ.... Что сдѣлаетъ вашъ капельмейстеръ безъ скрипачей, флейтистовъ, контрабасовъ и такъ далѣе? У насъ, почтеннѣйшій, вѣдь тоже есть своего рода контрабасисты; есть виртуозы не дешевые.

„Ну, да и ты, братъ, вижу я, контрабасистъ, хоть и поешь о дружбѣ, да о прошломъ,“ думалъ хозяинъ, отвалившись къ спинкѣ кресель и кусая усы.

— У васъ концертъ сегодня, кажется, поправивъ на столѣ свой съѣхавшій было могучій локоть, началъ гость.... А это пріятно.... Въ губернскомъ городѣ, гдѣ мало развлеченій.... Недавно слышалъ я Вьѣтана. Что это за скрипачъ.... Сколько души.... Вы слышали его?

— Да, слышалъ.... Извините.... Я снова приступаю къ дѣлу.... Вотъ что, пятьдесятъ тысячъ я согласенъ дать.... Ну, шестьдесятъ, началъ хозяинъ, замѣтивъ при первой цифрѣ легкую улыбку на лицѣ гостя.—Шестьдесятъ тысячъ я, поватужусь, дамъ.... Помогите.

Гость молча улыбался.

— Вы дитя, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, какъ бы любясь собесѣдникомъ.—Дитя.... Въ васъ столько чистоты, наивности.

Тарханковъ нѣсколько сконфузился.

— Это такая рѣдкость, продолжалъ гость,—именно рѣдкость въ нашъ меркантильный вѣкъ.... Скажите, какъ вы это такъ всецѣло сохранились?

— Вамъ угодно шутить, началъ Тарханковъ, теперь только догадавшись что гость давнымъ-давно залѣзъ въ его душу и видитъ ясно что тамъ дѣется.

— Ни мало не шучу. Серіозно, вы напомнили мнѣ дѣтство... Ахъ, дѣтство, началъ было снова гость, но замолчалъ, почему-то узнавъ также о догадкѣ собесѣдника.

„У, архибестія“, чуть не сорвалось съ языка у хозяина, отарвашаго выступившій на лбу потъ.

— Будемте говорить серіозно, сердито и смотря въ сторону, началъ было онъ.

— Я вамъ сказалъ, перебилъ Аристарховъ, погладивъ

рукой бороду и посмотрѣвъ въ потолокъ.—Вы не сердитесь на меня. Что дѣлать? Мы вѣдь практики, продолжалъ онъ, засунувъ въ карманы руки и нагибаясь всѣмъ туловищемъ къ Тарханкову.—Вѣдь я не шутя; вы живете въ деревнѣ, въ тихой провинціи, въ васъ больше сохранилось, какъ хотите, идеальнаго. А какъ это важно сохраниться.... да.... прощайте же, сказалъ онъ поджавшись и пожавъ руку Павлу Ивановичу.—И его гитара.... Боже мой! добавилъ онъ, замѣтивъ запыленную гитару, выглядывавшую задомъ кузова изъ-за гардероба.—Дуеты игравали съ нимъ.... Я тоже гитаристъ вѣдь.... Какъ это все переносить меня въ невозвратимое прошедшее.

— Я у васъ буду, Василій Савельичъ. Вы когда въ Петербургъ? спросилъ хозяинъ.

— Да послѣ завтра.... Отъ десяти утра и до двѣнадцати я къ вашимъ услугамъ, каждый день, отвѣчалъ гость, пробуя отворить дверь.

— Нѣтъ, позвольте, запрето.

Щелкнувъ замкомъ, Тарханковъ отворилъ дверь и пошелъ провожать гостя въ переднюю.

— Какъ это все, вотъ даже стулья, напоминаетъ, продолжалъ, выступая беззвучными шагами и оглядывая нежилыя комнаты, чувствительный посѣтитель.—Василій, кажется.... Да? спросилъ онъ, уставившись въ передней на камердинера.

— Никакъ нѣтъ, Алексѣй, отвѣчалъ камердинеръ.

— Да что жъ я? Ты вѣдь былъ, братецъ, мальчикомъ. Не помнишь, грустно объяснилъ гость, надѣвая шубу.—Про вашего покойнаго брата можно вполне сказать съ Гамлетомъ: „но человекъ онъ былъ“, продекламировалъ онъ, неожиданно выпрямившись и трагически потрясая кулакомъ надъ самой головой Тарханкова.—Какъ это, еслибы вы слышали, говорить Каратыгинъ! Что за лицо при этомъ дѣлаетъ! Постоите: „но человекъ....“ Да нѣтъ, вдругъ не могу, надо настроиться, окончилъ наконецъ восторженный декламаторъ, величаво, но беззвучно выплывая въ сѣни.

„Какой чувствительный,“ думалъ, возвращаясь въ кабинетъ, Тарханковъ. „Знаю, братъ, я тебя. И говорить не хочется, бестія.... Вишь, очень ужъ разчувствовался. А умѣлъ братъ съ покойнаго по четыре тысячи въ мѣсяцъ за ходатайство, декламаторъ.... Да вексель взялъ съ него же въ тридцать тысячъ чортъ знаетъ за что; взялъ съ полумертваго,

на смертномъ одрѣ братъ былъ. Я самъ заплатилъ тебѣ вѣдь по нему сполна, все чистаганчикомъ.“

Послѣднія слова Тарханковъ даже прохрипѣлъ сквозь усы.

— Эй, одѣваться! сердито крикнулъ онъ.

— Пальто прикажете, или сюртукъ? спросилъ, влетѣвшій въ дверь какъ муха, камердинеръ.

— Какой ты, братецъ, осель. Разумѣется пальто, отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ, принимаясь фабрить и расчесывать усы предъ дорожнымъ зеркаломъ.—Что, поздно воротился [вчера Захаръ отъ Палашова?

— Часу въ двѣнадцатомъ, отвѣчалъ камердинеръ, раскладывая на стулѣ платье.

— Послѣ позови его ко мнѣ.

— Слушаю-сь, отвѣчалъ камердинеръ.

Павелъ Ивановичъ сталъ одѣваться. Пока онъ облачается, мы скажемъ нѣсколько словъ о его только-что удалившемся гостѣ.

Василій Савельевичъ Аристарховъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей духовнаго званія. Онъ былъ извѣстенъ въ Петербургѣ какъ повѣренный по дѣламъ важныхъ господъ; онъ же устраивалъ секретныя свадьбы, приводилъ въ порядокъ разстроенныя дѣла большихъ баръ; это приведеніе дѣлъ въ порядокъ всегда оканчивалось почему-то тѣмъ что хозяева платили Аристархову довольно округленныя суммы по векселямъ, оставаясь, впрочемъ, въ наилучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Бралъ онъ за свои хлопоты дорого, деньгами, имѣніями и даже крѣпостными людьми. Такимъ образомъ онъ нажилъ большое состояніе, купилъ домъ въ Петербургѣ и давалъ деньги въ ростъ за большіе, разумѣется, проценты. Дѣтей у него не было; старушка жена, урожденная какая-то графиня, была совершенною [рабой Василья Савельевича. Онъ даже запрещалъ ей каплять, и больная грудью старушка поминутно сдерживалась, когда мужъ или, вѣрнѣе, владѣлецъ ея былъ дома. Василій Савельевичъ былъ скупъ, но домъ его отдѣланъ былъ великолѣпно. Одѣтъ онъ тоже былъ всегда по модѣ, держалъ карету съ парюю прекрасныхъ рысаковъ. Эта обстановка была нужна ему чтобы брать больше денегъ со своихъ кліентовъ. Говорили что онъ держалъ даже танцовщицу, и содержаніе ея тоже помѣщено было въ условіе, въ видѣ уплаты за ходатайство. Имѣя обширное знакомство, Аристарховъ мастерски умѣлъ [подъѣхать къ

кому вамъ угодно. Дать вовремя и въ мѣру, кому именно дать, въ этомъ состояло въ то блаженное время все искусство адвоката. Василій Савельевичъ выигралъ такимъ образомъ большое дѣло покойнаго брата Павла Ивановича Тарханкова по откупу. Дѣйствуя въ Петербургѣ, онъ нерѣдко ѣздилъ и по губерніямъ, чтобы навести справку, поговорить со вліятельнымъ въ губерніи лицомъ; ѣздилъ, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не улаживалось перепиской и стоило свѣчь. По такому-то дѣлу и теперь онъ прибылъ изъ Петербурга въ губернскій городъ.

Василій Савельевичъ любилъ трагедіи, былъ безъ ума отъ Каратыгина (трагика) и самъ съ успѣхомъ декламировалъ мѣста изъ *Россиады*, *Эдипа*, изъ *Салозванца* Сумарокова. Выбиралъ онъ большею частію мѣста самыя свирѣпыя, гдѣ были страданія Танталя, заклинанія съ словами: „адъ, фуриі, скрежетъ зубовъ“ и т. п. Былъ падохъ онъ также до молодыхъ дѣвушекъ, и говоря о нихъ, выражался до невѣроятія фигурно: „пахучій лишь распустившійся цвѣтокъ, бабочка едва выльзшая изъ куколки“; иначе онъ не называлъ ихъ. Чувствительность онъ сначала напускалъ на себя, но потомъ, какъ актеръ, входилъ въ роль и искреннѣйшимъ образомъ вздыхалъ и плакалъ. Жаль что, развѣжившись, онъ уже не зналъ границъ; будь у него нѣкоторая доля самообладанія, онъ могъ бы быть прекраснѣйшимъ актеромъ.

Терпѣть не могъ онъ вольнодумцевъ. „Первое религія, религія первое,“ кричалъ онъ вездѣ, но „что ми хотите дати?“ произносилъ чуть-чуть не черезъ день, продавая за сребреники нерѣдко самого довѣрившагося ему кліента. Секретари, его друзья, товарищи по семинаріи, летѣли съ мѣстъ, когда честность этихъ секретарей мѣшала ему выиграть миллионное дѣло. Словомъ, все что ни попадалось на пути, все попиралось, словно разбѣжавшимся локомотивомъ, ненасытною алчностью знаменитаго адвоката. За то надобно было видѣть какъ вскакивали всѣ со стульевъ когда входилъ своею беззвучною поступью этотъ Юпитеръ въ какое-нибудь изъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ средѣ мелкихъ чиновниковъ палатъ, правленій, даже сената, о Васильѣ Савельевичѣ разказывался цѣлый рядъ былинъ точно о Васильѣ Буслаевѣ или Добрынь. Разказывали, напримѣръ, какъ Василій Савельичъ, сидя за ужиномъ въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ, хвастнулъ неосторожно,

подъ вліяніемъ шампанскаго, что достанетъ въ этотъ же вечеръ копію лежащей въ кабинетѣ у министра какой-то очень важной бумаги; состоялось пари на нѣсколько сотъ рублей; Василій Савельичъ написалъ три записки и послалъ куда-то съ ними одного изъ офиціантовъ гостиницы; черезъ два часа возвратившійся офиціантъ подаль ему на серебряномъ подносѣ запечатанный пакетъ. Это была копія. Самою популярною и любимую изъ этихъ былинъ, ходившихъ между писцами, была былина о томъ какъ Василій Савельичъ цѣлыхъ десять лѣтъ состоялъ секретно адвокатомъ въ одно и то же время у обѣихъ тяжущихся сторонъ. Здѣсь разказъ облекался мѣстами въ драматическую форму; читались выученныя слово въ слово прошенія и возраженія на нихъ, писанныя однимъ и тѣмъ же Васильемъ Савельевичемъ; разыгрывалась сцена въ кабинетѣ министра, обругавшаго Аристархова прямо въ глаза подлецомъ. Этотъ разказъ производилъ всякій разъ необыкновенное впечатлѣніе. Слушатели и самъ разказчикъ приходили въ какое-то восторженное состояніе, смѣялись до упаду, иные чуть не плакали отъ удивленія. „Башка,“ заключали они, выпивая при этомъ тройное количество водки, если бесѣда шла въ трактирѣ; дома ихъ сдерживали отъ восторга жены. Отъ отца къ сыну, съ разными вариантами, передавалась могучая былина и долго жила, если не живетъ еще и въ нынѣшнемъ поколѣніи коллежскихъ секретарей и регистраторовъ. Въ высшихъ слояхъ служебной іерархіи существовалъ тоже цѣлый рядъ былинъ о Васильѣ Савельевичѣ, но уже болѣе облагороженныхъ; здѣсь воспѣвались тѣ изъ продѣлокъ Аристархова кои были потоньше, поопрятнѣе, по крайней мѣрѣ снаружи. Въмѣсто безхитростнаго слова: „и тутъ надулъ“, употреблялось выраженіе: „Василій Савельичъ и тутъ нашелся; какъ хотите, умъ.“ Собрателямъ народной поэзіи я совѣтую, впрочемъ, держаться вариантовъ разказываемыхъ коллежскими регистраторами; они первичнѣе, и потому языкъ ихъ чище, выразительнѣе; въ нихъ ярче, искреннѣе выступаетъ образъ Аристархова нежели въ испещренныхъ французскими фразами разказахъ высшихъ чиновниковъ. Первые несомнѣнно и древнѣе вторыхъ; первые относятся къ началу богатѣйства Василья Савельевича, къ тѣмъ днямъ когда богатырь, полный юной отваги, не стѣснялся свѣтскими приличіями и не считалъ позоромъ для себя если его и поколотятъ.

Кромѣ эстетическаго наслажденія, былины о Васильѣ Савельевичѣ служили вмѣстѣ съ тѣмъ и поученіемъ, особенно для молодежи. „Я, братъ, прѣхалъ въ Петербургъ, на мнѣ была одна рубашка, да нанковый тулупъ, а ввизу, замѣть, ничего не было,“ говорилъ Василій Савельевичъ писцу своему, дѣлая выговоръ за то что дорого просилъ писецъ за переписку. „А теперь у меня, вотъ видишь, домъ, карета, и за счастье считаютъ многіе, если я протяну имъ, мимоходомъ, руку. Да;“ оканчивалъ онъ внушительно, запахивая атласный, голубой! халатъ свой. Писецъ охотно сбавлялъ нѣсколько рублей за переписку, надъ которою корпѣлъ безъ сна четыре ночи, и нѣсколько рублей были получены Васильемъ Савельевичемъ съ голодной семьи писца за полезное преподаваніе. §

Аристарховъ въ молодости втерся, посредствомъ гитары, въ домъ проживавшаго тогда въ Петербургѣ Алексѣя Андреевича Лучанинова. Замѣтивъ нерасчетливость и доверчивость молодого богача, Аристарховъ скоро сдѣлался его домашнимъ секретаремъ и стануль, опрятнымъ образомъ, не одинъ десятокъ тысячъ изъ Лучаниновской конторы. Онъ былъ однимъ изъ свидѣтелей на послѣдней свадьбѣ Алексѣя Андреевича; бракъ съ крѣпостною дѣвушкой, по очень понятному чувству стыдливости тогдашняго дворянина, былъ совершенъ въ селѣ, неподалеку отъ Петербурга, однимъ изъ полковыхъ священниковъ. Лучаниновъ рекомендовалъ Василья Савельича многимъ какъ адвоката и помогалъ ему иногда, такъ какъ первые дни знакомства ихъ относились къ періоду появленія Аристархова въ Петербургъ въ нанковомъ тулупѣ. Но не довольно ли о немъ. Онъ еще предстанеть читателю и самъ дорисуетъ себя.

— Афиша-съ, пропущалъ вбѣжавшій съ какимъ-то листкомъ бумаги въ кабинетъ казачокъ.

Павель Ивановичъ только что кончилъ туалетъ свой и, сидя въ креслѣ у стола, ждалъ Барскаго. Онъ взялъ у казачка афишу и сталъ читать.

— Да чтѣ же это такое? Кто же это смѣлъ, началъ онъ.

Въ это время вошелъ въ комнату Барскій.

— Кто же это, продолжалъ, обратившись къ нему, помѣщикъ,—кто жь это измѣнилъ? Вопервыхъ, я написалъ своею рукою въ программѣ: послѣдній номеръ „русская пѣсня“, а

туть напечатано: „квартетъ“. Ты развѣ не видалъ программы? Она у Палашова.

— Онъ не показывалъ, отвѣчалъ скрипачъ.

— Вотъ торыхъ, противъ твоей фамиліи я велѣлъ напечатать: „первая скрипка оркестра Павла Ивановича Тарханкова“. Этого тоже нѣтъ, продолжалъ онъ, начиная багровѣть.—Кому жь это угодно было такъ распорядиться?

— Я не знаю, Павелъ Ивановичъ, отвѣчалъ музыкантъ....— Мнѣ неизвѣстно даже....

— Врешь, запальчиво перебилъ, вскочивъ со стула, Павелъ Ивановичъ....—Ты это; это ты упросилъ Палашова не печатать....—Ты, захрипѣлъ онъ, подскочивъ къ самому лицу вдругъ помертвѣвшаго музыканта.—Ты думаешь: ты театральныи, петербургскій виртуозъ.... Я разубаю это.... Я доберусь, и если выпущено по твоей просьбѣ, я съ тобой сдѣлаюсь.... Я вырву у тебя скрипку изъ рукъ.... пасти скотину.

— Нѣтъ, не вырвете, неожиданно произнесъ блѣдный какъ полотно Барскій, съ тою нервною твердостью которая мгновенно дается человеку когда въ немъ все оскорблено.

— Не вырву? повторилъ, сжавъ кулаки и побагровѣвъ, баринъ.

— Не вырвете. Мнѣ она вручена Богомъ, повторилъ музыкантъ.

Голосъ его дрожалъ, какъ иногда дрожитъ струна подъ смычкомъ вдохновившагося музыканта. Павелъ Ивановичъ попытался. Прищуривъ глаза и заложивъ въ карманы пальто свои коротенькія руки, онъ минуты двѣ молча смотрѣлъ на виртуоза.

— Ты видишь, началъ онъ, покачавъ презрительно головой:—видишь ты вотъ эту старую перчатку? Видишь? Вотъ она здѣсь лежитъ, а стоить мнѣ вотъ сдѣлать что. Гляди, прибавилъ онъ, швырнувъ носкомъ сапога лежавшую на полу лайковую тряпку,—и она вонъ гдѣ, за порогомъ. Ты, вотъ что ты со всѣмъ твоимъ талантомъ для меня, продолжалъ онъ дрожащимъ шепотомъ,—гудочникъ.... меньше.... Ты.... вотъ эта старая, негодная перчатка.... Вотъ что ты. Ступай, отрывисто произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Музыкантъ вышелъ. Павелъ Ивановичъ былъ страшно взбѣшенъ; онъ первую минуту отпора отрусилъ, что бѣсило его еще болѣе. Случись это въ деревнѣ, Богъ знаетъ чѣмъ разыгралась бы для музыканта сцена. Но въ городѣ

Тарханковъ боялся скандала, боялся прослыть за негуманнаго, грубаго человѣка; это было бы неловко, особенно теперь, при вступленіи на предводительское поприще. Сдержанный гнѣвъ душилъ его, онъ началъ ходить по комнатамъ, и изъ дрожавшихъ губъ вылетали то ругательства, то неопредѣляемые хриплые звуки похожіе на рычанье разсвирѣпѣвшаго бульдога.

— Эй, хрипло крикнулъ онъ. — Подай мнѣ воды съ сахаромъ и вели подавать сани.

Тотчасъ же влетѣвшій камердинеръ исчезъ, выслушавъ приказаніе. Поправивъ предъ зеркаломъ усы, Павелъ Ивановичъ принялъ, на сколько могъ, выраженіе величаваго спокойствія и вышелъ изъ кабинета.

Нужно ли описывать въ какомъ настроеніи, въ семь часовъ вечера, въ этотъ самый день, садясь на извожика со своимъ футляркомъ музыкантъ, чтобъ ѣхать играть въ концертъ? Площадь, на которой стояло зданіе благороднаго Собранія, была еще пуста; у освѣщеннаго плашками подъѣзда толпились полицейскіе; толпа жандармовъ переминалась на снѣгу, держа въ поводьяхъ лошадей. Въ окнахъ, какъ метеоры, проносились зажженные лампы; прислуга еще только начала освѣщать залъ.

„Раненько я пріѣхалъ“, подумалъ Барскій, расплачиваясь съ извожикомъ. Швейцаръ во всеоружіи, въ трехугольной шляпѣ, съ широкою перевязью черезъ плечо и булавою, открылъ ему дверь, и музыкантъ вошелъ въ освѣщенные сѣни.

— Пожалуйте вотъ въ боковую лѣстницу; а то и здѣсь пройдетъ, сказалъ Барскому, снимая шубу, солдатъ. — Вы вѣдь, надо быть, играете, а кто играетъ, собираются въ уборной.

Захаръ Петровичъ поднялся по украшенной тощею зеленою лѣстницѣ и вошелъ въ довольно просторный залъ, уставленный стульями. Въ одномъ концѣ залы, предъ портретомъ Государя, на деревянномъ, досчатомъ возвышеніи стоялъ рояль и нѣсколько зеленыхъ пюпитровъ. Въ залѣ еще никого не было кромѣ лакеевъ зажигавшихъ лампы и свѣчи. Музыкантъ поднялся на возвышеніе и вошелъ въ узенькую дверь уборной. Отъ нечего дѣлать, онъ съѣлъ къ лампѣ и началъ читать лежавшую на столѣ афишу: „увѣстюра изъ Дамны“, гласила афиша. „Романсъ“ исполнить госпожа В. Фамиліи участвовавшихъ благородныхъ почему-то не были выстав-

лены на афишѣ. Только его имя „Барскій“ крупно отчеканила губернская типографія. Черезъ четверть часа начали сходиться музыканты; нѣсколько позже вбѣжалъ, поправляя височки, частный приставъ виолончелистѣ.

— Что вы такъ блѣды? спросилъ онъ, пожимая руку Барскаго.

— Нездоровится что-то, отвѣчалъ музыкантъ, принимаясь строить скрипку.

Наконецъ собрался театральннй оркестръ человекъ въ двадцать; раздались несвязные звуки инструментовъ. Гобой рѣзко затянулъ ноту, по которой музыканты принялись строить скрипки и виолончели; кларнетистъ выдвигалъ какія-то рулады чтобы нагрѣть свой инструментъ. Подъ этотъ хаотическій гулъ съѣзжалась публика. Разряженные дамы и дѣвицы усаживались на мѣста, обдергивая свои платья; кавалеры во фракахъ и мундирахъ переходили отъ одной знакомой къ другой. Наконецъ губернаторъ и губернаторша прошли въ первый рядъ, гдѣ стояли, почему-то, вмѣсто стульевъ кресла. За ними шелъ лѣнивымъ шагомъ, на этотъ разъ во фракъ, Палашовъ. „Bon soir“, привѣтливо улыбаясь, кивалъ ему со всѣхъ сторонъ дамы. Сергій Александровичъ лѣниво откланивался въ отвѣтъ на эти привѣтствія, остановившись посрединѣ залы и вставивъ въ глазъ стеклышко. Черезъ нѣсколько минутъ, важно осадивъ назадъ голову, пробѣжалъ мимо него во фракъ, съ орденскою ленточкой въ петлицѣ, раздушенный и тщательно причесанный Павелъ Ивановичъ; пожавъ Палашову мимоходомъ, съ принужденною улыбкой, руку, онъ ловко подлетѣлъ къ губернатору и, поздоровавшись, сѣлъ въ кресло рядомъ съ его превосходительствомъ.

— Сергій Александровичъ очень хорошо сдѣлалъ что помѣстилъ Бетговенскій квартетъ въ программу, началъ губернаторъ.

— Да, я и самъ хотѣлъ, отвѣчалъ Тарханковъ, — но подумалъ, не будетъ ли слишкомъ серіозно для нашей публики.

— О, почему же? Не думаю, замѣтилъ губернаторъ.

Въ это время, въ сопровожденіи вице-губернатора, къ нему беззвучно подплылъ Аристарховъ. Губернаторъ подалъ ему руку и представилъ женѣ. Аристарховъ поклонился и сказалъ ей нѣсколько, суда по ея улыбкѣ, лестныхъ словъ; онъ сѣлъ между Павломъ Ивановичемъ и вице-губернаторомъ.

Началась увертюра. Палашовъ сѣлъ на крайній стулъ

ряду въ третьемъ; свади его помѣстилася помѣщикъ съ необыкновенно краснымъ лицомъ; отчасти по лицу, частью по бутету, замѣтно было что онъ только что подкрѣпился стаканомъ пунша. Это былъ тотъ самый заклятый врагъ Модарта котораго читатель видѣлъ на обѣдѣ Павла Ивановича.

Кончилась увертюра. На эстраду вышелъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, со скрипкою, блѣдный, измученный, Барскій. Губернаторъ, Палашовъ и еще нѣсколько человекъ захолопали. Музыкантъ поклонился. Частный приставъ съ виолончелемъ утѣлся съ квартетомъ позади солиста; какъ-то странно было видѣть красный воротникъ на музыкальной эстрадѣ. Квартетъ началъ акомпаниментъ, и Гварнери запѣла первое allegro А-мольнаго концерта Роде; звонко, мастерски, была пропѣта тема; ясно, отчетливо вылетали изъ-подъ смычка пассажи, но сухо и безжизненно на этотъ разъ звучалъ богатый тонъ италянкой, старой, скрипки.

— Браво, закричали въ залѣ, когда пѣса была окончена.

— Браво, произнесъ Палашовъ, входя на эстраду и отправляясь вслѣдъ за музыкантомъ въ уборную. Онъ всю пѣсу смотрѣлъ пристально въ свое стекло на виртуоза. „Съ нимъ что-нибудь случилось“, думалъ онъ, „на немъ лица нѣтъ.“

— Барскаго, Захара, Барскаго! кричали въ залѣ.

— Чтò съ вами? спросилъ Палашовъ.

— Извините меня сегодня... Развѣ послѣ расхожусь.... Я не могу играть.—Нездоровится, отвѣчалъ Барскій.

— Да вы играли-то великолепно, продолжалъ Палашовъ, но....

— Надо бы лучше, окончилъ, принужденно улыбувшись, Барскій.

Палашовъ закурилъ папирску и развалился на диванѣ. Въ залѣ раздался женскій, довольно фальшивый, голосъ. Въ уборной молча сидѣли другъ противъ друга Палашовъ и Барскій. „Что онъ сидитъ?“ думалъ про себя музыкантъ. „Дурно сыгралъ я, такъ вотъ надо ему знать: почему? Надо задрѣсть въ чужую душу. Вѣдь нѣтъ безчеловѣчнѣе этихъ меломановъ,“ продолжалъ думать музыкантъ. И вѣрно думалъ. Палашова, дѣйствительно, занимало узнать чѣмъ встревоженъ Барскій, какъ занимается естествоиспытателя отчего шевелится нѣкоторое время части разрубленнаго на куски ужа. Палашовъ, какъ всѣ умные ничего не дѣлающіе люди, любилъ наблюдать, и часто изъ этой страсти такъ занимало его душевное состояніе Барскаго.

— Вамъ теперь, сказалъ приставъ-виолончелистъ, вбѣжавъ въ уборную.

Барскій взялъ скрипку, какъ беретъ измученный плотникъ топоръ услышавъ голосъ нарядчика, и вышелъ на эстраду.

„Соловей мой, соловей, голосистый соловей“, точно заведенная отличная машина, пѣла скрипка. Вотъ звонко зазвенѣла трель и, какъ просыпанный жемчугъ, продробила разлетѣвшаяся вереница нотъ садепа. Скрипачъ доигралъ, и двумя широкими аккордами кончилъ піесу.

— Bravo, закричали въ залѣ.—Бисъ, бисъ.

Скрипачъ, уходя съ поклонами съ эстрады, показалъ жестаами публикѣ, какъ могъ, что, при всемъ желаніи, не можетъ повторить. На подмостки выбѣжалъ блѣдный молодой человекъ съ необыкновенно длинными, бѣлокурыми волосами; его встрѣтили страшныя рукоплесканія. Это былъ одинъ князёкъ, піанистъ, ученикъ Леопольда Мейера. Небрежно кивнувъ публикѣ, онъ сѣлъ за рояль, потряхнулъ своею гривой, и сдернувъ палеваыя перчатки, бойко заигралъ одну изъ модныхъ тогда піесъ.

Палашовъ снова вошелъ въ уборную.

— Знаете что, выпьемте бутылочку шампанскаго? Послать? сказалъ онъ, взявъ легонько за бортъ фрака Барскаго.

„Экъ вѣдь его разбираетъ любопытство“, подумалъ музыкантъ.

— У меня и безъ шампанскаго стучить кровь молотомъ въ виски и темя, отвѣчалъ онъ, поднимая колкомъ опустившуюся квинту.—Кончу квартетъ и въ постель.

— Ну, ужъ этому не бывать. Мы ужинаемъ вмѣстѣ, перебилъ Палашовъ.—Послѣ концерта ко мнѣ, какъ вы хотите.

— Увольте. И притомъ Павелъ Ивановичъ.... началъ было, немного покраснѣвъ при послѣднихъ двухъ словахъ, Барскій.

— Это мое дѣло, перебилъ Палашовъ.—Я сейчасъ пойду къ нему и скажу что до завтрашняго утра не разстанусь съ вами. А то вѣдь хуже будетъ, мы приѣдемъ съ кульками въ вашу флигель.

Музыкантъ поклонился. Услышавъ жаркіе аплодисменты, онъ посмотрѣлъ на карманныя часы свои и вышелъ на эстраду, гдѣ ждали его, уже усѣвшіеся къ пультамъ, частный приставъ и два музыканта.

Публика была значительно оживленнѣе чѣмъ въ началѣ концерта. Не подумайте, читатель, что музыка оживила

ее; вѣтъ, просто-за-просто, прослушавъ „Соловья“, половина слушателей навѣстила буфетъ, скромно устроенный въ отдѣльной комнаткѣ подлѣ залы; нѣкоторые такъ тамъ и остались, другіе возвратились въ залъ съ выраженіемъ благодушія на лицахъ.

— Русскую, крикнулъ сидѣвшій за Палашовымъ краснолицый помѣщикъ, увидавъ усѣвшихся по-квартетному музыкантовъ; онъ возвратился изъ буфета, напротивъ, съ какимъ-то звѣрскимъ выраженіемъ лица.—Русскую играй. Не надо намъ Бетговена, кричалъ онъ, разваливаясь на стулѣ и топая широкою ступнею.—Русскую.

— Если вамъ не надобно Бетговена, оставьте залу, замѣтилъ ему, немного поблѣднѣвъ, Палашовъ.

— Не угодно ли вамъ самимъ оставить залу? Я не хочу, отвѣчалъ ему любитель русскаго.

— Да я хочу послушать Бетговена, отвѣчалъ не оборачиваясь Палашовъ.

— А я не хочу вашего Нѣмца Бетговена, продолжалъ любитель національнаго.

„Тсс“, раздавалось въ это время въ залѣ, и музыканты начали квартетъ. Любитель русскаго сердито отвернулся отъ играющихъ и сталъ разговаривать съ сидѣвшимъ за нимъ офицеромъ.

Кончили первое allegro; кое-кто захопалъ. „Русскую“, крикнулъ опять краснолицый помѣщикъ, повернувшись такъ что затрепалъ подъ нимъ стулъ. Палашова передернуло. Онъ быстро взглянулъ на него, но смолчалъ, увида что губернаторъ кивнулъ головой полицеймейстеру; тотъ подошелъ; губернаторъ что-то сказалъ ему тихонько; полицеймейстеръ, утвердительно наклонивъ голову, отошелъ на свое мѣсто, искоса поглядывая на руссофила.

Заиграли adagio. Видали вы предъ грозю небо? Свиная туча встаетъ; уже затянута она половину небосклона; массы отдѣльныхъ облаковъ, на свѣтлой половинѣ неба, то сходятся, то, разорвавшись, плывутъ, стараясь заслонить отверстіе въ которое, будто въ окно, прорвался таки широкій лучъ сіяющаго солнца. Далеко уже слышится гулъ приближающагося грома. Зритель будто присутствуетъ при мірозданіи, при великой борьбѣ тьмы со свѣтомъ, при хаотическомъ броженіи вызванныхъ изъ небытія стихій.....

— Барыню! крикнулъ на всю залу краснолицый.

Всѣ вздрогнули. Крикнувшій испуганнымъ взоромъ озиралъ

залу; онъ самъ, кажется, не ожидалъ такого эффекта. Если бы кто-нибудь подъ самый носъ созерцающаго чудную картину небосклона подставилъ вдругъ на шесть дыравый, стоптанный сапогъ.... Вотъ впечатлѣніе произведенное на Палашова возгласомъ руссофила.

— Слушай... Я тебя удавлю, энергическимъ шепотомъ сказалъ онъ ему, точно бѣшеный вскочивъ со стула.

— Какъ удавишь? спросилъ, подымаясь, озадаченный помещикъ.

— Удавлю. Вотъ этими руками, отвѣчала уже громче Палашовъ.— Вотъ какъ, прибавилъ онъ, засучивая рукава фрака и обнажая мощныя кисти рукъ.

Дворянинъ былъ озадаченъ; но чрезъ минуту, выпятивъ грудь и сжавъ богатырскій кулакъ онъ, размахнулся... Рука полицеймейстера подоспѣла во время.

— Господа, что это такое?

— Помилуйте, полковникъ; объясните.... Этотъ господинъ говорить.... началъ помещикъ.

Палашовъ возвратился на свое мѣсто; губы его дрожали отъ гнѣва. *Adagio* продолжалось, но публика вся обратила слухъ и взоры по направленію къ полицеймейстеру, уговаривавшему краснолицаго выйти или сѣсть.

— Я говорилъ вамъ: рано еще имъ Бетговена, самодовольно обратился къ губернатору Павелъ Ивановичъ.

Губернаторъ улыбнулся, но озабоченно, черезъ плечо, наблюдалъ чѣмъ кончится продолжавшееся вполголоса объясненіе полицеймейстера съ расходившимся дворяниномъ.

— Я этого не забуду, сказалъ, задыхаясь отъ волненія, нагнувшись къ Палашову, уходя изъ залы, краснолицый.

— И не совѣтую позабывать, отвѣчала довольно громко вслѣдъ ему Палашовъ.

Между тѣмъ квартетъ окончилъ уже свою музыкальную бурю; стихли раскаты грома, потухли молніи; на прояснившемся небѣ стояло, безпрепятственно, солнце; зеленѣла трава орошенная дождикомъ; „какая благодать“, говорилъ созерцатель, вдыхая въ себя живительный, тонкій ароматъ чистаго воздуха.

— И вы можете смѣяться? А еще музыкантъ! сердито говорилъ, входя въ уборную, Палашовъ.

Барскій хохоталъ, держа подъ мышкой скрипку.

— Да, кто это такой? спросилъ онъ.

— Чортъ его знаетъ, отвѣчалъ, закуривая папиросу, Палашовъ.— Должно-быть прѣзжіи.... Изъ берлоги.... Я его здѣсь не видывалъ.

— Вы, говорятъ, хотѣли удавить его? спросилъ Барскій, продолжая хохотать.

— И удавилъ бы, честный человекъ, удавилъ бы, горячо отозвался Палашовъ.— Заори онъ еще разъ, — конечно. Въ Сибирь бы ушелъ, а ужъ не выпустилъ бы живаго изъ этихъ лапъ.

Въ это время въ комнату вошелъ губернаторъ въ сопровожденіи Павла Ивановича и Аристархова.

— Какъ неприятно что помѣшали и тебѣ играть, и намъ слушать, сказалъ онъ.— Но все-таки ты намъ доставилъ большое наслажденіе. Благодарю, сказалъ губернаторъ.

Павелъ Ивановичъ разговаривалъ въ это время съ Палашовымъ.

— Вы-то зачѣмъ вскочили? спросилъ, смѣясь, губернаторъ Палашова.

— Помилуйте. Вѣдь онъ меня шпиговалъ въ продолженіе всего концерта.

— Для понимающаго музыку, дѣйствительно, это несносно, замѣтилъ губернаторъ, выходя изъ уборной въ сопровожденіи Павла Ивановича и Аристархова. Оба они были приглашены на чай женою губернатора.

— Ко мнѣ, какъ хотите, присталъ къ Барскому Палашовъ.— Я сказалъ Тарханкову что вы у меня ночуете. Берите скрипку и маршъ.

Приставъ, отправивъ домой виолончель, тоже упрашивалъ скрипача ѣхать уживаться къ Палашову. Барскій согласился, и всѣ втроемъ уѣхали въ пошевни частнаго. Дорогою Палашовъ уже пересталъ сердиться, и громче всѣхъ хохоталъ надъ собой и надъ эффектною выходкой красноречиваго руссофила.

XI.

До двухъ часовъ утра сидѣли за столомъ Палашовъ, виолончелистъ и Барскій. Бутылку за бутылкой подавалъ старикъ слуга. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, разогрѣвшихъ голову, Палашову казалось что онъ говоритъ, просто, мировая истины; подогрѣтые слушатели тоже были убѣждены что предъ ними сидитъ, по крайней мѣрѣ, непонятый гений.

и выплеснуть весь свой бокалъ на Палашова, частный приставъ.

— Повсю Пушкину; арсфана, отвѣчалъ хозяинъ.

— Не профанъ, а просто не разслышалъ, поправился приставъ.— Именно средникъ Вѣдь, вотъ это бы надо все....

— Вотъ говорятъ *Русланъ* и *Людмила*; говорятъ драмы вѣтъ, продолжалъ, уже не ясно выговаривая некоторые слова, хозяинъ.— Да развѣ Пушкинъ драм... Омъ сказку намъ написалъ; и Глинка далъ намъ сказку. И больше ничего.

Это была лебединая пѣсня отягченной вивомъ головы Палашова. Омъ много выпилъ и, какъ это бываетъ иногда съ переложившимъ черезчуръ гулякой, срѣзался сразу; точно что больше ничего путнаго въ этотъ вечеръ не слышали отъ него собесѣдники.

— Просто сказка, продолжалъ омъ, пѣходя къ Барскому и чуть не сбивъ его съ ногъ своею покачнувшеюся мощною фигурой.— А музыка.... Я вотъ какъ; еслибы не музыка....

— Пожалуйте, Сергѣй Александровичъ, лягте, взявъ его подъ руку и совсѣмъ опустивъ на маза свои сѣдыя брови, говорилъ старый слуга.

— Я лягу, погоди, отбивался отъ него Палашовъ.— Гармонія....

— Пойдемте, сказалъ, зѣвая, Барскій.— Ему, да кажется и намъ, время уснуть.

Ему тоже вино порядкомъ стучало въ голову.

— Еще стаканчикъ, и пойдемъ, сказалъ частный приставъ.— Вѣдь ты доставилъ намъ просто праздникъ. Увѣряю. Развѣ это часто. Позволь мнѣ отъ души обнять, продолжалъ омъ, пошатываясь подходя къ музыканту, великаго....

— Полноте, рада Бога, перебилъ его Барскій.— Такихъ великихъ....

— Нѣтъ.... Я, вѣдь, вижу.... Я вотъ выпилъ, но.... ты нашъ великій, русскій нашъ, великій Барскій.

Хозяинъ опустился въ кресло и задремалъ. Слуга развязалъ ему галстукъ. Гости вышли въ переднюю.

— Я тебя доведу, сказалъ, надѣвая не въ тотъ рукавъ шубу, приставъ.

Барскій одѣлся, взялъ свой ящикъ, и оба вышли на крыльцо. Начинало свѣтать.

— Пойжай мимо дома Тарханкова, знаешь? бормоталъ къ черу приставъ, съ трудомъ закидывая ногу въ пошеви.

„Однако баринъ-то зашибъ дрозда“, подумалъ кучеръ, трогая лошадь.

Ссадивъ музыканта у дома Павла Ивановича, приставъ приѣхалъ домой.

— А барыня воротилась изъ концерта? спросилъ онъ горничную.

— Эка хватились, отвѣчала она; — давно въ постели барыня. Видь пятый часъ, сударь.

Частный, пошатываясь, прошелъ черезъ неосвященный залъ и гостиную прямо въ спальню. Тамъ еще горѣла свѣчка. Жена его, женщина лѣтъ тридцати, лежала уже въ постели.

— Гдѣ ты это запропастился? спросила она, поднявъ съ подушки голову и завязывая чепчикъ.

— Какъ гдѣ? Квартетъ играли, матушка, отвѣчалъ приставъ, поправляя растрепавшіеся волосы.

— Это до пятого-то часа? Раздѣвайся, что стоишь. Игральщикъ, отвѣчала, отворачиваясь, жена.

— Въ пользу сиротъ.... Нельзя же.... Но скрипачъ.... Вотъ какъ тебѣ скажу.... Послушай.... бормоталъ, раздѣваясь, частный.

Но жена притворилась спящею, видя что нечего было олушать. Частный раздѣлся кое-какъ, надѣвъ халатъ и, послѣ двухъ-трехъ промаховъ, задулъ догорѣвшую до самаго шавдала свѣчку.

Барскій, тоже порядочно пошатываясь, вошелъ по лѣстницѣ въ свою квартиру. Прислушиваясь къ отдаленному гулу колоколовъ, благовѣстившихъ къ заутрени, музыкантъ раздѣлся и легъ въ постель. Возбужденный виномъ, организмъ его, словно машина въ которую ребенокъ всунулъ посторонній гвоздь, принялся работать чепуху. То сердце вдругъ замреть, и налетитъ минута безотчетной тоски, такой тоски что, кажется, никогда, ничѣмъ отъ нея не отдѣлаешься; то вдругъ припомнится дешевая острота собесѣдника и нападеть неудержимый смѣхъ; то воспаленный мозгъ явить полудсоннымъ очамъ морщинистое, желтое лицо старухи; то кровь подхлынетъ къ мозгу, вспомнится, ни съ того, ни съ сего, вычитанная гдѣ-то, когда-то, мысль, и умъ, подхвативъ ее, примется любоваться ею, какъ ребенокъ отыскавшеюся за шкафомъ старою игрушкой.

— Нѣтъ, не уснешь, должно-быть, произнесъ Барскій, под-
навшись на постели.

Въ окнѣ красная заря; въ комнатѣ выступили утомившія
было въ ночной темнотѣ вещи. Музыкантъ вспомнилъ что
такая минута уже была у него разъ въ жизни; также вотъ
точно не спалось ему; какъ теперь поднялся онъ на посте-
ли, и первое что увидалъ, красную полосу зари въ оконкѣ.
„Да, это было“, вспоминалъ онъ, опершись локтемъ на по-
душку, „было въ тотъ день какъ подарила мнѣ графиня
скринку, какъ въ первый разъ игралъ я на ней съ Елизавет-
той Николаевной. Вотъ не угодно ли. Люблю; меня лю-
бятъ; и талантъ, говорятъ добрые люди, есть у меня. А руки
связаны. Правда, говорятъ, возьметъ свое. Куда ей; двѣ ты-
сячи душъ, миллионъ денегъ, и подѣ каблукъ ее. Продастъ
и купитъ куча золота тебя, хваленая, да рѣдко видимая
правда. Вотъ хоть бы давича. Я, говорить, вырву твою скрип-
ку; и вырветъ. Ты эта тряпка, говорить; и правъ, да какъ
же я не тряпка? Не знаю съ чего я расхрабрился такъ.
Богъ вручалъ мнѣ.... Колотись лбомъ, жди помощи, а сила
здѣшняя швырнетъ тебя туда вонъ, за порогъ, какъ тряпку.“

И память, будто фигляръ, дѣливо повертывая желѣзную
ручку райка, показывала длинную вереницу лицъ, картинъ,
знакомыхъ всякому. А вотъ, извольте посмотреть, идетъ го-
лодная жена, босые дѣти за простымъ гробомъ учителя; его
заѣли люди. А вотъ лежитъ въ холодной комнатѣ скрипачъ
въ чахоткѣ, полученной имъ за черствый кусокъ хлѣба; ста-
руха мать шьетъ новую рубаху чтобы прилично снарядить
сына въ дальнюю и, слава Богу, невозвратную дорогу. А
вотъ поруганную Ловеласомъ богачемъ красавицу ведутъ въ
домъ сумашедшихъ добрые люди; хохочетъ дѣвушка, сбросивъ
соломенную шляпу съ головы и разметавъ по плечамъ
роскошныя пряди черныхъ какъ смоль волосъ. А вотъ....

Ну, будетъ, надоѣлъ фигляръ. Нѣ, вотъ, тебѣ, и проходи
со своими всѣмъ извѣстными дубками; еще еслибы новень-
кіе, а эти, братъ, давно намъ приглядѣлись.

— Захаръ Петровичъ; вотъ такъ спитъ; Захаръ Петро-
вичъ, говорилъ, довольно безцеремонно толкая заснувшего
музыканта, блѣдный, высокій человѣкъ съ усами. Спящій
проснулся, взглянулъ въ знакомое лицо стоявшаго предъ
нимъ человѣка и узналъ въ немъ барскаго камердинера.

— Чтò вамъ? спросилъ онъ, протирая глаза.

— Пожалуйте къ барину.

Музыкантъ всталъ, наскоро умылся и сталъ одѣваться.

— Кажется, въ Москву васъ отправляетъ, началъ камердинеръ, закуривъ папиросу.

„Куда угодно, хоть къ чертямъ“, думалъ музыкантъ, отыскивая чистую рубашку въ чемоданѣ.

„Баринъ ты не баринъ, лакей не лакей“, думалъ камердинеръ, съ завистью поглядывая на щегольское, голландское бѣлье музыканта.

Барскій одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ камердинеромъ къ Павлу Ивановичу.

— Подождите, впустивъ его въ залу, сказалъ камердинеръ, — гость сидитъ у барина; надо быть, скоро уѣдетъ.

Музыкантъ всталъ противъ окна и началъ, отъ нечего дѣлать, смотрѣть на улицу. Будочникъ, съ засаженною книгой подъ мышкой, велъ по тротуару парня лѣтъ двадцати, въ легкомъ нанковомъ пальто и въ зашнурованныхъ въ дырявые сапоги, тоже легонькихъ панталонахъ; запустивъ въ рукава пальто руки, дрожалъ на морозѣ молодецъ, но это не мѣшало ему весело разказывать что-то будочнику. Возъ дровъ тащила косматая, пѣгая лошадевка; подлѣ саней, похлопывая новыми рукавицами, шелъ мужикъ съ побѣлѣвшею отъ мороза бородой. Въ сосѣдней комнатѣ послышался наконецъ голосъ Тарханкова, и чрезъ минуту вошелъ неслышными шагами въ залу Аристарховъ; его провожалъ, весело потирая руки, уже одѣтый Павелъ Ивановичъ.

— Ну, братецъ, какъ ты играешь, произнесъ Аристарховъ, остановившись противъ Барскаго; при этомъ онъ поднесъ къ губамъ три пальца и зачѣмъ-то поцѣловалъ ихъ. — Волшебство.... Орфей.... Орфей у васъ онъ, Павелъ Ивановичъ.

Тарханковъ, сверхъ ожиданія, милостиво разсмѣялся и потрепалъ по плечу музыканта. Такъ точно гладитъ хозяинъ сидящаго въ клеткѣ попугая (за то что онъ предъ гостями отаично протрещалъ „дурака“.

Барскій поклонился уходившему Аристархову.

— Орфей, просто Орфей, повторялъ, широко улыбаясь, гость, подходя къ двери.

— Итакъ до завтра? спросилъ, провожая его въ переднюю, Павелъ Ивановичъ.

Аристарховъ молча, утвердительно кивнулъ головой, и

накинувъ медвѣжью щегольскую шубу, выплылъ въ отвѣренную слугою дверь прихожей.

— Поди сюда, сосредоточенно произнесъ Павелъ Ивановичъ, шествуя величественно въ кабинетъ.

Барскій пошелъ за нимъ.

— Вотъ чтò.... Одинъ разъ навсегда я говорю тебѣ, началъ помѣщикъ, вступивъ въ кабинетъ и взявъ лежоньку за бортъ сюртука музыканта.—Одинъ разъ навсегда, братецъ; будешь послушень, тихъ, будешь хорошо вести себя, забыть мною не будешь. Я беру на себя устроить судьбу твою и.... продолжалъ онъ, нѣсколько заминаясь.—Будешь грубъ, дерзокъ—на себя пеняй, ораторствовалъ онъ, разводя руками.—Я прямо говорю тебѣ, я все готовъ простить, напейся ты пьянъ, попади на сѣзжую, но дерзости никому, ни тебѣ, ни другому, знай, я не спущу, не оставляю такъ, безъ наказанія.... Дерзости я не перевариваю.

Музыкантъ молчалъ, опутивъ голову и засунувъ руку за бортъ сюртука. Павелъ Ивановичъ прошелся по комнатѣ и остановился противъ Барскаго, уставивъ на него сврозеленые глаза свои; поза его ясно выражала ожиданіе что скрипачъ начнетъ просить прощенія.

— Извините, сквозь зубы прошепталъ музыкантъ, единственно изъ желанія выйти поскорѣе изъ неловкаго положенія.

— На этотъ разъ прощаю, но еще разъ, и тогда ни на талантъ твой я не посмотрю, ни на чтò, отвѣчалъ Тарханковъ, слегка побавровѣвъ.

Пройдѣсь раза три по кабинету, онъ сѣлъ къ письменному столу и развернулъ нумеръ *Московскихъ Вѣдомостей*.

— Здѣсь публикуетъ одинъ московскій музыкальный магазинъ, началъ онъ, развертывая газету,—что, прекращая торговлю, распродаетъ онъ мѣдные и другіе цструменты, а также ноты для оркестра, струны, по пониженной значительно цѣнѣ. Сѣзди, братецъ, ты въ Москву, и если дѣйствительно выгодно купить, то купи чтò намъ необходимо.

— Слушаю, отвѣчалъ Барскій.

— Въ этомъ пакетѣ деньги. Вотъ твой видъ и прогоны. Черечти.

Барскій, подойдя къ столу, сталъ считать. Павелъ Ивановичъ, развалившись въ креслахъ, зорко слѣдилъ за пальцами музыканта, перелистывавшаго синенькія и красненькія, болшею частію худыя, ассигнаціи.

На другой день послѣ описаннаго разговора музыкантъ сидѣлъ уже въ кубиткѣ, рядомъ съ попутчикомъ, кундомъ въ лисьей, желтой шубѣ. Повозка вырала по ухабамъ, издавая при этомъ стукъ похожій на отдаленныя пушечныя выстрѣлы; бряцали бубенцы ямской тройки; было свѣжое поле перерезанное кое-гдѣ темносѣрыми полосами кустарника; и оживали путники, послѣ часоваго созерцанія пустырей завиля деревушку стоящую на дорогѣ.

— Ты, я вижу, по музыкантской части? спрашивала лисья шуба, освобождая отъ воротника красноватое, испещренное веснушками лицо и разглаживая рѣденькую русую бородку.

— Музыкантъ, отвѣчалъ Барскій.

— То-то, я вижу, ящикъ: Скрипка что ли у тебя въ немъ?

— Скрипка.

— Вотъ тоже нонче, продолжала шуба,—на Макарьевскую, въ Нижній, двѣца прѣвзжала изъ Варшавы, такъ та свиститъ.

— Какъ свиститъ? спросилъ Барскій.

— Свиститъ, отвѣчалъ купецъ, — мы диву всѣ далися. И пѣски разныя, и кадрели.... Она канцерты давала, и фортепьянщикъ ей подыгрываетъ; ужъ есть чего послушать. Я, грѣшнымъ дѣломъ, разъ десятокъ ходилъ. Любопытно. Молодцы смѣются: „что, братъ, говорятъ, опять на свистъ пошелъ?“ Рубля полтора безъ мала она у меня высвистѣла. А ужъ что дѣлаетъ, диву подобно. Тутъ, рядомъ съ нашей лавкой, мѣховщики, ходили тоже.... „Не можетъ быть, говорятъ, во рту у ней что-нибудь есть.“ Сложились, на домъ къ ней отправились. И въ ротъ смотрѣли, и пальцемъ цупали, ничѣмъ ничего; а такъ вотъ соловьемъ и разливается, воровка!

— А что, рано ли мы въ Москву будемъ? спросилъ музыкантъ.

— Да къ свѣту, Богъ дастъ, будемъ. Дорога-то больно ухабиста, отвѣчалъ попутчикъ, зѣвнувъ во весь ротъ и отваливаясь въ уголъ кубитки.

Стало смеркаться; мелькнула звѣздочка на потемнѣвшемъ небѣ; какъ искорка засвѣтился гдѣ-то огонекъ; темнѣй, темнѣй, и потонула въ темнотѣ даль безграничнаго поля. Длинная вереница кустовъ.... Да, волю, кусты ли это? Нѣтъ; это Цыгане таборомъ идутъ на новое, невѣдомое становище; это они несутъ куда-то полудикую свою пѣсню. Смотрите,

вонъ на тощей клячѣ сидитъ молодцоватый паренъ, лѣтъ двадцати-пяти, въ бараньей шапкѣ и въ накинутаго тулупѣ. За нимъ, навьюченная бѣдною утварью высокая телѣга, парой, движется что печь Ивана дурака, встарь разѣзжавшая „по щучьему велѣнью“. Рядомъ съ телѣгой, съ младенцемъ [на рукахъ, въ живописныхъ лохмотьяхъ своихъ, идетъ молодая Цыганка; полунагой, кудрявый мальчикъ, лѣтъ трехъ, бѣжитъ за матерью. Старуха со свалившимся, беззубымъ ртомъ и астребинымъ носомъ, несетъ за исхудалыми плечами котелокъ и бубенъ. За ней, безъ шапки, выступаетъ бодрымъ шагомъ низенькій, приземистый старикъ, ведя двухъ тощихъ псовъ на мочальной веревкѣ. Ревутъ и просятъ хлѣба дѣти; молчатъ, будто не слышатъ, отецъ, сидя на сухопарой клячѣ. „Не плачь,“ толкуетъ мать голодному ребенку. Вотъ подошли къ богатому, торговому селу Цыгане. „Гони ихъ; обокрадутъ“, кричитъ толстый хозяинъ постоялаго двора. „Гони ихъ,“ подхватили мужики, мальчишки, бабы; „вонъ.“— „Да христіане ль вы?“ прижавъ къ груди испуганнаго младенца, съ упрекомъ спросила ихъ [молодая мать. „Вонъ, вонъ...“ И снова потянулася Богъ знаетъ куда, Богъ вѣсть зачѣмъ, цыганскій таборъ.

— Къ трактиру что ли васъ? спросилъ, обернувшись, длинный какъ шесть ямщикъ, вѣзжая въ уѣздный городъ.

— Къ трактиру, братъ, къ трактиру, отозвалась скороговоркой лисья шуба.— Чайкомъ надо побаловаться, душу отогрѣть. Поди, и вы прозябли? спросилъ онъ Барскаго.

— Да есть таки, отвѣчалъ музыкантъ, разглядывая дома и освѣщенныя лавки, мимо которыхъ лѣтъла, подпрыгивая, ихъ кубитка.

Ямщикъ подвезъ ихъ къ ярко освѣщенному, бѣлому, каменному дому; сѣдоки вылѣзли изъ повозки и, поднявшись по крутой, грязной лѣстницѣ, вошли въ трактиръ; въ душевыхъ комнатахъ пахло постными пирогами и табакомъ, называемомъ остряками „самъ-кроше“. Купецъ снялъ своихъ лисъ, оправилъ обѣими руками кудри и спросилъ двѣ пары чаю.

— Пожалуйте... Вмѣстѣ охотнѣе, пригласилъ онъ Барскаго, выбравшаго, было, себѣ другой столикъ.

Барскій сѣлъ подлѣ него на кожаный, жесткій стулъ.

— Ваше занятіе самое забавное, началъ купецъ, усаживаясь на диванъ подлѣ столика.— А вотъ, по нашей части

если кто, одна утѣха товарецъ сбыть, али добыть гдѣ съ выгодкой.

— У всякаго свое, отвѣчалъ Барскій.

— Это настоище вы извоили сказать, забарабанилъ купецъ, принимаясь за чайники подаваемые половымъ.

— Вы чѣмъ торгуете? спросилъ его Барскій.

— Пражу скупаемъ, полотна.... Вотъ торги наши, отвѣчалъ купецъ. — Съ бабами возимся, продолжалъ онъ, разсмѣявшись. — Машина, вонче, у всѣхъ хлѣбъ перебиваетъ. Вѣдь вотъ и въ вашемъ ремеслѣ взять, во всякомъ трактирѣ машина; наигрываетъ тебѣ лучше иного музыканта. Да что въ трактирахъ, на улицахъ—и тамъ шарманки наяриваютъ.

— Въ машинѣ души нѣтъ; музыкантъ душу вложить въ игру. А у машины.... началъ было Барскій.

— Да, по-моему, души-то ровно бы и не требуется, перебилъ купецъ, наливая чай. — Играетъ какъ слѣдствуетъ, переводитъ всѣ нотки; чего еще хотѣть? Какого рожна? Вѣдь ужь если кто о душѣ-то помышляетъ, тотъ и музыканта, братъ, шабашъ, не станетъ слушать.

— Отчего же? спросилъ музыкантъ. — Конечно, плясовую, трепака, не станетъ слушать, а серіозную музыку....

— Нѣтъ, ужь кто о душеспасеніи, со вздохомъ возразилъ купецъ, — того, братъ, не соблазнишь. Вѣдь это все, — коли ужь по душѣ, на чистоту тебѣ сказать,—отъ діавола.

— Какая музыка.

— Да ужь какая хочешь, а все-таки она....

Здѣсь купецъ понесъ страшную дичь, испещренную бессмысленно приведенными текстами Писанія. Музыкантъ, слушая его, точно попалъ въ непроходимую трупцу вѣковаго лѣса уставленную сфинксами; развалины языческаго храма тутъ же высывались изъ темной ниши разросшагося орѣшника; подлѣ мощныхъ корней тысячелѣтняго дуба лежали плиты съ какими-то, невѣдомыми болѣе никому, надписями. „Что же это такое?“ думалъ, озадаченный этимъ неудержимымъ потокомъ рѣчей безъ содержанія и смысла, Барскій. Нѣтъ, купецъ видѣлъ въ нихъ какой-то смыслъ; онъ вздыхалъ; „вотъ оно дѣло-то какое, почтенный“, говорилъ онъ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ какое развѣ является у ученаго, у математика, въ ту минуту когда онъ, послѣ сложнаго вычисленія, торжественно ставитъ, наконецъ, вѣрный вполнѣ, вѣчно-незыблемый выводъ. „Да какъ же не явиться“,

продолжалъ свои размышленія, подъ божию рѣчь говоруна, музыкантъ, „какъ не явиться тутъ уродливымъ сектамъ? Вѣдь свѣта Божяго не видать; солнце засломено со всѣми вѣтвями разросшейся крѣпи. Пора расчистить тучобу, замушающую душу; пора перенести эти остаткитвиныхъ временъ язычества въ музей; пора пострѣить въ этомъ забытомъ заходустѣ церкви Божію,“ съ грустью раздумывалъ Барскій.

— Сколько тебѣ за чай? спросилъ онъ, вынимая кошелекъ, полового.

— Нѣтъ, насчетъ этого не извольте беспокоиться; обижать нашего брата не слѣдуетъ, перебилъ купецъ, торопливо отдавая слугѣ чтѣ слѣдовало; онъ просто испугался какъ бы не заплатилъ за чай изъ своего кармана музыкантъ.

— Такъ я вамъ долженъ останусь, сказалъ, поднимаясь со стула, Барскій.

— Это, если тебѣ обидѣть меня угодно, отвѣчалъ купецъ, натягивая свою лисью шубу. — Ты мнѣ компанію сдѣлалъ, а я.... Нѣтъ, это не модель.

Слово „модель“ производилъ онъ, очевидно, отъ слова „мода“.

На дворѣ сыпалъ меленькій снѣжокъ; въ воздухѣ похолодѣло. Свѣжая тройка была уже готова. Давъ на чай гривенникъ старому ямщику, стоявшему безъ шапки у повозки, путники усѣлись, и кибитка принялась снова нырять по ухабамъ. Многословное поученіе произнесенное купцомъ, должно-быть, подѣйствовало на музыканта; зѣвнувъ разъ пятокъ, онъ заснулъ, какъ говорится, сномъ праведника. Купецъ обратился было опять къ нему со своимъ „вотъ оно дѣлота“, но услыжавъ храпъ, отвернулася и, прикрывъ къ сидевой своей подушкѣ, тоже отправилася къ Морфею.

Справедливость требуетъ сказать что только вѣдь мы, Русскіе, можемъ спать всюду, вездѣ, при самой неблагоприятной обстановкѣ. Посадите вы иностранца въ нашъ, отечественный, ямской возокъ и, не замая, заснетъ онъ, какъ примется этотъ возокъ нырять вдоль и поперекъ, подтряхивая иногда такъ что къ потолку летитъ какъ мячикъ сѣдокъ.... Попробуй-ка, засни иностранецъ. Русскій, нашъ братъ, какъ-то приладится, запахнетъ шубу, уляжется на локотокъ, минуту десятокъ послушаетъ стукъ возка, что колыбельную пѣсню, и захрапить, Господь съ нимъ, будто дома на пуховикѣ или на властическомъ матрацѣ.

XII.

Выплывшее изъ-за соннаго бора солнце заиграло на золотыхъ главахъ церквей, горло въ стеклахъ домовъ; какъ сказочный, все шире и шире раскидывался на просторъ сѣвѣнаго, бѣлѣющаго поля городъ.

— Вотъ она, Москва золотая маковки, аروضень купецъ, надѣвая свалившійся во время сна картузь. — Большая деревенька, прибавилъ онъ, обратясь съ улыбкой къ приподнявшемуся сосѣду.

Ямщикъ, визенькій, невзрачный старичишка, поѣживавсь отъ утреннаго заморозка, то и дѣло подговялялъ усталую тройку. Черезъ полчаса кубитка уже шныряла по переулкамъ, которыми безтолково изрѣзана старушка Москва наша.

— Вы гдѣ остановитесь? спросилъ Барскаго купецъ.

— Да я и самъ не знаю. Гдѣ-нибудь въ гостиницѣ.

— Поѣдемъ къ намъ, на постоялый, сказалъ купецъ. — Дешево.

— Да вѣдь, извините, грязно, чай, тамъ больно, отвѣчалъ Барскій.

Купецъ задумался; ему никогда и въ голову не приходило даже, грязно или нѣтъ на постояломъ. Пріѣзжіи купецъ днемъ не бываетъ въ своемъ номерѣ; онъ только спитъ въ немъ, а на эту способность русскаго человѣка мы, недавно, уже обратили вниманіе читателя.

— Нѣтъ, ничего; номера теплые, отвѣчалъ онъ наконецъ.

Барскій согласился, прельстившись обѣщанною попутчикомъ дешевизной, и купецъ велѣлъ ямщику ѣхать въ Городъ на одно изъ подворій.

— Знаю, отозвался ямщикъ, не дослушавъ объясненія купца куда надобно ѣхать.

Подворье оказалось, дѣйствительно, грязноватымъ; номеръ, выпавшій на долю музыканта, была неуютная, съ угарнымъ воздухомъ, комната; кожаный, старый диванъ какъ будто говорилъ жильцу: „сидись; вотъ погляжу я, долго ли ты сидишь на мнѣ“. Заспавный, испитой корридорный, въ изорванномъ подъ мышками черномъ сюртукѣ, подалъ, изъ разбитаго умывальника, умыться Барскому, но на вопросъ можно ли получить постельное бѣлье, отвѣчалъ: „захотѣли у

насъ тутъ бѣлья; здѣсь вѣдь оставаивается больше купечество мелкое; оно бѣлья не требуетъ.“

— Да какъ же у васъ тутъ спать-то? спросилъ музыкантъ.

— О, какъ спать, отвѣчалъ, вынося умывальникъ, корридорный.—Возь на диванъ брякнется и спитъ.

Купецъ, бросивъ кожаный мѣшокъ свой въ сосѣднемъ номерѣ съ Барскимъ, тотчасъ исчезъ куда-то. Музыкантъ переехалъ и отправился въ магазинъ публиковавшій о распродажѣ инструментовъ. Уступка оказалась вовсе не такъ велика какъ объявлялось. Выбравъ кое-что и сторговавшись, Барскій повѣхалъ въ университетъ узнать адресъ Лучаниновыхъ. Солдаты, сторожъ въ правленіи, вытащилъ ему засаленную книгу адресовъ, гдѣ подъ буквою „Л“ музыкантъ нашелъ что студентъ Лучаниновъ живетъ въ своемъ домѣ на Садовой. Не трудно было отыскать старинный домъ Лучаниновыхъ; послѣ получасовой ѣзды, извозчикъ ввезъ Барскаго въ отворенныя ворота съ уродливыми львами и остановился у подъѣзда одноэтажнаго каменнаго дома со стекляннымъ бельведеромъ, террасой и палисадникомъ.

— Владимиръ Алексѣевичъ дома? спросилъ онъ мальчика въ очкахъ, отворившаго дверь подъѣзда.

— Дома, пожалуйста, отвѣчалъ Петруша, уже знакомый читателю.

— Какъ вы тутъ живете? спросилъ Барскій, снимая шубу.

— Да не совсѣмъ хорошо мы живемъ, Захаръ Петровичъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Чтѣ же такъ? Болень развѣ Владимиръ Алексѣевичъ?

— Не больны, а.... не хорошо. Вотъ надо бы держать экзамень на кандидата Владиміру Алексѣичу, а они отложили, не занимаются, отвѣчалъ серьезно, стариковски-наставительнымъ тономъ Петруша, вѣшая шубу Барскаго.

Въ это время въ дверяхъ залы показался Владимиръ Лучаниновъ.

— Захаръ Петровичъ! Какими судьбами? произнесъ онъ обнимая музыканта.

Барскій сказалъ зачѣмъ пріѣхалъ; хозяинъ повелъ его черезъ рядъ комнатъ въ кабинетъ. На кожаномъ, мягкомъ диванѣ сидѣлъ человекъ лѣтъ двадцати пяти, въ черномъ фракѣ; и читалъ газету. Увидя вошедшихъ, онъ откинулъ руки длинныя, свѣсившіяся почти на глаза при чтеніи волосы,

и прищурился, какъ дѣлаютъ близорукіе желая лучше раз-
смотреть предметъ.

— Позвольте васъ познакомиться, началъ Лучаниновъ;—Григорій Сергѣевичъ Корневъ, Захаръ Петровичъ Барскій.

Новые знакомцы пожали другъ другу руки.

— Какъ поживаете? спросилъ Барскій Лучанинова.

— Скверно, Захаръ Петровичъ. Скверно я живу, отвѣчалъ сердито хозяинъ.—Вообразите, только что успѣлся было я готовиться къ экзамену на кандидата.... А тутъ, вдругъ, бенефисъ. Да вотъ этотъ чудакъ, прибавилъ онъ жалобнымъ тономъ, указывая на Корнева,—не отстаётъ: играй съ нимъ для чего-то *Ролло* и *Юлію*.

— Бенефисъ? Чей бенефисъ? Да вамъ-то, позвольте спросить какое дѣло? спросилъ Барскій, ничего не понимая изъ отвѣта Лучанинова.

— Ну, вотъ спросите, продолжалъ тѣмъ же жалобнымъ тономъ Лучаниновъ.— Ты не сердись, Григорій Сергѣевичъ, но право, хоть убей, не могу я себѣ объяснить хорошенько изъ-за чего мы всѣ бѣснуемся. Зачѣмъ намъ это нужно?

Корневъ отвернулся, раскрылъ какую-то книгу, посмотрѣлъ въ нее, но черезъ минуту швырнулъ ее на столъ, подскочилъ къ Барскому и началъ:

— Вы его не слушайте, Лучанинова; онъ сегодня не въ духѣ.... Изволите видѣть въ чемъ дѣло.... Шекспиръ въ настоящее время болѣе чѣмъ необходимъ для насъ; на нашей сценѣ Мочаловъ познакомилъ насъ съ Шекспиромъ, но вѣдь это....

— Да развѣ я Мочаловъ? перебилъ, закуривая сигару, Лучаниновъ.

— Ахъ, Лучаниновъ, ты вѣчно перебиваешь, продолжалъ Корневъ.—Изволите видѣть.... Для публики чтò нужно? Нужны идеалы.... Безъ идеала....

И прижавъ музыканта къ спинкѣ креселъ, Корневъ безъ малаго полчаса говорилъ ему о Шекспирѣ, о необходимости свѣта въ литературѣ и тому подобномъ. Барскій иногда, изъ вѣжливости, поддакивалъ, отвѣчалъ на вопросы оратора: „понимаете?“—„понимаю“. Это поддавало еще больше жару говоруну, и онъ, чтò называется, закурилъ удила. „Вы художникъ самъ; вы это поймете“, задабривалъ онъ Барскаго. „Отлично говорить, думалъ музыкантъ, но ужъ какъ-то очень

насадъ, Лучаниновъ, сидя на диванѣ, глядѣлъ на эту сцену и улыбался.

— Напримѣръ въ геометріи, ораторствовалъ между тѣмъ Корневъ.

— Позвольте, вы, вѣдь, изводили говорить о Шекспирѣ, перебилъ было Барскій.

— Это все равно; я вамъ для поясненія... Въ геометріи...

— Григорій Сергѣичъ... Да пощади челоуѣка-то, вѣдь онъ сейчасъ съ дороги, перебилъ Лучаниновъ.

— Ты вѣчно шутишь, продолжалъ неукротимый Корневъ...— Въ геометріи....

— Привезли тамбурина, произнесъ, глядя изподлобья, вошедшій Петруша.

— А! Привезли? спросилъ Корневъ, придерживая за бортъ сюртука Барскаго, изъ опасенія чтобъ онъ не ушелъ.

Въ кабинетъ вошелъ рыжеватый, высокій студентъ, съ круглымъ, оклееннымъ голубымъ сафьяномъ, ящичкомъ.

— Какая прелесть, братику! А посмотрите жъ, какая прелесть, произнесъ онъ, съ отгѣнкомъ польскаго говора, вынимая золотой тамбурина изъ футляра.

— Въ самомъ дѣлѣ великолѣпіе! подхватилъ восторженно Лучаниновъ, взявъ тамбурина и ударивъ въ натаятую лайку.—И звонокъ.... А нетажелъ?

— Нисколько, отвѣчалъ рыжеватый студентъ.—Глядите; такъ ли надписи? *Сильфиды, Жизель, Робертъ*....

— Такъ, такъ, отвѣтилъ Лучаниновъ.—Когда же поднесемъ? Гдѣ?

— Въ уборной поднесемъ, рѣшилъ Корневъ, оставившій наконецъ музыканта.—Букеты приготовлены?

— Bon jour, messieurs.... Ah, le voilà.... Mais comme c'est beau, произнесъ, влетая въ кабинетъ, разодѣтый, въ желтыхъ перчаткахъ, Французъ, первый танцоръ балета.

— N'est ce pas? спросилъ Лучаниновъ, пожавъ ему руку.

— Magnifique, говорилъ танцоръ, любуясь тамбуриномъ.—Et comment vous va, cher Korneff.

— Петруша, скажи повару, подавалъ бы завтракъ, сказалъ Лучаниновъ.

Въ кабинетъ вошли еще челоуѣкъ пять студентовъ; нѣкоторые были съ тетрадами.

— Съ лекціи что ли? спросилъ хозяинъ.

— Съ лекціи, отвѣчали пришедшіе.

— Чортъ знаетъ, я опять не попалъ въ университетъ, говорилъ Лучаниновъ.—Что, хорошо читалъ Р...?

— Прекрасно; жаль что ты не былъ, отвѣчалъ одинъ изъ пришедшихъ.

Владимиръ Алексѣевичъ сердито махнулъ рукой.

Тамбуричь переходилъ изъ рукъ въ руки. Корневъ прижалъ Француза въ уголь и что-то съ жаромъ ему разказывалъ. Барскій взялся было за шапку, но хозяинъ отнял у него ее и усадилъ.

— Сегодня вы наши, Захаръ Петровичъ, говорилъ онъ.—Вечеромъ мы васъ отвеземъ въ театръ; у меня, по счастью, два билета. Вы посмотрите какъ танцуетъ.... Это, батюшка, вѣдь тоже сила. Я терпѣть не могу, врагъ балета; но ее вы посмотрите. Точно *Ундицу* Жуковского читаешь, смотришь на нее въ *Сильфидѣ*.

Поваръ, низенькій, черноватый малый, въ бѣломъ фартукѣ, поставилъ на письменный столъ подносъ съ графинами и бутылками. Одни изъ гостей толковали о будущемъ бенефисѣ Мочалова, другіе спорили о только что прослушанной лекціи. Голосъ Корнева, точно тромбонъ, покрывалъ весь этотъ говоръ. По мѣрѣ того какъ опораживались стаканы, бесѣда дѣлалась оживленнѣе. Французъ, пропустивъ отакана два лафита, предложилъ тостъ за здоровье студентовъ; при этомъ онъ произнесъ даже рѣчь.... „C'est sont les lions“, говорилъ онъ въ рѣчи своей, „с'est sont les lions, qui dormaient et qui se reveillent.“ „Браво,“ кричала молодежь, довольная сравненіемъ.

— Мы это докажемъ сегодня, пѣтушился Лучаниновъ обращаясь къ Барскому, который ровно ничего не понималъ во всей этой тревогѣ. Да врядъ ли понимали и сами они ясно изъ-за чего хлопочуть; то былъ, просто „силъ избытокъ“. Такъ, весною, напиральная къ плотинѣ вода ищетъ себѣ какого-нибудь выхода.

Время когда Лучаниновъ былъ студентомъ было счастливое время Московскаго университета. Онъ не засталъ рано сошедшаго въ могилу Крюкова, но были Грановскій, Шевыревъ, Морозкинъ, Рубль (я поминаю только умершихъ). Съ чѣмъ сравнить теплый, художественный разказъ Грановскаго? Онъ говорилъ о прошедшемъ съ такою теплотой, съ такимъ участіемъ, съ какимъ разказываетъ человѣкъ о родномъ, далекомъ, опустѣвшемъ уголкѣ своемъ.

Грановскій былъ великъ какъ художникъ. Въ послѣднiе года одни навязывали ему значенiе пропагандиста бывшихъ тогда въ ходу теорiй; другiе въ разказахъ его о средневѣковыхъ людяхъ искали намековъ на современное наше положенiе. Грановскiй, соблазнившись этимъ новымъ своимъ значенiемъ, истрѣлка, бросалъ пару намековъ, но художественное чувство спасало его и, какъ бы отрезвившись, онъ снова возвращался къ своему безпристрастному повѣствованiю. Когда говорилъ онъ о великомъ шестивѣи человѣческой мысли, о свѣтлыхъ и мрачныхъ ея дняхъ, рѣчь его принимала задумчиво возвышенный тонъ; прекрасное лицо его какъ бы преобразалось. Эти минуты оставили неизгладимый слѣдъ въ слушателяхъ и были для нихъ несравненно выше всякихъ намековъ и обличенiй; на послѣднiе хватить всякаго начитаннаго, умнаго человека, но вдохновенный разказъ по плечу одному художнику. Сочувствiе къ успѣхамъ разума и вѣра въ силу истины, вотъ главная основа связи, до сихъ поръ живущей, между Грановскимъ и его слушателями.

Свѣжимъ воздухомъ вѣяло изъ университета. Молодые профессора съ жаромъ спѣшили подѣлиться со слушателями всемъ чѣмъ богаты, всемъ умственнымъ своимъ достоинствомъ. Мысль, какъ ни замуравывали ее, нѣтъ-таки, вылетала изъ-подъ спуда и съ жаромъ подхватывалась юностью; шумнымъ, искреннимъ „браво“ кончалась почти каждая лекцiя; самую задумчивую, дѣлко заплочною бесѣдой студентовъ былъ разговоръ объ университетѣ, о прошлой лекцiи. Гегель былъ тогда идоломъ; юристы, слушая опредѣленiя воли, права, думали: „кончено; все рѣшено, нѣтъ ничего не разъясненнаго. Да здравствуетъ наука!“ И они праздновали торжество разума, принимая на вѣру, безъ провѣрки, его побѣдоносные выводы.

Такъ гуляетъ юноша-юнкеръ только-что надѣвшiй гусарскiй ментикъ и получивъ въ свое распоряженiе коня. Закручивая чуть пробивающiйся усъ, онъ уже видитъ себя въ сраженiи, летающимъ по широкому полю на боевомъ конѣ. Уже разбитъ неприятель и съ музыкой и пѣснями ворочаются, съ распущенными знаменами, молодцы-гусары. Потомъ узнаетъ юноша что иногда падаютъ на битвѣ, что часто путемъ трудныхъ переходовъ, неудачъ, ушибовъ, голода, достается побѣда, что не всегда съ музыкой, а чаще съ болѣз-

вечнымъ стономъ, съ заупокойною молитвою по убитыхъ друзьяхъ возвращаются войны съ битвы.

Завтракъ былъ конченъ. Танцоръ уѣхалъ. Лучаниновъ сѣлъ за рояль, и десятокъ свѣжихъ голосовъ грянули: „Gaudemus igitur, juvenes dum sumus.“

— Фальшивишь, Корневъ, кричалъ Лучаниновъ. — Выбѣствъ, господа, прибавилъ онъ, запѣвая: „Vita nostra brevis est; brevi finiatur.“

— Brevis finiatur, дружно повторилъ хоръ.

И билось молодое сердце при словахъ: „vivat universitas“; будто родную мать любила молодежь свою alma mater.

Незамѣтно протекало въ толкахъ и хлопотахъ о бенефицъ время. Смерклося; студенты начали собираться въ театръ. Появился черноволосый, небольшого роста студентъ, съ двумя корзинами букетовъ.

— Камелии одѣвъ, глядите господа, говорилъ онъ, бережно вынувъ изъ корзины два великолѣпные букета.—Петруша, бери двухъ извожиковъ и маршъ со мной въ театръ.

— Сейчасъ; я только одѣнусь. Давай фракъ, сказалъ Лучаниновъ, уходя въ кабинетъ.

— Опоздаемъ, господа; живѣе, толковала нетерпѣливая молодежь.—Принять надобно хорошенько. Что тамъ въ университетѣ-то? Идутъ?

— Идетъ много сегодня.

— Значить грянемъ, говорилъ, подпрыгивая и потирая отъ удовольствія руки, черноволосый.—А знаете, господа, толковалъ онъ, меня больше балета принимаетъ каждый разъ этотъ гулъ; чувствуешь что-то такое въ себѣ: „вотъ-де, вѣдь это мы гудимъ.... Сила.“

Барскій какъ будто самъ немного началъ заражаться общимъ оживленіемъ. Лучаниновъ вышелъ во фракъ, перчаткахъ, со шляпой въ рукѣ.

— Захаръ Петровичъ, поѣдемте, обратился онъ къ Барскому. Накинувъ свою шинель съ бобромъ, онъ сѣлъ съ музыкантомъ въ сани.—Ящикъ у кого съ тамбуриномъ?

— У меня, отвѣтилъ кто-то изъ толпившихся на крыльцѣ студентовъ.

— Ну, до свиданія. Поѣзжай.

Извожикъ тронулъ лошадь, и сани понеслись по Садовой, Мясницкой къ Большому театру. По тротуару валили толпы студентовъ: „Здорово, Лучаниновъ!“ кричали знакомые.

— Здравствуйте и вы, отвѣчалъ Лучаниновъ фразою Тараса Бульбы.—Куда вы, панове?

— Въ рай. Смотрите вы тамъ въ креслахъ-то не выдавайте.

Залъ Большаго театра былъ уже освѣщенъ; публика только-что начала съѣзжаться. Сбросивъ шинели, Лучаниновъ съ Барскимъ вошли въ кресла и усѣлись во второмъ ряду. „Однако половъ будетъ,“ замѣтилъ Лучаниновъ, оглядывая залъ. Ложи начали наполняться, и черезъ полчаса заперѣли дамскими платьями, между которыхъ, точно знаки препинанія, чернѣли фраки и сюртуки мужчинъ. Студенты перебѣгали въ креслахъ, переговариваясь другъ съ другомъ. Въ кресла вошелъ съдой, коротко остриженный старикъ, во флотскомъ, застегнутомъ мундирѣ. Лучаниновъ всталъ и почтительно ему поклонился. Старикъ пальцемъ подозвалъ его.

— Правда ли что на сцену вынесетъ тамбурикъ студентъ? спросилъ онъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Просто передадимъ въ уборную.

— Да, ты вѣрно знаешь?

— Знаю. У меня уговорились мы, вотъ сейчасъ, какъ передать, отвѣтилъ Лучаниновъ.

— То-то, отозвался старикъ. Пожавъ молодому человѣку руку, онъ поправилъ воротникъ мундира и пошелъ на свое мѣсто.

— Кто это такой? спросилъ Барскій.

— Инспекторъ студентовъ, отвѣчалъ Барскій

Въ трехуголкахъ студентовъ нестрѣли букеты; инспекторъ, отвѣчая на поклоны, искоса поглядывалъ на цвѣты. Сыграли увертюру; поднялся занавѣсъ; сцена изображала гротъ; на рѣзныхъ, старинныхъ креслахъ, въ бархатной черной курткѣ, спалъ танцоръ; подлѣ него стояла на одномъ колѣнѣ воздушная, влюбленная Сильфида. Залъ задрожалъ отъ рукоплесканій; точно раскаты грома, то ослабѣвая, то усиливаясь, грохоталъ приемъ. Танцовщица, оставивъ принятую позу, подошла къ рампѣ и привялась раскланываться; изъ кресель полетѣли букеты за букетомъ; гдѣ-то послышалось шиканье; это еще больше подзадорило студентовъ, и грохотъ усилился....

— Вотъ такъ приемъ, говорилъ измучившійся Лучаниновъ.

— Когда же тамбурикъ? спросилъ Барскій.

— Послѣ этого акта. Она танцуетъ Zarateado; тутъ и под-

несемъ, отвѣчалъ Лучаниновъ, швырнувъ букетъ.—Браво, свирѣпо крикнулъ онъ, когда танцовщица, поднявъ букетъ, случайно устала на него большіе, темные глаза.—Браво.

Наконецъ смолкъ приѣмъ. По сценѣ порхала небольшая фигурка танцовщицы. Оркестръ нѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться отъ аплодисментовъ.

— Бенефициантку, кричалъ рай, когда опустили занавѣсъ.

— Бенефициантку, повторяли въ креслахъ.

— Довольно, господа, говорили субъинспекторы, подходя къ студентамъ.

— Да помилуйте; развѣ можно не вызывать? Вы видите какъ она танцуетъ, убѣждали субъинспекторовъ студенты.

— Что же вы съ тамбуриномъ-то, философы? спросилъ подходя къ Лучанинову, не высокій господинъ въ черномъ фракѣ.—Вѣдь, говорятъ, не позволяютъ нашимъ идти на сцену.

— Какъ не позволяютъ? крикнулъ вдругъ на весь театръ чей-то могучій голосъ; это былъ голосъ Корнева, неожиданно появившагося на серединѣ пути въ кресла.—Какъ не позволяютъ? повторилъ онъ, свирѣпо озирая собирающуюся около него толпу.—Я пойду.

— Переданъ, переданъ; не безпокойтесь, отвѣчалъ одинъ изъ субъинспекторовъ.—Переданъ тамбуриный.

— Помилуйте, развѣ мы не имѣемъ права, началъ кто-то въ толпѣ.

— Имѣете, и тамбуриный ужъ тамъ, перебилъ субъинспекторъ.—Понимаете, у нея.... Вотъ она сейчасъ, говорилъ онъ, боязливо поглядывая на толпу студентовъ обступившихъ Корнева.

— Не позволяютъ передать? спрашивали нѣкоторые изъ стоявшихъ позади.

— Переданъ давно, господа, успокойтесь, отвѣчалъ, усиленная голосъ, субъинспекторъ.—Переданъ вашъ тамбуриный.

— Да это не нашъ; это дарить ей публика, замѣтилъ кто-то въ толпѣ студентовъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ субъинспекторъ.— Кто бы ни дарилъ, но.... переданъ.

Оркестръ заигралъ. Всѣ услыли.

— Это чортъ знаетъ что.... Представьте..., послышался въ первыхъ рядахъ голосъ Корнева.

Занавѣсъ поднялся. Изъ-за кулисъ вылетѣла Сильфиды, но

уже въ испанскомъ желтомъ, прошитомъ черными арабесками, короткомъ платьѣ; въ рукахъ у нея блестялъ золотой ободокъ тамбурина. Лучаниновъ вскочилъ съ кресла. Залъ загремѣлъ; и подъ этотъ громъ, то ударяя въ лайку тамбурина, то повертывая его надъ головой, будто праздную побѣду искусства надъ кознями завистниковъ, рѣзвилась упоенная общимъ восторгомъ артистка. Не слышно было музыки; да и не надо было ея. „Вотъ она! Гу...у...“, гудѣлъ театр; букетъ за букетомъ летѣлъ на сцену, танцовщица носилась, а молодежь.... Но трудно отдать отчетъ, даже теперь, что было въ эти минуты съ молодежью. „Видь это! молодая жизнь“, кричали одни. „Ундина“, толковали другіе. „Нѣтъ, жизнь сама, господя; жизнь наша молодая.“

„Глупость“, можетъ-быть скажетъ мнѣ, не по лѣтамъ дѣловое, новое, молодое поколѣніе.—Молодость, отвѣчу я. Не торопитесь стариться; успѣете; всему есть свое время; чело-вѣкъ какъ растеніе долженъ расти постепенно; все выгнанное, искусственнымъ образомъ, прежде времени, хило и недолговѣчно. Припомните слова великаго поэта:

„Блаженъ кто съ молодю былъ молодъ,
Блаженъ, кто *въ-время* созрѣлъ....“

Спектакль кончился; вызовомъ не было конца; уже тушили лампы въ залѣ, но толпа студентовъ, подойдя къ оркестру, все продолжала вызывать бенефициантку. „Господа, къ подъѣзду“, сказалъ кто-то, и толпа ринулась къ подъѣзду артистовъ. Тамъ стояла карета, заложенная паромъ свѣрыхъ; черезъ полчаса на лѣстницѣ появилась закутанная, небольшая фигурка танцовщицы.

— Браво! загремѣло нѣсколько сотъ молодыхъ голосовъ.— Браво!

— Позвольте на память цвѣтокъ изъ букета, говорили стояшіе ближе къ каретѣ.

Танцовщица раздала нѣсколько цвѣтковъ, проворно захлопнула дверцы, и карета тронулась, сопровождаемая рукоплесканіями и криками: „браво! Благодаримъ!“

— Господа, ко мнѣ, говорилъ появившійся въ толпѣ Лучаниновъ.—Корневъ, на Садовую. Надо потолковать.

— Прощайте, началъ-было, подойдя, къ нему Барскій.

— Ко мнѣ; я не пущу васъ, перебилъ Лучаниновъ.— Корневъ, ѣдьте.

Но Корневъ ораторствовалъ кучкѣ студентовъ о томъ что нашихъ едва пропустили съ тамбуриномъ на сцену, что тутъ ясно видна коварѣйшая интрига, что надо принять мѣры. Появившіеся субинспектора уговаривали молодежь разойтись. Толпа рѣдѣла; мимо нея то-и-дѣло сновали кареты, блестя фонарями; жандармы галопировали на коняхъ, покрикивая: „не напирай; проѣзжай, извощикъ.“

Лучаниновъ отыскалъ сами и увезъ-таки къ себѣ уставшаго съ дороги Барскаго. Черезъ полчаса у Лучанинова собралось человекъ десять студентовъ за самоваромъ; шла оживленная бесѣда. Лучаниновъ декламировалъ отрывокъ изъ своего стихотворенія: *Къ друзьямъ, на разставаньи:*

Онъ облетитъ, цвѣтокъ, увянетъ,
Другимъ уступить мѣсто онъ;
Но не другихъ, его помянетъ
Моей, не громкой, апы звонъ.

Онъ той весны, когда впервые
Поэта пѣсня рѣдалась,
Полей, гдѣ грѣвы золотыя,
Видись вокругъ цвѣтка и масть.

Такъ въ вуть друзья. Но жизнь сурова.
Цвѣтущій аугъ, утопить дадь...
Съ собой, что есть у насъ живаго!
Зимой былаки будетъ жаль.

Получая довольно много отъ отца, Владиміръ Лучаниновъ жилъ на барскую ногу; у него былъ поваръ; на первомъ курсѣ онъ держалъ даже пару лошадей. Но къ порядку, къ расчетливости, необходимымъ для сохраненія такой обстановки, онъ не могъ приучить себя; трудно было представить себѣ человека который бы безтолковѣе его обращался съ деньгами. Полученныя сотни, а иногда и цѣлая тысяча, спускались въ двѣ, три недѣли; остальное время до присылки денегъ Лучаниновъ жилъ въ долгъ, или занималъ, платя большіе проценты. Отецъ не разъ выговаривалъ ему; молодой человекъ и самъ, сознавая безобразіе такого швырнѣя денегъ, приостанавливался, мѣсяцъ, другой крѣпился, но не выдерживалъ; прорветъ его, и спуститъ опять въ недѣлю сумму на которую надо бы жить мѣсяца два, три. Въ карты онъ не игралъ; окружающіе товарищи берегли его. Мудрено

сказать куда шли деньги; то накупалъ онъ дорогихъ изданій, ноть, задавалъ ужинъ, давалъ въ долгъ знакомому улаку, проигравшему проигрышъ. Главнымъ образомъ этой бессмысленной тратѣ помогали распущенность и беспорядочность; онъ отчасти вытекали просто изъ помѣщичьяго, привольнаго житья-бытья.

„Уходится“, думалъ отецъ, но и его наконецъ начала не на шутку беспокоить безцеремонность сына съ капиталами. Изъ боязни дурнаго примѣра, онъ рѣшился перевести младшаго сына въ Одессу, въ лицей, гдѣ юноша и былъ помѣщенъ къ одному профессору. Поэтому и не видитъ Петра Лучанинова въ Москвѣ читатель. Владиміра Алексѣевича оскорбилъ этотъ поступокъ отца; онъ написалъ ему письмо, въ которомъ упрекалъ старика въ несправедливости. Отецъ отвѣчалъ что онъ сдѣлалъ это единственно отъ того что неправильный образъ жизни молодыхъ людей не даетъ возможности учиться. „Ты кончилъ курсъ, писалъ старикъ, а братъ твой еще учится. Чѣмъ заниматься, а онъ съ вами вмѣстѣ только толкуетъ и ничего не дѣлаетъ.“ Письмо старика оканчивалось признаніемъ что мѣра дѣйствительно крута, но „что вызвана она была не чѣмъ инымъ, а одною любовью“. Мягкій какъ воскъ, когда съ нимъ обращались ласково, Владиміръ Лучаниновъ отвѣчалъ отцу письмомъ, гдѣ выражалъ что онъ виноватъ передъ нимъ и признаетъ что образъ жизни его мѣшалъ брату заниматься какъ слѣдуетъ. Позднѣе отецъ самъ сознавался что удаленіе меньшаго сына изъ Москвы принесло послѣднему больше вреда нежели пользы. Кучка товарищей Владиміра Лучанинова своими спорами, толками, поступками развивала и уместенно, и нравственно юношу прочнѣе чѣмъ лицейскій воспитатель. „Не все то золото что блеститъ“; эта пословица какъ нельзя лучше примѣнима къ нравственности; я видалъ скромнѣйшихъ съ виду юношей, а между тѣмъ безнравственныхъ; видалъ, и едва ли не больше, молодыхъ людей чистыхъ, а съ виду кажущихся безнравственными.

— Александръ буфетчикъ пріѣхалъ, Владиміръ Алексѣевичъ, доложилъ только-что воротившійся изъ театра Петруша.

— Александръ? Зачѣмъ? спросилъ Лучаниновъ.

— У васъ на письменномъ столѣ письмо отъ Петра Михайловича. Алексѣй Андреевичъ занемогъ, отвѣчалъ мальчикъ.

Петромъ Михайловичемъ звали нахмуреннаго товарища Владимира Алексѣевича. Онъ былъ ему сосѣдъ по деревнѣ и, кончивъ курсъ, жилъ въ описываемое время у себя въ помѣстьѣ, верстахъ въ десяти отъ Васильевского.

— Не самъ пишетъ? произнесъ, поблѣднѣвъ, Лучаниновъ, и пошелъ въ кабинетъ.

Тамъ на столѣ лежало письмо.

„Пріѣзжай сейчасъ же домой,“ писалъ товарищъ и сосѣдъ Лучанинова. (Читатель видѣлъ его въ Васильевскомъ.) „Отецъ твой заболѣлъ; пока нѣтъ ничего опаснаго, но докторъ говоритъ что въ семьдесятъ лѣтъ все опасно. Алексѣй Андреевичъ получилъ на дняхъ безыменное письмо, гдѣ говорится что Тарханковъ отыскалъ какія-то доказательства что вы рождены безъ брака. Это извѣстіе, кажется, и срѣзало старика. Пренебрегать этимъ нельзя, тѣмъ болѣе что, по непростительной небрежности, третій бракъ отца твоего не записанъ въ его указъ объ отставкѣ. Я посылаю нарочнаго, потому что есть слухъ будто почтмейстеръ подкупленъ Тарханковымъ, а не потому что Алексѣй Андреевичъ опасенъ. Не пугайся. Пріѣзжай же; ждемъ.“

Внизу двѣ строчки приписаны были рукой отца; почеркъ обнаруживалъ усиліе надъ собой:

„Не унывай, правда возьметъ свое. Благословляю тебя и жду. Пора тебѣ домой, мой милый.“

Лучаниновъ позвонилъ. У него замерло сердце; черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Петруша; за нимъ шелъ человекъ лѣтъ тридцати, въ дубленомъ новомъ полушубкѣ.

— Здравствуй, Александръ, произнесъ Лучаниновъ, обнявъ вошедшаго, ладившаго было поцѣловать руку. — Что отецъ? Опасенъ?

— Опасности нѣтъ, сударь, а Петръ Михайловичъ просилъ немедленно васъ потому что въ эти года все опасно можетъ быть. Такъ и доложить приказали. А что опасности.... говорилъ пріѣзжай....

— Да ты не скрываешь отъ меня? перебилъ Лучаниновъ.

— Никакъ нѣтъ, сударь; какъ же возможно объ этакомъ дѣлѣ скрывать, отвѣчалъ пріѣзжай.

— Петруша. Вотъ тебѣ деньги. Сани еще не уѣхали?

— Нѣтъ, здѣсь еще, отвѣчалъ Петруша.

— Пользай же за дорожную; или нѣтъ; возьми сейчасъ перемѣнныхъ, ямскихъ, и веди ихъ; это скорѣе, сказалъ Лучаниновъ.

— Да вѣдь такой опасности нѣтъ, замѣтилъ было Александръ.

— Нѣтъ, нужно тотчасъ ѣхать. Ты отдохни ступай; усни. Такъ на разсвѣтѣ выйдемъ, говорилъ Лучаниновъ.

Александръ и Петруша вышли. Лучаниновъ вышелъ въ гостиную, гдѣ у стола сидѣли человѣкъ пять студентовъ. Корневъ въ сторонѣ толковалъ съ Барскимъ. Въ залѣ поваръ убиралъ со стола.

— Чтѣ съ тобой? спросилъ Корневъ, взглянувъ на блѣдное лицо Лучанинова.

— Боленъ отецъ; я уѣзжаю утромъ въ деревню, отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Опасно? спросилъ Корневъ.

— Да... самъ не пишетъ.... Должно-быть что.... говорилъ Лучаниновъ.

Видно было что онъ съ трудомъ удерживалъ слезы; нервный темпераментъ молодаго чедовѣка подзадоривалъ воображеніе рисовать картину за картиной самаго мрачнаго свойства; ему уже рисовалась комната со столомъ посрединѣ; отецъ лежитъ на столѣ; горять свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ.

— Жаль старика, если.... замѣтилъ Корневъ.—Очень жаль.

Молодые люди знали отца Лучанинова; онъ живалъ по зимамъ въ Москвѣ по мѣсяцу и по два. Нѣкоторые гащивали въ Васильевскомъ.

— Корневъ, Захаръ Петровичъ, войдите на минуту въ кабинетъ, таинственно произнесъ Лучаниновъ, взявъ подъ руку Корнева.—Господа, извините, прибавилъ онъ, обратясь къ товарищамъ.

Усадивъ Корнева (и Барскаго въ кабинетъ, онъ началъ вполголоса:

— Мнѣ пишетъ Петръ Михайловичъ,—онъ у отца,—пишетъ что Тарханковъ добивается опровергнуть существованіе брака отца съ моею матерью.

— Позволь; чтѣ же за польза Тарханкову доказать это? перебилъ Корневъ.

— Какъ чтѣ за польза? Вѣдь мать отца моего, моя бабка, и мать Тарханкова—родныя сестры. Признавъ меня и брата

незаконными дѣтми, Тарханковъ получаетъ имѣніе за прекращеніемъ рода Лучаниновыхъ, отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ, нѣсколько покраснѣвъ.—Развѣ былъ слухъ объ этомъ въ городѣ? Вы не слышали? спросилъ онъ Барскаго.

— Нѣтъ, ничего не слышалъ, отвѣчалъ Барскій,—но....

Ему припомнилось необыкновенное ухаживанье Павла Ивановича за Аристарховымъ. А что подобныя дѣла были не новость для Василья Савельевича, это слышалъ музыкантъ еще въ Петербургѣ.

— Вы знаете Аристархова? спросилъ онъ.

— Лучаниновъ отвѣчалъ; что лично незнакомъ, но слышалъ о немъ отъ отца.

— Да вотъ, кстати; онъ былъ однимъ изъ свидѣтелей при бракѣ отца, прибавилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Мнѣ кажется, продолжалъ Барскій,—не онъ ли и принялъ на себя опроверженіе брака вашего батюшки.

— Чтѣ вы говорите? почти вскрикнулъ Лучаниновъ.

— По крайней мѣрѣ, они просиживали цѣлые вечера вмѣстѣ; посылалъ нѣсколько разъ Павелъ Ивановичъ какія-то письма въ консисторію.... Отъ Аристархова всего можно ожидать, отвѣчалъ Барскій.

— Мерзавецъ, невольно вырвалось у Лучанинова.

Онъ вспомнилъ разказъ старика-прикащика о томъ какъ отецъ хлопоталъ чтобы вывести Аристархова въ люди, какъ помогалъ ему, какъ....

— Ну, это гадина, должно-быть, прибавилъ онъ, поднимаясь съ кресель.

Зная хорошо отца, онъ разгадалъ теперь въ какое мѣсто и какъ глубоко раненъ старикъ. Алексѣя Андреевича ничто не могло такъ возмутить какъ предательство.

— Да такъ ли, Захаръ Петровичъ? спросилъ онъ, остановившись противъ музыканта.

— Не увѣряю васъ, отвѣчалъ музыкантъ, — но я припоминаю два, три слова, случайно долетѣвшія до меня изъ разговоръ Павла Ивановича съ Аристарховымъ; потомъ слышалъ отзывы о немъ въ Петербургѣ. Я боюсь какъ бы не оправдалось мое предположеніе.

— Однако, шутка-то плохая, Лучаниновъ, замѣтилъ Корневъ. — Какъ, я думаю, старика-то потрясли эти слухи! Но вѣдь документы вѣрно у васъ въ порядкѣ?

— Съ чего же бы онъ началъ опровергать бракъ; вѣрно не

совсѣмъ въ порядкѣ. Празднаться, я и самъ не знаю, но... Вотъ мнѣ пишетъ Петръ Михайловичъ что въ указѣ отца не упомянуто о бракѣ съ матерью, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Но есть наконецъ метрики, возразилъ Корневъ.

— Метрики можно опровергнуть, если.... Да, впрочемъ, есть вѣдь, вѣроятно, свидѣнія о бракѣ въ консисторіи, въ церкви гдѣ вѣчались, говорилъ Лучаниновъ.—Кто жь это знаетъ? Могло ли придти въ голову отыскивать доказательства? Для чего? прибавилъ онъ, какъ бы оправдывая безпечность отца.— Ну, пока не говорите никому объ этомъ. Пойдемте закусить.

Сѣли за ужинъ.

— Что съ тобой, Лучаниновъ? спросилъ одинъ изъ товарищей.

— Отецъ нездоровъ; ѣду сейчасъ въ деревню, отвѣчалъ ему Владиміръ Алексѣевичъ.

— Ну, что жь? Получишь наследство, замѣтилъ товарищъ, и растерялся, взглянувъ на блѣдное лицо и навернувшіяся на глазахъ Лучанинова слезы.

Разговоръ не клеился. Хозяинъ, по временамъ, говорилъ что-то вполголоса съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ Барскимъ.

— Ахъ, какую ужасную вещь ты сказалъ, повторялъ Корневъ, теперь только начинавшій вдумываться въ опасность угрожавшую товарищу.

— Не воротился Петруша? спрашивалъ нѣсколько разъ Лучаниновъ повара.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ однако онъ долго, толковалъ Лучаниновъ.

Ужинъ кончился. Студенты простились съ хозяиномъ и разѣхались. Барскій остался, по просьбѣ Лучанинова, ночевать.

— Корневъ, побудь еще, сказалъ Лучаниновъ, замѣтивъ что Корневъ ищетъ свою шляпу.—Мой извозчикъ довезетъ тебя. Пойдемте въ кабинетъ.

Корневъ согласился. Молодые люди вошли въ кабинетъ и усѣлись около потухающаго камина. Корневъ закурилъ сигару.

— Садитесь-ка поближе, Захаръ Петровичъ, началъ хозяинъ.—Я недавно познакомился съ вами, продолжалъ онъ, взявъ музыканта за руку, — но почему-то считаю васъ

своимъ... Потому, можетъ-быть, что мы родня немножко съ вами по музыкѣ. Я люблю музыку, да всякое искусство люблю, хоть, правда, дилеттантъ во всемъ, но....

— Твое назначеніе не музыка, не живопись.... Я тебѣ всегда говорилъ, началъ Корневъ.—Область слова; вотъ надъ чѣмъ ты долженъ работать.

— Не знаю, задумчиво отозвался Лучаниновъ,—но, вѣдь, это все въ связи. Мнѣ кажется, еслибы Пушкинъ не зналъ не много музыки, стихъ его не былъ бы такъ музыкаленъ. Однако, у меня изъ головы неидетъ болѣзнь отца, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Вѣрите вы въ предчувствіе?

— Ты нервнѣе очень, Лучаниновъ, замѣтилъ Корневъ.

— А всѣ нервныя особенно чутки, способны къ предчувствіямъ, перебилъ Лучаниновъ.—Со мной бывали удивительныя вещи, и будь я суевѣренъ, я бы вѣрилъ всему: правый мазъ чешется—плакать, и такъ далѣе. Я убѣжденъ что отецъ не выздоровѣетъ, и намъ съ братомъ готовится что-то грозное....

— Это оттого что тебя увѣдомилъ вдругъ этотъ чудакъ Петръ Михайловичъ о болѣзни отца, сказалъ Корневъ.

— Да вѣдь я не старушка которую надобно готовить. Нѣтъ, это все равно.... Вотъ, вы увидите, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Есть вещи которыя не свились нашимъ мудрецамъ. Кажется, пріѣхали лошади, сказалъ онъ, прислушиваясь къ едва слышному скрипу полозьевъ.

Минуты черезъ двѣ, дѣйствительно, вошелъ Петруша и доложилъ что готовы лошади. Лучаниновъ вскочилъ и началъ переодѣваться. Поваръ и Петруша укладывали чемоданъ.

— Вука Караджича славянскій лексиконъ прикажите взять? спрашивалъ Петруша, перебирая книги.

— Вука? Да, возьми пожалуй, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Хоть, кажется, мнѣ будетъ не до чтенія; придется читать другую книгу; книгу жизни.... Ахъ, какъ мнѣ грустно, еслибы вы знали!

Барскій перелистывалъ лежавшіе на этажеркѣ скрипичныя этюды Роде.

— Знаете что, началъ Лучаниновъ, обращаясь къ нему,—перѣзжайте сюда. Моя квартира къ вашимъ услугамъ. Вотъ онъ останется, прибавилъ онъ, указывая на повара; следовательно есть и прислуга. Здѣсь все-таки уютнѣе чѣмъ въ номерѣ.

Барскій поблагодарилъ, сказавъ что воспользуется позволеніемъ. Надѣвая подъ дорожный жилетъ серебряныя маленькіе складни, подаренныя отцомъ, Лучаниновъ взглянулъ на Барскаго и нѣсколько покраснѣлъ.

— Вы, кажется, улынулись замѣтивъ образъ? спросилъ онъ.—Да.... Вотъ наше невѣріе; какъ стукнетъ, и за Бога, добавилъ онъ, какъ бы извиняясь.

— Вовсе невѣрующихъ нѣтъ; я не видалъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ Барскій.—А улынулся, потому что вспомнилъ одинъ случай съ собою.... Тоже было и со мною; какъ жизнь начнетъ угощать, дѣйствительно, увѣруешь.

— Вѣдь это непослѣдовательно, однакожь, сказалъ, начинавшій зѣвать отъ утомленія Корневъ.—Вы не подумайте что я не вѣрую ни во что, но....

— А помнишь притчу, началъ Лучаниновъ,—о двухъ сыновьяхъ посланныхъ отцомъ въ виноградникъ? Одинъ сказалъ: „иду“ и не пошелъ; другой наоборотъ отказался.... „Послѣди же раскаялся и иде“; поступилъ, если хочешь, тоже непослѣдовательно, а „сотворилъ волю отцу“.

— Конечно; но дѣло въ томъ, останемся ли на работѣ? замѣтилъ Барскій.

— То-то, подтвердилъ Корневъ.

— А какъ знать, можетъ и останемся, задумчиво отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Готово все, Владиміръ Алексѣевичъ, сказалъ вошедшій, уже въ дубленомъ полшубкѣ и съ сумкой] черезъ плечо, Петруша.

— Готово? Вотъ тебѣ прогоны, отозвался Лучаниновъ, отдавая ему пачку ассигнацій.

Мальчикъ сунулъ деньги въ сумку.

— Сядемте, продолжалъ Лучаниновъ, застегивая дорожное пальто.—Я люблю старые русскіе обычаи.

Всѣ присѣли. Помолвившись, Лучаниновъ обнялъ Корнева и Барскаго.

— Пиши же, говорилъ Корневъ.

— Напишу, отвѣчалъ Лучаниновъ, выходя въ переднюю.— Не забывайте меня, Захаръ Петровичъ; въ несчастіи вдвойнѣ дорога дружба. Прощайте.

Всѣ вышли на крыльцо; дворникъ, мужикъ, лѣтъ пятидесяти, въ накинутаомъ сверхъ пестрядинной рубахи нагольномъ

тулупъ, стоялъ съ фонаремъ подлѣ кибитки; поваръ выбѣжалъ на крыльцо со свѣчкой; тройка побракивала бубенцами. Барскій и Корневъ тоже вышли, накинувъ шубы. Лучаниновъ сбѣгъ въ кибитку рядомъ съ Петрушей, Александръ вскочилъ на облучокъ, и тройка выѣхала за ворота.

— Прощайте, высунувшись изъ кибитки, крикнулъ Лучаниновъ.

— Прощай, отвѣтилъ стоявшій на крыльцѣ Корневъ.—Я надѣюсь, сказалъ онъ, пожимая руку Барскаго,—что мы скоро увидимся.... Я заѣду къ вамъ, а если вамъ вздумалось бы посѣтить меня, мой адресъ вамъ здѣсь скажутъ. Вы вѣдь еще побудете въ Москвѣ? спросилъ онъ, садясь на извозчика.

— Съ недѣлю, думаю, пробуду, отвѣчалъ Барскій.

Корневъ уѣхалъ. Музыкантъ возвратился въ кабинетъ, гдѣ поваръ приготовлялъ ему постель на диванѣ.

XIII.

На другой день Барскій переехалъ изъ своего неудобнаго номера въ кабинетъ Лучанинова; обѣдалъ онъ въ гостиницѣ. Въ магазинѣ, гдѣ торговалъ онъ инструментами, было получено письмо на его имя. По почерку адреса Барскій узналъ что это пишетъ ученикъ его, гобоистъ, которому онъ отправилъ, на случай, адресъ магазина. „Милостивый государь Захаръ Петровичъ, писалъ мальчишкѣ. На другой день послѣ вашего отъѣзда въ Москву я получилъ черезъ прикащика для передачи вамъ письмо изъ Петербурга. Отправляю его по вашему приказанію. У насъ все обстоитъ благополучно; симфонію продолжаемъ разучивать; первая флейта въ адажіо, попрежнему, беретъ фисъ вѣсто афъ; литавры, тоже по-старому, начинаютъ тактомъ раньше чѣмъ слѣдуетъ. Квартетъ я пишу, но что-то не ладится; гдѣ-нибудь есть ошибки, а самъ не найду. Васъ ожидаю. Впрочемъ остаюсь вашимъ покорнымъ слугою извѣстный вамъ и уважающій Иванъ Садовниковъ.“

Въ письмѣ гобоиста лежало письмо отъ Елизаветы Николаевны.

„Начинаю“, писала она, „извиненіемъ что такъ долго не отвѣчала на письма ваши; причиною была болѣзнь отца, у него былъ параличъ. Теперь онъ поправляется, но плохо; едва еще владѣетъ языкомъ. Доктора увѣряютъ что опасность миновалась, но какъ-то плохо вѣрится. Ваша дружба всегда была дорога намъ, а теперь вдвое дороже. (Здѣсь было нѣсколько строкъ тщательно зачеркнуто. Барскій, какъ ни старался разобрать ихъ, но не разобралъ.) Уроки всѣ почти я бросила; нужно быть поминутно при больномъ. Какъ вы живете? Плохо вамъ живется, я это предчувствую, вижу почти, но не унывайте; у меня есть какая-то вѣра что вы погибнуть не можете. Не проходятъ безслѣдно такіе таланты какъ вышіе. Прощайте. Остаюсь готовая къ услугамъ вашимъ“....

Разъ шесть перечитывала послѣднее письмо Барскій; взвѣшивая каждое слово, онъ пытался угадывать что думала она, когда его писала. Долго разсматривалъ онъ какъ она разчеркнулась, подписывая свою фамилію. И какъ ни печально было содержаніе письма, Барскій ожилъ. Съ какою-то гордостью думалъ онъ что и онъ не одинокъ на свѣтѣ. Важно для человѣка знать что онъ живетъ и дѣйствуетъ не для одного себя; съ этимъ сознаниемъ бодрѣ идетъ онъ по жизненной дорогѣ, терпѣливѣе сноситъ жизненные толчки, смѣлѣе глядитъ впередъ. Какъ путникъ, думаетъ онъ: „не все же темнота да безлюдье; вонъ тамъ мелькаетъ и для меня огонекъ дружескаго очага, гдѣ вспоминаютъ обо мнѣ, куда ждутъ меня“.

Отобравъ нужные для оркестра ноты, Барскій далъ задатокъ за нихъ и велѣлъ упаковывать выбранные инструменты. Прямо изъ магазина онъ отправился въ залу благороднаго собранія, гдѣ давалъ концертъ пріѣхавшій изъ-за границы довольно извѣстный скрипачъ. Войдя въ залу, онъ увидалъ Корнева и сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Владиміръ Алексѣевичъ, я думаю, уже далеко, началъ Барскій.

— Я, признаюсь, боюсь за него, отвѣчалъ Корневъ, усаживаясь на свое мѣсто. — Онъ страстно любитъ отца; сохрани Богъ, умереть старику, Лучаниновъ непременно самъ заболѣетъ.

Но время познакомить читателя съ Корневымъ. Онъ идетъ рука объ руку съ Владиміромъ Лучаниновымъ не даромъ. Въ

жизни каждаго не безслѣдны даже кратковременныя встрѣчи съ тѣмъ или другимъ лицомъ: и васъ надѣлать оно непремѣнно чѣмъ-нибудь, и вы повѣсите на него такъ, или иначе.

Корневъ.... Я не хотѣлъ было говорить о его отцѣ, дѣтствѣ, но желая не только изобразить, даже узнать поближе человека, вѣдь ли можно обойтись безъ справокъ о его дѣтскихъ годахъ, первыхъ впечатлѣнiяхъ и т. п. Безъ упоминанiя о причинахъ появленiя въ человекѣ той или другой черты, сужденiе о немъ будетъ похоже на голословный аттестатъ, какимъ снабжаютъ начальствующiе своихъ безответственныхъ подчиненныхъ. Но это вѣдь вымыселъ, скажутъ мнѣ, можетъ-быть; на вымышленное лицо, отвѣтимъ мы, нельзя агать какъ на мертваго; читателя не обманешь; онъ сразу почувствуетъ ложь и упрекнетъ художника въ невѣрности и фальши не живаго образа.

Старинный родъ дворянъ Корневыхъ обѣдѣвалъ отъ раздѣла когда-то огромнаго имѣнiя между многочисленными родичами. Отецъ Григорья Сергѣевича, обладатель двухсотъ заложенныхъ душъ, выйдя изъ службъ (онъ служилъ во флотѣ), жилъ постоянно въ деревнѣ. Единственный сынъ его, Григорiй Сергѣевичъ, остался послѣ матери лѣтъ двѣнадцать. Первоначальное воспитанiе его вѣрнее было надзору бабушки, матери отца, жившей вмѣстѣ съ овдовѣвшимъ сыномъ. Въ домѣ хранились свято старушкою старинные русскiе обычаи; строго соблюдались посты; на средокрестной недѣлѣ неслись кресты, весною жаворонки; въ послѣднiй день масленицы дворянъ приходила прощаться съ господами; на святкахъ горничныя радилась, дала воскъ, пѣли подблюдныя пѣсни; бабушка передавала внуку цѣлыя сказанiя о семейныхъ иконахъ, въ серебряныхъ и шитыхъ жемчугомъ ризахъ, хранившихся въ образной. Нанятый семинаристъ посвящалъ мальчика въ таинства науки. Таково было первоначальное воспитанiе Григорья Сергѣевича. Затѣмъ мальчикъ былъ отданъ въ дворянскiй институтъ, откуда и поступилъ въ студенты въ Москвѣ. Въ институтѣ мальчикъ написалъ драму въ стихахъ. Инспекторъ института показалъ ее одному изъ профессоровъ словеснаго факультета. Тотъ прочелъ и сожалѣлъ что Корневъ поступаетъ не на словесный факультетъ, а на математическiй Отецъ, любившiй безъ памяти единственнаго сына, во время его студенчества живалъ по

занимать въ Москвѣ. Онъ до того полюбилъ молодежь что просиживалъ, слушая ея болтовню, иногда до поздней ночи гдѣ-нибудь на чердакѣ, въ бѣдной и дымной студенческой комнаткѣ. Старикъ былъ товарищемъ, по службѣ во флотѣ, инспектору студентовъ; почему инспекторъ, дѣлая выговоръ Григорью Сергѣевичу за какую-нибудь шалость, часто прибавлялъ: „ты, братъ, у меня смотри; отецъ твой мнѣ однокашникъ; другому я спущу, а тебѣ спуска не будетъ. Помни.“

Корневъ и въ университетѣ развивался самобытно. Этому, вѣроятно, онъ и обязанъ былъ многостороннимъ своимъ образованіемъ. Онъ не могъ оставлять безъ разрѣшенія подымавшіеся въ умѣ его „не спеціальныя“ вопросы, не могъ оставаться постоянно на избранной тропинкѣ; увидя въ створѣ что-нибудь любопытное, онъ не задумываясь сворачивалъ съ дороги, разсматривалъ и потомъ возвращался на свою дорогу. Въ этомъ смыслѣ про него очень мѣтко выразилась одна изъ математиковъ-профессоровъ, услышавъ что Корневъ сидитъ надъ автописью Нестора: „вишь, вѣдь, куда его метнуло; правда, ему семь верстъ не крюкъ“. Товарищи говорили что онъ „увлекается“; но обвиняя его въ увлеченіи, однако всѣ любили слушать его умныя, иногда широкія наблюденія вынесенныя съ проселковъ. Эти обвиненія похожи были на то, еслибы кто вздумалъ обвинять человѣка, обладающаго здоровымъ аппетитомъ, зачѣмъ онъ, не довольствуясь скуднымъ обѣдомъ предлагаемымъ хозяйкою номеровъ, ѣстъ еще двѣ-три добрыя порціи въ трактирѣ. Заниматься регулярно Корневъ не могъ однимъ и тѣмъ же; то метнетъ его за философію, и онъ сидитъ мѣсяцы надъ Гегелемъ, то примется читать Шекспира, то сидитъ недѣлю въ обсерваторіи и глядитъ на звѣзды, то переводитъ Кальдерона, пропустивъ двѣ-три экзамена. Поэтому, кончивъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, онъ потерялъ право на полученіе каѣдры. „Не увлекающіеся“ товарищи его были давно магистрами, читали лекціи, а онъ очутился безъ мѣста и почти безъ средствъ. „Буду держать на кандидата“, подумалъ было онъ, но оказалось что для этого нужно было сдавать экзаменъ изъ ботаники, зоологіи, минералогіи и другихъ предметовъ, которые онъ успѣлъ перезабыть. Пришлось отложить мечту о каѣдрѣ, гдѣ съ его живымъ умомъ, многостороннимъ образованіемъ и рѣдкимъ даромъ слова, онъ былъ бы, конечно, не лишнимъ.

Корневъ былъ живымъ опроверженіемъ существующаго мнѣнія будто математика сушитъ, чрезчуръ отрезвляетъ человѣка. Я не раздѣляю этого мнѣнія большинства; я видалъ математиковъ-поэтовъ, несмотря на то что они не писали ничего рюмованнаго и скандованнаго, видалъ и рюмачей, пишущихъ въ день по нѣсколько стихотвореній, безъ малѣйшей искры поэзіи въ душѣ. Корневъ первый познакомилъ Владиміра Лучанинова съ Шекспиромъ и первый втянулъ его читать Шеллинга. Нервный, раздражительный по природѣ, Владиміръ Лучаниновъ часто впадалъ въ уныніе, въ апатію отъ неудачъ; но стоило явиться Корневу, поговорить съ нимъ, Лучаниновъ оживалъ и, ободренный, снова принимался за работу. Будучи немного старше Лучанинова, Корневъ снисходительно смотрѣлъ на его литературные опыты, щадилъ насльдованную Лучаниновымъ отъ отца нервную, болѣзненную щекотливость. Только съ нимъ Лучаниновъ и былъ совершенно откровененъ. Корневъ могъ подбить Лучанинова на какую угодно затѣю. „Не уговаривай“, отбивался отъ него шута Лучаниновъ, „ты меня уговоришь“. Однажды онъ едва не уговорилъ Владиміра Алексѣевича играть роль молодой женщины на любительскомъ спектаклѣ, на томъ основаніи что Гарриксъ игрывалъ женскія роли. Корнева звали чудакомъ товарищи, но любили и слушали по дѣльнымъ вечерамъ его увлекательныя импровизаціи о Шекспирѣ, Гете, Шеллингѣ, Кальдеронѣ. Онъ былъ полезенъ не одному Лучанинову; писалъ ли диссертацию товарищъ, Корневъ ѣздилъ къ нему, хлопоталъ какъ бы точнѣе выразить главную мысль, указывалъ ошибки, помогалъ вычислять; являлся ли недобросовѣстный разборъ труда, даже незнакомаго человѣка, Корневъ возмущался, обличалъ во всеуслышаніе недобросовѣстность критика, еслибы критикъ даже былъ человѣкъ ему близкій. Нерѣдко даже не совѣмъ честно пользовались его готовностью дѣлиться всѣмъ чѣмъ можетъ съ каждымъ. Не одна свѣтлая мысль, высказанная Корневымъ въ тѣсномъ кружкѣ, выносилась на свѣтъ Божій какимъ-нибудь усыновившимъ ее пріятелемъ; и выносилась часто искаженною.

Корневъ былъ разсѣянъ; вѣрнѣе можно было назвать его разсѣянность сосредоточенностью вниманія вѣчно на одномъ какомъ-нибудь предметѣ. Любопытно что на основаніи этой разсѣянности и, главное, „увлеченія“, доброжелатели распустили мнѣніе что Корневъ не способенъ ни къ какому научному

труду. Только напечатанное Григорьемъ Сергѣевичемъ математическое сочиненіе нѣсколько поколебало это убѣжденіе доброжелателей; поколебало, впрочемъ, больше потому что о сочиненіи Корнева, какъ о замѣчательномъ, отозвались компетентные судьи. Искреннѣе относилась къ нему молодежь; въ ея теплой средѣ Корневъ оживалъ самъ, и надо было видѣть съ какимъ вниманіемъ слушала она, иногда ночи напролетъ, его живыя рѣчи.

Говорить обратилось въ страсть у Корнева. Его тянуло изъ дому куда-нибудь потолковать, подѣлиться вычитаннымъ, уясненнымъ себѣ. Отчасти эту страсть развивали обстоятельства, въ которыхъ находилось наше общество описываемаго времени. Печатное слово состояло подъ строжайшимъ надзоромъ цензуры; цензуровались ноты безъ текста, транспаранты употребляемые писцами для прямизны строчекъ, (это фактъ; я видѣлъ транспарантъ съ надписью: „печатать дозволяется, цензоръ такой-то“). Появившіяся теоріи Фурье и другихъ носились подъ полою, читались съ затворенными на ключъ дверьми, вполголоса. Въ печати даже упоминаніе о нихъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ считалось преступленіемъ; о дѣйствіяхъ не только администраціи, но даже будочника, нельзя было заикнуться печатно. Между тѣмъ живые, новые вопросы долетали до молодежи, занимали ее; интересъ ихъ удвоивался самымъ запрещеніемъ. Напомнимъ читателямъ что объ освобожденіи крестьянъ говорилось не иначе какъ справившись нѣтъ ли кого за дверьми, и на ухо. Что оставалось дѣлать сколько-нибудь живому человѣку? Куда дѣтъ мысль родившуюся въ головѣ? Какъ подѣлиться прочитаннымъ, передуманнымъ съ другими? Только на словахъ, въ разговорѣ; Корневъ договаривался до тоски. „Чортъ знаетъ, вѣдишь и разсуждаешь цѣлые дни, точно подрядился,“ тосковалъ онъ, послѣ двухнедѣльныхъ разъѣздовъ по гостинымъ и студенческимъ квартирамъ. Живому слову рады были и въ обществѣ, дремавшемъ отъ недостатка существеннаго общаго дѣла. Корнева ждали на нѣмые вечера точно музыку. „Что это Корнева нѣтъ?“ говорилъ хозяинъ, поглядывая на часы. Корневъ являлся, подымалъ споръ, и сонное общество оживало. Но это было въ лучшей части общества; большинство не особенно страдало отъ недостатка дѣла и умственной пищи; своимъ образомъ жизни оно какъ бы

старалось доказать, что и „о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ чело-
вѣкъ“. Что же касается до удовлетворенія, все-таки возникавшихъ изрѣдка, духовныхъ потребностей, большинство жило, такъ-сказать, на всемы готовомъ: образъ мыслей приготовлялся къмѣ слѣдуетъ и предлагался, какъ фасонъ мундира, каждому желающему прослыть благонамѣреннымъ, либераломъ и т. п. Дѣла ни у кого не было никакого. Самымъ животрепещущимъ вопросомъ у большинства, въ Москвѣ на примѣръ, была, я помню, стерляжья уха съ растегаями, время отъ времени варимая въ англійскомъ клубѣ. По губерніямъ дворяне, выбравъ предводителя и другихъ дѣятелей, задавали обычный обѣдъ и, развѣхавшись, опочивали отъ трудовъ до слѣдующихъ выборовъ. Купечество, выбравъ градскаго голову, распивало чаи, ходило въ баню, торговало; вся общественная дѣятельность его ограничивалась отправленіемъ извѣстнаго числа кульковъ частному приставу на именины. Политика и подавно была „не нашего ума дѣло“. „А вотъ замѣтите: грибной годъ — будетъ война; мало грибовъ — не будетъ; вздоръ вѣдь, кажется, а справедливо,“ соображали губернскіе, а иногда и столичныя дипломаты.

И вотъ все что поживѣ уходило отъ этой идиллической среды, собиралось въ кучки и говорило, говорило. Справедливость требуетъ сказать что иныя изъ этихъ бесѣдъ не остались безплодными, онѣ вырабатывали самосознаніе, будили мысль, отуманенную вистомъ и ералашемъ, подготавливали многое изъ того что нынѣ осуществилось.

— Отчего вы не дадите здѣсь концерта? спросилъ Барскаго Корневъ.

— Куда намъ, отвѣчалъ музыкантъ.

— А какъ бы мнѣ хотѣлось васъ послушать.

— Да, вотъ, какъ-нибудь. Времени у меня мало въ Москвѣ, отвѣчалъ Барскій.

Между тѣмъ вошелъ скрипачъ, худенькій, длинноволосый человекъ, съ козлиною бородкой и усиками въ родѣ мышинныхъ хвостиковъ. Публика приняла его громкими рукоплесканіями. Слушая его игру, испещренную флажолетами, pizzicato и другими фокусами, Барскій похожъ былъ на силача сидящаго въ числѣ любующихся вовсе не диковинною силой акробата, играющаго пудовиками. „А вѣдь я больше подыму“, думаетъ онъ про себя, поглядывая изподлобья на одѣтаго въ трико шарлатана.

— Что онъ такое играетъ? замѣтилъ Корневъ.

— Техника есть, только ужъ очень ломается, отвѣчалъ Барскій.

— Но что же намъ въ одной техникѣ? Вѣдь это не музыка, говорилъ Корневъ,—это хожденіе по канату.

— А публикѣ нравится; вы видите какъ вызываютъ, сказалъ съ легкою ироніей Барскій.

— Но, позвольте, горячо возразилъ на это Корневъ.—Да еслибы художникъ шелъ за вкусомъ публики, онъ бы дошелъ Богъ знаетъ до какихъ пошлостей. Вѣдь мы бы его заставили плясать предъ нами какъ ученаго медвѣдя. Нѣтъ, это униженіе искусства. Художникъ обязанъ воспитывать вкусъ большинства; если онъ этого не дѣлаетъ, онъ не художникъ.

— Вы забываете одно неважное обстоятельство, это то что художники иногда вѣдаютъ, сказалъ Барскій.—Играй онъ однихъ классиковъ, повѣрьте мнѣ, насидится безъ хлѣба.

— Кто жь виноватъ? Сами художники, отвѣчалъ Корневъ.—Они испортили вкусъ общества. Вотъ и казнятся тѣмъ въ чемъ провинились. Не играй они ничего кромѣ хорошей музыки, повѣрьте, стали бы все слушать.

— Да; еслибы между ними не было шарлатановъ, правда. Я здѣсь играю Гайдена, а рядомъ въ балаганѣ показываются музыкальные сальто-мортале. Къ кому пойдутъ? Вѣрьте мнѣ, туда, говорилъ Барскій.—А у меня семья голодаетъ, дровъ нѣтъ. Извольте-ка тутъ удержаться при серіозномъ репертуарѣ. Я говорю вамъ, Григорій Сергѣевичъ, извѣданное наибольшимъ опытомъ.

— Конечно, это такъ, отвѣчалъ Корневъ,—но это грустно. Вѣдь, звукъ есть сила. Вѣдь, въ этомъ случаѣ, вы, музыканты, похожи на физика который, вмѣсто того чтобы на пользу употреблять электрической токъ, сталъ бы потѣшать, пригнѣвая его къ пустымъ фокусамъ, праздную толпу. Не такъ ли? А между тѣмъ подъ музыку, подъ пѣсню, совершались великія дѣла. Вѣдь дѣлается лучше, [послушавъ хорошую музыку.

Скрипачъ уже давно игралъ, но Корневъ продолжалъ ораторствовать. Барскій тоже слушалъ не скрипача, а Корнева. Нѣкоторые изъ сосѣдей внушительно поглядывали на говоруна, но ораторъ не обращалъ на эти взгляды ни малѣйшаго вниманія.

— Звукъ, говорилъ онъ,—припомните, одно изъ наказаній Вавилона: „и гласъ гудковъ и трубъ не будетъ слышенъ въ тебѣ“. Вѣдь на ряду со свѣтомъ поставленъ звукъ: „и свѣтъ свѣтильника не будетъ“, говорится далѣе, „тебѣ свѣтитъ“. Замѣтите, какую важность придаетъ Писаніе звуку, музыкѣ.

И онъ говорилъ музыканту о народной музыкѣ, о ея важности, о томъ какая тяжкая отвѣтственность лежитъ на томъ кто пренебрегъ врожденною способностью дѣйствовать на массу звукомъ.

— Вы ко всему вѣдь можете подвигнуть общество, толковалъ Корневъ,—къ молитвѣ, ко гнѣву и любви; у васъ въ рукахъ, вы знаете что, громы.

„Онъ увлекается, кипитъ“, думалъ музыкантъ, „а есть доля правды въ рѣчахъ его. Вѣдь я гордо смѣюсь надъ тѣмъ что пропала помѣшка „Лучинашка“. А развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, шутка?“

— Только позвольте, робко замѣтилъ музыкантъ,—къ этому способны одни, такъ сказать, отмѣченные Божіимъ перстомъ.

— А почему вы знаете что вы не изъ числа ихъ? Попробуйте себя, перебилъ Корневъ.—Да потомъ всякій, даже небольшой талантъ, дѣйствуй только честно, безслѣдно не пройдетъ; будьте увѣрены.

— Большому кораблю большое и плаванье; талантъ не можетъ остаться неизвѣстнымъ; рано ли, поздно ли, а выйдетъ на свѣтъ Божій.

— Нѣтъ, извините, перебилъ Корневъ,—можно вѣдь напустить на себя смиреніе: „гдѣ мнѣ, куда мнѣ“, да и просидѣть всю жизнь въ ожиданіи наитія; это тоже бываетъ.

Музыкантъ задумался. Концертъ кончился. Публика вызывала артиста.

— Какъ мнѣ жаль что я сегодня не могу съ вами кончить вечеръ, говорилъ Корневъ, поднимаясь со стула.—Мнѣ надо быть въ одномъ мѣстѣ; далъ слово. Я надѣюсь что мы еще на дняхъ увидимся.

— Я у васъ буду, отвѣчалъ Барскій.

Они разстались. Корневъ поѣхалъ къ одному студенту-медику продолжать вчерашній споръ. Медикъ взбѣсилъ его, увѣряя что поэзія есть сущій вздоръ, а поэты бесполезнѣйшіе, даже вредные, люди въ благоустроенномъ обществѣ. Барскій

возвратился домой и уѣхалъ въ кабинетъ Лучанинова писать письмо къ Елизаветѣ Николаевнѣ.

„Васъ удивить“, писалъ онъ, „что я отвѣчаю вамъ изъ Москвы. Я прѣѣхалъ сюда закупить кое-что для нашего доморощеннаго оркестра. Жаль бѣднаго Николая Петровича, но Богъ милостивъ; не унывайте. Простите нескромный вопросъ: не имѣете ли вы надобности, во время болѣзни, когда расходы увеличиваются, въ деньгахъ? У меня лежатъ въ сѣнѣхъ шестьсотъ рублей, оставшіеся отъ уроковъ и квартиръ; я съ ними рѣшительно не знаю что дѣлать, живя на всемъ готовомъ. Вы видите что есть и доброе въ моемъ некрасивомъ съ виду положеніи. Не откажитесь взять ихъ на случай; Богъ дастъ разчитаемся. Посылаю билетъ съ бланковою надписью. Приобрѣтеніемъ этихъ денегъ, вамъ не безызвѣстно, я тоже обязанъ содѣйствію почтеннаго вашего отца. Да мало ли чѣмъ, всѣмъ почти, я обязанъ участію Николая Петровича. Что вамъ сказать о себѣ? Здѣсь я познакомился чрезъ Лучанинова (о немъ я писалъ вамъ) съ нѣкоторыми изъ его товарищей. Молодежь слышала обо мнѣ отъ Лучанинова, вѣроятно не похвалившись на похвалы; всѣ они ждуть отъ меня великихъ чудесъ, уговариваютъ писать оперу, работать. Писать, какъ вы знаете, я положительно неспособенъ, а продолжать изощрять себя, не имѣя слушателей, врядъ ли можетъ музыкантъ. Слушатели нужны ему какъ рыба вода. Цѣлую вашу ручку и желаю чтобы письмо мое застало Николая Петровича значительно поправившимся. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть“ и т. д.

Перечитавъ письмо Барскій прибавилъ:

„А смычокъ, однако, лучше меня слушается чѣмъ перо. Не правда ли? Отвѣчайте въ деревню; я не знаю долго ли пробуду здѣсь; но если что нужно сообщить въ скорости, вотъ вамъ мой здѣшній адресъ: въ домъ Лучанинова, гдѣ я и обитаю.“

Уложивъ въ конвертъ билетъ и письмо, Барскій вынулъ посмотрѣть изъ запятого, незапертаго ящика скрипку Лучанинова. Настроивъ ее и рассказывая по пустымъ, темнымъ комнатамъ, онъ принялся фантазировать. Подслушавъ его импровизацію, не трудно было замѣтить что разговоръ съ Корневымъ не остался безслѣднымъ. Среди арпеджіи и аккордовъ поминутно появлялась, словно родная крестьянка въ толпѣ разодранныхъ по парижской модѣ дѣвицъ, русская мелодія. То безпечно заливалась она, будто чудомъ какою

перенесенная съ паркета въ благовожную тишину березовой рощи; то переходила въ задумчивое пѣніе про себя, въ пѣніе подъ думу о миломъ другѣ, уѣхавшемъ въ чужую, дальнюю сторону.

Поварь, чистившій въ передней шубу, опустил щетку и, улыбаясь, вслушивался въ загадочный холодному разсудку, но ясный сердцу, смыслъ родимой думы.

XIV.

Село давно уже спало; огни потухли въ крестьянскихъ избахъ, когда почтовая тройка Владиміра Лучанинова, съ подвязаннымъ языкомъ колокольчика, чтобы не потревожить больного, влетѣла въ ворота помѣщичьяго двора. Передняя была освѣщена; старикъ камердинеръ выбѣжалъ на крыльцо.

— Чтѣ отецъ? спросилъ Лучаниновъ, выходя изъ саней.

— Да, сегодня точно бы полегче, отвѣчалъ старикъ;—а все-таки плохъ на мой глазъ, прибавилъ онъ, обвиняя пріѣзжаго.

— Петръ Михайловичъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. Уѣхали сегодня утромъ къ себѣ. Они провожаютъ маменьку въ Тамбовъ, отвѣчалъ камердинеръ.

Владиміръ Алексѣевичъ вбѣжалъ въ переднюю; сбросивъ шубу и дорожные сапоги, онъ вошелъ въ неосвѣщенную залу.

— Обогрѣйтесь у камина. Не входите такъ, сказалъ камердинеръ, слѣдуя на цыпочкахъ за пріѣзжимъ.—А я, тѣмъ временемъ, доложу.

Владиміръ Алексѣевичъ вошелъ въ кабинетъ. У камина сидѣлъ, съ сигарою за стаканомъ чаю, докторъ, толстый, со свѣжимъ, красивымъ лицомъ и приглаженными тщательно бакенбардами, человекъ лѣтъ пятидесяти.

— Здравствуйте, Владиміръ Алексѣевичъ, началъ онъ, тяжело поднявшись съ кресла и подставляя свои свѣжія щеки пріѣзжему.

Докторъ, пользовавшійся въ губернскомъ городѣ заслуженною извѣстностью, былъ послѣднее время постояннымъ врачомъ Лучаниновыхъ.

— Ну, чтѣ, докторъ? Какъ вы находите отца? Чтѣ у него? спрашивалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Вы муцина, а потому вамъ можно прямо сказать, отвѣ-

чалъ докторъ, садясь на свое мѣсто.—Эта болѣзнь называется старостью.

Лучаниновъ мгновенно поблѣднѣлъ; сердце болѣзненно ожалось; стыдась, вѣроятно, выказать свою слабость и желая скрыть смущеніе, нагнувшись къ камину, онъ привялся за куривать папиросу.

— Такъ нѣтъ никакой надежды? робко спросилъ онъ, глядя надъ огнемъ руку и взглянувъ на врача.

Докторъ пожалъ плечами.

— Бываютъ случаи, отвѣчалъ онъ, наливая въ стаканъ ложки коньяку изъ стоявшей на шахматномъ столѣ бутылки, — но мы зовемъ ихъ чудесами. По моему убѣжденію, нѣтъ ни малѣйшей надежды. Нарывъ у сердца; потомъ гангреническая опухоль пальца на ногѣ....

— Боль, должно-быть, ужасная? спросилъ Лучаниновъ, съ какимъ-то нервнымъ оживленіемъ въ лицѣ.

— Задержка дыханія, удушье и.... конечно не безъ боли, отвѣчалъ врачъ, прилебнувъ грогу.

— Пожалуйте, сказалъ, отворивъ осторожно дверь, камердинерь.

Владиміръ Алексѣевичъ на дыпочкахъ прошелъ рядъ полуосвѣщенныхъ комнатъ и отворилъ дверь спальни. Лампадка, горѣвшая предъ образами, тускло освѣщала фигуру полусидѣвшаго, обложеннаго подушками, больного; увидавъ сына, онъ протянулъ обѣ руки и съ замѣтнымъ усиліемъ произнесъ:

— Слава Богу.... наконецъ ты.... обними меня.... плохо мнѣ, Владиміръ.

Обнявъ осторожно больного, Владиміръ Алексѣевичъ сѣлъ въ стоявшія подлѣ кровати кресла и началъ утѣшать его, но старикъ, покачавъ головою, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нечего себя обманывать.... Вчера я приобщился.... Послалъ Гаврила Алексѣева въ Петербургъ.... Документы... говорятъ, въ консисторіи подчистили.... Можетъ и вздоръ.... Напиши кому-нибудь.... Надо привести въ порядокъ всѣ бумаги.... Вотъ ключи.... Столъ....

Проговоривъ это, больной закашлялся.

— Не говорите такъ много. Это вздоръ; могу увѣрить васъ что все уладится, сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Нѣтъ, пренебречь, продолжалъ старикъ.—Тарханковъ.... давно намѣревался.... Я слышалъ.... Мы.... были въ ссорѣ....

„Зачѣмъ женился“; говорилъ мнѣ... Крѣпостная... Не понималъ ея... Это былъ ангелъ... да... ваша....

Не договоривъ, старикъ началъ искать платка и, слабо простонавъ, опустился на подушки. Вомедшій камердинеръ поднесъ ему къ лицу спиртъ. Больной очнулся.

— Докторъ.... одинъ.... займи его, произнесъ онъ. — Да ключъ....

Владиміръ Алексѣвичъ взялъ ключи и вышелъ. Докторъ дремалъ въ креслахъ предъ догорающимъ каминомъ. Лучаниновъ разбудилъ его своимъ приходомъ.

— Я помѣшалъ вамъ; извините, произнесъ онъ.

— Ничего. Хотѣлъ сегодня ѣхать, но выюга, говорятъ, поднялась; благословенный климатъ, нечего сказать, отвѣчалъ онъ, зѣвнувъ и протирая глаза. — Спать некогда; четвертый часъ. Давайте пить чай и поболтаемъ, говорилъ онъ, доставая сигару.—Какъ я давно не видалъ васъ. Чтѣ нашъ университетъ?

— Вы чтѣ даете ему? спросилъ Владиміръ Алексѣвичъ, не разслушавъ вопроса.

— Баломель давалъ. Теперь ничего. Микстуру, то-есть воду съ вареньемъ; на ногу кладу мазь, отвѣчалъ докторъ.

— Я думаю.... Вы не подумайте что это недовѣріе. Не сдѣлать ли консилиумъ? спросилъ Владиміръ Алексѣвичъ.

— Почему жъ не сдѣлать. Чѣмъ тутъ обижаться? Только, примите къ свѣдѣнію, что мнѣ нельзя пробыть долѣе какъ до трехъ пополудни, отвѣчалъ врачъ, посмотрѣвъ на свой хронометръ.

— Въ такомъ случаѣ успѣемъ; я сейчасъ же пошлю; велю подставить лошадей; въ двѣнадцать врачи будутъ здѣсь. Кого, вы думаете, пригласить намъ?

Докторъ назвалъ два имени. Лучаниновъ зажегъ свѣчи и сѣлъ къ письменному столу писать приглашенія. Врачъ захрапѣлъ. Черезъ полчаса четыре тройки были отправлены. Въ домѣ бѣгала на цыпочкахъ прислуга; Владиміръ Алексѣвичъ то навѣщалъ спальню, то садился противъ камина подлѣ спящаго непробудно, въ волтеровскихъ креслахъ, врача; такъ прошло утро. Ровно въ двѣнадцать пріѣхали два доктора; одинъ длинный, сухой, съ растрепанными, черными волосами, Французъ, другой Нѣмецъ, толстенькій, съ сѣдыми рѣденькими бакенбардами, голубыми глазами и необыкновенно сладкимъ голосомъ; его встрѣчалъ уже читатель на

обѣдѣ у Тарханкова. Врачи, обогрѣвшись, осмотрѣли больного, переворачивали его съ боку на бокъ, слушали грудь и, послѣ довольно продолжительнаго разсужденія въ запертомъ кабинетѣ, вышли къ ожидавшему ихъ нетерпѣливо, въ столовой, молодому Лучанинову.

— Попробуемъ, все-таки, дать ему *dux vomicum*, говорилъ, закатывая голубые глаза свои подъ лобъ, сладкимъ теноромъ, толстенькій врачъ. — Если подѣйствуетъ, то можетъ быть еще нѣкоторая надежда, если же нѣтъ, то....

— *Mais, je dois dire, vous ne pouviez confier votre malade, à de meilleurs mains, mon cher*, говорилъ, хлопнувъ безцеремонно по плечу Владиміра Алексѣевича, Французъ. — *Soyez donc, salué mille fois, monsieur*, продолжалъ онъ обращаясь къ постоянному врачу Лучаниновыхъ, — *comme notre nouveau inspecteur* врачебной управы, окончилъ онъ неожиданно по-русски.

Врачи привезли извѣстіе объ утвержденіи губернской знаменитости инспекторомъ управы.

— *Vous prenez au collet votre nouveau chef*, замѣтилъ Лучаниновъ, возмущенный такою наглостью Француза.

— *Ah, monsieur; je n'aurais pu m'exprimer autrement, en examinant la methode....* говорилъ, пожимая плечами и ероша свои волосы, Французъ.

„Однако скоро перенялъ онъ нашу русскую методу вылъзывать въ люди“, подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ, усаживая докторовъ за поданный завтракъ. „А говорятъ что Европейцы чище и прямѣе нашего брата.“ Французъ недавно прибылъ на службу въ губернскій городъ.

— Чтѣ жь, развѣ я дурно объявилъ вамъ что не знаю чтѣ дѣлать? сказалъ, обращаясь къ Лучанинову и добродушно разсмѣявшись, врачъ-инспекторъ.

Пока доктора завтракали, Владиміръ Алексѣевичъ отперъ столъ чтобы достать деньги за визиты и увидалъ безымянное, запечатанное конвѣйкой, письмо, присланное отцу. Оно было написано на замасленномъ, большомъ листѣ почтовой бумаги, стариннымъ, намѣренно искаженнымъ, почеркомъ.

Лучаниновъ позвонилъ. Вошелъ старикъ камердинеръ.

— Ты знаешь о письмѣ? спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Мнѣ сказывали Алексѣй Андреевъ; читать не читали, отвѣчалъ старикъ.

— Кто же его доставилъ?

Камердинеръ развелъ руками.

— Ужь насчетъ этого, началъ онъ,—я разузнавалъ не мало. Такъ и сакъ мерекалъ, ничего не могъ добиться. Темная вода во облацѣхъ. Письмо засунуто за градусникъ въ гостиной. Въ воскресенье, надо быть, это было. Алексѣй Андреичъ какъ изъ спальни выходить, вы изволите знать, первое дѣло, подходить къ градуснику. Да, въ воскресенье, такъ и есть; встали, одѣлъ я его; идуть въ кабинетъ; прямо къ градуснику; видятъ конвертъ; я шель за ними: платокъ носовой позабылъ въ спальнѣ ему дать. „Это, говоритъ, чтѣ такое?“ Я поглядѣлъ на окно. „Письмо, говорю, сударь; не маальшички ли пошалили?“—„Нѣтъ, говоритъ, въ конвертѣ, запечатано. Принеси.“ Я принесь. Алексѣй Андреичъ прочитали и положили въ карманъ. Миѣ ничего, стою я, хоть бы слово. Подалъ я чай; выкушалъ онъ свою порцію, двѣ чашки; пошли къ обѣднѣ. Послѣ обѣда, утро все, молчитъ мой баринъ. Послѣ обѣда ужъ пошли полежать, по своему обыкновенію; я снялъ сертукъ съ нихъ; онъ и рассказываетъ. „Вотъ, говоритъ, какого рода я письмо получилъ; ты никому не говори покуда.“—„Какъ же возможно, говорю я, сударь, эдакое обстоятельство каждому предъявлять.“ Вечеромъ, такъ часовъ въ девять, приказали Гаврилу Алексѣева позвать; заперлись съ нимъ въ кабинетъ и толковали часовъ безъ мала до двѣнадцати. На другой день его отправили утромъ въ Петербургъ съ письмами. Откуда прислано письмо это, ума не приложу. И сторожей спрашивалъ: не видали ли кого, не подходилъ ли кто къ окну? Не видали. Слѣдъ есть на снѣгу; большой слѣдъ, надо быть, крестьянскаго сапога, съ гвоздями. Диво дивное, окончилъ, поглаживая гладко выбритый подбородокъ, старикъ. — И неужто ему это удастся, Владиміръ Алексѣвичъ?

— Надо пересмотрѣть всѣ бумаги, а я теперь рѣшительно не въ состояніи, отвѣчалъ Лучавиновъ, вынуть пачку ассигнацій и запирая столъ.

Врачи уѣхали. Для наблюденія за больнымъ послалъ Владиміръ Алексѣевичъ за уѣзднымъ докторомъ; уѣздный городъ былъ верстахъ въ пятнадцати отъ Васильевскаго.

— Вы бы легли отдохнуть, Владиміръ Алексѣвичъ, говоритъ Петруша.

Молодой человекъ, посидѣвъ въ спальнѣ у отца, прилежъ было въ гостиной на диванѣ, но заснуть не могъ. Шаги

проходившихъ то и дѣло на цыпочкахъ людей заставляли его помиротно вскакивать.

— Чтò? спрашивалъ онъ проходившаго слугу.

— Нѣтъ, я графинъ отнесъ, отвѣчалъ проходившій, и Владиміръ Алексѣевичъ снова возвращался на диванъ.

Къ вечеру пріѣхалъ уѣздный врачъ, высокій, блѣдный молодой человѣкъ; онъ только что прибылъ на мѣсто своего служенія изъ Петербургской Академіи и не былъ еще знакомъ съ молодымъ Лучаниновымъ. Владиміръ Алексѣевичъ повелъ его къ больному.

— Простите что я потревожилъ васъ, говорилъ онъ врачу. — Мнѣ объявили что надежды нѣтъ, но прописали средство которое опасно дать безъ присутствія доктора; поэтому-то я и рѣшился....

Не для того отчасти онъ послалъ за врачомъ; надежда не оставляющая для чего-то человѣка въ самомъ безнадежномъ положеніи подмывала его послать за докторомъ. „Кто знаетъ, можетъ этотъ и отыщеть какое-нибудь средство спасти“, думалось ему.

— Попробуемъ; я привезу лекарство, отвѣчалъ докторъ.

Нѣсколько болѣзненное лицо и темноглубые глаза молодого врача дышали необыкновенною добротой.

— Я не надѣюсь на хорошій исходъ, говорилъ онъ, выходя изъ спальни. — Готовьтесь ко всему; лекарство можно дать; если оно подѣйствуетъ, жизнь можетъ быть спасена на годъ, на два; при страданіяхъ, конечно, но.... Я пойду дамъ. Черезъ полчаса, много часъ, дѣло должно рѣшиться.

— Съ Богомъ, произнесъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Врачъ пошелъ къ больному. Молодой человѣкъ перекрестился, вошелъ въ кабинетъ и сѣлъ, сложивъ на груди руки, въ кресла противъ камина. Обыкновенный часъ тянулся для него годомъ. Заслышавъ глухой кашель, по временамъ долетавшій до него изъ спальни, Владиміръ Алексѣевичъ пробирался къ двери и прислушивался. Какъ-то пустынно глядѣли освѣщенныя комнаты. Наконецъ докторъ вышелъ.

— Ну чтò? спросилъ Лучаниновъ.

— Натура не работаетъ, отвѣчалъ врачъ, пожавъ плечами. — Больной проситъ васъ послать за священникомъ.

На разсвѣтъ Владиміръ Алексѣевичъ и старикъ камердинеръ, быстро выйдя изъ спальни, навзрыдъ заплакали. Утромъ домъ наполнился дворовыми, крестьянами и крестья-

яками; некоторые из женщин причитали. Одѣтый въ черный сюртукъ, трунъ лежалъ на столѣ въ комнатѣ предъ кабинетомъ. Лицо старика какъ-то помолодѣло; морщины исчезли. Владиміру Алексѣевичу долго казалось что отецъ дышетъ. Докторъ, пощупавъ пульсъ молодого человѣка, сказалъ на ухо камердинеру чтобы не закладывали для него лошадей, что онъ останется до утра, такъ какъ Владиміръ Алексѣевичъ можетъ серьезно заболѣть. Молодой Лучаниновъ впервые видѣлъ такъ близко смерть. Первая природа его глубоко потрясена была страшною картиной. Впервые онъ почувствовалъ все величіе послѣдней минуты человѣка; всю важность и неразрѣшимость поставленнаго за этою минутой вопроса. Молодые нервы, словно струны натянутыя выше камертона, отзывались на все съ болѣзненнымъ чувствомъ. Кипящее воображеніе во всемъ находило особыя, глубокія смыслы; каждое пустое слово сказанное слугою казалось полнымъ значенія. Слова псалма читаемаго пѣвчимъ раздавались, чудилось ему, изъ устъ умершаго.

„Что это со мной?“ думалъ Лучаниновъ, хватаясь за горящую голову.

— Заприте завѣщаніе, сказалъ камердинеръ, подавая ему какой-то пакетъ.

— Какое завѣщаніе?

— На случай, покойникъ завѣщалъ вамъ наличныя деньги и движимость, отвѣчалъ вполголоса камердинеръ.

Владиміръ Алексѣевичъ, ничего не понимая, взялъ и заперъ пакетъ въ письменный столъ.

— Пойдемте наверхъ, Владиміръ Алексѣевичъ, сказалъ докторъ, замѣтивъ что возбужденное состояніе Лучанинова растетъ при видѣ торжественно-печальной картины. Онъ взялъ его подъ руку и увелъ въ мезонинъ.

— Примите-ка лавро-вишневыхъ капель, говорилъ врачъ, подавая пациенту рюмку съ каплями. — Да, прилягте; и я немного отдохну.

Лучаниновъ принялъ капли, сбросилъ пальто и легъ на постель.

— А вы занимаетесь славянскими языками? спросилъ докторъ, увидя на столѣ сербскія книги.

— Занимаюсь, отвѣчалъ Лучаниновъ, выходя изъ задумчивости.

— И вѣрите вы въ будущее Славянъ? спросилъ врачъ.

— Крѣпко вѣрю, отвѣчалъ Лучаниновъ.

Докторъ пожалъ плечами и, улыбувшись, посмотрѣлъ на собесѣдника, какъ смотрять на сумашедшаго доказывающаго пресеріозно свои права на испанскую корону.

— Вы улыбаются, продолжалъ Лучаниновъ.— Я самъ былъ вашего мнѣнія, но познакомившись поближе съ эпосомъ Славянъ, съ исторіей...

— Но, позвольте, перебилъ врачъ, обрадовавшись вмѣстѣ съ тѣмъ что отвѣлъ пациента отъ главной, тяжкой думы.— Какія же данныя-то есть?

— Какія данныя? Я бы ихъ набралъ вамъ, еслибы не былъ убѣжденъ въ томъ что подобные перевороты совершаются помимо нашихъ выводовъ, помимо нашихъ, такъ-называемыхъ, данныхъ. Нежданно и негаданно для насъ рѣшаются такіе вопросы какъ славянской; откуда, намъ вотъ кажется, нельзя бы ждать спасенія, оттуда-то оно и явится, поднявшись съ кровати, горячо заговорилъ Лучаниновъ.— Вы думаете, души неповинно избѣенныхъ не вопіютъ къ Владыкѣ: „доколы Ты, Святый и Истинный, не судишь и не мочишь крови нашей отъ живущихъ на земли?“ Припомните ваденые Рима. Да развѣ знали Римляне откуда набѣжить на вѣчный городъ туча?

Докторъ пугливо посматривалъ на оратора. „Вотъ тебѣ и отвѣлъ“, думалъ онъ.

— Примите-ка, примите еще капелекъ, Владиміръ Алексѣичъ, сказалъ онъ, отсчитывая изъ стѣкланку капли.

Но капли не помогли.

— Повѣрьте мнѣ, продолжалъ расхрипѣвшійся ораторъ,— не даромъ мы „востокъ“. Отъ насъ, отсюда выкатится солнце; мы смѣнимъ, рано ли, поздно ли, западъ; нашъ чередъ насталъ идти во главѣ умственнаго движенія, вести человечество къ свѣту. Не погибаютъ, расхаживая по комнатамъ, продолжалъ славянистъ,— не погибаютъ, вѣрю я, не сходять безъ слѣда съ міровой арены такіа племена какъ наше.

— Прилягте, Владиміръ Алексѣевичъ. Мнѣ что-то дремлетъ, говорилъ докторъ, укладываясь на другую кровать.

Лучаниновъ прошелся нѣсколько разъ по комнатамъ, посмотрѣлъ въ окно, и взявъ лежавшее на столѣ небольшое Евангеліе, легъ на постель.

— Положите-ка, положите на мѣсто книгу; при вашемъ состояніи читать, да еще Священное Писаніе... замѣтилъ врачъ.

— Нѣтъ, эта книга благодѣтельнѣе дѣйствуетъ чѣмъ ваши капли, отвѣчалъ Лучаниновъ.

Докторъ махнулъ рукой и отвернулся къ отвѣтѣ.

— Вы не пишете стиховъ, Владиміръ Алексѣевичъ? спросилъ онъ, не оборачиваясь, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Писалъ въ гимназіи, но страшную чепуху, отвѣчалъ Лучаниновъ. — А что?

— Нѣтъ, я такъ, отвѣчалъ докторъ.

Черезъ три дня весь дворъ, улица и площадь около службъ захлебнулись народомъ; свои крестьяне, въ новыхъ кафтаняхъ и кушакахъ, стояли безъ шапокъ около крыльца. Священники, архимандритъ осѣдлаго монастыря, нѣсколько дворянъ, Барвара Тимоѣевна и краснолицый, извѣстный читателю, помѣщикъ, въ залѣ, ожидали выноса. Владиміръ Алексѣевичъ во фракѣ, обшитомъ узелъкимъ пѣревозомъ, ходилъ изъ комнаты въ комнату, отдавая приказанія людямъ; глава его горѣла; онъ поминутно поправлялъ рукою длинные свои волосы и любуясь спиртъ изъ етклянки, съ которою бѣгалъ за нимъ молодой врачъ, пріѣхавшій снова изъ города. Наконецъ, послѣ литіи, нѣсколько дворянъ, Лучаниновъ и сошедъ, мужъ кумы покойнаго, подняли простой, некрашеный гробъ, накрытый темнозеленою съ золотомъ парчой; увидя шествіе, на крыльцо дружно хлынули крестьяне и подхватили гробъ. Владиміръ Алексѣевичъ очутился въ густой толпѣ; онъ хотѣлъ было уступить свое мѣсто у изголовья. „Нѣтъ, ты носи; носи,“ говорилъ ему шедшій сзади высокій и сѣдой какъ луна старикъ, въ коричневомъ новомъ кафтанѣ. „Да жить учиса у отца; чтобъ и тебя вотъ такъ же хоронили“, прибавилъ старикъ. У Лучанинова ручьемъ хлынули слезы.

И объявился потаенный сердца человекъ, здѣсь, у своей могилы. Толпа замѣтно тоже едва сдерживала рыданье; у всѣхъ стояли въ горѣ слезы.

Гробъ насилу провели отъ тѣсноты въ ворота; крестьяне поминутно смѣнялись...

— Владиміръ Алексѣевичъ, пальто хоть извольте надѣть, кричалъ Петруша, поднимая надъ толпой пальто.

— Давай, сказали въ толпѣ, и пальто было накинута.

Медленно двигалось шествіе подъ стройное пѣніе пѣвчихъ и протяжный звонъ колокола. День былъ солнечный.

Молодой человекъ поманутно брася за голову, не отдавая ясно себѣ отчета, во снѣ оны это видить, или наяву.

Глубоко чувствовалъ теперь онъ крѣпкую связь свою съ народомъ и понималъ ясно, можетъ-быть впервые, высокое значеніе стоять съ нимъ на ряду, стоять за общее святое дѣло. „И въ этомъ модномъ фракѣ я имъ не чужой, родня, я свой этимъ кафтанамъ,“ думалъ онъ. „Въ единомъ, общемъ чувствѣ, вотъ гдѣ сближеніе, единеніе наше съ простымъ народомъ. А мы, невѣрующіе, возьмемъ это сближеніе мечтой, бредомъ неосуществимымъ. Да гдѣ же рознь-то наша съ нимъ? Гдѣ она? Вѣдь я въ родной семьѣ межъ ними.“

— Владиміръ Алексѣвичъ, отдохни, говорилъ ему медшій подлѣ крестьянина лѣтъ тридцати.

— Нѣтъ, не замая несеть, строго повторилъ сѣдовавшій за нимъ сѣдоволосый крестьянинъ.

Лучаниновъ взглянулъ на него и поправилъ свалившееся съ плеча полотно, на которомъ несли покойника.

Наконецъ гробъ внесли въ церковь; послѣ обѣды началась обрядъ отпѣванія. „Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ“, стройно запѣли пѣвчіе. Говоря устами отшедшаго, сердцевидецъ пѣвецъ ведетъ правильнымъ путемъ чувство огорченнаго. Потрясая этимъ олицетвореніемъ весь организмъ его, онъ чудодѣйственно, какъ Моисей изъ скалы, исторгаетъ обильныя слезы. И легче становится, послѣ этихъ слезъ, любящему отшедшаго друга послѣднимъ дѣланнымъ цѣлованіемъ. Осталось навади за нимъ далеко житейское море; жалеть ли о немъ, обуреваемомъ напастями?

Долго смотрѣлъ Лучаниновъ на отца, подойдя прощаться. Вотъ навѣки, навсегда, закрылась крышка; опустили въ могилу гробъ, кивнули горсти земаи; зарыли. Владиміръ Алексѣвичъ пригласилъ присутствовавшихъ къ обѣду. Кровь стучала ему будто молотомъ въ голову. Докторъ нѣсколько разъ, по возвращеніи изъ церкви, щупалъ ему пульсъ и заставлялъ проглотить ложку какой-то микстуры. Къ вечеру гости и духовенство разъѣхались. Докторъ и Владиміръ Алексѣвичъ вдвоемъ остались у камина.

— А смерть отца имѣетъ огромное значеніе въ жизни человека, началъ Лучаниновъ. Вотъ съ этой минуты какъ онъ вздохнулъ въ послѣдніе, одинъ остался я; нѣтъ болѣе совѣтника; я долженъ наконецъ самъ, по своей волѣ, дѣйствовать....

— Какой отецъ, замѣтилъ докторъ.

— Какой угодно, всякій; есть всюду поученіе; порочный отецъ поучаетъ васъ сильнѣе своимъ примѣромъ; только имѣйте ухо слышать поученіе; страдаю за его пороки, вы поучаетесь. А что это братъ? Онъ беспокоитъ меня, закончилъ Лучаниновъ,—по времени, онъ долженъ бы прѣхать.

Къ Петру Алексѣвичу отправленъ былъ курьеръ въ Одессу.

— Дорога ужасная, сказалъ докторъ;—вѣроятно, вѣдетъ. Черезъ рѣку, я думаю, не перейдешь. Мартъ мѣсяць, вѣдь.

Лучаниновъ задумался.

— Да, произнесъ онъ какъ бы очнувшись;—предъ этимъ поставленнымъ смертію вопросомъ рѣжется, любезный докторъ „плоти нашей мудрованіе“.

Часовъ въ шесть утра на другой день уѣхалъ врачъ. Лучаниновъ простился съ нимъ, одѣлся, напился чаю и ходилъ по опустѣвшему дому; прислуга шепотомъ говорила въ передней; старушка ключница въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ считала серебро въ буфетѣ. Владиміръ Алексѣвичъ велѣлъ заложить себѣ сани въ одну лошадь, надѣлъ дубленый полубубокъ и поѣхалъ одинъ, безъ кучера, къ своей кормилицѣ, крестьянкѣ, жившей въ деревнѣ верстахъ въ трехъ отъ помѣстья. Утро было пасмурное; шелъ мокрый снѣгъ. Выѣхавъ за село, Лучаниновъ поѣхалъ легкою рысью по дорогѣ, окаймленной рѣденькимъ, низкимъ кустарникомъ; вдали чернѣла деревушка; на встрѣчу ему ѣхали тоже рысцей дровни въ одну лошадь. Подъѣхавъ къ Лучанинову, мужикъ снялъ шапку и своротилъ, увязивъ лошадедку по брюхо въ сугробѣ. Это былъ крестьянинъ изъ Васильевского.

— Здравствуй, Никита, сказалъ Лучаниновъ, знавшій всѣхъ своихъ мужиковъ.

— Здравствуйте, сударь. А что, осмѣлюсь, Володимеръ Алексѣвичъ, я тебя спросить, отозвался мужикъ, осадивъ лошадедку барахтавшуюся въ сугробѣ.

— Что тебѣ? спросилъ Лучаниновъ, тоже осадивъ свою лошадь.

— Правда ли, будто бы Подмостьевскій Павелъ Иванычъ отбиваетъ насъ у вашей милости?

— Не знаю ничего, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Вздоръ это, вѣроятно, враки.

— То-то.... А у насъ на селѣ толкъ.... Отбить тоже зря не дадутъ.... Мало бы что онъ.... Мы исконные ваши, говорилъ мужикъ, недоувѣрчиво поглядывая на Лучанинова.

— Пустяки; не вѣрьте, сказалъ Лучаниновъ, стегнувъ возжами и крупною рысью пуская лошадь къ деревнѣ.

Обезумивъ прудъ съ широкою прорубью, у которой колотила валькомъ какія-то трапки баба, Лучаниновъ проѣхалъ вдоль широкой улицы, и повернувъ налѣво, въ другой посадь, остановился у угольного двухъ-этажнаго деревяннаго дома съ размаданными ставнями и широкими, рѣзными воротами. Въ волоковое окно выглянула и тотчасъ скрылась голова молодой крестьянки; изъ воротной калитки вышелъ высокій, рыжеватый мужикъ, лѣтъ сорока.

— Дома кормилица? спросилъ Лучаниновъ, унимая возжами расходившуюся темногнѣдую свою лошадь.

— Дома, родимый. Милости просимъ, отвѣчалъ мужикъ.

Это былъ мужъ кормилицы.

— Возьми, братъ, лошадь; привяжи хоть здѣсь къ кольцу, а то на дворъ введи; пуглива она, сказалъ Лучаниновъ, выходя изъ садеи и привязывая къ передку возжи.

— На дворъ введу, вѣрнѣе; отвѣчалъ крестьянинъ, открывъ ворота и взявъ подъ утцы хранившаго коня.

Лучаниновъ вошелъ въ калитку и поднялся на высокую, крутую лѣстницу.

— Гость дорогой, встрѣтила его, выбѣжавъ на крыльцо, худощавая, лѣтъ сорока, крестьянка. Она бросилась обнимать привѣжаго. — Серафима....

Изъ сѣней вышла на этотъ зовъ красивая баба лѣтъ двадцати трехъ, молочная сестра Лучанинова. Молодые люди поцѣловались.

— Ши, проклятыя, кинулась кормилица на куръ, прибившихся въ отворенную дверь избы; куры разбѣжались съ клектомъ, похожимъ на выраженіе негодованія, вѣроятно на дурное обращеніе хозяйки.— Самоварчикъ, хлопотала между тѣмъ кормилица, стирая съ лавокъ пыль и убирая праху.— Сюда вотъ, говорила она, усаживая въ передній уголъ гостя. — Серафимушка.

Накрывъ салфеткой столъ, она пристально посмотрѣла, подперши худощавое лицо свое, на Лучанинова, и вдругъ, кинувшись ему на шею, горько зарыдала.

— Ну вотъ, говорилъ вошедшій въ избу мужъ.—О чемъ ты это? Чѣмъ бы радоваться.

— Онъ знаетъ о чемъ, отвѣчала кормилица, сѣвъ подлѣ Лучанинова и продолжая плакать.

Молодая женщина, отвернувшись къ печкѣ и подкладывая въ самоваръ лучинки, тоже плакала. Владиміръ Алексѣевичъ сидѣлъ за столомъ, подперевъ обѣими руками голову; ему хотѣлось самому заплакать, но слезъ не было; голова горѣла какъ въ огнѣ; изба, по временамъ, ходила кругомъ; онъ чувствовалъ что того гляди заговорить безмыслиду.

— Что это у тебя голова-то такая горячая? испуганно спросила кормилица, пощупавъ ему лобъ.—Знать простудился вчера. Гляди, не захвори.

— Ужъ ты, Владиміръ Алексѣичъ, больно-то не убивайся, утѣшала мужикъ, присѣвъ на лавку.—Всѣ тамъ будемъ. Что дѣлать-то?

Дочь кормилицы подала самоваръ и чашки. Кормилица принесла кринку со сливками и принялась разливать чай. Лучаниновъ пилъ молча чашку за чашкой.

— На похоронахъ я такъ и не подошла къ тебѣ.... Не пробралась; больно ужъ людно.... А другое думаю, не до меня ему, толковала кормилица.—Завтра, думаю, схожу, а ты вотъ самъ, родной...., окончила она, улыбаясь и уставивъ темносиніе глаза на своего питомца.

— Вольная у васъ? спросилъ Лучаниновъ.

— У насъ давно; самъ Алексѣй Андреичъ, дарство ему небесное, о Рождествѣ завезъ, отвѣчалъ мужъ кормилицы.

— И дарственная на землю? спросилъ Лучаниновъ.

— Какъ же, все какъ слѣдовательно, отвѣчалъ хозяинъ, прихлебывая чай изъ блюдечка. — А что?

— А что? робко переспросила кормилица.—Толкують мужики....

— Я знаю.... Это вздоръ.... Я такъ, на всякій случай, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Ну, прощайте пока, окончилъ онъ, застегивая полушубокъ и выходя изъ-за стола.

Въ эту минуту отворилась дверь, и въ избу вошелъ Петруша.

— Что тебѣ? спросилъ Лучаниновъ.

— Я къ вамъ; отвѣчалъ мальчикъ.—Только что вы не извольте тревожиться; это порядокъ такой вездѣ.

— Да гдѣ же, вѣтерпливо перебилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Да... вѣрѣлаа для описи земская полиція... Только что Владиміръ Алексѣичъ, не извольте беспокоиться, говорилъ мальчикъ, робко поглядывая на молодого барина и держа въ рукахъ свою баранью шапку.

— Я полагаю, вспыхнувъ весь, пробормоталъ невнятно Лучаниновъ.

Обнявъ кормилицу, испуганно оглаживавшую то его, то Петрушу, онъ вышелъ въ сопровожденіи хозяевъ въ сѣни. Въ сѣняхъ кормилица опять было бросилась съ плачемъ обнимать его, но мужъ отвелъ ее. Лучаниновъ сѣлъ въ сани и уѣхалъ; вслѣдъ за нимъ поѣхали пошеви съ кучеромъ и Петрушей. При вѣздѣ въ село, подлѣ овиновъ, стояли кучей мужики и о чемъ-то тихо толковали. Увидя мимоѣдущаго, Лучанинова, всѣ молча приподняли шапки и притихли; на лицахъ всѣхъ замѣтна была тяжелая о чемъ-то дума, Лучаниновъ отвѣтилъ на поклонъ, и проѣхавъ село, исчезъ въ воротахъ господскаго дома. Войдя въ переднюю, онъ наткнулся на полупьянаго старика приказнаго, въ нанковомъ засаженномъ сюртукѣ, съ какими-то подъ мышкой бумагами. Старикъ камердинеръ стоялъ прислонившись къ изразцовой печкѣ и опустивъ сѣдую, стриженую голову; на ларѣ спалъ безцеремонно солдатъ, подложивъ подъ голову кожаную суму съ бумагами. Лучаниновъ, окинувъ быстро глазами переднюю, прошелъ въ мезонинъ чтобы переодѣться. Петруша побѣжалъ за нимъ. Надѣвъ пальто, онъ вышелъ въ залу, гдѣ сидѣлъ судья, страпчій и расхаживалъ покручивая усы исправникъ, человекъ лѣтъ тридцати, въ военномъ вице-мундирѣ, съ манерами ловкаго, влюбленнаго по уши въ себя, поручика. Хотя всѣ они были знакомы Лучанинову, но никто не поздоровался съ нимъ, а судья, толстый (съ заспанымъ, молодымъ, почти дѣтскимъ, лицомъ человекъ, едва поднавшись со стула, спросилъ: „вы дѣйствительный студентъ Лучаниновъ?“

— Я, отвѣчалъ вспыхнувъ и вопросительно, но вѣжливо взглянувъ на него Владиміръ Алексѣевичъ.

— Мы прибыли для того чтобы описать движимость покойнаго воспитателя нашего, продолжалъ судья, отдѣлавшись наконецъ отъ стула и обдергивая шелковый черный жилетъ свой.

— Мне кажется, въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ мы съ братомъ единственные и прямые наследники послѣ...., началъ было молодой человекъ.

— Въ томъ-то и дѣло что не прямые и не наследники, самодовольно разсмѣявшись и покрутивъ усы перебилъ исправникъ.

Лучаниновъ взглянулъ на него.

— Вотъ неугодно ли вамъ прочитатъ, сказалъ судья, передавая Лучанинову подавную приказную бумагу; здѣсь копія съ прошенія господина Тарханкова и заключеніе по оному уряднаго суда.

— Не копія-съ, а подлинное прошеніе, скромно замѣтилъ приказный, какимъ-то утѣшающимъ взглядомъ посмотрѣвъ на судью и кашатауль.

— Ну, вотъ вамъ, даже подлинное, прибавилъ судья.

Лучаниновъ началъ и началъ читать бумагу. Въ ней говорилось довольно безтолково, между прочимъ, что „бракъ, по свидѣніямъ имѣющимся въ духовной консисторіи, матери имевующихъ себя наследниками статскаго совѣтника Лучанинова, совершенный до рожденія ихъ съ отпущеннымъ на волю дворовымъ человекомъ, нынѣ умершимъ Алексѣемъ Евстагивевымъ Лучаниновскимъ, уничтожаетъ метрики, гдѣ вышеозначенные дѣйствительный студентъ и студентъ Лучаниновскіе наименованы Лучаниновыми“. Владиміръ Алексѣевичъ вспыхнулъ; онъ перечитывалъ разъ пять это мѣсто и все таки не совсѣмъ понялъ смыслъ его; Лучаниновскаго онъ едва помнилъ; это былъ старикъ капельмейстеръ ихъ оркестра, бездѣтный вдовецъ; желая поступить въ монастырь, Лучаниновскій выпросилъ у Алексѣя Андреевича вольную и умеръ въ какомъ-то монастырѣ.

Въ это время на дворѣ завязжали полозья, и къ крыльцу подъѣхалъ обитый клеенкой возокъ, заложенный тройкой сѣрыхъ.

— Кто это? Славный возокъ, замѣтилъ исправникъ, смотря въ окошко.

— Но движимость во всякомъ случаѣ достается, по завѣщанію, намъ съ братомъ, сказалъ, возвращая судѣ бумагу, Владиміръ Алексѣевичъ.—Кромѣ того, вѣдь мы этого такъ не оставимъ....

— Это все равно, началъ, молчавшій во все время, пѣшившій, сухой, съ желтыми рѣдѣвшими баккенбардами, страпцій.

По заѣздѣ вы получите въ свое время, если оно, разумеется, будетъ признано; а теперь не угодно ли вамъ взять ключи, которые, по-настоящему, вы не имѣли и не имѣте никакого права хранить у себя. Не угодно ли вамъ сдать намъ деньги и вещи.

— Позвольте. Какъ я не имѣю права? запальчиво началъ было Лучаниновъ.

— Никакого, съ побѣдоноснымъ хладнокровіемъ, перебилъ исправникъ. — Кто вы такой? спросилъ онъ, запуская въ карманы шароваръ руки и самодовольно постукивая шпорами.

— Милостивый государь....., началъ было Лучаниновъ.

Въ это время въ комнату, поправляя воротнички, вошелъ мужъ кумы Алексея Андреевича.

— Потрудитесь записать, началъ онъ, — послѣднія слова господина исправника. Мы занесемъ ихъ въ протоколъ. Вы вотъ, господа, слышали, добавилъ онъ, обращаясь къ судья и страпчему.

Исправникъ покраснѣлъ.

— То-есть, какъ же это въ протоколъ? спросилъ онъ, покрутивъ усы и обратившись къ вошедшему.

— Какъ въ протоколъ заносить? Вы не видите? отвѣчалъ помѣщикъ. — Вотъ увидите. Не угодно ли вамъ, господа, приступить къ составленію.

Судья и страпчій пошептались о чемъ-то у окна. Наконецъ послѣдній сказалъ что-то приказному; тотъ очинилъ перо и ушелъ къ столу; камердинеръ подалъ письменный приборъ и бумагу.

— Послушайте, началъ, отводя помѣщика подъ руку въ сторону, исправникъ.

— Да если вы поступали по закону, чего же вы боитесь-то? громко отвѣчалъ исправнику, освобождаясь отъ него, помѣщикъ.

Исправникъ пожалъ плечами и, покручивая усы, принялся смотреть въ окошко.

Приказный заскрипѣлъ перомъ. Всѣ молчали; Лучаниновъ, ничего не понимая, продолжалъ стоять посреди комнаты. Помѣщикъ что-то нѣсколько разъ говорилъ ему на ухо и наконецъ отошелъ, пожавъ плечами.

Комиссія переѣхала тоть. Судья съ уточненною вѣжливостью попросилъ Лучанинова приступить къ дѣлу. Въ это время вошелъ священникъ. Владиміръ Алексѣевичъ вытѣщилъ

изъ стола шкатулки и принялся, вмѣстѣ съ комиссіей, помѣщикомъ и священникомъ, считать червонцы, ассигнаціи и банковые билеты. Эта исторія продолжалась часовъ до семи вечера. Отложивъ четыре тысячи съ надписью рукой покойнаго: „деньги Владиміра Алексѣевича,“ комиссія перепечатаала остальное и сѣла съ хозяиномъ за подаанный обѣдъ. Самъ помѣщикъ сѣлъ подлѣ хозяина. Только что подали супъ какъ вошелъ Петруша и подавъ письмо Владиміру Алексѣевичу. Лучаниновъ прочелъ и передалъ письмо сосѣду помѣщику; тотъ тоже прочелъ.

— Можетъ-быть, изъ мухи слова сдѣлалъ докторъ, сказалъ онъ, возвращая письмо.

— Однакожъ не самъ пишетъ, замѣтилъ Лучаниновъ.

— Чтѣ это? спросилъ священникъ.

— Братъ боленъ опасно; уведомляетъ изъ Одессы докторъ, отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ, передавая письмо священнику.

Комната вмѣстѣ съ членами комиссіи заколебалась, и Лучаниновъ очнулся въ кровати, на своемъ мезонинѣ; молодой увѣданный врачъ сидѣлъ подлѣ него со стклянкой въ рукѣ. Петруша клалъ ему на голову холодную примочку; въ комнатѣ пахло уксусомъ и эфиромъ.

— Чтѣ со мною, докторъ? спросилъ онъ, пробуя приподняться.

— Простой обморокъ, отвѣчалъ врачъ, поднимаясь со стула.—Вамъ нужно отдохнуть и не говорить съ полчаса.

Больной обвелъ глазами комнату, полуосвѣщенную краснотю абажуромъ лампы.

— А ѣхать можно завтра? спросилъ онъ врача, вспомнивъ о письмѣ.

— Ну, ѣхать-то.... Развѣ въ другую комнату, вотъ на волтеровскомъ креслѣ, отвѣчалъ, садясь подлѣ него врачъ.

— Какъ вамъ угодно. Я побѣду.... Помилуйте, вѣдь умираетъ братъ, рѣшительно проговорилъ Лучаниновъ.—Петруша, чтѣ теперь такое?

— Десять часовъ вечера, отвѣчалъ, взглянувъ на свои карманные часы, мальчикъ.

— Въ восемь утра я вѣду. Чтобъ было все уложено и лошади были готовы; да пожалуста, меньше вещей, произнесъ, повернувшись къ стѣнѣ, Лучаниновъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Но послушайте, началъ было онъ.

Больной оборотился и взялъ его за руку.

— Благодарю васъ; я въ возкѣ, въ тепломъ возкѣ поѣду... Мою натуру вы не знаете; если не ѣхать мнѣ, я увѣрю васъ, занемогу отъ одной думы. Вѣдь не горячка же у меня? проговорилъ онъ, заложивъ подъ голову руки.

— Нѣтъ, не горячка пока, отвѣчалъ докторъ, — но....

— Никакихъ „но“; будьте увѣрены, поѣздка меня вылечитъ, отвѣчалъ Лучаниновъ. — А что, полиція уѣхала?

— Уѣхали, отвѣчалъ Петруша.

Лучаниновъ попробовалъ подняться.

— Съ чего жъ вы взяли что я не могу ѣхать? Я совсѣмъ здоровъ.... И пульсъ..., попробуйте, нормальный, говорилъ онъ, щупая себѣ пульсъ.

Докторъ взялъ его за руку, и посмотрѣвъ съ минуту на часы, отвѣчалъ:

— Пульсъ лучше; правда; а желѣзная у васъ натура.

— Русская, безъ примѣси, сѣвъ на кровати, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Папироску.

Ночь онъ спалъ какъ убитый; къ удивленію доктора, бреда не было; на другой день, часовъ въ семь утра, бодро всталъ онъ съ постели, одѣлся и рассказывалъ какъ здоровый. Замѣтна была, правда, въ немъ какая-то необыкновенная живость; онъ поминутно вскакивалъ съ мѣста, говорилъ даже о пустякахъ горячо. Часовъ въ одиннадцать утра, простившись съ докторомъ и собравшеюся въ домѣ дворней, переодѣвшись по-дорожному, Лучаниновъ пошелъ въ церковь; дворовыя бабы плакали, мать Петруши просила не оставить сына; священникъ отслужилъ на могилѣ паннихиду. У церкви собрались крестьяне.

— Прощайте, братцы, сказалъ, подойдя къ нимъ, Владимиръ Алексѣевичъ. — За любовь къ отцу благодарю васъ.

Мужики молча поклонились и переминались, подозрительно досматривая на барина. „Говори, что ли,“ толковали въ погледоса въ толпѣ. „Спросить надо. Чего тутъ?“

— Владимиръ Алексѣичъ, началъ вдругъ, выступивъ впередъ, высокій, молодцоватый мужикъ. — Про любовь, что тутъ. Мы отца похоронили, а не барина, объ этомъ..., продолжалъ онъ, махнувъ рукою. — Ты скажи намъ, правда ли будто Тарханковъ отбиваетъ насъ у твоего здоровья. Правда ли?

Толпа молчала, въ ожиданіи отвѣта.

— Дело не рѣшено, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— А стало шцеть? заговорили въ толпѣ.—Ищи, законъ на это есть.

— Суду ему за это Богъ, Павлу Иванычу, проговорилъ свѣдой высокій старикъ.

— А что жь? У волка въ зубахъ, Егорій далъ, замѣтилъ, расхотавшись, полупьяный рыжеватый мужикъ, съ опамышимъ отъ вина лицомъ.

— А ты бы лучше помолчалъ, коли ужь спозаранку налилъ звяки-то, отозвался оборотась къ нему старикъ.

— Не выловить нами ему, Тарханкову, крикнулъ кто-то позади.

Въ село, звена колокольцомъ, влетѣлъ на тройкѣ капитанъ-исправникъ.

Мужики притихли. Тройка исправника вѣхала прямо на господскій дворъ. Лучаниновъ свѣлъ въ возокъ дожидавшійся у ограды.

— Прощайте, братья, сказалъ онъ, высунувшись изъ окна.— Прощайте, батюшка.

— Прощайте, отвѣчалъ священникъ, подойдя вмѣстѣ съ камердинеромъ къ возку.

— Прощай, Володимерь Алексѣичъ, говорила, махая шапками, толпа. — Хлопочи. Гляди, ворочайся.

Въ толпѣ собравшихся у ограды женщинъ стояла двушка лѣтъ шестнадцать въ темносиней суконной шубкѣ. Лучаниновъ, высунувшись изъ возка, взглянулъ на нее. Крестьянка быстро отвернулась и начала шутить съ наблюдавшими ее подругами. Наконецъ заложенная гусемъ тройка тронулась, загремѣвъ бубенцами; возокъ, быстро прѣхавъ вдоль села, понесся по проселку усаженному елками.

— Къ кормилицѣ прикажете заѣхать? спросилъ Петруша, сидѣвшій рядомъ съ Лучаниновымъ.

— Нѣтъ, не поѣду. Тяжело, отвѣчалъ Лучаниновъ, отвалился въ уголъ возка и завертывался въ шубу.

На третьей станци возокъ былъ брошенъ, и Лучаниновъ вѣхалъ на перекладной; плата по рублю, по два ямщикамъ на чай, онъ легъ въ сломя голову по испортившейся, мартовской дорогѣ. А все ему казалось что онъ медленно подвигается впередъ. „Скорѣй, скорѣй, братъ“, говорилъ онъ ямщику, замѣтивъ что усталая тройка бѣжала рысью. Ямщикъ подбиралъ возки, и тройка снова неслась во весь опоръ по

лужамъ; брызги и комки талаго снѣга летѣли прямо въ лицо сѣдокамъ. Петруша робко поглядывалъ на горящее лицо сидящаго съ нимъ рядомъ барина. На послѣдней станціи Лучаниновъ встрѣтилъ Барскаго; онъ ѣхалъ изъ Москвы въ помѣстье. Пока перекаладывали лошадей, Лучаниновъ разказалъ музыканту о смерти отца, болѣзни брата. Барскій отвѣчалъ что уже знаетъ о смерти Алексѣя Андреевича отъ Корнева.

— Да, я велѣлъ Петрушѣ, помню, увѣдомить Григорья Сергѣевича. Здоровъ ли онъ? перебилъ Лучаниновъ.—Все это нужно, если мнѣ суждено быть писателемъ, съ какою-то торжественностью произнесъ онъ.—Такъ нужны были вамъ несчастья, для того чтобы вы умѣли плакать на вашемъ инструментѣ.

— Вы знаете что Гоголь умеръ? спросилъ Барскій.

— Что вы? Гоголь? Боже мой, это какой-то праздникъ смерти, вскрикнулъ почти, вскочивъ со стула, Лучаниновъ.

Барскій, замѣтивъ ненормальное состояніе его, не радъ былъ что сообщилъ ему эту новость.

— Боже мой, Гоголь, повторялъ Лучаниновъ, въ раздумьѣ расказывая по комматѣ.—А это знаменательно.

Музыкантъ ясно увидалъ что Лучаниновъ въ горячкѣ и подумалъ: „ужь не воротится ли мнѣ?“ Онъ вышелъ въ сѣни и поговорилъ съ Петрушей.

— Владиміръ Алексѣичъ, я ворочусь съ вами въ Москву, обратила онъ къ нему, входя въ избу.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Лучаниновъ, угадавъ мысль его;—лѣтъ, ради Бога; я разстроены, но здоровъ; самъ докторъ мнѣ сказалъ что у меня желѣзная натура. Меня кормила не Француженка, а русская крестьянка.

Обнявъ музыканта, онъ сѣлъ въ сани.

— На водку рубль, но чтобы.... Понимаешь? оказалъ онъ лмщнику, выѣжая со станціи.

— Смекаемъ, отвѣчалъ, кашлянувъ значительно, молодой лмщникъ; онъ, вѣроятно, полагалъ что везетъ кутилу-купчика, протирающаго глаза отцовскимъ деньгамъ.—Дай только въ поле выбраться, колѣно сдѣлаю; отъ станціи нельзя, содержатель бранится.

Выѣхавъ за деревню, онъ пронзительно свиснулъ и пустилъ что есть духу сѣвную тройку.

— Вотъ такъ, произнесъ Лучаниновъ, поправивъ чуть было не слетѣвшую съ головы невысокую арманку.

Было часовъ одиннадцать вечера, когда путники подъѣхали къ воротамъ Лучаниновскаго дома.

— Эй, дворникъ, кричалъ Петруша, стуча кулакомъ въ ворота.

Минуть черезъ пять явился, въ накинутомъ тулупѣ, заспанный дворникъ, съ фонаремъ въ рукѣ, и отворилъ ворота. Сани въѣхали на дворъ.

— Ужь, кажется, старался, сударь, говорилъ ямщикъ, одравляя шлеи на дымившейся тройкѣ.— Часу не ѣхали.

Наконецъ прибѣжалъ, поживаясь, въ одномъ пальто, поварь.

— Пожалуйте, сказалъ онъ, отпирая подъѣздъ.

— Топленъ ли домъ-то? спросилъ Петруша, вынимая изъ сани вещи.

— Топлено. Сегодня вѣдь только уѣхалъ Захаръ Петровичъ, отвѣчалъ поварь. — Здравствуйте, Владимиръ Алексѣевичъ.

— Здравствуй, отвѣчалъ ему Лучаниновъ, входя въ переднюю.— Растопи каминъ; потомъ возьми извожика и съѣзди къ Корневу.

— Прикажете ужинъ готовить? спросилъ поварь.

— Не нужно. У насъ, кажется, есть кое-что съ собой.

Поварь зажегъ свѣчи въ кабинетѣ и растопилъ каминъ. Лучаниновъ умылся и надѣлъ халатъ.

— Ты ложись спать, сказалъ онъ, отпуская одурѣвшаго съ дороги Петрушу.— Завтра утромъ мы выѣдемъ.

Мальчикъ, взявъ платъе, вышелъ. Войдя наверхъ въ свою комнату, онъ сбросилъ полшубокъ, не раздѣваясь кинулся на постель и тотчасъ же заснулъ; такъ утомили его быстрая ѣзда и ухабистая дорога. Лучаниновъ утѣлся къ письменному столу, досталъ изъ мѣшка золотообрѣзную съ застѣжкой книгу и написалъ въ ней: „Гоголь умеръ.“ За этимъ онъ набросалъ еще нѣсколько строкъ; закурилъ папиросу, онъ прочиталъ ихъ, зачеркнулъ, бросилъ перо и пересѣлъ къ камину. Лучаниновъ нѣсколько разъ давалъ себѣ слово вести дневникъ и не сдерживалъ.

Не во гнѣвъ романистамъ, заставляющимъ своихъ героевъ высказывать въ дневникахъ свои ежедневныя и даже еже-часныя чувствованія и мысли о только что совершившемся,— врядъ ли человѣкъ способенъ сказать что-нибудь дѣльное даже о новости сейчасъ до него долетѣвшей. Такъ, стоящему на горѣ, во влагѣ плывущаго облака, не видать формы

какую приняло оно; онъ чувствуетъ только что платье его влажно; лишь спустившись къ подошвѣ или поднявшись на самую вершину горы, онъ разглядитъ длинную, заостренную съ концовъ сѣрую полосу медленно плывущаго пара. Такъ точно, только отдаваясь извѣстнымъ пространствомъ времени отъ событiя, способенъ человекъ уразумѣть смыслъ его, сказать о немъ дѣльное слово. Поэтому всѣ покушавшiеся писать дневники или вели голый перечень событiй, или оставляли приготовленные тетрадки чистыми.

Черезъ полчаса вошелъ въ комнату Корневъ. Послѣ обѣдѣн, друзья усѣлись у стола подлѣ камина. Поваръ подалъ имъ чай и приготовилъ ужинъ.

— Чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ нравственныя черты, вспоминаю жизнь моего отца, тѣмъ больше люблю его, тѣмъ больше ему удивляюсь, произнесъ не нормальнымъ, торжественнымъ тономъ Лучаниновъ. — Я не умѣлъ цѣнить его.

— Однако это ужасно; изъ владѣльца трехъ тысячъ душъ сдѣлаться.... началъ было Корневъ.

— Богъ съ нимъ съ богатствомъ, перебилъ Лучаниновъ. — Мнѣ грустно расставаться съ крестьянами какъ съ друзьями, какъ съ семьей своею. — Я ихъ всегда любилъ, а похороны отца скрѣпили эту связь мою съ ними на вѣки. Они мои; я ихъ; и насъ не разлучать, повѣрь, двадцать Тарханковыхъ. Мнѣ только эта связь и дорога.... Жаль уголка, конечно, гдѣ родился я, гдѣ выросъ, гдѣ прахъ моихъ.... Положимъ, прахъ.... Душой я вѣчно съ ними, но.... Жаль гвѣзда роднаго, окончилъ онъ вздохнувъ, — а прочее....

Лучаниновъ махнулъ рукой и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Корневъ, противъ обыкновенiя, былъ неразговорчивъ.... Онъ тоже стоялъ въ облакѣ.

— Однакожь, какой подлець долженъ быть этотъ Тарханковъ, отрывочно воскликнулъ онъ послѣ получасоваго молчанiя.

— Ахъ, да; когда хоронять Гоголя? спросилъ Лучаниновъ.

— Сегодня схоронили.... Студенты несли до кладбища.... Я былъ, отвѣчалъ Корневъ. — Ты слышалъ, онъ вѣдь сжегъ вторую часть *Мертвыхъ душъ*?

— Да, слышалъ, отозвался Лучаниновъ.... Но, знаешь чтѣ.... Всею есть время. Намъ, обществу, надо задуматься, и сильно, надъ первымъ томомъ *Мертвыхъ душъ*. Изобразивъ свѣтлые образы, онъ бы ослабилъ впечатлѣнiе, то впечатлѣнiе которое *Мертвыя души* произвели на Пушкина. Одинъ вѣдъ

Пушкинъ задумался и спросилъ: „неужто такова наша Россія?“ А мы? Мы потѣшались стукомъ щетки слетѣвшей со стола, отъ того что припрыгнулъ Чичиковъ; забавлялись надъ подгулявшимъ Селифаномъ, когда онъ называлъ лошадей секретарями. Мы, вѣдь, не раскусили, не поняли глубокаго смысла поэмы.

Просимъ припомнить читателя что это говорилось въ началѣ пятидесятихъ годовъ нашего столѣтія.

— А рано умеръ, сказалъ Корневъ.

— И какъ попали на него за его „Переписку съ друзьями!“ продолжалъ Лучаниновъ.—Положимъ что тамъ есть мѣста обличающія больнаго человѣка, но такъ обругать... И потомъ мы же, мы сами наивно спрашиваемъ другъ друга: отчего это такъ рано умираютъ на Руси такіе люди? Мы позабыли что такіе люди глубже вдвое, вдесятеро глубже чувствуютъ. Зачѣмъ онъ сжегъ вторую часть? Да, надо было сжечь.

Корневъ не узнавалъ своего пріятеля; глаза Лучанинова горѣли. „Горячка,“ думалъ Корневъ. Но не было сумашедшаго огня въ этихъ глазахъ; въ нихъ было скорѣе выраженіе какое бываетъ у человѣка случайно отгадавшаго смыслъ слова надъ которымъ долго, усиленно и тщетно ломалъ онъ голову. И вдругъ, въ одно мгновеніе онъ понялъ: „вотъ что это значитъ“.

— Знаешь что, Лучаниновъ, началъ Корневъ, желая заставить говорить пріятеля, чтобъ изъ рѣчей его разъяснить себѣ горячка это, или просто восторженное настроеніе.—Знаешь что? пиши.

— Не буду я писать, отвѣчалъ Лучаниновъ,—до той поры пока не увѣрюсь вполне что стою твердо, на неизблемой почвѣ. Слово! Ты шутишь словомъ? Чѣмъ сильнѣе талантъ, тѣмъ онъ опаснѣе, тѣмъ тяжелѣй отвѣтъ за вѣтреное слово; восторженно заговорилъ Лучаниновъ.—Ты долженъ знать, ты знаешь, какъ глубоко западаетъ въ душу образъ созданный художникомъ; онъ посылаетъ всякаго нравственія; а говоришь: „пиши“. Ты знаешь сколько помысловъ святыхъ и грѣшныхъ образъ способенъ возбудить, поднять въ душѣ созерцателя. Насколько нравственъ, чистъ художникъ, на столько чисто будетъ впечатлѣніе рожденное его твореньемъ. Не говорю уже о томъ, когда художникъ намѣренно вздумаетъ, безъ совѣсти, отравлять ядомъ ближняго; тогда онъ

долженъ вспомнить, что есть судъ, здѣсь на землѣ, судъ неакой вещи; что изъ любви къ отравленнымъ, въ одинъ день, всемогущая рука расколеть въ дребезги его нечистую палитру. И испытаетъ онъ то страшное безсиліе, тѣ тяжкія минуты, когда задыхаешься отъ желанія творить, а между тѣмъ бездѣйствуетъ творческая сила. Минуты тяжки; каковы жь года такого состоянія, десятки лѣтъ?... А совѣсть? Чѣмъ заглушить ее? Каково будетъ слушать, да на краю могилы, можетъ-быть, тебѣ ея безпощадная рѣчи?

Корневъ не узнавалъ пріателя; не только въ словахъ, но въ самомъ голосѣ, въ жестяхъ была какая-то опасная торжественность.

— Но, что жь ты думаешь дѣлать? спросилъ Корневъ.

— Дѣла гибель у каждаго. Покуда, навѣщу брата, и если, Богъ дастъ, выздоровѣетъ онъ, уѣду тотчасъ же въ Италію, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Мнѣ нужно уѣхать хоть не надолго изъ Россіи.... И потомъ, надо учиться и учиться.

— Это, значитъ, ты опять усядешься за свою живопись, сказалъ Корневъ.—Напрасно.

— Да развѣ живописцу одному нужна Италія, Римъ? горячо заговорилъ Лучаниновъ.—А для писателя? Чтобъ былъ изященъ созданный имъ образъ, чтобъ озарево было его твореніе свѣтомъ красоты, развѣ не нужно воспитать сначала глазъ свой на антикъ? Все нужно для поэта; все. Музыка нужна, чтобы стройно, плавно текла рѣчь, чтобъ ухо чутко было къ сочетанью звуковъ; не вникнуть въ мысль, когда она появится въ смѣшной, неблагозвучной формѣ. Но, сядемъ же за ужинъ.

Пріатели усѣлись къ столу.

— Ты, кажется, улыбаясь началъ Лучаниновъ, наливая вина себѣ и собесѣднику,—старался разгадать что со мной сдѣлалось? Въ горячкѣ я, или.... Вѣдь правда?

— Правда, отвѣчалъ Корневъ, прихлебнувъ изъ стакана.

— То-то ты все прищуривался, глядя на меня, продолжалъ, разсмѣявшись, Лучаниновъ.—Видишь какъ я тебя знаю.

— Ну, а съ имѣньемъ какъ же? Такъ нельзя же, вѣдь, оставить, замѣтилъ Корневъ.—Нужно оспаривать.

— Съ имѣньемъ? Да.... Какъ же оставить? Я поручу Гаврилѣ Алексѣеву. Онъ въ Петербургѣ, защищался Лучаниновъ;—я напишу и.... Но.... Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Видно было что ему что-то хотѣлось сообщить пріятелю; но вмѣстѣ съ желаніемъ замѣтно было что онъ не рѣшался.

— Странно, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія;— жизнь открываетъ сразу человѣку много такого до чего, какъ ни работай головою, врядъ ли даже додумаешься. Вотъ, напримеръ, мнѣ нужно было оторваться отъ роднаго угла, чтобы полюбить его, умѣть цѣнить святую тишину семейнаго крова. И если суждено мнѣ воротиться въ его сѣнь, какъ буду я хранить ее. Мнѣ нужно было разстаться съ народомъ чтобы крѣпче полюбить его; нужно было видѣть его великую все прощающую душу у отцовскаго гроба. Тутъ только я узналъ, тутъ вычиталъ, какія сокровища хранятся въ сердцѣ русскаго простаго человѣка. Нѣтъ, не пойдемъ такой народъ, какъ нашъ, съ ножомъ, путемъ измѣны и убійствъ искать себѣ свободы. Любовь, вотъ его сила.... „Та свободить“ его.

— Съ этимъ согласенъ я, отвѣчалъ Корневъ.— Кто жь отвергаетъ? Даже матеріалисты....

— Да что такое, перебилъ Лучаниновъ,— матеріалисты, спиритуалисты? Ни они, ни мы, всё просто не додумались до истины. Всё будутъ вкупѣ въ день разумнія; повѣрь. Шутливы они вѣрой.... Это есть сила; это драгоценная золотая, старинная гривна, которую нашъ вѣкъ, словно ребенокъ, промѣнялъ на жестианого, копѣчнаго конька; и радъ радехонекъ. Мнѣ говорятъ они что отъ желудка находятъ скука и тоска; а отчего же во время сильнаго душевнаго потрясенія неидетъ на умъ пища? Ты потерялъ подругу; нука, прими такой порошокъ чтобы не тяжело было глядѣть на осиротѣлыхъ дѣтей, чтобы не замирало сердце въ бессонную ночь, при мысли что она уже не встрѣтитъ тебя по утру своимъ ласковымъ взглядомъ и привѣтомъ?

Корневъ выпилъ цѣлый стаканъ лафиту и молча принялся рѣзать холодную курицу. „Нѣтъ, у него не горячка, думалъ онъ, во это восторженное настроеніе....“

— Не ѣзди въ эту распутицу, Лучаниновъ, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, братъ, объ этомъ.... Какъ не ѣхать? говорилъ, расказывая по кабинету, Владиміръ Алексѣевичъ. — Ты знаешь меня.... Покою ли я буду здѣсь, зная что боленъ братъ? Такое состояніе хуже распутицы.

— Съ этимъ нельзя не согласиться, отвѣчалъ Корневъ.

Корневу сильно хотѣлось поговорить, но состояніе пріятеля заставляло молчать.

— Да; конечно, нужно; поѣзжай, бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, думая совершенно о другомъ.

Лучаниновъ тоже замолчалъ; глаза его горѣли; онъ то садился къ столу, то вскакивалъ и ходилъ по комнатѣ, поминутно потирая лобъ и виски ладонью. Уже свѣтало когда пріятели разстались. Корневъ ушелъ. Заспанный поваръ убралъ со стола, и уложивъ на диванѣ барина, вышелъ изъ кабинета.

(До слѣд. №.)

Н. ЧАЕВЪ.

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

ГЛАВА X.

Черкасовъ сопровождаетъ Екатерину II въ балтійскія губерніи. — Биромъ принимаетъ ее въ Митавѣ. — Приемъ депутацій. — Нѣмецкія привѣтственные рѣчи, отвѣты на русскомъ языкѣ, маневры войскъ, смотръ флота. — Присоединеніе Курляндіи къ Россіи. — Свѣдѣнія о Биронахъ. — Письмо Лорда Букингама Черкасову.

„Отъ края моря Балтійскаго до края Эвксинскаго шестіе твое!“

(*Рѣчь Георгія Конисскаго, епископа логилевскаго.*)

„Присоединенныя страны непристойно называть чужестранными; а обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше чѣмъ ошибка. Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому чтобъ оны обрусѣли и перестали бы гадать какъ волю къ лѣсу.“

(*Изъ секретнаго наставленія Екатерины II генералъ-прокурору князю Вяземскому.*)

До сихъ поръ мы занимались преимущественно дѣятельностью барона А. И. Черкасова по званію президента медицинской коллегіи съ 1763 года; но въ біографіи его (глава III этого очерка) упомянули вскользь что въ сѣвѣющемъ 1764 году онъ сопровождалъ Екатерину II въ ея поѣздкѣ въ Остзейскій край.

* См. Русскій Вѣстникъ №№ 1 и 2.

Обстоятельства этой поѣздки и важныя политическія послѣдствія которыя она имѣла, побуждаютъ насъ посвятить ей отдѣльную главу.

Положеніе въ которомъ находилось Балтійское поморье было, въ общихъ чертахъ, слѣдующее:

Эстляндія и Лифляндія уже слѣшкомъ сорокъ лѣтъ принадлежали къ составу Россійской Имперіи, а герцогство Курляндское, со времени ссылки Бирона, управлялось хотя именовъ Польскаго короля, но на самомъ дѣлѣ русскими министрами * и, если не ошибаемся, занято было нашими войсками. **

Когда Биронъ прибылъ въ Петербургъ съ Минихомъ, то Петръ III снова надѣлъ на него Андреевскую ленту *** и, желая ихъ помирить, велѣлъ поднести имъ по бокалу вина; но такъ какъ императоръ въ то время былъ отозванъ въ другую комнату, то они поставили бокалы на столъ и разстались, попрежнему, врагами. Вслѣдъ за симъ, благодаря Екатеринѣ II, Биронъ вновь сдѣлался герцогомъ Курляндскимъ, на такихъ впрочемъ условіяхъ что съ этого времени Курляндія стала какъ бы подвластною ей страной.

Императрица собиралась посѣтить обѣ свои балтійскія губерніи, и Биронъ просилъ позволенія явиться къ ней въ бытность ея въ Ригѣ.

Вслѣдствіе сего, приказаніе сопутствовать ей, въ качествѣ камергера, было не только особенно лестно для Черкасова, но еще, давая ему возможность встрѣтиться со своимъ тестемъ, могло имѣть и выгодную для него сторону. Не знаемъ видѣлся ли Биронъ въ Петербургѣ, за годъ предъ тѣмъ, со своею дочерью, баронессою Черкосовою, и простилъ ли ей бѣгство ея изъ-подъ родительскаго крова; но имѣемъ основаніе полагать что вопросъ о ея приданомъ, котораго она

* Устрялова, *Русская Исторія*, С.-Петербургъ, 1849 г., часть II, стр. 170.

** См. далѣе о Сибирскомъ походѣ стоявшемъ близъ Митава.

*** 1762 г. 24го марта, вмѣстѣ съ золотою шпагой. 1780 г., марта 8го, камергеръ Биронъ пожалованъ былъ орденомъ Св. Александра Невскаго и, въ томъ же году, 1го октября, будучи графомъ и обер-камергеромъ, орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. 1740 г., 8го ноября, лишенъ всѣхъ знаковъ отличія, равно какъ и его сыновья, оба имѣвшіе Андреевскія ленты. Герцогиня снова получила, въ 1762 г., 22го ноября, отъ Екатерины II отнятую у ней Екатерининскую ленту (кавалерскіе спуски, стр. 84, 89, 109, 154 и 181).

при вступленіи своемъ въ замужество не получила, такъ какъ родители ея находились тогда въ Ярославлѣ, оставался еще не рѣшеннымъ. Известно только что послѣ личныхъ переговоровъ съ Черкасовымъ въ 1764 году, герцогъ сталъ ежегодно высылать своей дочери по нѣскольку тысячъ талеровъ. Въ государственномъ архивѣ есть письмо которое онъ адресовалъ ей въ Петербургъ, 7го апрѣля 1750 года, изъ Ярославля, на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ письмѣ онъ просилъ ее воспользоваться своимъ положеніемъ при дворѣ дабы испросить родителямъ своимъ помилованіе. Такъ какъ это письмо находится въ числѣ кабинетныхъ бумагъ Елизаветы Петровны, то надо полагать что оно было представлено ей въ подлинникѣ. Но резолюціи на немъ никакой нѣтъ.

Екатерина II выѣхала изъ Петербурга 20го іюня и 24го прибыла въ Екатерининскій дворецъ, въ Ревель, а 9го іюля въ Ригу, гдѣ встрѣчена была у дѣстницы генераль-губернаторомъ графомъ Броуномъ, * генераль-фельдцейхмейстеромъ Вильбуа, ** и герцогомъ и герцогинею Курляндскими, поздравлявшими ее съ благополучнымъ прибытіемъ.

* Глава VIII сего очерка и даже письмо лорда Букингама барону Черкасову. См. также „Переписку Екатерины II съ графомъ Броуномъ“ въ I томѣ *Осьмнадцатаго вѣка*, Москва, 1868 года.

** Вильбуа при переворотѣ 1762 года хотѣлъ остаться вѣрнымъ Петру III; но Екатерина II, прибывъ въ Измайловскій полкъ и узнавъ объ этомъ, подозвала его къ себѣ и долго съ глазу на глазъ убѣждала перейти на ея сторону. Послѣдствіемъ ея краснорѣчія было то что, отказавшись дѣйствовать противъ нея, Вильбуа отдалъ ей свою шпагу. (Преданіе.) Въ память этого Екатерина II подарила ему очень хорошій экземпляръ ея портрета, писаннаго масляными красками, во весь ростъ, на которомъ она представлена на пѣгомъ конѣ, въ гвардейскомъ мундирѣ, въ трехъ-угольной шляпѣ, въ ботфортахъ, въ Андреевской лентѣ, съ обнаженною шпагой въ рукѣ, то-есть, почти такъ какъ она была одѣта 28го іюня 1762 года, когда повела гвардію по Петергофской дорогѣ. Этотъ портретъ отъ А. Н. Вильбау перешелъ къ его внуку Е. И. Пальмембау (его мать была дочь Вильбау), а послѣ смерти его вдовы (1832 г.), по случаю раздѣла ея имуществъ между ея наследниками, проданъ былъ за 100 руб. асс. почитательницѣ Екатерины II, бывшей ея фрейлинѣ, а тогда уже статсъ-дамѣ П. И. Матвевой, урожденной графинѣ Саатыковой, и до сихъ поръ находится въ принадлеженіи ея внукамъ имѣніи, на той же Петергофской дорогѣ, селѣ Новознаменскомъ. А. А. Васильчиковъ повѣствуетъ что 28го іюня на Екатерининѣ II былъ

Въ Ригѣ, Биронъ упросилъ государыню посѣтить Митаву и, на предѣлахъ Курляндіи, встрѣтилъ ее, сопровождаемый сыновьями своими и свитой. Императрица возложила на старшаго изъ нихъ, наследнаго принца Курляндскаго Петра, орденъ Св. Андрея Первозваннаго, котораго онъ лишенъ былъ при ссмыкѣ отца; а на брата его, принца Карла, орденъ Св. Александра Невскаго. Въ Митаву государыня вѣѣжала при пущечной пальбѣ, въ великолѣпныхъ герцогскихъ экипажахъ; по дорогѣ выстроены были *стоявшій* близъ города *Сибирскій*

мундиръ *Талызина*, стараго покроя, и что она сидѣла на *пюгелъ* конѣ, съ *распущенными* волосами (*Семейство Разумовскихъ*, Москва, 1868 года, стр. 205). Первое обстоятельство согласно со свидѣтельствомъ княгини Дашковой (стр. 58 ее записокъ, Лондонъ, изд. 1859 г.), а въ *Запискахъ Державина* (Москва, 1860 года, на стр. 20) упоминается о *преображенскомъ* мундирѣ и *бѣломъ* конѣ. У французскаго же писателя, на котораго сдѣлана ссылка, сказано только что на императрицѣ были гвардейскій мундиръ и *каска* съ дубовою вѣтвью (*une branche de chêne sur son casque*; стр. 268, т. I, *Histoire de Pierre III*). Но никакихъ *касакъ* тогда не существовало въ нашемъ войскѣ; офицеры и вся команда носили трехъ-угольные шапки, а въ вѣхотѣ одни только солдаты носили суковатые шапки по покрою *лейбъ-коммандскихъ* (которыя, вмѣсто шапекъ, прикрываютъ многіе дворянскіе гербы пожалованные Елизаветою Петровною, напримѣръ гербъ Лаптевыхъ), въ родѣ тѣхъ какія до сихъ поръ носятъ придворные скороходы, то-есть со страусовыми перьями и небольшоимъ вѣдлымъ ораомъ напередѣ. Сама Екатерина II писала Станиславу-Августу Понатовскому 2го августа 1762 года: „Je me mis en uniforme des gardes, m'étant fait proclamer colonel; je me mis à cheval. Je sortis ainsi à la tête des troupes, et nous marchâmes toute la nuit“.. Далѣе она говоритъ что 29го июня утромъ съела *сапоги*, отдохнула на дачѣ князя Куракина и, въ Екатеринбургѣ, снова стала во главѣ гвардейскихъ полковъ. Поэтому мы и не утверждаемъ чтобы на портретѣ подаренномъ на память фельдцейхмейстеру Вильбу, которому совершенно подобнае находится въ Романовской галлерей (въ Зимнемъ дворцѣ), въ Петергофскомъ Ангайтскомъ дворцѣ и въ Академіи Художествъ, — костюмъ былъ именно тотъ въ который Екатерина была одѣта 28го июня *вечеромъ*. Тутъ на ней *Андреевская* лента (привезенная лишь императрицѣ *коронованной*) которую однакожъ, въ то самое время какъ она собралась въ походъ, надѣла на нее княгиня Дашкова, связь ее съ Панина (стр. 57 ее записокъ); а *прическа лужская* того времени, то-есть свѣтка на задверныхъ пучки и коса, завернутая въ черныи шелковий комелекъ. Вѣроятно, портреты эти написаны въ послѣдствіи времени,

*полкъ, возлѣ кареты ѣхали верхомъ герцогъ съ сыновьями генералъ-адъютантъ князь Орловъ и шталмейстеръ Нарышкинъ; * за каретой слѣдовалъ эскадронъ лейбъ-кирасирскаго полка. По прибытіи въ герцогскій замокъ, она у крыльца принята была герцогиней, и когда вошла въ покои, то герцогъ съ семействомъ своимъ, ставъ на колѣни и уцѣлуя у Екатерины руку, приносили благодарность за оказанныя ему милости. Тутъ представлялся императрицѣ князь Масальскій, епископъ виленскій, зависѣвшій не отъ нея, а отъ Рѣчи Посполитой, но по собственной охотѣ прѣбывавшій туда къ ней на поклонъ. Когда императрица садилась за столъ, герцогъ придвинулъ ея кресло. Послѣ обѣда, государыня въ тотъ же день возвратилась въ Ригу. Герцогъ раздавалъ присутствовавшимъ золотыя медали на память этого дня; а*

такъ какъ въ первые годы по воцареніи своемъ Екатерина II довольно часто надѣвала мундиръ для смотровъ и маневровъ; что же касается утра 28го іюня, то она провела его въ черномъ платьѣ на фишмакѣ и въ *Екатерининской* лентѣ. Это доказываютъ 4 превосходныя акварели (почти миниатюры по отчетливости работы) современнаго художника Реймерса, которыя мы имѣли случай видѣть *въ деуахъ экзекулярныхъ разныхъ разлѣповъ*: 1а—представляетъ отъѣздъ императрицы изъ Петергофа, 2а—присягу Измайловскаго полка, 3а—восхожденіе Екатерины II на паперть Казанскаго собора и 4а—возвращеніе ея предъ народомъ на (открытомъ тогда, нынѣ *фонарикомъ*) балконѣ Зимняго дворца, ближайшемъ къ Эрмитажу. На углу переулка (со стороны Большой Миліонной) видны дѣла (вѣроятно дворецъ тогда еще не вполне былъ отстроенъ, хотя Петръ III перѣхалъ туда на Пасху) и войска съ пушками и съ тогдашними *красными* балакарами. Графъ Сиверсъ утверждаетъ (т. I, стр. 141—147) что Вильбуа, въ началѣ царствованія Екатерины II, игралъ весьма важную роль, парализовалъ вліяніе графа Н. И. Панина и не безъ успѣха ратовалъ за привадегію Лифляндіи и Эстляндіи. Извѣстная его самостоятельность сдѣлалась, однакожь, очень скоро причиною его паденія и совершеннаго удаленія отъ двора, въ 1765 году. Во время путешествія 1764 года, Вильбуа, какъ директоръ инженернаго корпуса, встрѣчалъ Екатерину II въ Нарвѣ, у воротъ крѣпости, потомъ за станцію до Дерпта и до Риги, и показывалъ ей укрѣпленія. (Колозовъ, ч. I, стр. 85, 114, 132 и 134). См. также о Вильбуа *Russische Günstlinge*, стр. 221.

* Въ свѣтѣ императрицы еще находились, кромѣ сихъ лицъ и самаго барона Черкасова, графъ Строгановъ и извѣстный Пассекъ (см. въ концѣ этой главы письмо лорда Букинггана).

наслѣдный принцъ бросалъ въ народъ серебряные жетоны. Оба проводили императрицу до Риги и тамъ снова благодарили ее. Она возвратилась въ Петербургъ 25го іюля и была радостно встрѣчена цесаревичемъ и жителями столицы. *

„Народъ здѣшній“, писала она изъ Риги графу Н. И. Панину, „ждалъ моего прїѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь, и какъ увидѣлъ мою карету, то съ виватомъ проводилъ меня до моего дома. Je vous écris ceci pour vous montrer que les Livoniens commencent à avoir des influences de leurs conquérants.“ **

Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей относящихся до этой поѣздки. Какъ и въ послѣдствіи это замѣтилъ Димсдалъ (записка его, стр. 321), императрица тщательно соблюдала обряды православной церкви; каждое воскресенье, гдѣ бы только ни было, въ Ревелѣ, въ Ригѣ, въ Дерптѣ или въ Пернавѣ, она слушала литургію въ соборѣ, или хоть въ гарнизонной церкви; при торжественныхъ приѣмахъ, православное духовенство всегда имѣло шагъ предъ всѣми мѣстными сословными депутаціями, и на прїѣзженныхъ рѣчи, произносимыя на нѣмецкомъ языкѣ, князь Г. Г. Орловъ отвѣчалъ, отъ имени императрицы, *по-русски*. Войсками, расположенными въ Лифляндіи и Эстляндіи, командовали Румянцевъ, Чернышовъ, Бутурлинъ и Ушаковъ; Екатерина II, на конѣ и въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, присутствовала при маневрахъ (большую частію вечеромъ, вѣроятно по причинѣ лѣтнихъ жаровъ, и часто послѣ баловъ, оканчивавшихся то въ 6, то въ 8 часовъ); однажды даже ужидала въ лагерѣ близъ Екатериненталя; а въ Балтійскомъ Портѣ, когда она взошла на яхту чтобы произвести смотръ флоту, *въ первый разъ послѣ кончины Петра Великаго поднята была на русскомъ кораблѣ императорскій штандартъ!*... ***

Извѣстна удивительная способность какую имѣла Екатерина II внушать восторгъ, привлекать и располагать къ себѣ населенія. Когда Биронъ, по причинѣ глубокой старости, отрекся отъ управленія герцогствомъ Курляндскимъ,

* Колатовъ.

** Пишу вамъ это чтобы показать вамъ что Лифляндцы начинаютъ испывать вѣлікіе свои завоевателей. (Щебаевскій.)

*** Колатовъ, ч. I, стр. 92—124. Порешимъ также говорить что въ 1764 и 1765 гг. Екатерина II часто надѣвала гвардейскій мундиръ.

предоставивъ оное старшему сыну своему Петру (24го ноября 1769 г.), * Екатерина II такъ повела дѣло что сумѣла присоединить къ Россіи Курляндію (1795 г.) и ввести какъ тамъ; такъ и въ Лифляндіи и Эстляндіи, Учрежденіе о губерніяхъ и Городовое Положеніе, но потомъ это распоряженіе было отмѣнено императоромъ Павломъ, въ балтійскихъ провинціяхъ возстановлены средневѣковыя привилегіи, ** и тѣмъ отсрочено на неопредѣленное время обрусеніе этого края.

Отреченіе послѣдняго герцога Курляндскаго, Петра Барона, было въ связи съ третьимъ раздѣломъ Польши и весьма незадолго ему предшествовало. Герцогъ, на аудіенціи данной ему Екатериною II 12го февраля 1795 года, торжественно отвергнулъ зависимость отъ короля Польскаго; вслѣдъ за тѣмъ уполномоченные отъ земскаго сейма Курляндіи поднесли акты о вступленіи ея въ подданство Россіи, и 15го

* Мы уже имѣли случай сослаться въ статьѣ нашей, подъ заглавіемъ: *Смоляный монастырь*, напечатанной въ *Сѣверной Почтѣ* 31го декабря 1868 г., № 279, на бумагѣ оставшіяся послѣ секретаря Бирона, г. фонъ-Гётца, изъ которыхъ видно что, какъ всѣ малообразованные люди того времени, герцогъ былъ крайне суевѣремъ и между прочимъ придавалъ особенное значеніе цифрѣ 2 во всѣхъ счастливыхъ и несчастныхъ событіяхъ своей жизни. Дѣйствительно, онъ женился въ 1722 году; дѣти его родились: старшій сынъ въ 1724 году, дочь 23го іюня 1727 года, младшій сынъ въ 1728 году; при Аннѣ Іоанновнѣ Биронъ находился безотлучно 22 года; арестованъ 29го ноября 1740 года; регентство его продолжалось 22 дня, а ссылака 22 года; 20 декабря 1741 года получилъ извѣстіе объ освобожденіи своемъ изъ Пелыма, а 27го февраля 1742 года отправленъ оттуда въ Ярославль; онъ вызванъ былъ изъ ссылаки въ 1762 году, отрекся отъ Курляндскаго престола 24го ноября 1769 года, и умеръ 28го декабря н. ст. 1772 года 82 лѣтъ отъ роду. Замѣтимъ еще что когда императрица Анна Іоанновна пожаловала Бирона въ оберъ-камергеры, то германско-римскій императоръ прислалъ ему овой портретъ, усыпанный брилліантами, дѣною во 125.000 франковъ, и дипломъ на графское достоинство. (*La cour de Russie il y a cent ans, 1725—1788, Extrait des dépêches des Ambassadeurs de France et d'Angleterre, Paris, 1858.*)

** Записка о министерствахъ и о губерніяхъ на особыхъ правахъ состоящихъ, Д. П. Троицискаго, министра юстиціи при императорѣ Александрѣ I, изданная А. Н. Поповымъ, см. *Сборн. Русск. Истор. Общ.*, т. III, С.-Петербургъ, 1868 года.

апрѣля состоялся о семъ манифестъ,* а 2го іюня подписана декларація, на основаніи которой герцогъ Петръ Биронъ получилъ слѣдующее: два милл. талеровъ въ вознагражденіе за свои ленныя имѣнія и пенсію по 100.000 талеровъ, но съ обязанностію платить ежегодно: брату своему принцу Петру по 6.000 талеровъ, супругѣ его 2.000 талеровъ, дѣтямъ ихъ всѣмъ вмѣстѣ 24.000 талеровъ, и наконецъ сестрѣ своей, баронессѣ Черкасовой, по 10.000 талеровъ.** Возвратясь послѣ сего въ Митаву, герцогъ распустилъ свою гвардію и отправился въ Саганъ, помѣстье, купленное имъ еще за девять лѣтъ предъ тѣмъ въ Силезіи (1786 г.). Между тѣмъ генераль-поручикъ баронъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ*** вступилъ въ управление новою губерніей съ званіемъ генераль-губернатора и привелъ жителей къ присягѣ Екатерины II и ея преемникамъ. Послѣ того назначенъ былъ туда гражданскимъ губернаторомъ тамошній уроженецъ, тайный совѣтникъ М. И. фонъ-Ламздорфъ (въ послѣдствіи генераль отъ инфантеріи и графъ), и когда въ Митаву прибылъ Павелъ I, то онъ представилъ ему указъ сената, которымъ постановлено было ввести въ Курляндіи сборъ нѣкоторыхъ пошачинъ, объясняя что это нововведеніе несогласно съ тѣмъ чѣмъ страна была обнадежена при присоединеніи своемъ къ Россіи. Императоръ на этомъ же указѣ написалъ: „Не брать“, и отослалъ его въ сенатъ. Это чуть ли не единственный примѣръ сенатскаго указа, возвращеннаго обратно съ такою высочайшею резолюціей.

Полагаемъ что здѣсь нелишнее будетъ сообщить нѣсколько не всѣмъ извѣстныхъ свѣдѣній о Биронахъ, тѣмъ болѣе что о нихъ иногда упоминается въ перепискѣ которую Екатерина II вела въ 1773 г. съ барономъ Черкасовымъ.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ III главѣ, ореографія этой фамиліи претерпѣла слѣдующіе варианты: Biren, Biegen, Biring, Biering, Büring, Büren, Bühren. Это видно изъ статей помѣщенныхъ въ дерптской газетѣ *Das Inland*, 1847 года, 14го апрѣля, № 15; *Notizen zur Genealogie des Herzoglich Bironschen*

* П. С. З., т. XXIII, № 17319; тутъ же приложены и самыя акты на двадцати страницахъ.

** Тамъ же № 17341.

*** Въ послѣдствіи с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ и графъ. Ср. *Росс. Родосл. книгу*, С.-Петербургъ 1855 г. ч. II., стр. 215.

Hauses; 1848 г., въ прибавленіи къ № 48; 29го ноября, подъ заглавіемъ: *Das Adels-Diplom der Familie Büren, später Biron gepannt*, съ приложеніемъ весьма подробной родословной; а въ статьѣ той же газеты 1849 года, 4-го апрѣля, № 14: *Noch ein Wort über die Büren*, сказано, со ссылкой на документъ 1712 года, хранящійся въ Митавѣ, въ герцоговомъ архивѣ, что еще *Карлъ Бюренъ, отецъ Эрнеста-Иоанна, началъ писать Бирономъ*, подобно многимъ родственникамъ своимъ, служившимъ въ концѣ XVII столѣтія въ Польшѣ и въ Пруссіи. По сохранившимся въ государственномъ архивѣ письмамъ жены Карла Бирона, Гедвиги-Екатерины, видно что и она подписывалась *von Biron*.

Что же касается собственно до Эрнеста-Иоанна Бирона, то онъ подъ этимъ именемъ принять въ лифляндское дворянство; подъ нимъ же онъ, а потомъ старшій сынъ его Петръ, были герцогами курляндскими; оба они, равно какъ и братья Эрнеста-Иоанна, а въ послѣдствіи одинъ изъ его внуковъ *состояли подъ тѣмъ же именемъ въ русской службѣ*. * Наконецъ Манштейнъ, который, какъ адъютантъ Миниха, былъ врагъ регента и самъ арестовалъ его, только однажды, въ запискахъ своихъ (*Mémoires sur la Russie*, Lyon, 1772), называетъ его М-г Виген (часть I, стр. 70); въ послѣдствіи же постоянно именуется его и братьевъ его Биронами. Такъ они и значатся въ алфавитномъ указателѣ къ этой книгѣ, и въ немъ фамиліи *Bieren* вовсе не встрѣчается. Вообще же, въ чужихъ краяхъ, никто не оспариваетъ фамиліи Биронъ у потомковъ Эрнеста-Иоанна. Отъ такой ореографіи, исторически и официально вѣрной, никогда не отступаютъ *Almanach de Gotha* и цѣлыя подобныя изданія, составляющія авторитетъ въ генеалогическомъ отношеніи; П. И. Бартеневъ и П. П. Пекарскій также придерживаются ея въ своихъ историческихъ изданіяхъ (см. *Осьмнадцатый Вѣкъ*, т. I). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній мы отдаемъ ей предпочтеніе предъ ореографіей Биренъ, введенною авторомъ *Россійской*

* И. Н. Анненкова, *Исторія лейбъ-гвардіи Коннаго полка*, С.-Петербурга, 1869 года, т. IV, въ спискѣ офицеровъ сего полка, на стр. 18, Карлъ-Магнусъ фонъ-Биронъ (братъ Эрнеста-Иоанна), на стр. 19, сынъ его, наследный принцъ Петръ фонъ-Биронъ, и на стр. 143, принцъ Петръ Карловичъ Биронъ (послѣдній послѣднего, внука Эрнеста-Иоанна).

родословной книги. Что касается до одноименныхъ съ Биронами французскихъ герцоговъ, то всѣ знаютъ что между курляндскими Биронами (Biron Courlande) и французскими герцогами Гонтю де-Биронъ (Gontaut de-Biron) никакого родства быть не могло, и что, вообще, даже лица носящія одну и ту же фамилию могутъ-быть совершенно различнаго происхожденія. Извѣстно что когда Эрнестъ-Иоганнъ вздумалъ называться въ родство маршалу Гонтю де-Биронъ, то этотъ на одно изъ его писемъ столь же учтиво, какъ и уклончиво отвѣчалъ, что хотя никакъ не можетъ доискаться родства съ нимъ, однакоже считаетъ великою честью для своего дома заявленіе желанія состоять съ нимъ въ родствѣ со стороны особы занимающей столь высокія должности въ государствѣ состоящемъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей.

Свѣдѣнія приведенной нами дерптской газеты основаны отчасти на официальныхъ данныхъ и, за немногими исключениями, не могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи, а потому, дорожа прежде всего историческою истиною, представляемъ изъ нихъ краткое извлеченіе.

Первая изъ этихъ статей (*Das Adels Diplom* и пр.) выражаетъ *предположеніе* что Бироны происходятъ изъ крестьянскаго званія; *документальныя* же извѣстія начинаются въ ней съ 1573 года, то-есть съ *праццур* Эрнеста Иоганна, герцогскаго лѣсничаго, Карла Бюрена.

Вторая (*Noch ein Wort* и пр.) возражаетъ на нее, ссылаясь на *документъ* 1564 года (то-есть девятью годами старѣе предшествоющей) и приходитъ къ заключенію будто Бироны ведутъ начало свое изъ Вестфаліи и въ этомъ году уже пользовались въ Курляндіи правами *иностранныхъ* дворянъ.

Объясняя что употребленіе частички *фонъ* не всегда доказываетъ дворянское происхожденіе, и что курляндское рыцарство постоянно отказывалось вписать Бириновъ въ свой матрикулъ, авторъ *первой* статьи полагаетъ что предки ихъ не были пришельцами въ Курляндіи, но туземцами, и что они жили въ деревнѣ Кальндеемъ, принадлежавшей сперва ордену Меченосцевъ, а потомъ обращенной въ герцогское ленное имѣніе. Онъ основываетъ такую *догадку* на томъ что принадлежавшая имъ въ этой деревнѣ мыза долго носила наименованіе Бирингъ, а находящаяся въ Кальндеемъ корчма до сихъ поръ называется Biring-Krug. За симъ, ссылаясь на приложенную къ этой статьѣ родословную, авторъ говоритъ что

вышеупомянутому Карлу Бюрену въ 1585 г. герцогъ Готгардъ пожаловалъ хуторъ Димзе (ein Gesinde, ein Stück Landes) въ пожизненное его и дѣтей его владѣніе (Besitz). Ею владѣлъ Иоганнъ-Бюренъ, прадедъ Эрнеста-Иоганна; а о дѣдѣ его, Карлѣ, сказано что герцогъ курляндскій Фридрихъ, въ 1640 г., утвердилъ за нимъ владѣніе тою же дачей (Güthen); объ отцѣ же его, также Карлѣ, что онъ былъ корнетомъ польской арміи и арендаторомъ (Pfandherr) въ Кальвцеиъ, причеиъ управлялъ всею этою герцогскою маестностію. Двоюродный дядя его, Матвѣй (Mathias) фонъ-Бюренъ, отличившійся при взятіи замка Добраенъ, получилъ въ 1638 г. отъ послѣдняго Польскаго короля изъ рода Ваза, Владислава IV, возобновленный (erneuerte) латинскій дипломъ на дворянское (польское) достоинство. Но дипломъ этотъ самаго подозрительнаго свойства. Въ немъ сказано что Бюрену (Büeren) жалуются гербъ съ изображеніемъ въ бѣломъ полѣ черной птицы, называющейся, — а какъ? не упомянуто, — сидящей на деревѣ и держащей три жолудя въ клювъ (aves nigrae, probat, dictam). Между тѣмъ Бюрены имѣли въ гербѣ своемъ ворона съ убовыми вѣтвями въ клювъ, въ красномъ полѣ. Этотъ же гербъ сохранили они и по возведеніи ихъ въ графское достоинство. Изъ той же статьи видно что Эрнестъ-Иоганнъ бѣжалъ изъ Кенигсберга, послѣ *поединка съ Осменъ-Сакеномъ*. Мнѣніе же Крузе (*Geschichte Kurlands unter den Herzogen*) и иныхъ писателей будто предки его занимали низкія служительскія должности, авторъ положительно отрицаетъ, какъ *никогда никѣмъ недоказанное*.

Къ числу такихъ писателей принадлежитъ Манштейнъ (часть I, стр. 67 и 68). Почему любопытно сравнить эти свѣдѣнія съ его отзывами.

Они сходятся въ томъ что курляндское рыцарство никогда не соглашалось принять Бюреновъ въ свою среду (часть I, стр. 71) и что дѣду Эрнеста-Иоганна пожалована была въ собственность маленькая мыза (une petite métairie en prorre); но, вмѣсто пожаловавшаго ее герцога Фридриха, Манштейнъ называетъ Якова III, говоря при томъ что этотъ Бюренъ (Büeren) былъ его *первымъ* или *старшимъ конюхомъ* (premier palefrenier) и прибавляя будто одинъ изъ сыновей его дослужился въ Польшѣ до генеральскаго чина. Между тѣмъ, въ родословной и въ статьѣ *Noch ein Wort* показаны у него: *одинъ только сынъ, польскій корнетъ, и трое племянниковъ*: 1) Карлъ,

подполковникъ, убитый въ 1668 г. при осадѣ Офена, 2) Отто-Фридрихъ фонъ-Биронъ, польскій генералъ-майоръ и комендантъ въ Могилевѣ, наследственный владѣлецъ (Erbherr, вотчинникъ) имѣнія Полькау въ Курляндіи, женатый на графинѣ Вршховета и *убитый въ 1690 г. на поединкѣ оберъ-егермейстера фонъ-Нольде*, и 3) еще Карлъ, сынъ Матвѣя Бюрена, ротмистръ. Отца же Эрнеста-Иоганна, польскаго корнета Карла Бирона, Манштейнъ называетъ курляндскимъ поручикомъ и штаб-мейстеромъ (Esquier) принца Александра Курляндскаго, который убитъ былъ въ Венгріи, въ 1686 году, присовокупляя что послѣ сего отецъ Эрнеста-Иоганна получилъ должность ловчаго (Capitaine de chasse), которая его вполне обезпечила, такъ какъ онъ уже наследовалъ маленькое имѣніе отъ отца своего. Но главнѣйшее разногласіе между статьями газеты *Inland* и Манштейномъ заключается въ прямомъ обвиненіи Эрнеста-Иоганна въ самозванствѣ, обвиненіи, вовсе не такъ положительно высказанномъ въ *Russische Günstlinge*, стр. 151 и 153. Въ его запискахъ утверждается (т. I, ст. 72) будто Эрнестъ-Иоганнъ присвоилъ себѣ фамилію и гербъ французскихъ герцоговъ де-Биронъ (Il prit le nom et les armes de la famille des Ducs de Biron en France). Сказанное такимъ образомъ о гербѣ чистая клевета, въ чемъ легко убѣдиться по любому геральдическому сочиненію. *

Въ статьѣ: *Noch ein Wort* и пр. свидѣнія о происхожденіи Бюреновъ изъ деревни Кальцедемъ оспариваются ссылкой на документъ 1564 года, хранящійся въ курляндскомъ дворянскомъ архивѣ, подписанный герцогомъ Готгардомъ, и въ которомъ онъ обращается къ Мейнгарту Бюрену въ такихъ выраженіяхъ которыя тогда принято было употреблять въ отношеніи къ иностраннымъ дворянамъ. Авторъ указываетъ притомъ на одинаковые гербъ и ораографию вестфальскихъ Бюреновъ, которые служили въ Польшѣ и въ Пруссіи и состояли въ родствѣ съ отцомъ Эрнеста-Иоганна. Изъ нихъ Отто фонъ-Биронъ, Бранденбургскій генералъ-лейтенантъ, былъ женатъ на дѣвицѣ фонъ-Бутларъ, изъ весьма почетной курляндской фамиліи.

* Marquis de Magny, *Science des Armoiries*, Paris. Гербъ французскихъ Бюреновъ просто раздѣленъ на 4 поля: два золотыя и два красныя, и не имѣетъ никакихъ геральдическихъ изображеній. См. также Comte de Girodan, *Livre d'or de la Noblesse Européenne*, Paris, 1861, p. 118 и D'Hosier, *Les Armoiries de France*.

Наконецъ, если рыцарство зависѣвшаго отъ Польши герцогства Курляндскаго уклонилось отъ дарованія Биронамъ индигената, то дворянство русской губерніи, Лифляндской, оказалось стоворчивѣе. Въ 1739 году оно прислало оберъ-камергеру Э. I. Бирону, за подписью множества ландратовъ и съ висячею печатью, формальный о семь актъ, хранящійся въ государственномъ архивѣ. Въ этомъ документѣ и въ копіи съ лифляндскаго матрикула (находящейся въ герольдіи), гдѣ подъ № 129, на стр. 234, изображенъ уже извѣстный гербъ (вѣрнѣе въ красномъ полѣ), временщикъ названъ Вігонъ.

Изъ родословной, на которую мы уже ссылались, видно что онъ былъ женатъ на фрейлинѣ герцогини Курляндской, Бенигнѣ-Готтлибѣ, изъ бѣднаго, но стариннаго рода von Trotta genannt Treiden; что сестра ея Текла (Thecla) была за генералъ-аншефомъ Бисмаркомъ, лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1737 по 1741 годъ, первая жена котораго была рожденная Ассебургъ (имя весьма извѣстное въ нашей дипломатіи: дѣйствительный тайный совѣтникъ Фоль-дербъ-Ассебургъ, бывъ сперва датскимъ посланникомъ въ С.-Петербургъ, былъ потомъ посланникомъ Екатерины II на сеймахъ во Франкфуртѣ и въ Регенсбургѣ; намъ въ слѣдующей нашей статьѣ придется говорить о его дѣятельности. Въ Пруссіи недавно скончался оберъ-егермейстеръ фельдъ-Ассебургъ).

Въ этой же родословной показаны два брата Бирона: Карлъ, женатый на дѣвицѣ фельдъ-Ламздорфъ и Густавъ—на княжнѣ Мемшиковой. Оба служили подъ начальствомъ Миниха въ турецкую войну, были полными генералами (а первый и Андреевскимъ кавалеромъ) и, въ одно время съ регентомъ и Бисмаркомъ, отправлены были въ ссылку, но въ разныя мѣстности. При Елизаветѣ Петровнѣ Бисмаркъ командовалъ войсками въ Малороссіи, Карлъ вышелъ въ отставку и скончался въ 1760 году, а Густавъ умеръ, не доѣхавъ до Петербурга (Манштейнъ, часть II, стр. 219). Въ семь документѣ однакожь *вовсе не показанъ* третій братъ регента, Карлъ-Магнусъ, умершій до его паденія, въ 1739 году, бывшій генералъ-майоромъ и, кромѣ того, съ 1732 года секундъ-майоромъ Конной гвардіи (*Исторія лейбъ-гвардіи Коннаго полка*, т. IV, стр. 18). Сестры ихъ были: одна за Корфомъ, другая за Медемомъ, третья за Альбедилемъ, словомъ, за самыми знатными Курляндцами.

Ихъ мать, дочь корнета фонъ-деръ-Раабъ, genannt Thülen (Raabe, значитъ *ворона*, а старинная ортографія Raabe. Быть-можетъ и тутъ есть что-нибудь общее съ гербомъ Биреновъ), была женщина очень образованная. Это доказываютъ письма о которыхъ мы уже упоминали и которыя она писала сыновьямъ своимъ. Они помѣчены герцогскимъ имѣниемъ, *Callenzheim*, названіе нѣсколько разнующее отъ того котораго держится газета *Inland*. Въ другихъ письмахъ, также находящихся въ государственномъ архивѣ и почти одновременно адресованныхъ отсюда братьямъ Эрнеста-Иоганна ихъ родственниками, названіе *Kallemtzeim* даже не однозвучно съ обоими предшествующими. Значитъ, во всякомъ случаѣ, въ это время родовой хуторъ Биреновъ уже не назывался *Birnenz*.

Какъ бы то ни было, всѣ эти свѣдѣнія, взятыя въ совокупности, указываютъ что въ эпоху зависимости Курляндіи отъ Польши, Бирены или Бироны были чѣмъ-то въ родѣ шляхтичей, которые однакожь настойчиво старались выдвинуться то службой, то снисканіемъ родственныхъ связей. Такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли военные чины и поженились на курляндскихъ дворянкахъ (Бутгаръ, фонъ-деръ-Раабъ-Тюлень), то вообще съ Биронами не гнушались выходить на поединокъ гордые потомки древнѣйшихъ рыцарскихъ родовъ, какъ-то фонъ-Нольде и Остенъ-Сакенъ. А при тогдашнихъ понятіяхъ, едва ли можно допустить чтобъ оберъ-егермейстеръ или дворянинъ, даже не занимавшій высокой придворной должности, согласился драться на дуэли съ племянникомъ *конюха*, или съ роднымъ внукомъ его.

Происхожденіе отъ конюха, или отъ калленцемскихъ крестьянъ, конечно, не заключало бы въ себѣ ничего предосудительнаго, еслибы Биронъ доблестно возвысился личными достоинствами и заслугами; но самое выраженіе *premier palefrenier*, примененное Манштейномъ къ дядю регента, доказываетъ что тутъ надо разумѣть берейтора или конюшеннаго офицера, и что въ этомъ смыслѣ дядь Бирона былъ *походнымъ италмейстеромъ* (Манштейнъ говоритъ что онъ всюду сопровождалъ своего герцога), а отецъ *вагенмейстеромъ*, такъ какъ онъ изъ венгерскаго похода привезъ его экипажи (ч. I, стр. 67). Въ ту же пору въ германскихъ университетахъ студенты обучались кромѣ наукъ верховой ѣзды, и при каждомъ университетѣ былъ ученый берейторъ,

называвшійся шталмейстеромъ такого-то университета. Шталмейстеръ въ Германіи есть до сихъ поръ въ иныхъ случаяхъ (какъ и у насъ) придворный чинъ, въ другихъ же нѣчто въ родѣ ученой степени.

Не выучившись ничему иному въ Кенигсбергскомъ университетѣ, Биронъ могъ тамъ однакожь пристраститься къ верховой ѣздѣ и сдѣлаться ловкимъ наѣздникомъ, какъ дѣла его и отецъ. И въ послѣдствіи времени Биронъ былъ страстный охотникъ до лошадей. Дѣлая зло людямъ, доводя до чудовищныхъ размѣровъ всѣ пороки своей эпохи, онъ улучшилъ въ Россіи только коннозаводство. Онъ почти ежедневно объѣзжалъ лошадей въ своемъ петербургскомъ манежѣ, чѣмъ весьма часто пріѣзжала любоваться императрица Анна Іоанновна. О дворцѣ его Лажечниковъ говоритъ что онъ находился за *Лѣтнимъ садомъ*. Дѣйствительно, Лѣтній садъ (верхній) простирался до Большой Садовой, до Итальянской и до Караванной улицъ, и такимъ образомъ дворецъ Бирона (въ послѣдствіи конфискованный и сдѣлавшійся *генераль-прокурорскимъ* домомъ, гдѣ нынѣ живетъ г. министръ юстиціи), точно находился за *Лѣтнимъ садомъ*. Это видно по дѣламъ архива министерства юстиціи. Въ сенатскомъ же архивѣ, въ 1847 г. еще находилась огромный мѣдный гербъ Бирона, сорванный съ фронтона этого дома, когда регентъ былъ арестованъ въ Лѣтнемъ дворцѣ * и отвезенъ въ Шлиссельбургъ. Не знаемъ, куда переданъ этотъ любопытный памятникъ старины, при разборкѣ въ послѣдующіе годы сего архива, гдѣ также находились шпаги Мировича, Возницына и пр., поступившія тогда, какъ мы это слышали, въ музей стараго арсенала.

Отъ пребыванія герцогскаго семейства въ Ярославлѣ сохранилась у Александры Николаевны Шубиной, живущей въ имѣніи своемъ, во Владимірской губерніи, цѣлая коллекція собственноручныхъ писемъ герцогини къ г-жѣ Шубиной, супругѣ одного изъ воеводъ перебивавшихъ въ тѣ годы въ Ярославлѣ. Вотъ для образчика, одна изъ этихъ записочекъ, съ орфографіей подлинника:

* Тотъ самый дворецъ гдѣ потомъ некогда жилъ великій князь Павелъ Петровичъ, и на мѣстѣ котораго онъ въ послѣдствіи выстроилъ Михайловскій (нынѣ Инженерный) замокъ. Биронъ шѣлъ нѣсколько домовъ въ Петербургѣ, но всегда жилъ въ царскихъ резиденціяхъ.

„Свѣтъ мой Акулина Максимовна,
 „Я очинь обрадовалась что я васъ на прабоини выдала
 (видѣла) жалаа что бы вы все въ добромъ здарове приехали
 а я у Аяни Никитиша была.

„Балшой мой Принцъ на отъежемъ поле воехалъ у меня
 некаво дома нетъ отъ маинхъ людей каво бы я могла къвамъ
 прислать то исволите етотъ Compliment писменна яричать и
 Ивану Алексеичъ отъ Герцоха и отъ меня.

„Герцогиня.“ *

Въ Пелымѣ и въ Ярославѣ смыльная герцогиня сочини-
 ла на нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько стихотвореній духовнаго
 содержанія, которыя въ 1777 году изданы въ Митавѣ подъ
 заглавiемъ: *Eine grosse Kreuzträgerin*. Книга эта сдѣлалась те-
 перь библиографическою рѣдкостью (*Inland, Beilage zu № 48,*
 29го ноября 1848 г.).

Въ Императорской публичной библиотекѣ есть гравирован-
 ный, но недоконченный (во время его регентства) портретъ
 Барона; а въ Гатчинскомъ дворцѣ есть его грудной портретъ,
 писанный масляными красками, когда онъ уже былъ въ
 преклонныхъ лѣтахъ. Этотъ портретъ, кажется, перевезенъ
 туда изъ прежняго Чесменскаго дворца (нынѣ Николаевска-
 го инвалиднаго дома), гдѣ при Екатеринѣ II собрана была
 коллекція портретовъ современныхъ ей владѣтельныхъ особъ,
 которые сами онъ, по выраженному ею желанiю, ей присы-
 лала. Большая часть этихъ портретовъ находится теперь въ
 Петергофскомъ Англійскомъ дворцѣ, и къ этой коллекціи при-
 соединены, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, портреты
 королевы Викторiи, ея сыновей и др.

Скажемъ еще что намъ случилось однажды видѣть въ Пе-
 тербургѣ привезенную изъ Митавы акварель, представляв-
 шую набальзамированный трупъ Бирона въ открытомъ гро-
 бу. Судя по этому рисунку, на Биронѣ очень хорошо со-
 хранились бѣлый парикъ, коричневый кафтанъ французска-
 го покроя съ нашитою на немъ Андреевскою звѣздой, шта-
 ны, чулки и башмаки съ пряжками. Въ Митавѣ, въ склепѣ
 герцогскаго дворца, каждый провѣзшій можетъ съ нимъ по-
 знакомиться за цѣлковый заплаченный кустеру. Мы слыша-
 ли что, всѣ прочіе гробы обдѣланы обручами и запечатаны. **

* Записка эта, очевидно, написана по случаю возвращенiя въ Яро-
 славъ ввѣводы Шубина съ женой изъ какой то повѣдки.

** См. объ этомъ склепѣ стр. 419, т. I, *Осьмидесятатаго вѣста.*

Тамъ же прежде показывали набальзамированный трупъ кучера который пожертвовалъ своею жизнью для спасенія своего герцога (Кетлера?). Онъ предупредилъ его о заговорѣ, и когда тотъ ему не повѣрилъ, то предложилъ помѣяться мѣстами; герцогъ сѣлъ на козлы, кучеръ въ карету, и его застрѣлили; а убійцы были захвачены заранѣе разставленными въ засадѣ войсками.

Своиченица Бирона, жена младшаго брата его Густава, Александра Александровна, рожденная княжна Меншикова, скончавшаяся въ С.-Петербургѣ въ 1736 году, погребена въ нижней каменной церкви Благовѣщенія въ Невскомъ монастырѣ (*Рубанъ*, стр. 374 и 375).

Старшій сынъ его, герцогъ Петръ, послѣ пріобрѣтенія герцогства Саканъ, измѣнилъ свой фамильный гербъ, прибавивъ къ нему разныя изображенія заимствованныя изъ герба графовъ Лобковичей, прежнихъ владѣльцевъ этого имѣнія (*Island*, 1848 г.).

Здѣсь кстати будетъ привести на память читателя недавно напечатанныя, на стр. 233—237 статьи А. А. Васильчикова (*Семейство Разумовскихъ*, Москва 1868 г.), письма изъ С.-Петербурга, которыя графъ К. Г. Разумовскій въ 1768 году написалъ И. И. Шувалову. Послѣдній, находясь въ Венеціи, занялъ у кого-то 1350 червонцевъ чтобы ссудить ими принца Курляндскаго (котораго именно изъ двухъ тамъ не сказано, но, по всей вѣроятности, не наследнаго принца Петра, а брата его Карла). Шуваловъ принужденъ былъ выслать вексель Разумовскому и уполномочить его получить эти деньги. Фельдмаршалъ не обинуясь обратился къ деверю принца, барону А. И. Черкасому, выхваляя поступокъ Шувалова въ отношеніи къ герцогской фамиліи. Александръ Ивановичъ, если когда брался за какое дѣло, то уже доводилъ его до удовлетворительной развязки: онъ и въ этомъ грустномъ обстоятельствѣ поступилъ со свойственными ему прямою, честностью и горячностью, такъ что деньги были весьма скоро и сполна доставлены Разумовскому. Принцъ велъ себя за границей столь же предосудительно какъ нѣкогда его отецъ, когда былъ студентомъ въ Бѣннбергѣ, и въ бытность свою въ Парижѣ, въ Венеціи того же 1768 года, даже посаженъ былъ въ Бастилю.* И изъ-за

* Изъ письма Разумовскаго къ Шувалову отъ 26го февраля 1768 года видно, что еслибы не посредничество Черкасова, то Разумов-

такого повѣсы барону Черкасову пришлось отрываться отъ дѣлъ государственныхъ, и именно въ тотъ годъ который былъ воцѣлъ знаменательнѣе въ дѣятельности его по медицинской коллегіи!... Вообще, можно сказать, не поздоровилось ему отъ женитьбы на дочери Эрнеста-Юганна Бирона!

Единственный сынъ герцога Петра умеръ въ дѣтствѣ; а послѣ принца Карла, который женатъ былъ на Польшкѣ, княжнѣ Понинской, осталось двое сыновей; они служили у насъ

скій непремѣнно бы пожаловался на принца императрицѣ, тѣмъ болѣе что отецъ его не разъ отказывался отъ уплаты его долговъ и давалъ ему только по 6.000 талеровъ въ годъ. Дурная слава которую нажилъ себя этотъ принцъ объясняетъ почему, вопервыхъ, Екатерина II, въ бытность свою въ Митавѣ, не возвратила ему Андреевской ленты, а только Александровскую; вторыхъ, вслѣдствіе наклоности его къ мотовству, назначила ему, при уступкѣ Курляндіи Россіи, только ту пенсію въ 6000 талеровъ которую онъ еще получалъ отъ своего отца, между тѣмъ какъ на старшаго брата его императрица надѣла орденъ Св. Андрея Первозваннаго, и по отреченіи его отъ герцогскаго престола, назначила ему пенсію во 100.000 талеровъ, независимо отъ двухъ милліоновъ талеровъ уплаченныхъ за залодіальныя имѣнія. См. выше въ этой же главѣ, а также въ слѣдующей за симъ статьѣ письмо Черкасова Екатеринѣ II изъ Ревеля, отъ 19го мая 1778 года, которымъ онъ проситъ ее поступиться за шурина его герцога Петра въ процессѣ затѣянномъ съ нимъ братомъ его, принцемъ Карломъ, послѣ смерти ихъ отца, и стать императрицы отъ 25го того же мая, которымъ она уведомляетъ Черкасова что уже поручила барону Стакельбергу вступить за герцога въ его споръ *avec se malheureux Prince Charles*. О принцѣ Карлѣ см. также въ журналѣ *Время*, за декабрь 1861 года, статью М. Д. Хмырова: *Обстоятельства предшествовавшія опалѣ Э. И. Бирона*. Весь ходъ этого процесса изложимъ въ прибавленіи къ № 48 газеты *Inland* 1848 года, гдѣ сдѣланы и указанія на напечатанныя по сему случаю брошюры. *Gravamen von Seiten des Prinzen Carl von Kurland* и *Exposé du procès entre le prince Charles-Ernest de Courlande et son frère Pierre, Duc Régnant*. Процессъ начался изъ-за завѣщанія отца, хотя еще въ 1771 году принцъ Карлъ письменно отрекся отъ наслѣдства. Въ 1795 году онъ имѣлъ 24.000 талера долгу. Процессъ этотъ кончился лишь въ 1802 году. Рѣшеніемъ Берлинскаго апелляціоннаго суда, онъ добился нѣкоторой части имѣнія Вартебергъ, въ Силезіи. Баронъ Оттонъ-Магнусъ Стакельбергъ, о которомъ упомянуто выше, находился тогда въ качествѣ руссійскаго посла въ Варшавѣ, гдѣ игралъ чрезвычайно важную роль и имѣлъ огромное вліяніе. Два года послѣ этой переписки, именно въ 1775 году, онъ былъ возведенъ Юсифомъ II въ графское достоинство.

въ гвардіи и, подобно владѣтельнымъ особамъ, пользовались нѣсколько лѣтъ правомъ, на высочайшихъ выходахъ, слѣдовать непосредственно за царскою фамиліею. Внуки принца Карла состоятъ теперь въ прусской службѣ. Изъ потомства же герцога Петра, дочери его: герцогиня Саганъ-Дино, по мужу своему премыяница знаменитаго Талейрана, и принцесса Пиниателли пользовались, по уму своему и образованію, европейскою извѣстностью; внуки же его, принцъ Константинъ Гогенцоллернъ-Гехингенъ (*Inland*, родословная Бироновъ, *Annuaire généalogique et historique*, Paris, 1822, p. 300 и *Almanach de Gotha* 1846, 1848 и 1869 г., статья *Courlande*), тому нѣсколько лѣтъ затѣялъ процессъ съ русскимъ правительствомъ, доходившій до сената, относительно потери повесенной, при перемѣнѣ нашего курса на ассигнаціи, въ вознагражденіи за герцогскія ленныя имѣнія въ Курляндіи. *

Отъ поѣздки Екатерины II въ Остзейскій край сохранился документъ, ярко обрисовывающій свѣтскую среду въ которой баронъ Черкасовъ проводилъ свои досуги. Это письмо, адресованное ему въ Ригу 2го (13го) іюля 1764 года находившимся въ то время въ С.-Петербургѣ великобританскимъ посломъ лордомъ Букингамомъ.

Вотъ это письмо:

„St. Pétersbourg, le 13e Juillet, 1764.

„Monsieur le député d'Esculape pour le Département de la Russie! Je réfléchis avec une simpathie amicale sur les plaisirs, dont, je suis persuadé, Vous jouissez dans votre voyage de Riga. Cependant, la faiblesse humaine y mêle de temps en temps un petit sentiment d'envie de ce que je n'en suis pas. J'étais au moment même de supplier Votre gracieuse Maîtresse, de me permettre à cette occasion d'exercer la charge de Chambellan et de laisser mon caractère, mon secrétaire, mes embarras et mes ennuis à Petersbourg. Il m'a paru que ce serait trop présumer sur les bontés de Sa Majesté Impériale. La

Она и сынъ его, графъ Густавъ Оттоновичъ, оба имѣли Андреевскую ленту и были дѣйствительными тайными совѣтниками (*Росс. Родосл. Книга*, С.-Петербургъ, 1856 г., ч. III, стр. 257). Послѣдній состоялъ однимъ изъ нашихъ уполномоченныхъ на Вѣскомъ конгрессѣ. Сынъ его, генералъ-адъютантъ графъ Эрнестъ Густавовичъ, генералъ нашъ посолъ во Франціи. Фамилія эта на русскомъ языкѣ не признаетъ правильной орѳографію Штапельбергъ, и придерживается С, какъ начальной буквы.

* *Сверная Почта* 10го марта 1862 года, № 54. Этотъ принцъ Гогенцоллернскій скончался въ октябрѣ мѣсяцѣ сего года.

raison et l'inclination se sont bataillées avec acharnement sur cette proposition, mais à la fin la raison, consillère également officieuse et impertinente, a gagné une victoire que l'inclination ne lui pardonnera pas.

„Jamais cortège n'a été mieux choisi que celui dont vous êtes: quel trio charmant vous avez toujours à côté de vous! Monsieur l'Ecuyer Narischkine, singulièrement heureux dans une imagination fertile, et une aimable extravagance d'esprit qui n'ont jamais le loisir de se démentir, joue le premier violon. Monsieur le Comte Strogonoff le second, couvrant avec délicatesse les notes aux quelles la vivacité emportée de l'autre donne un tant soit peu d'âpreté, et remplissant avec goût les vides que sa négligence y laisse. Monsieur Passek fait la basse, dont les peu de notes, mais intéressantes et essentielles, perfectionnent le concert. Il me semble de n'avoir pas rendu suffisamment justice à ceux dont je viens de parler pour risquer de poursuivre la description de vos compagnons.

„Si mon ami le général Browne a perdu sa femme, je vous supplierais de disposer la bonne Comtesse, cette séxagénaire vraiment aimable, à le consoler; qu'elle se rappelle des idées de longtemps oubliées, qu'elle attise un feu presque éteint.

„Je ne doute nullement que les nouvelles d'ici vous soient régulièrement communiquées... Vous savez que Paris est parti pour Moscou, et que depuis son départ les déesses rivales pleurent en secret ce voyage et les risques qu'une fidélité un peu équivoque pourra courir. On n'aura pas manqué de vous marquer que les favorites des absents à Riga se consolent grandement.

„Vous serez aussi au fait de toute l'histoire de l'Ambassadeur négociateur manqué et amant malheureux, que ses remords humiliants ne lui ont servi de rien, qu'on ne veut pas lui pardonner tous les torts qu'on a eu à son égard. C'est un de ces cas, où il est dangereux d'avoir raison. On vous aura aussi appris qu'il a dîné l'autre jour chez la Comtesse Golowine; qu'il y trouva la beauté éclatante de Madame Wedel, l'enjouement enchanteur du Prince Troubetzkoy et les graces naissantes de cette rose de May qu'on adore tous les jours, mais qu'on tarde trop à cueiller; je ne la nommerai pas; cependant, quand je vous aurai dit, que si jamais l'innocence sans fadeur, la naïveté sans bêtise, et un esprit fin sans malice se sont rassemblés en une personne, ils font société chez elle; peut être devinerez vous que je parle de la Princesse Bariatinsky. La préférence de votre ami se trouva furieusement embarrassée; le bon homme ne savait sur laquelle il fixerait, de laquelle il détournerait les yeux; son indécision pourtant lui épargna le plus horrible des malheurs, celui d'aimer sans espérance de retour.

„Le dame Polonaise n'a pas encore été cher moi; mais il me semble, qu'elle plait à ceux qui ont le bonheur de la connaître. L'Ami du Comte redouble d'attention à cette occasion et mon-

tre tout l'empressement possible pour aller au-devant des souhaits de Madame, sans diminuer de ces témoignages d'amitié exemplaire que jusqu'ici il a démontré à Monsieur.

„Je vous recommande du meilleur de mon coeur la santé du cher Trio, Prévenez leurs indiscretions ou du moins en guérissez les suites. Cela vous fera honneur. *

* Господина депутатъ Эскулана по департаменту Россіи! Съ дружескимъ сочувствіемъ помышляю объ удовольствіяхъ которыми, я уверяю, вы наслаждаетесь во время поѣздки своей въ Ригу. Впрочемъ, по слабости своей слабой челоуѣчеству, сюда первой присоединяется чувство зависти по поводу того что я не участвую въ этой поѣздкѣ. Я уже собиралась просить вашу всемогущійшую государственную дозволить мнѣ по этому случаю вступить въ отправленіе должности ея камергера и оставить въ Петербургѣ мое званіе, моего секретаря, мои хлопоты и мою скуку. Мнѣ показалось что это значило бы слишкомъ разчитывать на благосклонность ея императорскаго величества. Разумъ и уваженіе неотступно боролись по поводу этого предложенія, пока наконецъ разумъ, совѣтнику стоить же навязчивый какъ и дерскій, одержалъ побѣду, которой уваженіе не протѣтало ему. Никогда свѣта не была составлена лучше той къ которой вы принадлежите. Какое милое трио постоянно вѣдалъ васъ! Первую скрипку разыгрываетъ г. штабмейстеръ Нарышкинъ, удивительно счастливый плодovitостью воображенія и любезнымъ сумасбродствомъ ума, которыхъ никогда не успѣваютъ извѣстить ему! Вторую разыгрываетъ г. графъ Строгановъ (графъ Александръ Сергѣевичъ, въ посѣдствіи оберъ-камергеръ, род. въ 1784 году), нѣжно покрывая тѣ ноты которыхъ пыкалая живость первого придаетъ нѣкоторую рѣзкость, и наполняя со вкусомъ пробыи которыя оставляютъ на вадѣ его олошность. Г. Насосъ разыгрываетъ на контрабасѣ; и нѣмнелія его ноты, но илтересныя и существеныя, совершаютъ кондертъ. Мнѣ кажется, я не была достаточно оправдана въ отношеніи тѣхъ о которыхъ сейчасъ генералъ что бы рискнуть продолженіе описанія вашихъ спутниковъ. Есаи мой другъ, генералъ Броумъ (генералъ-губернаторъ Курляндскій и естландскій), лишился жены (она женоаъ была на дочери знаменитаго фельдмаршала графа Петра Петровича Ласса и скончалась въ 1789 году, 80 лѣтъ отъ роду), те расположите добрую графиню, эту дѣйствительно любезную, шестидесятилѣтнюю старушку, утѣшить его; пусть она вспомнитъ давно забытыя мысла и раздуетъ почти потухшій огонь. Нисколько не сомнѣваюсь что извѣстія отсюда сообщаются вамъ исправно. Вы знаете что Парисъ отправился въ Москву и что со времени его отъѣзда богини-соперницы оплакиваютъ втайнѣ его путешествіе, равно какъ и опасности которыхъ легко можетъ подвергнуться довольно сомнительная вѣрность. Конечно, намъ не упустили дать знать что фаворитки отсутствующихъ

Мы привели это письмо лорда Букинггама между прочимъ для того чтобы дать какъ можно болѣе полное понятіе о личности барона Черкасова и объ окружавшей его средѣ. Въ этомъ письмѣ преобладаетъ общая черта того времени, — нѣкоторая распущенность нравовъ; но изъ него же видно что у Букинггама было много юмора, что онъ былъ тонкій знатокъ человѣческаго сердца, хотя и имѣлъ довольно тяжелый и напыщенный французскій слогъ, и что, точно также какъ и Черкасовъ, онъ любилъ *пожизить*. Къ тому же мы имѣли случай объяснить что въ домашнемъ кругу жизнь Черкасова была далеко незавидная. * Судя по перепискѣ Черкасова,

въ Ригѣ отчасти угѣшаются. Вамъ, вѣроятно, также известна вся исторія неудачнаго посла-негодіатора и несчастнаго любовника; вы знаете что его раскаяніе не пошло ему въ прокъ, что ему не хотѣть простить того чѣмъ въ отхоженіи *къ нему* провинился. Это одишь изъ тѣхъ случаевъ когда опасно быть правымъ. Вамъ уже, быть-можетъ, сообщали что онъ обѣдалъ на дняхъ у графини Головиной; что онъ тамъ напелъ бластательную красу г-жи Ведезь, воспитательную игривость князя Трубецкаго (это, вѣроятно, былъ князь Юрій Никитичъ, родившійся въ 1736 году и которому было тогда 28 лѣтъ отъ роду. Онъ, въ послѣдствіи времени, былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ; женатъ былъ сперва на А. П. Салтыковой, потомъ на графинѣ Д. А. Румянцевой. Стр. 322, т. I, *Росс. Родосл. книга*) и зарождающаяся грація этой майской розы, которую ежедневно боготворятъ, но которую сапшкомъ мѣшкаютъ сорвать.... Я ее не назову; однакожь, когда скажу вамъ что есаи невнимательность безъ приторности, наивность безъ глупости и утонченный умъ безъ лукавства, соединились когда-либо въ одной и той же особѣ, то именно въ ней, — быть-можетъ вы угадаете тогда что я говорю о княжнѣ Баратынской (была въ послѣдствіи въ замужествѣ за генералъ-поручикомъ княземъ Вас. Вас. Долгоруковымъ, сыномъ Долгорукова-Крымскаго). Вашъ другъ былъ въ ужасномъ затрудненіи кому отдать предпочтеніе. Добракъ не зналъ на которой остановиться, отъ которой отвернуть свои взоры. Его нерѣшимость во всякомъ случаѣ избавила его отъ величайшаго изъ несчастій, — любить безъ надежды на взаимность. Польская дама еще не была у меня; но она, кажется, вратится тѣмъ кто имѣетъ счастье ее знать. *Другъ графа* удвоилъ свое вниманіе и всачески поспѣшаетъ идти навстрѣчу желаній госпожи, не оскудѣвъ нисколько въ выраженіяхъ примѣрной дружбы, которую онъ до сихъ поръ выказывалъ ей супругу. Отъ всего сердца поручаю вамъ заботиться о здоровьѣ милаго тріо. Предупреждайте ихъ нескромности иац, по крайней мѣрѣ, смягчайте ихъ послѣдствія. Это вамъ сѣмлетъ честь.

* Гл. III и VII настоящаго очерка, записочка Екатерины II, № V.

съ Екатериною II (1773 года), Букингамъ былъ неуклюжъ и сутуловатъ. По просьбѣ Черкасова, Букингамъ выписалъ для императрицы карманные часы изъ Лондона, и Екатерина писала по этому случаю къ Черкасову:

„La montre de Milord Buckingham est charmante. C'est un vrai bijou: aprésent il y faut une chaîne, car la mienne n'y convient point du tout: elle est maussade vis à vis de la montre.“

На что Черкасовъ отвѣтилъ:

„Спаси Богъ лорда Букингам! Не ударилъ меня лицомъ въ грязь. V. M. I. pouvez être sûre d'avoir aussi la chaîne. J'ai encore 2.800 et quelques roubles de Votre argent. On peut donc se fier à Milord Buckingham, même dans les choses de goût! Qui l'eût pourtant cru à son encolure? Et puis, fiez-vous aux apparences!“

ГЛАВА XI.

Судъ надъ Мировичемъ.—Собственноручныя записочки адресованныя Екатериною II барону Черкасову по разнымъ дѣламъ.—Домъ его въ Петербургѣ.—Увольненіе отъ предсѣданія въ медицинскую коллегію.—Пробываніе и кончина жены его въ Дерптѣ.

„Читая эти, иногда серьезныя, всегда безцеремонныя и писанныя безъ всякихъ претензій письма, понимаешь то обаяніе которое Екатерина II распространяла вокругъ себя.“

Щебальскій.

Еще не минулъ годъ со времени назначенія барона А. И. Черкасова президентомъ коллегіи, и только-что онъ вернулся съ императрицей въ Петербургъ изъ ея поѣздки въ балтійскія области, какъ она оказала ему большой знакъ монаршаго довѣрія, избравъ его въ число судей надъ Мировичемъ.

О томъ какъ Черкасовъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ извѣстно только что, раздѣляя недоброжелательство Орловыхъ къ княгинѣ Дашковой, онъ подалъ мнѣніе, въ которомъ, объясняя впрочемъ свое отвращеніе отъ пытки, тогда еще не вполне отмѣненной (Сумароковъ, т. I, стр. 65), требовалъ однакожъ примѣненія ея въ настоящемъ случаѣ, намекая на возможность участія княгини въ заговорѣ.

Въ доказательство того что Черкасовъ вообще былъ посвященъ въ вопросы интересовавшіе Екатерину II и помогалъ ей особенно въ случаяхъ когда требовалось знаніе

англійскаго языка, съ которыми изъ числа ея приближен-
ныхъ, оны одиъ, повидимому, былъ знакомъ основательно,
приводимъ еще слѣдующія сохранившіяся у насъ собственно-
ручныя записочки этой государыни. Оны не относятся уже
ни къ оспонрививанію, ни къ медицинской части; но изъ
нихъ видно, между прочимъ, какія государственныя задачи
постоянно занимали всеобъемлющій умъ великой монархини,
и какимъ довѣріемъ почтенъ былъ у ней баронъ Черкасовъ.

Собственноручная записочка Екатерины II, № XI.

„Monsieur le Baron Czerkassoff, aura la bonté d'écrire a Milord Buckingham pour le prier de m'envoyer l'Acte du Parlement fait je pense lors de la revolution et connu sous le titre d'Acte declarant les Droits et libertés du Sujet et établissant la succession a la Couronne, année I de Guillaume et Marie, session 2 cap. 2 et s'il est possible que bonne et exacte traduction en français y fut jointe.“ *

На оборотѣ этой записочки приложена печать съ императорскимъ гербомъ и сдѣланъ адресъ рукою императрицы: „Александру Ивановичу Черкасову“. Эта записочка, вѣроятно, относится къ 1767 году, то-есть къ тому времени когда Екатерина II занята была составленіемъ *Наказа*. Здѣсь императрица имѣла въ виду актъ извѣстный подъ названіемъ: *The declaration of Right*. Оны составленъ въ февралѣ 1688 г., былъ изготовленъ комитетомъ состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ Сомерса, одобренъ сперва въ палатѣ общахъ, потомъ съ незначительными измѣненіями принятъ палатою лордовъ. Въ этомъ актѣ изложены основанія англійской конституціи (см. Mascaulay, *History of England*, въ концѣ X г.).

Собственноручная записочка Екатерины II, № XII.

„Monseigneur le Baron,

L'Amiral Knowles m'a donné le papier si joint en me disant qu'il étoit de la dernière importance et que pour cette raison il n'avait osé sans mon ordre le donner a traduire a personne.

* Господина барона Черкасова соблаговолилъ написать лорду Букингему и попросить его прислать мнѣ парламентскій актъ, составившійся, а полагаю, во время революціи и извѣстный подъ именемъ *Акта объявляющаго права и льготы подданнаго и устанавливающаго порядокъ престолонаслія*, годъ I, Вильгельма и Маріи, сессія 2, глава 2 и, если можно, чтобы къ нему былъ приложенъ, хорошій и вѣрный переводъ на французскій языкъ.

je lui ai dit que je tacherai de le comprendre et que si non, je Vous le donnerai a traduire. Autant que je le comprend se papier est un Politischekannegieser, ayés la bonté de le mettre en français et soyés assurés que je suis Votre tres humble servante.“*

Начало и конецъ этой записочки очевидно шуточные, что доказываютъ слова: Monseigneur и servante. Въ Германіи принято называть Politische Kannegieser мастерами, которые за кружкой пива по-своему толкуютъ о политикѣ; на французскомъ языкѣ равносильно ему слово gobe-mouche, вое русски же, въ томъ смыслѣ въ которомъ здѣсь употреблено; оно болѣе или менѣе должно означать кабацкую сметню. Въ словѣ Politische императрицею пропущена буква i. Эта записочка безъ адреса и безъ печати. *Der politische Kannegieser* — заглавіе комедіи датскаго писателя Гольберга (род. 6го ноября 1684 г. въ Бергенѣ, въ Норвегіи, умеръ 27го января 1754 года). Въ ней осмѣиваются люди низшаго класса терпящіе время въ политическихъ осмѣяніяхъ. Въ Копенгагенѣ и въ Германіи, гдѣ она очень долго держалась на театрѣ и имѣла огромный успѣхъ, эта пьеса имѣла нѣсколько изданій.

Собственноручная записочка Екатерины II, № XIII.

„Monsieur le Baron, traduisez moi s'il Vous plait ce billet aigre afin qu'au juste je sache ce que stila me veut.“**

Stila есть, какъ насъ увѣряютъ, сокращеніе celui-là. Эта записочка на четвертункѣ листа и также безъ адреса и печати.

Слѣдующія за симъ записочки № XIV и XV относятся къ другой эпохѣ, которой посвящена будетъ слѣдующая наша статья, и потому приведутся въ своемъ мѣстѣ.

Такихъ записочекъ, вѣроятно, было и болѣе, нѣкоторыя могли быть разданы самимъ Черкасскимъ, а потомъ и

* Государь мой, баронъ! Адмиралъ Киселевъ подавъ мнѣ предлагаемую при семъ бумагу, говоря что она въ высшей степени важна и что, по этой причинѣ, онъ не осмѣлился, безъ моего приказанія, дать ее перевести. Я ему сказала что постараюсь разобрать ее и, если не пойму, то поручу вамъ для перевода. Околоко могу помать, эта бумага есть Politische Kannegieser, потрудитесь перевести ее на французскій языкъ и будьте увѣрены что я вамъ покорнѣйшая слуга.

** Господинъ баронъ, переведите мнѣ пожалуйста эту киселевскую записочку, дабы мнѣ знать чего *stila* отъ него хочетъ.

наследниками его, собирателямъ автографовъ. Вѣроятно, эти клочки бумаги, подобно записочкамъ адресованнымъ графу Н. И. Панину, зачастую летали изъ Зимняго дворца въ домъ Черкасова, особенно если вѣрить фамильному преданію что ему одно время принадлежалъ въ С.-Петербургѣ тотъ сосѣдній съ дворцомъ домъ гдѣ теперь помѣщается придворная пѣвческая капелла, и который мы еще помнимъ (до 1830 г.) безъ флагелъ на улицу (съ Мойки). Сохранившіяся въ конторѣ капеллы свидѣнія о семь барскомъ домѣ не восходятъ до этой эпохи, и по дѣламъ капеллы извѣстно только что онъ купленъ императоромъ Александромъ I у Г. Неклюдова, а по письму № XIV, писанному Черкасовымъ въ 1773 году Екатеринѣ II изъ Екатериненталя, видно что въ это время онъ уже жилъ на одной изъ набережныхъ (Дворцовой, Гагаринской или Англійской) въ домѣ имѣвшемъ балконы на Неву.*

Многія изъ писемъ писанныхъ въ 1773 году императрицей барону Черкасову оканчиваются словами: „Посылаю тебѣ англійскія газеты.“ Быть-можетъ, онъ обязанъ былъ по прочтеніи ихъ доводить до свидѣнія Екатерины II о томъ что въ нихъ заключалось интереснаго.

О домѣ придворной пѣвческой капеллы можемъ сказать что на фасадѣ главнаго зданія, отдѣленнаго рѣшеткой отъ Мойки и имѣющаго всего по пяти оконъ вродь въ трехъ этажахъ, посреди фронтона помѣщенъ гипсовый овальный медальонъ, представляющій женщину облокотившуюся о столбъ и держащую въ правой рукѣ зеркало, а въ лѣвой нить съ привязанною къ ней гирей (эмблемы правды и справедливости). Ниже сего, между колоннами бельэтажа, два гипсовые круглые медальона, представляющіе профили двухъ римскихъ императоровъ. Со стороны сада, или скорѣй *бывшаго сада*, такъ какъ это теперь дровяной дворъ окаймленный нѣсколькими деревьями, посреди фасада, есть еще четырехъугольный и продолговатый барельефъ отличной работы, изображающій жатву, то-есть очень отчетливо сдѣлан-

* Есть преданіе, но не вполне достоверное, что ему принадлежалъ на Англійской набережной, на углу Заматина переулка, домъ банкира Стерке, недавно проданный г. Горюкому. Изъ дѣлъ государственнаго архива видно что отецъ Черкасова оставилъ, кромѣ насаженныхъ именныхъ, каменныхъ домъ въ Петербургѣ, оцененный въ 16.000 р., въ Москвѣ каменный и загородный дома, оцененные въ 4.000 р., да еще 18.000 долгу.

ную группу женщинъ съ серпами и собирающихъ снопы. Съ правой стороны профиль женщины въ древней греческой прическѣ, а съ лѣвой профиль греческаго мудреца,—оба въ формѣ круглыхъ медальоновъ, одинаковой величины съ силуэтами римскихъ императоровъ на главномъ фасадѣ.

Уваженіе барона Черкасова къ закону и законности, его благоговѣніе къ древнимъ классикамъ и склонность къ сельскому хозяйству подтверждаютъ преданіе что этотъ домъ принадлежалъ ему и заставляютъ полагать что онъ построенъ былъ въ 1765 году, одновременно съ открытіемъ Вольнаго Экономическаго Общества. Можно почти положительно сказать, судя по барельефамъ, что этотъ домъ принадлежалъ одному изъ членовъ-основателей сего Общества и, во всякомъ случаѣ, одному изъ самыхъ просвѣщенныхъ вельможъ того времени. Мы бы очень желали чтобы замѣтки наши объ этомъ домѣ послужили къ разъясненію вопроса о его принадлежности.

Во всякомъ случаѣ, мы далѣе увидимъ (изъ письма баронессы Е. И. Черкасовой), что если не у ея мужа, то по крайней мѣрѣ у ней былъ въ Петербургѣ собственный домъ.

Еще десять лѣтъ послѣ вышеприведенной переписки съ княжной Долгоруковою и графомъ Румянцовымъ и семь лѣтъ послѣ развязки дѣла Ореуса, всего же двѣнадцать лѣтъ, занималъ баронъ Черкасовъ важный постъ президента медицинской коллегіи. Но когда, съ паденіемъ своихъ покровителей, Орловыхъ, онъ лишился вѣрной поддержки при дворѣ, то счелъ за благоразумное сложить съ себя предсѣдательство, тѣмъ болѣе что не пользовался сочувствіемъ подчиненныхъ.

Указомъ отъ 16го іюля 1775 года, состоя въ чинѣ тайнаго совѣтника, баронъ Черкасовъ уволенъ былъ, по прошенію, отъ званія президента медицинской коллегіи (справка медицинскаго департамента). Полагаемъ что въ тайные совѣтники былъ онъ пожалованъ послѣ 1768 года, за труды по устройству коллегіи и по введенію оспопрививанія. Указъ о семь, вѣроятно, легко отыскать въ ея архивѣ. По крайней мѣрѣ, въ § 5 церемоніала брасочетанія цесаревича въ 1773 году баронъ Черкасовъ поименованъ уже *вторымъ* по старшинству въ числѣ четырехъ тайныхъ совѣтниковъ „отправлявшихъ особыя должности при ея императорскомъ величествѣ“ (выше чѣмъ С. Ѳ. Стрекаловъ) и *фавшихъ* въ 1-й придворной

каретъ. * Бятышичъ - Каменокій (ч. 5, стр. 261) и кавалерскіе описки (стр. 222) свидѣтельствуютъ что въ послѣдствіи Черкасовъ былъ пропавшій въ дѣйствительныя тайны совѣтнику.

Что именно заставило его, три года спустя, то-есть въ 1778 году, совершенно выйти въ отставку и провести остатокъ дней своихъ въ одной изъ вотчинъ пожалованныхъ Петромъ Великимъ его отцу? На это можно отвѣчать только догадкой, что пробывъ при дворѣ все время первой опалы князя Орлова, окончившейся въ 1773 году, онъ, быть-можетъ, надеялся удержаться и послѣ его окончательнаго паденія; но не сумѣлъ или не хотѣлъ поддаваться къ Потемкину... Однакожь ни требовать, ни ожидать этого нельзя было отъ стойкаго, неуступчиваго и нѣсколько *строптивскаго* характера Черкасова... Подобно отцу его, пострадавшему въ свое время за правдивость въ отношеніи къ Мещикову и за дружбу съ Долгоруковыми, и его увлекла придворная буря... Впрочемъ, къ нимъ обоимъ, а въ послѣдствіи и къ дочери А. И. Черкасова, ** можно было примѣнить стихъ Пушкина:

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадывал!

Когда баронъ Черкасовъ въ 1778 году уѣхалъ изъ Петербурга, жена его осталась тамъ и въ слѣдующемъ году взяла дочь свою изъ Смольнаго монастыря, но въ это короткое время положеніе ея совершенно измѣнилось. Герцогъ курляндскій, еще въ 1773 году извлекавшій для процесса съ братомъ (принцомъ Карломъ, см. предшествующую главу) всю возможную пользу изъ вліянія при дворѣ своего девера (Черкасова), послѣ отъѣзда его въ деревню съ разстроеннымъ здоровьемъ, — и, какъ кажется, не менѣе разстроеннымъ столичною жизнью карманомъ, — совершенно пересталъ помогать своей сестрѣ. Возникли неудовольствія, раздоры, составившіе характеристическую черту въ семьѣ Бирона, и въ

* См. *Описаніе торжества высокобраниаго сочетанія его императорскаго высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича съ ея императорскимъ высочествомъ благовѣрною государынею великою княгиней Наталіею Александровною, совершившагося 1778 года сентября въ 29 день.* С.-Петербургъ, 1778 года. Книжку эту обязательно сослалъ намъ цесаревъ библиотекарь М. Д. Хитровъ.

** См. глава III этого очерка.

началъ 1780 года баронесса Черкасова обратилась къ императрицѣ съ письмомъ, которое списывается съ подлинника сохранившагося въ государственномъ архивѣ:

„Madame!

„C'est en fondant en larmes que je me prosterne aux pieds du Trône de V. M. I. et La supplie très humblement d'avoir pitié de la situation malheureuse ou je me vois réduite avec ma fille et deux Demoiselles Orphelines prit à la Communauté, par l'inflexibilité du Duc mon Frère qui non content de me refuser l'assistance que je Lui ai demandé, a encore remit une Note au Ministre de V. M. I. pleines de faussetés et des reproches des dons qu'Il m'a fat, lesquel j'ai refuté dans une reponse que j'avais présenté au Ministere de V. M. I. au mois d'Octobre passé pour être mis sous Vos yeux, mais qui n'ayant pas été accepté, m'oblige à la joindre ici et a m'adresser directement à ma Très Gracieuse Souveraine pour implorer Sa Haute et Puissante Protection, n'attendant à tous moments que d'être arrêté par mes Créanciers lesquels je ne peut satisfaire, et courant risque de perdre ma maison et mon argenterie qui est tout engagé et sont les seuls biens que je possède, c'est V. M. I. seule qui peut obliger le Duc mon Frere a payer mes dettes et a augmenter mes revenus pour pouvoir vivre decemment ici, mais en cas que je sois si malheureuse de ne pas obtenir ma très humble suplication, daigné Très Gracieuse Souveraine acheter cette maison qui est engagé aux Enfans trouvé pour que je me retire entierement d'ici et finir ma triste vie en Livonie, c'est à la grandeur d'Ame de V. M. I. connûes de l'Univers entier, et à la satisfaction qu'Elle trouve d'assister les Pauvres et Opprimés, sur laquelle je me repose, d'autant plus que c'est pour la première fois depuis Son Regne glorieux que j'ai osé La suplier pour moi et mes pauvres Enfans qui ont fort peu a esperer de l'heritage de Leurs Père.* Abandonné de l'Univers entier ce n'est qu'a ma seule Souveraine que j'ai recours, Elle est trop gracieuse pour ne pas secourir celle qui se fait gloire d'être avec la plus profonde vénération et zèle.

„Madame,

„De V. M. I.

„la très humble, très obeissante et sounise Sujette

„(signé) Caterina B. Tserkassoff,

„née Princesse de Courlande.**

„St.-Petersbourg.

„le 22 Janvier, 1780.“

* Однакожъ по раздѣльному акту, совершенному 17го марта 1794 года въ Смоленской гражданской палатѣ, оберъ-провантмейстеру барону Петру Александровичу Черкасову и сестрѣ его полковницѣ Пальменбахъ досталось въ Смоленскомъ и Ярославскомъ намѣстничествахъ *незаложеннаго* имъня, ему 1339, а ей 388 душъ. (.)

** Всемилостивѣйшая государыня! Облываюсь слезами, поспѣваясь.

Легко вообразить какъ трудно было дочери Бирона, знавшей что Екатерина II издавна ея не долюбивала, рѣшиться написать эту жалобу не только на брата своего, но и на нашего министра въ Митавѣ. Вотъ почему она и спѣшитъ привести на память императрицѣ что до той поры

къ подножію престола вашего императорскаго величества и всеиужайше прошу сжалиться надъ положеніемъ до котораго я доведена со своею дочерью и съ двумя дѣвцами-сиротами, которыхъ я взяла изъ Смольнаго монастыря, непреклонностію герцога, моего брата, который не только отказываетъ мнѣ въ помощи, о коей я его просила, но еще передаетъ министру вашего императорскаго величества записку исполнимую аки и упрековъ касательно оказанныхъ имъ мнѣ вспоможеній. Я все это опровергла въ отвѣтъ который представила министерству вашего императорскаго величества (върогатво *министру*) въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ для того чтобъ оный повергнутъ былъ на высочайшее ваше благоусмотрѣніе; но такъ какъ отвѣтъ этотъ не былъ принятъ, то я вынуждена приложить его при семъ и непосредственно обратиться ко своей всемогущественнѣйшей государынѣ для того чтобы просить ея высокаго и могущественнаго покровительства, ибо ежеминутно ожидаю что меня посадятъ въ тюрьму мои кредиторы, съ которыми не могу раслачиваться, и рискую лишиться единственнаго достоянія: своего дома и своего серебра, которое сполна заложено. Только ваше императорское величество и можете заставить герцога, моего брата, уплатить мои долги и увеличить мои доходы такъ чтобъ я могла жить здѣсь прилично. Но еслибъ я была столь несчастлива что всеиужайшая просьба моя не была бы уважена, то соблаговолите, всемогущественнѣйшая государыня, купить этотъ домъ, который заложень въ опекуновскомъ совѣтѣ, для того чтобъ я могла совѣтъ удавиться отсюда и окончить мое печальное существованіе въ Лифляндіи. Возлагаю свою надежду на извѣстное всему міру великодушіе вашего императорскаго величества и на удовольствіе, которое вы испытываете помогая бѣднымъ и угнетеннымъ, тѣмъ болѣе что я въ первый разъ въ продолженіе достославнаго вашего царствованія рѣшилась просить о себѣ и о своихъ дѣтяхъ, которые такъ мало могутъ ожидать себѣ отъ наслѣдства своего отца. Всеми покинутая, прибѣгаю къ своей монархинѣ. Она слыхкомъ милостива чтобы не помочь той которая чувствуетъ себя счастливою тѣмъ что есть, съ наиблагодѣйшимъ благоговѣніемъ и усердіемъ, всемогущественнѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеиужайшая, всепослушная и покорная вѣрноподданная,

Катерина, б. Черкасова,
рожденная принцесса Курляндская.

С.-Петербургъ,
сего 22го января, 1780 г

никогда ея не утруждала. Упоминаемый ею отвѣтъ (возраженіе) на записку герцога не находится при дѣлѣ. Изъ этого остается заключить что онъ былъ тогда же отправленъ въ Курляндію съ истребованіемъ объясненія и остался тамъ въ герцогскомъ архивѣ.

Какъ бы то ни было, есть основаніе полагать что Екатерина II оказала баронессѣ Черкасовой полное заступничество и склонила герцога Петра назначить ей ренту, и что домъ свой ей удалось продать либо въ казну, либо въ частныя руки.

Объ этомъ прошеніи, хотя оно и не собственноручное и далеко не грамматически написано, остается замѣтить, особенно если баронесса сама его продиктовала, что оно все-таки сочинено не на слишкомъ плохомъ французскомъ языкѣ для особы которая только до четырнадцатилѣтняго возраста могла ему обучаться, послѣ чего испытала самыя тяжкія превратности судьбы и терпѣла всякія лишенія, пока не попала, уже нѣсколько зрѣлою дѣвицей, ко двору Елисаветы Петровны, гдѣ французскій языкъ былъ въ большомъ почетѣ. (Ср. гл. III настоящаго очерка и А. А. Васильчикова *Семейство Разумовскихъ*, стр. 182.)

Не знаемъ что именно въ 1780 году влекло баронессу Черкасову въ Лифляндію. Быть-можетъ, она въ Дерптѣ наследовала домъ отъ отца или отъ матери.

Во всякомъ случаѣ, дочери Бирона не пришлось расказываться въ томъ что она обратилась къ Екатеринѣ II. Вслѣдъ за симъ положеніе ея на столько улучшилось что, вопервыхъ, она переселилась въ Дерптъ, гдѣ жила въ своемъ *собственно* домѣ (наслѣдственномъ или тогда же купленномъ, не знаемъ); вовторыхъ, по преданію сохранившемуся между тамошними старожилами, жила открыто и, по понятіямъ провинціаловъ, даже пышно, часто давая обѣды, балы, маскарады, словомъ, роскошные пиры; втретьихъ, въ теченіе того же 1780 года выдала въ Дерптѣ дочь свою за лифляндскаго дворянина фонъ-Пальменбаха, имѣвшаго тамъ значительныя родственныя связи и которому предстояло блистательное военное поприще, и вчетвертыхъ, въ 1781 году заказала Французу живописцу Дарбъ, вѣроятно бывшему въ Дерптѣ проездомъ въ Петербургъ, тотъ превосходный портретъ о которомъ мы упоминали въ одномъ изъ примѣчаній къ III главѣ и который, конечно, не могъ дешево стоить.

Дерптская гимназія давно уже помѣщается въ двухъ смежныхъ домахъ имѣющихъ по два этажа и выходящихъ окнами на двѣ разныя улицы, но обращенныхъ каждый одною стороною на площадку гдѣ возвышается церковь Св. Іоанна. Первый, не старинной и весьма обыкновенной архитектуры, имѣетъ по карнизу надпись: *Gymnasium*; фасадъ втораго, имѣющаго семь оконъ на площадку и четыре окна съ подъездомъ на такъ-называемую *Johannistrasse*,* очень древній, нѣсколько напоминающій домикъ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду, а отчасти и пѣвческую капеллу, такъ какъ и тутъ виднѣются два медальйона съ профилями. Это-то и былъ домъ дочери Бирона. Насупротивъ находится уѣздный судъ (ландгерихтъ).

По принятому на Западѣ обычаю сохранять дамамъ титулъ пріобрѣтенный рожденіемъ, даже при замужествѣ съ лицомъ менѣе или вовсе не титулованнымъ, лифляндскіе помѣщики величали баронессу Черкасову *принцессой*.

Когда же братъ ея отрекся отъ престола Курляндіи, то Екатерина II, вознаграждая за это все герцогское семейство, не забыла жену барона А. И. Черкасова. Какъ мы это видѣли выше (глава X), въ пользу дочери Бирона выговорена была ежегодная пенсія въ 10.000 талеровъ. Послѣ приведеннаго нами письма ея, мы рѣшительно отвергаемъ преданіе будто баронесса, изъ-за прежнихъ неудовольствій своихъ противъ Екатерины II, отказалась отъ этой пенсіи.

Однакожь достоверно то что Екатерина Ивановна Черкасова, быть-можетъ потому что жила сверхъ состоянія, оставила очень мало своему сыну (барону П. А. Черкасову) и только свою вдовью седьмую часть своей дочери, которая, вскорѣ послѣ своего замужества, переехала къ отцу въ смоленскую его вотчину.

Дочь Бирона скончалась (въ Дерптѣ же) 31го марта 1797 г., 70ти лѣтъ отъ роду и уже вдовою (тамошняя газета *Inland*, прибавл. къ № 48, 1848 г.). Отпѣваніе происходило въ дерпт-

* Въ Дерптѣ названія всѣхъ улицъ обозначены по-нѣмецки на дощечкахъ прибитыхъ къ угловымъ домамъ по перекресткамъ. Русскій, не знающій нѣмецкаго азыка, рискуетъ заблудиться въ этомъ русскомъ уѣздномъ городѣ. Намъ особенно поразило названіе улицы, ведущей къ рѣкѣ Эмбахи, *Lodienstrasse*. Ладьями называются мѣлкія на Чудскомъ озерѣ, какъ назывались оныя у Вараговъ и у насъ при Олегѣ.

ской православной церкви Успенія Богородицы. Эта каменная трехпрестольная церковь выстроена была за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, а именно въ 1780 году, на мѣстѣ прежде бывшей тамъ же каменной церкви Рождества Богородицы.* Въ 1846 году въ новой Успенской церкви еще хранился парчевый покровъ лежавшій на гробѣ дочери Бирона, и мы предлагали что тѣло ея погребено въ Дерптѣ, пока не узнали изъ статьи г. Шубинскаго что набальзамированный трупъ Екатерины Ивановны покоится въ Митавѣ рядомъ съ трупами ея отца и матери, въ томъ самомъ склепѣ герцогскаго замка о которомъ упомянуто нами въ главѣ X этого очерка.

Г Л А В А XII.

Выводы изъ предшествующаго.—Отношенія Екатерины II къ своимъ министрамъ. — Заключительная характеристика барона Черкасова.

„Екатерина, въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ,
Была бѣ великою женой!“

Державинъ.

„Тѣ которые были свѣтилами,
образцами для другихъ, достойны
памяти потомства.“

Сумароковъ.

Въ продолженіи нашего разказа намъ не разъ случалось сходить съ большой дороги на проселочную и увлекаться богатствомъ матеріаловъ по нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ. Но источники далеко не исчерпаны, и мы часто ограничивались лишь ссылкой и указаніями на нихъ, такъ какъ самый трудъ нашъ имѣлъ главною цѣлю сдѣлать извѣстными неизданные до сихъ поръ документы.

Надѣемся что намъ удалось выставить въ настоящемъ свѣтѣ заботливость Екатерины II о воспитаніи ея наследника. Оно поручено было *не ею* графу Н. И. Панину, и она пыталась замѣнить его д'Аламберомъ. Но смѣнить его было

* Свидѣнія сообщенныя протоіереемъ этой церкви, о. Алексѣевымъ, профессоромъ богословія въ Дерптскомъ университетѣ.

трудно. Екатерина сама еще не была такъ сильна народною любовью какъ въ послѣдствіи времени, и въ 1760 годахъ не имѣла той самоуверенности которую приобрѣла въ 1780 годахъ. При ужасающей быстротѣ съ какою до ея воцаренія сдѣловали одинъ за другимъ придворные перевороты, перемутившіе всѣ мысли и пошатнувшіе столько понятій, могла ли сама она въ началѣ спокойно разчитывать на прочное многолѣтнее правленіе? Но когда большинство уже склонялось предъ ея кроткимъ и мягкимъ вліяніемъ, графъ Панинъ оставался непреклоннымъ. Онъ считалъ Екатерину Вторую, несмотря на то что она была коронованною императрицей, не болѣе какъ временною регентшей, пока сынъ ея не достигнетъ совершеннолѣтія. Панинъ имѣлъ свой кругъ приверженцевъ въ Петербургѣ, а братъ его, Петръ Ивановичъ былъ главою цѣлой партіи въ Москвѣ. Предпринимать что-либо противъ одного изъ нихъ было бы неудобно. Но образъ мыслей Н. И. Панина былъ извѣстенъ не одной Екатеринѣ II. На то что въ началѣ ея царствованія этотъ вельможа старался ограничить ея власть возстановленіемъ верховнаго совѣта есть достовѣрные свидѣтельства въ запискахъ графа Сиверса (ч. I, стр. 141), а Сумароковъ повѣствуетъ (т. I, стр. 69) что мысль вице-канцлера о регентствѣ была въ 1763 году предметомъ городскихъ толковъ и подала поводъ къ заговору измайловскихъ офицеровъ: троихъ Гурьевыхъ и двоихъ Хрущовыхъ, которыхъ сенатъ приговорилъ къ смерти, а Екатерина II помиловала „дабы они могли раскаяться въ своемъ поступкѣ“.

Вотъ почему, не любя Н. И. Панина и не доверяя ему вполне, но отдавая справедливость его способностямъ и зная привязанность его къ цесаревичу, Екатерина II продолжала занимать Панина важными государственными дѣлами и оставляла на его рукахъ воспитаніе великаго князя. Стоить только перенестись мыслию въ ту эпоху чтобы согласиться что ни трагедія Мировича, ни московская чума, ни Пугачевщина не были благоприятными обстоятельствами для удаленія Н. И. Панина отъ цесаревича, который между тѣмъ приближался къ совершеннолѣтію. Съ своей же стороны, Панинъ довелъ Екатерину II, сначала только сносившую его, до убѣжденія что онъ ей еще гораздо болѣе необходимъ какъ министръ чѣмъ какъ воспитатель великаго князя. Уже изъ

перваго разговора его съ Димсдаемъ мы вывели заключение что взгляды Панина были обширныя взгляды человека истинно государственнаго (гл. VIII). Но что онъ былъ либераломъ въ духъ своего времени, то-есть олигархомъ и верховникомъ, и притомъ глубокимъ честолюбцемъ, въ этомъ, кажется, также нѣтъ никакого сомнѣнiя.

Особенную нѣжность отношенiй между матерью и сыномъ мы и не брались доказывать; но что они были не только въ высшей степени приличны, но даже очень хороши, на то привели мы много достовѣрныхъ указанiй. Екатерина II ежедневно видѣлась съ великимъ княземъ, иногда по нѣскольку разъ въ день; когда она откуда бы то ни было возвращалась въ столицу, онъ встрѣчалъ ее радостно и почтительно (I, VI, VIII и X главы).

Судь надъ Гурьевыми и Хруцовыми долженъ былъ заставить призадуматься графа Панина. Ему, конечно, никогда не приходило въ голову осуществлять во что бы то ни стало свой образъ мыслей и играть жизнью согражданъ. Вѣроятно съ этой минуты онъ сдѣлался осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ; но въ задушевныхъ бесѣдахъ съ его питомцемъ глубокое убѣжденiе его относительно регентства могло сорваться съ языка. Итакъ, если въ послѣдствiи, и преимущественно со времени совершеннолѣтiя великаго князя, наступило охлажденiе въ отношенiяхъ его къ Екатеринѣ II, то оно, вѣроятно, началось подъ влiянiемъ графа Панина, который притомъ очень ошибался если думалъ что стоитъ за законность. Закона о правильномъ престолонаслѣдiи тогда не существовало (установленiемъ правильнаго порядка престолонаслѣдiя и изданiемъ о семъ основнаго закона Россiя обязана Павлу I); преданiя и обычаи временъ до-петровскихъ были замѣнены завѣщанiями, послужившими предлогомъ къ государственнымъ переворотамъ, и законность была на сторонѣ одной только Екатерины II, такъ какъ ей и ея наслѣднику (одновременно, но сперва ей, а ему уже послѣ нея и только въ качествѣ ея наслѣдника) принесена была присяга всеми служившими ей, въ томъ числѣ и самимъ Панинымъ. Есть также нѣкоторое основанiе вѣрить что охлажденiе было поддержано первою супругой цесаревича, великою княгиней Натальею Алексѣевной (*La Cour de Russie*, p. 290). Во всякомъ случаѣ, Екатерина II левинята была

въ этомъ охлажденіи, по крайней мѣрѣ лично отъ себя не подама къ нему прямого повода. Когда именно оно послѣдовало или обнаружилось, разсмотрѣніе этого вопроса не входитъ непосредственно въ кругъ нашихъ изысканій, и намъ было достаточно остановиться на мысли что во всю пору его первой молодости Екатерина II любила великаго князя Павла Петровича на столько, на сколько мать можетъ любить ребенка отъ супружества въ которое она вступила не по склонности.

Нашъ особенно интересовала заботливость императрицы о здоровьѣ малолѣтняго цесаревича. Мы видѣли что она вела объ этомъ переписку съ графомъ Панинымъ, а послѣ прибытія Димсдала въ Петербургъ; съ настойчивымъ самоотверженіемъ требовала чтобъ оспа привита была ей *прежде чѣмъ* Павлу Петровичу, дабы по выздоровленіи послѣ этой операціи имѣть возможность постоянно навѣщать его во время его болѣзни. Мы видѣли также, что когда онъ заболѣлъ въ Петербургѣ летучею оспой, то Екатерина (сама въ то время болѣлая въ Царскомъ Селѣ), лишь узнала объ этомъ, не колебалась рассталась съ докторомъ Димсдалемъ для того чтобы немедленно отправить его къ великому князю; а затѣмъ, послѣ привитія ему оспы, ежедневно его посѣщала; наконецъ, не отдавая своей судьбы отъ участи своего сына, въ одно время подарила свой и его портретъ Димсдалю, и тогда только отпраздновала свое выздоровленіе, когда цесаревичъ въ свою очередь выздоровѣлъ, такъ что на выбитой по сему случаю медали онъ изображенъ вмѣстѣ съ императрицей.

Мы указывали также что въ глазахъ Екатерины II судьба наследника престола была тѣсно соединена съ будущностью русскаго народа, и что великая монархиня съ самой возвышенной точки зрѣнія смотрѣла на ихъ обоюдное призваніе.

Мѣры имѣвшія цѣлью уменьшеніе смертности среди малочисленнаго народонаселенія Имперіи и особенно главная изъ нихъ—введеніе оспопрививанія, осуществились подъ руководствомъ молодого и предприимчиваго министра, барона Черкасова. Екатерина II писала Вольтеру: „J'ai fait écrire en Angleterre pour avoir un inoculateur“; а изъ записки Димсдала видно что вслѣдствіе прибытія въ Лондонъ двухъ курьеровъ изъ Петербурга, нашъ посланникъ А. С. Мусинъ-Пушкинъ вошелъ съ нимъ въ личные переговоры: Между тѣмъ

біографы Черкасова говорятъ что онъ вызвалъ Димсдаля въ Россію, и это подтверждаетъ высшій у насъ медицинскій авторитетъ, Е. В. Пеликанъ (II и VI гл.). Остается узнать изъ бумагъ архива медицинской коллегіи и Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: кто именно по приказанію Екатерины II написалъ Пушкину тѣ два письма которыя ему привезены были нарочными курьерами? Если даже формальность эта была исполнена графомъ Панинымъ, какъ начальникомъ Пушкина, то всякій знающій порядокъ служебный долженъ предполагать что Высочайшее о семъ повелѣніе было ему объявлено, по принадлежности, президентомъ медицинской коллегіи барономъ Черкасовымъ. Если даже этотъ послѣдній, по какимъ-нибудь особеннымъ соображеніямъ, счелъ въ этомъ случаѣ нужнымъ держаться въ сторонѣ, то всѣ предшествовавшія обстоятельства его жизни, воспитаніе въ Англіи, любовь къ медицинской наукѣ и постоянное чтеніе англійскихъ газетъ, доставлявшее ему возможность слѣдить за всякимъ нововведеніемъ и за самою репутаціей врачей, наконецъ и все то что Димсдаль говорилъ о немъ въ своей запискѣ, особенно самое привітіе оспы Екатерины II съ вѣдома одного только барона Черкасова и въ его присутствіи, убѣждаютъ насъ въ томъ что изъ тѣснаго круга приближенныхъ этой государыни *никто кромѣ Черкасова* не могъ взять на себя рекомендовать ей Димсдаля и даже совѣтовать привить себѣ оспу, для того чтобы тѣмъ предохранить себя и подать великій примѣръ своимъ подданнымъ.

Личность этого достойнаго патріота заслуживаетъ вниманія, и потому постараемся окончательно ее выяснитъ.

Нѣкоторые писатели утверждали будто Черкасовъ отличался ровностью характера (гл. III). Официальная его переписка доказываетъ что онъ былъ не очень уступчивъ (см. конецъ гл. IX), и Вейдемейеръ, отдавая впрочемъ полную справедливость обширности его ума и свѣдѣній, свидѣтельствуеъ что онъ былъ человекъ странный, вспыльчивый, порою и грубый, не умѣлъ ничего переносить терпѣливо и иногда изъяснялся даже съ императрицей съ неумѣренною откровенностью. Этотъ біографъ однакожь прибавляетъ что странности его замѣнялись прекрасными качествами: что онъ былъ добръ, праводушенъ, преисполненъ честности и усердія (ч. I, стр. 73). Почти то же самое говорить и Спада:

Élevé dans une sorte d'opulence, accoutumé dès sa jeunesse à fréquenter le grand monde, le baron Czerkassoff était obligé par ses emplois de passer une grande partie de son temps à la Cour. Toutes ces considérations *ne le firent jamais changer de caractère, ni varier un moment dans ses opinions.* Bon, loyal, plein de zèle et d'honneur, mais en même temps brusque, fantasque, violent, n'endurant absolument rien de la part de qui que cela soit, pas même de la part de sa Souveraine, qui lui disait souvent avec sa grâce séduisante: **Mais, Mr Czerkassoff, vous êtes vraiment d'une bizarrerie inexprimable!** *

Но тотъ же авторъ прибавляетъ:

„Le baron Alexandre Czerkassoff plaisait et convenait beaucoup à l'impératrice Catherine II à cause de sa vaste érudition; elle le prit en affection et sut tirer tout le parti possible d'un homme de beaucoup de mérite, mais fantasque à l'excès.“ **

Изъ переписки ихъ 1773 года мы впрочемъ убѣждаемся что онъ, какъ говорится, *понималъ шутку*, никогда неумѣстно не обижался и, кромѣ того, самостоятельностью, прямою и добросовѣстностью своихъ дѣйствиій снискалъ особое довѣріе Екатерины II, причемъ въ вопросахъ второстепенныхъ, не имѣвшихъ дѣйствительнаго государственнаго значенія, никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ возраженій. Быть-можетъ, *на словахъ* было иначе чѣмъ *на письмѣ*, и остается полагать что въ 1778 году онъ удалился въ деревню потому что изъ-за чего-нибудь заупрямился. Возможно и то что, съ лѣтами и утратой пылкости, наступило разочарованіе насчетъ всего его окружавшаго, и что ему опостылила борьба съ Ашами, Пекенами, Лундеманами и т. п., которые очевидно не могли бы дѣйствовать такъ дерзко противъ

* Воспитанный въ роскоши, привыкнувъ съ молодости посѣщать большой свѣтъ, баронъ Черкасовъ былъ принужденъ, по обязанности службы, проводить большую часть своего времени при дворѣ. Все это *нисколько не измѣнило его характера и не имѣло вліянія на его образъ мыслей.* Онъ былъ добръ, прямоуменъ, исполненъ честности и чести, но вмѣстѣ съ тѣмъ быстръ, своенравенъ, вспыльчивъ, не выносилъ ничего отъ кого бы то ни было, даже отъ государыни, которая ему часто говаривала: „Вѣдь право, г. Черкасовъ, вы невыразимо страшный человекъ!“ (Т. II, стр. 248.)

** *Обширностью своихъ познаній* баронъ Александръ Черкасовъ очень пришелся по нраву императрицѣ Екатеринѣ II, она его любила и умѣла извѣдать всю возможную пользу изъ этого человека, богатаго достоинствами, но до крайности своеобразнаго. (Тамъ же, стр. 247.)

министра-патріота, еслибы не были орудіями, вѣроятно поощрившихъ ихъ, болѣе сильныхъ враговъ Черкасова; а эти враги-дворцы завидовали и быстрому возвышенію его, и добрію государини; а всего болѣе тому что онъ принадлежалъ къ ея избранному эрмитажному обществу и по вечерамъ игралъ съ нею въ карты. Понятно что когда атака усложнилась и поведена была нѣсколькими путями, сверху и снизу, то Черкасову захотѣлось выбраться изъ такой тѣны интригъ на чистый деревенскій воздухъ.

Остается замѣтить что, подобно Остерману и инымъ вельможамъ того времени, Черкасовъ страдалъ подагрой и хвалился даже предъ императрицей тѣмъ что зналъ толкъ въ хорошихъ винахъ; но все это еще далеко не доказываетъ чтобы, какъ это разказывали, на основаніи неизвѣстныхъ намъ источниковъ, Черкасовъ имѣлъ неумѣренную страсть къ винамъ и къ женщинамъ. Онъ просто былъ въ извѣстной мѣрѣ гастрономъ и сибаритъ.

Въ общей сложности, черты характера, съ какимъ знакомить насъ біографія барона Черкасова, большею частію для него выгодны. Все свидѣтельствуетъ что человекъ этотъ былъ далеко не дюжинный, и что Бятышъ-Каменскій и Вейдемейеръ совершенно справедливо причислили его къ сонму людей которыми Россія въ правѣ гордиться.

Въ настоящемъ очеркѣ мы постарались изобразить Екатерину II, какъ она сама себя обнаруживаетъ по документамъ которыми мы могли располагать, великою монархиней во всемъ что она предпринимала для нашего отечества и весьма попечительною матерью въ отношеніи къ своему единственному и малолѣтнему сыну, а также правительницею мудрою, руководившею своихъ министровъ, но выслушивавшею дѣланныя возраженія и терпѣливо сносившюю, для блага Россіи, нѣкоторые изъ относительные недостатки, вознаграждавшіеся несомнѣнными талантами. Была ли она, напримѣръ, дѣйствительно очень расположена къ Черкасову, какъ это увѣряетъ Спада, объ этомъ еще можно было бы поспорить; но дѣло въ томъ что онъ ей былъ нуженъ и полезенъ, и потому-то она и дорожила имъ. Панина она сносила и была съ нимъ ласкова отчасти по такимъ же соображеніямъ, но отнюдь не могла быть искренно къ нему расположена.

Надѣемся что, не отнимая ничего отъ принадлежащей Екатеринѣ II славы, намъ удалось также доказать что баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ ея сподвижниковъ, что онъ положительно дѣлаетъ честь своей эпохѣ, и что трудами своими по введенію въ Россію оспопрививанія, по устройству медицинской части и по усовершенствованію народнаго хозяйства, въ краткій, но обильный результатами 16ти-лѣтній періодъ своей обширной дѣятельности, онъ оказалъ такіа существенная и плодотворная заслуги, за которыя потомство можетъ отнести его къ числу полезнѣйшихъ государственныхъ людей.

БАРОНЪ Ф. БЮЛЕРЪ.

ТЮРЕМНЫЙ МІРЪ*

IV.

Губернаторъ посѣщаетъ острогъ почти регулярно каждое воскресенье; въ будни онъ навѣщаетъ рѣдко, только для того чтобы посмотрѣть острогъ когда его не ожидаютъ. Поэтому въ слѣдующее же воскресенье я забрался въ острогъ съ десяти часовъ утра; отстоялъ обѣдню въ тюремной церкви, послушалъ арестантскій хоръ, дирижуемый Антошкой Непомнящимъ. Пѣли не дурно, самъ Антошка пѣлъ очень хорошимъ теноромъ. Кроме арестантовъ, въ церкви были тюремныя надзирательницы, одна съ молоденькою дѣвучкой, вѣроятно съ дочерью. Впереди ихъ стояла, какъ я послѣ узналъ, смотрительша, полная красивая дама, лѣтъ подъ тридцать, за ней въ простенькомъ костюмѣ старушка, жена священника, рядомъ бѣдно одѣтая жена эконома. Священникъ оказалъ преподѣвъ, впрочемъ, нѣсколько вялую. Мнѣ поднесъ просфору самъ священникъ и при этомъ поздравилъ меня съ праздникомъ и вступленіемъ въ должность, просилъ любить ихъ да жаловать. Я отвѣчалъ вѣжливымъ привѣтствіемъ и отправился мелькомъ взглянуть по камерамъ: все ли въ порядкѣ. Часовъ въ двѣнадцать послышались возгласы „ѣдетъ, ѣдетъ“. Я поспѣшилъ на первый дворъ. Ворота

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, № 2.

были еще растворены настежь, а губернаторъ уже былъ почти у больничнаго входа. Подавъ мнѣ руку, онъ направился на верхъ по парадной лѣстницѣ, я слѣдовалъ за нимъ. Оставивъ пальто и капоши въ сѣняхъ на руки служителю, мы отправились по палатамъ, гдѣ встрѣтили доктора, уже съ полчаса визитировавшаго больныхъ. За докторомъ, молодымъ, недавно кончившимъ курсъ докторомъ медицины, шли два фельдшера: одинъ высокій, стройный, съ умнымъ выраженіемъ лица, другой низенькій, съ черною бородой, волосами и бакенбардами, глаза у него были нѣсколько лукавы. Медицинскій штатъ присоединился къ намъ. Распросивъ больныхъ: кто куда слѣдуетъ или за чтѣмъ содержится, и спросивъ у доктора чѣмъ боленъ и скоро ли поправится, губернаторъ быстро оглядывалъ стѣны, окна, печи и т. д., дѣлалъ на ходу замѣчанія смотрителю, почтительно слѣдовавшему за нами, и проходилъ въ другую палату. Съ верхняго этажа мы почти бѣгомъ спустились по узенькой, боковой лѣстницѣ, въ средній этажъ, а оттуда по той же лѣстницѣ спустились внизъ въ больничную кухню. Попробовавъ супу, щей, жаркаго и хлѣба, онъ остался всѣмъ очень доволенъ, да и не могло быть иначе: нашъ комитетъ щеголялъ своею больницей, больныхъ кормил роскошно. Изъ больницы направился на дворянскій пересыльный дворъ, расположенный на правой сторонѣ острога по передней стѣнѣ его. Дворакъ такой же какъ у подсудимыхъ женщинъ, такой же флигель, тотъ же чистый, свѣтлый корридоръ, тѣ же девять небольшихъ камеръ. Въ каждой камерѣ сидѣло по двое и по трое арестантовъ изъ привилегированныхъ званій. Убранство комнатъ то же что и у подсудимыхъ женщинъ, только кроватей и табуретокъ было больше — по числу людей. Губернаторъ почти всѣхъ ихъ зналъ или въ лицо, или даже по фамиліямъ. Осмотрѣвъ быстро камеру, онъ спрашивалъ каждого скоро ли отправляется, выслушивалъ ихъ просьбы, заключавшіяся большею частію въ томъ чтобъ ихъ не отправляли дальше. На подобныя просьбы былъ одинъ отвѣтъ: „Нельзя, нельзя, побойжайте на мѣсто назначенія, вока дѣрога хороша, послѣ ѣхать будетъ хуже. Отправить немедленно!“ приказалъ онъ смотрителю, когда мы вышли. Оттуда мы прошли на смежный съ дворянскимъ дворъ пересыльных холостыхъ арестантовъ, гдѣ сидѣли и арестанты заключенные на сроки, или такъ-называемые „срочные“.

Помѣщеніемъ для пересыльныхъ и срочныхъ холостыхъ арестантовъ служилъ длинный, одноэтажный корпусъ, въ двадцать пять оконъ по фасаду. Дверь въ стѣни была заперта. Смотритель дернулъ за деревянную ручку, висѣвшую на проволоку; раздался звукъ колокольчика, послышалось какъ отпирали замокъ, и дверь отворилъ унтеръ-офицеръ, надзиратель. Направо оказались срочные, налѣво пересыльные. Камера срочныхъ была саженъ десять въ длину, съ двумя каминами и громадѣйшей печью по срединѣ, у правой стѣны. Посреди камеры, во всю длину ея, возвышались нары, покрытыя войлоками, тюфяками и головными подушками, изъподъ которыхъ видѣлись небольшіе мѣшечки, вѣроятно съ равными арестантскимъ имуществомъ. Вокругъ наръ стояло рядомъ около семидесяти арестантовъ, въ такомъ же костюмѣ какъ и подсудимые арестанты; только на ногахъ, вмѣсто чирковъ, надѣты были длинныя бродни,* а поверхъ портовъ надѣты были шаровары изъ сѣраго, толстаго фабричнаго сукна. Различіе это, какъ я послѣ узналъ, происходило оттого что подсудимые не употреблялись на работы въ острога, а срочные работали и въ острогѣ, и въ городѣ.

Мы пошли вокругъ наръ; жалобъ и просьбъ не было, только два арестанта жаловались что уже съ недѣлю, какъ отсидѣли свои сроки, а еще не пришло распоряженіе объ ихъ освобожденіи. Губернаторъ велѣлъ мнѣ записать ихъ фамиліи, справиться и доложить. Перешли къ пересыльнымъ: двѣ громадѣйшія, длинныя камеры, съ такими же по срединѣ нарами, прикрытыми одними войлоками и мѣшками въ изголовьяхъ, составляли помѣщеніе полутораста человекъ арестантовъ. Одѣты они были въ разнообразнѣйшіе костюмы: одни были въ новыхъ полшубкахъ, другіе въ черныхъ зипунахъ, третьи въ сѣрыхъ, на нѣкоторыхъ были свитки крестьянскаго сукна, кое-гдѣ мелькали и сюртуки и пальто, принадлежавшіе физиономіямъ еврейскаго типа. На ногахъ у всѣхъ почти были бродни, сапоги видѣлись изрѣдка.

— Здравствуйте, крикнулъ губернаторъ входа.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство, заревѣла толпа.

Губернаторскъ оръ прошелъ обѣ комнаты, осматривая

* Широкіе сапоги на мягкой подошвѣ, съ некрашеными мягкими голенищами.

ствѣны и людей. Воздухъ былъ спертый, вентиляторы все закрыты.

— Отчего не открываете вентиляторы, вѣдь жарко!

Нѣсколько человекъ бросились открывать крышки вентиляторовъ. Только что мы повернули обратно, какъ изъ рядовъ начала выступать арестанты, сооротивъ самыя просительныя физиономіи.

— Ваше превосходительство, отозвался первый, — явите начальническую милость, вотъ уже двѣ недѣли здѣсь сижу, не отправляютъ.

— Почему его не отправили до сихъ поръ, обратился губернаторъ къ смотрителю?

— Много народу, ваше превосходительство, по сорока человекъ въ день отправляемъ, а все успѣть не можемъ: отправимъ сорокъ, привезутъ пятьдесятъ; дождеть очередь, отправится и онъ.

— А сколько ихъ всѣхъ здѣсь?

— Больше полутораста человекъ; кромѣ нихъ еще есть каторжные, политическіе и семейные, и тѣхъ отправлять надо, а болѣе пятидесяти въ отправку не могутъ идти — подводъ не хватаетъ.

— Слышишь что говорятъ, обратился губернаторъ къ арестанту, — придетъ очередь, отправятъ и тебя, всѣхъ отправятъ въ свое время.

Только что окончили съ этимъ, какъ впередъ выдвинулся едой старикъ и упалъ прямо въ ноги:

— Ваше превосходительство, заговорилъ онъ, — будьте отцы, окажите божескую милость.

— Встань, братецъ, встань; вѣдакой старикъ, а въ ногахъ валяешься! Стыдно. Ну, говори толкомъ что тебѣ нужно?

— Годъ цѣлый сижу здѣсь ни за что.

— Какъ ни за что?... Зачѣмъ его держать? обратился онъ къ смотрителю.

— Онъ, ваше превосходительство, здѣшной губерніи. Не сказавъ ничего домашнимъ, и безъ билета, онъ пошелъ въ Кіевъ на богомолье; до Казани дошелъ благополучно, а тамъ спросили билетъ и арестовали.

— Такъ зачѣмъ же онъ сидитъ здѣсь?

— Отправили сюда, такъ какъ онъ показалъ что здѣшній; но въ бумагѣ, при которой онъ препровожденъ, не объяснено: за безписьменность ли только онъ взять, или еще совер-

лицъ какое преступленіе. Затребованы объ этомъ свидѣнія изъ Казани, но отвѣта до сихъ поръ нѣтъ. А самъ онъ все время молчалъ.

— Ну, хорошо, старикъ, завтра же пошлемъ бумагу на твою родину и въ Казань; если окажется что все это справедливо, тотчасъ освободимъ... Запишите и доложите мнѣ завтра, обратилса губернаторъ ко мнѣ.

Я записалъ.

— Ваше превосходительство, упали въ ноги два низерные подслѣповатые арестанта,—пятый мѣсяць сидимъ. Помилуй, свободи!

— А за что вы посажены?

— Хадиль Копаль, врешель Копаль, билетъ, билетъ показвалъ, сюди пошмелъ.

— Да кто они такіе, что они толкують?

— Это, ваше превосходительство, Чувашины, плохо говорятъ по-русски; они ходили въ Копаль, въ огень; когда же возвращались домой въ Оренбургскую губернію, такъ у нихъ оказались билеты безъ печатей, ихъ арестовали и отправили назадъ; они и пришли сюда съ партіей; въ экспедицію отобрали у нихъ показаніе и остановили, такъ какъ ихъ слѣдуетъ возвратитъ домой, если окажется что имъ дѣйствительно выдали билеты безъ печатей.

— Что же, затребованы свидѣнія?

— Ужь третій мѣсяць какъ затребованы, а отвѣта нѣтъ

— Запишите и доложите.

Я записалъ. Пошли даѣе. Вдругъ губернаторъ остановился: предъ нами былъ мальчикъ не старше четырнадцати лѣтъ, красивый и здоровый.

— Ты куда сѣдуешь? спросилъ губернаторъ.

— Въ Иркутскую губернію на поселеніе, бойко отвѣчалъ мальчикъ.

— На поселеніе.... За какое преступленіе?

— За убійство.

— Какъ! Ты убилъ, такой маленькій мальчикъ? и губернаторъ съ удивленіемъ оглянулся къ намъ.—Кого же ты убилъ?

— Пастуха, отвѣчалъ, потупясь, мальчикъ.

— Правду онъ говорить? спросилъ губернаторъ близъ стоявшихъ арестантовъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, онъ убилъ пастуха который пасъ съ нимъ вмѣстѣ скотъ.

— За что же ты убилъ его? обратился губернаторъ снова къ мальчику, стоявшему въ послѣднее время потупивъ.

— Онъ меня колотилъ, мучилъ цѣлый годъ; я его и убилъ, отбивалъ тихо убійца.

— Какъ же онъ тебя мучилъ?

— Бросалъ одного со скотомъ въ полѣ, а когда приходилъ и заставлялъ что я сплю, такъ билъ кнутомъ, за волосы рвалъ. Цѣлый годъ эдакъ я маялся.

— И ты рѣшился его убить?

— Убилъ.

— Чѣмъ же ты его убилъ, вѣдь онъ былъ сильнѣе тебя?

— Пришелъ разъ пьяный, побилъ меня, клокъ волосъ изъ головы вырвалъ и легъ спать, а около себя топоръ положилъ. Я подсмотрѣлъ что онъ спитъ, схватилъ топоръ, да со всего размаху и ударилъ его по головѣ.

— Что жъ, онъ и не крикнулъ?

— Только прохрипѣлъ.

— Такъ сразу и умеръ?

— Сразу.

— И тебѣ не жаль было его?

— Кровь-то полилась—жаль стало, да не воротить.

— А теперь ты каешься въ этомъ, понимаешь что это страшный грѣхъ?

Тотъ молчалъ. Губернаторъ ласково повторилъ вопросъ.

— Поздно, ваше превосходительство, прошепталъ онъ.

— Раскаиваться, мой милый, никогда не поздно, а ты же еще молодъ, можешь еще загладить свою вину, только веди себя хорошо, работай что можешь. А вы, ребята, обратился онъ къ арестантамъ, — объясните ему какое это страшное преступленіе, да не разказывайте при немъ ничего дурного, ничего, понимаете.... про свои похождения и тому подобнаго. Грѣхъ учить его худому.

— Какъ можно, ваше превосходительство, учить мальчика грѣху, проговорило нѣсколько голосовъ,—мы не душегубы какіе, какъ можно!

— То-то, смотрите, ребята.

Постоявъ еще съ минуту молча, губернаторъ направился къ дверямъ; мы за нимъ. Отсюда, перешедши снова первый дворъ, мы направились къ семейному корпусу и вошли къ политическимъ.

— Здравствуйте, сказалъ губернаторъ.

Арестанты стояшіе впереди поклонились; въ камерѣ

водворилась тишина. Губернаторъ прошелъ впередъ и началъ спрашивать недавно прибывшихъ арестантовъ: фамилію, откуда и за что сосланъ, куда слѣдуетъ и т. п. Окончивъ распросы, онъ приказалъ смотрителю постараться отправить ихъ поскорѣй далѣе, не давать засиживаться. Въ это время выступилъ впередъ одинъ арестантъ съ деревянною чашкой въ рукахъ и, поднося ее къ губернатору, заговорилъ:

— Пане енарале....

— Говори по-русски, вѣдь умѣешь; ну, что у тебя тутъ въ чашкѣ?

— Ци худыя даютъ; чистая вода; это только свиней кормить....

— Я тебѣ покажу свиней, ахъ ты, блазень эдакой! Или не умѣешь говорить съ начальствомъ? Смотри мнѣ.

Мы посмотрѣли въ чашку; въ чашкѣ были щи наполовину разбавленные водой, и вѣроятно тотчасъ предъ нашимъ приходомъ: вода еще не успѣла окончательно соединиться со щами. Я объяснилъ эту удловку губернатору.

— Сколько вамъ отпускаютъ мяса?

— По три четверти фунта на человѣка въ день, объяснилъ подошедшій староста,—да э-э-эт-того м-мало, в-в-аше п-п-ререв-восходительство, добавилъ онъ, сильно заикаясь.—М-мы в-не п-пр-рив-выкли къ этому.

— А больше по закону не полагается; сами виноваты, зачѣмъ сюда попали. Мнѣ не привередничать! Слышите ли! Чтобъ этого не было! Довольствуйтесь тѣмъ что по закону положено. Будьте благодарны и за это положеніе: за ваши дѣла могло быть гораздо хуже. Понимаете? А если не понимаете, такъ постарайтесь понять и помириться съ вашимъ положеніемъ, лучшаго не ждите, а главное, никогда не забывайте что съ вами поступлено милостиво, могло быть гораздо хуже. Привыкайте къ вашему настоящему положенію, не мечтайте о пустакахъ, не стройте воздушныхъ замковъ.

Толпа молчала. Мы вышли, посѣтивъ еще камеру семейныхъ арестантовъ. Губернаторъ уѣхалъ.

На другой день я сдѣлалъ справки по своимъ замѣткамъ и тогда же доложилъ губернатору вчерашнія просьбы. Въ тотъ же день посланы были настоятельныя требованія въ тѣ мѣста откуда требовались свидѣнія. Мѣсяца чрезъ два-три получились отвѣты удовлетворительные для просителей, и они были немедленно освобождены.

V.

Быль восьмой часъ утра. Апрельъ хотя близился къ концу, а на дворѣ было еще свѣжо. На площади предъ острогомъ уже появились торговки съ булками, калачами, молокомъ и т. п. Усѣвшись въ линію саженяхъ въ десяти отъ острожныхъ воротъ, направо отъ дороги, они разостлали на землѣ трапичи и, усѣвшись на маленькія скамеечки, принесенныя съ собой, симметрически разложили предъ собой свой незагнѣтый товаръ. Болтая между собой, они не спускали зоркаго глаза съ тюремныхъ воротъ. Вотъ за рѣшеткой показались два арестанта въ халатахъ, безъ шапокъ; послѣдовали переговоры между арестантами и караульными солдатами. Звякнули деньги, загремѣла желѣзная калитка; отъ группы караульных отдѣлился солдатъ и направился къ торговкамъ. Тѣ заголосили: „у меня, служивый, булочки мягкія“, „вотъ молочко свѣжее“, „у меня купи, служивый,—калачики, смотри, еще теплые“ и т. п. Купивъ съ дюжину булокъ и вязанку калачей, солдатъ воротился за рѣшетку, высыпалъ покупки въ полы арестантовъ и усѣлся на лавку. Арестанты ушли на острожный дворъ. За ними пришло еще трое: повторилась та же операція и, нагружившись провизіей, они открылись на острожномъ дворѣ. За этими появились еще нѣсколько арестантовъ, и въ числѣ ихъ низенькій старикъ въ засаженномъ нанковымъ ваточномъ халатѣ и ермоакѣ на головѣ. Этому солдатъ купилъ вязанку калачей и туась молока; остальные же арестанты покупали только булки, калачи и постное масло. Во все это время дежурный надзиратель, въ тепломъ солдатскомъ пальто и бараньей шапкѣ, преспокойно хранился за рѣшеткой на лавкѣ, поставленной у солдатской караульни. Оставимъ его спать спокойно и перейдемъ въ камеру семейныхъ арестантовъ, гдѣ мы съ читателями еще не были. Каждодневная утренняя переключка уже кончилась, и камеры отперты. Въ длиннѣйшихъ двухъ комнатахъ, соединенныхъ аркой, по серединѣ устроены огромнѣйшія нары, заladenныя разною домашнею рухлядью и всякимъ хозяйственнымъ хламомъ: тутъ валяются подушки, стоятъ огромные сундуки,

лежать узлы, навалены полушубки, одѣяла, куртки, чемоданы, валенки, башмаки, разставлены кастрюльки, горшки, горшочки и т. п. На этой рухляди копошатся дѣти въ одѣяхъ рубашкахъ, лежатъ женщины, спятъ любящіе долго поспать арестанты. Тѣ же кто всталъ пораньше, суетятся у громадной печи затопленной со свѣтомъ, вставляютъ туда горшки съ картофелемъ, варятъ молоко для дѣтей, кипятятъ воду для чаю. Запоздавшіе толкуются у длинныхъ столовъ стоящихъ по стѣнамъ: чистятъ картофель, моютъ посуду, приготавливаютъ варево. На этихъ же столахъ, по краямъ, наложены цѣлыя горки булокъ, калачей, пироговъ. Около этихъ складовъ стоятъ хозяева ихъ, арестанты, въ ожиданіи покупателей. У одного стола расположился Еврей съ нѣскоими и розничнымъ фунтовикомъ, положивъ около себя свертокъ чаю съ паффига, табаку прѣстало нѣсколько папуть и нѣсколько кусковъ сахару на бумажкѣ. Это бакалейщикъ семейной камеры. Въ углу у камина кипятъ три ведерные самовара, хозяева которыхъ старательно продуваютъ въ нихъ огонь. Это спекулянты на кипяченую воду для заспавшихся арестантовъ, которымъ уже не протолкаться къ печкѣ чтобы вскипятить воду gratis. Сверхъ нихъ владѣльцы самоваровъ разчитываютъ еще на истыхъ чаешійцѣ, не могущихъ пить чай иначе какъ изъ самовара. А такіе любители нерѣдко встрѣчаются между арестантами. Около печей, помѣщающихся въ углахъ камеръ, протянуты веревки, прикрѣпленныя за гвозди вколоченныя въ стѣны. На этихъ веревкахъ сушатся дѣтскія пеленки, рубахи, подвертки и т. п. Наконецъ пища сварена, самовары вскипѣли, заспавшіеся проснулись, умылись, обудись. Началось завтраканье: одни помѣстились у столовъ, другіе на небольшихъ деревянныхъ скамейкахъ; многосемейные размѣстились на нарахъ, а другіе просто на полу. Истые чаешійцы, купивъ на три копѣйки горсточку чаю и на столько же куска два-три сахару, компаніями усаживаются за самовары, окортомленные за десять копѣекъ отъ самовара. Подкрѣпляющіе себя картошкой, молокомъ, кашцей оканчиваютъ свой завтракъ скоро: вставъ и утерши ротъ рукавомъ, они крестятся въ уголъ гдѣ виситъ икона и затѣмъ, взявъ шапки, а часто и безъ шапокъ, выходятъ на дворъ освѣжиться, походить, покалякать со знакомыми, посидѣть въ столярной, или послушать въ слесарной разказовъ слесаря Пулякова. Другіе выходятъ просто затѣмъ чтобы толкаться взадъ

да впередъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать. Чаепійцы просятъ за чаемъ по часу и болѣе. Процаевавши до испарины во всемъ тѣлѣ, они потягиваются, вытираются полотенцами и ложатся отдохнуть немного. Тогда уже, отдохнувъ, надѣваютъ сапоги и отправляются толкаться по острогу до обѣда. Арестантскіе старосты и служители изъ арестантовъ совершенно въ другомъ положеніи. Обязанности ихъ мѣшаютъ имъ валяться долго въ постели, чаевать по часу и толкаться по острогу. Вставъ пораньше, одѣвшись и позавтракавъ чѣмъ Богъ послалъ, старосты ожидаютъ каждодневной переключки. Указавъ помощнику и дежурному офицеру своихъ арестантовъ, они отправляются въ смотрительскую контору за приказаніями: узнать нужно ли нарядить людей на работы въ замкѣ или въ городъ, и сколько нарядить, кого изъ арестантовъ приготовить къ отправкѣ въ дальнѣйшій путь и т. п. Служители же отправляются привезти дровъ, вычистить сѣни, крыльцо, натаскать воды и т. п. Въ старосты выбираютъ арестанты большею частію людей бывалыхъ, бойкихъ, рѣчистыхъ и непремѣнно плутоватыхъ. Тихоня тутъ не справится, не поладитъ ни съ кѣмъ; честный человѣкъ для этого дѣла, по ихъ мнѣнію, тоже негоденъ: не сумѣетъ отстоять интересы арестантовъ предъ начальствомъ, да не столкнется съ крикунами, которыхъ въ каждой камерѣ не мало. Да такой человѣкъ рѣдко и самъ согласится быть старостой и толкаться цѣлый день какъ въ ступѣ: онъ въ этомъ званіи не увидитъ для себя никакой выгоды. Вотъ и выбираютъ они въ старосты большею частію пройдохъ, прошедшихъ огонь и воду. Знаютъ что онъ плутуетъ, крадетъ у нихъ провизію, беретъ подъ часъ копѣечныя взятки, наживается на ихъ счетъ,—все это отлично имъ извѣстно; обругаютъ его иной разъ на чемъ свѣтъ стоитъ, корятъ его, подозреваютъ въ потачкѣ начальству, а не смѣняютъ, потому другаго подходящаго человѣка найти трудно. Развѣ ужъ больно заворуетъ или заважничаетъ — тутъ ему и конецъ: осрамятъ и смѣняютъ, если не поддержитъ его, не зная сущности дѣла, смотритель. Вотъ и лавируетъ бѣдный староста между двухъ огней: и начальства страшно, и своихъ боязно—при случаѣ могутъ побить, и побить жестоко. Вертится онъ какъ вьюнокъ: начальству, при случаѣ, наговорить на арестантовъ, наединѣ съ арестантами ругнетъ начальство. Последнее большею частію бываетъ въ нападкѣ: ловкій

староста всегда проведетъ его такъ что и козы будутъ сыты, и сѣно, повидимому, останется цѣло. Все это конечно не относится къ старостамъ привилегированныхъ арестантовъ: тѣ не нуждаются въ бойкомъ и рѣчистомъ старостѣ. Предъ начальствомъ они и сами себя сумѣютъ отстоять, а потому и выбираютъ большую частію людей хорошихъ. Разумѣется что всѣ эти внутреннія острожныя власти, всѣ эти назначенія и избранія меркнутъ предъ властію смотрителя, но все-таки ловкость, хитрость и единодушіе арестантовъ парализуютъ эту власть на столько что могутъ существовать твердо-подъ ея покровомъ.

Бьетъ восемь часовъ. У тюремныхъ цейхаузовъ, расположенныхъ на женскомъ подсудимомъ дворѣ, толпится народъ. Экономъ со связкой ключей въ рукахъ поджидаетъ у расвореннаго амбара расходчика со смотрительскимъ свидѣніемъ о числѣ арестантовъ состоящихъ на тотъ день на продовольствіи. Экономъ окружаютъ старосты, больничный поваръ, и повара съ общей кухни. Весь этотъ людъ болтаетъ, остритъ, перебранивается въ ожиданіи расходчика. Наконецъ показывается расходчикъ съ листкомъ покрытымъ цифрами. Это свидѣніе о числѣ арестантовъ. Такое свидѣніе ежедневно составляется въ конторѣ, подписывается смотрителемъ, и одинъ экземпляръ его представляется полицеймейстеру, какъ начальнику острога, а другой передается расходчику. Къ концу мѣсяца изъ этихъ свидѣній составляется требовательная вѣдомость о числѣ продовольствованныхъ въ острогѣ арестантовъ и, за подписомъ директора, съ расчетомъ о числѣ слѣдующихъ комитету кормовыхъ денегъ, представляется канцеляріей комитета въ казенную палату. По нимъ казенная палата ассигнуетъ комитету деньги. Оставивъ расходчика отпустить провизию, экономъ уходитъ въ хлѣбопекарню принять отъ хлѣбопековъ испеченный ими хлѣбъ и приготовить его къ выдачѣ арестантамъ. Между тѣмъ въ оставленномъ имъ цейхаузѣ начинается отпускъ провизиі. Расходчикъ приманивается у маленькаго столика стоящаго у дверей, и поглядывая на свидѣніе, выкладываетъ на счетахъ цифры арестантовъ принадлежащихъ къ разнымъ кухнямъ. Сосчитавъ, онъ обращается къ старостамъ и объявляетъ что у нихъ должно быть столько-то людей. Тѣ свѣряются со своими замѣтками, а неграмотные высчитываютъ по пальцамъ, и если

цифры почему-нибудь не сойдутся, завязывается между старостами и расходчикомъ оживленный споръ, въ которомъ старосты всѣми доводами стараются убѣдить расходчика что ихняя цифра правильна, что у нихъ людей больше чѣмъ онъ насчиталъ. Во избѣжаніе шума и гвалта, жалобъ и претензій, расходчикъ въ большинствѣ случаевъ соглашается и принимается выкладывать на тѣхъ же счетахъ по фунтамъ и золотникамъ сколько слѣдуетъ отпустить на известную кухню муки пшеничной, крупы, соли, луку, говядины. Тутъ ужь старосты рѣдко спорять, потому что такая дробная ариметика имъ положительно не дается, а чтобы спорить нужно доказать, потому они и не спорять, какъ бы далеко ни простиралось сомнѣніе ихъ въ честности расходчика. Высчитавъ сколько чего слѣдуетъ, расходчикъ насыпаетъ деревяннымъ совкомъ на вѣски продукты и тутъ же при старостахъ отвѣшиваетъ ихъ. Между тѣмъ подъѣзжаетъ подрачникъ съ мясомъ, за нимъ идутъ два караульные солдата присутствовать при опроставіи телѣги. Старосты осматриваютъ мясо, и если мясо удовлетворительное, объявляютъ расходчику что мясо годится. Если мясо попадается плохое, то подрачникъ большею частью отдѣливается тѣмъ что прибавляетъ нѣсколько фунтовъ лишку противъ того количества которое слѣдуетъ старостамъ. Старосты почти всегда соглашаются на подобную сдѣлку: лишекъ отрѣзываютъ въ свою пользу, а къ лишку прирѣзываютъ еще часть и нормального количества, и прячутъ. Потомъ эту экономію продаютъ или въ самомъ острогѣ арестантамъ получающимъ кормовыя деньги, или спекулирующимъ продажей пирожковъ и пирогеней, или, если случай подойдетъ, спустать его и за острогъ. Въ накладѣ остается арестантская артель. По окончаніи отпуска, повара и старосты взваливаютъ мясо и кулечки съ остальными продуктами на плечи и отправляются на свои кухни.

Предоставивъ поварамъ готовить изъ отпущенной провизіи пищу, старосты отправляются въ хлѣбопекную получать хлѣбъ. Расходчикъ, заперевъ амбаръ, приходитъ туда же, иначе одному эконому не управиться: нужно и высчитывать, и вѣсить, и въ то же время зорко глядѣть чтобы не случилось грѣха какого, чтобы вмѣсто пяти ковригъ кто-либо не увезъ восьми, а пожалуй и болѣе. Здѣсь часто повторяется тоже недоумѣніе о числѣ людей что и въ амбарѣ, потому

что хлѣбъ отпускается не по тому разчету по которому отпускается провизія. Провизія выдается по кухнямъ, которыхъ всего три (больничная, привилегированныхъ и общая), а хлѣбъ отпускается по категориямъ людей: срочные получаютъ отдѣльно, пересыльные холостые отдѣльно, семейные отдѣльно, подсудимые отдѣльно, женщины отдѣльно и т. д. Въ амбарѣ всѣ старосты стараются надуть эконома сообща, а въ хлѣбопекной каждый староста отдѣльно старается выплутовать у эконома лишнюю ковригу. Вотъ и начинается споръ; эконому утверждаетъ что у такого-то старосты, положимъ, 52 человѣка, а староста съ клятвой утверждаетъ что у него 55 человѣкъ, следовательно ему приходится получить хлѣба болѣе чѣмъ высчиталъ экономъ. Споры такіе рѣдко не кончаются поражениемъ эконома: смирный, мелкій чиновникъ, дорожающій своимъ мѣстомъ, эконому уступаетъ. Въ противномъ случаѣ арестанты, настроенные старостой, устроятъ ему какую-нибудь пакость. Или откажутся брать хлѣбъ подъ предлогомъ что онъ сырой; а если потребуютъ отъ нихъ доказательствъ, такъ у нихъ наготовѣ нарочно испорченная хлѣбопекомъ коврига хлѣба, тайно переданная арестантамъ. Предъявляя эту ковригу полицеймейстеру, ежедневно навѣщающему острогъ; тотъ видитъ что хлѣбъ негоденъ, и не догадываясь что это хитрая ловушка со стороны арестантовъ, требуетъ чтобы экономъ выдалъ другой хлѣбъ, а старый дѣвалъ куда хочетъ. Разобрать дѣло подробнѣе и обстоятельнѣе ему некогда: нужно торопиться съ рапортомъ къ губернатору, ѣхать въ полицію; да мало ли что ему приходится сдѣлать въ короткій день при его разнообразнѣйшихъ обязанностяхъ. Не послушать полицеймейстера экономъ не можетъ; тотъ накажется директору, а иногда скажетъ прямо губернатору: изволь тутъ объясняться да оправдываться. Хорошо еще удастся оправдаться, а можетъ и не удастся. Наконецъ, если эта штука не достигнетъ цѣли, арестанты могутъ сдѣлать что-нибудь другое, въ родѣ подливанья воды во щи, и штука эта рѣдко имъ не удается. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ непріятностей, объясненій, шума, экономъ соглашается и отпускаетъ хлѣбъ на большее противъ дѣйствительнаго числа людей. Излишне выданный хлѣбъ есть прямой доходъ старосты. Вслѣдствіе этого, а отчасти и другихъ причинъ, воровства хлѣбопековъ, а иногда и отъ невожденности самихъ экомомовъ и расходчиковъ, рѣдкій

экономъ при сдачѣ должности не приплатится за двѣсти, триста, а иногда и болѣе пудовъ муки, если не сумѣетъ на-верстать потерянное на счетъ подраччиковъ или комитета.

Привнесли въ камеру хлѣбъ (излишній спрятавъ еще по дорогѣ), староста разрѣзываетъ его на такъ-называемыя папки. Папка заключаетъ въ себѣ пять фунтовъ хлѣба, то-есть двухдневную арестантскую порцію. Такимъ образомъ одинъ день получаетъ по папкѣ одна половина арестантовъ, а на другой день другая. Арестанты имѣющіе дѣтей старше трехлѣтнаго возраста получаютъ хлѣбъ и за нихъ въ томъ же размѣрѣ. На дѣтей до трехъ лѣтъ отпускается по фунту пшеничнаго хлѣба въ день и по штофу молока. Кромѣ того на нихъ получается еще просовая крупа и скоромное масло на кашку въ небольшомъ количествѣ.

Такъ какъ дѣти, несмотря на свою способность ѣсть часто и много, все-таки не сѣдаютъ болѣе половины отпускаемаго на ихъ долю хлѣба (остаальная провизія на нихъ тоже отпускается какъ и на взрослыхъ), то многосемейный арестантъ имѣетъ полную возможность продавать ежедневно хоть одну папку. Продають, зачастую, свои папки арестанты денежные, покупающіе вмѣсто того булки, калачи и т. п. Продажа эта производится или внутри острога, или на сторону, всегда, конечно, за подѣлы. Внутри замка покупають папки арестанты получающіе вмѣсто пищи кормовыя деньги на руки. А такихъ бывало не мало. Татары и Евреи, какъ не желающіе ѣсть общей пищи, почти всѣ состоящіе подъ судомъ и содержащіеся въ острогѣ чиновники и наконецъ арестанты-служители. Къ послѣднимъ принадлежатъ: парашники, * квасники, банщики, больничные служители. Число всѣхъ арестантовъ, получавшихъ кормовыя деньги, доходило до шестидесяти человѣкъ. Всѣ они украдкой брали пищу у повара больничнаго, или дворянскаго, или съ общей кухни, смотря по состоянію, за чтѣ платили поварамъ по тридцати, пятидесяти и болѣе копѣекъ въ мѣсяцъ. Если продажнаго хлѣба накоплялось такъ много что въ острогѣ всего не раскупали, то продажа поревоносилась за стѣны острога. Изъ жителей города покупали папки торговки сидящія на острожной площади, а также и другіе окрестные жители, по

* Арестанты за небольшую плату занимающіеся четкой ретп-радъ.

преимуществу бѣдные чиновники. Чиновники имѣвшіе какое-либо служебное отношеніе къ острогу, разумеется изъ мелкихъ, производили эту операцію въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Они просто являлись въ острогъ, заходили въ камеру или въ хлѣбопекную, и окупивъ пуда два три хлѣба, спокойно уносили ихъ изъ острога, а бывали и такіе случаи что увозили на лошадяхъ. Дежурный у рѣшетки надзиратель, получившій самъ безденежно хлѣбъ отъ хлѣбпековъ, не имѣлъ никакого расчета мѣшать такой убыточной для комитета торговлѣ. Да еслибы даже онъ былъ и не подкупленъ, то и въ такомъ случаѣ врядъ ли рискнулъ бы, своимъ вмѣшательствомъ, наживать себѣ лишнихъ враговъ. До караульных же солдатъ это не относилось: ихъ обязанность была смотрѣть чтобы въ острогъ не приносили ничего запрещеннаго, а изъ острога не выносили писемъ и т. п. Поэтому они на эту торговлю не обращали ни малѣйшаго вниманія.

Въ половинѣ двѣнадцатаго звонили въ небольшой колоколъ, висѣвшій около смотрительскаго корпуса. По этому сигналу старосты шли на кухню вынимать изъ громадныхъ двадцати-ведерныхъ котловъ вареное мясо и крошить его на мелкіе куски. Искрошивъ мясо, они раздѣляли его глазомѣрно на небольшія равныя кучки, по одной кучкѣ на каждыя десять человекъ арестантовъ. Затѣмъ каждый староста бралъ столько кучекъ сколько десятковъ арестантовъ было въ его камерѣ и сваливалъ ихъ въ деревянную чистую шайку. Кости тутъ же обглаживались старостами и дневальными арестантами, караулившими ежедневно на кухнѣ (они почти всегда закрывали глаза на плутни старостъ и поваровъ), и клались обратно въ котелъ для лучшаго навару щей къ ужины. Вслѣдъ затѣмъ появлялись парашники съ большими чистыми ушатами на плечахъ. Повара большимъ деревяннымъ черпакомъ наливали въ ушаты щей, и парашники уносили ихъ въ камеры. Слѣдомъ за ними отправлялись туда же и старосты съ мясомъ. Ушаты ставили среди камеры, и арестанты наливали изъ нихъ щей въ полуведерныя деревянныя шайки. Затѣмъ разсаживались группами человекъ по пяти и болѣе, брали подходящее на ихъ пай количество мяса и начинали обѣдать деревянными казенными ложками, находившимися постоянно на рукахъ у арестантовъ. Если одной шайки не доставало, наливали другую, и т. д. Остатки выливали на дворъ. При этомъ, конечно, они не принимали въ

соображеніе того что, набирая излишнее количество щей (выливаемых послѣ на дворѣ), они вынуждали поваровъ лить въ котлы излишнее число ведеръ воды. Вслѣдствіе же прибавки лишннихъ ведеръ воды щи выходили жидкія и невкусныя. Если же не влить нѣсколькихъ ведеръ лишней воды, такъ щей не хватитъ, и поднимется такой гвалтъ и шумъ что повара какъ разъ попадутъ въ карцеръ, а пожалуй, потеряютъ и мѣста. Мѣстами же своими повара дорожатъ: они доставляютъ имъ рубля по два жалованья въ мѣсяцъ, нѣкоторые грѣшные доходы, лучшую пищу и довольно спокойную жизнь.

Побѣдавъ и помолившись, арестанты заваливаются спать до четырехъ и болѣе часовъ. Проспавшись, они курятъ, потомъ поемногу выползаютъ на дворъ, и начинается толканье по острогу до ужина. Чаепійцы усаживаются снова за самовары и мѣдные чайники и прохлаждаются себѣ часовъ до пяти. Большею же частію въ эту пору арестанты гуляютъ по двору, или сидятъ на крыльцѣ, или стоятъ гдѣ-нибудь подъ крышечнымъ навѣсомъ и глазѣютъ на входныя ворота: кто пройдетъ, куда пройдетъ и т. п. Потомъ идутъ разговоры: кто приходилъ въ острогъ, зачѣмъ и почему, съ разными вариациями на одну и ту же тему. Острожные же Ловеласы и Фоблазы осторожно, подъ разными предлогами, пробираются на женскій пересыльный дворъ ухаживать за прекраснымъ поломъ, если часовой или надзиратель не погонятъ ихъ оттуда. Такимъ образомъ протягивается время до половины седьмого. Тутъ начинается ужинъ — повтореніе обѣда, за исключеніемъ всѣхъ операций относящихся къ мясу, такъ какъ къ ужину мяса не остается.

Въ семь часовъ звонятъ въ колоколъ; по этому призыву арестанты собираются по камерамъ, камеры запираются, и начинается такъ-называемая переключка или повѣрка арестантовъ. Для этого смотритель, а чаще всего помощникъ его съ дежурнымъ офицеромъ и однимъ изъ надзирателей, отправляются по камерамъ, перекликаютъ по книгѣ арестантовъ и тѣмъ повѣряютъ ихъ наличность. По окончаніи повѣрки въ какой-либо камерѣ, она запирается на замкъ уже до утра.

VI.

Над острогомъ царствуетъ ночь, подъ всеми арками и у всѣхъ воротъ зажжены фонари, во всѣхъ сѣняхъ и корридорахъ тоже горятъ салныя восьмериковыя свѣчки, вставлены въ желѣзные фонари съ тусклыми отъ времени стеклами. Камеры или, какъ ихъ называютъ въ острогѣ, казематы всѣ на замкахъ. Хотя еще не болѣе девяти часовъ, но всѣ надзиратели, кромѣ дежурнаго у воротъ, улеглись спать. Насуетившись и набѣгавшись досыта днемъ, они рады что могутъ наконецъ успокоить свои усталые члены своимъ. Спать они спокойно, не думая о будущемъ, не тревожась настоящимъ: въ будущемъ та же бѣготня, тѣ же заботы и неприятности; что же касается настоящаго, то они знаютъ отлично что арестанты на замкѣ и потому не убѣгутъ, а другаго чего же можно ожидать? Отъ огня не уберечься, какъ ни берегись; отъ скандала или буйства не уйдешь, если арестанты его вздумаютъ затѣять, а потому надзиратель и спитъ себѣ спокойно, будучи убѣжденъ что никакими думами не помочь бѣдѣ, если она страдется надъ человѣкомъ. Но не такъ думаютъ арестанты,—не спятъ они въ эти часы: это лучшее время которое имъ выпадаетъ въ ихъ подневольномъ быту.

Вотъ громади́шшая камера, окна и двери въ ней завѣшены занунами, снаружи она представляется погруженною въ глубокий мракъ и сонъ, а между тѣмъ она ярко освѣщена, и стодушное население ея не спитъ и не скоро еще успокоится. По всѣмъ направленіямъ мелькаютъ огни: тамъ горятъ салныя огарки вставленные въ деревянные самодѣльные подсвѣчники, тамъ пылаютъ, устроенныя на скорую руку изъ свѣчнаго нагару, плашки, а кое-гдѣ мелькаютъ и восковыя свѣчки, прилѣпленныя къ нарамъ и скамейкамъ.

Вокругъ всѣхъ этихъ огней расположились, въ сидячемъ и лежащемъ положеніи, группы арестантовъ. Одни играютъ въ три листика, и слышатся между ними восклицанія; „флюсть“, „козырный флюсть“, „держу“ „фалька“, „бардадымъ“ и т. п. Восклицанія эти прерываются то общимъ хохотомъ, то непечатными ругательствами. Въ другомъ мѣстѣ, у тоненькой

восковой свѣчки, свдой съ добродушною физиономіей арестантъ, сидя на корточкахъ, внимательно накладываетъ на старый сапогъ такую же старую заплату. Около него примостился кое-какъ невзрачный мужиченка, „новичокъ“ въ этомъ мѣстѣ, и бѣлыми нитками заштопываетъ свои сѣрыя брюки. Вотъ у ярко пылающей папки, у стѣны, какой-то искусникъ вырѣзываетъ изъ бумаги разныя смѣшныя фигурки, похожія на кого-либо изъ начальства. Каждую мало-мальски удавшуюся фигурку всгрѣчаетъ дружный хохотъ группы окружающихъ искусника арестантовъ. У самой печки, расположившись на деревянной цуркѣ, сидитъ, согнувшись, маленькій черненькій арестантикъ. Предъ нимъ скамейка, на скамейкѣ сальный огарокъ, и тутъ же куски алебастра и оселка. Вооружившись заостреннымъ гвоздемъ, арестантъ вырѣзываетъ разныя печати, пригодныя подобному люду за стѣнами острога. Эти печати дадутъ возможность пустить по бѣлому свѣту десятки фальшивыхъ паспортовъ отъ имени разныхъ волостныхъ правленій, земскихъ судовъ и т. п. Нѣсколько молодыхъ арестантовъ, съ грубыми деревенскими физиономіями, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за искусною рукою рѣщика. Въ одной группѣ слышится протажное монотонное чтеніе: „приступающаго нынѣ въ дремлеистинное православіе, отъ нынѣшней греческой религіи, господина высокопреосвященнѣйшаго митрополита Амвросія“... Это старообрядцы Бѣло-Кривицкаго согласія читаютъ сказаніе о принятіи въ расколъ перваго своего митрополита. У одного огня, у наръ, сидитъ на деревянной скамейкѣ свдой длиннобородый старикъ: передъ нимъ баночка съ чернилами, перо и небольшая тетрадка бумаги, сложенная въ осьмушку. Наклонивъ голову къ самой тетрадкѣ, онъ одною рукою старательно выводитъ на ней какія-то непонятныя строки, колоссальными уставными буквами, придерживая другою свою длинную бороду. Это раскольничій архіерей-самозванецъ, а по спискамъ острога поселенецъ Телепневъ. Пишетъ онъ темное посланіе своей темной пастѣ, тщательно скрывая отъ арестантовъ и принятое на себя званіе, и сочиняемое посланіе. На другомъ концѣ наръ лежитъ ничкомъ, подперевъ голову локтями, пожилой арестантъ и читаетъ по складамъ сказку объ Бруславѣ Лазаревичѣ, едва освѣщаемую тоненькою восковою свѣчкой. Два среднихъ лѣтъ арестанта внимательно вслушиваются въ его чтеніе. Тутъ же на нарѣхъ

лежать на спинахъ, заложивъ руки подъ голову, или опершись на локти, десятка два арестантовъ. Лежать они въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босикомъ, и ведутъ нескончаемыя бесѣды со своими сосѣдами. Здѣсь вся душа на распашку: они увѣрены что никто ихъ не выдастъ, никто не подслушаетъ. Вотъ двое арестантовъ, одинъ еще молодой, здоровый, съ беззаботною физиономіей, другой лѣтъ подъ сорокъ, тоже здоровакъ, но лицо у него нѣсколько осунулось, глаза впалые, но яркіе, сверкающіе.

— Такъ вотъ, братецъ ты мой, рассказываетъ первый,—обобравъ это мужика, я въ городъ, прямо въ кабакъ Юдки....

— И онъ за тобой не погнался? прервалъ второй.

— Куда, братецъ ты мой, спалъ какъ убитый. Ну такъ, прибѣгаю въ кабакъ: ну, говорю, Юдко, добыча, бери, говорю, да давай наливки, да закуски, проворнѣй. Юдко мой живо споровилъ куда-то и армякъ, и хомутъ, и шлею, и несетъ ужъ наливки и огурчиковъ....

— Такъ больше ничего тебѣ отъ жиды и не перепало?

— Какой перепало! Не успѣлъ: охмѣлялъ скоро и растянулся на лавкѣ. Просыпаюсь утромъ, а въ расписочной ужъ люди. Выхожу, вижу какой-то мѣщанинъ съ виду съ жидомъ разчитывается, водку, видно, бралъ; въ рукахъ бумажникъ. Гляжу, а въ бумажникѣ денегъ-то, денегъ: цѣлый этакой толстый пакъ. Подхожу это я къ нему, да и говорю: „чтѣ, молъ, почтенный, не подражаете ли поденьщикомъ на сѣнокосъ?“— „А ты, говоритъ, поденьщикъ что ли?“ „Поденьщикъ, говорю.“

— И онъ те нанялъ?

— Безъ дальнихъ, отвѣчалъ разказчикъ, — срядились по двухгривенному въ день. „Иди жъ, говоритъ, со мной, я провожу тебя на сѣнокосъ.“— „Да развѣ, говорю, сейчасъ?“ „А то какже, говоритъ, я ужъ работниковъ отправилъ, только сюды на минутку забѣжалъ, винашка взять.“ Ну, пошли мы; пропустилъ я его эттакъ вереть съ восемь, а тутъ какъ брошусь на него, да тукмака въ ухо; сразу свалилъ; пальто на голову, завертѣлъ его раба Божія, а самъ скорѣй въ карманъ, переложилъ бумажникъ къ себѣ да и былъ таковъ.

— Что жъ онъ не кричалъ?

— Куды ему: бараномъ свалился; а всего только однимъ тукмакомъ и попоштовалъ.

— Славно! А надолго хватило денегъ? спросилъ собесѣдникъ.

— Да никакъ съ недѣльку погулялъ: всего тридцать два бумажками досталось.

— Ловко же ты его поддѣлъ! Живъ остался?

— Живеть. А ужь таково-то ловко что опосля и самому это смѣшно стало какъ я къ нему на свѣнокость намяся: польстился, вишь, на дешеваго работника!

И разкащикъ громко засмѣялся. Его товарищъ скорчилъ что-то въ родѣ улыбки.

Черезъ нѣсколько человекъ отъ этихъ собесѣдниковъ лежало и хохотало двое молодыхъ арестантовъ: одинъ брюнетъ съ довольно свѣжимъ лицомъ, другой шатень съ истасканною пожелтѣвшею физиономіей.

— Плохо ты его стукнулъ, говорилъ первый.

— Силень, братъ, онъ больно, а тутъ сзади подскочила его челмъдъ, надзиратели, и схватили меня за руки.

— Да что тебѣ пришло въ голову затѣять этакое дѣло въ самой конторѣ?...

— Не вытерпѣлъ, не сдержалъ, ужь больно солоно мнѣ отъ него приходилось: то карцеръ, то лупка, а то такъ и горячія.

— Эхма, жаль что не уходилъ на смерть?

— Да и бѣдность * шибко жалѣла что не уходилъ я его со-вѣмъ, звѣрь вѣдь былъ страшный.

— А что же его смѣстили послѣ твоего тукмака?

— По другому попался: скоро затѣмъ арестантъ бѣжалъ, ну, извѣстное дѣло, подѣ судѣ, а тамъ и смѣстили.

— А тебѣ бы идти въ Нерчинскъ заодно ужь?

— Нѣтъ; есть же, братъ, разница; мнѣ судейскій-то сказывалъ тебя, говоритъ, судили за покушеніе, да облегчили, говоритъ, наказаніе по несовершеннолѣтію, а кабы, говоритъ, сохрани Богъ, убилъ ты его, навѣчно бы въ каторгу пошелъ.

— Навѣчно?

— Навѣчно, говоритъ; ну да, вѣдь мы слыхали чтò это значить — навѣчно: протаскаешь тачку лѣтъ десятокъ, скаываютъ такъ; ну, какъ смирно себя ведешь, али мастеръ какой, тебя къ тому мастерству и предѣлать. Тутъ еще лѣтъ десять, а тамъ и на поселеніе.

— Долга же пѣсня, парень: шутка ли дѣло двадцать лѣтъ!

— Такой, братъ, законъ на нашего брата написанъ.

— А чтò, поди, трухнулъ изрядно какъ повели къ рѣшенію?*

* Этими словами арестанты называютъ себя.

** Слушать рѣшеніе.

— Было же малу-толику, дѣло-то этакое, въ первой; думаю что, какъ есть, совсѣмъ засудятъ: шутка ли—убиство смотрителя!

— Да вѣдь ты же не убилъ?

— Оттого-то такъ легко, братъ, и отдѣлался.

Въ сторонѣ отъ другихъ арестантовъ, за дивнымъ столомъ стоящимъ въ углу камеры, сидятъ трое собесѣдниковъ. На столѣ предъ ними кипитъ полуведерный самоваръ желтой мѣди. Огромный чайникъ клопочетъ на самоварѣ. Собесѣдники, поддерживая пятью растопыренными пальцами донышка чайныхъ блюдечекъ, съ наслажденіемъ отхлебываютъ глотки перекипѣлаго чаю. Предъ каждымъ лежитъ обгрызанный кусочекъ сахару. Эта аристократія камеры: староста, подстароста и известный всему острогу клаузникъ. Перваго зовутъ Пашимъ. Это своего рода знаменитость. Онъ судился за грабежъ и покушеніе на убійство, которое совершилъ на берегахъ Невы, и первоначально заключенъ былъ въ Литовскій замокъ. Отсидѣвъ тамъ два года, онъ былъ рѣшенъ на поселеніе, но умѣлъ такъ хорошо обдѣлать свои дѣла что успѣлъ побывать во многихъ другихъ острогахъ, и вотъ уже другой годъ его не могутъ выжить изъ острога: то внезапная лихорадка, то ревматизмъ, то подагра мѣшаютъ ему отправиться въ мѣсто своего назначенія, въ Иркутскую губернію. Про него говорили что онъ мастеръ поддавать какой угодно ключъ, вырѣзать какую угодно печать, смастерить фальшивый паспортъ и т. п., краснорѣчіе же его было поистинѣ баснословно: будучи убійцей, грабителемъ и мошенникомъ на всѣ руки, онъ умѣлъ изъ своего звѣрскаго лица скорчить такую жалкую, убитую физиономію, такъ слезливо и патетически объяснить свои или чужія нечастія что начальство невольно поддавалось обману. Кого онъ не надувалъ: и смотрителей, и экономовъ, и директоровъ, и губернаторовъ. Что же касается до сердобольныхъ дамъ, то онѣ просто таяли отъ рѣчей этого записнаго пройдохи. Пашинъ былъ артистъ на всѣ руки: арестанты видѣли въ немъ своего ходатая, совѣтника и покровителя; низшее начальство, во избѣжаніе дразнь, непріятностей и скандаловъ, потворствовало малѣйшему его желанію, высшее же губернское начальство не могло устоять противъ его артистически-лицемернаго краснорѣчія. Результатомъ такой тактики

было то что Пашинъ и его пріятели получали двойной провіантъ, имѣли весьма приличный гардеробъ и, кромѣ того, пользовались, сверхъ кормовыхъ денегъ, значительными по острогу доходами и скопили небольшія состоянція. Бѣдность же (то-есть арестанты) процвала ему всё его плутни, видя въ немъ, съ одной стороны, свой идеалъ, а съ другой стороны—единственную надежную точку опоры въ той глухой борьбѣ которая постоянно велась между арестантами и непосредственнымъ тюремнымъ начальствомъ. Пашинъ всегда былъ невидимою пружиной всѣхъ маленькиихъ домашнихъ бунтовъ противъ эконома или смотрителя, и онъ же первый распинался предъ директоромъ или вице-губернаторомъ, доказывая что арестанты несчастные, безталанные, слѣпые люди, не умѣющие оцѣнить благодѣтельныхъ распоряженій и заботъ о нихъ начальства. Кто бы посмотрѣлъ въ это время на Пашина, какъ онъ, изогнувшись, съѣжившись, такъ сказать, умалившись до нельзя, закатывалъ умиленные, подернутые влагой глаза къверху, тотъ никогда не повѣрилъ бы что этотъ человекъ убивалъ, грабилъ и всю свою жизнь провелъ въ низостяхъ и мерзостяхъ всякаго рода. Въ мое время это былъ пожилой, съ добродушно-веселою физиономіей мужчина, съ свѣжими, умными глазами, средняго роста и широкой въ плечахъ; сѣдина серебрившая его волосы и бороду и постоянно чистый и приличный костюмъ дѣлали его наружность солидною и почтенною. При мнѣ ему не удалось долго царить надъ арестантами; замѣтивъ въ немъ такую неуповимую оппозицію, я настоялъ на томъ чтобъ его отправили по назначенію, и онъ былъ отправленъ.

Однимъ изъ собесѣдниковъ Пашина былъ бѣлокурый, среднихъ лѣтъ арестантъ, по фамиліи Раструевъ. Онъ сидѣлъ на срочномъ заключеніи за какое-то маловажное преступленіе, эффектное лишь по своимъ подробностямъ. Это былъ скромный и вмѣстѣ съ тѣмъ расторопный арестантъ, весьма пригодный Пашину какъ послушное орудіе въ его рукахъ. По изгнаніи Пашина, Раструевъ, какъ непосредственный наперсникъ его, былъ единогласно выбранъ срочными и холостыми пересыльными арестантами въ старосты. Но тутъ его не вполне испорченная, добрая отъ природы натура сказалась сама собою: не будучи болѣе подъ дурнымъ вліяніемъ, Раструевъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ исполнительныхъ и добросовѣстныхъ старостъ во всемъ острогѣ. Ему вручались

иногда для раздачи арестантамъ значительныя, по его положенію, суммы заработныхъ денегъ, и не бывало примѣровъ чтобъ онъ сплутовалъ хоть на копѣйку. Также точно при немъ приостановилось само собою исчезновеніе казенныхъ армяковъ, обуви и т. п.

Третій собесѣдникъ былъ извѣстный сочинитель всякаго рода прошеній, жалобъ и кляузъ въ острогъ, по фамиліи Сверчковъ. Онъ былъ волостнымъ писаремъ и попалъ подъ судъ за полученіе изъ казначейства, при посредствѣ поддѣльныхъ документовъ, вдвойнѣ какихъ-то слѣдовавшихъ на волость денегъ. Дѣло въ свое время было широкое и пикантное. Разчитывая на свою изворотливость, Сверчковъ долго отдѣлывался отъ острога приращеніями разнаго рода направо и налево (дѣло началось года три-четыре назадъ), но судейскіе его перехитрили: взять-то взяли, а дѣла не сдѣлали. Вотъ нашъ Сверчковъ и попалъ въ острогъ. Но, какъ говорится, отъ судьбы не уйдешь, тутъ-то и ожидала его блестящая карьера: въ острогъ онъ сдѣлался центромъ всѣхъ ябедниковъ, такъ сказать старшиной этого почтеннаго сословія. Онъ руководилъ своими собратами какъ при написаніи самыхъ прошеній и кляузъ, такъ и при установленіи таксы за подобнаго рода произведенія. Обыкновенно арестантъ, которому нужно было подать какое-либо прошеніе, частную жалобу или апелляцію, обращался къ Сверчкову. Сверчковъ или лично принималъ заказъ, или рекомендовалъ кого-либо изъ своихъ собратьевъ по ремеслу. Въ послѣднемъ случаѣ арестантъ, увѣренный въ талантахъ самого Сверčkова и не довѣряя краснорѣчію рекомендуемаго имъ сочинителя, чуть не со слезами упрашивалъ Сверčkова понаблюдати лично за написаніемъ нужной просителю бумаги. Сверчковъ въ такомъ случаѣ принималъ торжественный видъ, строилъ глубокомысленную физиономію, выраженіе которой подмѣтилъ у одного изъ членовъ того суда куда вызывался по своему дѣлу, и рѣшительно произносилъ: „Не твое, братъ, дѣло, прошеніе будетъ первый сортъ“. Тутъ Сверчковъ назначалъ плату за будущее произведеніе острожной адвокатуры. Арестантъ, заикаясь, слезливымъ тономъ начиналъ торговаться. Сверчковъ, какъ истый русскій челоуѣкъ, отлично понимая что безъ торгу никакое дѣло невозможно, диктаторскимъ тономъ сбавлялъ гривенникъ или полтинникъ, смотря по роду прошенія, и сдѣлка заключалась.

Написанное прошеніе или жалоба представлялись на рецензію Сверчкову. Послѣдній, смотря по назначенію бумаги, подбавлялъ или слезъ, могущихъ разжалобить камень, или не слышанныхъ и не выданныхъ притѣсненій, могущихъ задѣть за живое самаго невозмутимаго столоначальника. Такимъ образомъ редижировалась бумага, переписывалась и отправлялась по назначенію. Однажды судьба-причудница сыграла со Сверчковымъ слѣдующаго рода штуку: кто-то изъ судебныхъ благопріятелей Сверчкова, не имѣя понятія о новомъ направленіи его карьеры (Сверчковъ тогда былъ еще подъ судомъ), выхлопоталъ для него освобожденіе на поруки. Сверчковъ вышелъ, пошлялся мѣсяць, пошлялся два, видитъ, денжонки приходятъ къ концу, а дѣлать ничего не хочется. Надумался Сверчковъ и перехитрилъ коварную судьбу: въ одинъ прекрасный день онъ составилъ какое-то небывалое свидѣтельство, самъ заявилъ о томъ начальству и такимъ образомъ снова возвратился въ острогъ и принялъ бразды правленія надъ осиротѣвшюю безъ него острожною адвокатурой.

Далеко уже за полночь успокоился окончательно этотъ своеобразный міръ, и то не по доброй волѣ, а потому что всѣ огни окончательно догорѣли и водворилась тьма непролицаемая.

VII.

Наступило 8е ноября. Въ острогѣ престольный праздникъ. Арестанты-старожилы поджидали этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ. Въ этотъ день въ острогѣ торжество великое, больше даже чѣмъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Еще наканунѣ чисто-на-чисто отстроганы ножами и вымыты мочальными швабрами полы во всемъ острогѣ. Арестанты поголовно вымылись въ банѣ и получили все безъ исключенія чистое бѣлье. Еще наканунѣ привезено въ острогъ три туши жирнаго, мяса и отпущены на кухню цѣлый кулъ крупчатки и цѣлый пудъ коровьяго масла. Стряпня на кухнѣ идетъ цѣлый день и цѣлую ночь наканунѣ великаго праздника: пекутъ пироги съ мясомъ, стряпаютъ жаркое, кипятятъ воду для жирнѣйшихъ щей и просовой каши со скоромнымъ масломъ.

Въ самый день праздника острогъ просыпается до свѣту.

Поднимается суетня и толкотня повсемѣстная. Идетъ бритье бородъ, уборка камеръ, вытиранье оконныхъ стеколъ, и затѣмъ ужъ начинается туалетъ арестантовъ. Надзиратели совершенно сблизь съ ногъ, разсылая, приказывая, подтирая, подчищая и т. п. Часамъ къ девяти утра всеобщая суетня оканчивается: все убрано, вычищено, подметено; арестанты одѣты во все новое, чистое; постели, нары и камеры приведены въ праздничный видъ; въ сѣняхъ и корридорахъ вездѣ постланы чистые холщовые половики. Трапезникъ, причетникъ и арестанты-пѣвчіе уже въ церкви, ожидаютъ священника. Входныя острожныя ворота отворены настежь въ ожиданіи прибытія начальства: директоровъ, прокурора, губернатора, жандармскаго полковника и самого преосвященнаго, обѣщавшаго служить въ этотъ день обѣдню въ острогѣ. Къ десяти часамъ въ воротахъ острога появляется смотритель въ полной формѣ встрѣчать начальство. Помощникъ его и караульный офицеръ тутъ же. У каждыхъ воротъ стоятъ на караулѣ надзиратели въ унтеръ-офицерскихъ мундирахъ. На острожныхъ дворахъ не видно ни одного шляющагося безъ дѣла арестанта. Только около кухни и въ кухнѣ десятка два человѣкъ суетятся неутомимо: это старосты, дневальные и повара готовятъ все необходимое къ предстоящему торжественному арестантскому обѣду.

Въ десять часовъ начинаютъ подъѣзжать директора; встрѣтивъ ихъ и поздравивъ съ праздникомъ, смотритель передаетъ ихъ помощнику, который и провожаетъ ихъ въ церковь.

Въ десять часовъ пріѣхалъ полицеймейстеръ и остался у воротъ чтобы встрѣтить высшее начальство. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ ректоръ семинаріи архимандритъ Порфирій, бывшій директоромъ комитета. За нимъ пріѣхали три священника, также директора комитета. Отецъ архимандритъ извѣстилъ полицеймейстера что преосвященный, по нездоровью, не можетъ быть, а потому и поручилъ ему, отцу архимандриту, отслужить обѣдню. Церковь между тѣмъ уже была полна народа: хоры и все помѣщеніе внизу по стѣнамъ церкви, отгороженное деревянною рѣшеткой, занимали арестанты въ полшубкахъ и зипунахъ. Бороды у нихъ были выбриты, волосы подстрижены, изъ-за зипуновъ и полшубковъ видѣлись бѣлые ворота рубашекъ. По срединѣ церкви стояли директора, впереди чиновные въ видъ-мундирахъ и орденахъ, позади ихъ купцы во фракахъ, а нѣкоторые просто въ

шубахъ. Направо отъ директоровъ, у самаго клироса, стояли двѣ директорши—жены мѣстныхъ капиталистовъ. Началась обѣдня; стройное пѣніе, которымъ руководилъ Антонъ Непомнящій, огласило своды церкви. Изъ арестантовъ одни усердно молились, другіе разсматривали съѣхавшееся къ нимъ начальство, и уже присмотрѣвшись къ виду-мундирамъ и орденамъ, принялись молиться. Въ серединѣ обѣдни вошелъ торопливо помощникъ смотрителя, и раздвинувъ ряды арестантовъ, устроилъ небольшой проходъ. Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь, и вошелъ губернаторъ.

Обѣдня продолжалась часа полтора. Послѣ незатѣливаго концерта, пропѣтаго довольно правильно, одинъ изъ священниковъ-директоровъ вышелъ говорить проповѣдь. Въ церкви водворилась совершенная тишина: арестанты устремили глаза на проповѣдника. Изобразивъ кратко, но яркими чертами адъ, названный имъ духовною темницею, проповѣдникъ указалъ на неисходное положеніе томящихся въ той темницѣ узниковъ, нераскаянныхъ грѣшниковъ. Отъ этой темницы онъ перешелъ къ той въ которой находились всѣ присутствовавшіе и къ заключеннымъ въ ней узникамъ, вовлеченнымъ туда своими грѣхами и преступленіями. Поставивъ затѣмъ вопросъ: есть ли для этихъ несчастныхъ исходъ изъ ихъ положенія, ораторъ указалъ на то что самъ Господь Іисусъ Христосъ не погнушался спуститься во адъ чтобъ освободить оттуда раскаивающихся и вѣрующихъ узниковъ. „Такимъ образомъ, продолжалъ проповѣдникъ, какъ ни высоки были твердыни ада, какъ ни крѣпки были его затворы, но и они не могли устоять предъ силою благодати и милосердія Божія. Тѣмъ менѣе могутъ стѣснять васъ, братія, обратилъ онъ къ заключеннымъ, эти видимыя твердыни, эти вещественныя затворы, если вы, съ искреннимъ раскаяніемъ и полнымъ обновленіемъ всего существа вашего, обратитесь къ добру и честной жизни. Тамъ въ духовной темницѣ незыблемыя узы сковывали души грѣшниковъ! И тѣ не устояли предъ силою благодати Божіей и непритворнымъ раскаяніемъ грѣшниковъ. Въ здѣшнихъ земныхъ оковахъ заключено только брѣнное тѣло ваше, душѣ же вашей, вслѣдствіе крестной смерти Сына Божія, всегда и во всякій часъ отверсты врата благодати Божіей. Обратитесь же, добавилъ съ увлеченіемъ проповѣдникъ, братія, съ полнымъ и всецѣлымъ раскаяніемъ въ своихъ преступленіяхъ, къ безпредѣльной

благости Спасителя нашего, и предъ вами откроется новая жизнь, жизнь радостная, свѣтлая, чуждая грѣховъ и преступленій. Помолитесь, слушатели, чтобы милосердый Отецъ смягчилъ сердца этихъ несчастныхъ братій нашихъ и утвердилъ ихъ, Своею благодатію, въ рѣшимости нынѣ же отринути мракъ и воспріять свѣтъ, и съ обновленнымъ духомъ поистинѣ начать новую жизнь честныхъ гражданъ, вѣрныхъ подданныхъ Царя и послушныхъ сыновъ отечеству“. Проповѣдь произвела сильное впечатаніе на арестантовъ: на многихъ лицахъ замѣтно было волненіе, рѣзкость и мрачность взгляда исчезли, кое-гдѣ даже слышались глубокіе, тяжелые вздохи. Всѣ усердно молились.

Послѣ молебна, окончившагося въ половинѣ двѣнадцатаго, всѣ посѣтители, предшествуемые священниками со святою водою и крестомъ, обошли корридоры и камеры подсудимаго корпуса. Чистота, порядокъ и опрятность вездѣ были примѣрные. Между тѣмъ въ небольшой столовой подсудимаго корпуса шли приготовленія къ торжественному обѣду. Столы были покрыты чистыми скатертями. На нихъ разложены были пироги, ломти хлѣба, лежали деревянныя ложки стояли солонки и кое-гдѣ кувшины съ квасомъ. У правой стѣны, на деревянной скамейкѣ, стояли огромнѣйшіе ушаты съ жирными щами и просовою кашей съ масломъ, отъ которыхъ столбомъ валилъ паръ, и по всей столовой распространялся пріятный для обонянія запахъ. Около ста человекъ арестантовъ ожидали у столовъ появленія священниковъ и начальства. Наконецъ слышалось пѣніе, и они показались въ дверяхъ. Прочитавъ надлежащія молитвы и благословивъ трапезу, священники возвратились обратно въ церковь.

Губернаторъ, отвѣдавъ поданною ему ложкой щей и каши и пригласивъ къ тому же желающихъ изъ директоровъ, пригласилъ арестантовъ сѣсть и начать обѣдъ. Разлили щи по деревяннымъ полдированнымъ чашкамъ, и начался обѣдъ. Начальство же отправилось смотрѣть камеры по другимъ отдѣленіямъ острога, а оттуда домой.

Прошелъ обѣдъ, отдохнули арестанты, и жизнь вошла въ обыкновенную колею; но все-таки еще нѣсколько дней прошло подъ вліяніемъ торжественности праздника. Съ нѣскольکو меньшею торжественностью встрѣчались въ острогѣ другіе великіе православные праздники, какъ-то: праздникъ Рождества Христова, праздникъ Св. Пасхи и главные царскіе дни.

Торжественности этихъ праздниковъ въ острогѣ не доставало присутствія директоровъ, губернатора и высшихъ духовныхъ лицъ. Обѣдни служилъ одинъ тюремный священникъ, приглашавшій, впрочемъ, на эти случаи изъ ближайшаго прихода діакона котораго нѣтъ при тюремной церкви. Во всемъ остальномъ эти праздники торжествовались въ острогѣ одинаково съ престольнымъ: тѣ же заблаговременныя старательныя приготовления, та же чистка, мойка, уборка острога, такое же кропленіе камеръ святою водою послѣ обѣдни, та же значительно улучшенная противъ обыкновеннаго пища. Всѣ эти празднованія, внося нравственно-религіозный элементъ въ однообразную жизнь арестантовъ, въ высшей степени благопріятно дѣйствовали на уровень ихъ нравственнаго быта. Длинныя, суетливыя приготовления отрѣшали ихъ, хотя на время, отъ мрачныхъ привычекъ и часто неотрадныхъ мыслей. Торжественность богослуженія и присутствіе рядомъ съ ними, на одной, такъ сказать, линіи, предъ лицомъ общаго Царя и Судьи, столькихъ лицъ къ которымъ они инстинктивно питали глубокое уваженіе, заставляли ихъ забывать свое отверженное положеніе. Ласковость начальства и совершенное довольство пищей и одеждою въ такіе дни сильно смягчали арестантовъ, и подъ вліяніемъ такихъ великихъ дней, они, за самыми ничтожными исключениями, долго еще послѣ этихъ праздниковъ сохраняли хорошее, мирное настроеніе.

VIII.

Я чрезвычайно интересовался двумя субъектами изъ числа содержавшихся въ замкѣ арестантовъ: это судившійся за убійство арестантъ Соколовъ и подсудимая, молодая женщина Нефлова. Познакомиться съ исторіей перваго помогъ мнѣ совершенно неожиданный случай слѣдующаго рода. Однажды, послѣ отпуска провизіи, я отправился обойти нѣкоторыя камеры острога и посмотреть все ли въ порядкѣ. Не успѣлъ я дойти до воротъ пересыльнаго семейнаго двора какъ меня остановилъ староста подсудимыхъ арестантовъ, Пошляковъ.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ, — бѣдность просить васъ пожаловать къ нимъ на верхъ.

— Это по какому случаю? спросилъ я, нѣсколько озадаченный.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе; просьбу, должно-быть, къ вашей милости имѣютъ.

— Какую же такую просьбу?

— Да все насчетъ хлѣба.

— Такъ отчего же они не хотятъ передать эту просьбу чрезъ тебя?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе, просить васъ самихъ пожаловать.

Я отправился. Только что мы вступили въ корридоръ подсудимаго корпуса, какъ послышался шумъ и говоръ многихъ голосовъ. Дальше я увидѣлъ въ корридорѣ цѣлую толпу арестантовъ кричавшихъ, шумѣвшихъ, толкавшихся на мѣстѣ. Впереди другихъ, размахивая руками, ораторствовалъ мой Соколовъ. При моемъ приближеніи говоръ немного стихъ.

— Ну, что у васъ такое? спрашиваю, подхожу.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, заговорилъ за всѣхъ Соколовъ,—изволите видѣть, хлѣбъ мы получаемъ какъ есть въ десять часовъ, а до той поры чего же мы должны ѣсть? Голодомъ что ли намъ сидѣть до десяти часовъ?

— Поздно выдаютъ, подхватила толпа,—до десяти часовъ голодаемъ. Не собаки какія-нибудь! Тоже христіанская душа, хоша и арестантъ, ѣсть хочетъ, эдакъ нельзя; эдакъ голодать не приходится, гудѣли въ заднихъ рядахъ.

— Впервыхъ, ребята, прошу у меня не шумѣть и вздора не молоть, а говорить толкомъ, иначе я и говорить съ вами не стану, сказалъ я.—Ну, говори кто-нибудь одинъ. Говори ты, Соколовъ, только безъ грубостей, братецъ, понимаешь?...

Толпа умолкла. Соколовъ замаялся и началъ почесывать затылокъ.

— Что же молчишь?

— Да что, ваше высокоблагородіе, вѣдь и вправду больно поздно хлѣбъ отпускаютъ; шутка ли дѣло, ждешь до десяти часовъ!

— Такъ это и вся ваша просьба? Такъ за этимъ-то вы меня только и звали?

— Точно, за эфтимъ, ваше высокоблагородіе, проговорилъ нѣсколько недоумѣвая Соколовъ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ зачинщикомъ всей этой передраги.

— Вы, братцы, все равно что малые ребята, оказалъ я немного сердито,—точно дѣти маленькія: ну стоило ли изъ такихъ пустяковъ поднимать весь этотъ шумъ и гвалтъ! Ну, сказали бы старостѣ чтобы доложилъ мнѣ, вотъ и все; я распорядился бы, и только, а то подняли эдакой гвалтъ! Эхъ, вы, народъ, народъ!

— Да оно точно что такъ, отозвались два, три человѣка.

— Вѣдь вы знаете, продолжалъ я,—что я съ охотой дѣлаю для васъ все что только закономъ дозволяется. А это самое пустячное дѣло: два слова эконому, и хлѣбъ будутъ давать вамъ въ семь часовъ. А вы изъ такого ничтожнаго обстоятельства сострапали чуть не серьезное дѣло.

— Да чего, ребята, обратился какой-то старикъ къ товарищамъ,—вѣдь ихъ высокоблагородіе правду изволятъ рассуждать, и точно пустячное какъ есть это дѣло, не стоило и беспокоить ихъ высокоблагородіе.

— Такъ ступайте же, ребята, по камерамъ, заключилъ я,—а это будетъ сдѣлано. Будутъ съ завтрашняго дня раньше отпускать хлѣбъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе. Много довольны, ваше высокоблагородіе! загудѣла толпа.

— Да что и толковать, ваше высокоблагородіе, вѣдь это мы такъ, по глупости своей, продолжалъ тотъ же старикъ,—а мы всѣмъ очень довольны, ваше высокоблагородіе, что и говорить: пищу отпускаютъ отмытую, всѣмъ довольны, ваше высокоблагородіе, покорнѣйше благодаримъ.

— Ладно, ребята, все будетъ хорошо, ступайте.

Толпа повалила въ камеры. Соколовъ, переконфуженный, нѣсколько потупясь, нервнѣе побрелъ тоже въ свою камеру. Я съ надзирателемъ вошелъ къ нему.

— Что это тебѣ, Соколовъ, за фантазія пришла взбудоражить арестантовъ? прямо сказалъ я ему.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, вся бѣдность жаловалась что хлѣбъ очень поздно отпускаютъ; я, ваше высокоблагородіе, тутъ ни душой, ни тѣломъ, сказалъ онъ бойко и смѣло.

— Не отпирайся, братъ: вѣдь я сразу понялъ что это дѣло рукъ твоихъ. Сознайся лучше по совѣсти, отпираться нечего, вѣдь ничего особенно худаго не вышло.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я ничего ни

сномъ, ни духомъ не виновать. Вся бѣдность, ваше высокоблагородіе, галдила. * А я только присовѣтовалъ просить ваше высокоблагородіе, и обо всемъ какъ есть вамъ обсказать, такъ какъ вы, то-есть, наши начальники и покровители. А болѣе я ничего, какъ есть ничего.

— Ну, полно вздоръ молоть, будто я не понимаю. Ты лучше скажи откровенно: съ чего тебѣ вздумалось ихъ взбудоражить, говори небойсь, смотрителю не скажу: мнѣ просто любопытно знать причину всей этой возни.

— Эхъ, ваше высокоблагородіе, коли ужъ на правду пошло, такъ скука да бездѣлье наше, вотъ и вся-то причина, ничто болѣе: сидишь это въ камерѣ одинъ, сидишь день, сидишь другой, сидишь недѣлю, тоска, одурь возьметъ, хотъ удавиться такъ въ пору! Ну и придумаешь какой ни на есть гвалтъ, чтобы хотъ немного развеселиться, отъ думъ отъ своихъ проклятыхъ отстать: выпросишься изъ камеры погулять и затѣнешъ какую ни на есть небывальщину, все лучше чѣмъ сидѣть одному съ проклятою думой на душѣ!

— Да о чемъ же тебѣ думать?

— Какъ, ваше высокоблагородіе, о чемъ думать: какъ посадятъ въ эту хоромину, да еще за убійство, да въ добавокъ одного, такъ небось подумаешь и пораздумаешь!

— Да если ты невиновать, такъ о чемъ же тебѣ думать? невиноватаго не присудятъ.

— Оно точно что невиноватаго не присудятъ, а какъ есть того маленько? Ну, да что таить-ся-то предъ вашимъ высокоблагородіемъ, вы нашего брата несчастнаго не выдадите, вся бѣдность ужъ больно хвалить ваше высокоблагородіе. Ведите выйти надзирателю, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ рѣшительно, — я вамъ всю правду какъ есть разкажу. Можетъ, чѣмъ ни на есть еще и пособите.

Я велѣлъ надзирателю уйти въ корридоръ.

— Изволите видѣть, ваше высокоблагородіе, такъ началъ свою исповѣдь Соколовъ,—пропадаю я почти, то-есть, за собаку, за Татарина ссыльнаго, за нехристя. А было дѣло вотъ какъ. Служилъ я въ Турскомъ округѣ, въ деревнѣ Затоплеевой, въ работникахъ у богатаго крестьянина Тумина. Житье было славное: хозяинъ богатый, добрый, сынъ у него былъ и дочь на возрастѣ, Александрой звали. Вотъ изъ-за

* Роптала.

ея-то и все дѣло пошло. Дѣвка была хоть куда: красивая, рѣчистая, кровь съ молокомъ. Наше дѣло было молодое: я за ней маленечко и приволокнись. Да и нельзя было: дѣвка — заглядывнѣе, а тутъ кровь молодая бурлитъ. Ну, словомъ, сошлись мы, приглянулись другъ другу; сначала зажили потихоньку, а тамъ и какъ мужъ съ женой. Опосля, при случаѣ, рѣшили воровски повѣнчаться, убѣгомъ значить. Отцу и брату ничего невдомекъ: мало ли какіе батраки живутъ у богатаго мужика, кто за ними станеть подглядывать? А матери у дѣвки-то не было, года три предъ тѣмъ померла, ну, за дѣвкой-то смотрѣть и некому было. Ну, да и мы тоже опасовались: вели дѣло-то шито и крыто. Ну, прожили мы эдакъ съ полгода, ужъ и о свадьбѣ поговаривать межъ собой стали, а Александра моя просто въ глаза мнѣ глядитъ не на-смотрится. Хозяева межъ тѣмъ ничего не знаютъ. О ту пору появиись въ нашей сторонѣ ссыльный Татаринъ, изъ Казани, сказывали, изъ купецкихъ дѣтей, сосланъ, значить, былъ за разныя мошенничества: должно полагать, отъ жиру да богатства съ пути сбился. Его сослали сюда да и приписали къ нашей волости. Звали его всѣ Иваномъ, потому татарское-то его прозвище не по нашимъ мужикамъ, не могли запомнить, а прозвали его Иваномъ, такъ Иваномъ и пошелъ. Хозяинъ нашъ былъ на деревнѣ богаче другихъ, и жилъ не какъ-нибудь. Ну, вотъ, однажды подъ вечеръ явился къ намъ этотъ Татаринъ, привелъ, значить, лошадь продавать: лошадь богатая. Долго чего-то толковали съ хозяиномъ, сошлись, за водкой послали, попойку хорошую устроили. Съ тѣхъ-отъ самыхъ поръ и зачастилъ къ намъ Иванъ: то лошадь приведетъ, то какія-то вещи въ узлахъ привезетъ. И все шушукуются съ хозяиномъ. Мы догадываемся, но не подаемъ виду что знаемъ ихнія шашни, а чего тутъ и догадываться-то было: вѣстимо дѣло, Татаринъ кралъ, а хозяинъ принималъ да перепродавалъ. Прошло этакъ съ мѣсяць: тутъ Татаринъ и совсѣмъ у насъ поселился, а парень онъ былъ видный: высокаго росту, тонкій, волосы отпустилъ, глаза чѣд те угли, изъ лица красивъ. Сталъ онъ этто у насъ жить да промысломъ своимъ промышлять: проживетъ эдакъ съ недѣлку и въ путь, провздитъ Богъ вѣсть гдѣ недѣлку, другую, и опять къ намъ, и не съ пустыми руками. Оно бы живи онъ и вѣки такъ, мнѣ чѣд до него и до его промысла. Да сталъ я вдругъ замѣчать что моя дѣвка что-то рыло

воротить отъ меня: позовешь въ лѣсъ, либо запоздаетъ, либо и совсѣмъ не придетъ; заговоришь съ ней эдакъ душевно, ласково, отвѣчаетъ нехотя, не глядитъ, а либо и вовсе промолчитъ. Чтò бы это такое съ дѣвкой моей сдѣлалось, какая такая притча приключилась? Промаялся эдакъ съ недѣлку, гляжу: совсѣмъ отъ рукъ отбилась, будто и не жили мы съ ней никогда. Взяло меня раздумье; думаю не придумаю какъ горю пособить. Ужь и къ знахаркѣ кидался, и привороты разные пробовалъ, только деньги даромъ пропали: ничего не помогаетъ. Поворотила дѣвка моя оглобли, да и шабашъ. И сама-то ходитъ какъ одурѣлая, молчитъ все, а на меня и глядѣть не хочетъ. Вотъ, разъ сижу эдакъ а въ избѣ, дѣло было вечеромъ, починаю сапогъ, а самъ искоса на дѣвку поглядываю. Вижу, дѣвка куды-то вышла, а за ней и Татарину понадобилось чего-то въ лѣсъ, тожь ушелъ. Жду-жду, нѣтъ обоихъ. Меня вдругъ какъ обухомъ ошибло, ажно морозъ по кожѣ подралъ: „вотъ оно, думаю, дѣло-то какого рода, а мнѣ дураку и невдомекъ“. Схватилъ шапку и бѣгомъ въ лѣсъ; прибѣжалъ къ лѣсу, слышу шелестъ и разговоръ потихоньку. Сапоги снялъ съ себя и пошелъ на-голосъ, подкрался какъ кошка. Гляжу, а мой Татаринъ съ Александрой подъ купой березъ цѣлуются, милуются.... Меня просто въ потъ ударило: ничего, сдержался, поползъ потихоньку назадъ, сапоги въ охапку и демой чтò есть духу. Остановился у избы, отвелъ душу, скрѣпился, и вхожу въ избу какъ ни въ чемъ не бывало. А въ избѣ хозяинъ съ сыномъ сидятъ и чего-то калякаютъ промежду собой: знать проспались и отчаевали. Сѣлъ я на лавку, съ виду будто и ничего, а самого злость такъ и душитъ, просто вотъ такъ бы, кажется, и вцѣпился въ кого ни на есть. Немного погода поутихло это: надумался какъ горю пособить. „Хозяинъ,“ говорю. „А чего тебѣ?“ — „Слышалъ ты чего по седу-то баютъ?“ говорю. „А чтò, говоритъ, такое баютъ?“ — „Да все, говорю, про нашего Ивана баютъ.“ — „Про Ивана, говоритъ, малу толику слыхали, а тебѣ чтò?“ — „Да то, говорю, хозяинъ, что намъ съ нимъ не сдобровать, будетъ всѣмъ на орѣху, угонять насъ туды куды Макаръ телятъ не гонялъ. Баютъ-то ужь больно неладно: не было бы и впрямь худо?“ — „Знаю, говоритъ, парень, давно знаю; да ничего, Богъ милуетъ, отвяжемся отъ нехристя.“ — „Мотри, говорю, хозяинъ, не было бы поздно, а мнѣ не больно, мошь,

охота въ дальнюю дорогу собираться.“—„Ничего, говоритъ, парень, молчи, обдѣлаемъ дѣло.“—„А насчетъ Александры, говорю, ты ничего не слыхалъ?“—„А что, говоритъ, такое?“ и глаза выпядилъ. „Да чего, говорю, на все село, говорю, гадать * что она съ Иваномъ связалась; какъ бы батюшка не узналъ, вѣдь нехристь Иванъ-то, некрещеный.“ Хозяинъ ошалѣлъ. „Въ умѣ ли ты, говоритъ, парень, экой поклепъ на дѣвку взвелъ?“—„Не я, хозяинъ, взвелъ, все село гадить. Да чего, иди, если хошь, говорю, самъ погляди, они и теперь еще въ лѣсу подъ березами милуются.“ Тутъ ужъ его въ конецъ разобрало, совсѣмъ бѣшеный сталъ, такъ и рветъ и мечетъ. Ладно, думаю, дѣло сдѣлано: этого ужъ хозяинъ ему не спуститъ. „Ладно же, говоритъ, поправимся мы съ нимъ, не долго натѣшится поганая собака!“ Легли мы это спать, и тѣ воротились, тожъ улеглись какъ ни въ чемъ не бывало: Иванъ въ избѣ съ нами, а дѣвка въ горницѣ. Потушила огонь. Я лежу, а самому не до сна: и досада-то меня донимаетъ, и злость-то ѣсть, и страхъ какой-то пробираетъ. Ну, думаю, чего-то будетъ? А добраго ждать хитро. Зналъ я хозяина: не такой человекъ былъ чтобы спустить экую кровавую обиду. Да и грѣхъ-то какой: добро бы связалась со своимъ братомъ, крещенымъ, а то съ нехристомъ-Татаринномъ. Только пропѣли это первые пѣтухи, а ночь мѣсячная, свѣтлая. Проснулся нашъ Иванъ и пошелъ, по обычаю, провѣдать въ лѣсу краденыхъ лошадей, что предъ тѣмъ только привелъ. Только что дверь за нимъ затворилась, слышу голосъ хозяина, будить сына: „вставай, говоритъ, Семень, проворнѣй, да бери добрую веревку“, а самъ въ дверь, сынъ за нимъ. Поднялся это и я, дрожжа дрожю, даромъ что самъ всю кашу заварилъ. Вышелъ это тихохонько на крыленко и притаился, а самъ гляжу въ оба. Жили мы на краю деревни, у рѣки. Гляжу, Иванъ ужъ у лѣсу, а хозяинъ за нимъ слѣдомъ бѣжитъ, сынъ сзади съ веревкой. Оглянулся это Иванъ, слышалъ, видно, топотъ сапогъ, видитъ, бѣгутъ за нимъ съ веревкой. Сдогадался, значить, что конецъ ему пришелъ, и бросился въ лѣсъ къ лошадямъ. Ну, думаю, ушелъ, за лошадью не угонисься. Вдругъ, гляжу, взвилась веревка, и Татаринъ повалился какъ снопъ: это сынъ на

* Говорять.

него петлю накинулъ. Подскочилъ отецъ, затагнули петлю, только разъ и крикнуть-то успѣлъ. Такъ и удушили, и потащили за веревку въ лѣсъ, къ лошадямъ значить. „Это твое дѣло“, послышалось у меня надъ ухомъ. Оглянулся, а дѣвка-то тутъ, глаза на выкатъ, волосы поднялись: „душегубы вы, говоритъ, проклятые, убивцы, говоритъ, окаянныя“, а сама такъ и реветъ, волосы на себѣ рветъ.

— Куда же они дѣвали трупъ-то? спросилъ я.

— Разказывали послѣ что привязали веревкой къ лошади что въ лѣсу была, отволочили версты съ двѣ, да тамъ и закопали.

— Что жъ, скоро объ этомъ узнали?

— Какое скоро, ваше высокоблагородіе, знали что постоянно шатался, не видали въ селѣ, и думали что на промыселъ отправился; а тамъ мѣсяцъ, другой прошелъ, да не воротился Татаринъ, ну и думали что либо убили его гдѣ крестьяне, поймавши на дѣлѣ, либо гдѣ звѣрь заѣлъ. Хозяинъ самъ, для отводу, спрашивая [всѣхъ прїѣзжавшихъ изъ округа: „не встрѣчали ль, молъ, такого-то Татарина“. Ну, вѣстимо дѣло, мертваго не встрѣтишь. Такъ погалдили, погалдили, да и забыли. Вѣдь у него ни роду, ни племени, ни прїятеля, окромя нашихъ хозяевъ, никого не было: справляться, значить, о немъ не кому было. Такъ и забыли.

— Какимъ же образомъ дѣло-то выплыло?

— Какъ выплыло, ваше высокоблагородіе? Какъ у нашего брата выплываетъ—въ кабактъ, за чаркой. Попуталъ лукавый: въ кабактъ, во хмѣлю, взялъ да и разказалъ прїятелю все какъ было, да еще при свидѣтеляхъ.

— Кто разказалъ?

— Я, ваше высокоблагородіе, вотъ и сижу теперь въ добромъ мѣстечкѣ. Прїятель-то на хозяина былъ золъ, деньги занималъ у него, а хозяинъ при расчетѣ съ нимъ крутенько поступилъ. Прїятель-то хотѣлъ на немъ зло сорвать, да меня одного и упецъ.

— Какъ же такъ одного, а они-то чѣмъ же отдѣлались?

— Извѣстное дѣло чѣмъ нашъ братъ больше всего отдѣляется: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ну и правъ!..

— А дѣвка-то, развѣ, не созналась?

— Гдѣ жъ, ваше высокоблагородіе, родная дочь отца продаетъ? Да ее и замужъ скоро выдали, ну, пожила съ мужемъ и забыла про Татарина.

— А трупъ-то какъ же? Вѣдь трупъ могъ служить уликой?

— Два года прошло съ той поры, дѣло-то давнее: рылись, рылись,—ничего не вырыли. Кабы знали самое-то мѣсто гдѣ его закопали, ну, тогда другое дѣло. А то все заросло и слѣду не осталось. Вотъ я одинъ и терплю за всѣхъ, потому, два свидѣтеля присягнули что я самъ во всемъ сознался. Такъ вотъ оно счастье-то мое какое, ваше высокоблагородіе.

— Ну, а ты-то какъ же? Такъ до конца и будешь запи- раться?

— Не знаю, ваше высокоблагородіе, подумаю еще. Мо- жетъ и сознаюсь. Больно ужъ это меня мутитъ, цѣдо на свѣтъ Божій не глядѣлъ бы.

— Ну, спасибо, братъ, за откровенность. Подумай: можетъ, если сознаешься, и легче будетъ.

— Благодаримъ, ваше высокоблагородіе, на добромъ словѣ.

Исторію Неѣловой я узналъ частію отъ надзирательницы, частію изъ официальныхъ источниковъ. Исторія эта была не длинна. Съ малолѣтства Неѣлова была подвержена при- падкамъ, въ родѣ обмороковъ. Всякое черезчуръ сильное, внезапное, вѣдшее впечатлѣніе, приводило ее въ дрожь и наводило на нее столбнякъ. Замужъ отдала ее рано, на 17мъ году. Мужъ, къ счастью, попался хорошій, души въ ней, какъ говорится, не чаялъ. Собою она, и въ то время когда я ее видѣлъ уже въ острогѣ, была очень недурна. Прежде, значить, еще лучше была. Свекоръ и свекровь у нея тоже были люди добрые; дѣтей у нихъ, кромѣ ея мужа, болѣе не было, потому и любили они ее не въ примѣръ другимъ све- крамъ и свекровямъ. Вотъ и зажила Неѣлова замужнею жен- щиною, чуть не полною хозяйкой въ дому, и зажила просто припѣваючи. Да на грѣхъ дѣтей у нихъ не было. Прошло три года, а дѣтей все нѣтъ какъ нѣтъ. Начала баба тоско- вать, мучиться. Кабы жила она въ нуждѣ, да въ работѣ тя- желой, такъ некогда было бы думать объ этомъ. А то люди они были зажиточные, недостатковъ, значить, не было, ра- боты мало. Вотъ и стала она думать о дѣтяхъ чуть не каж- дую минуту, стосковалась совсѣмъ. Вдругъ, на четвертомъ году, забеременела она. Радость душила ее: и родные-то ста- ли ей милѣе, и мужъ въ десять разъ пригожѣе. Не знаетъ отъ радости какъ и приласкаться-то къ мужу получше, какъ и угодить ему поспособнѣй. Однажды, въ такомъ экзальти-

рованномъ состояніи, сидѣла она съ мужемъ на завалинѣ. Дѣло было лѣтомъ, въ воскресенье. Мужъ задремалъ. Вдругъ въ головѣ у него зазвенѣло, изъ глазъ искры посыпались. Рванулся онъ—жены нѣтъ, схватился за шею, а тамъ рана чуть не въ палецъ глубины, кровь льетъ ручьемъ, въ глазахъ совсѣмъ потемнѣло. Захватилъ онъ обѣими руками рану и поползъ въ избу, да тутъ же въ сѣняхъ и упалъ. Очнулся уже въ горницѣ, въ постели, около него мать воеетъ, горница полна народу; тутъ же и жена въ слезахъ, со связанными назадъ руками. Тутъ-то онъ только догадался въ чемъ дѣло: на завалинѣ, у самаго того мѣста гдѣ они сидѣли съ женой, лежалъ топоръ. Этимъ-то топоромъ она его и хватила по шеѣ. Стали снимать съ Нефловой допросъ. „Сама, говоритъ, не знаю что такое со мной приключилось, лукавый, должно-быть, говоритъ, подтолкнулъ; какъ увидѣла топоръ, такъ голова кругомъ пошла, сама не знаю какъ схватила его и звякъ Степана по шеѣ, да и бѣжать,—опомнилась уже въ волости.“ Спрашиваютъ мужа, родныхъ, не знаютъ ли какого-нибудь повода къ убійству: не притѣснялъ ли ее мужъ, не слюбилась ли она съ кѣмъ другимъ, не обижала ли ее свекровь? Всѣ родные ея и мужа и сосѣди въ одинъ голосъ показали что жили она съ мужемъ въ примѣрномъ согласіи, душа въ душу, никто ея не обижалъ, что и сама она во все время виду не показывала чтобы чѣмъ-нибудь была недовольна, а напротивъ, послѣднее время ногъ подъ собой не слышала отъ радости. Мужъ самъ подтвердилъ все это, показалъ что не только не чувствуетъ къ ней никакой злобы, но что любитъ ее и жалуетъ болѣе прежняго. На третій же день повезли ее въ острогъ. Плакала она навзрыдъ; силой ее оторвали отъ постели умирающаго мужа. Тотъ тоже плакалъ какъ ребенокъ. Быстро окончилось слѣдствіе, скоро рѣшили дѣло въ низшемъ судѣ. Думать да мудрить было нечего: собственное сознаніе паче всего свѣта доказательство, гласилъ старый уголовный уставъ. Перешло дѣло на ревизію въ высшій судъ. Тутъ тоже оно не залежалось, составленъ уже былъ проектъ рѣшенія: признать виновною и сослать въ каторжную работу на заводахъ. Проектъ внесенъ на утвержденіе въ присутствіе, но тутъ одному изъ членовъ бросилась въ глаза оригинальность условій при которыхъ совершилось преступленіе: отсутствіе всякаго повода къ убійству. Потребовалъ

онъ дѣло, перечиталъ и нашелъ одно, мелькомъ данное, показаніе брата преступницы. Показаніе заключалось въ томъ что Неѣлова въ малолѣтствѣ подвержена была припадкамъ въ родѣ падучей болѣзни, хотя и въ слабой степени. Это показаніе, на которое ни низшій судъ, ни составители проекта рѣшенія въ высшемъ судѣ не обратили никакого вниманія, наводило его на мысль: не въ сумашествіи ли совершенно Неѣловой это необъяснимое ничѣмъ преступленіе. Составили журналъ, представили губернатору чтобъ освидѣтельствовать ее въ губернскомъ присутствіи и испытать въ городской больницѣ. Перевели ее изъ острога въ больницу, поручили наблюденію врачей. Медицинское изслѣдованіе вполнѣ подтвердило предположеніе высшаго суда, и Неѣлову присудили оставить безъ наказанія, по невмѣняемости преступленія, такъ какъ оно совершенно было ею въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства, происшедшаго вслѣдствіе беременности и постоянной экзальтаціи въ которой она находилась съ тѣхъ поръ какъ узнала что беременна.

Разказывала мнѣ послѣ надзирательница что за нѣсколько дней до вызова Неѣловой къ слушанію рѣшенія, она получила извѣстіе что мужа ея, долго находившагося между жизнью и смертью, наконецъ таки вытѣчили, и онъ началъ поправляться. „Когда же она воротилась изъ суда, говорила надзирательница, такъ я думала что она просто помѣшалась: плачетъ, рѣвкой льется, дѣлуетъ ребенка, мнѣ руки дѣлуетъ. Такъ рада была бѣдная женщина. Да, по правдѣ сказать, и было отъ чего: не только ей, но и никому изъ насъ и въ голову не приходило чтобъ ее оправдали и освободили.“

IX.

Для полноты изображенія тюремнаго міра сдѣлаю нѣсколько замѣчаній объ острожномъ управленіи, не въ осужденіе кому-нибудь, а для лучшаго уясненія отношеній этого замкнутаго міра къ міру находящемуся внѣ тюремной ограды. Остроги вообще управляются тюремнымъ комитетомъ, состоящимъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, какъ вице-президента, изъ тридцати директоровъ и нѣсколькихъ членовъ. Половина директоровъ чиповники, половина купцы.

Несмотря на такой, повидимому благоприятный, составъ, дѣла въ нашемъ комитетѣ шли не всегда удачно. Это доказывалось постепеннымъ уменьшеніемъ изъ году въ годъ комитетскаго запаснаго капитала. Капиталъ этотъ, простиравшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ до шестидесяти тысячъ рублей, въ послѣднее время простирался лишь до двадцати тысячъ. Правда, что около двадцати тысячъ рублей комитетъ уступилъ на устройство и обезпеченіе воспитательнаго заведенія для дѣтей арестантовъ и поселенцевъ. Но все-таки около двадцати тысячъ были истрачены въ послѣдніе годы нельзя сказать чтобы вполне производительно. Кромѣ этого осязательнаго уменьшенія комитетскаго капитала, ежегодныя операціи комитета пришли къ постоянному дефициту, такъ что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и запасный капиталъ, пожалуй, совершенно изсякнетъ. Причина такого положенія дѣлъ заключается, съ одной стороны, въ постоянно усиливающейся дороговизнѣ, а съ другой—въ самой организаціи этого учрежденія. Изъ тридцати директоровъ комитета только одинъ директоръ завѣдующій острогомъ есть дѣятельная сила, остальные директоры и члены, за рѣдкими, совершенно случайными исключеніями, кромѣ ежегоднаго десятирублеваго пожертвованія, не приносятъ учрежденію пользы, а скорѣе тормозятъ и безъ того не бойкую его дѣятельность. О вице-президентѣ говорить не будемъ: онъ по своей прямой должности и по связаннымъ съ нею многочисленнымъ обязанностямъ физически не можетъ энергически заниматься комитетскими дѣлами. Все лежитъ на директорѣ завѣдующемъ острогомъ и секретарѣ комитета, двухъ лицахъ, выборъ которыхъ зависитъ отъ чистой случайности, и которыя обыкновенно несутъ на себѣ сверхъ того другія болѣе вѣрные обязанности, иногда весьма сложныя. Между тѣмъ отъ комитета вполне зависитъ матеріальное благосостояніе арестантовъ, на немъ лежитъ попеченіе о нравственномъ ихъ улучшеніи; комитетъ ведетъ весьма сложныя хозяйственныя операціи, требующія осторожности, опытности, аккуратности и полнѣйшей добросовѣстности. На него же возложенъ контроль надъ дѣятельностью всѣхъ тюремныхъ отдѣленій въ губерніи и сообщеніе правильнаго направленія этой дѣятельности. Причина почему другіе директоры не только не приносятъ пользы, но еще тормозятъ и отчасти парализуютъ дѣятельность комитета, заключается частью въ томъ что ихъ слишкомъ много, а частью въ томъ что

ни одинъ изъ нихъ не считаетъ Комитетскаго дѣла своимъ дѣломъ и не можетъ считать его такимъ. Многочисленность даетъ имъ поводъ не радѣть о дѣлѣ, надѣясь на то что и безъ нихъ есть много, сѣдовѣтельно есть кому дѣлать. Директоры-купцы, напримѣръ, кромѣ ежегодныхъ обязательныхъ взносовъ по десяти рублей въ кассу комитета, рѣшительно ничѣмъ не обнаруживаютъ своей принадлежности къ его составу. Они отказываются подписываться подъ журналами, ихъ съ трудомъ можно вызвать въ засѣданія, бывающія чрезвычайно рѣдко. Безвозмездность службы въ буквальномъ значеніи этого слова (директоры никогда у насъ не получали по этому званію никакихъ наградъ), недостатокъ единичной отвѣтственности, затрудненія какія на каждомъ шагѣ встрѣтить тотъ кто пожелалъ бы имѣть дѣйствительное вліяніе на дѣло, исключаютъ для директоровъ всякую возможность считать комитетское дѣло своимъ дѣломъ, если не явится на помощь самоотверженіе, что бываетъ въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, прикрываясь подписями директоровъ, секретарь, въ случаѣ недобросовѣстности, можетъ систематически вредить дѣлу и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. При совершенномъ же отсутствіи контроля, такъ какъ дѣйствій комитета на мѣстѣ никто и никогда не повѣряетъ, кромѣ того же секретаря, недобросовѣстности открыто обширное поле дѣятельности.

Общество, съ своей стороны, весьма безучастно относится къ комитету. Кромѣ незначительныхъ подаваній арестантамъ, жители не вносятъ въ кассу комитета ни одного гроша, да многіе едвали и знаютъ о его существованіи.

НИКОЛАЙ РЕУТСКИЙ.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО КАТЫ-БУРГАНА

Немного появляется въ печати точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о Туркестанскомъ край, обширной территоріи, охватившей собою почти $\frac{3}{4}$ всей Средней Азіи. Путь отъ Оренбурга до Ташкента еще достаточно извѣстенъ по различнымъ описаніямъ проезжающихъ и служащихъ въ Туркестанскомъ край. Но почти не появлялось въ печати свѣдѣній объ остальной мѣстности, къ югу отъ Ташкента, о Ходжентѣ, Ура-тупе, Джизакѣ, и т.-д. Имѣвъ случай осмотрѣть весь этотъ край во время объезда генералъ-губернаторомъ Заревшанскаго округа, я считаю не бесполезнымъ подѣлиться съ читающею публикой свѣдѣніями и впечатлѣніями вынесенными изъ этой поѣздки.

Отъѣздъ генералъ-губернатора, назначенный въ началѣ сентября мѣсяца мѣсяца года, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ замедлился до 7го октября. Въ назначенный день на рѣкѣ Самарѣ, близъ Минъ-урюка, бывшаго загороднаго сада ташкентскихъ владѣтелей, собрались для проводовъ генералъ-губернатора почетные Сарты, представители туземнаго населенія Ташкента. Почти всѣ они были одѣты въ богатые, жалованные халаты, бархатные и шелковые, съ широкимъ золотымъ галуномъ, съ медалями на шеѣ и на груди. Эти знаки отличія сильно льстятъ самолюбію Сартовъ.

Окрестности Ташкента, гдѣ генералъ-губернаторъ, отъѣзжая въ Заревшанскій округъ, прощался съ народомъ, уже и въ настоящее время, черезъ пять лѣтъ по взятіи Ташкента, почти совершенно утратили свой первоначальный азіятскій характеръ. Глиняныя сакаи смѣнились чистенькими, уютными домиками, Минъ-урюкъ найденъ весьма удобнымъ для

лѣтнаго помѣщенія клуба; у самаго Самара высится труба винокуреннаго завода купца Первушина, неподалеку строится обширный госпиталь. Все это напоминаетъ уже не Азію, а скорѣе одинъ изъ тѣхъ уголковъ Европейской Россіи гдѣ еще довольно простора, и гдѣ села и деревни, съ ихъ постройками, не жмутся тѣсно другъ къ другу. Развѣ только Сарты въ чалмахъ и тюбетейкахъ, верхомъ на лошади или на низкоросломъ, крѣпкомъ ишакѣ, да галичанья, сложенныя изъ кольевъ и мѣстами потрескавшіяся стѣны и загороди напоминаютъ что здѣсь еще весьма недавно господствовалъ азіятскій порядокъ, и все подчинялось азіятскому строю жизни.

Почти всѣ почетные Сарты верхами сопровождали экипажъ генераль-губернатора. Картина была весьма живописна и во всякомъ случаѣ не лишена оригинальности. Эти всадники, со своеобразною, азіатскою посадкою, на расписныхъ сѣдлахъ съ вышитыми шелкомъ чепраками, въ разноцвѣтныхъ, яркихъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ, весьма оживляли картину. Больше ста Сартовъ скакали верхами, по обѣ стороны дороги, сопровождая генераль-губернатора до первой станціи. Между пестрыми нарядами Азіятцевъ рѣзко выдѣлялись синіе кафтаны казаковъ-Уральцевъ, составлявшихъ почетный конвой генераль-губернатора. Съ ними былъ и значокъ сотни, бѣлый съ краснымъ крестомъ.

Генераль-губернаторъ, отправляясь въ Зарезшанскій округъ, выбралъ дальній путь,* предполагая посѣтить Кураминскій и Ходжентскій уѣзды. Курама, ближайшій къ Ташкенту уѣздъ, имѣетъ весьма важное значеніе для всего края. Здѣсь находятся богатая плодородная долина рѣкъ Чирчика и Ангрена, которымъ сама природа предназначила быть житницей густо населеннаго ташкентскаго района. Дѣйствительно, плодородіе почвы здѣсь замѣчательно, и не даромъ въ долинахъ Кураминскихъ горъ уже издавна осѣлось кочевое населеніе, предпочтя хлѣбопашество и садоводство барантъ и степному раздолью. Зависимость человека отъ почвы нигдѣ не выказывается такъ рельефно какъ въ Средней Азіи.

О происхожденіи Кураминцевъ есть много мнѣній, изъ

* Ближній путь отъ Ташкента къ Самарканду проходитъ на Чиназъ и Джизакъ.

которыхъ каждое, болѣе или менѣе, основано на народномъ преданіи. Одни утверждаютъ что Кураминцы—Киргизы поселившіеся осѣдло на богатыхъ, хлѣбородныхъ мѣстахъ, и названіе *Курама* производять отъ *куръ* (дворъ). При этомъ невольно обращаетъ на себя вниманіе созвучіе словъ *куръ*, *курень*, *курная изба*, и даже *курица*, въ смыслѣ исключительно домашней птицы. Другіе полагають что Кураминцы произошли отъ браковъ Киргизовъ съ Таджиками, исконнымъ осѣдлымъ населеніемъ этого края. Наконецъ третьи утверждаютъ что Кураминцы поселились въ долинахъ Ангрена и Чирчика уже въ позднѣйшія времена, именно, въ эпоху владычества Тимуридовъ. Въ ущельѣ, близъ Джизака, сохранилась на скалѣ надпись въ которой говорится о пораженіи соединенныхъ силъ сѣверянъ, то-есть жителей Ташкента, Кокана, Ходжента и другихъ городовъ, незначительнымъ отрядомъ Улугъ-бека, одного изъ потомковъ Тимура. Разбитые сѣверяне укрылись въ Кураминскихъ горахъ какъ въ ближайшемъ, безопасномъ убѣжищѣ, и тамъ уже остались навсегда. Легко можетъ быть что достоверны всѣ три преданія, и что населеніе Курамы, прежде бывшее исключительно киргизскимъ, послѣ войны Тимура и его потомковъ увеличилось въ своемъ составѣ Таджиками, искавшими здѣсь убѣжища отъ меча завоевателя. Какъ бы то ни было, но долины Ангрена и Чирчика были населены уже и въ отдаленныя времена. Слѣды пашень, арыковъ (ирригаціонныхъ канавъ) замѣтны и помыты въ высокихъ, горныхъ долинахъ, такъ что хлѣбопашество очевидно началось въ болѣе безопасныхъ и укрытыхъ мѣстахъ, а это подтверждаетъ мнѣніе что Кураминцы, если и не терпѣли, то по крайней мѣрѣ имѣли основаніе опасаться непріятельскихъ набѣговъ. Въ послѣдствіи, уже по минованіи опасности, населеніе Курамы спустилось изъ ущелій и высокихъ долинъ на скаты горъ и къ ихъ подошвѣ, какъ въ болѣе плодородныя и удобныя мѣста.

Чирчикъ и Ангренъ источники богатства всей Курамы. Чирчикъ быстрая, горная рѣчка, своеобразная какъ всѣ горныя рѣчки, беретъ начало въ горахъ Борлодай, и протекая по долинѣ Чоткала, извѣстна въ своихъ верховьяхъ также и подъ этимъ именемъ. Уже гораздо ниже рѣчка получаетъ названіе Чирчикъ. Съ виду Чирчикъ не представляетъ ничего грандіознаго. Широкая полоса воды

быстро и съ шумомъ несется по равнинѣ устьяной рѣчною галькой. Рѣка проходима въ бродѣ почти всюду, и только лѣтомъ, при таянїи снѣговъ въ горахъ, и иногда зимою, при сильныхъ ливняхъ, Чирчикъ вздувается и несется бурнымъ, каючущимъ потокомъ. Утверждаютъ что уровень воды въ Чирчикѣ измѣняется даже и по часамъ дня: въ полдень вода выше чѣмъ утромъ и вечеромъ, что будто бы также происходитъ отъ неравномѣрнаго таянїя снѣговъ въ горахъ. При провѣдѣ генераль-губернатора вода была невысока, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходила до ступиць экипажа. Однакоже у лѣваго берега Чирчика, по закону общему для всѣхъ рѣкъ текущихъ въ направленїи близкомъ къ меридіанальному, дно значительно глубже, и быстрина гораздо сильнѣе. Чтобы экипажи не были опрокинуты напоромъ воды, необходимо было казакамъ вѣять съ боку экипажа, со стороны наибольшаго напора рѣки, и веревками помогать лошадямъ вывозить экипажъ на берегъ. Еще дватри мелкіе рукава Чирчика, и дорога снова потянулась по равнинѣ, устьяной галькою округленною рѣчнымъ теченїемъ. Такія мѣста встрѣчались нерѣдко и далѣе, свидѣтельствуя что и здѣсь когда-то протекала рѣка, округлявшая голыши, и берега которой можно и теперь прослѣдить по крутымъ обрывамъ поднимающимся кое-гдѣ довольно высокою стѣной. Такія иссохшія рѣчныя ложа особенно часто встрѣчаются по пути въ Ходжентъ, отъ Ташкента до гряды горъ окаймляющихъ среднее теченїе Сыръ-Дарьи.

Дорога отъ Ташкента до Той-Тюне (уѣздный городъ Кураминскаго уѣзда) принадлежитъ къ числу наиболѣе оживленныхъ мѣстностей всего края. Здѣсь на каждой верстѣ можно встрѣтить множество проѣзжающихъ верхомъ и на тяжелыхъ двухколесныхъ арбахъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, дженушкой (клеверомъ) и т. п. Лѣтомъ дорога эта хотя и изобилуетъ выбоинами, ухабами, и пр., но все еще не представляетъ серьезныхъ затрудненїй для товарнаго движенїя; за то зимою и позднейю осенью той-тюпинская дорога превращается въ море липкой грязи, которая зачастую заставляетъ Кураминцевъ отерочивать повозки свои въ Ташкентъ по торговымъ и домашнимъ дѣламъ до болѣе благоприятнаго времени года. Чтобы устранить затрудненїя происходящія отъ неисправнаго состоянїя дороги, генераль-губернаторъ приказалъ устроить между Той-Тюне и Ташкентомъ

шоссе. Во время проѣзда генераль-губернатора работы были въ полномъ разгарѣ. Множество рабочихъ, жителей соседнихъ кшлаковъ (деревень), толпились по сторонамъ разрабатываемаго участка дороги. Старики произносили свое обычное „аманъ таксыръ“, сопровождаемое поглаживаніемъ бороды, ребятишки также поглаживали на груди свою воображаемую бороду.

Въ Той-Тюпе была первая торжественная встрѣча генераль-губернатора Кураминцами. Небольшой чистенькій кшлакъ, который со временемъ, вѣроятно, разрастется въ городъ, украсился и приварядился на сколько могъ. Въѣздныя ворота были украшены флагами и зеленью. Тутъ же выстроились рядомъ почетные жители и служащія лица изъ туземцевъ съ хлѣбомъ-солью. Кураминцы подвели генераль-губернатору, на блюдахъ, разные, наиболѣе цѣнныя произведенія своего края: виноградъ, фишки, гранаты, сахаръ леденцовый, и т. п. Генераль-губернаторъ весьма ласково говорилъ съ Кураминцами, принявъ хлѣбъ-соль, благодарилъ за службу, за послушаніе русскимъ начальникамъ и за довѣріе къ новымъ порядкамъ введеннымъ въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ. Дѣйствительно, Кураминцы охотно подчинились новому положенію объ управленіи въ Туркестанскомъ краѣ. Были, конечно, отдѣльные случаи неповиновенія и недоразумѣній, случаи неизбѣжные при какой бы то ни было реформѣ; но главная масса народа осталась совершенно безучастною къ волненіямъ и равнодушно смотрѣла на затѣи своихъ вожаковъ. Тѣхъ кровавыхъ и прискорбныхъ столкновеній которыя имѣли мѣсто въ степи, между Оренбургскими Киргизами, вовсе не было въ Кураминскомъ уѣздѣ да и во всемъ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ.

Отъ Той-Тюпе генераль-губернаторъ проѣхалъ новою положенною дорогою на большое село Пекентъ, Уральскую станцію, Джембулакъ, Мурза-Раббатъ и къ Ходженту. Еще начиная отъ Пекента, гладкая, степная равнина начинаетъ переходить въ волнистую, сильно пересѣченную мѣстность. Дорога часто круто спускается подъ гору, огибаетъ обрывистыя высоты, увѣчающія кое-гдѣ группами деревень, иногда пролегаетъ по иссохшему рѣчному ложу наполненному галькой и голышами. Близъ Уральской станціи начинаютъ обрисовываться вдали снѣжныя вершины горъ, но это

еще не вѣчные снѣга и не ледники: эти снѣжныя, словно прозрачныя вершины только высокіе пики и гряды, покрышіея снѣгомъ ранѣе окрестной, прилегающей къ ихъ скатамъ, мѣстности. При всемъ томъ эти снѣговыя гряды значительно охлаждають воздухъ, особливо когда вѣтеръ дуетъ съ горъ. Дорога отъ Уральской станціи идетъ прямо къ этимъ снѣжнымъ вершинамъ, мимо невысокихъ грядъ, постепенно понижающихся и исподоволь сливающихся съ мѣстностію. Эти горы, гряды и отдѣльные пики носятъ у туземцевъ различныя названія; каждый кшлакъ называетъ горы по-своему, не заботясь о названіяхъ которыя придаютъ этимъ горамъ его сосѣди. Наиболѣе общее названіе, *Сарамшанъ-доуанъ*, получила высокая гряда горъ тянущихся снѣва отъ почтовой дороги, а *Моголь-тау* называются горы окаймляющія правый берегъ Сыръ-Дарьи и стѣсняющія ея русло. Горы по ту сторону Сыръ-Дарьи называются общимъ именемъ: *Кара-тау*. Какъ Моголь-тау, такъ и Кара-тау еще мало изслѣдованы геологически и въ отношеніи ихъ литологическаго состава. Несомнѣнно только что здѣсь встрѣчаются прожилки весьма хорошаго бѣлаго мрамора, руды: свинцовыя, мѣдныя, желѣзныя, графитъ; а въ горахъ Кара-тау, въ 50 верстахъ отъ Ходжента, уже заявлены и разрабатываются полковникомъ Фовицкимъ копи превосходнаго каменнаго угля. Рудныя богатства окрестностей Ходжента еще ждутъ дѣятельныхъ рабочихъ рукъ.

Бѣдна и безпріютна станція Джембулакъ, укрывшаяся въ горахъ и пользующаяся у туземцевъ весьма дурною славой. Сарты и Киргазы стараются не останавливаться на этой станціи приваломъ, а тѣмъ болѣе не остаются на ночлегъ, изъ опасенія скорпіоновъ, которыхъ, по разказамъ, здѣсь весьма много. Такъ же безпріютна и слѣдующая станція Мурза-Раббатъ, замѣчательная старинною постройкой изъ жженого кирпича, съ высокимъ остроконечнымъ куполомъ. Эта постройка, предназначавшаяся служить пріютомъ для проходящихъ каравановъ, въ настоящее время совершенно бесполезна и видимо разрушается. Въ постройкѣ помѣщаются только дряхлыя и больныя почтовые лошади. Груды мусора, щебня и разбитыхъ кирпичей доказываютъ что окрестные жители весьма неуважительно относятся къ сооруженію которое ихъ предки воздвигали съ благочестивою цѣлю: доставить усталымъ путникамъ пріютъ и покой. Въ виду

совершенно бесполезности и ветхаго состоянія Мурза-Раббата, генераль-губернаторъ приказалъ совершенно разобрать постройку и изъ ея кирпичей построить станціонный домикъ, по образцу тѣхъ станцій которыя уже устроены въ Киргизской степи туркестанскаго вѣдомства, отъ Казалинска почти до самаго Ташкента.

Отъ Мурза-Раббата дорога входитъ въ ущелье Кураминскихъ горъ и огибааетъ террасовидные склоны Моголь-тау. Чрезвычайно дикій видъ представляютъ эти гранитныя террасы, усѣяныя огромными квадрами и глыбами гранита, отгорженцами отъ крутыхъ склоновъ и вершинъ хребта. Послѣ глинистаго сланца гранитъ легче всего подвергается разрушенію, вывѣтриваясь и мало-по-малу превращаясь въ глину и кварцевый песокъ. Но это-то самое разрушеніе въ то же время обуславливаетъ плодородіе окрестныхъ странъ, потому что продуктъ разложенія полеваго шпата, главной составной части гранита, составляетъ самую полезную примѣсь къ почвѣ, существенно необходимую для питанія растений.

Уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мурза-Раббата видна свѣтлая полоса Сыръ-Дарьи. Но до рѣки еще далеко, и дорога долгое время тянется мимо голыхъ, террасовидныхъ склоновъ Моголь-тау. Наконецъ вотъ и Ходжентъ виденъ на той сторонѣ Сыръ-Дарьи. Ходжентъ товетъ въ зелени своихъ садовъ, и рѣзко выдается на этой темной массѣ зелени длинное, одноэтажное, бѣлое зданіе: это шелкомотальная фабрика М. А. Хлудова, одного изъ самыхъ энергическихъ и неутомимыхъ торговыхъ дѣятелей въ Туркестанскомъ краѣ. Когда экипажъ генераль-губернатора выѣхалъ на берегъ Сыръ-Дарьи, у фабрики Хлудова, на высококомъ остаткѣ бывшей крѣпостной башни, взвилася дымокъ, и грянулъ салютационный пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и т. д. Эти орудія, старинной бухарской работы, изъ которыхъ производилась пальба, приобрѣтены М. А. Хлудовымъ и находятся при его фабрикѣ. Минуту спустя раздались выстрѣлы и изъ цитадели. У перевоза, на противоположномъ берегу Сыръ-Дарьи, видѣлась большая масса народа покрывавшаго весь берегъ, всѣ возвышенныя мѣста, стѣны, крыши и т. п. Многіе туземцы, особливо молодежь, желая быть впереди всѣхъ, вошли въ рѣку и стояли въ водѣ

по колѣно. Почетные жители, въ жалованныхъ халатахъ, и аксакалы города ожидали генераль-губернатора съ хлѣбомъ-солью, сартовскими лепешками, изюмомъ, мундалемъ, фисташками и т. п. Торжественность и парадная обстановка прѣзидента главнаго начальника края очевидно производили сильное впечатлѣніе на туземцевъ, которые, дѣйствительно, привыкли во всякой власти видѣть или блескъ и величіе, или же грубую матеріальную силу, имѣющую полную возможность угнетать и поработать безответный народъ. Надо было видѣть съ какимъ жаднымъ любопытствомъ слѣдила толпа за каждымъ движеніемъ, вслушивалась въ каждое слово генераль-губернатора. Генераль-губернаторъ выслушалъ краткую привѣтственную рѣчь казы-кеяна, ласково поздоровался съ почтеннымъ и уважаемымъ всѣми старикомъ, мурлою Назаромъ (младшій помощникъ уѣзднаго начальника), принялъ хлѣбъ-соль. Въ немногихъ словахъ съ которыми обращался онъ къ представителямъ народа, благодаря ихъ за службу, не было ничего зауценнаго, заранѣе приуроченнаго къ ожидаемымъ обстоятельствомъ встрѣчи. Но каждое слово его вѣрно осталось въ памяти тѣхъ къ кому генераль-губернаторъ обращался со своимъ привѣтомъ. Генераль-губернаторъ спрашивалъ жителей Ходжента о ихъ хозяйствѣ, занятіяхъ, осведомился не обижаютъ ли ихъ кто-нибудь, говорилъ чтобы народъ безусловно повиновался начальникамъ, которые поставлены самимъ государемъ и стало-быть выполняютъ волю и требованія Блага Царя.

Въ тотъ же день генераль-губернаторъ осмотрѣлъ русскую часть города и посѣтилъ весьма замѣчательную выставку, устроенную начальникомъ Ходжентскаго уѣзда, полковникомъ Кушакевичемъ. Въ просторной, большой комнатѣ и подъ навѣсомъ, въ саду, расположены были въ систематическомъ порядкѣ образцы различныхъ произведеній Ходжентскаго уѣзда, предметы домашняго обихода туземцевъ, утварь, золотыя и серебряныя украшенія и пр. Генераль-губернаторъ весьма подробно осмотрѣлъ выставленные образцы, спрашивалъ экспонентовъ-Сартовъ объ успѣхѣ первыхъ попытокъ разведенія американскаго хлопка въ Ходжентскомъ уѣздѣ, о несложныхъ техническихъ приемахъ употребляемыхъ туземцами при сортировкѣ и очисткѣ хлопка и при размоткѣ шелковыхъ коконовъ; совѣтовалъ имъ обратитъ

на этотъ предметъ особое вниманіе. Изъ числа выставлен-ныхъ тканей особенно хороши были образцы канауса и дру-гихъ шелковыхъ тканей. Затѣмъ слѣдовали бумажныя дешевыя матеріи, въ большомъ количествѣ распространенныя между туземнымъ населеніемъ. Вышивка шелками и золо-томъ по сукну, въ азіатскомъ вкусѣ, замѣчательны были изящствомъ и чистотой отдѣлки, и увѣданный начальникъ просилъ генералъ-губернатора наградить чѣмъ-нибудь мастера этихъ издѣлій, честнаго и трудолюбиваго, но весьма недоста-точнаго Сарта. Между прочимъ обратила на себя вниманіе фа-ясовыя издѣлія туземца Магометъ-Шукура, который въ по-слѣднее время достигъ весьма замѣчательной чистоты въ от-дѣлкѣ и видимо старается подражать европейскимъ образ-цамъ. На выставкѣ находилось довольно много издѣлій фа-брики Магометъ-Шукура, начиная отъ небольшихъ пузырь-ковъ, замѣняющихъ для туземцевъ табакерки, и блюдецкъ до большихъ сосудовъ въ формѣ китайскихъ вазъ.

Было бы затруднительно да и невозможно исчислять всѣ замѣчательныя предметы находившіеся на выставкѣ. Ихъ можно будетъ видѣть на всероссійской выставкѣ, которая устраивается въ Петербургѣ, въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года. Упомянемъ только о гипсовыхъ издѣліяхъ въ видѣ рѣшетокъ, весьма своеобразнаго рисунка. Такія рѣшетки въ восточномъ вкусѣ можно видѣть въ мечетяхъ, медресе, домахъ богатыхъ мусульманъ и т. п. Упомянемъ также о чрезвычайно изящной колонкѣ съ капителью, украшенной расписными арабесками. Эти арабески весьма похожи на тѣ граціозныя и со вкусомъ исполненныя украшенія которыми можно любоваться еще и понынѣ въ Самаркандѣ, сохранившемъ слѣды прежняго величія и красоты которыми нѣкогда славился городъ Ти-мура. Въ отдѣлѣ красильныхъ веществъ можно было видѣть образцы туземнаго индиго, марены, чернильныхъ орѣшковъ добываемыхъ съ листьевъ фисташковаго дерева (бужгунъ) и доставляющихъ сильное дубильное вещество, ривачъ—дубильный корень, различныя лѣкарственныя вещества и при-правы, ремень, мыль-тамыръ (корень папоротниковаго ра-стенія, употребляемаго туземцами въ настоѣ какъ средство для возбужденія аппетита) и пр. Генералъ-губернаторъ съ любопытствомъ разсматривалъ также сахаристую манну (шакаръ) собираемую съ листьевъ растенія *Alhagi campe-
gum*—верблюжьей травы. Эта манна употребляется туземцами

во все сиропы; ею же обсахариваютъ фишашки, миндаль и т. п. Наконецъ, на выставкѣ можно было видѣть также нѣсколько окаменѣлостей изъ горъ Моголь-тау и образцы археологическихъ находокъ, весьма нервѣдкихъ въ Ходжентѣ: тутъ были между прочимъ древнія монеты разныхъ эпохъ, небольшіе глянцанные сосуды въ формѣ слезницъ, съ подуизгладившимися рельефными изображеніями и т. п.

Чтобы съ своей стороны поощрить экспонентовъ-туземцевъ доставившихъ свои произведенія на выставку, генералъ-губернаторъ приказалъ комиссіи, составленной изъ самихъ экспонентовъ и изъ нѣсколькихъ лицъ по назначенію генералъ-губернатора, обсудить сообща качества выставленныхъ произведеній и затѣмъ распределить все предметы находящіяся на выставкѣ въ общемъ списокѣ по степени ихъ полезности. Пяти экспонентамъ были выданы отъ генералъ-губернатора награды, а именно: за шелковыя ткани, за размотку шелка, бумажныя ткани, глиняныя издѣлія и за выдѣлку кожъ. Нѣскольکو экспонентовъ получили похвальные листы, а все остальные — свидѣтельства удостоверяющія о хорошихъ качествахъ ихъ произведеній, засвидѣствованныхъ комиссіей.

На слѣдующій день генералъ-губернаторъ подробно осмотрѣлъ фабрику М. А. Хлудова, на которой производится размотка шелка въ весьма значительномъ количествѣ. Фабрика устроена съ 1867 года и первоначально въ ней работало только шесть мальчиковъ. Туземцы недоброжелательно относились къ предпріятію г. Хлудова и сначала боялись отдавать на фабрику своихъ дѣтей. Только мало-по-малу недоброжелательство исчезло, когда сами отцы убѣдились что лица завѣдующія фабрикой обращаются съ учениками кротко и ласково, хорошо кормятъ ихъ, исправно выдаютъ заработную плату. Въ настоящее время на фабрикѣ работаютъ уже 80 мальчиковъ, такъ что фабрика можетъ размотать шелку на 40 машинахъ до 160 пудовъ въ годъ. По отзыву г. Хлудова, мальчики изъ туземцевъ работаютъ весьма усердно и исправно. Чтобы поощрить мальчиковъ, размотчиковъ шелка, пятерымъ изъ нихъ, работающимъ на фабрикѣ съ самаго ея основанія, генералъ-губернаторъ выдалъ подарки: серебряныя стаканчики и по 3 р. каждому. Конечно, радости мальчугановъ получившихъ такую щедрую награду не было конца! Чтобы чѣмъ-нибудь порадовать и остальныхъ своихъ

малолѣтнихъ рабочихъ, г. Хлудовъ устроилъ имъ въ этотъ день томашу—праздникъ, приказавъ наварить побольше пива, чаю, купить дынь и т. п.

Фабрика Хлудова занимаетъ восточную окраину бывшей крѣпостной стѣны; еще помнятъ видны возлѣ зданія фабрики остатки уломаннаго бастиона, который защищался упорнѣе прочихъ, такъ что солдаты прозвали его злымъ бастиономъ. На томъ мѣстѣ гдѣ теперь построена фабрика М. А. Хлудова, штурмовала крѣпостную стѣну колонна полковника Михайловскаго, и много крови пролито было здѣсь въ памятный день ходжентскаго штурма. Теперь на мѣстѣ орошенномъ, въ маѣ 1866 года, кровью развивается мирная дѣятельность, которая лучше всего приурочить Россіи этотъ богатый край.

Замѣчательно, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: въ день въѣзда въ Ходжентъ генералъ-губернатора, салютную пальбу изъ орудій принадлежащихъ М. А. Хлудову производилъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ защитниковъ „злаго бастиона“, братъ Якубъ-бека, высшаго владѣльца Кашгарскаго.

Ходжентъ, со своими садами, со своею высокою цитаделью на курганѣ, очевидно искусственною, производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. По преданію сохранявшемуся въ народѣ, какой-то ханъ, отправляясь въ походъ, хотѣлъ осмотрѣть свои войска, и чтобы можно было объять взглядомъ какъ можно большее пространство, приказавъ насыпать высокій холмъ. Достоверно ли это преданіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ холмъ, на которомъ построена ходжентская цитадель, искусственный. Сады выемки земли весьма явственны отъ подошвы холма къ базару. Впрочемъ, преданіе о насыпкѣ ханами искусственныхъ кургановъ весьма распространенное въ Средней Азіи. Въ горахъ Кара-тау, близъ Туркестана, также находится курганъ или холмъ, происхождение котораго приписывается Тамерлану. По преданію, великій завоеватель приказавъ своимъ воинамъ принести по горсти земли, чтобы по высотѣ кургана судить о многочисленности своего войска.

Ходжентъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Средней Азіи, и туземцы приписываютъ ему даже библейскую древность; по ихъ преданію, Ходжентъ основанъ Ходжендою, дочерью Адама. Выгодное стратегическое положеніе Ходжента въ

лощинѣ горъ, при изгнѣ многоводной рѣки, издавна обращало на него вниманіе всѣхъ завоевателей. Здѣсь еще сохранилось въ народной памяти преданіе о походѣ Александра Македонскаго, и есть основаніе предполагать что Ходжентъ и есть именно тотъ городъ до котораго доходилъ великій завоеватель въ своемъ побѣдоносномъ походѣ изъ богатой Бактріаны. По крайней мѣрѣ положеніе древняго Александрихата, заселеннаго войсками Александра Македонскаго, вполне соответствуетъ положенію Ходжента, хотя не лишена вѣроятія и другая догадка что мѣсто, гдѣ Александръ вѣдвигнулъ жертвенники Геркулесу, Бахусу, Сиріусу, Семирамидѣ и Александру, находилось гораздо далѣе на востокъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Боканскаго ханства, гдѣ донынѣ находятся развалины какихъ-то колоннъ, по догадкамъ, греческаго происхожденія.

Въ этнографическомъ отношеніи Ходжентъ замѣчательнъ какъ центръ таджикскаго населенія. Осѣдлые жители Средней Азіи обыкновенно называются Сартами; но это наименованіе не есть собственное имя народа, подобно тому какъ нѣтъ народа который бы самъ себя называлъ. Киргизами. Названіе Сартъ почти совершенно неизвѣстно за Сыръ-Дарьей; это имя привезли сюда Русскіе, называя безразлично Сартами всѣхъ: и Узбековъ, и Таджиковъ, и Кипчакъ, если только они живутъ осѣдло. Житель Ходжента на вопросъ „кто вы?“ гордо отвѣчаетъ: „я Таджикъ“. Названіе же города *Ходжентъ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть искаженное *Ходжакентъ*, то-есть городъ ходжей, и утвердилось уже въ послѣдствіи, когда, по распространенію мусульманства въ Средней Азіи, многіе изъ сѣвѣнннхъ жителей Ходжента, желая выказать себя ревностными мусульманами, назвали ходжами. Все это, конечно, одна гипотеза, не основанная на чемъ кромѣ весьма близкаго созвучія имени: Ходжентъ и Ходжакентъ.

Окрестности Ходжента плодородны и хорошо обработаны. Сады, наполненные тутовыми деревьями и виноградомъ, сѣняются полями засѣянными рисомъ, пшеницею и кукурузой. Только версты за 15 или 20 отъ города начинается голая степь, возвышенная невысокими грядками. Населеніе здѣсь довольно малочисленно, и это происходитъ отъ недостатка воды въ Ходжентскомъ уѣздѣ, высоко лежащемъ надъ уровнемъ Сыръ-Дарьи. Во время проѣзда чрезъ Ходжентъ

генераль-губернатора, начальникъ уѣзда, полковникъ Кухачевичъ, представилъ предположеніе о проведеніи въ Ходжентской уѣздъ арыка изъ предѣловъ Коканскаго ханства.

Чѣмъ далѣе къ горамъ, тѣмъ бѣднѣе и малолюднѣе мѣстность, тѣмъ грустнѣе видъ обожженной солнцемъ желтоватой равнины, покрытой колючею верблюжьею травой. Не радуютъ глаза и грады горы которыя обрамляютъ теченіе Сыръ-Дарьи съ лѣвой стороны; эти горы высатся такому же безотраднымъ, желтоватымъ громадами, мрачными и безжизненными. На минуту измѣнилась мѣстность: показались группы тощихъ, запыленныхъ деревьевъ, заборы слѣпленные изъ ганы; это кшлакъ, огороженный отовсюду на случай неожиданныхъ разбойничьихъ нападений, какія еще нерѣдко случались въ недавнія времена. Вышли на дорогу и жители, и съ тупымъ любопытствомъ глядятъ на невиданный повзды нѣсколькихъ экипажей, козвощуемыхъ казаками.

Кшлакъ Нау съ его цитаделью пріютился въ долинахъ между невысокими грядами холмовъ.... Мимо! Опять потянулась безконечная равнина, холмы и мѣстами поля, глиняные заборы жалкихъ, заброшенныхъ деревушекъ, горы вдалекѣ, окутанныя сизою дымкой тумана.

Было уже темно, когда генераль-губернаторъ подѣхалъ къ Ура-Тюпе, старинной бухарской крѣпости, взятой штурмомъ въ 1866 году, 2го октября, генераль-адъютантомъ Крыжановскимъ. Каменистая, покрытая горнымъ щебнемъ и крайне неудобная для ѣзды дорога вела прямо къ подошвѣ крутой скалы, съ почти неприступными скалами. На вершинѣ скалы, со стѣнъ цитадели, мелькали огни салютационныхъ выстрѣловъ и блѣблись клубы синеватаго дыма. Вышу, подѣ горою, на берегахъ небольшого горнаго ручья разожжены были огни, вокругъ которыхъ тѣснились Сарты собравшіеся для встрѣчи.

Ура-Тюпе весьма старинный городъ, съ сильною цитаделью, которая командуетъ надъ всею окрестною мѣстностью. Впрочемъ, цитадель сильна не по своимъ оборонительнымъ средствамъ, а единственно по своему положенію на вершинѣ обрывистой скалы. Весьма красивъ видъ этой крѣпости, пріютившейся какъ орлиное гнѣздо; городъ виденъ отсюда весь, со своими садами, красивою мечетью, невзрачными, сѣрыми, глиняными постройками, и т. п. Картину обрамляетъ цѣпь высокихъ горъ, съ вершинами которыя въ октябрѣ,

во время проѣзда генераль-губернатора, были уже покрыты снѣгомъ. Въ этомъ хребтѣ Ура-Тюпинскихъ горъ (крайніе, сѣверные отроги высокаго хребта Камгаръ-Даванъ) особенно замѣтно выдаются вершины: Арху, Саркетъ и трехглавый Алтынъ-Бишикъ, высочайшій изъ трехъ поименованныхъ пиковъ. На западъ тянутся пологіе холмы, по которымъ змѣйкою виднѣется дорога въ Джизакъ или Дизакъ, другую бухарскую крѣпость, павшую подъ русскими штыками 18го октября 1866 года, черезъ шестнадцать дней по взятіи Ура-Тюпе.

Мы уже говорили что Ура-Тюпе былъ издавна значительнымъ населеннымъ мѣстомъ на большой дорогѣ изъ Бухары въ Коканъ и Ташкентъ, и еще далѣе, въ предѣлы Небесной Имперіи и Китайскаго Туркестана. Самое названіе города Ура-Тюпе старинное, и значеніе его нынѣ совершенно утрачено. Нѣкоторые полагаютъ что первая половина названія, слово *Ура*, происходитъ отъ разбойничьяго клика *ури*, и указываютъ на развалины Шегри-тоуна, донныя еще замѣтные въ горахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, какъ на остатки этого разбойничьяго гнѣзда. Но такое толкованіе не выдерживаетъ критики. Разбойничьихъ кшаковъ, промышлявшихъ почти исключительно грабежомъ и разбоями, было весьма много въ Средней Азіи. Стоитъ только вспомнить запустѣлые кшаки на противоположномъ отъ Ходжента берегу Сыръ-Дарьи, оставленные жителями вслѣдствіе частыхъ нападений Кураминцевъ и другихъ безпокойныхъ сосѣдей. Но ни одинъ городъ, ни одно селеніе въ Курамѣ или въ окрестностяхъ Ходжента не было названо воинскимъ кликомъ опасныхъ грабителей. Также мало вѣроятно чтобы въ названіи города слово *ура* происходило отъ слова *оръ* (оса), и что Ура-Тюпе означаетъ *гора оса*. Вѣроятнѣе предположеніе полковника Кушакевича что Ура-Тюпе складуетъ произносить правильнѣе: Ойра-Тюпе то-есть горы и логи или долины, * такъ какъ городъ Ура-Тюпе стоитъ на весьма пересѣченной мѣстности, гдѣ дѣйствительно горы постоянно перемежаются съ долинами или логами.

Ура-Тюпе, или, если хотите, Ойра-Тюпе, славится своими мѣхами, и на ходжентской выставкѣ посѣтителю имѣли случай любоваться превосходно выдѣланными кунными шкур-

* Ойра—долина; тюпе—гора.

ками, овчинами, мерлушками, волчьими мѣхами окрашенными красною краскою (мѣстный вкусъ), и т. п.

Генераль-губернаторъ подробно осмотрѣлъ цитадель, — ея стѣны и бастіоны, казармы солдатъ, провіантскій складъ помѣщающійся въ бывшей бекской мечети, и пр. Прекрасно устроенный госпиталь помѣщенъ въ бывшемъ бекскомъ дворцѣ, и нѣкоторые изъ госпитальныхъ покоевъ сохранили еще слѣды изящныхъ украшеній дворца: расписные потолки, стѣны со стрѣльчатыми нишами, деревянныя, рѣзныя колонки, двери украшенныя довольно искусною рѣзбой. На госпитальномъ дворѣ, бывшемъ приемномъ дворѣ бека, сохранились стѣны съ изразцовою мозаикой, въ азиатскомъ вкусѣ. Гдѣ прежде былъ гаремъ, тамъ теперь устроено помѣщеніе для баталіоннаго командира и для офицеровъ.

Въ Ура-Тюпинской цитадели особенно заслуживаетъ вниманія церковь передѣланная изъ бывшихъ Коканскихъ воротъ, построенныхъ извѣстнымъ Малъ-ханомъ. Небольшая, чрезвычайно уютная, и отдѣланная внутри съ большимъ изяществомъ, въ совершенно восточномъ стилѣ, — церковь эта невольно обращаетъ вниманіе каждаго кто взглянетъ на скалу увѣчанную Ура-Тюпинскою цитаделью. Церковь видна отовсюду и рѣзко отдѣляется своими бѣлыми стѣнами отъ темно-желтоватаго общаго фона скалы. Лучшаго назначенія нельзя было и придумать для оригинальной, изящной постройки Коканскихъ воротъ. Нѣсколько ниже церкви, на скатѣ горы, водруженъ крестъ обнесенный рѣшеткой: здѣсь погребены офицеры, убитые въ день штурма Ура-Тюпе: капитанъ Плецъ, поручикъ Плѣшковъ и подпоручикъ Кончицъ.

И въ Ура-Тюпе, какъ и повсюду, на всемъ пути по которому проѣзжалъ генераль-губернаторъ, жители-туземцы до вѣрчиво обращались къ нему со своими просьбами и жалобами, выносили хлѣбъ-соль, видимо радуясь когда главный начальникъ края, взявъ нѣсколько ягодъ винограда, или отломивъ кусокъ лепешки, благодарилъ за радушную встрѣчу и за хлѣбъ-соль. Въ толпѣ не было видно ни одного робкаго, запуганнаго лица. Видя ласковость и доступность генераль-губернатора, нѣкоторые изъ ура-тюпинскихъ жителей пользующіеся правомъ *милька*, жаловались что съ нихъ незаконно взяты были, кромѣ милькъ-ана, также и другія подати. Для объясненія этого должно замѣтить что въ Турке-

станскомъ краѣ существуетъ особый родъ землевладѣнія: *милькъ*, приче́мъ пользующіеся милъкомъ не платятъ ни *хераджъ*, ни *танапа*, * а только одну подать *милькъ-ана*, то есть деньги за арыкъ, или ирригаціонную канаву, проведенную на его землѣ. Право милъка даровано было многими туземцамъ прежними ханами и эмирами, приче́мъ выдавались на то и особыя грамоты. Но въ настоящее время нѣкоторые изъ туземцевъ пользуются правомъ милъка незаконно, по подложнымъ грамотамъ, такъ что для разбора и повѣрки правъ на владѣніе милъкомъ генераль-губернаторъ призналъ необходимымъ составить въ Ташкентѣ особую комиссію, а до того времени взимать со всѣхъ землевладѣльцевъ въ Туркестанѣ общія установленныя подати. На это распоряженіе и жаловались милъки въ Ура-Тюпе. Генераль-губернаторъ разъяснилъ имъ что всѣ ихъ права будутъ сохранены ненарушимо, и если окажется что съ нихъ неправильно былъ взятъ хераджъ и танапъ, то излишне взятые деньги будутъ немедленно возвращены. Но до окончанія разбора милъковыхъ грамотъ всѣ милъки должны платить подать наравнѣ съ остальными туземцами. „Русскіе не желаютъ нарушать ничьихъ правъ“, говорилъ генераль-губернаторъ. „Государь не требуетъ съ народа ничего лишняго, и его законы ни въ чемъ не противорѣчатъ шаригату. Государь требуетъ чтобы каждый занимался своимъ дѣломъ, не мѣшая и другимъ работать и вести свои дѣла, желаетъ чтобы народъ богатѣлъ, и строго наказываетъ всѣхъ зачинщиковъ безпорядковъ, всѣхъ лихоимцевъ и обидчиковъ. До меня дошли слухи что нѣкоторые изъ старшинъ пользуются своею властью чтобы притѣснять народъ, берутъ съ него лишнее. Я прикажу строго разслѣдовать, достовѣрны ли эти слухи, и если окажется что кто-нибудь изъ старшинъ или изъ аксакаловъ не исполняетъ своей обязанности честно, по совѣсти, поступаетъ не по закону государеву и не по шаригату, а самовольно, притѣсняетъ бѣдныхъ и слабыхъ, беретъ съ народа лишнія подати въ свою пользу, — того я

* Размѣръ *хераджъ*— $\frac{1}{10}$ часть урожая. *Танапъ*—подать съ известнаго пространства земли; собственно танапомъ называется пространство земли въ 60 гёзовъ. Каждый гёзъ=7 кулакамъ и 1 большому пальцу, слѣдовательно почти равенъ 1 аршину. Танапъ взимается съ хлопка, винограда, фруктовъ, и т. п. Размѣръ танапа бываетъ различный, смотря по роду произведеній.

накажу, строго накажу, на страхъ и въ примѣръ другимъ. Теперь еще я не могу указать прямо: кто изъ васъ поступаетъ не по закону государеву, не исполняетъ своей обязанности какъ слѣдуетъ. У меня еще нѣтъ на то полныхъ доказательствъ; а на однихъ слухахъ основываться нельзя. Тогда не будетъ никакой справедливости, и каждый можетъ быть обиженъ по навѣтамъ враговъ или злыхъ людей. Но я прикажу удостовѣриться: справедливо ли то что мнѣ говорили о поступкахъ нѣкоторыхъ старшинъ, тогда уже взыщу съ нихъ по винѣ.“ Эти слова генераль-губернатора переводчикъ нарочно передавалъ какъ можно громче, чтобы весь толпившійся народъ могъ слышать ихъ.

Съ большимъ любопытствомъ присутствовала затѣмъ толпа народа при раздачѣ служащимъ лицамъ изъ туземцевъ наградъ: медалей и жалованныхъ халатовъ. Генераль-губернаторъ надѣвалъ медали и раздавалъ халаты со словами: „именемъ Государя Императора награждаю тебя, прошу носить на груди изображеніе Государя Императора, который желаетъ добра своему народу и всегда щедро награждаетъ заслуги.“

Уже генераль-губернаторъ, раздавъ всѣ награды и простясь съ народомъ, готовился сѣсть въ свой экипажъ, когда къ нему подошли нѣсколько Индусовъ съ большимъ блюдомъ винограда; они случайно запоздали и не были на общихъ проводахъ генераль-губернатора, и теперь спѣшили кратчайшею дорогою, по скату довольно крутой горы, къ тому мѣсту, гдѣ былъ поданъ экипажъ генераль-губернатора. Приношеніе ихъ было, конечно, ласково принято начальникомъ края.

Путь отъ Ура-Тюпе къ Джизаку пролегаетъ по мѣстности каменистой и малоплодородной. Справа тянулись гряды Ура-Тюпинскихъ горъ, — понизившіеся отроги сѣвѣгого Тянь-Шаня; горные ручьи непрерывно пересѣкали дорогу. Вся эта мѣстность, нѣкогда богатая и населенная, теперь представляла грустный видъ безлюдья и запущенія. Глиняныя стѣны кшлаковъ мѣстами уже обвалились. Главнѣйшею причиною запустѣнія этого края были частые и губительные беспорядки. Вся мѣстность отъ Ура-Тюпе до Джизака и далѣе, къ Яны-Кургану, лежитъ на большомъ пути между Коканомъ и Бухарой, почти постоянно враждовавшими между собою. А извѣстно что въ Средней Азійи жители совершенно

одинаково терпятъ какъ отъ своихъ, такъ и отъ непріятельскихъ войскъ. Легко себѣ представить какому разгрому подвергались жители кшлаковъ между Яны-Курганомъ, Джизакомъ и Ура-Тюпе, особливо когда въ войскахъ эмира находился кочевые Туркмены, видящіе въ походѣ своего владетеля одно только средство произвести баранту въ отдаленной мѣстности и въ обширныхъ размѣрахъ. Только съ приходомъ Русскихъ край началъ понемногу оживляться; кшлаки понемногу восстанавливаются, начинаются запашки въ мѣстахъ уже успѣвшихъ зарости колючкой и другими степными травами, расчищаются давно заброшенные армы. Конечно, все это болѣе всего замѣтно вблизи большихъ городовъ.

Зааминъ, небольшая крѣпостца, оставленная Бухарцами безъ выстрѣла во время движенія русскихъ войскъ къ Джизаку въ 1866 году,—служила для генераль-губернатора перепутьемъ на пути изъ Ура-Тюпе въ Джизакъ. Цитадель Заamina приютилась, по азіатскому обычаю, на вершинѣ довольно крутаго холма. Теперь значеніе Заamina и подавно утратилось, такъ что крѣпостца служитъ только промежуточнымъ пунктомъ между двумя болѣе значительными укрѣпленіями: Ура-Тюпе и Джизакомъ.

Джизакъ вторая крѣпость взятая штурмомъ въ 1866 году генераль-адъютантомъ Крыжановскимъ, черезъ шестнадцать дней по взятіи Ура-Тюпе (18го октября). И понынѣ видны проломы въ глиняной стѣнѣ города, слѣды ядеръ остались весьма явственными, и никому изъ туземцевъ не приходитъ на мысль исправить ихъ. Бѣдно и какъ-то неряшливо смотритъ довольно обширный городъ, немногимъ только отличающийся отъ всѣхъ другихъ среднеазіатскихъ городовъ. Жители здѣсь угрюмые, некрасивые, болѣзненныя съ виду. Лихорадка, решта (волосатикъ) и недостатокъ воды упрочили за Джизакомъ весьма недобрую славу. Увеличеніе количества чистой, проточной воды проведеніемъ нѣсколькихъ арыковъ составляетъ въ особенности жизненный вопросъ для Джизака. Аксакалы города, встрѣтившіе генераль-губернатора при его въѣздѣ, просили между прочимъ чтобы къ нимъ была проведена вода изъ Заревшана, безъ чего, по ихъ словамъ, крайне страдаютъ ихъ посѣвы. Генераль-губернаторъ обѣщалъ разсмотрѣть и обсудить ихъ просьбу и, по приѣздѣ въ Самаркандъ, дѣйствительно поручилъ капитану Богаевскому

ислѣдовать возможно ли отвести къ Джизаку часть воды изъ Заревшана, безъ вреда для обширнаго и густо заселеннаго Заревшанскаго округа.

Къ юго-западу отъ Джизака, при подошвѣ невысокой глиняно-сланцевой горы, расположенъ русскій поселокъ съ церковью, и строится довольно обширное полевое укрѣпленіе. Мѣсто для поселка и для укрѣпленія выбрано весьма удачно, на ключахъ доставляющихъ свѣжую, проточную воду. Оттого въ „ключевомъ укрѣпленіи“ (такъ названъ новый русскій поселокъ при Джизакѣ) и неизвѣстна решта, болѣзнь происходящая отъ испорченной воды и которою страдаютъ весьма многіе изъ туземцевъ въ Джизакѣ. *

Въ Джизакѣ генераль-губернаторъ раздавалъ жалованные халаты только туркменскимъ старшинамъ, которые пріѣхали издалека и въ тотъ же день должны были отправиться обратно въ свои аулы. Остальнымъ онъ обѣщаль раздать награды по возвращеніи изъ Самарканда, что и было имъ исполнено на обратномъ пути.

Джизакъ замыкаетъ ущелье Джиланъ-ута, которое служило мѣстомъ битвъ для многихъ народовъ и видѣло войска многихъ завоевателей, начиная отъ Александра Македонскаго до Тамерлана. Здѣсь, неподалеку отъ Джизака, на крутой, высокой скалѣ глинистаго сланца, саженьяхъ въ десяти отъ земли, иссѣчена надпись которая говоритъ что Улугъ-бекъ, одинъ изъ Тимуридовъ, съ незначительнымъ отрядомъ разбилъ и разсѣялъ соединенныя силы окрестныхъ народовъ.

Ущелье Джиланъ-ута, какъ и протекающая по немъ быстрая, горная рѣчка того же имени, вполне оправдываетъ свое названіе (*джиланъ* значить *змея*). Рѣчка извивается прихотливо, слѣдуя вѣсьмъ изгибамъ ущелья, которое то обрамляется скалами сланца, съ разорванными и обрушившимися, вслѣдствіе вывѣтриванія, скатами, то пролегаетъ между довольно пологими невысокими холмами, поросшими колючею верблюжьей травой. Дорога въ ущельѣ

* Решта или рште (*filaria medinensis*) большею частію зарождается въ жаркое время года. Сначала ощущается зудъ въ которой либо части тѣла, потомъ образуется нарывъ, изъ котораго и выходитъ подкожный червь, иногда длиною до одного аршина. Отъ решты чаще всего избавляются вскрываніемъ зудящаго мѣста.

пролегаетъ во многихъ мѣстахъ по довольно узкому и обрывистому карнизу, внизу котораго змѣнится рѣчка Джиланъ. Въ общемъ, ущелье Джиланъ-ута не представляетъ мрачной, грандіозной картины, подобно многимъ ущельямъ или падамъ, похожимъ болѣе на трещины въ высокихъ горныхъ хребтахъ. Джиланъ-ута скорѣе горная долина, удобная даже для хлѣбопашества, которое съ успокоеніемъ края и начинается здѣсь развиваться довольно успѣшно. Въ прежнія времена здѣсь также обрабатывались поля, доказательствомъ чему могутъ служить слѣды арыковъ, еще сохранившихся во многихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ, по невысокому, около одной сажени, карнизу, у самаго подножія такъ-называемой Тамерлановой скалы, былъ нѣкогда проведенъ арыкъ, орошавшій ниже лежавшія поля. Въ виду недостатка воды, крайнѣ ощутительнаго для жителей Джизака и окрестныхъ кшлаковъ, генераль-губернаторъ обѣщаль выслать изъ Ташкента сѣмена такъ-называемаго сухаго риса, требующаго для своего роста весьма мало поливки. Разумѣется, такое обѣщаніе было принято жителями съ живою признательностію.

Укрѣпленный постъ Яны-Курганъ замыкаетъ съ другой, западной, стороны ущелье Джиланъ-ута. Отъ Яны-Кургана снова начинается ровная, почти степная мѣстность, только съ сѣверной стороны окаймленная отдаленнымъ хребтомъ горъ Нуратынъ-тау. На половинѣ разстоянія между Яны-Курганомъ и Самаркандомъ, при урочищѣ Ташъ-Купрюкъ (каменный мостъ), построено небольшое укрѣпленіе, на два орудія, представляющее типъ хорошо обдуманнаго и весьма удачно расположеннаго горнаго укрѣпленія. Во время похода генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана къ Самарканду, въ концѣ апрѣля 1868 года, на Ташъ-Купрюкъ былъ расположенъ небольшой непріятельскій отрядъ, отступившій безъ выстрѣла, а до начала военныхъ дѣйствій постоянно находился пикетъ для сбора пошайны съ проходящихъ каравановъ. Теперь, какъ мы уже сказали выше, на этой весьма пересѣченной мѣстности расположена крѣпостца Ташъ-Купрюкъ, которая хорошо обстрѣливаетъ всѣ ближніе подступы и высоты. Чрезвычайно удачно расположенъ рavelинъ, прикрывающій вѣсть съ тѣмъ колодезь съ хорошею прѣсною водою. Генераль-губернаторъ подробно осмотрѣлъ это только что оконченное укрѣпленіе и, какъ инженеръ, сдѣлалъ

нѣсколько замѣчаній относительно расположенія частей укрѣпленія, устройства обороны и пр. Такъ, между прочимъ, онъ указалъ на необходимость замѣнить закрытую оборону изъ бойницъ открытою стрѣльбой съ банкета, а если можно, то соединить и оба рода обороны, устройствомъ надъ бойницами приступка для ружейной стрѣльбы.

Чѣмъ ближе къ Самарканду, тѣмъ, конечно, оживленнѣе мѣстность, превращающаяся наконецъ почти въ сплошной рядъ садовъ и пашень. Подгородные клѣпки все ближе и тѣснѣе жмутся другъ къ другу, такъ что дорога, пролегающая между сплошнымъ рядомъ садовъ, почти нечувствительно приводитъ въ самый Самаркандъ, историческій, замѣчательный городъ.

У небольшой, пологой гряды Чапанъ-ата (свѣтой пастухъ), на берегу быстрого Заревшана (Зеръ-Афшанъ—раздаватель золота), происходила торжественная встрѣча генераль-губернатора жителями Самарканда. Все наиболѣе достаточное население города, не занятое работой изъ-за насущнаго хлѣба, собралось сюда чтобы привѣтствовать главнаго начальника края. Множество народа, верхомъ, пѣшкомъ и на арбахъ, толпилось на обширной равнинѣ, покрытой галькою и во время половодья сплошь затопляемой Заревшаномъ. Особенное вниманіе обращалъ на себя казы Самарканда, пріѣхавшій для встрѣчи генераль-губернатора въ собственной коляскѣ. Саженахъ во ста отъ берега раскинута была богато убранная палатка съ накрытымъ столомъ, уставленнымъ русскими кушаньями и туземнымъ угощеніемъ: пилавомъ, жареною бараниной, виноградомъ, урюкомъ, фисташками и разными туземными лакомствами. Черезъ нѣсколько минутъ заиграла волынка (что-то въ родѣ грузинской зурны), начались танцы бачей—нарядно одѣтыхъ мальчиковъ. Здѣсь же, въ палаткѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Самарканда, представился генераль-губернатору посланникъ Абдурахманъ-хана, одного изъ претендентовъ на афганскій престолъ и соперника Ширъ-Али, поддерживаемаго Англичанами.

Отдохнувъ въ палаткѣ, генераль-губернаторъ, сопровождаемый всею толпою народа, отправился далѣе, въ Самаркандъ. Чтобы проѣхать въ цитадель, должно было миновать базарную площадь, кипѣвшую народомъ; здѣсь же были разставлены шпалерами войска, вплоть до самой цитадели, прославленной геройскою обороною нашего гарнизона въ юнѣ 1868 года.

Самаркандъ и нынѣ славится въ Средней Азіи своею красотой, множествомъ святынь, обширною торговлей и пр. Какъ видно, обаяніе прежней славы Самарканда далеко еще не утратилось, хотя въ настоящее время Самаркандъ не представляетъ и тѣни прежней красоты и величія. Только восточный житель можетъ назвать Самаркандъ „центромъ міра, земнымъ раемъ“ и т. п., и только Вамбери, въ качествѣ дервиша, могъ, при разговорѣ съ Бухарскимъ эмиромъ, выразиться что „въ очаровательномъ Самаркандѣ скорѣе хочется ходить на головѣ чѣмъ на ногахъ“. Видъ города издали, напримѣръ изъ цитадели или съ бухарской дороги, дѣйствительно весьма красивъ. Надъ массою глиняныхъ, сѣрыхъ домиковъ, грязныхъ и невзрачныхъ вблизи, стройно возвышаются изразцовые, цвѣтные куполы мечетей и медресе (высшихъ училищъ), легкіе минареты, густыя группы высокихъ деревьевъ. Но какъ все это бѣдно, полуразрушено, какъ жалки покажутся эти изящныя мечети и минареты, когда глазъ начнетъ вникать въ детальныя подробности. Самаркандъ—обширная могила прежняго блеска и величія. Эпоха Тимура миновала, и мало-по-малу начали падать и разрушаться памятники прошедшей славы и роскоши, все чѣмъ гордился Самаркандъ, что составляло одну изъ заботъ его грознаго эмира Тимуръ-ленга. Невѣжество жителей, нисколько не заботящихся о сохраненіи памятниковъ своей старины, быстро подвигаетъ впередъ дѣло разрушенія. Жалко глядѣть на эти глиняныя заплаты, которыми такъ безжалостно замурованы выбоины и трещины въ расписныхъ, изразцовыхъ стѣнахъ мечетей и минаретовъ. Только теперь, съ приходомъ Русскихъ, можно надѣяться что памятники старины будутъ сохранены насколько возможно. Какъ въ первое посѣщеніе, по занятіи Самарканда, такъ и въ нынѣшній свой пріѣздъ, генераль-губернаторъ посѣтилъ наиболѣе замѣчательныя мечети, и пожертвовалъ по 100 руб. на каждую, для поддержанія въ цѣлости этихъ памятниковъ старины. Осмотрѣвъ часовню надъ могилой Тимура, генераль-губернаторъ замѣтилъ что, несмотря на пожертвованіе сдѣланное имъ въ первый пріѣздъ, часовня нисколько не поправлена, и только самый оклепъ, гдѣ покоится прахъ великаго завоевателя, содержится нынѣ въ большей чистотѣ чѣмъ прежде. Замѣтивъ муллѣ Ногаю, главному лицу при мечети, что онъ плохо выполняетъ данное ему порученіе

исправить главнѣйшія поврежденія въ мечети и часовнѣ, генералъ-губернаторъ объявилъ что теперь онъ не будетъ уже болѣе довѣрять это мулламъ, а поручить генералу Абрамову самому произвести всѣ должныя поправки. Между прочимъ будетъ реставрирована весьма изящная рѣшетка окружающая саркофагъ Тимура—большой темнозеленый камень, съ извѣчною на немъ молитвою, которую нынѣшніе муллы, хранители своей святыни, не умѣютъ даже и прочесть.

Генералъ-губернаторъ особенно подробно осматривалъ медресе: Ширьдаръ, Тилля-кара и Улугъ-беги. Эти три мечети, окружающія базарную площадь, очень древни: медресе Улугъ-беги построена въ 1421 году, а медресе Ширьдаръ и Тилля-кара въ 1618 году. Еще древнѣе развалины медресе Ганимъ, построенной при Тимурѣ, въ 1404 году, и слѣдовательно существующей уже болѣе 450 лѣтъ. Есть преданіе что мечеть при этой медресе Тамерланъ построилъ на суммы собранныя въ Индіи съ Гебровъ. Въ самой цитадели сохранилась мечеть Чагаръ-дагумъ (четырнадцатаго святаго). Возлѣ этой мечети, на небольшомъ возвышеніи, видны двѣ могилы: доктора *Адигва* и джигита *Сеидъ-Ахрыма*, убитыхъ въ дѣлѣ при Кара-Тюпе, 27го мая 1868 года.

Обѣхавъ цитадель, генералъ-губернаторъ остановился у скромнаго, но весьма изящнаго надгробнаго памятника надъ могилою воиновъ павшихъ при славной оборонѣ Самаркандской цитадели; въ этой общей могилѣ погребены и убитые офицеры: Служенко, Ивановъ и Лепехинъ. Неподалеку отъ этого мѣста, у стѣны цитадели, похороненъ И. А. Хлудовъ.

Самаркандъ, по отзыву Ханькова, обширнѣе Бухары, хотя населеніе его и гораздо менѣе; городская стѣна, еще и нынѣ довольно хорошо сохранившаяся, съ ея бойницами и полукруглыми башнями, или *бурджали*, обнимаетъ площадь въ 2.300.000 квад. саж. Нѣтъ сомнѣнія что въ прежнія времена Самаркандъ былъ гораздо обширнѣе; это доказываютъ слѣды стѣны на довольно значительномъ разстояніи отъ нынѣшнихъ, и построеніе которыхъ приписывается Александру Македонскому. *Калаи Афросіабъ*—мѣстность покрытая грудой щебня и мусора—доказываетъ что и здѣсь нѣкогда красовался обширный городъ. Можетъ-быть, восточные историки и правы, приписывая Самарканду глубочайшую древность. По ихъ сказаніямъ, Самаркандъ построенъ Кей-Каусомъ,

сыномъ Кей-Кубада. Затѣмъ извѣстно что уже въ историческія времена, и именно во время похода Александра Македонскаго, существовалъ въ Средней Азійи городъ Мараканда, взятый Александромъ Македонскимъ въ 329 году до Р. Х. Съ тѣхъ поръ Самаркандъ видѣлъ подѣлъ отънами своими арміи почти всѣхъ завоевателей древности. Здѣсь побывали Македоняне, Арабы, Сельджуки, Персы, Татары Чингисхана и Тимура и др. Тринадцать династій поочередно властвовали въ немъ, и каждая считала Самаркандъ однимъ изъ лучшихъ своихъ приобрѣтеній. Но, какъ кажется, эпоха славы Самарканда уже прошла безвозвратно, и теперь Самаркандъ дряхлый старецъ, вяло и безпомощно доживающій свой долгій вѣкъ. Прошлогоднее возстаніе было, можетъ-быть, послѣднею вспышкой его жизни.

Въ наказаніе за измѣну и за вѣроломное нападеніе на цитадель, вся часть города ближайшая къ цитадели была выжжена и разрушена. Теперь эта часть Самарканда снова выстроилась, но уже не по-прежнему, не сплошною массой тѣснящихся сакель; по базару проведены широкія улицы, удобно обстрѣливаемые съ крѣпостныхъ бастіоновъ. Генералъ-губернаторъ ласково принялъ аксакаловъ города, когда они, послѣ пораженія Бухарцевъ 1го мая, добровольно отворили Русскимъ свои ворота; но онъ же, послѣ возвращенія изъ Каты-Кургана, освободивъ отъ осады цитадель, явился грознымъ карателемъ мятежа и измѣны. Въ нынѣшній прѣздъ генералъ-губернатора жители Самарканда вновь увидѣли въ немъ того же снисходительнаго начальника, терпѣливо и внимательно выслушивающаго просьбы и жалобы каждаго, готоваго помочь всѣмъ кто въ томъ нуждается, какимъ онъ былъ и въ первые дни по занятіи Самарканда 1го мая. Когда городскіе аксакалы, судьи, почетные купцы и другіе представители городского населенія были представлены генералъ-губернатору начальникомъ города, полковникомъ Строровымъ, генералъ-губернаторъ обратился къ нимъ со слѣдующими простыми и потому понятными для каждаго словами:

„Очень радъ что Богъ привелъ еще разъ увидѣться съ вами! Вотъ уже прошелъ годъ какъ Самаркандъ добровольно подчинился власти Великаго Государя. Въ продолженіе этого времени народъ успѣлъ убѣдиться что Государь желаетъ добра всѣмъ своимъ подданнымъ. Собственность каждаго

осталась неприкосновенною, каждый спокойно владѣть тѣмъ что Богъ ему послалъ. Торговля развивается и усиливается къ обогащенію народа; каждый молится такъ какъ его научили отцы; русскій законъ въ это дѣло не вмѣшивается. Христіанинъ, магометанинъ, Еврей, Индусъ—все молятся по своему. Молитесь и вы, и прежде всего молитесь за Великаго Государя, который всегда печется о благѣ народа. Всякая власть исходитъ отъ Бога, стало-быть и власть Государя исходитъ отъ самого Бога. Нашъ Великій Государь поставилъ надъ своимъ народомъ начальниковъ чтобъ они правили народомъ по Государевымъ законамъ, защищали обиженныхъ, наказывали преступниковъ, награждали людей достойныхъ. Начальники—довѣренные люди Царя. Слушайтесь и повинуйтесь имъ. Я надѣюсь что все вы исполните то обѣщаніе, которое вы дали мнѣ въ прошломъ году, здѣсь, на площади. Надѣюсь что все прошлое горе забыто, и что въ продолженіе этого года вы ясно увидѣли что Русскіе пришли къ вамъ не врагами, и что подъ защитой Государева закона каждый можетъ жить спокойно и счастливо. Господь правосудный посылаетъ иногда горе чтобъ испытать народъ, и Самаркандъ посѣтило горе, но оно миновалось и, я надѣюсь, не возвратится никогда.“

Затѣмъ генераль-губернаторъ обратился къ представителямъ разныхъ городовъ Заревшанскаго округа и каждому сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ и одобрительныхъ словъ. Онъ благодарилъ ихъ за честную и усердную службу, за то что они оправдали довѣріе начальства которое поставило ихъ надъ народомъ, говорилъ что каждый изъ нихъ долженъ защищать бѣдныхъ отъ произвола богатыхъ, исправно доставлять подать установленную Государевымъ закономъ, не брать съ народа ничего лишняго. „Государю лишняго не нужно, онъ требуетъ только чтобъ исполнено было въ точности все что установлено закономъ, и строго наказываетъ ослушниковъ Его закона. Казы, улемы, аксакалы, почтенные купцы, какъ самые вліятельные люди, должны изъяснять народу волю Великаго Государя. Передайте народу все что я говорилъ вамъ теперь. Я слышалъ о васъ много хорошаго, и еще разъ благодарю васъ за усердную службу.“

Обратясь къ купцамъ, генераль-губернаторъ сказалъ: „Я надѣюсь что торговля не терпитъ теперь никакого ущерба отъ беспорядковъ и неустройствъ, и что законъ Государя

оградилъ всѣхъ отъ всякаго произвола и насилія. Дай Богъ чтобъ это продолжалось и впредь!“ Выборные изъ Евреевъ также представлялись генералъ-губернатору, въ числѣ другихъ представителей городского населенія Самарканда, и также услышали нѣсколько ласковыхъ словъ. Генералъ-губернаторъ спросилъ: „не обижаютъ ли ихъ магометане?“ и получивъ отрицательный отвѣтъ, сказалъ: „я надѣюсь что этого уже болѣе никогда не будетъ. Въ земляхъ подвластныхъ Великому Государю каждый можетъ найти себѣ защиту и покровительство. Магометане должны тоже признать что всѣ люди равны предъ закономъ. Живите мирно и спокойно, занимайтесь каждый своимъ дѣломъ, а законъ Государевъ всегда защититъ васъ, въ случаѣ надобности. Благодарю всѣхъ самаркандскихъ жителей за радушный приемъ; я увѣренъ что онъ былъ сдѣланъ отъ души... Я еще не прощаюсь съ вами, мы скоро увидимся.“

И въ Самаркандѣ бѣлая часть служащихъ лицъ изъ туземцевъ получили награды: жалованные халаты и медали. Предъ раздачей наградъ генералъ-губернаторъ сказалъ вслухъ при всемъ народѣ: „Желаю бы я наградить всѣхъ васъ, но это возможно только одному Богу, я же награждаю только тѣхъ кто наиболѣе достоинъ того, по своимъ заслугамъ.“ Каждую награду генералъ-губернаторъ отдавалъ словами: „благодарю за службу! Именемъ Государя Императора награждаю тебя, и дай Богъ чтобы мнѣ еще много разъ пришлось награждать тебя.“ Получившимъ золотыя и серебряныя медали генералъ-губернаторъ говорилъ: „прошу носить на груди изображеніе Государя Императора, который искренно желаетъ добра своему народу“. Надо было видѣть радость и самодовольный видъ этихъ степенныхъ Азіятцевъ, когда раздача наградъ окончилась, и они остались одни, въ толпѣ народа, во множествѣ собравшагося у подъезда дома генералъ-губернатора. Вслѣдъ за раздачей наградъ было угощеніе народу и всѣмъ получившимъ награды: на террасѣ генералъ-губернаторскаго дома были поданы имъ: пивавъ, жареная баранина и чай.

Нездоровье заставило генералъ-губернатора отложить предполагавшуюся поѣздку въ Джамъ, Педжакентъ и Ургутъ, — города еще только недавно подчинившіеся русской власти. Генералъ-губернаторъ успѣлъ посѣтить только Каты-Курганъ и Пешамбе, города на передовой линіи, въ нѣсколькихъ

верстахъ отъ бухарской границы. Дорога отъ Самарканда до Каты-Кургана проходить по необыкновенно плодородной Мианкальской долины, или долины Заревшана. Эта мѣстность считалась лучшею, богатѣйшею и плодороднѣйшею во всемъ Бухарскомъ ханствѣ. Неудобства пути по Заревшанской долины, перерѣзанной арыками, заставили проложить въ Каты-Курганъ другой путь, нѣсколько южнѣе. И здѣсь дорога проходить почти между сплошнымъ рядомъ пашень и садовъ. Даже холмы за Бергамомъ, однимъ изъ рукавовъ Заревшана, весною засѣваются хлѣбомъ и даютъ обильную жатву. Здѣсь Мианкальская долина подходитъ весьма близко къ проложенному Русскими пути изъ Самарканда въ Каты-Курганъ; на всемъ остальномъ пространствѣ дороги эта плодородная долина, о которой съ такимъ восторгомъ отзывался Вамбери, виднѣется вправо, вдали, сплошною чащей своихъ садовъ и рощъ. Еще выше, надъ этою сплошною массой зелени, виднѣется гряда отдаленныхъ горъ: это Нуратынтау, окаймляющая съ сѣвера долину Заревшана.

Каты-Курганъ, небольшой и весьма невзрачный азіатскій городокъ, по свидѣтельству Вамбери, славится своими сапожными издѣліями; но въ дѣйствительности эти произведенія здѣсь весьма близки къ посредственности. Цитадель Каты-Кургана, оставленная бухарскими войсками при приближеніи нашего отряда въ послѣднюю кампанію, послѣ занятія Самарканда, въ настоящее время исправлена и приноровлена къ правильной, упорной оборонѣ. Она значительно командуетъ надъ городомъ и можетъ обстрѣлывать близлежащую мѣстность. Впереди Каты-Кургана, верстахъ въ пятнадцать, видны высоты, на которыхъ 2го іюня 1868 года была битва, подъ названіемъ „Зера-булакской“. Въ этой битвѣ уничтожены были регулярныя войска эмира, слѣдствіемъ чего было освобожденіе самаркандскаго гарнизона и миръ съ Бухарой, заключенный въ Самаркандѣ 23го іюня.

Также плодородна и обработана мѣстность между Каты-Курганомъ и Пешамбе; рукава Заревшана: Кара-Дарья, Акъ-Дарья и Нурпай разносятъ плодородіе по всей этой мѣстности, несмотря на явную солонцоватость ея почвы. Въ настоящее время предполагается перенести въ Пешамбе таможенную, для сбора зякета (подати) съ каравановъ проходящихъ изъ Бухары въ Самаркандъ и далѣе.

Обратный путь генераль-губернатора изъ Самарканда въ

Ташкентъ пролегалъ на Ташъ-Купрюкъ, Джизакъ и оттуда, такъ-называемою Голодною степью, къ Чиназу, вновь возникающему городку на правомъ берегу Сыръ-Дарьи. Степь между Чиназомъ и Джизакомъ совершенно безводна и покрыта только верблюжьею травой, толстоствольнымъ, высокимъ растеніемъ изъ рода *assa foetida*, да изрыта норами земляныхъ черепахъ, которыя встрѣчаются здѣсь въ несмѣтномъ множествѣ. Понятно что о поселеніяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Однакоже въ былыя времена нѣкоторыя части этой степи обрабатывались, что замѣтно по слѣдамъ арыковъ, нынѣ уже заглохшихъ. Кромѣ того, здѣсь когда-то проходила большая караванная дорога. Развалины караванъ-сараявъ, пристанищъ для проезжихъ, видны во многихъ мѣстахъ степи по дорогѣ изъ Джизака къ Чиназу. Видъ ихъ повсюду одинаковъ: это круглыя зданія (*муллаушки*, какъ ихъ здѣсь называютъ) изъ жженого кирпича, покрытые куполомъ, съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ. Снаружи куполъ невысоко отдѣляется отъ земли, такъ что окна въ немъ вровень съ землей; но внутри полъ въ постройкѣ очень углубленъ, такъ что зданіе изнутри оказывается очень высокимъ и пространнымъ. Въ каждой постройкѣ вырыты теперь колодцы, тщательно поддерживаемые. Почти на подорогѣ между Джизакомъ и Чиназомъ встрѣчаются развалины Мурза-Рабага, обширной постройки, предназначавшейся для той же цѣли: служить убѣжищемъ для проходящихъ каравановъ. Снаружи зданіе разрушилось и осыпалось, но внутри постройка сохранилась гораздо лучше. Въ настоящее время въ ней устраивается помѣщеніе для стоящей здѣсь казачьей команды и для почтовой станціи, такъ какъ съ 1го декабря минувшаго года открыто почтовое сообщеніе между Самаркандомъ и Ташкентомъ.

Верстахъ въ семи или восьми отъ Сыръ-Дарьи видъ степи совершенно измѣняется; жесткая, колючая трава смѣняется высокимъ камышомъ, кугою и чіемъ, съ его остроконечною, перистою верхушкой. Видно что вся эта мѣстность въ половодье заливадается водой. Мѣстами встрѣчаются плесы, заросшіе тирой и болотною травой. И самая мѣстность становится неровною, волнистою. Здѣсь, на этихъ поемныхъ мѣстахъ, опять нѣрѣдко встрѣчаются слѣды бывшихъ пашень, оставленныхъ, вѣроятно, во времена кровавыхъ смутъ, столь обыкновенныхъ въ Средней Азіи.

Вотъ и Чиназъ,—поселокъ, общающій современемъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, разростись въ людный русскій городокъ. Пока еще видъ голой равнины, на которой расположился Чиназъ, не производитъ на глазъ особенно пріятнаго впечатлѣнія. Но пройдетъ нѣсколько лѣтъ, улицы въ поселкѣ обсалятся деревьями, и Чиназъ измѣнитъ свой унылый видъ на болѣе оживленный и отрадный. Уже и теперь здѣсь жизнь складывается, или, по крайней мѣрѣ, пытается сложиться на европейскій образецъ, хотя, конечно, попытка эта на первыхъ порахъ представляетъ только робкіе шаги начинающаго ходить ребенка.

Въ Чиназѣ, на берегу Сыръ-Дарьи, строится довольно обширное укрѣпленіе, полевой профили, для обороны нововозникающаго городка на случай какихъ-либо непріязненныхъ покушеній.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чиназа лежитъ Старый Чиназъ, съ заброшенною крѣпостцю, весь утонувшій въ садахъ, Старый Ташкентъ и большое село Зингаты, также съ богатыми садами. Дорога отъ Чиназа до Ташкента весьма людна и оживлена, хотя, впрочемъ, и не можетъ похвалиться своимъ благоустройствомъ. Къ концу лѣта пыль, составляющая здѣсь пятую стихію, гораздо болѣе затрудняетъ сообщеніе чѣмъ, напримѣръ, безводіе Джизакской степи, о которой издавна идетъ такая дурная молва.

Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ пѣздки въ Заревшанскій округъ какъ генераль-губернаторомъ, такъ и воими сопровождавшими его, было то что край видимо поправляется послѣ минувшихъ невзгодъ и беспорядковъ. Благополучіе жителей увеличивается; чистенькіе базары въ городкахъ и кшлакахъ; запашки въ ущельѣ Джиланъ-ута, работы по обводненію Джизака, колодцы вырытые въ Чиназской степи, много новыхъ караванъ-сараявъ строящихся по дорогѣ между Ташкентомъ и Чиназомъ, все это доказываетъ что смутныя времена, когда каждый долженъ былъ ежеминутно опасаться за свою жизнь и достояніе, прошли безвозвратно. Жители не смотрятъ уже на Русскихъ какъ на чуждыхъ имъ пришельцевъ, не опасаются найти въ нихъ новыхъ угнетателей и, незамѣтно, день ото дня, все тѣснѣе сближаются съ русскимъ населеніемъ Туркестанскаго края.

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ. БЕСѢДКА.

ГЛАВА VII.

Догазъ.

Арнольдъ первый прервалъ молчаніе.

— Опасно болѣнь вашъ отецъ? спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта, Джофри подалъ ему карточку.

Сэръ-Патрикъ, который стоялъ въ сторонѣ, пока дѣло шло о болѣзни Раткачера, и насмѣшливо изучалъ нравы и обычаи современной англійской молодежи, теперь выступилъ впередъ и принялъ участіе въ разговорѣ. Сама леди Лунди, вѣроятно, согласилась бы что въ этотъ разъ онъ дѣйствовалъ и говорилъ какъ подобаетъ главѣ семейства.

— Не ошибаюсь я предполагая что отецъ мистера Деламена болѣнь опасно? спросилъ онъ, обращаясь къ Арнольду.

— Онъ опасно болѣнь, въ Лондонѣ, отвѣчалъ Арнольдъ.

— Вы, кажется, говорили мнѣ что леди Лунди хочетъ отправить васъ на станцію въ кабриолетѣ?

— Да.

— Если поѣдетъ слуга, васъ будетъ трое. Вы не усидеться.

— Не попросить ли намъ какой-нибудь другой экипажъ? сказалъ Арнольдъ.

Сэръ-Патрикъ посмотрѣлъ на часы. Было уже поздно перемѣнять экипажъ. Онъ обратился къ Джофри.

— Умѣете вы править, мистеръ Деламень?

Не прерывая своего непроницаемаго молчанія, Джофри кивнулъ головой.

Не обративъ вниманія на такой безцеремонный отвѣтъ, сэръ-Патрикъ продолжалъ:

— Въ такомъ случаѣ вы можете оставить кабріолетъ у начальника станціи. Я скажу кучеру что онъ вамъ не нуженъ.

— Позвольте мнѣ избавить васъ отъ труда, сэръ-Патрикъ, вызвался Арнольдъ.

Сэръ-Патрикъ движеніемъ руки отвергъ предложеніе. Съ неизмѣнною вѣжливостью обратился онъ опять къ Джофри:

— Обязанность гостепріимства заставляетъ поторопить вашъ отъѣздъ, мистеръ Деламень, въ виду такихъ печальныхъ обстоятельствъ. Леди Лунди занята гостями. Я постараюсь отстранить всѣ лишнія церемоніи чтобы не задержать вашего отъѣзда.

Онъ поклонился и вышелъ.

Арнольдъ, оставшись наединѣ съ другомъ, обратился къ нему съ утѣшеніемъ.

— Меня это очень огорчаетъ, Джофри. Надѣюсь что вы вовремя поспѣете въ Лондонъ.

Онъ умолкъ. На лицѣ Джофри было какое-то странное выраженіе, смѣсь сомнѣнія и замѣшательства, досады и нерѣшимости, что, конечно, не было естественнымъ результатомъ полученнаго извѣстія. Онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, тоскливо кусалъ ногти, взглаголъ на Арнольда, какъ бы желая сказать что-то, и молча отвернулся.

— Развѣ еще что-нибудь кромѣ извѣстія объ отцѣ беспокоитъ васъ, Джофри? спросилъ Арнольдъ.

— Чертовское положеніе, сказалъ Джофри.

— Могу я помочь вамъ?

Вмѣсто отвѣта, Джофри поднесъ своєю могучую руку и хлопнулъ Арнольда по плечу такъ что тотъ содрогнулся съ головы до ногъ. Арнольдъ съ удивленіемъ ждалъ что будетъ дальше.

— Сказать, дружище? спросилъ Джофри.

— Скажите.

— Вы помните какъ лодка опрокинулась у Лиссабонской пристани?

Арнольдъ вздрогнулъ. Еслибъ онъ въ эту минуту вспомнилъ свое первое свиданіе со старымъ другомъ своего отца, онъ, конечно, вспомнилъ бы и предсказаніе сэръ-Патрика, что рано или поздно ему придется оплатить свой долгъ съ лихвою. Но память мгновенно перенесла его ко времени несчастнаго приключенія. Въ порывѣ горячей благодарности, онъ со своимъ врожденнымъ простодушіемъ готовъ былъ рассердиться на друга за незаслуженный вопросъ.

— Неужели вы думаете что я способенъ позабыть какъ вы вытащили меня на берегъ и спасли мнѣ жизнь? съ жаромъ воскликнулъ онъ.

Джофри одѣлалъ еще шагъ къ цѣли которую имѣлъ въ виду.

— За добро платится добромъ, сказалъ онъ.— Не такъ ли?

Арнольдъ взялъ его руку.

— Я на все готовъ. Скажите что могу я сдѣлать для васъ?

— Вы отправляетесь сегодня въ свое новое имѣніе?

— Да.

— Не можете ли вы отложить до завтра?

— Если это необходимо, конечно могу.

Джофри выглянулъ въ дверь бесѣдки чтобы увѣриться что они одни.

— Знаете вы здѣшнюю гувернантку? спросилъ онъ шепотомъ.

— Миссъ Сильвестеръ?

— Да. У меня вышло маленькое недоразумѣніе съ миссъ Сильвестеръ. Я не знаю человека который могъ бы помочь мнѣ кромѣ васъ.

— Вы знаете что я готовъ помочь вамъ. Скажите въ чемъ дѣло.

— Оказать это не такъ легко какъ вы думаете. Ну, да вѣдь вы тоже не святой. Я поступилъ какъ дуракъ. Я поставилъ ее въ затруднительное положеніе.

Арнольдъ отшатнулся, появивъ что хотѣлъ сказать Джофри.

— Боже мой, Джофри! Неужели?

— Да. Но слушайте дальше, это еще не худшее. Она ушла изъ дома.

— Ушла?

— Да, ушла чтобы больше не возвращаться. Она не можетъ воротиться.

— Почему же не можетъ?

— Она написала письмо своей хозяйкѣ. Женщины (чортъ

бы ихъ побралъ) ничего не дѣлають вполонину. Она оставила письмо гдѣ написала что, обвинявшись тайно, она отправляется къ своему мужу, а мужъ этотъ—я. Понимаете, я еще конечно не женатъ на ней, я только обѣщаль жениться. Теперь она отправилась, тайно конечно, въ одно мѣсто за четыре мили. Мы уговорились, что и я сегодня вечеромъ приѣду туда, и мы такъ съ ней обвиняемся. Теперь все разстроилось. Она будетъ ждать меня на постояломъ дворѣ, а я буду катиться въ Лондонъ. Кто-нибудь долженъ объяснить ей въ чемъ дѣло, иначе она сдѣлаеть какую-нибудь выходку, и все откроется. Никому изъ здѣшнихъ я не могу довѣриться. Я погибъ, другъ, если вы не выручите меня.

Арнольдъ въ замѣшательствѣ опустилъ руки.

— Самое ужасное положеніе какое я только могу представить, сказалъ онъ.

Джозфри былъ съ нимъ вполне согласенъ.

— Да, есть съ чего съ ума сойти, не правда ли? Дорого бы а далъ теперь за стаканъ пива.—Онъ машинально вынулъ свою неизмѣнную трубку.—Что же, придумали вы что-нибудь? спросилъ онъ.

Арнольдъ былъ такъ занятъ своими мыслями что не слышалъ вопроса.

— Надѣюсь, вы не подумаете что я отношусь легко къ болѣзни вашего отца, сказалъ онъ съ жаромъ.—Но мнѣ кажется, я не могу не сказать вамъ что думаю. Вы обязаны сначала успокоить дѣвушку.

— Сначала успокоить ее! И вы думаете что я рискну быть вычеркнутымъ изъ завѣщанія отца? Ни для какой женщины въ мірѣ!

Многолѣтнее почтеніе Арнольда къ другу, какъ къ человеку умѣвшему грестъ, боксировать, бороться, прыгать—а главное, плавать—и достигшему въ этихъ искусствахъ такую совершенства какъ немногіе въ современной Англии, держалось на твердыхъ основаніяхъ. Послѣдній отвѣтъ Джозфри поколебалъ его вѣру только на одну минуту, но минуту мучительную для Арнольда.

— Вамъ лучше знать, возразилъ онъ сухо.—Что же мнѣ сдѣлать?

Джозфри грубо схватилъ его за руку, грубо, какъ всегда онъ это дѣлалъ, но дружески и довѣрчиво.

— Будьте добрымъ товарищемъ, сказалъ онъ.—Повѣжайте

туда, расскажите ей что случилось. Отсюда мы уѣдемъ какъ будто мы оба отправляемся на желѣзную дорогу, а потомъ я васъ высажу гдѣ слѣдуетъ. Вы даже можете отправиться въ свое имѣніе съ вечернимъ повозомъ. Вамъ это не повредить, а старому другу вы окажете большое одолженіе. Вы сколько-ко не рискуете попасться, потому что править буду я. Слуги, который могъ бы распустить сплетни, не будетъ.

.. Даже Арнольдъ началъ смутно понимать что дѣйствительно, какъ предсказалъ сэръ-Патрикъ, ему приходится отплатить долгъ свой съ лихвой.

— Что же мнѣ сказать ей? спросилъ онъ.—Я обязанъ сдѣлать для васъ все что только могу, и я сдѣлаю. Но что мнѣ сказать ей?

Вопросъ былъ очень естественъ, но не легко было отвѣтить на него. Что человѣкъ можетъ сдѣлать въ данномъ мускульномъ затрудненіи никто не зналъ такъ хорошо какъ Джофри Деламенъ. Но что человѣкъ долженъ сказать въ данномъ социальномъ затрудненіи, ни для кого не было такою загадкой какъ для него.

— Что сказать? повторилъ онъ.—Постойте. Скажите ей что я въ отчаяніи, ну, и все такое. Вотъ еще что скажите. Скажите чтобъ она ждала меня тамъ и что я ей напишу.

Арнольдъ колебался. Неспособный къ тому узкому и ограниченному взгляду на вещи который называется знаніемъ свѣта, онъ со своею врожденною деликатностью понималъ ужасную неловкость положенія въ которое ставилъ его другъ, понималъ такъ ясно какъ будто бы смотрѣлъ на дѣло съ трудно нажитою опытностью человѣка вдвое старше его годами.

— Не напишете ли вы ей, Джофри? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ?

— Подумайте немного, и вы сами поймете зачѣмъ. Вы довѣрили мнѣ цѣлостную тайну. Я могу ошибиться, мнѣ никогда не приходилось быть въ такомъ положеніи. Но мнѣ кажется, явившись къ ней посланнымъ отъ васъ, я ужасно обижу ее. Я приду и скажу: я знаю тайну которую вы скрываете отъ всего міра. Что должна она почувствовать при этомъ?

— Вотъ еще, сказалъ Джофри.—Женщины могутъ вынести гораздо больше чѣмъ вы думаете. Послушали бы вы какъ она допекала меня вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Вы совсѣмъ

не знаете женщины. Вся тайна въ умѣннѣ обращаться съ женщиной состоитъ въ томъ чтобы схватить ее за шиворотъ какъ кошку.

— Я не рѣшусь показаться ей, если вы не облегчите мнѣ первый шагъ. Я не остановлюсь ни предъ какою жертвой чтобъ услужить вамъ, но... Нѣтъ, Джофри, должны же вы помочь мнѣ въ ужасномъ положеніи въ которое вы меня ставите. Я ее не знаю, не знаю какъ она приметъ меня прежде чѣмъ я рѣшусь открыть ротъ.

Послѣднія слова затронули вопросъ съ практической стороны. Джофри тотчасъ же понялъ въ чемъ состоитъ затрудненіе.

— У ней чортовскій нравъ, надо предупредить васъ. Въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли написать? Успѣемъ мы сходить домой?

— Нѣтъ. И потомъ тамъ пропасть народа, а намъ нельзя терять ни одной минуты. Пишите сейчасъ же и здѣсь. У меня есть карандашъ.

— Что же мнѣ написать?

— Что хотите, то и пишите. Вотъ карточка вашего брата. Джофри взялъ карандашъ и взглянулъ на карточку. Она была такъ исписана что нельзя было прибавить ни одного слова. Онъ пошарилъ въ карманѣ и вынулъ письмо, о которомъ говорила Анна на послѣднемъ свиданіи и въ которомъ она требовала чтобъ онъ пріѣхалъ въ Виндигетъ.

— Годится, сказала онъ.—Это одно изъ писемъ Анны ко мнѣ. Тутъ на послѣдней страницѣ есть чистое мѣсто. Хорошо, я напишу, но вы сначала обѣщайте что непременно передадите его. Вашу руку въ знакъ согласія.

Онъ протянулъ руку,—руку спасшую Арнольда,—и въ память объ этомъ событіи получилъ обѣщаніе Арнольда.

— Ну и отлично, любезный другъ. А дорóгой я вамъ разкажу какъ найти ее. Знаете, вамъ еще необходимо знать одну вещь. Скажу лучше теперь чтобы не забыть.

— Говорите.

— Вы не должны на постояломъ дворѣ объявлять своего настоящаго имени, и ее надо спросить не по ея имени.

— Такъ какъ же мнѣ спросить?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло: какъ? Она явилась туда какъ замужня, чтобъ избавиться отъ подозрѣній. Понимаете?

— Понимаю. Дальше.

— Она рѣшила сказать такъ, опять же для того чтобъ избавить себя и меня отъ затрудненій, что ждетъ мужа который скоро прїѣдетъ къ ней. Еслибъ я похвально, я спросилъ бы гдѣ „моя жена“. Вы ѣдете вмѣсто меня.

— И я тоже долженъ спросить гдѣ „моя жена“, чтобъ избавить миссъ Сильвестеръ отъ неприятностей.

— Вы согласны?

— Да, конечно. Мнѣ все равно что ни сказать прислугѣ постоялаго двора. Меня страшитъ только свиданіе съ миссъ Сильвестеръ.

— Не бойтесь, я все устрою какъ слѣдуетъ.

Онъ подошелъ къ столу, поспѣшно начертилъ нѣсколько строкъ, остановился и перечелъ ихъ. „Такъ ли?“ сказалъ онъ про себя. „Нѣтъ. Прибавлю еще какую-нибудь нѣжность чтобъ успокоить ее.“ Онъ подумалъ, прибавилъ еще строчку и весело стукнулъ по столу.

— Вотъ это обдѣлаетъ все дѣло. Прочтите-ка, Арнольдъ, вѣдь не дурно написано?

Арнольдъ прочелъ, но, кажется, не раздѣлилъ хорошаго мнѣнія которое составилъ другъ его о своемъ произведеніи.

— Не слишкомъ ли коротко? сказалъ онъ.

— Есть мнѣ когда писать больше!

— Можеть-быть, дѣйствительно некогда. Но скажите сами миссъ Сильвестеръ что вы торопитесь. Поѣздъ отходитъ черезъ полчаса. Напишите это.

— Пожалуй, и даже число выставляю, если вамъ угодно.

Едва успѣлъ онъ сдѣлать приписку и передать письмо Арнольду, какъ вошелъ сэръ-Патрикъ и объявилъ что экипажъ готовъ.

— Идите, сказалъ онъ.—Нельзя терять ни одной минуты.

Джозефъ всталъ. Арнольдъ стоялъ въ нерѣшительности.

— Мнѣ надо повидаться съ Бланкой, сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ.—Не могу же я увѣхать не простившись съ ней.

Сэръ-Патрикъ, улыбаясь, указалъ на ступени. Бланка слѣдовала за нимъ. Арнольдъ выбѣжалъ къ ней.

— Уѣзжаете, сказала она досадливо.

— Я ворочусь черезъ два дня, шепнулъ онъ.—Все устроилось какъ слѣдуетъ. Сэръ-Патрикъ согласенъ.

Она крѣпко держала его руку. Поспѣшное прощаніе при свидѣтеляхъ было прощаніе не по вкусу Бланки.

— Вы опоздаете на поѣздъ! закричалъ сэръ-Патрикъ.

Джофри схватилъ Арнольда за руку, за ту руку которую держала Бланка, и оттащилъ, буквально оттащилъ его отъ нея. Оба скрылись изъ виду за кустами, прежде чѣмъ Бланка опомнилась отъ негодованія.

— Зачѣмъ это животное ѣдетъ съ мистеромъ Бринквортомъ? спросила она.

— Мистера Деламена призываетъ въ Лондонъ болѣзнь его отца. А вы его не любите?

— Я ненавижу его!

Серъ Патрикъ задумался. „Ей восемнадцать лѣтъ, а мнѣ семьдесятъ“, думалъ онъ. „Странно что мы хоть въ чемъ-нибудь сходимся, и еще страннѣе что мы сходимся въ антипатіи къ мистеру Деламену.“

Онъ взглянулъ на Бланку. Она сидѣла у стола, опустивъ голову на руку. Забывъ все окружающее, она думала объ Арнольдѣ, и несмотря на то что будущее разстилалось предъ ней какъ гладкая, пріятная дорога, мысли ея были не веселы.

— Бланка! Что это, Бланка? сказалъ серъ-Патрикъ.—Глядя на васъ подумаешь что онъ угодили въ кругосвѣтное путешествіе. Глупенькая! Вѣдь онъ воротится послѣ завтра.

— Зачѣмъ онъ поѣхалъ съ этимъ человѣкомъ, сказала Бланка.—Зачѣмъ онъ считаетъ его своимъ другомъ!

— Ну, вотъ еще! Онъ грубъ, я съ вами согласенъ, но это не бѣда. Арнольдъ разстанется съ нимъ на второй станціи. Пойдемте въ залу. Танцуйте и забудьте все, другъ мой.

— Нѣтъ, сказала Бланка.— Я не расположена танцовать. Пойду на верхъ и разкажу все Аннѣ.

— Не будете вы говорить съ нею, сказалъ третій голосъ, неожиданно присоединившійся къ разговору.

Дядя и племянница обернулись. Леди Лунда стояла на верхней ступени.

— Я запрещаю вамъ говорить о ней въ моемъ присутствіи, продолжала она.—Серъ-Патрикъ, я предупреждала васъ, если припомните, что вы будете принуждены взглянуть на поведеніе миссъ Сильвестеръ какъ на дѣло не шуточное. Случилось худшее изъ того что я ожидала. Миссъ Сильвестеръ скрылась отъ насъ.

Г Л А В А VIII.

О кандакъ.

Быль еще ранній вечеръ, когда гости леди Лунди начали перешептываться въ углахъ, и пришли всѣ къ единогласному заключенію что въ домѣ „что-то неладно“.

Бланка таинственно скрылась изъ танцевальной залы. Леди Лунди таинственно покинула гостей. Бланка не вернулась. Леди Лунди вернулась съ неестественною улыбкой и озабоченнымъ видомъ. Она призналась что не совсѣмъ здорова. Нездоровьемъ оправдывали отсутствіе Бланки, нездоровьемъ же оправдывали исчезновеніе миссъ Сильвестеръ во время игры въ мячъ. Какой-то острякъ сказалъ что это нѣсколько напоминаетъ спряженіе глаголовъ: я не совсѣмъ здорова, ты не совсѣмъ здорова, она не совсѣмъ здорова и т. д. А сэръ-Патрикъ! Вообразите, сэръ-Патрикъ ищетъ уединенія. Онъ прогуливается въ самой уединенной части сада. А прислуга? Даже на ней отразилось что-то таинственное. Тоже точно господа перешептываются въ углахъ. Экономка порывисто врывается туда гдѣ экономкѣ совсѣмъ не слѣдуетъ быть. Въ верхней области дома раздается хлопанье дверей, стукъ башмаковъ. Что-то неладно, помяните мое слово, что-то неладно.

— Не ухватъ ли намъ? Прикажи, другъ мой, подавать лошадей.

— Луиза, голубчикъ, не танцуй больше, папа хочетъ ѣхать.

— *Добрый* вечеръ, леди Лунди. Благодарю васъ.

— Какъ жаль бѣдную Бланку!

— О, какъ было весело!

Пролепетавъ всѣ свои обычныя фразы, общество поспѣшило удалиться до наступленія бури.

Такого именно разрѣшенія дѣла выжидалъ сэръ-Патрикъ въ своемъ уединеніи.

Теперь нельзя уже было отказаться отъ отвѣтственности лежавшей на немъ. Леди Лунди объявила свое неизмѣнное рѣшеніе прослѣдить Анну до того мѣста куда она скрылась и удостовѣриться (единственно ради нравственности) дѣйствительно ли она вышла замужъ или нѣтъ. Бланка, утом-

ленная всѣми тревоженіями дня, разразилась истерическимъ плачемъ, узнавъ новость, а потомъ, нѣсколько успокоившись, взглянула съ своей собственной точки зрѣнія на исчезновеніе Анны. Анна не утаила бы отъ нея своего брака, еслибы все было какъ слѣдуетъ. Какое-нибудь страшное несчастье обрушилось на Анну. Бланка рѣшила узнать во что бы то ни стало куда скрылась Анна (что рѣшила и леди Лунди), поѣхать къ ней и помочь ей.

Сэръ-Патрикъ, которому обѣ женщины, каждая порознь, признались въ своихъ намѣреніяхъ, видѣлъ ясно что обѣ онѣ пустяка, если не удержатъ ихъ, на безразсудные поступки, которые могутъ повлечь за собой весьма непріятныя послѣдствія. Человѣкъ власть имѣющій былъ необходимъ въ этотъ вечеръ въ Виндигетсѣ, и сэръ-Патрикъ на этотъ разъ желалъ бы быть такимъ человѣкомъ.

„Много можно сказать и за и противъ холостой жизни,“ размышлялъ онъ, шагая взадъ и впередъ по отдаленной дорожкѣ сада и чаще обыкновеннаго прибѣгая къ набадашнику своей палки. „Въ одномъ только я убѣжденъ: женатые друзья человѣка не могутъ помѣшать ему остаться холостякомъ, но они могутъ, и всѣми силами стараются, отравить ему холостую жизнь.“

Размышленія сэръ-Патрика были прерваны приходомъ слуги, которому заранѣе было поручено извѣстить его о ходѣ событій въ домѣ.

— Всѣ уѣхали, сэръ-Патрикъ.

— Вотъ счастье-то, Симпсонъ. Такъ никого не осталось кромѣ тѣхъ которые гостятъ у насъ?

— Никого, сэръ-Патрикъ.

— А у насъ гостятъ все джентльмены, Симпсонъ. Не правда ли?

— Точно такъ, сэръ-Патрикъ.

— Это тоже счастье, Симпсонъ. Все отлично. Сначала я повидаюсь съ леди Лунди.

Есть ли какая-нибудь другая форма человѣческой силы воли, которая могла бы сравниться съ силой воли женщины рѣшившейся обнаружить проступокъ другой женщины, которую она ненавидитъ? Вы можете сломить утесъ при извѣстныхъ условіяхъ. Но вотъ предъ вами слабая, нѣжная женщина, вскрикивающая когда паукъ упадетъ ей на шею

и содрагающаяся когда вы подойдете къ ней потѣть луку. Можете вы сломить ее при тѣхъ же условіяхъ? Не пробуйте.

Сэръ-Патрикъ нашелъ леди Лунди производящею допросъ по той удивительно выпытывающей формѣ которую употребляетъ полиція въ случаяхъ исчезновенія какой-нибудь личности. Кто изъ свидѣтелей видѣлъ послѣдній скрывшагося? Кто изъ прислуги видѣлъ послѣдній Анну? Сначала допрашивается мужская прислуга, начиная съ дворецкого и кончая мальчикомъ грумомъ. Потомъ женская, начиная съ величественной кухарки и кончая дѣвочкой подметающею садъ. Леди Лунди спустилась уже въ своемъ допросѣ до лакея, когда вошелъ сэръ-Патрикъ.

— Дорогая моя леди. Извините, если я опять напомню вамъ что мы живемъ въ свободной странѣ, и что вы не имѣете права вмѣшиваться въ поступки миссъ Сильвестеръ послѣ того какъ она покинула вашу домъ.

Леди Лунди набожно возвела глаза къ потолку. Она смотрѣла мученицей на пытки. Еслибы вы увидали леди Лунди въ ту минуту, вы бы сами сказали: „это мученица на пытки“.

— Нѣтъ, сэръ-Патрикъ, произнесла она.—Какъ христіанка и женщина, я не могу смотрѣть съ вашей точки зрѣнія. Несчастная жила подъ моею кровлей. Она была подругой Баанки. На мнѣ лежитъ отвѣтственность за ея поступки, нравственная отвѣтственность. Я бы жизнь свою отдала чтобъ быть способною смотрѣть на это такъ равнодушно какъ смотрите вы. Нѣтъ! Я должна удостовѣриться что она замужемъ. Для соблюденія приличія и для успокоенія моей совѣсти. Прежде чѣмъ я сегодня склоню голову на подушку, я должна узнать это.

— Одно слово, леди Лунди.

— Нѣтъ, повторила леди Лунди съ самою трогательною кротостью.— Вы, можетъ-быть, правы съ вашей свѣтской точки зрѣнія, но меня свѣтская точка зрѣнія приводитъ въ ужасъ.

Она съ трогательною торжественностью обратилась къ лакею:

— Вы знаете куда вы попадете, Джонатанъ, если скажете неправду?

Джонатанъ былъ лѣнивъ, Джонатанъ былъ угреватъ, Джонатанъ былъ толстъ, но Джонатанъ былъ твердъ въ вѣрѣ.

Онъ отвѣчалъ что знаетъ, а что еще удивительнѣе, даже называлъ мѣсто.

Сэръ-Патрикъ понялъ что дальнѣйшая оппозиція съ его стороны въ настоящую минуту будетъ болѣе чѣмъ бесполезна. Онъ благоразумно рѣшилъ подождать пока леди Лунди хорошенько утомитъ себя допросомъ. А такъ какъ при настоящемъ расположеніи духа его свояченицы нельзя было предугадать что можетъ случиться если допросъ приведетъ ее къ какому-нибудь открытію, онъ рѣшился принять мѣры чтобъ освободить домъ отъ гостей, по крайней мѣрѣ на слѣдующія сутки.

— Мнѣ необходимо сдѣлать вамъ только одинъ вопросъ, леди Лунди, сказалъ онъ. — Согласитесь, что положеніе джентльменовъ которые гостятъ у насъ не совѣмъ пріятно въ настоящее время. Еслибы вы согласились оставить дѣло безъ огласки, у насъ все шло бы по-старому. Но такъ какъ вы этого не хотите, вамъ должно быть пріятно если я избавлю васъ отъ обязанности заботиться о вашихъ гостяхъ.

— Въ качествѣ главы семейства? сказала леди Лунди.

— Въ качествѣ главы семейства.

— Принимаю ваше предложеніе и благодарю васъ.

— Не стоить благодарности, сказалъ сэръ-Патрикъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ Джонатана на допросѣ. Онъ и братъ его, покойный сэръ-Томасъ, съ самаго начала пошли въ жизни различными дорогами и рѣдко видались съ тѣхъ поръ какъ перестали быть мальчиками. Память сэръ-Патрика, когда онъ выходилъ изъ комнаты леди Лунди, воротила его къ дѣтству и внушила ему чувство нѣжности къ памяти брата. Онъ покачалъ головой и грустно вздохнулъ.

— Бѣдный Томъ, сказалъ онъ, затворивъ дверь комнаты вдовы своего брата. — Бѣдный Томъ.

Проходя по залу, онъ остановилъ перваго попавшагося слугу и спросилъ о Бланкѣ. Миссъ Бланка совершенно покойна; она заперлась съ горничною въ своей комнатѣ. „Покойна?“ подумалъ сэръ-Патрикъ. „Это плохой признакъ. Надо потолковать съ племянницей.“

Но прежде всего надо было найти гостей. Безошибочный инстинктъ направилъ сэръ-Патрика въ биліардную комнату. И дѣйствительно, онъ нашелъ ихъ тамъ въ торжественномъ

собраніи, недоумѣвавшихъ что имъ дѣлать съ собой. Сэръ-Патрикъ въ двѣ минуты разрѣшилъ ихъ недоумѣніе.

— Какъ вы полагаете, джентльмены, не поохотиться ли намъ завтра?

Всѣ присутствующіе, охотники и неохотники, сказали „да“.

— Если вамъ угодно, вы можете выѣхать отсюда, или же изъ охотничьей дачи, которая выстроена на виндигетской землѣ, въ лѣсу, на той сторонѣ дуга. Погода прекрасная (для Шотландіи), а въ конюшнѣ много лошадей. Не скрою отъ васъ, джентльмены, что дѣла въ семейномъ кружкѣ моей свояченицы приняла не совсѣмъ благоприятный оборотъ. Вы будете одинаково гостями леди Лунди, выберете ли вы дачу или домъ. Что вы выберете, предположимъ, хоть на слѣдующія сутки?

Всѣ, страдающіе и не страдающіе ревматизмомъ, отвѣчали: „дачу“.

— Очень хорошо, согласился сэръ-Патрикъ.—Такъ рѣшено сегодня же вечеромъ отправиться на дачу, чтобы завтра утромъ прямо приступить къ охотѣ. Если обстоятельства позволятъ мнѣ сопровождать васъ и служить вамъ по мѣрѣ моихъ силъ, я буду очень радъ. Если нѣтъ, я увѣренъ что вы извините меня на нынѣшній вечеръ, и дворецкій леди Лунди будетъ заботиться о вашемъ комфортѣ.

Одобрено единогласно. Сэръ-Патрикъ оставилъ гостей у билліарда и пошелъ отдать нужныя приказанія въ конюшню.

Между тѣмъ Бланка была дѣйствительно довольно покойна и сидѣла въ верхнемъ этажѣ дома. Въ нижнемъ же леди Лунди неутомимо продолжала допросъ. Отъ Джонатана, послѣдняго изъ комнатной прислуги, она перешла къ кучеру, первому лицу изъ вѣн-комнатной прислуги, и переходя отъ человѣка къ человѣку по новой градаціи, дошла до самаго дна, то-есть до мальчика грума. Не получивъ ни малѣйшаго свѣдѣнія отъ мужской половины прислуги, она перешла къ женской. Она позвонила и приказала позвать кухарку—Есэиръ Дезриджъ.

Замѣчательная по вѣшнему виду особа вошла въ комнату.

Старая и спокойная, безукоризненно чистоплотная, она имѣла весьма почтенную наружность. Ея сѣдые волосы лежали гладко подъ бѣлымъ чепчикомъ, глубоко впавшіе глаза глядѣли прямо на всякаго обращающагося къ ней; она съ перваго разу

производила впечатлѣніе степенной, достойной довѣрія женщины. И вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ болѣе внимательнаго наблюденія, въ ней можно было замѣтить отпечатокъ ужаснаго, прошлаго страданія, оставшіяся на всю ея жизнь. Это скорѣе чувствовалось нежели видѣлось по взгляду несокрушимаго терпѣнія, по мертвенному покою ни на минуту ея не покидавшему. Повѣсть ея прошлаго, судя по тому что было извѣстно, была страшная повѣсть. Она поступила въ услуженіе къ леди Лунди во время свадьбы ея съ сэръ-Томасомъ. Въ рекомендаціи, данной ей приходскимъ священникомъ, говорилось что во время жизни мужа, неисправимаго пьяницы, она терпѣла отъ него страшныя истязанія. Однажды онъ нанесъ ей ударъ отразившіяся на ея нервной системѣ. Нѣсколько дней она пролежала безъ чувствъ, а очнувшись, потеряла способность говорить. Въ добавокъ къ этому недостатку она сдѣлалась странною въ обращеніи и поступала въ услуженіе не иначе какъ съ условіемъ чтобъ ей дана была отдѣльная комната, гдѣ бы она могла спать одна. Все это выкупалось, говорилось въ рекомендаціи, ея трезвостью, необыкновенною честностью и репутаціей лучшей кухарки въ Англіи. Принявъ во вниманіе въ особенноти послѣднее качество, сэръ-Томасъ рѣшилъ взять кухарку на испытаніе, и скоро замѣтилъ что никогда такъ не обѣдалъ какъ съ тѣхъ поръ какъ Ессеръ Дезриджъ приняла подъ свое управленіе его кухню. Послѣ смерти сэръ-Томаса, кухарка осталась у его вдовы. Леди Лунди она совсѣмъ не нравилась. Непріятная загадочность характера кухарки, на что не обратилъ вниманія сэръ-Томасъ, предупреждала противъ нея всѣхъ тѣхъ для кого обѣдъ не былъ главнымъ дѣломъ въ жизни. Врачи, съ которыми совѣтовались объ ея здоровьѣ, открыли въ немъ нѣсколько физиологическихъ аномалій, заставившихъ ихъ думать что нѣмота кухарки притворство, для цѣлей ей одной извѣстныхъ. Она упорно отказывалась учиться азбукѣ глухонѣмыхъ, на томъ основаніи что глухотой не страдаетъ. Прибѣгали къ различнымъ хитростямъ чтобы заставить ее заговорить, но безуспѣшно. Пробовали спрашивать ее о ея прошлой, замужней жизни, но она напрямикъ отказалась отвѣчать. По временамъ на нее находило непреодолимое, повидимому, желаніе отлучиться на время изъ дома. Если ея не отпускали, она пассивно отказывалась исполнять свое дѣло. Если ее бранили за это,

она загадочно кивала головой, какъ бы говоря: откажите мнѣ, и я уйду. Много разъ леди Лунди (что очень естественно) рѣшалась удалить изъ своего дома эту женщину, но ни разу не довела своего рѣшенія до исполненія. Кухарку, отлично знающую свое дѣло, которую не нужно повѣрять, которая и другимъ не позволяетъ воровать, никогда не ссорится съ прислугой, не пьетъ ничего крѣпче чаю, которой можно довѣрить несчетное золото, такую кухарку трудно замѣнить. Въ нашей земной жизни мы на многое смотримъ сквозь пальцы, какъ леди Лунди смотрѣла на свою кухарку. Кухаркѣ постоянно готовился отказъ, но она продолжала исполнять свое дѣло, получала отпускъ когда желала (что, надо отдать ей справедливость, случалось довольно рѣдко) и спала (куда бы ни отправилось семейство) въ отдельной комнатѣ съ запертою дверью.

Есеиръ Дезриджъ медленно подошла къ столу за которымъ сидѣла леди Лунди. На поясѣ у нея висѣли доска и грифель, къ которымъ она прибѣгала когда отъ нея требовался отвѣтъ который нельзя было выразить движеніемъ. Взявъ въ руки доску и грифель, она съ каменною неподвижностью ждала вопроса своей барыни.

Леди Лунди начала допросъ по той же формѣ которую употребляла съ другими.

— Знаете вы что миссъ Сильвестеръ ушла?

Кухарка кивнула головой утвердительно.

— Не знаете ли вы въ какое время она ушла?

Опять утвердительный отвѣтъ, первый который леди Лунди получила на этотъ вопросъ. Она поспѣшно продолжала.

— Видѣли вы ее послѣ того какъ она ушла изъ дома?

Третій утвердительный отвѣтъ.

— Гдѣ?

Есеиръ Дезриджъ написала на своей доскѣ твердымъ, прямымъ почеркомъ, не свойственнымъ женщинамъ ея класса, слѣдующее: „На тропикѣ которая ведетъ къ желѣзной дорогѣ, близъ фермы Чуфъ.“

— Что вамъ понадобилось на фермѣ Чуфъ?

Есеиръ Дезриджъ написала: „Достать яицъ для кухни и подышать свѣжимъ воздухомъ.“

— Видѣла васъ миссъ Сильвестеръ?

Отвѣтъ отрицательный.

— Она повернула къ желѣзной дорогѣ?

Опять отрицательный отвѣтъ.

— Такъ она повернула къ лугу?

Отвѣтъ утвердительный.

— Куда же она пошла по лугу?

Есеири Дезриджъ написала: „Она пошла по тропинкѣ которая ведетъ къ Крегъ-Ферни.“

Леди Лунди вскочила. Въ Крегъ-Ферни есть только одно мѣсто куда можетъ придти посѣтитель.

— Постоялый дворъ, воскликнула она. — Она ушла на постоянный дворъ.

Есеири Дезриджъ ждала неподвижно. Леди Лунди сдѣлала еще вопросъ, или скорѣе предостереженіе:

— Вы сказали это кому-нибудь кромѣ меня?

Отвѣтъ утвердительный. Леди Лунди этого никакъ не ожидала. „Есеири Дезриджъ“, подумала она, „вѣроятно, не поняла вопроса.“

— Я спрашиваю: не сказали ли вы кому-нибудь другому кромѣ меня того что сейчасъ передали мнѣ?

Опять утвердительный отвѣтъ.

— Кто-нибудь васъ спрашивалъ также какъ и я?

Третій утвердительный отвѣтъ.

— Кто же?

Есеири Дезриджъ написала на доскѣ: „Миссъ Бланка“.

Леди Лунди отступила, пораженная открытіемъ что намѣреніе Бланки отыскивать Анну Сильвестеръ оказывается такъ же твердо какъ и ея собственное намѣреніе. Падчерица, дѣйствуя самостоятельно, можетъ быть страшнымъ препятствіемъ на ея дорогѣ. Поступокъ Анны Сильвестеръ смертельно оскорбилъ леди Лунди. Мстительная женщина рѣшилась открыть все что было компрометирующаго въ тайнѣ гувернантки (побуждаемая, конечно, высшимъ чувствомъ долга), и сдѣлать это достояніемъ публики, то-есть небольшого кружка своихъ знакомыхъ. Но сдѣлать это будетъ невозможно, если Бланка пойдетъ наперекоръ ей (чего, конечно, надо было ожидать) и будетъ дѣйствовать открыто въ интересахъ миссъ Сильвестеръ.

Первое что надо было сдѣлать, и сдѣлать немедленно, это увѣдомить Бланку что намѣреніе ея открыто, и запретить ей идти далѣе.

Леди Лунди позвонила дважды, что по домашнимъ законамъ означало что ей нужна ея горничная. Потомъ она

обратилась къ кухаркѣ, которая стояла съ доской въ рукахъ, неподвижная какъ камень, дожидаясь приказаній своей госпожи.

— Вы поступили дурно, сказала она строго.—Я ваша госпожа. Вы обязаны отвѣчать вашей госпожѣ....

Есеиръ Дезриджъ наклонила голову въ знакъ холоднаго согласія съ выраженнымъ принципомъ.

Поклонъ былъ заявленіемъ своего мнѣнія. Леди Лунди разсердилась.

— А миссъ Бланка не госпожа вамъ, продолжала она громко.—Вы поступили очень дурно отвѣтивъ на вопросы миссъ Бланки.

Есфирь Дезриджъ, не смутясь ни мало, написала на доскѣ возраженіе въ двухъ слѣдующихъ фразахъ:

„Я не получала приказанія молчать. Я не храню ничьихъ секретовъ кромѣ своихъ.“

Возраженіе рѣшило вопросъ объ отказѣ кухарки, вопросъ, ждавшій рѣшенія уже много мѣсяцевъ.

— Вы грубиянка! Я васъ долго выносила, но дольше выносить не намѣрена. Можете убираться когда пройдетъ вашъ мѣсяць.

Въ такихъ словахъ леди Лунди выразила отказъ Есеири Дезриджъ.

Ни малѣйшая переменна въ лицѣ не нарушила таинственнаго спокойствія кухарки. Она опять наклонила голову, въ знакъ согласія съ выраженнымъ приговоромъ, повернулась и вышла. Женщина эта была жива, и вращалась въ живомъ мірѣ, но что касается до человѣческихъ интересовъ, они были ей также чужды какъ будто бы она лежала уже въ гробу, опущенномъ въ могилу.

Тотчасъ послѣ выхода кухарки въ комнату вошла горничная леди Лунди.

— Сходите на верхъ и попросите ко мнѣ миссъ Бланку. Нѣтъ, подождите.—Леди Лунди замолчала и подумала: „Падчерица, по всей вѣроятности, откажется повиноваться приказаніямъ маичихи. Надо прибѣгнуть къ высшему авторитету ея опекуна.“—Не знаете ли вы гдѣ сэръ-Патрикъ?

— Симпсонъ говорилъ что сэръ-Патрикъ въ конюшнѣ.

— Пошлите Симпсона въ конюшню поклониться отъ меня сэръ-Патрику и сказать что я прошу его придти ко мнѣ немедленно.

Приготовленія къ отъезду охотниковъ были уже окончены, и только одинъ вопросъ оставался нерѣшеннымъ,—можно ли будетъ сэръ-Патрику сопровождать гостей,—когда придетъ слуга съ порученіемъ леди Лунди.

— Джентльмены! Позвольте мнѣ отлучиться на четверть часа. Когда я вернусь, я буду знать навѣрное, можно ли мнѣ ѣхать съ вами или нѣтъ.

Гости, конечно, согласились подождать. Младшіе изъ нихъ (какъ свойственно Англичанамъ) воспользовались свободнымъ временемъ и удобнымъ случаемъ чтобы поддержать пари. Выйдетъ сэръ-Патрикъ побѣдителемъ изъ семейнаго кризиса, или семейный кризисъ возьметъ верхъ надъ сэръ-Патрикомъ? Семейный кризисъ имѣлъ за себя большинство.

Пунктуально чрезъ четверть часа сэръ-Патрикъ воротился. Семейный кризисъ обманулъ слѣпую довѣрчивость неопытной молодежи. Сэръ-Патрикъ вышелъ побѣдителемъ.

— Все устроилось какъ нельзя лучше, джентльмены. Я могу сопровождать васъ, сказалъ онъ. — Къ охотничьей дачѣ ведутъ двѣ дороги. Одна, та которая длиннѣе, проходитъ мимо постоялаго двора въ Крегъ-Ферни. Я принужденъ просить васъ ѣхать со мной по этой дорогѣ. Вы отправитесь прямо на дачу, а я остановлюсь на постояломъ дворѣ чтобы сказать тамъ нѣсколько словъ одной особѣ.

Онъ успокоилъ леди Лунди, онъ успокоилъ и Бланку, давъ слово что самъ поѣдетъ въ Крегъ-Ферни и повидается съ Анной Сильвестеръ. Не сказавъ болѣе ни слова въ объясненіе, онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ во главѣ поѣзда. Общество охотниковъ оставило Виндигетсъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ВТОРАЯ. ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

Г Л А В А IX.

А к т а.

— Вы позволите мнѣ, сударыня, опять напомнить вамъ что гостиница вся занята кромѣ вотъ этой комнаты и принадлежщей къ ней спальни.

Такъ говорила мистрисъ Инчбаръ, хозяйка постоялаго двора въ Крегъ-Ферни, Аннѣ Сильвестеръ, которая стояла

предъ ней, и держа въ рукахъ кошелекъ, предлагала заплатить впередъ за двѣ комнаты.

Происходило это около того времени дня когда Джофри Деламенъ сѣлъ въ вагонъ, а Арнольдъ Брэнквортъ, перейдя дугъ, началъ подниматься въ гору къ гостиницѣ.

Мистрисъ Инчбаръ была женщина высокая и худая, причлиная и сухая. Некрасивые волосы мистрисъ Инчбаръ спускались мелкими желтыми завитками. Угловатая кости мистрисъ Инчбаръ бросались въ глаза какъ и ея строгій пресвитеріанизмъ. Словомъ, то была до крайности приличная женщина, гордившаяся честью быть хозяйкой до крайности приличной гостиницы.

Съ мистрисъ Инчбаръ нельзя было дѣлать условій. Она сама опредѣляла цѣны и условія. Если вамъ не нравятся ея цѣны и условія, всѣмъ предоставлено полное право отправляться куда угодно. Иными словами, вамъ предоставлено право обратиться въ качествѣ безпріютнаго странника къ скудному гостеприимству шотландской пустыни. Деревушка Крегъ-Ферни была собраніемъ лачуль. Страна, окружающая Крегъ-Ферни, горы съ одной стороны, и пустыня съ другой, не представляла другой гостиницы на многія миль вокругъ, во всѣ стороны компаса. Никакое бродячее существо кромѣ безпомощныхъ англійскихъ туристовъ не искало пищи и пріюта въ этой части Шотландіи; и никто кромѣ мистрисъ Инчбаръ не могъ предложить пищи и пріюта. Другой такой, вполнѣ независимой особы нельзя найти ни въ одной странѣ земнаго шара гдѣ содержатся гостиницы. Всеобщій бичъ цивилизаціи, дурной отзывъ въ газетахъ, не существовалъ для царицы гостиницы Крегъ-Ферни. Вы теряете терпѣніе и грозите послать опубликовать ея счетъ въ газету. Мистрисъ Инчбаръ и не думаетъ возражать противъ вашего намѣренія. „Богда заплатите, можете прислать его куда вамъ угодно. Такія вещи какъ газеты не приближаются къ дверямъ моего дома. Вамъ предложены Ветхій и Новый Заветъ въ спальняхъ и естественная исторія Пертемайра въ кофейной комнатѣ, и читайте ихъ. А мало вамъ этого, поѣзжайте къ себѣ на югъ, и читайте тамъ что вамъ угодно.“

Въ эту самую гостиницу пришла Анна Сильвестеръ съ маленькимъ мѣшечкомъ въ рукахъ. Мистрисъ Инчбаръ была та самая женщина, которую она, въ простотѣ сердечной, надеялась умилостивить своимъ кошелекомъ.

— Скажите, какую вы хотите взять цѣну за эти комнаты. Я заплачу впередъ, сказала Анна.

Ея величество мистрисъ Инчбаръ даже не взглянула на маленькій кошелекъ своей подданной.

— Не въ томъ дѣло, сударыня, отвѣчала она.—Я не могу взять вашихъ денегъ, потому что не могу отдать вамъ послѣднихъ комнатъ оставшихся въ домѣ. Гостиница Крэгъ-Ферри гостиница семейная и должна заботиться о своей доброй славѣ. Вы слишкомъ красивы, сударыня, чтобы путешествовать одной.

Было время когда Анна не задумалась бы надъ рѣзкимъ отвѣтомъ на такія слова. Горькая нужда научила ее терпѣнью.

— Я вамъ говорю, ко мнѣ прѣдетъ мой мужъ.

Она тяжело вздохнула, повторивъ свою заранѣе приготовленную фразу, и въ крайнемъ утомленіи опустилась на ближайшій стулъ.

Мистрисъ Инчбаръ взглянула на нее съ тою степенью сожалѣнія и участія съ какою она взглянула бы на хрому заблвную собаку повалившуюся у ея воротъ.

— Хорошо, хорошо, пусть будетъ по-вашему. Подождите тутъ и отдохните немного. За это мы съ васъ ничего не возьмемъ. Посмотримъ, прѣдетъ ли вашъ мужъ. Ему я, сударыня, отдамъ комнаты съ удовольствіемъ, и вамъ тогда скажу: милости просимъ.

И высказавъ окончательный приговоръ, царица гостиницы удалилась.

Анна не спорила. Она выждала пока хозяйка вышла изъ комнаты, и тогда дала волю своимъ чувствамъ. Въ ея положеніи подозрѣніе было двойною обидой. Горячія слезы стыда выступили на ея мазахъ, страданіе немилосердно сжало ея сердце.

Легкій шумъ въ комнатѣ заставилъ ее опомниться. Она подняла глаза и увидала въ углу человѣка, который сметалъ пыль съ мебели. Это былъ слуга гостиницы, который проводилъ ее въ эту комнату когда она пришла и съ тѣхъ поръ такъ тихо стоялъ тутъ что она его не замѣчала.

Онъ былъ человѣкъ старый, плѣшивый, съ бѣлымомъ на глазу, съ подагрой въ ногахъ, съ носомъ слывшимъ за самый длинный и красный носъ въ той части Шотландіи. Добродушная мудрость старости выражалась въ его сладкой улыбкѣ.

Въ сношеніяхъ съ грѣшнымъ міромъ онъ умѣлъ держаться середины между двумя крайностями: степень его раболѣпія граничила съ независимостью, а степень независимости граничила съ раболѣпіемъ,—чего можетъ достигнуть только Шотландецъ. Необычайное врожденное безстыдство, забавлявшее, но никогда не оскорблявшее, неизмѣримая хитрость, обыкновенно скрывавшаяся подъ двойною маскою милаго простодушія и язвительнаго юмора, были основными чертами характера старика. Никакое количество водки не могло довести его до опьяненія, никакой усиленный звонъ колокольчика не могъ ускорить его движеній. Таковъ былъ главный слуга гостиницы Крегъ-Ферри, мистеръ Бишорригъ, пользовавшійся громкою извѣстностью въ окрестностяхъ и репутаціей правой руки мистрисъ Инчбаръ.

— Что вы тамъ дѣлаете? рѣзко спросила Анна.

Мистеръ Бишорригъ медленно повернулся на своихъ больныхъ ногахъ, потрясъ метелкой въ воздухъ и взглянулъ на Анну съ отеческою, добродушною улыбкой.

— Что? Дѣло дѣлаю. Для васъ же прибираю комнату.

— Для меня? Развѣ вы не слышали что сказала хозяйка?

Мистеръ Бишорригъ довѣрчиво подошелъ къ Аннѣ и указывалъ на кошелекъ который она все еще держала въ рукахъ.

— О хозяйкѣ не беспокойтесь, сказалъ премудрый глава прислуги Крегъ-Ферри.—Кошелекъ говорить за васъ, голубушка моя. Спрячьте его въ карманъ. Пока свѣтъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, были бы только деньги въ кошелекѣ, и во всякой женщинѣ есть прокъ.

Терпѣніе Анны, выносившее болѣе жестокія испытанія, не выдержало на этотъ разъ.

— За кого вы меня принимаете говоря со мной такъ фамильярно? воскликнула она сердито вставъ со стула.

Мистеръ Бишорригъ положилъ метелку подъ мышку и продолжалъ увѣрять Анну что не разделяетъ строгаго взгляда хозяйки на ея положеніе.

— Ни одинъ человекъ не смотритъ такъ снисходительно какъ я на человѣческія слабости. И какъ мнѣ не быть съ вами фамильярнымъ, когда я гожусь вамъ въ отцы, и готовъ быть вамъ вмѣсто отца? Вхе! кхе! Не хотите ли пообѣдить, голубушка. Есть ли у васъ мужъ или нѣтъ, ꙗ желудокъ ужъ

вѣрно имѣется. Тамъ есть рыба и дичь. А то не хотите ли бараньей головы. Я велю подать.

Быль только одинъ способъ избавиться отъ него.

— Велите подать чтò хотите, только уйдите изъ комнаты.

Мистеръ Бишоприсъ вполне одобрилъ первую половину угрозы, а вторую пропустилъ мимо ушей.

— Вы мнѣ довърьтесь, и не будете каяться. Спросите мистера Бишоприса (это я), когда вамъ понадобится честный, благонадежный человѣкъ чтобы посоветоваться. Сядьте на стулъ, садитесь. Не берите кресла. Вѣдь сами знаете, мужъ придетъ и потребуетъ его.

И подмигнувъ при этой остроумной выходкѣ, почтенный мистеръ Бишоприсъ вышелъ изъ комнаты.

Анна посмотрѣла на свои часы. По ея расчетамъ, Джофри долженъ былъ скоро прѣхать, если выѣхалъ изъ Виндигетса въ назначенное время. Еще немного терпѣнія, и подозрѣнія хозяйки будутъ опровергнуты, и придетъ конецъ ужасному испытанію.

Развѣ она не могла сойтись съ нимъ въ другомъ мѣстѣ, а не въ этой варварской гостиницѣ, не среди этого варварскаго народа?

Нѣтъ! За дверями Виндигетса у ней во всей Шотландіи не было друга чтобы помочь ей. Она не могла выбрать другаго мѣста кромѣ постоялаго двора, и еще радовалась что онъ стоитъ въ удивленномъ мѣстѣ и можно надѣяться что никто изъ гостей леди Лунди не посѣтитъ его. Каковъ бы ни былъ рискъ, цѣль его заставила ее пренебречь всеми опасностями. Вся ея будущность зависѣла отъ того сдѣлаетъ ли ее Джофри честною женщиной. На будущность съ нимъ она не разчитывала — съ этой стороны жизнь ея погибла. Будущность съ Бланкой—теперь она ничего не желала кромѣ будущности съ Бланкой.

Бодрость ея все уменьшалась. Слезы опять выступили на глаза. Онъ разозлится, если придетъ и застанетъ ее въ слезахъ. Чтобы сколько-нибудь разсѣяться, она начала обзрѣвать комнату.

Но смотрѣть было почти не на чтò. Гостиница Крегъ-Ферри развѣ только тѣмъ отличалась отъ второстепенныхъ англійскихъ гостиницъ что была построена изъ крѣпкихъ камней. Все тотъ же черный клеенчатый диванъ, устроенный такъ чтобы тотъ кому вздумается соснуть на немъ непре-

мѣнад скатилась съ него. Все тѣ же крашенные студы, сдѣланные единственно для того чтобъ испытывать выносливость человеческихъ сплнъ. Все тѣ же обои на стѣнахъ, имѣющіе свойство производить боль въ глазахъ и головокруженіе. Всѣ тѣ же картины на которыя никогда не устаешь смотрѣть человѣчество. Королевскій портретъ на первомъ почетномъ мѣстѣ, величайшее изъ человеческихъ существъ — герцогъ Веллингтонъ — на второмъ. Третье величайшее изъ человеческихъ существъ — мѣстный депутатъ въ парламентъ — на третьемъ мѣстѣ, и охотничья сцена въ отдаленіи. Дверь противъ входной двери ихъ корридора вела въ спальню. Окно выходящее на открытое пространство разстилавшееся предъ фасадомъ дома представляло зрѣлище обширнаго Крегъ-Фернійскаго луга, спускавшагося подъ гору отъ возвышеннаго мѣста на которомъ стояла гостиница.

Анна, осмотрѣвъ комнату, съ отчаяніемъ обратилась къ окну. Видъ изъ него въ продолженіи послѣдняго полчаса измѣнился къ худшему. Небо заволокло тучами, солнце скрылось, ландшафтъ покрылся сѣрымъ, печальнымъ колоритомъ. Анна отвернулась отъ окна, какъ предъ тѣмъ отвернулась отъ комнаты. Она попыталась успокоить усталые члены на диванѣ, какъ вдругъ звукъ голосовъ и шаговъ въ корридорѣ поразилъ ея слухъ.

Нѣтъ ли между ними голоса Джофри? Нѣтъ.

Не идутъ ли они сюда?

Хозяйка отказала отдать ей эти комнаты: очень возможно что она приведетъ посѣтителей осмотрѣть ихъ. Нельзя знать кто они. Подъ впечатлѣніемъ минуты она убѣжала въ спальню и заперла за собой дверь.

Дверь изъ корридора отворилась, и мистеръ Бишорригсъ ввелъ Арнольда Бринкворта.

— Здѣсь никого нѣтъ, воскликнулъ Арнольдъ, осматриваясь. — Гдѣ же она?

Мистеръ Бишорригсъ указалъ на дверь спальни.

— Э! да ваша барыня-то вѣрно заперлась въ спальнѣ.

Арнольдъ вздрогнулъ. Разсуждая съ Джофри въ Виндигетсѣ, онъ не придумывалъ какія затрудненія могутъ ему представиться въ гостиницѣ, въ качествѣ мужа Анны. Но роль его съ перваго же шага оказалась очень трудною. Слуга называетъ Анну его барыней и (что очень естественно) предоставляетъ супругу постучаться въ дверь къ своей

супругъ и объявить ей о своемъ приездѣ. Въ отчаяніи, не зная что дѣлать, Арнольдъ спросилъ хозяйку гостиницы, которой еще не видалъ.

— Хозяйка разсчитывается въ своей комнатѣ съ посетителями, отвѣчалъ мистръ Бшонригсъ.— Сейчасъ сюда придетъ. Она у насъ женщина неугомонная, весь домъ выносить на своихъ плечахъ.— Отъ хозяйки онъ перешелъ къ самому себѣ.— А я тутъ позаботился о вашей барынь. Вы ужь предоставьте себя мнѣ.

Арнольдъ былъ погруженъ въ разрѣшеніе труднаго вопроса какъ представиться Аннѣ. „Какъ мнѣ вызвать ее“, прошептавъ онъ, съ отчаяніемъ устреживъ взглядъ на дверь спальни.

Слуга разслышалъ его вопросъ. Недоумѣніе Арнольда мгновенно отразилось на лицѣ мистера Бшонригса. Глава прислуги Креть-Ферри обладалъ обширною опытностью относительно образа жизни и нравовъ новобрачныхъ проводящихъ въ путешествіи свой медовый мѣсяцъ. Онъ былъ вторымъ отцомъ (что всегда приносило ему блестящее матеріальное вознагражденіе) безчисленнаго числа жениховъ и невѣстъ. Молодые новобрачные пары были ему знакомы во всемъ ихъ разнообразіи; пары старающіяся обращаться другъ съ другомъ какъ будто они женаты уже много лѣтъ; пары очень откровенныя и охотно принимающія совѣты отъ компетентныхъ авторитетовъ; пары застѣнчиво болтающія при постороннихъ; пары застѣнчиво безмолвствующія при тѣхъ же обстоятельствахъ; пары не знающія что дѣлать; пары желающія чтобы медовый мѣсяцъ скорѣе прошелъ; пары къ которымъ не надо входить не постучавшись предварительно въ дверь самымъ тщательнымъ образомъ; пары которыя могутъ вѣть, и пары которыя не могутъ вѣть. Но мужъ стоящій безпомощно по одну сторону двери, и жена сидящая запершись по другую, было новое видоизмѣненіе породы новобрачныхъ, неизвѣстное даже многоопытному мистру Бшонригсу.

— Какъ вамъ вызвать ее? повторилъ онъ.— Я покажу вамъ какъ, сказалъ онъ, и пошелъ къ двери такъ скоро какъ только позволяли ему его страдающія нога.— Эй, сударыня! Вотъ онъ самъ во плоти. Боже милостивый! Вы запираете дверь предъ носомъ мужа?

Послѣ такого не допускавшаго возраженій воззванія,

послышался звукъ ключа въ замкѣ. Мистеръ Бишопригелъ подмигнувъ Арнольду своимъ единственнымъ глазомъ и глубоко-мысленно приложилъ палецъ къ своему громадному носу.

— Я уйду прежде чѣмъ она бросится въ ваши объятія. Будьте покойны, я не войду не постучавшись.

Арнольдъ, остался одинъ. Дверь спальни медленно растворилась. Едва слышно послышался недовѣрчивый голосъ Анны.

— Это вы, Джофри?

Сердце Арнольда сильно билось въ ожиданіи того что неминуемо должно было случиться. Онъ не зналъ что сдѣлать или что сказать, и молчалъ.

Анна повторила вопросъ громче.

— Вы Джофри?

Если не отвѣтить, она перепугается. Будь что будетъ, онъ произнесъ шепотомъ: „да“.

Дверь широко распахнулась. Предъ нимъ стояла Анна Сильвестеръ.

— Мистеръ Бринквортъ, воскликнула она, пораженная удивленіемъ.

Съ минуту оба молчали. Анна сдѣлала шагъ впередъ и задала второй неминуемый вопросъ, мгновенно перейдя отъ удивленія къ подозрѣнію.

— Что вамъ здѣсь нужно?

Письмо Джофри было единственнымъ извиненіемъ появленія Арнольда въ такомъ мѣстѣ и въ такое время.

— Я принесъ вамъ письмо, сказалъ онъ и протянулъ ей его.

Анна тотчасъ же овладѣла собой. Они почти не знали другъ друга. Болезненное предчувствіе измѣны со стороны Джофри оледенило сердце Анны.

— Я не ожидаю никакого письма, сказала она.— Кто сказалъ вамъ что я здѣсь? Въ тонѣ ея голоса слышалось подозрѣніе. Она окинула Арнольда презрительнымъ взглядомъ. Мушкетъ не легко вынести такой взглядъ. Арнольдъ съ минуту старался овладѣть собой чтобы отвѣтить ей съ должнымъ уваженіемъ.

— Развѣ кто-нибудь слѣдитъ за моими проступками? продолжала она.— Кому служите вы шпиономъ?

— Вы знаете меня короткое время, миссъ Сильвестеръ, спокойно сказалъ Арнольдъ,—но настолько вы меня знаете

чтобы не говорить того что вы сейчас сказали. Джофри поручила мнѣ передать вамъ письмо.

Она хотѣла послѣдовать его примѣру, и назвать Джофри по имени, но успѣла опомниться.

— Вы хотите сказать мистеръ Деламенъ? холодно спросила она.

— Да.

— Чему приписать мнѣ письмо отъ мистера Деламена?

Она рѣшилась ни въ чемъ не сознаваться и держать его въ отдаленіи. Арнольдъ по инстинкту сдѣлалъ то что опытный человекъ сдѣлалъ бы по расчету, онъ заговорилъ съ ней прямо.

— Миссъ Сильвестеръ, для чего намъ обманывать другъ друга? Если вы не хотите взять письмо, я буду вынужденъ передать порученіе изустно. Порученіе мое очень непріятно, и я начинаю раскаиваться что взялъ его на себя.

Страданіе пробѣжало по лицу Анны. Она начинала смутно понимать Арнольда. Онъ медлилъ. Его благородное сердце колебалось нанести ей ударъ.

— Говорите, съ трудомъ выговорила Анна.

— Постарайтесь не сердиться на меня, миссъ Сильвестеръ. Мы съ Джофри старые друзья. Онъ знаетъ что можетъ довериться мнѣ.

— Довериться вамъ? прервала Анна. — Позвольте.

Арнольдъ ждалъ. Она продолжала, говоря съ собой, а не съ нимъ:

— Когда я была въ той комнатѣ, я спросила Джофри ли тутъ. Этотъ господинъ отвѣтилъ за него.

Вдругъ она отступила съ крикомъ ужаса.

— Онъ сказалъ вамъ?

— Ради Бога, прочтите его письмо!

Она сильно оттолкнула руку Арнольда протягивавшаго ей письмо.

— Вы не глядите на меня. Онъ сказалъ вамъ?

— Прочтите его письмо, настаивалъ Арнольдъ. — Ради его, если не хотите сдѣлать это для меня.

Положеніе ея было слишкомъ невыносимо. Арнольдъ въ этотъ разъ глядѣлъ на нее съ мужскою твердостью во взглядѣ, и говорилъ ей съ мужскою твердостью въ голосѣ. Она взяла письмо.

— Я прошу у васъ прощенія, сэръ, сказала она съ неэжи-

давленнымъ смиреніемъ въ голосѣ и манерахъ, невыразимо трогательнымъ и жалобнымъ. — Я наконецъ вошла мое періодическіе. Я женщина дважды обманута. Я прошу васъ простить мнѣ все что я наговорила сейчасъ, когда думала что могу разчитывать на уваженіе отъ васъ. Вы, можете-быть, пожалѣете меня. Ни на что большее я не смѣю разчитывать.

Арнольдъ молчалъ. Словами нельзя было помочь такому отчаянію. Всякій живой человѣкъ, даже самъ Джофри, пожалѣлъ бы ее въ эту минуту.

Она взглянула на письмо, обернувъ его къ себѣ не тою стороной какою сѣдловало.

— Мое письмо, воскликнула она. — Мое письмо въ рукахъ другого мужчины.

— Взгляните на послѣднюю страницу, сказалъ Арнольдъ.

Она обернула письмо и прочла написанныя карандашомъ ужасныя строки.

— Безсовѣстный! Безсовѣстный! Безсовѣстный!

При третьемъ восклицаніи она смяла письмо и швырнула его на другой конецъ комнаты. Минуту спустя, огонь вспыхнувшій въ ней потухъ. Слабо и медленно она протянула руку къ ближайшему стулу, и села на него, повернувшись спиной къ Арнольду.

— Онъ бросилъ меня, сказала она тихо и спокойно. Безмѣрное страданіе выразалось въ ея голосѣ.

— Вы ошибаетесь, воскликнулъ Арнольдъ. — Клянусь вамъ, вы ошибаетесь. Это не ложь, это правда. Я былъ свидѣтелемъ когда было получено извѣстіе объ его отцѣ.

Она не слушала и не замѣчала его и опять повторила: „Онъ бросилъ меня“.

— Не объясняйте его поступка въ дурную сторону, просилъ Арнольдъ. — Пожалуста. Васъ страшно слушать. Я увѣренъ что онъ не броситъ васъ.

Она не отвѣчала и не подавала какого-либо знака что слышитъ его. Она сидѣла какъ окаменѣлая. Позвать хозяйку въ такую минуту было нельзя. Въ отчаяніи, не зная что дѣлать, Арнольдъ поставилъ себѣ стулъ возлѣ нея и слегка потрепалъ ее по плечу.

— Будеть, сказалъ онъ простодушнымъ, дѣтскимъ тономъ. — Будьте же повеселѣе.

Она медленно повернула къ нему голову и съ удивленіемъ взглянула на него.

— Вы сказали что онъ вамъ оказалъ все? спросила она.

— Да.

— И вы не презираете такую женщину какъ я?

Сердце Арнольда при этомъ страшномъ вопросе обратилось къ единственной женщиной которая всегда была для него святыней, къ женщиной давшей ему жизнь.

— Можетъ ли человекъ любящій свою мать презирать женщину? сказалъ онъ.

Отвѣтъ его вызвалъ наружу затаенное горе. Она подала ему руку и чуть слышно поблагодарила его. Спасительныя слезы полились наконецъ.

Арнольдъ всталъ и въ смущеніи подошелъ къ окну.

— Намбрениа у меня хорошиа, сказалъ онъ, — но я только огорчаю ее.

Она услышала его слова и постаралась овладѣть собой.

— Нѣтъ, сказала она, — вы меня утѣшаете. Это ничего что я плачу. Мнѣ легче отъ слезъ. (Она съ благодарностью смотрѣла на него.) Я не хочу огорчать васъ, мистеръ Бриквортъ. Я вамъ такъ благодарна. Вернитесь ко мнѣ, не то я подумаю что вы разсердились. (Арнольдъ подошелъ къ ней, и она опять подала ему руку.) Сразу не поймешь человека, сказала она. — Я думала что вы такой же какъ все мужчины, я не знала какъ вы добры. Вы пришли сюда пѣшкомъ? сказала она, сдѣлавъ надъ собой усиліе чтобы перемѣнить разговоръ. — Вы устали? Меня приняли здѣсь не любовно, но я надѣюсь что мнѣ позволить предложить вамъ что-нибудь.

Нельзя было не страдать за нее, нельзя было не интересоваться ею. Честное желаніе Арнольда помочь ей выражалось слишкомъ ясно когда онъ заговорилъ.

— Все что мнѣ нужно, миссъ Сильвестеръ, это помочь вамъ по возможности. Не могу ли я какъ-нибудь облегчить ваше положеніе здѣсь? Вы тутъ останетесь, не правда ли? Джофри этого желаетъ.

Она содрогнулась и взглянула на него.

— Да, да, воспѣшно отвѣчала она.

— Вы скоро получите письмо отъ него, продолжалъ Арнольдъ. — Завтра или послѣ завтра. Онъ хотѣлъ непременно написать.

— Ради всего святаго не говорите со мной о немъ, воскликнула она, — могу ли я при этомъ смотреть вамъ въ глаза? (Щеки ея вспыхнули, и глаза остановились на немъ съ

мигунтою рѣшимостью.) Знайте, я жена его, если обѣщанія могутъ сдѣлать меня его женой. Онъ далъ мнѣ слово-покаляшисъ всѣмъ что есть святаго! (Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.) Для чего я это говорю? Можетъ ли это заинтересовать васъ? Поговоримъ лучше о моемъ неловкомъ положеніи здѣсь. Видѣли вы хозяйку когда вошли?

— Нѣтъ, я видѣлъ только слугу.

— Хозяйка ни за что не хочетъ уступить мнѣ этихъ комнатъ, потому что я пришла сюда одна.

— Теперь она не будетъ возражать. Я все устроилъ.

— Вы?

Арнольдъ улыбнулся. Послѣ всего что онъ вытерпѣлъ, онъ находилъ невыразимое облегченіе думать о комической сторонѣ своего положенія въ этой гостиницѣ.

— Конечно, отвѣчалъ онъ.—Когда я спросилъ даму которая пришла сюда одна, вечеромъ....

— Ну?

— Я.... чтобъ избавить васъ отъ непріятностей, согласно порученію, спросилъ васъ какъ мою жену.

Анна взглянула на него съ испугомъ и удивленіемъ.

— Вы спросили меня какъ вашу жену?

— Да. Развѣ я поступилъ душно? Мнѣ казалось, иначе нельзя было поступить. Джофри сказалъ мнѣ что вы уговорились съ нимъ явиться сюда какъ замужняя женщина ожидающая своего мужа.

— Я думала о немъ, когда это говорила. О васъ я совсемъ не думала.

— Очень понятно. Но для здѣшней прислуги вѣдь тутъ нѣтъ разницы.

— Я васъ не понимаю.

— Попробую объяснить пояснѣе. Джофри сказалъ мнѣ что ваше положеніе здѣсь зависитъ отъ того чтобъ я, явившись сюда, спросилъ васъ такъ какъ спросилъ бы онъ, то-есть назвать васъ моею женой.

— Онъ не имѣлъ права давать вамъ такого порученія.

— Не имѣлъ права? Судя по тому что вы сами сказали мнѣ о хозяйкѣ, подумайте что могло бы случиться еслибъ я поступилъ иначе. Самъ я въ этомъ мало смыслю, но позвольте спросить васъ, не было ли бы нѣсколько странно еслибъ я въ моихъ лѣтнихъ спросилъ васъ какъ мою знакомую? Не

кажется ли вамъ что тогда хозяйка еще неохотѣе уступила бы вамъ комнаты?

Нѣтъ сомнѣнiя что тогда хозяйка совсѣмъ не уступила бы ихъ. Ясно также что обманъ употребленный Арнольдомъ былъ обманъ который сдѣлала неизбежнымъ сама Анна. Она не могла осуждать себя: она не предвидѣла отъѣзда Джозфи въ Лондонъ. Но она все-таки чувствовала неприятное сознание своей ответственности, страхъ за посабдствiя. Она сидѣла нервно крутя платокъ, и не отвѣчала.

— Вы не думайте что я имѣю что-нибудь противъ этой маленькой хитрости, продолжалъ Арнольдъ.—Я служу моему другу и помогаю дѣвушкѣ которая скоро будетъ его женой.

Вдругъ Анна встала и поразила его совершенно неожиданнымъ вопросомъ.

— Мистеръ Бриквортъ, сказала она,—простите мнѣ невѣжливость моего вопроса: когда вы уйдете отсюда?

Арнольдъ расхохотался.

— Когда буду вполнѣ увѣренъ что не могу ничего больше сдѣлать чтобы помочь вамъ, сказалъ онъ.

— Пожалуста, не заботьтесь болѣе обо мнѣ.

— Въ вашемъ-то положенiи! О комъ же мнѣ заботиться какъ не о васъ?

Анна ласково положила руку на его плечо и сказала:

— О Бланкѣ.

— О Бланкѣ? повторилъ Арнольдъ, совершенно не понимая что она хочетъ сказать.

— Да, о Бланкѣ. Она успѣла передать мнѣ что сегодня утромъ произошло между вами. Я знаю что вы сдѣлали ей предложенiе, что вы ея женихъ.

Арнольдъ слушалъ ее съ восторгомъ. Теперь онъ совсѣмъ не намѣренъ былъ уходить. Онъ положительно рѣшился сидѣть съ ней.

— Теперь и не ждите чтобъ я ушелъ, сказалъ онъ.—Прощу васъ, сядемте, и поговоримъ о Бланкѣ.

Анна сдѣлала нетерпѣливое движенiе, но Арнольдъ былъ слишкомъ заинтересованъ новымъ предметомъ разговора чтобы замѣчать что-нибудь.

— Вы знаете всѣ ея привычки, всѣ ея вкусы, продолжалъ онъ,—что она любитъ и чего не любитъ. Мнѣ необходимо поговорить о ней съ вами. Когда мы будемъ мужемъ и женой, я долженъ буду угождать Бланкѣ во всемъ. По-моему,

въ этомъ состоятъ всѣ обязанности человѣка, когда онъ женатъ. Да что вы стоите. Позвольте мнѣ подать вамъ стулъ.

Было жестоко, а при другихъ обстоятельствахъ было бы невозможно отказать ему. Но съ мрачными предчувствіями овладѣвшими Анной нельзя было шутить. Она не имѣла яснаго понятія объ опасности (надо отдать справедливость Джофри, и онъ не имѣлъ яснаго понятія объ опасности) которой подвергалъ себя Арнольдъ принявъ на себя порученіе. Никто изъ нихъ не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній (немногіе ихъ имѣють) о варварскомъ шотландскомъ законѣ о бракѣ, который не требуетъ никакихъ нужныхъ предувѣдомленій, никакихъ благопристойныхъ предосторожностейъ и ограниченій, что дѣлаетъ изъ него ловушку въ которую попадаются неженатые мушкетеры и незамужнія женщины. Но если умъ Джофри не способенъ былъ смотрѣть далѣе настоящаго непредвидѣннаго случая, то болѣе развитой умъ Анны сказалъ ей что въ странѣ такъ облегчающей тайные браки (чѣмъ она сама хотѣла воспользоваться) человѣкъ не можетъ поступать такъ какъ поступилъ Арнольдъ, не опасаясь очень непріятныхъ послѣдствій. Она решительно отказалась сѣсть на предлагаемый стулъ и вступить въ предлагаемый разговоръ.

— Намъ надо отложить этотъ разговоръ до болѣе удобнаго времени, мистеръ Бринквортъ, сказала она.—Теперь я прошу васъ оставить меня.

— Оставить васъ.

— Да, оставьте меня одиночеству, которое облежитъ меня, и страданію которое я заслужила. Благодарю васъ — и прощайте.

Арнольдъ не старался скрывать свое разочарованіе и удивленіе.

— Если я долженъ уйти, я уйду. Но скажите, для чего вы такъ спѣшите выпроводить меня?

— Я не хочу чтобы вамъ опять пришлось назвать меня своею женой предъ обитателями этой гостиницы.

— Только-то! Окажите, Бога ради, чего вы боитесь?

Она не способна была ясно опредѣлить свои опасенія, и еще менѣе способна передать ихъ словами. Не зная какъ бы заставить его уйти, она обратилась къ разговору о Бланкѣ, отъ котораго отказывалась за минуту предъ тѣмъ.

— У меня есть причины бояться, сказала она. — Одна,

которую я не могу сказать, и другая, которую я скажу. Представьте что Бланка узнаетъ что вы сдѣлали. Чѣмъ долѣе вы тутъ остаетесь, чѣмъ большее число людей видите васъ, тѣмъ болѣе вѣроятности что она можетъ узнать объ этомъ.

— А что же если она узнаетъ? спросилъ Арнольдъ, со своею обычною прямою.— Неужели вы думаете что она рассердилась бы на меня за то что я стараюсь быть полезнымъ вамъ.

— Да, сказалъ Анна резко, — если она вздумаетъ ревновать меня.

Безграничная вѣра Арнольда въ Бланку выразилась безъ малѣйшаго колебанія въ дружъ словахъ:

— Это невозможно!

Какъ ни была Анна озабочена, какъ ни была она печальна, но слабая улыбка озарила ея лице.

— Сэръ-Патрикъ сказалъ бы вамъ, мистеръ Бриквортъ, что нѣтъ ничего невозможнаго тамъ гдѣ замѣшаны женщины.— Прервавъ свой минутный шутивый тонъ, она продолжала настойчивѣе чѣмъ прежде.— Вы не можете поставить себя на мѣсто Бланки, а я могу. Еще разъ прошу васъ уйти. Я не одобряю вашего прихода сюда въ качествѣ моего мужа. Я даже его совсѣмъ не одобряю.

Она протянула ему руку на прощаніе. Въ эту минуту раздался громкій стукъ въ дверь.

Анна упала на ближайшій стулъ и тихо вскрикнула. Арнольдъ, вполнѣ неспособный понять свое положеніе, спросилъ чего она испугалась и отвѣчалъ на стукъ общепринятымъ словомъ:

— Войдите.

(До слѣд. №.)

ЦАРСКІЙ СОКОЛЬНИКЪ*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА XXVIII.

Царь въ окно поглядѣлъ.

Былъ тихій июньскій вечеръ. Налетали сумерки на Москву. Пространная Красная площадь давно опустѣла. Надъ ея зеленымъ деревенскимъ просторомъ все рѣже щебетали стрижи; по-деревенски еще кружились они и надъ золотыми верхами Кремля. Въ беззвонномъ воздухѣ ждалось и назавтра яснаго дня.

По-тогдашнему шелъ восьмой часъ ночи.

Стрѣлецкая стража уже зачинала свою перекличку. Первый перекрестился сторожъ у Успенскаго собора и затапулъ протажно и заунывно: „Пресвятая Богородица, спаси насъ!“ Въ ближнемъ притинѣ хрипло отозвался другой: „Святые московскіе чудотворцы, молитесь Бога о насъ!“ Изнутри Кремля стали ближе и явственнѣе подступать къ стѣнамъ

* См. Русскій Вѣстникъ № 1 и 2.

такія же точно громогласныя возглашенія и „Николаю Чудотворцу“, и „всѣмъ святымъ“. Вдругъ на всю площадь раздалось со стѣны: „Славенъ городъ Москва!“ и протяжно замиралъ вдали этотъ окликъ. „Славенъ городъ Кіевъ!“ откликнулся другой. И еще дальше раздалось: „Славенъ городъ Владиміръ!“ и еще дальше: „Славенъ городъ Суздаль!“ Изъ затина въ затинахъ, отъ башни къ башнѣ, стали переключаться какъ колокола по всѣмъ угламъ. Звучитъ имя Ростова; звучитъ имя Ярославля; звучатъ имена другихъ древнихъ русскихъ городовъ, вся слава которыхъ для насъ, потомковъ, осталась въ одномъ ихъ имени.

А вотъ ужъ и ласковыя лѣтнія звѣзды загорѣлись въ ночной синевѣ. Тяжелыя лампы, теплящіяся у вратарныхъ иконъ, рѣзче выдаютъ свои пламена сквозь окружающій сумракъ. Чешуйчатая, черепичная кровля высокихъ башенъ выступаютъ все темнѣй на голубомъ небѣ. На рву, у Василія Блаженнаго, отъ тамошней высокой травы и отъ густаго кустарника потянуло свѣжею росой. Мѣсяцъ ли всходитъ съ краю, утренняя ли заря ужъ занимается во слѣдъ вечерней, а только Москва рѣка вся, какъ бѣлымъ днемъ, видна въ своихъ глинистыхъ берегахъ. А поглядѣть съ нея на Кремль, уже и онъ больше не темнѣетъ теперь, а сызнова начинаетъ свѣтлѣть своими несмѣтными крестами, двоеглавыми золотыми орлами, верхами царскихъ теремовъ, бѣлою зубчатою стѣной и башнями по угламъ.

Сонъ царилъ на весь Кремль.

Но вдали, за ходами и переходами боярскихъ дворовъ, потому за тѣсотой всякой дворцовой постройки, по-за святыми соборами, тамъ, на верху, въ ночной тиши, ярко свѣтился одинъ огонекъ. Въ сплошномъ ночномъ туманѣ и въ глубокомъ безмолвіи, когда развѣ только бородатый стрѣлецъ отгонялъ полночную дремоту напѣвомъ тропарей, когда темные пустынные соборы еще темнѣй и пустыннѣй казались отъ мрачнаго освѣщенія одиночныхъ ночныхъ лампадъ, тамъ высоко-высоко въ царскомъ теремѣ, и какъ разъ въ государевой спальнѣ, ярко сквозь пунцовую занавѣску свѣтило одно окно. Любопытно ли заглянуть въ теплый царскій уголокъ?

Спазенка царя Алексѣя Михайловича была крошечная комнатка, вся устланная ковромъ и по стѣнамъ увѣшанная

коврами. Она была ярко освѣщена двумя восковыми свѣчами въ высокихъ мѣдныхъ шандалахъ, которые стояли на небольшомъ дубовомъ столикѣ противъ самаго окошка. На немъ красовалась большая мѣдная чернильница съ трубками, а въ трубкахъ цѣлымъ вѣеромъ были натыканы чистыя гусиные перья. Это былъ любимый уголокъ царя Алексѣя Михайловича, уголокъ отдохновенья. Изъ этой чернильницы, на этомъ самомъ столикѣ, онъ обыкновенно писывалъ собственноручно дружескія письма пріятелямъ о своихъ охотахъ, о садоводствѣ, страстно имъ любимомъ, о своихъ ненаглядныхъ кречетахъ и соколахъ. Точно также въ здѣшнемъ дубовомъ шкапчикѣ, который стоялъ въ углу, почти въ прислонѣ къ косяку окошка, хранились не царскія дѣловые бумаги и не другія важныя книги, которымъ отведено особое мѣсто не въ этомъ покоѣ, а хранились и казали себя за стекломъ разныя охотничьи рѣдкости и диковинки: обдѣланная какъ живая черепаха, малая охотничья трубка, разныя сушенныя травы, а въ книгахъ и тетрадахъ заключались всевозможные секреты, бездѣлки и выпуски по части его любимыхъ забавъ.

На полу, на низенькой скамейкѣ, спиною въ упоръ къ дубовому шкапчику, сидѣлъ девяностолѣтній, сѣдой и съ виду слѣпой старикъ. По тишинѣ въ комнатѣ, по ровной, тихой и съ минуты на минуту все болѣе замиравшей рѣчи этого Божьяго человѣка можно было догадаться что царь уже дремлетъ, а пожалуй и уснулъ, поживаетъ. По боковой стѣнѣ, направо отъ окошка, тянулась узкая длинная лавка, до-полу укрытая ковромъ и въ углу съ бѣлыми подушками. На ней и отдыхалъ теперь Алексѣй Михайловичъ. Въ углу нельзя было разглядѣть его лица, и даже были ли у него глаза закрыты. Одна каштановая борода тамъ темнѣла. Безъ сарогъ, въ темно-синемъ халатѣ, онъ недвижимо лежалъ во всю длину лавки, скрытъ полу-сумракомъ. Только малиновые чулки ярко освѣщались на немъ обѣими свѣчами. Царь не шевелился. Свѣчи нагорали все болѣе. Щипцы, точно такія въ маломъ видѣ какими нынче захватываютъ горячіе уголья, лежали на мѣдномъ подносѣ у самыхъ шандаловъ. Но оправлять свѣчи Божій человѣкъ видимо не торопился.

....„И было великое разоренье“, дотягивалъ онъ, какъ псаломщикъ, свой безконечный разказъ; остановился и сталъ прислушиваться и приглядываться, точно ли государь почи-

васть? „И градъ Ростовъ опустѣлъ.... и соборъ сожгли.“ Старики приостановилися.

Можно было слышать стукъ маятника въ столовыхъ, черепановыхъ часахъ.

Молчаніе и непробудный сонъ въ цѣломъ дворцѣ. Спать ли, не спать ли самъ государь Алексѣй Михайловичъ, но спать давнымъ-давно его спальники и страпчіе, которымъ сегодня очередь быть ночными у него вверху. Спать двое дворянъ на верхней ступени его лѣсенки, которая ведетъ сюда, въ эту спальню, двое спать на средней ея ступени, и еще двое спать въ низу на полу, прямо на нижнюю ступеньку положили голову какъ на подушку. Въ боярскомъ отдѣленіи спать „дневальные“, которыхъ тутъ на ночь изъ двѣнадцати осталось только двое. Спать дворцовые отроки, тамъ въ среднемъ ярусѣ, у дверей запертыхъ на ночь приемныхъ царскихъ покоевъ; другіе по сѣннымъ переходамъ, и на здѣшнихъ лѣстницахъ, и кто гдѣ попалъ. А про отдѣленіе молодыхъ царевичей и еще другое, государевыхъ сестеръ, царевнъ, говорить нечего. Давно спать царица на мягкой пуховой постели, теперь одна въ своей половинѣ. Нигдѣ не видать огня въ пустыхъ царскихъ палатахъ; только тихія лампы въ ночной темнотѣ даютъ слабое мерцаніе по угламъ. Близъ иконъ, еще отъ утренняго куренія, пахнетъ ладономъ. Только въ сѣнныхъ переходахъ, гдѣ-гдѣ по широкимъ дубовымъ лѣстницамъ, ночные жирники еле-еле коптятъ масломъ.

Но ниже, у самой подошвы дворца, только перейти не очень длинныя сѣни, во дворцовой пристройкѣ, въ сокольниковой избѣ, будто люди не спать. И здѣсь всѣ комнаты на ночь притворены. Только въ передней, на дубовомъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гдѣ лежатъ тетради и бумаги и стоитъ огромная жестяная чернильница, на самомъ краешкѣ сидитъ нашъ знакомецъ, молодой князь Львовъ. Онъ свѣсилъ со стола свои ноги и для удобства подставилъ подъ нихъ скамейку. Противъ него на скамѣ сидитъ блѣдный и разстроенный Левъ. Они оба пробыли сегодня „дневальными“, но когда вечеромъ собирались бѣжать домой, Матюшкинъ Аѳанасій Ивановичъ какъ-то подозрительно выглянулъ изъ окошка, точно понюхалъ воздуха, и почему-то отпустить ихъ домой не благоразсудилъ. Онъ велѣлъ имъ и на ночь остаться гдѣ поближе. Они оба сидѣли въ потем-

какъ и очевидно всю ночь проговорили; разговоръ замиралъ. И здѣсь только слабый пламень отъ лампы предъ иконами свѣтился въ самомъ углу.

— Ахъ, тезка, тезка, мотнулъ вдругъ головою князь Львовъ.— И ты вотъ только когда мнѣ все сказалъ!

— Очень мнѣ тяжело, отвѣтилъ Левъ.— Самъ не знаю для чего я тебѣ сказаль.

— Постой, вотъ на, перебилъ его князь Львовъ,—оба мы хороши съ тобой! Ну, какой тамъ еще къ тебѣ приходилъ нищій изъ Тарханска? Врутъ они откуда ни придуть. А ты вотъ что лучше.... Государь-то еще давеча тутъ у насъ сидѣлъ.... Ну, еще новыхъ, привозныхъ колокольцевъ оглядывалъ. Такъ дыакъ-то прибѣжалъ съ бумагами.

— Ничего у меня въ памяти не было, отвѣчалъ Левъ.

— Полно, тезка!... Или что жь я вправду? Въ самомъ дѣлѣ, кажется, тебя тутъ не было. Право, вдругъ сверху сбѣжали къ Аванасію Ивановичу съ бумагами, царя спрашивали. Молъ, радостныя вѣсти пришли, а государь именно про нихъ велѣлъ, коли придуть, доложить ему тотчасъ.

— Шутить? сказалъ Левъ.

— Да не шутить, возразилъ князь Львовъ,—а вотъ еще какъ: ну, право изъ Тарханска! Самъ Аванасій Ивановичъ говорилъ тутъ: молъ, долгое время казацкаѣ смута длилась, государь опечаленъ былъ; а вотъ, молъ, и за Самарой теперь воровъ разбила! Сюда къ намъ и думный дыакъ входилъ. Что-то весело тамъ потолковали у себя, да и пошелъ сейчасъ государь вверхъ съ бумагами.

Но и это не успокоило Лёву; онъ хорошему не вѣритъ. Онъ больше вѣритъ страшнымъ разказамъ которыми принесъ ему дальній странникъ, прямо съ мѣста, прямо изъ Тарханска. Нищій второй день уже пришелъ въ Москву, остановился у нихъ во дворѣ по прежнему знакомству. Казаки при немъ взяли городъ.

Она жива, это онъ слышитъ. Что она жива, про это, пожалуй, сама душа вѣщаетъ ему. Но онъ всегдѣ сердцемъ слышитъ, какимъ-то постояннымъ душевнымъ нытьемъ угадываетъ, что они оба наканунѣ какихъ-то несповѣдимыхъ судьбъ. Что-то необычайное, что-то нечеловѣчески-страшное близится къ ней. Все время у него въ головѣ какіе-то неразгаданные сны и грезы предъ глазами.

Вотъ, вотъ она! Идетъ высоко и холодно кругомъ въ

синевѣ. Она стоитъ, какъ рыцарь со знаменемъ, на верху башни. Вдругъ огонь, пожаръ. Рухнула обгорѣлая стропила ихъ бѣлаго дома. Она восходитъ дальше и все выше. Ни заплакала, ни засмѣялась, а все о чемъ-то думаетъ; ни съ кѣмъ не говоритъ, а все шепчетъ. Потомъ они вмѣстѣ ѣдутъ по рѣкѣ въ одной лодкѣ; за ними и вокругъ нихъ плыветъ много казачьихъ лодокъ; а она кивнула головой что никого не видитъ. И лодокъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, а это окольный косымъ взглядомъ смотритъ изъ морской глубины... Левъ, какъ околѣтый, ужь не можетъ больше грести. Вдругъ она взяла у него изъ рукъ весло и загребла сама, и спасены оба. Но рѣка замерзла и вся въ бѣломъ снѣгу, лодкѣ некуда плыть.... Она только теперь ему улыбнулась и говоритъ: развѣ ты не видишь, мы леденѣемъ? Обоихъ клонитъ ледяной сонъ....

Разказывалъ ли Лѣва вслухъ свои мудреные сны молодому другу, самъ ли бредилъ въ полуснѣ этими грезами, только то вѣрно что его другъ князь Львовъ давно уснулъ тутъ же какъ былъ верхомъ на скамейкѣ, а голову положилъ на столъ, какъ на подушку.

Лѣва прислушивается: кто-то идетъ.

Чу! въ ночной тишинѣ, во мракѣ снѣжнаго перехода изъ дворца къ нимъ сюда въ сокольничью, онъ точно слышитъ чьи-то крадущіеся, осторожные шаги. Но можетъ-быть и самые эти шаги только сонъ.

Спать по-прежнему по лѣстницамъ, какъ и часъ тому назадъ, дворцовые ночные слуги; верхнія палаты закрыты и стоятъ пусты; на верхней лѣсенкѣ, которая ведетъ въ царскую спальню, по-прежнему двое спать на нижней ступени, двое въ серединѣ и двое на верхней ступени.... Только на площадкѣ теперь какъ будто ужь свѣтлѣть начинаетъ.

Въ комнатахъ у государя по-прежнему нагораютъ свѣчи. Сонъ, тишина и тутъ. Черепуховы часы все громче стучать своимъ маятникомъ. Божій человекъ своей длинной разказъ досказалъ. Теперь, только чтобы не взбудитъ уснувшаго государя самымъ молчаніемъ, онъ еле-еле выговариваетъ себѣ подъ носъ, дотягиваетъ по складамъ послѣднія слова:и соборъ сожгли. И святителю раку въ куски рубили. И самого святаго, изъ золота былъ вылить, къ себѣ въ полку увезли“.... Старикъ тихонько поднялся во весь ростъ со своей напольной скамеечки и простеръ руки къ свѣчамъ.

Вдругъ маиновые чудки зашевелились.

— Вотъ разруха-то была, Кудиничъ! неожиданно молвилъ государь, привставъ съ подушекъ, и, пританувъ къ себѣ колашки, обхватилъ ихъ руками. Забѣлѣло молочное лицо, каштановая борода затемнѣла.

— Про что еще велишь разказать, государь? спросилъ Божій человекъ, снявъ щипцами со свѣчекъ, и усѣлся опять какъ ни въ чемъ не бывало.

— Царь Борисъ на Оку ходилъ, проговорилъ царь, опять укладываясь на лавкѣ.—Давно ты мнѣ этого не разказывалъ, пробормоталъ онъ уже въ стѣну.

— Хм! откашлянулся старикъ.—При убогомъ было Федорѣ.. онъ, божеская душа, на кремлевской стѣнѣ восплакалъ... Бать, нѣтъ. Про другое велишь, кормилецъ. Ужь онъ это царемъ сталъ, Борисъ-то!.. На Калгѹ къ Окѣ выходилъ.

Онъ откашлянулся въ руку, помолчалъ малое время и зачалъ внятно и громкогласно: „Есть тому отъ сего сорокъ лѣтъ“.

Вдругъ царь разсмѣялся.

— Намъ съ тобой видно годовъ не прибываетъ! сказалъ Алексѣй Михайловичъ, опять присаживаясь на лавкѣ.—Сколько тебѣ нынче лѣтъ, Кудиничъ? Еще я малый ребенокъ былъ, при покойномъ родителѣ, все ты мнѣ свой разказъ съ этихъ сорока лѣтъ начиналъ.

— Ну, запоматовалъ, не взыщи, кормилецъ, началъ старикъ, видимо не очень довольный такою перебивкой отъ государя.—Оно, если велишь, можно и сызнова счетъ начать, соколикъ.

Но по старому ли, по новому ли, царю, видимое дѣло, не того хотѣлось. Онъ вдругъ всталъ съ лавки на коверъ, и прямо какъ былъ безъ сапогъ подошелъ къ окну. Онъ отсторонилъ обѣ свѣчки на столѣ, отдернулъ пунцовую занавѣску и растворилъ окно.

— Ночь-то благодать! повернулся онъ къ Кудиничу.—Глади, и пѣтухи запоютъ скоро!

Повѣяло утреннею свѣжестью въ комнатѣ. Кудиничъ всталъ и также смотрѣлъ въ окно.

— Вонъ ужъ гдѣ вечерняя зарница! На край сошла! указывалъ старикъ пальцемъ на одну яркую звѣзду въ небѣ.—А вонъ и утренняя зарница встаетъ! Онъ указалъ на другую звѣзду.—Какъ она въ полдерева на небѣ встанетъ, тутъ, вѣстимо, и пѣтухи запоютъ, соколикъ.

Алексѣй Михайловичъ захопнулъ окно.

— Ну, спасибо тебѣ, старина, на разказахъ, сказалъ онъ.— Поди-ка ты, Кудинычъ, да вотъ что. Разбуди кто поближе изъ спальниковъ, да сейчасъ веди ему два дѣла. Постой: такъ ты ужь лучше двоихъ разбуди. Первое дѣло чтобы прислали мнѣ Еремку или все равно Степку стряпчого; что мнѣ нужно, я имъ самимъ веду. А второе дѣло, чтобы духомъ ко мнѣ позвать Матюшкина.

— Ловчаго твоего, Аванасія Ивановича?

— Да, Кудинычъ!

И онъ самъ ему свѣтилъ свѣчою и отворялъ предъ нимъ двери.

— Не свѣти, государь. Ровно бѣлымъ днемъ иду, обратился къ нему старикъ уже съ площадки.

Алексѣй Михайловичъ, оставшись одинъ въ комнатѣ, обратился на свой образъ въ углу, закрестился предъ нимъ и закланялся въ землю.

Чай уже былъ извѣстенъ тогда въ Россіи. Если еще онъ составлялъ при самомъ дворѣ довольно цѣнный гостинецъ, то однако ужь не былъ совершенною новостью. Лучше его вкуса, Алексѣю Михайловичу, казалось, нравилось самое вареніе этой китайской травки въ большомъ горячемъ мѣдномъ чайникѣ и разливаніе въ мелкія шаровидныя настоящія китайскія чашки. По крайней мѣрѣ, государевы ближніе давно замѣтили за нимъ эту странность: онъ приказывалъ „духомъ заварить чайникъ“ единственно въ такія минуты когда у него на душѣ было совсѣмъ свѣтло. Если ему вдругъ приходила охота „накушаться чаю“, всѣ окружающіе бывали этому чрезвычайно рады. И обыкновенно это приходило невзначай, какъ и теперь, въ самое неурочное время, когда бы всего менѣе можно было ожидать этого. Неудивительно что когда требуемые Степка и Еремка выслушали государевъ приказъ „духомъ заварить чайникъ“, то оба кинулись какъ угорѣлые куда надобно чтобы привести въ исполненіе государеву волю.

Тогда-то и ввиду раздалась чьи-то осторожные шаги; сбѣжали и туда въ сокольничью передать государевъ приказъ: сейчасъ же послать къ нему Матюшкина.

ГЛАВА XXIX.

Матюшкинъ Аеанасій Ивановичъ.

Не заставилъ себя долго ждать Аеанасій Ивановичъ.

Разодѣтый, какъ подобаеть быть одѣтымъ развѣ въ полдень, а не за полночь, если не въ пышномъ турецкомъ кафтанѣ, однакожь именно въ такомъ кафтанѣ и въ такой фериази что въ немъ нельзя бы не угадать ближняго государева вельможу,—ловчій, явное дѣло, успѣлъ уже со сна и умыться, и причесать свои волосы, и расправить свои прекрасные усы, и пригладить сановитую бороду. Сіяя драгоценными перстнями и свѣтлымъ веселымъ лицомъ, въ щегольскихъ сафьянныхъ желтыхъ сапогахъ, Матюшкинъ представлялъ теперь разительную противоположность съ самимъ государемъ, который все еще чуть не босикомъ стоялъ на своемъ мягкомъ коврѣ; его лицо казалось заспаннымъ; каштановые волосы были спутаны на головѣ; рубашка отстегнулась въ вороту, обнажая грудь.

— Радость моя! крикнулъ Алексѣй Михайловичъ, на лету долилъ чашку изъ чайника, нацѣдилъ собственноручно и другую для любимаго боярина, и бросился его обнимать и цѣловалъ прямо въ губы.—Ужь и вижу, свѣтъ! самъ ты догадался для чего я тебя рано кликнулъ. А-а, посмотри-ка Иванычъ!

Царь отдернулъ пунцовую занавѣску и сталъ указывать въ окно на чуть брезжущій разсвѣтъ.

— Что и говорить! весело отмахнулъ рукою бояринъ.—Такое вѣдро стоитъ, думается сто лѣтъ жди, и такого не будетъ. Куда велишь собираться, государь?

И пухлыя, розовыя щеки боярина дрожали, и весь онъ былъ впопыхахъ, будто сейчасъ же былъ готовъ изъ комнаты скакнуть на коня, и въ поле.

— Только вотъ что, Аеанасій Ивановичъ!—Царь занесъ правую руку на затылокъ и поглаживалъ по волосамъ.—Ужь ты самъ знаешь: съ разными тутъ непорядками на Москвѣ и на Волгѣ-то... такъ я всю нынѣшнюю весну и не поохотился съ вами. И я вотъ какъ скажу теперь: страсть моя пришла! То-есть и на Савино готовъ идти, и на Троицу; а наперво прямо въ Коломенское безъ откладу. Слышишь ли, этоть разъ по душѣ хочу поохотиться. Да по нашему долгому не-

хожденію, боюсь, не порядковъ какихъ не было бы... Всѣ ли у васъ сокола наготовѣ? всѣ ли у тебя сокольники въ сборѣ?

— Ну что пустаго! развязно перебилъ Матюшкинъ. — Да не стыди меня, государь Алексѣй Михайловичъ! На что жь я у тебя и царскій ловчій живу? твой хлѣбъ ѣмъ? Слава Богу, и обувь, и одѣтъ, сытъ и пьянъ твоею милостью. Вотъ какъ.—И онъ руку потянулъ къ царю.—Я за то хочу въ отвѣтъ быть! одно слово: по душѣ поохотимся.

— Бить по рукамъ что ль? спросилъ Алексѣй Михайловичъ, и изловчился бить по рукамъ.

— По душѣ, какъ изъ пушки выстрѣлилъ на всю комнату Аѳанасій Ивановичъ.

И царь билъ по рукамъ.

За чаемъ Матюшкинъ не переставалъ пророчить небывалую охоту. Онъ помянулъ что по словамъ разсыльщиковъ, которыхъ онъ посылалъ для развѣдки мѣстъ, „въ нашихъ мѣстахъ за Яузою въ Сокольникахъ, и подъ Угрѣшею, въ Острову, и въ Измайловѣ, и въ Коломенскомъ, утокъ несчисленно много.“ Онъ опять ссылался на небывалое вѣдро, помянулъ что-то о високосѣ. Наконецъ особенно напиралъ онъ теперь на то обстоятельство что давно ли-де по всѣмъ мѣстамъ воры и разбойники чинили смуту, а вотъ теперь государевымъ счастьемъ вездѣ воровъ побили. Кругомъ, Божьею милостью, замйренье произошло.

— Да, возразилъ государь,—въ ту пору пришли дурныя вѣсти изъ Тарханска, не чаялъ мятежамъ и конца видѣть.

Аѳанасій Ивановичъ только надалъ плечами въ знакъ согласія, какъ бы говоря: „ну, вотъ видишь ли?“ и, какъ нектаръ, сосалъ чай съ блюдечка.

— Да хорошо на умъ вспало, продолжалъ государь. — Дай воеводѣ пригрожу! Для страха. Анъ, гляди, Аѳанасій Ивановичъ, ночью моимъ гнѣвнымъ словомъ какъ повернуло!.. Не все милостью, а гдѣ и грозю! прибавилъ онъ съ простодушнымъ глубокомысліемъ.

Аѳанасій Ивановичъ воздохнулъ.

Алексѣй Михайловичъ сталъ Матюшкину хвалиться что въ тотъ разъ онъ ужъ очень хорошо написалъ свою опальную грамоту въ Тарханскъ.

— Чего на мысли у меня не было, сказалъ онъ,—чтобъ его всего имѣнья лишить, я и то писалъ, и много всякаго пустаго навралъ.

— А подижь ты, какъ повернуло! поддакнулъ Матюшкинъ, прицѣкнувъ леденцомъ.

Царь признался что въ попрекъ воеводѣ онъ и о боярствѣ Засѣкина тогда помянулъ въ письмѣ; написалъ и о своей царской милости къ его сыну: „о чемъ у насъ, Аеанасій Ивановичъ, еще объ Масляной про парня сдумано; о чемъ а старому князю Салманову вечеръ при тебѣ общалъ“.

Аеанасій Ивановичъ, не отрывая отъ своихъ губъ горячаго чая, только кивнулъ головою въ знакъ того что онъ понимаетъ о чемъ царь говорить.

За чаемъ переговоры и обо всѣхъ соколахъ и кречетахъ поименно. У Алексѣя Михайловича чуть чашка не выпала изъ рукъ когда онъ услышалъ что Гамаюнъ, его любимый соколъ, выздоровѣлъ.

— Выздоровѣлъ?! воскликнулъ онъ.—Да я и не слышалъ что онъ боленъ былъ!!

— Ну! будемъ здоровы! поблагодарилъ Аеанасій Ивановичъ за чай-сахаръ, вставая съ лавки и опрокинувъ чашку на блюдечко,

— Бѣги, бѣги скорѣй, Аеанасій Ивановичъ! сказалъ царь.

По лѣстницамъ и корридорамъ ужъ теперь вездѣ замѣчалось движеніе. Хотя совершенно тихо и украдкой, но бѣгли по всѣмъ угламъ. Возлѣ соколыничьей избы ужъ теперь толкалась цѣлая толпа народа. Матюшкинъ, только что услыхавъ что государь кличетъ его къ себѣ, ужъ тогда же разослалъ верховыхъ и пѣшихъ во всѣ стороны, и на Ловчій дворъ и въ Кречетники. Осмотрѣвъ какъ исполнены его приказанія и отдавъ новыя, онъ весело возвращался въ государеву спальню. Наверху на лѣстницѣ кто-то его чуть съ ногъ не сшибъ въ потемкахъ, стукнувшись прямо лбомъ въ его пухлое лицо.

— Чортъ васъ носить! кликнулъ бояринъ, схватившись за носъ.—Все бѣ вамъ только сновать по пустякамъ, лѣшіе.

— Меня государь къ себѣ кликалъ! раздался въ полу-тьмѣ важный голосъ Лѣвы, и бояринъ вдругъ прикусилъ языкъ что называется.

Не безъ того чтобы не помуслить слегка своего сныка на носу, Аеанасій Ивановичъ, еще веселѣе чѣмъ былъ въ началѣ, вошелъ въ государеву спальню.

— Ну вотъ, сказалъ онъ,—и весь народъ у меня въ сборѣ. Самъ что жъ не собираешься, государь?

Но государь уже почесывалъ затылокъ.

— Да что, Аеанасій Ивановичъ. Я, знаешь, думаю, ужь полно вхвать ли? а? спросилъ онь какъ-то нервнитоельно.

Матюшкинъ очень хорошо зналъ что царь готовъ всякій разъ говорить такимъ образомъ, лишь бы вызвать съ его стороны новья горячія увѣренія. Но на этотъ разъ было еще что-то и неподдѣльное въ раздумьи царя.

— Право, повторилъ Алексій Михайловичъ. — Кто ихъ знаетъ тамъ? Такая у меня примѣта...

— Да скажи на милость, государь? завопилъ Аеанасій Ивановичъ уже совѣтъ жалобно. — Пошелъ я отъ тебя, ты былъ весель; хвадилася по душѣ хочешь поохотиться. Только я тебя оставилъ на малое время, — и вотъ перемѣна!

— Нѣтъ, да ты знаешь, Аеанасій Ивановичъ... Такъ это... знаешь ли? — И царь опять водилъ по волосамъ на затылкѣ. — Такая у меня охотничья примѣта, Аеанасій Ивановичъ. Ты, Аеанасій Ивановичъ, лѣстницей шелъ, никого не встрѣтилъ?

— Никакъ у тебя кто изъ ребятокъ былъ! отвѣтилъ Матюшкинъ и ухватился за сунякъ. — Въ потемкахъ не разобралъ, право.

— То-то, я безъ тебя тутъ Лѣвку призывалъ, началъ Алексій Михайловичъ. — Еще обвеселить малаго хотѣлъ. Право. И таково-то, ей Богу, ласково ему говорилъ. И обо всѣхъ ребяткахъ спрашиваю: его: ну, что, какъ они? рады ли мое царское величество тѣшить? Какъ онь слышалъ: что говорить между собою? рады ли нонче въ поле вывзжать?...

Матюшкинъ кусалъ губы, не находя словъ; метался, будто готовъ былъ разорвать Леву.

— А онь это, продолжалъ государь: — да, нѣтъ, Аеанасій Ивановичъ, это я тебѣ не жалуясь говорю, а слышишь, поохотнички открываюсь.. Опять оно, можетъ-быть, еще и не вправду, а только мнѣ это такъ съ сердцовъ показалось... Такъ будто глажу на него, а онь это на меня дурнымъ глазомъ смотритъ.

— Вотъ я его сейчасъ! повернуася Матюшкинъ, даже государь удержалъ его за полу.

— Постой, Аеанасій Ивановичъ! топнулъ на него царь ногою. — Ты мнѣ все дѣло испортить.

Аеанасій Ивановичъ остановился уже въ самыхъ дверяхъ, а царь сѣлъ на лавочку, какъ будто еще тѣмъ сказать хотѣлъ: вотъ возьму да и не поѣду! Аеанасій Ивановичъ безмолвствовалъ.

— Нѣтъ, да ты постой, Аѳанасій Ивановичъ, тихо заговорилъ царь.—Ну, чего кинулся? Страху тамъ на нихъ навѣдешь теперь, на ребятаекъ; лучше мнѣ будетъ тогда вовсе не ѣхать съ вами. А ты вотъ что, Аѳанасій Ивановичъ. Ты не все грозой, а гдѣ и милостью. Ты имъ, Аѳанасій Ивановичъ, поиди не страху задай; а ты имъ поиди веселости придай, ребяткамъ. Вотъ какъ! Ты, Аѳанасій Ивановичъ, вотъ что. О чемъ мы давеча съ тобой толковали про Лѣву за чаемъ (потому она моя такая непремѣнная есть воля. Я ужъ и ея родителямъ моимъ царскимъ словомъ обѣщаль....) такъ ты ему это самое предъ охотой скажи. Да не прямо скажи, а такъ, будто ненарокомъ. И не отъ меня пока скажи....

— Ужъ будь покоенъ, государь! отмахнулся Матюшкинъ обѣими руками и поспѣшно кинулся въ дверь.

— Постой, постой, Аѳанасій Ивановичъ! остановилъ его царь въ дверяхъ. — Ты мнѣ велъ моихъ чалыхъ запречь въ мою *охотничью* тройкой; да чтобы малымъ обычаемъ, безъ шуму.... Къ заднему крылечку подавать.

Аѳанасій Ивановичъ обѣжалъ съ лѣстницы, только махалъ руками. Царь что-то еще кликнулъ ему въ догонку и, хлопнувъ дверью за собой, опять вошелъ въ спальню.

Онъ потушилъ свѣчки; отдернулъ пунцовую занавѣску; раскрылъ стелюшчатая рамы и сталъ глядѣть въ окно.

Царь велѣлъ Матюшкину: „Скажи не дѣ-прама; будто ненарокомъ! Поиди возвесели ребятаекъ!“

Но Аѳанасій Ивановичъ зналъ какъ сказать.

Онъ бурей слетѣлъ внизъ къ себѣ въ сокольничью избу. Множество сокольниковъ въ своихъ нарядныхъ кафтанахъ, помоложе и постарше, шумѣли тутъ и возлились, гонялись другъ за другомъ, пробовали силу. При его появленіи мгновенно воцарилась мертвая тишина.

— Чтобъ вамъ всѣмъ допнуть, драть васъ всѣхъ-то! началъ бояринъ.—Да если кто изъ васъ, лѣшіе, у меня новъче на охотѣ не веселъ, не проворенъ будетъ, и я—звать бы вамъ это напередъ—я изъ-за одного всѣхъ отодрать велю. Слышите что ль?

— Слышимъ, Аѳанасій Ивановичъ! раздались отдѣльные голоса.

— Чего не дружно кричите! крикнулъ, наступая на нихъ, бояринъ.—Рады что ль будете для государя стараться?

— Рады, Аеанасій Ивановичъ! бравымъ хоромъ прогрѣло по всей избѣ.

— Лѣвка! За мной иди, кликнулъ тогда Аеанасій Ивановичъ, сердито взглянувъ на молодого Засѣкина, и удалился въ дальніе покои.

Они прошли большую избу гдѣ обыкновенно имъ дѣлались смотры, гдѣ новички самимъ государемъ поставлялись въ чины, и гдѣ вообще раздавались милости и награды; прошли за ней и другую избу, гдѣ хранились всѣ текущіе счета и дѣла ихъ сокольничьей избы. За нею былъ служебный покой начальника ловчаго, самого Аеанасія Ивановича, отведенный ему для служебныхъ занятій.

Тутъ уже красовались дорогіе ковры; полавочники и наоконники были малиноваго бархата. Длинный столъ былъ накрытъ не зеленымъ сукномъ, а драгоцѣнною, изъ дворца, шелковою скатертью, съ золотымъ шитьемъ и съ золотою бахромой до-полу. Здѣшнія иконы сіяли жемчугомъ: отъ нихъ вѣяло кадильнымъ дымомъ. Въ углу подъ чахломъ тутъ стоялъ тронъ не тронъ, а именно государево большое кресло. Когда Алексѣй Михайловичъ вступалъ еще только въ переднюю сокольничьей избы, въ тотъ же мигъ давалось будто по сигналу, знать объ этомъ сюда. Тогда Матюшкинъ Аеанасій Ивановичъ самъ своими боярскими руками скорѣй снималъ чахолъ съ царскаго кресла и придвигалъ его ближе къ столу. Занимаясь своими любимыми дѣлами въ сокольничьей избѣ, царь Алексѣй Михайловичъ подолгу засиживался тутъ, на этомъ самомъ креслѣ. Точно такое же, только въ меньшемъ видѣ, поставилъ бояринъ здѣсь и для себя; оно, напротивъ того, было бѣдно и никогда не отодвигалось отъ стола.

Аеанасій Ивановичъ теперь съ важною возсѣлъ на это кресло; а Лѣвъ, по другой край стола, сталъ предъ своимъ начальникомъ „со всею вѣжливостію и совсѣмъ учтивствомъ“.

— Ты чтѣ у меня, Лѣвка, еще того.... началъ бояринъ и замаялъ губами.—Вотъ какъ! На свою дружбу съ твоимъ родителемъ, съ бояриномъ Григоріемъ Романовичемъ, не посмотри; а тебя, какъ пріѣдемъ въ Коломенское, перваго отодрать велю. Слышишь ли?

Лѣвъ промолчалъ, оправился съ ноги на ногу.

— Чего стоишь хмуришься? Гляди мнѣ прямо въ лицо! кликнулъ бояринъ.—А ты вотъ чтѣ лучше, Лѣвка. Ты меня

до того не доводи, Лёвушка. Вотъ чтò. Если вы всё коньче государя потѣшите, все у насъ въ порядкѣ сойдеть, и ты, Лёва, первый подумай о томъ; ну, всего чего хочешь, того и проси. Слышишь ли? Все будетъ по-твоему, вотъ какъ!— Бояринъ вдругъ вскочилъ съ кресла, поднялся на цыпочки и сталъ обѣими руками указывать въ самый потолокъ на верхніе покои.—Въ такомъ стиху всталъ. Въ такомъ добромъ стиху всталъ! На чтò ужь лучше, кажется. А коли такой дорый стихъ вдругъ на государя напалъ, намъ всѣмъ о томъ Бога благодарить надобно. Слышишь ли? Не разстраивать, а еще паче того своимъ радѣніемъ и своимъ учтивствомъ государя веселить. Понялъ чтò ль?

Матюшкинъ даже потрепалъ его по плечу и по стану, чмокнулъ въ щеку.

— Благодарю, Аванасій Ивановичъ, на всей твоей ласкѣ, молвилъ Лёвъ.

— Ну, такъ вотъ чтò, ужь знай же ты! заговорилъ вдругъ Матюшкинъ, съ какою-то важною озабоченностью въ лицѣ.— Обѣ свои руки, по всѣмъ пальцамъ въ драгоценныхъ перстняхъ, онъ дружескимъ обычаемъ положилъ Лёвѣ прямо на плечи.—Ужь заразы, видно, договорить. Миловать, такъ миловать, самъ знаешь пословицу. И не отъ себя это я, а отъ самого его царскаго величества говорю. — Бояринъ съ важностью надалъ своими плечами, видимо копируя Алексѣя Михайловича. — Именемъ самого государя тебѣ говорю: хочеть онъ тебя, парень, такою милостью пожаловать, чего у тебя и на разумѣ нѣтъ. Слышишь ли, Лёва? Первая на Москвѣ невѣста и красавица, и по отцу съ матерью богачка, а того больше богата царскою милостью, какъ онъ самъ хочеть ее жаловать и сватать, тебѣ сама княжна Салманова отъ государя въ невѣсты дана. Слышишь? Онъ самъ за тебя ее сосваталъ, и своимъ такимъ царскимъ словомъ при мнѣ ея родителямъ обѣщалъ. Кланяйся-благодарю!

И Матюшкинъ чуть съ ногъ не сшибъ Лёву, ухватилъ его за голову и заставилъ чуть не въ землю поклониться предъ собой какъ предъ самимъ государемъ.

И въ то время какъ Лёвъ, отдавая себѣ отчетъ въ слышанныхъ словахъ, стоялъ еще какъ вкопанный, Матюшкинъ повелъ своими плечами и широкою грудью какъ-то кверху, какъ онъ умѣлъ это, бояринъ, дѣлать по-своему; потомъ обѣими руками развелъ по воздуху такъ широко что чуть не

задѣлъ на столѣ высокой хрустальной чернильницы съ перьями, и перстни его блеснули молніями, и, весь нагнувшись, добавилъ какою-то важною разстановкою:

— Ужь это, паревъ, такая тебѣ отъ царя милость, ея въ твои лѣта выше-то и нѣтъ. Ну, ступай къ своимъ теперь! Да чтобы, всѣмъ скажи, у меня молодцами быть!

Въ то время какъ описанное происходило втайнѣ для всѣхъ во внутреннемъ покоѣ сокольничьей, снаружи ея, почти у самой подошвы государева дворца, шла уже во всеи развалѣ тихая, никому въ цѣломъ городѣ неслышимая суматоха. Верховые сновали во всѣ стороны, рассылаемые и на ловчій дворъ, и во всѣ мѣста для сбора охоты. Уже тянулись и выѣзжали впередъ необходимые запасы и для птицы, и для коней, и для людей царской соколиной охоты. Конюхи, будто простые съ улицы набранные мужики, которыхъ вся и служба на охотѣ смотрѣть въ ночномъ за спутанными лошадьми, конюхи спѣшили впередъ; за ними выходила уже въ походъ и вся рядовая, черновая прислуга. Нѣсколько богатыхъ коней подъ нарядными чепраками провели подустцы за воротами. Между молодежью видѣлись тутъ и савоиты, тучные товарищи начальнаго ловчаго. Но все тихо, чинно кругомъ. Шумнаго говора отнюдь не было.

А сверху, изъ своей спаленки, царь, никѣмъ не видимъ все еще продолжалъ глядѣть въ растворенное окно.

Легкій туманъ вставалъ отъ Москвы-рѣки. Небо и земля занимались тихою утреннею зорькой. Царь перекрестился на соборы. Росписныя ихъ врата живописными золотыми разводами выступали на свѣтъ. Золотые кресты и куполы на утреннемъ туманѣ выступали безъ блеску, сіяя матовымъ сіяньемъ. Изъ царскаго сада пахло сѣномъ, а сѣна у Алексѣя Михайловича, въ одномъ его здѣшнемъ дворцовомъ саду, накашивалось больше пяти тысячъ пудовъ. Оттуда (въ клѣткѣ, въ садкѣ ли они тамъ сидѣли у царя, залетный ли откуда прилетѣлъ со стороны) вавакалъ-кричалъ перепелъ. На Неглявной шумомъ шумѣла, молала мельница. Государь поглядѣлъ въ даль, на Замоскворѣчье. Нигдѣ изъ трубъ еще не было видно печнаго дыму. Сами галки и вороны еще нигдѣ по всему городу не просыпались. Ни по чешуйчатымъ, ни по гонтовымъ, ни по тесовымъ кровлямъ, какъ птицъ, такъ и вьющихся дымковъ нигдѣ не видать. Ранняя людская, хлѣбная стражня еще нигдѣ не начиналась. Ворота въ

цѣломъ городѣ, по всѣмъ домамъ, стоятъ еще заперты; окна вездѣ закрыты ставнями. И вотъ, на Воздвиженкѣ, у дьякона, первый пѣтухъ закричалъ. Стали тогда и царскіе пѣтухи перекликаться. Зачали пѣтухи по всей Москвѣ кричать.

Царь изъ своего окна поглядѣлъ прямо внизъ головою. Тамъ у него во дворѣ тихая, никому въ цѣломъ городѣ неслышимая суетня. Свуютъ молодые отроки, проходятъ пожале дворяне въ высокихъ лисьихъ шапкахъ. Сбоку конюхи, гуськомъ, ведутъ подустцы богатыхъ рослыхъ коней, подъ дорогами турецкими сѣдлами; конницы и пѣшихъ все прибываетъ поодаль за дворомъ. Близъ сокольничьей, безпорядокъ: въ утреннихъ сумеркахъ все больше собирается народа, вездѣ толпятся охотники. Сейчасъ начнутъ въ ряды становиться; будутъ строиться между собой, какъ надо по уставу. Пора государю одѣваться.

И какъ того хотѣлось страстному охотнику, такъ и случилось: на улицахъ ни единой души не встрѣтилось имъ. Въ утреннемъ легкомъ туманѣ съ Москвы-рѣки, при свѣтѣ едва-едва брежжущемъ, такъ что и самый Востокъ еще ни единымъ краснымъ лучомъ не отличался, двигался въ величавой тишинѣ длинный, нарядный, торжественный поѣздъ соколиной охоты. Молодцы царскіе сокольники весело идутъ на коняхъ шибкимъ шагомъ; кони будто въ мѣрный ладъ съ ноги-на-ногу переступаютъ, когда только Матюшкинъ успѣлъ столько народа съ разныхъ сторонъ собрать! Сокола и кречета на рукахъ у всадниковъ прямо молодцами сидятъ и въ сумракѣ будто ужъ воззрились въ дальнюю добычу: наострили макушки своихъ хищныхъ головъ. Впереди всѣхъ на персидскомъ аргамакѣ скакалъ съ веселымъ лицомъ бояринъ Аеанасій Ивановичъ; и, прощаясь съ Москвой, оборачиваясь и крестился на соборы. За нимъ ѣхали ловчіе младшіе его чиновъ, Хомяковъ и другіе; потомъ начальныя сокольничьи. Въ царскихъ сокольникахъ скакалъ и молодой князь Львовъ; возлѣ него шель на своемъ сѣромъ конѣ молодой Засѣкинъ, не то въ рындахъ, а не то ужъ и въ сокольникахъ, заодно со всѣми. Всѣ царскіе какъ на подборъ! Одинъ другаго красивѣй, одинъ другаго молодцоватѣй, одинъ другаго кудрявѣй! Въ заднихъ, въ послѣднихъ рядахъ тянутъ ихъ поддатни и кое-кто отставшіе изъ черновой прислуги, которая выѣхала задолго предъ ними и ужъ пожалуй теперь будетъ за заставой.

А тѣмъ временемъ и самъ государь приодѣлся. Спустиа много ли, мало ли времени, тихо, безъ шума, „малымъ обычаемъ“, отъѣхалъ и олъ со своего задняго крылецка.

Г Л А В А XXX.

На охотѣ.

„Въ поле, на свѣжее поле! За городъ!“ вотъ куда тѣнуло охотниковъ.

Воды для спуска соколовъ, разумѣется, были давно высмотрѣны. Всякій напередъ зналъ на какой именно лужѣ или болотинѣ, и что они сподятъ. Знади даже и то, у какой тогда осоки или на какой песчаной отмели стоя, изволитъ государь подвинуться къ водѣ еще ближе чтобъ ему видѣть было гораздо какъ Богъ дастъ сокоды убьеть утя. Впрочемъ нынѣшняя охота была не изъ парадныхъ, не для одвои церемони, какъ это часто случалось, а настоящая охотничья охота! Титулованные сокольники нынѣшній день могли сдать свои права и обязанности рядовымъ изъ челады которые сдѣлались своимъ искусствомъ. Чинамъ особенной важности нынѣшній разъ не придавали. Такая-то именно охота и шла всегда живѣе; ее больше любили сами сокольники. Они выѣзжали на тѣ ближнія мѣста по дорогѣ въ Коломенское, которыя каждый изъ сокольниковъ зналъ наизусть.

Правда, тогдашняя старинная Москва была и сама за большую деревню; но лѣтомъ, въ знойные дни, и тогда вонъ изъ города манило охотника. Туда гдѣ лѣсомъ пахнетъ, гдѣ отъ воды прохладно, гдѣ трава и густая и росистая, а пыли нѣтъ! Туда гдѣ зеленая листва, липовая, дубовая, березовая, спелась надъ годовою въ защитные шатры отъ солнца; гдѣ чистое луговое болото охотника даже въ знойный полдень съ ногъ до головы обдаетъ легкимъ воздухомъ! Въ деревню, наконецъ, гдѣ вся огорожа изъ плетня плетена, бревенчатая стѣна смолою пахнетъ, а камня на камнѣ вовсе нѣтъ.

Но не веселитъ душу охотника, не веселитъ теперь Лѣву и росистое утро, полемъ да луговымъ просторомъ открывшееся предъ ними вдали.

Но царь не даромъ предъ самою охотой корилъ Аванасію

Ивановичу Лѣвинъ дурной глазъ. Онъ и самъ чувствуетъ теперь: испортить онъ пожалуй всю царскую охоту!

Въ заднихъ рядахъ вдругъ прошелъ громкій крикъ; онъ сейчасъ же откликнулся ближе и въ самой серединѣ, и вотъ уже прогремѣло въ переднихъ рядахъ надъ самыми Лѣвиными ушами. Это раздалось, будто отъ цѣлаго полка, громкое здравствование государю.

Царь Алексѣй Михайловичъ, на тройкѣ своихъ чалыхъ, въ простой своей телѣжкѣ, своихъ сокольниковъ нагналъ и обогналъ, и уже впереди ихъ быстро мчался къ самому мѣсту охоты.

Теперь и Аеанасій Ивановичъ велитъ имъ всѣмъ „скорѣй по зорькѣ поспѣвать“. Осталось не очень много пути; сокола не очень раструсится на рысяхъ. Бони у сокольниковъ пошли легкою исторонью. Толпа молодыхъ всадниковъ, съ кречетами и соколами на правой приподнятой рукѣ, шумнѣй и веселѣй повалила впередъ; позади за ними идутъ сокольники и кречетники порошнѣе, всѣ равняются по два рядъ, а гдѣ и столкнутся. На встрѣчу утренней зарѣ, по росѣ, все ближе и ближе поспѣваютъ къ Коломенскому.

Въ толпѣ веселыхъ кудрявыхъ головъ одному Лѣвѣ все тошнѣй, все тяжелѣй скакалось. Онъ въ мысляхъ путается теперь. Аеанасій Ивановичъ тѣмъ царскимъ словомъ тогда въ сокольниковъ избѣ сразилъ его какъ громомъ. Съ той минуты и до сихъ поръ онъ ни съ однимъ изъ товарищей не перемолвился ни однимъ словомъ. Все дѣлалъ какъ вѣлно, и въ ряды становился, и скакалъ безпамятно. Къ тому же нонче.... Нѣтъ, это было вчера; но такъ какъ онъ провелъ всю ночь безъ сна, въ разговорахъ съ княземъ Львовымъ, то ему и кажется что нонче... Вчера отъ нищаго изъ Тарханска онъ услышалъ страшныя вѣсти.

— Не отставай, не отставай, Лѣвка! крикнулъ съ копы, обернувшись на него, Аеанасій Ивановичъ, и пухлыя щеки боярина тряслись и дрожали.

Онъ уже выравнивалъ свой полчекъ. Царская телѣжка за околицей ближняго села видѣлась у перваго крылечка. И какъ эта крайняя нарядная изба съ точенымъ перилчатымъ крылечкомъ, такъ и цѣлый порядокъ избъ, вся деревня, въ утреннемъ туманѣ, отрывочнымъ, неяснымъ сномъ безъ слѣда промелькнула для нихъ.

Блѣдный, разстроенный, съ сонною больною головою, Левъ все больше чувствуетъ что онъ непремѣнно спутается предъ государемъ. Лучше бы ему было отпроситься за болѣзнью и не выѣзжать на эту охоту.

Какъ всю дорогу не замѣчалъ онъ ни зари, ни росистаго луга, ни всей зеленой свѣжей загородной прохлады, которою вѣяло вокругъ него, такъ и теперь самаго солнечнаго восхода онъ не замѣчалъ. Не замѣчалъ даже того что они давно прѣехали на свое мѣсто, и давно началась охота. Царь сидѣлъ уже теперь верхомъ на бѣлой лошади, и его пышное сѣдло, безъ преувеличенія, горѣло всеми сокровищами Востока. Левъ, по своей обязанности въ государевыхъ рындахъ, уже не одинъ разъ побывалъ на глазахъ у государя; Алексѣй Михайловичъ передалъ ему свой носовой платокъ возить и опять взялъ къ себѣ; два-три раза государь уже посылалъ его въ дальнѣй конецъ передать приказанія, и онъ въ точности исполнилъ всѣ царскія порученія, ни въ чемъ не сбился и, словомъ сказать, ни самъ государь, ни даже Матюшкинъ Аванасій Ивановичъ до сихъ поръ ему ни словомъ ни взглядомъ ничего худаго не сказали.

И уже сѣрыя утки, направо и налево, пошли вокругъ нихъ мелькать во всѣ стороны. Въ болотѣ прокричали кулики. Станичка турухтановъ взвилась въ синемъ воздухѣ и запропаала изъ глазъ. Царь любовался своимъ соколомъ Алмазомъ, какъ онъ на смерть билъ длинноногую, бѣлогрудую цаплю, и эта воздушная борьба не одинъ мигъ длилась въ синемъ небѣ. Длинноногая три раза запрокидывалась на воздухъ грудью вверхъ, и длиннымъ клювомъ и неуклюже вытянутыми ногами, будто съ презрѣнiемъ, отпихивала надъ собою царскаго сокола прочь отъ себя. Но потомъ, какъ опять блеснетъ на солнцѣ своею бѣлизной, соколъ Алмазъ падалъ на нее изъ поднебесья, и послѣ двѣнадцатой ставки донялъ ее въ конецъ.

Самъ Лева залюбовался, какъ она, бѣлогрудая цапля, съ распростертыми крыльями и съ повислою шеей, на широкихъ кругахъ шла винтомъ къ низу.

А царю соколиный полетъ и бой красны, а не дичина.

Алексѣй Михайловичъ подозвалъ сокольника Филитерку и взялъ отъ него своего любимаго сокола Гамаюна. Онъ самъ мало подержалъ его на своей рукѣ, полюбовался и соб-

отпелноручно передалъ его Лѣвъ, велѣвъ держать близь себя до новаго приказу. Лѣвъ принявъ птицу „со всею учтивостью“.

— Ничего, сказалъ государь съ добродушною усмѣшкой, — даромъ что все больше въ рындахъ былъ, а посмотрѣлся на нашихъ охотницкихъ обычаевъ.

Чирата у Лѣвы надъ ухомъ провѣнчала крыломъ; въ своемъ рывомъ полетѣ они провесались въ двухъ шагахъ надъ его головой, даже соколъ присталъ на рукавицѣ. Самъ Лѣва тогда обратился къ царю съ находчивымъ словомъ.

— Кабы ястребъ у меня, государь, а не соколъ, сказалъ Лѣвъ, — такъ бы онъ и пошелъ пулей въ уговъ за отставшимъ чиренкомъ!

И такое Лѣвино слово больно полюбилось Алексѣю Михайловичу.

— Прекрасное твое разсужденіе! молвилъ царь. — Правда всякую птицу ястребъ въ уговъ, а соколъ всегда сверху бьетъ.

Чибиса вились надъ болотомъ. Они опрокидывались внизъ, и съ жалобнымъ материнскимъ пискомъ кружили по всему болоту. Охота съ одной воды переѣзжала на другую; котрые изъ сокольниковъ были помоложе, очень охотились на чибисовъ своихъ соколовъ напустить. Государь уже ѣхалъ верхомъ со всеми.

— Прямо на лугъ, Аванасій Ивановичъ! сказалъ онъ Матюшкину, тихо повернувъ къ нему голову, когда бояринъ, порывавшись съ нимъ, держался назади всего въ полшага.

— Мѣсто привольное, большое, государь, отвѣтилъ бояринъ, переѣзжившій весь вперед на сѣдлѣ. — Его до самаго полудня хватить.

— А въ жаръ оттуда и ко дворамъ въ Коломенское пора, тихо молвилъ государь.

И стали подвигаться ровнымъ шагомъ къ лугу. Дорогой еще нѣсколько разъ государь указывалъ откидать соколовъ на случайно взлетавшую дичь. Проѣзжали мимо длиннаго, свѣтлаго озера, берегъ котораго былъ весь въ камышахъ. Лѣвинъ соколъ, стало-быть онъ разсѣянъ былъ, слетѣлъ съ руки и взмылъ высоко. Хорошо такъ случилось: соколъ, Лѣва видитъ, сейчасъ же сталъ въ лету.

— Не прикажешь ли гвать, государь? съ горячностью обратился къ Алексѣю Михайловичу самъ Аванасій Ивановичъ, и указывалъ какъ царскій любимецъ Гамаюнъ замеръ

въ воздухѣ и повисъ на одной точкѣ. — Сталъ въ лету и ждетъ у бою, за долгъ почель Аеанасій Ивановичъ вернуть охотничій термизъ.

И Алексѣй Михайловичъ велѣлъ гнать.

Только что ударили по камышамъ, изъ травы взвилась стелбомъ рѣзвая шальная краквя. И не далъ ей Гамаюнъ повернуться, ушибъ до смерти. Покуда она шла кнзису, онъ опять ударился и вкопился въ нее, и полудугою внизъ тяжелая утка понесла Гамаюна на его рѣзвомъ полетѣ. Когда Левъ, соскочивъ съ коня, подбѣжалъ къ Гамаюну и сталъ возлѣ сокола съ уткой обминать густую траву, почти у самаго государева стремени, обвеселился Алексѣй Михайловичъ, не велѣлъ Лѣвѣ живое отымать, „а чтобъ сокола потѣшить, дать загрызть“.

И тихо, опять впереди всѣхъ, шагомъ на бѣломъ конѣ ѣдетъ государь. Вся его красная охота „со всѣмъ вѣжествомъ“ слѣдуетъ за нимъ. Имъ на глаза все краше и краше радостное утро встаетъ; луговымъ просторомъ и ширью полей будто само идетъ къ нимъ на встрѣчу. Охотникамъ ли своимъ, утреннему ли полю радуется государь, на его лицѣ улыбка. Солнце стоитъ въ небѣ всего въ поддерева, на его лучахъ по утренней росѣ даже приятно. Само утреннее солнце въ ясномъ небѣ, какъ юность, какъ жизнь, приятно. Юность и утро одно. Лѣва ѣдетъ неподалеку отъ царя. Соколъ на его нарядной рукавицѣ статнымъ молодцомъ сидитъ. Недаромъ хорошіе глаза и у людей соколиными зовутъ. Проѣзжаютъ душистыми заливными дугами. Во всѣ стороны травы и голубыми, и алыми, и синими, и какіе только у Бога есть цвѣта, всякими цвѣтами въ мірѣ цвѣтутъ. Лѣвѣ бѣлый цвѣтокъ всѣхъ замѣтнѣй.

И колокольчиками, и кудрями, и мохнушками, крестикомъ, звѣздочкой, трубочкой, на всѣ премудрые образы въ полѣ травы цвѣтутъ. Лѣвѣ былъ съ дѣтства всѣхъ милѣй колокольчикъ. Иныя травы высоко разметались листомъ, другія бѣгутъ вверхъ тонкою соломинкой, иныя путами распозались по землѣ. Цвѣтутъ дуга все веселѣе, много бѣлыхъ цвѣтовъ пошло, голубые колокольчики то и дѣло попадались на глаза. Чѣмъ онѣ веселѣе цвѣтутъ, думаетъ Левъ, тѣмъ дуга душистѣе!

Москва-рѣка на ихъ глазахъ извивъ дала. Вода серебромъ здала заблестѣла. На встрѣчу бѣлая чайка летать. Пролетѣла.

титъ одна—и пропадаетъ; пролетитъ другая—и пропадаетъ. Предъ ними открылась долина, версты на полторы въ ширину, а въ даль и не доглядишься. Пока сверху можно было оглянуть ея частые повороты и кривыя извилины, ея сплошные прудки и озера. Рѣчка вьется среди болота, травнистая, илистая, вязкое дно. Она течетъ то узенькою жилкой, то вдругъ цѣлый прудокъ дастъ въ кривулинѣ. И много пошло бычажковъ, обросшихъ камышами. Многое множество и прудковъ, и тихихъ заводей по долиноѣ. Мелкая цвѣка растетъ, смотрится въ водѣ верба. Вотъ ужъ и зеленая шмара проступаетъ по водѣ. Во многихъ мѣстахъ, по илистой рѣкѣ, отъ одного берега до другаго сплошною зеленою шмара проступаетъ. А гдѣ въ другомъ мѣстѣ вода, отъ берега до берега, блеститъ чистымъ зеркаломъ и плыть не мутна въ рѣкѣ; напротивъ, все ея илистое дно съ тамошнимъ подводнымъ растеніемъ такъ на глаза и выступаетъ. Привольно птицѣ здѣсь въ камышахъ. На поверхности водъ плаваютъ листатая кувшинка, и „больной цвѣтъ“ со своимъ дрекольчатымъ листомъ, и спаржа морская съ мелкими розоватыми цвѣтиками на стеблѣ который изъ воды вышелъ наверхъ, а зеленый ея листъ прильнулъ къ водѣ и никогда не отпадетъ.

Вдругъ Левъ вздрогнулъ. Онъ только теперь вышелъ изъ забытья.

— Летитъ! Сшибъ! сшибъ!! грянулъ цѣлый взрывъ криковъ по долиноѣ. Во всѣ стороны скакали соколы. Зачилась великая суматоха. Охотники, еще путемъ не оставившись и не оглядѣвшись на новомъ мѣстѣ, очевидно, подняли невзначай какую-то рѣдкую и драгоценную дичину. На первыхъ же порахъ имъ предстояло теперь или сразу непростительно оплошать на всю охоту, или, напротивъ, съ перваго же разу сдѣлать тутъ богатое, весь день искупающее поле. Это (невѣсть откуда вылетѣвъ) вдругъ взялся надъ самою охотой огромный черный аистъ: за Волгой часто попадающаяся птица, однакожъ и тамъ она бѣлыхъ аистовъ рѣже, а здѣсь подъ Москвой видають ее изъ годовъ въ годы, и то развѣ по одному въ цѣлое лѣто.

Аистъ грузно, медленно, и какъ-то неуклюже подбравъ шею, забиралъ вверхъ широкими кругами, становясь съ каждымъ кругомъ не выше какъ на полсажени. Все его черное перо, его красный какъ киноваръ клювъ, зеленовато-сѣрыя

какъ у цапли лапы, — такъ еще былъ онъ низко, — все это можно было простыми глазами разглядѣть на дичинѣ. Царь, приставивъ руку зонтикомъ надъ глазами, глядѣлъ вверхъ и, никого и ничего не вида кромѣ аиста, самъ кричалъ за четверыхъ: „Пускай, пускай! Откидай соколовъ!“ За нимъ то же самое, разумѣется еще громче, кричалъ-стоналъ Аеанасій Ивановичъ. Если не то же самое, такъ ужъ Богъ въдаетъ что кричали всѣ сокольники. И только очень немногіе (и первый молодой князь Львовъ) не растерялись въ общей суматохѣ, а скорѣй высвобоживали соколовъ отъ должиковъ, скорѣй возбужали чтобы хищникъ воззрѣлся на красную добычу и вскидывали съ рукавицы вверхъ. Да еще и не всякій-то соколъ, пожалуй, чернаго аиста возьметъ.

Соколъ князя Львова, „Гирей“, первый воззрѣлся на аиста; первый съ рукавицы кинулся вверхъ и прямо надъ нимъ сталъ забирать столбомъ къ верху. Въ догонку за нимъ слетѣли еще два сокола, и вотъ уже цѣлая тройка лучшихъ соколовъ въ царской охотѣ повисла на верху надъ добычей. Черная, грузная и неуклюжая на воздухѣ птица совсѣмъ оторопѣла, будто зачуяла что ей до неминуемой бѣды дошло. Пока аистъ медленно дотягивалъ винтомъ свой послѣдній кругъ кверху, три сокола одиѣкъ за другимъ, все еще забирали въ высь. Аистъ дотянулъ свой послѣдній кругъ, вдругъ взялъ въ сторону, и что называется прямымъ стремениемъ на утекъ пошелъ. Соколъ князя Львова тогда выше всѣхъ стоялъ въ синевѣ; его можно было принять за черную точку. Пока два остальные только еще взбирались къ нему на одну высоту, Гирей молніей грянулся съ поднебесья внизъ, даже надъ головой охотниковъ сухой шумъ прошелъ, ихъ какъ опалило.... Аистъ вдругъ сшибся на лету какъ прострѣленный пулей. Гирей еще ударилъ; ударили и тѣ двое, еще и еще.... Гирей зачистилъ свои удары, аистъ мѣшкомъ пошелъ къ низу.

Тогда-то вдругъ и раздались крики на всю долину, отъ которыхъ Левъ вздрогнулъ.

„Гирей! Гирей взялъ... Гирей!...“ слышались отовсюду радостные, побѣдные клики сокольниковъ, на половину конныхъ и на половину спѣшившихся и толпившихся вокругъ государя. Бѣлую царскую лошадь ужъ теперь держали подустцы. Алексѣй Михайловичъ стоялъ спѣшившись возлѣ нея. У его

ногъ лежалъ распростертый огромный черный аистъ. Князь Львовъ со своимъ побѣдителемъ на рукѣ стоялъ сіяющій за этимъ самымъ аистомъ, прямо противъ государя. Вся охота толпилась вокругъ нихъ дружною семьей; шумы и громы не умолкали. А главное, не умолкалъ Матюшкинъ Аѳанасій Ивановичъ, который весь успѣхъ этого дѣла, чуть ли даже не самый вылетъ аиста, приписывалъ единственно себѣ. Алексѣй Михайловичъ, довольно ѵлюбовавшись и чернымъ аистомъ, и Гиреемъ, молотца князя Львова поцѣловалъ прямо въ лобъ предъ лицомъ цѣлой охоты.

За такую рѣдкою удачей, за побѣдными кликами цѣлой охоты, а главное за неумолкаемыми похвальбами Аѳанасія Ивановича который увѣрялъ что онъ на аиста чуть ногой не наступилъ; потомъ за веселыми разказами о мельчайшихъ подробностяхъ этого счастливаго дѣла, начиная отъ вылета аиста до того мига какъ онъ пошелъ мѣшкомъ къ низу, разказами, въ которыхъ и самъ государь принималъ живое участіе; за всѣмъ этимъ Левъ, конечно, могъ поблагодарить судьбу и перекреститься что его собственная оплошность по диковинной птицѣ съ лучшимъ царскимъ соколомъ Гамаюномъ сойдетъ ему благополучно съ рукъ, да врядъ ли кто и могъ теперь ее замѣтить.

Чернаго аиста тутъ на дугу, конечно, больше не взгонять. Но всякій могъ напередъ сказать что впереди имъ еще много предстоитъ и веселыхъ удачъ, и досадныхъ промаховъ. Ужь во всѣ охоты таковъ этотъ дугъ.

Царь опять на своемъ конѣ тихимъ и ровнымъ шагомъ поѣхалъ впереди всѣхъ. По бокамъ, отступя въ полмощади, ѣдутъ бояре, и Аѳанасій Ивановичъ не умолкая веселитъ ихъ своими разказами. Левъ, по царскому приказу, съ Гамаюномъ на рукѣ, ѣдетъ всего въ пятнадцать шагахъ отъ плечъ государя.

„Боже!“ думаетъ Левъ, „когда же на своей охотѣ, государь, ты меня такимъ видѣлъ? И моя ли въ томъ вина что не могу заодно съ другими теперь веселъ быть? Княжна Салманова, государь, чѣмъ она удалась тебѣ?“

Въ отдаленіи съ краю пошли выситься вѣковыя сосны ровною стѣной. Небо все синѣи и синѣи царитъ надъ головою. И лѣсъ, и вода, и луговая рѣчная сторона уже разгораются полною красотою лѣтняго знойнаго дня; куда какъ хорошо что въ лицо вѣтерокъ дуетъ. Цвѣтокъ, мотылекъ и

порхающая синяя стрекоза поплаи предъ глазами заодно мелькать. Лёва видитъ предъ собою, какъ сквозь сонъ, знакомое озеро; на версту и больше потянулось рѣкою; узкое во всю длину, но мѣстами такъ узко что берегъ съ берегомъ почти смыкается, можно съ одного на другой перескочить на конѣ. Памятное, знакомое озеро!

Стали опять откидать соколовъ; съ чистой воды и изъ густыхъ камышей въ разныхъ мѣстахъ погнали дичину. Половина охотниковъ размѣстилась поодаль; прямо подошли къ тѣмъ вѣковымъ соснамъ. Которые стоятъ по сую сторону воды, стараются и они все время забирать противъ вѣтра. Въ голубой выси и Гирей, и Алмазъ, и Дрягай, и Алтабасъ, одинъ другаго выше носятя воздушные бойцы. Гоньщики шумаѣ ударили по камышамъ. Утки замелькали въ разныхъ направленихъ цѣлыми станицами; тяжелыя криквы цѣлыми вереницами потянули въ разныхъ мѣстахъ.

Матюшкинъ подскакалъ вдругъ къ Алексѣю Михайловичу, и сталъ что-то указывать на Лёву, остановившагося одиноко вдали.

— Оно лучше, Аванасій Ивановичъ! Не тронь его, сказалъ государь. — Ничего; я нарочно его давеча не откликнулъ. Не тронь его тамъ вдали. Здѣсь у насъ соколовъ довольно; да и все чирята одни летять. А неравно въ тотъ край какая утица сорвется, и коли Гамаюнъ тамъ, я за дальній конецъ спокою.

Одну половину сокольниковъ сталъ теперь Аванасій Ивановичъ отпускать за воду. Онъ скакалъ и туда и сюда на своемъ аргамакѣ какъ въ бою воевода. Начальные сокольники по его приказу становились по своимъ мѣстамъ. На двѣ версты и больше раскинулась царская охота. Алтабасъ и Стрѣлецъ, Айдаръ и Есаулъ, и Ахиллесъ, Бѣляй, Змѣй и Яхонтъ, не перечтешь всѣхъ, пошли въ обгонку другъ предъ другомъ. По полю движенъе отъ всадниковъ и пѣшихъ; по поднебесью отъ воздушныхъ бойцовъ, все бурей перемѣшалось. Глаза охотниковъ разбѣгаются во всѣ четыре стороны.

— По всему воздуху баталія пошла! обратился къ государю Матюшкинъ, захотѣвъ въ своемъ охотничьемъ жару еще и иностраннымъ словомъ щегольнуть.

Левъ, съ красавцемъ Гамаюномъ на рукѣ, котораго этотъ разъ не спустилъ и съ должника, совсѣмъ забылся какъ въ

походитъ казакъ на сѣдлѣ спитъ. Въ головѣ у него дурно. Его сѣрый въ яблокахъ стоитъ какъ вкопанный на берегу.

А ему кричали со всѣхъ сторонъ и махали. Къ нему скакалъ во весь опоръ одинъ порожній сокольникъ и кричалъ не разобрать что.

Опомнившись, только теперь увидалъ Левъ что вся охота подалась отъ него версты за три. „Стои! Не сходи!“ закричалъ ему порожній сокольникъ, когда онъ хотѣлъ двинуться впередъ. Царь на своемъ бѣломъ конѣ, приложивъ руку зонтикомъ къ глазамъ, издали смотрѣлъ въ Левину сторону. Аеанасій Ивановичъ, выдѣлвшись изъ толпы на своемъ армакѣ, привсталъ во весь ростъ на стременахъ и неистово махалъ въ его сторону нагайкой. Левъ изъ всей мочи ударилъ своего коня и прямо, во весь опоръ, поскакалъ къ государю.

Цѣлый взрывъ неистовыхъ кликовъ раздался тогда ему въ отвѣтъ по всей долинѣ.

Хуже чѣмъ тогда съ аистомъ была теперь эта новая суматоха. Опять всякій кричалъ, и суетился, и объяснялъ по-своему. Матюшкинъ кого-то хлесталъ нагайкой. Четверо сокольниковъ, Ларька, Потанка, Артюшка и Филитерка, запыхавшись, подѣхали къ охотѣ.

— Разгильдяи! крикнулъ на нихъ царь, и они скорѣй раздались конями въ обѣ стороны.

Государь былъ, видимо, взволнованъ.

— Этотъ самый селезень, обращался онъ во всѣ стороны, — и въ тетрадки у меня на замѣтѣ! Носъ желтъ лимонный! такія жь лапы, брюхо дымчато, грудь розова! вычитывалъ онъ какъ по пальцамъ. — Таковъ самый и вылетѣлъ теперь изъ травы!

И опять всѣ голосили каждый свое; а Матюшкинъ ужь кого-то другаго и заразъ обоихъ хлесталъ нагайкой.

Оказалось что въ самый разгаръ охоты, когда гоньщики, обойдя одно озеро, все очистили съ него до послѣдняго пера, вдругъ среди всѣхъ, съ мѣста которое уже часъ тому назадъ было пройдено, выскочилъ изъ травы какой-то диковинный, невиданной красоты селезень. Онъ уже на самомъ взлетѣ вышелъ изъ мѣры для ловчихъ птицъ, да и летѣлъ низомъ, что для соколовъ неудобно, а ястребовъ тутъ не было. Государь велѣлъ гнать на удачу. Ничего не вышло путнаго; птица удалилась; но государь, не спуская съ нея глазъ, вдругъ

захлопалъ въ ладоши: селезень вздръ въ сторону, полетѣлъ прямо на Лёву и всего въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ него засѣлъ на бугрѣ въ чемерику. Между ея рѣдкихъ, палочныхъ стволовъ даже издали можно было видѣть, какъ опавшая птица озиралась кругомъ, вытянувъ длинную шею, и вращалась во всѣ стороны. Алексѣй Михайловичъ захопалъ въ ладоши: „Сейчасъ ее тамъ Гамаюнъ возьметъ!“ сказалъ онъ своимъ ближнимъ. Но полоумный не трогался съ мѣста. Селезень на глазахъ всѣхъ преспокойно вылетѣлъ изъ чемерики и полетѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Напрасно старались подвести опять на глаза государю чернаго аиста; напрасно десятки оторванныхъ утиныхъ головокъ тутъ же на его глазахъ давали заклевывать его любимымъ соколамъ, наиболее отличившимся сейчасъ въ повальномъ боѣ; напрасно Матюшкинъ (онъ повеселѣлъ только теперь, когда вдругъ такая блестящая мысль озарила его голову) клялся и божился предъ государемъ что того селезня, который написанъ въ его тетрадь, онъ довольно хорошо знаетъ; и тотъ селезень, истинно сказать, во всѣхъ птицахъ диво! да что изъ травы выскочилъ совсѣмъ не таковъ.

— Другія примѣты схожи! говорилъ Аванасій Ивановичъ: во въ тетрадь—носъ желтъ лимонный, а у этого, хотя не само-красный, какъ киноваръ, да и не желтъ лимонный, а розовый.

Государь былъ безутѣшенъ.

Какъ сокольники ни уговаривали что пожалуй опять тутъ на лугу отыщутъ заколдованнаго селезня, какъ ни увѣщевали сами начальные что тутъ нынѣшній разъ дичи и въ самомъ дѣлѣ невидано много,—государь поблагодарилъ всѣхъ ласково улыбаясь; отвѣтилъ что онъ довольно потѣшился и велѣлъ собирать соколовъ да и къ обѣду въ Коломенское.

Нарядныя рукавицы стали скидываться долой; телѣги стали нагружаться цѣлыми ворохами дичи; сокола доклевывали окровавленные папоротки и головки.

— А ты погоди жь! Только до Коломенскаго доѣхать дай! тихо погрозилъ государь Лёвѣ, и, опять обратясь къ окружающимъ, заговорилъ еще ласковѣе.

Такое съ виду кроткое тѣлодвиженіе царя вдругъ всѣхъ смутило.

Заранѣе ожидали что онъ въ припадкѣ бѣшеннаго гнѣва будетъ по обыкновенію и топтать ногою въ полъ и кричать:

„велю заporоть до смерти“ или: „изъ сокольничьяго чину выкинуть“, или: „бить батоги!“ Вдругъ ничего не бывало.

Когда блѣдный и разстроенный Левъ только подѣвжалъ къ государю, ужь всѣ его товарищи начали переглядываться между собой и во всѣхъ углахъ слышался шепотъ: ударъ, ждали, будетъ громовый. Но когда государь обнаружилъ такую сдержанность, когда онъ произнесъ такое „тихое слово свое“, глаза у всѣхъ опустились въ землю.

Гробовое молчаніе прошло по всей охотѣ.

Г Л А В А XXXI.

Въ Коломенскомъ.

Коломенское было недаромъ любимое село государево.

Зеленая, березовая рощи, чистая вода, поемныя луга, словомъ, вся великорусская, подмосковная красота казала себя тутъ во всѣхъ своихъ видахъ и на всемъ приводилъ. Поле можно было видѣть далеко, а въ семи верстахъ Москва съ ея колокольнями и монастырями. Подъ самыми окнами дворца протекала Москва-рѣка. Открытое, веселое мѣсто.

Сельскій потѣшный дворецъ съ башнями, съ повалушами, съ длинными крытыми переходами, съ висячими крыльцами по всѣмъ ярусамъ, съ разнообразными пестрыми кровлями: то гонтовыми по крутымъ откосамъ, то черепичными по отлогимъ косанамъ, то чешуйчатыми по причудливымъ загубамъ и изогнутымъ куполамъ верхнихъ горницъ, представлялся цѣлымъ заколдованнымъ городомъ приближающемуся путнику. А обстроенный кругомъ жилыми избами, отдѣльными помещеніями для боярскаго пріѣзда и для сокольниковъ; потомъ разными необходимыми службами и пристройками, сараями, клѣтками и подклѣтками; потомъ еще со своимъ винокуреннымъ заводомъ; съ птичьимъ и скотнымъ дворомъ, съ овчарникомъ; съ огромными теплицами аптекарскаго сада и всякими другими затѣями; а главное, со своими живописными семью церквами, изъ которыхъ особенно Вознесенская отличалась „высотой и свѣтлостью“. Коломенскій дворецъ среди зеленыхъ рощъ и полей возставалъ и въ самомъ дѣлѣ какимъ-то очарованнымъ сказочнымъ

городомъ,—восьмымъ чудомъ свѣта, какъ сказалъ тогда Симеонъ Полоцкій.

И Алексѣй Михайловичъ, можно сказать, душу свою положилъ въ Коломенское. Въ здѣшнихъ прудахъ во множествѣ водились караси и ливы; но были еще насажены и украинскія карпи и всякая другая охотнику-рыболову дорогая рыба. Страстный садовникъ, онъ любилъ шелковицу, и тутъ ему давно хотѣлось „за милостью Божьею заложить тутоваго дерева самый большой заводъ“. Въ огородахъ, кромѣ грушъ и яблокъ и всякой ягоды, кромѣ тыквъ, дынь и арбузовъ невиданной величины,—тутъ разводились еще разныя рѣдкости и диковинки, или особенно любимыя Алексѣемъ Михайловичемъ, или цѣлебныя травы. Каждая грядка тутъ была имъ самимъ обдумана и взлелѣяна. Для каждой лавочки или перегородки имъ самимъ тутъ было указано мѣсто.

И все что ни заводилъ тутъ рачительный хозяинъ, заводилъ и строилъ и украшалъ не мотовствомъ, какъ самъ онъ любилъ тѣмъ похвалиться, а давалъ деньги по разсмотрѣнью, дѣлалъ исподоволь, дешевою цѣной, безъ убытковъ.

Вступая во дворецъ, всякій могъ на каждомъ шагѣ угадывать личный вкусъ и наклонности государя. Въ переднихъ сѣняхъ былъ выписанъ Зодіакъ. Предъ сѣнями красовалась дутая „выстава“ съ гербами всѣхъ Россійскихъ государствъ. Надъ его собственными хоромами на цитахъ были написаны Европа, Африка и Азія. На потолокъ его комнаты былъ живо написанъ Соломоновъ судъ.

Коломенское, казалось, имѣло какую-то счастливую способность навѣвать свѣтлое настроеніе духа на государя; сюда онъ именно навѣжалъ для „душевнаго покоя“. Если Алексѣя Михайловича угнетали какія-нибудь печали и заботы, тогда Коломенское подолгу не видало его. Вотъ теперь Алексѣю Михайловичу пришла охота навѣститъ Коломенское, и это лучший знакъ того что.... но скажемъ его собственными словами, „за Божьей милостью теперь всякое дѣло успокоилось“.

Любили и сами сокольники навѣзжать въ это мирное пристанище государя. Когда они выѣзжали не въ Щемиловку и не въ Сущево, то-есть въ мѣста которыя вели къ Свирлову, къ Леонову и къ Алексѣевскому, а въ мѣста сейчасъ пройденныя ими на пути, сокольники напередъ изъясляли радость что побываютъ въ Коломенскомъ. Нынѣшнее лѣто они прибыли сюда еще въ первый разъ и, какъ школьники послѣ

долгой зимы прѣбхавъ въ деревню, не нарадуются они теперь своимъ любимымъ мѣстамъ, и спѣшать оглануть всѣ знакомые уголки. Они не налюбуются этимъ пространнымъ дворомъ, гдѣ Аванасій Ивановичъ нерѣдко имъ дѣлаетъ торжественные смотры, и тогда вся ихъ сокольничья охота представляетъ зрѣлище великолѣпнаго царскаго развода; дворомъ, который распахнулся цѣлымъ зеленымъ лугомъ, и нигдѣ никогда не увидишь въ такомъ изобиліи стрижей и ласточекъ сколько всегда ихъ извивается тутъ. Онѣ здѣсь рѣютъ цѣлыми станицами, голосятъ и щебечутъ, и гнѣздятся по причудливымъ прилѣпамъ здѣшнихъ сандриковъ и карнизовъ. Не налюбуются сокольники и своимъ большимъ отдѣленіемъ, гдѣ теперь, пообедавъ и вовсе не думая отдохнуть съ дороги, пока самъ государь почиваетъ, они, вмѣсто того чтобы спать, возятся на яркихъ солнечных лучахъ полуодѣтые и раздѣтые; сговариваются идти на рѣку купаться, замышляютъ и бабки, и лапту, и другія забавы, и всѣ громко хохочутъ, весело разговариваютъ. Въ ихъ отдѣленіи окна раскрыты по всему ярусу; лѣтній сквозной вѣтерокъ играетъ; приподняты нижнія половинки на верхнія и подперты до сихъ поръ употребляемыми по деревнямъ ливеечками въ зарубкахъ. Но имъ даже этотъ, отъ долгаго запустѣнія комнатъ слегка затхлый запахъ здѣшнихъ стѣнъ совсѣмъ не непріятенъ былъ.

— Но гдѣ же, господа, Лёва?

Товарища хватились только теперь, а молодой князь Львовъ давно уже разыскивалъ его: Лёвы, въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ нѣтъ. Никто не видалъ куда и когда пропалъ Левъ? Часы проходили. Лёвы нѣтъ.

— Не видалъ ли кто изъ васъ, господа? обращается ко всѣмъ молодой князь Львовъ уже съ безпокойствомъ.

Лёва пропалъ.

Тихо кругомъ. Необъятный просторъ зеленыхъ луговъ стелется за рѣкой. На землѣ и на водѣ и въ воздушной синевѣ застоялась лѣтняя тишина. Маревы и переливчатый зной. Жаркій, знойный полдень, душающій воздухъ кругомъ. Сонныя холмистыя равнины стелются необозримо въ ширь и въ даль. Тшь да благодать. И синее бездонное небо, какъ нарочно, безъ единого облачка сіяетъ надъ головой. Свѣтла и ясна сама рѣчная глубина предъ Лёвой. Вода у самыхъ ногъ.

— Къ тому шло! говорить онъ самъ себѣ.

Бездонное небо сіяетъ надъ головой; рѣка подѣ ногами, все въ одну сторону, все въ одну сторону воды гонить.

Надо съ намѣ этому быть....

— Лѣвка сумашедшій!! вдругъ кликнули у него надѣ самими ушами. — Вотъ ты гдѣ!

И Филитерка всплеснулъ руками.

Лѣва, оказалось, отошелъ по Москвѣ-рѣкѣ версты за двѣ отъ Коломенскаго. Онъ сидѣлъ у самой воды подѣ песчанымъ обрывомъ. Бѣловатый песокъ тутъ скатился крутоаромъ; по немъ, тамъ и сямъ, торчали угрюмые листы мать-и-мачихи. У самыхъ его ногъ была вода. Онъ былъ совершенно скрытъ подѣ обрывомъ. Филитерка не одинъ разъ прошелъ мимо этого мѣста ничего не замѣтивъ и пожалуй такъ и вернулся бы домой послѣ безуспѣшныхъ поисковъ. Но идя вверхъ по рѣкѣ, онъ нечаянно оглянулся назадъ, и вдругъ какъ будто сила какая ошеломила его. Левъ сидѣлъ подѣ отвѣсною крутизной безъ шапки. Филитерка въ первый мигъ призналъ его за удушенника.... Только ужъ опомнившись, онъ разглядѣлъ Лѣву. Невольный возгласъ вырвался тогда у него изъ груди; онъ побѣжалъ къ товарищу.

Близкіе шаги заставили вздрогнуть Лѣву, онъ оглянулся. Филитерка прилегъ грудью на верху крутояра и перевѣсилъ къ нему съ обрыва.

— Что ты тутъ куда запропастился, Лѣвка?

Филитерка насилу переводилъ дыханіе.

— Всѣхъ за тобой разослали, даже конюховъ послали верхомъ. Бѣги скорѣй къ государю; проснулся. Ищутъ долгое время, а ты вотъ гдѣ. Бѣги скорѣй. Осерчалъ, сказываютъ, дюже. Совсѣмъ вспылалъ.

— Захожу, такъ еще и не пойду, отвѣтилъ Левъ снизу.

Филитерку такъ и отдало назадъ.

— Что ему до меня? Я самъ себя человекъ, добавилъ Левъ, вставая, и сталъ взбираться на крутизну. Филитерка подалъ ему руку.

— Эй! полно-ка, Лѣвка!.. сказалъ наконецъ Филитерка. — Вотъ онъ велитъ тебя отодрать, такъ мы тогда послушаемъ: такую ли ты пѣсню подѣ розгами запоешь? Ну, парень, право, ступай скорѣй.

И самъ онъ сдвинулся съ мѣста.

Левъ дико смотрѣлъ ему въ слѣдъ. Филитерка бѣжалъ безъ оглядки, прямо къ Коломенскому дворцу.

Бѣдный Левъ! вѣрно думали всѣ товарищи: сама судьба, казалось, искала его погубить въ этотъ день. Царь, послѣ отдыха, всталъ еще веселѣй чѣмъ былъ поутру. Онъ надѣлъ свой любимый, лиловый халатъ, желтыя, крымскія туфли на босу-ногу, и прямо пошелъ въ садъ, велѣвъ чтобъ ему привесли меду со льда, прямо въ его холодокъ. „Царскій холодокъ“: такъ и звалось это любимое мѣстечко въ его садикѣ. Когда, пробираясь туда, царь вдругъ кликнулъ съ дороги чтобы къ нему сейчасъ же позвали Лѣвку, всѣ товарищи даже обрадовались. Было замѣчено что Алексѣй Михайловичъ не любилъ давать въ „царскомъ холодкѣ“ никакихъ строгихъ приказовъ; если онъ кого-нибудь призывалъ туда, такъ единственно для милости. Особенно теперь можно было ожидать этого когда онъ былъ въ своемъ лиловомъ халатѣ. Стоило только несчастному Лѣвѣ явиться по первому зову, такъ онъ и былъ бы прощенъ. Но надо же было такъ случиться: Левъ запропастился куда-то. Цѣлыхъ два часа его разыскивали напрасну. Масла въ огонь, конечно, подлилось.

Да и самый Лѣвинъ видъ показался товарищамъ зловѣщимъ. Когда онъ, наконецъ, появился тутъ на просторномъ дворѣ — онъ шелъ безъ шапки, безмятно придерживая ее у коленъ — всѣ игры замолкли. Филитерка прервала свои разказы; всѣ столпились и жались тѣснѣй другъ къ другу.... Что-то зловѣщее, что-то не свое было во всей его поступи, словно не своею волей онъ двигался, а его подталкивалъ рокъ. Длинная тѣнь падала отъ него на песокъ; товарищи молча провожали его взорами, какъ осужденнаго, чрезъ всю ширину двора, пока онъ наконецъ пропалъ въ калиткѣ.

Въ саду пахло только что скошенной травой; въ шахматномъ порядкѣ красовались кудрявыя яблоньки; за ними, вдали на грядахъ, въ чинномъ порядкѣ, росли всякія аптекарскія травы. Левъ шелъ натоптанною тропинкой. Тамъ и сямъ выглядывали анютины глазки; шапочки и бархатцы скромно цвели собѣ; красный макъ потешивался съ глубокомыслиемъ, — а вонъ туда дальше забилось въ уголокъ и любимое государево дерево. Туда и повела извилистая тропинка, прямо въ царскій холодокъ.

Алексѣй Михайловичъ сидѣлъ на лавочкѣ, подъ своими зелеными липками и кленами. Дубовый столъ, вдѣланный ножками прямо въ землю, былъ накрытъ бѣлою скатертью. На

и мѣтъ красовалась едова меда; серебряная стопка, только что налитая, еще пѣвилась.

Тутъ же, на скатерти, лежалъ огромный лопухъ, только что сорванный, зеленый, свѣжій листъ, чуть не въ павлицій хвостъ величиной. Государь былъ въ своемъ лиловомъ халатѣ и въ крымскихъ туфляхъ. Бѣлое, молочнаго цвѣта, лицо, каріе глаза, окладистая, каштановая борода, главуи въ сторону откуда подходилъ Левъ. Но замѣтивъ его приближеніе, государь отвернулся совсѣмъ въ другую сторону. Когда Левъ подошелъ къ мѣсту, царь, съ поддѣбною раскаянностью, обманивался лопухомъ какъ опахаломъ.

Продлилось молчаніе.

— Гдѣ былъ-пропадалъ? спросилъ наконецъ Алексѣй Михайловичъ.

Левъ молчалъ.

Алексѣй Михайловичъ тихо повернулъ голову и вдругъ.... лопухъ выпалъ изъ рукъ государя. Тотъ стоялъ за шагъ отъ его дубоваго столика, въ растрепанномъ кафтанѣ, съ разметавшимися волосами; обѣими руками онъ безпаметно придерживалъ шапку. Блѣдность Лёвы и еще что-то кромѣ блѣдности, очевидно, поразили царя.

— Охъ, бѣсноватый! проговорилъ онъ, косясь на Лёву. — Гдѣ былъ-пропадалъ? громко и разстановочно онъ повторилъ свой вопросъ.—Что такъ долго кликать себя заставилъ?

— Ходилъ на-рѣчку, сухо отвѣчалъ Левъ.

— А тебѣ бы помнитъ съ кѣмъ разговариваешь, судорожно Алексѣй Михайловичъ ударилъ кулакомъ по столу.—Не забывать бы царскаго вѣдчества! вскрикнулъ онъ и всталъ съ лавки.

— Я, можетъ, тамъ на рѣкѣ и померъ бы! взвелъ Лёва свои очи прямо на государя.

Царь озирался по сторонамъ, будто хотѣлъ кликнуть народа.

— Известно. Нонче живъ, а завтра померъ! продолжалъ Левъ. — Что царь, что изъ насъ всякій, надо всѣми волею Богъ.

Царя такъ и откинуло назадъ; онъ стиснулъ губы. „Озорникъ“, прослышалось Лёвѣ.

— А за мои озорныя слова казнить меня вели, государь, сказалъ Левъ. (Онъ даже поклонился.)—Не я первый, не я и послѣдній буду. Царскимъ словомъ мало развѣ людей бывало

въ гробъ уложено? Бывали другіе, безъ ихъ вины, царскою милостію взысканы.

— Безбожникъ! вдругъ кликнулъ Алексѣй Михайловичъ, выступивъ прямо на него. — Сердце-то цареву.... Сердце царево въ рудѣ..., и не договорилъ.

Левъ отшатнулся.

— Самъ знаешь въ Чьей? досказалъ царь, увидавъ его предъ собою на колѣняхъ.

— Вели меня смирить, государь! вопилъ между тѣмъ Левъ съ земли. — И нагрубилъ я тебѣ, и давеча всю твою царскую охоту испортилъ! А что жъ мнѣ было дѣлать-то? Ужъ заодно съ ними! Одна всѣмъ погибель, знать!... Небось, самъ знаешь, онъ и на плаху шелъ, все за тебя же клалъ голову. А ты меня зачѣмъ съ ней разлучилъ?... Ахъ! ужъ свѣтъ у меня въ очахъ меркнетъ.

Онъ бился и терзался какъ въ порчѣ.

— Зачѣмъ мнѣ умереть не дали?

Царь въ изумленіи глядѣлъ на него.

— Ты меня зачѣмъ съ ней разлучилъ? устремилъ Левъ на него дикій взглядъ. — Меня съ ней самъ Богъ соединилъ. А ты для чего Божій судъ ломаешь? Воля твоя, государь, а я твоей воли ослушникъ, государь! Въ Писаніи сказано: кого Богъ соединилъ, того человекъ да не разлучаетъ. А ты зачѣмъ насъ съ ней разлучилъ?

— Да о комъ говоришь? Что путаешь? спросилъ вдругъ царь.

— А извѣстно Тарханскъ сожгли! неожиданно молвилъ Левъ.

Менѣ всего царь былъ подготовленъ выслушать именно эту новость.

— Въ Писаніи сказано, повторилъ Левъ: — и ты лучше животъ мой возьми. А что въ душу самъ Богъ вложилъ, и царь въ томъ не воленъ. Да ужъ нѣтъ ея больше на свѣтѣ знать! Убить старикъ Обресковъ! Жива ли и дочка Софья Даниловна безъ него.... Знать и ея больше въ живыхъ нѣтъ!

Онъ вдругъ зарыдалъ.

— Лѣвка дуракъ! кликнулъ вдругъ Алексѣй Михайловичъ. — А я и не зналъ что у Обрескова дочка есть, сказалъ онъ про себя, какъ бы въ сторону. — Полно, дуракъ, Лѣвка! Вставай скорѣе! говорилъ ему Алексѣй Михайловичъ. — Такъ ты говоришь у Обрескова дочка есть? нагнулся онъ къ нему!

— Ахъ, государь! вскрикнулъ Левъ.—Я предъ тобой вко-
нецъ виноватъ.... А хоть ты мнѣ и простишь, государь, мнѣ
Богъ теперь не проститъ. Правду я о себѣ молвилъ: тамъ
на рѣкѣ, пожалуй, и померъ бы я, кабы еще мало времени
прошло. Въ мутной, студеной глубинѣ.... тамъ.... одинъ мой
трупъ по твоему зову достали бы изъ воды. Тѣломъ предъ
твоимъ судомъ, государь, а душою ужъ тамъ къ Царю Не-
бесному на судъ бы явился!

Царь осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. На лицѣ его
отразилось какое-то самоуглубленье: будто чудо во очію со-
вершилось предъ его глазами.

— Мы-то съ тобой, по глупости, по человѣчеству, сказалъ
онъ, — поминали Его имя всуе; а Онъ, Царь Небесный.... —
Алексѣй Михайловичъ взвелъ руку на небо и потомъ, глу-
боко поклонившись, коснулся ею земли. — Онъ и воистину,
знать, на насъ призиралъ съ небеси.

Левъ стоялъ какъ послушное дитя предъ нимъ.

— И тебѣ не Бога гнѣвить, а благодарить бы! вдругъ
вскрикнулъ на него Алексѣй Михайловичъ весь взволнован-
ный. — Давеча о смерти своей съ похвалой заговорилъ!...
Ахъ, самоумный! Тебя бы, Лёвка.... — Царь въ горячности
ударилъ его по плечу ли, по головѣ ли. — Тебя бы за твои
безпутныя рѣчи.... — Каштановая борода затряслась, каріе
глаза засверкали. — Опять, меня, царское величество, такъ
ли считаешь? А? Мнѣ-то, мнѣ, своему государю, зачалъ не-
беснымъ судомъ грозить!... Ахъ, безбожникъ! ахъ, ты, бого-
хульникъ эдакій!... Ишь, безъ вины царь казнить, безъ вины
и милуетъ?! Да рассуждаешь ли о томъ, самоумный: то есть
одна изъ „привилей“ царскихъ! Право, самоумные вы нонь-
че всѣ!

Левъ хотѣлъ что-то отвѣтить.

— Молчи! крикнулъ на него Алексѣй Михайловичъ.—Ма-
ло тебя батоги бить.... А за твое противъ насъ грубіанство,
противъ царскаго величества, да за богохульныя рѣчи, за
все твое безбожество.... противъ всѣхъ насъ, безбожниковъ,
въ нашемъ царскомъ уложеніи по первой да по второй статьѣ
даже смертная казнь положена. И вотъ ты смотри-знай: ка-
ковъ я милосердъ государь. Всѣ твои вины, чтѣ ты противъ
Бога самого, не токмо противъ своего земнаго царя, сдѣлалъ,
и я тебя во всемъ прощаю. Вижу, это не самъ ты.... а это
въ тебѣ твой духъ говорилъ. Да и кланяйся теперь, благо-

дари.... — Онъ загребъ въ ладошь его кудрявую голову и повалилъ Лёву на землю предъ собой, на колѣни. — Я твое, дуракъ, счастье тебѣ устроить хочу!

— Тихвинская Божія Матерь!... кликнулъ Левъ, и сталъ креститься.

— Да! Чудо во очію! перекрестилася самъ государь.— Божьей-то десницею, знать, и вправду не только ты отъ лиха спасень.... а знать Онъ-то Самъ, еще моими руками, и счастье твое тебѣ устроить, самъ Богъ, захотѣлъ. Вотъ десницу Божью и познавай.

— Государь-отецъ!... молвилъ Левъ, простирая къ нему дрожавшія руки.

— Пошли мнѣ скорѣи Матюшкина Аеанасія Ивановича! Левъ чуть не бѣгомъ вышелъ изъ сада.

Кому жь и было знать это укромное мѣстечко, „царскій холодокъ“, лучше Матюшкина? Подъ самыми этими зелеными липами бояринъ обыкновенно игрывалъ въ шахматы съ государемъ; тутъ они по цѣлымъ часамъ распоряжали важными дѣлами по соколиной охотѣ; тутъ они въ знойный полдень за добрымъ ковшемъ янтарнаго меда толковали обыкновенно о суетѣ житейской. Всегда веселое лицо Аеанасія Ивановича нигдѣ такъ не сіяло, нигдѣ съ такимъ вкусомъ не расправлялъ онъ своихъ прекрасныхъ усовъ и нигдѣ такъ широко не разводилъ руками какъ тутъ, именно подъ этими липами и кленами.

Запыхавшись, бѣгомъ, поспѣшалъ онъ теперь по извилистой тропинкѣ и гоготалъ издали; цѣлое зарево радости сіяло на его широкомъ лицѣ.... Вдругъ, подойдя къ самому „холодку“, онъ мгновенно измѣнился.

Алексѣй Михайловичъ молитвенно кланялся въ землю. Матюшкинъ подошелъ на его послѣднемъ поклонѣ; царь только легкимъ движеніемъ руки указалъ ему подождать малость, и опять палъ на землю; потомъ всталъ и началъ открещиваться, какъ на отпустѣ священникъ.

Лицо боярина все еще хранило такое выраженіе какъ будто онъ отъ избытка благоговѣнія умираетъ.

— Вотъ, Аеанасій Ивановичъ, началъ наконецъ Алексѣй Михайловичъ, присаживаясь на своей лавочкѣ.— Такое дѣло! такое дѣло!...— Онъ задумчиво качалъ головой.— Такъ я напередъ это зналъ. Такъ вотъ меня и тянуло въ Коломенское.

Лежу это я, о конѣшней охотѣ гадаю.... все будто напередъ какой радости себѣ въ Коломенскомъ отъ Бога чаялъ. Право такъ.

— Сердце царево въ рудѣ Божіей! бухнулъ Аѳанасій Ивановичъ безъ запинки этотъ, повидимому, любимый текстъ государя, къ которому, впрочемъ, и прибѣгалъ всегда во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

— Ей-же-ей, Аѳанасій Ивановичъ! Ей-Богу, не лгу; перекрестился Алексѣй Михайловичъ:—вѣдь онъ было меня, малецъ-то, на мѣстѣ тутъ убить хотѣлъ! Право не вру. Таково-то, малъ-дѣтунка, въ своемъ духѣ былъ. Мало чего не дошло.

И Алексѣй Михайловичъ сталъ подробно разказывать изумленному Матюшкину какъ оно все было; то-есть, какъ онъ сидѣлъ въ Лѣвѣ былъ. Государь говорилъ неопредѣленно, называлъ его то онъ, то духъ.

— А я ужъ и слышу, говорилъ онъ,—что это въ немъ духъ говорить. Я отрещивать, и самъ-то крещусь; да его долго онъ не отпускалъ. И таково-то неаявственно говорить. А то вдругъ глазомъ сверкнетъ. Потомъ вдругъ засмѣется онъ. Словно зубомъ заскрежещетъ, ну, право, ей-Богу, такъ!... Потомъ ужъ и восплакалъ. Ну, тогда его совсѣмъ духъ отпустилъ. Кабы, кажется, не мой крестъ, Аѳанасій Ивановичъ!...

Государь вдругъ зажмурилъ глаза и махнулъ рукой.

— Охъ! глубоко вздохнулъ Аѳанасій Ивановичъ.—Долго ли до грѣха?

И государь до конца разказывалъ Матюшкину во всѣхъ подробностяхъ какъ его Богъ сподобилъ спасти человѣческую душу отъ самовольной смерти, отъ напраснаго лиха. (По словамъ Алексѣя Михайловича, Лѣвъ ужъ раскочнулъ съ берега чтобы прыгнуть въ воду когда явились царскіе гончики.) И какъ онъ теперь слышитъ что на немъ лежитъ прямая обязанность устроить Лѣвино счастье и судьбу молодыхъ. „Моль, поди жь ты! Надо жь было всему такъ случиться чтобъ и о княжнѣ-то Салмановой прямо предъ охотой ненарокомъ заговорить!“ И какъ Лѣва приводилъ ему отъ божественныхъ писаній: „моль, полюбилъ молодежь двину, такъ это самъ Богъ, моль, ихъ соединилъ, значить. Право такъ, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ самъ думаешь о томъ?...” И что, словомъ сказать, у него теперь на душѣ „таково-то сладостно, таково-то сладостно“!...

Аванасій Ивановичъ ужь утиралъ слезу со своихъ пухлыхъ щекъ и вдавался въ чувствительность.

— По глупости, ходимъ какъ въ потемкахъ, сказалъ онъ.— А до грѣха долго ли?

Въ свою очередь, это понравилось государю.

— Какъ въ потемкахъ, подтвердилъ онъ, и даже головой мотнулъ.

— Долго ли до грѣха! опять дакнулъ бояринъ.—Примѣры бывали. Хорошо какъ въ воду; а другой, бываетъ, и ножомъ въ себя пырнетъ. Да чего далеко ходить за примѣрами? Ну, а самъ онъ теперь, чья дочка-то съ ума свела парня. Обресковъ-то старикъ. Жена-то его покойница....

— Нѣтъ, я-то, я-то.... остановилъ его вдругъ Алексѣй Михайловичъ. — Я и не зналъ что у Обрескова дочка есть! а? Такъ что жь говоришь: жена-то его покойница?

— Правду ли, нѣтъ ли, а такой объ немъ разказъ живетъ. Зарѣзаться хотѣлъ какъ померла жена покойница. А кто говоритъ, ее все зарѣзать хотѣлъ. Правду ли, нѣтъ ли.... опять оговорилъ бояринъ, разводя руками.

Алексѣй Михайловичъ наклонилъ голову и глядѣлъ въ полъ. Тѣлеснымъ и душевнымъ здоровьемъ вѣяло отъ добрака; а взоръ его теперь выражалъ именно сокрушеніе о тѣхъ людяхъ что вѣкъ болны, живя на землѣ, и душой и тѣломъ.

— О-охъ! простоналъ Матюшкинъ.—*Отъ юности моя мнози борятъ мя страсти!*

— Онъ, онъ. Духъ это все, совершенно согласился съ нимъ государь.

Тутъ же въ прохладѣ подъ липами, съ веселымъ сердечнымъ довольствомъ на лицѣ, что такъ-то оно вдругъ все кончилось мирно и, какъ Богу самому угодно, будто самою судьбой устроилось счастье парня съ дѣвкой; кромѣ того и сама охота на цѣлыя на двѣ недѣли теперь еще веселѣй поидеть, Лѣвка не разстраивать охоту, а радовать будетъ государя; царь тутъ же продиктовалъ Матюшкину какъ надо велѣть сію же минуту написать въ Тарханскъ письмо къ окольному, Данилу Ивановичу.

Лѣвъ, кликнутому вновь и явившемуся теперь по первому зову, онъ говорилъ:

— Я, Лѣвка дуракъ, князю Салманову для чего за тебя выдавалъ? Такъ словно думалось: дѣти отъ васъ хорошіе пойдуть. И я бы и дѣтей твоихъ пожаловалъ, въ рынды же

взялъ бы къ себѣ. Ну, а какъ твоя красавица, говоришь (Левъ не говорилъ), еще и Салмановой лучше, такъ я за твою судьбу и подавно радъ. А будешь мнѣ хорошо служить, я и тебя пожалую. Ты мнѣ за мѣсто сына духовнаго теперъ, я тебѣ какъ отецъ духовный, не по-царски, а по-человѣчеству говорю.... Ты смотри!...

Онъ что-то хотѣлъ договорить, повидимому, но только погрозилъ Лѣвѣ.

Левъ поклонился ему въ землю.

— Кто знаетъ? перемѣнилъ вдругъ государь свою рѣчь.— Богу будетъ угодно, я и въ ловчіе пожалую тебя.

Онъ сдѣлалъ ему знакъ рукой.

Левъ опять поклонился и хотѣлъ идти.

— Постой! воротилъ его государь съ дороги.—А на духу-то будешь, смотри, не забудь попу-то.... Понялъ? Ну, ступай съ Богомъ.

Матюшкинъ принесъ сюда уже готовый исписанный столбецъ бумаги, въ другой рукѣ онъ держалъ золотую чернильницу съ перомъ, для собственноручной подписи государя, и все это сложилъ тутъ же на столъ, гдѣ все еще красовалась ендова меда и лежалъ зеленый лопухъ, чуть не въ павлиній хвостъ величиною.

Государь отъ строки до строки самъ прочиталъ довольно длинное посланіе, подписывалъ его полнымъ своимъ царскимъ титуломъ и именемъ, потомъ тутъ же сдѣлалъ собственноручную приписку строки въ четыре, и готовая грамота прямо отсюда должна была съ нарочнымъ гонцомъ отправиться въ Тарханскъ.

Когда онъ доканчивалъ свою приписку, веселая улыбка пробѣгала по его лицу. Онъ кончилъ; не хуже записнаго дьяка прицѣлканулъ перомъ о чернильницу, сбрызнувъ чернила, и, расправивъ столбецъ на столикѣ, велѣлъ Матюшкину прочитать свои строки.

Бояринъ нагнулся, царь сбоку глядѣлъ ему прямо въ лицо. Вдругъ боярскія широкія плечи заподымались кверху; на пухлыхъ розовыхъ пальцахъ въ обѣ стороны блеснули брилліантовые перстни.

— Суженаго конемъ не объѣдешь! сказалъ Аеанасій Ивановичъ, и развелъ руками.

Листокъ сорвался съ дрогнувшей молодой липки и, кружась, упалъ въ сулею ятарнаго меда.

А охота, какая у них охота теперь поидеть въ Коломенскомъ!

Въ тотъ вечеръ и во всю ту ночь опять не спалось молодому Засѣкину въ разговорахъ съ тескою, съ молодымъ княземъ Львовымъ. Уже все спало мертвымъ сномъ въ ихъ отдѣленіи; товарищи-сокольники, кто на сѣновалѣ, кто тутъ, улеглись еще спозаранку, а они вдвоемъ сидѣли у раскрытаго окна. Предъ вечеромъ зашла было тучка, прошумѣла маленькій дождичекъ, но теперь опять разъяснѣло. Свѣжесть и благоуханное тепло стояло кругомъ. Небо вызвѣздило. Въ воздухѣ пахло только что скошеннымъ сѣномъ. Легкій паръ вставалъ съ Москвы рѣки. Гдѣ-то вдали квакали утки; вблизи кричалъ коростель. Левъ опять, ужъ давно съ нимъ этого не бывало, засмотрѣлся на ласковое небо, на лѣтнія звѣзды. Молодой князь Львовъ долго, молча, глядѣлъ ему въ глаза. „Счастливецъ“, думалъ онъ.

— Ты, Лѣва, счастливѣе меня! сказалъ онъ вдругъ.—Я никогда не былъ несчастливъ, я въ жизни всегда былъ счастливъ, а ты.... Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло!

И вблизи, казалось, забѣжавъ подъ самое ихъ окно, въ крапиву, все громче дергалъ, кричалъ коростель. Справа плылъ мѣсяць.

Г Л А В А XXXII.

По старой дорогѣ.

Въ Тарханскѣ проходили дни за днями, но всѣ они для отца съ дочерью мелькнули за одинъ день.

„Для міра совсѣмъ отпѣтый человекъ“, не даромъ Данило Ивановичъ вымолвилъ тогда о себѣ такое слово въ селѣ Великомъ. Сѣдина смѣнила просьба; вмѣсто прежней суровости, необычайная кротость въ лицѣ, таковъ онъ былъ все это послѣднее время. Московскіе знакомые не узнали бы окольного.

Но въ этотъ мигъ не узнала его сама Софья; онъ только что вернулся изъ приказной избы.

— Отъ государя! сказалъ онъ, выхвативъ изъ-за пазухи свернутую грамоту и раскинулъ столбецъ предъ собою.

Софья рванулась къ отцу.

— Читай! Сама читай! вдругъ воскликнулъ окольный.

Знакомый почеркъ государя, этотъ порывистый и разбросанный почеркъ самого Алексѣя Михайловича, первый ударилъ въ глаза окрѣпичему. Не начавъ письма, онъ уже успѣлъ прочитать приписку.

Софья стала разбирать верхнія строки: „...И тебѣ бы, Данило Ивановичъ, радоваться тому, писали не гнѣвомъ, а для твоего осмотра...“

— Вотъ, вотъ гдѣ!... Приписалъ своею государскою рукой!... Его царскаго величества собственноручная приписка ко мнѣ! указывалъ онъ на нижнія строки.

И дрожь надъ бумагой, онъ прочиталъ вслухъ: „И тебѣ бы, Данило Ивановичъ, спѣшить какъ можно, а дочери своей, зовутъ Софья, безъ насъ замужъ ни за кого не выдавать, а мы ей на Москвѣ жениха нашли.... Всея Руси Алексѣй Михайловичъ.“ А?

Отецъ и дочь переглянулись.

Онъ быстро зачиталъ съ самаго начала: „Спѣшить на наши государевы очи въ Москву тотчасъ, какъ ся наша грамота придетъ.... а велимъ пожаловать.... а нонѣ и самъ видишь: нашимъ государевымъ словомъ какъ повернуло.... тебѣ на пользу, а не во гнѣвъ было писано....“ И опять внятыѣ и разстановочныѣ раздѣлись эти слова: „И тебѣ бы, Данило Ивановичъ, спѣшить какъ можно, а дочери своей, зовутъ Софья, безъ насъ замужъ ни за кого не выдавать, а мы ей на Москвѣ жениха нашли.... Всея Руси Алексѣй Михайловичъ.“

Торжественное счастье засвѣтилось на Софьиномъ лицѣ, вся она засіяла....

— Батюшка! кликнула она въ какомъ-то пророчествѣ.— Самъ Богъ за меня заступился.... Гадать больше не о чемъ. Ъдемъ въ Москву сейчасъ. Тамъ мое счастье. Не государь каичеть, самъ Богъ зоветъ!...

Отецъ стоялъ какъ пораженный.

— Старый мой! кинулась она вдругъ ему на шею.— Съ тобой.... Слышишь ли, съ тобой и замужемъ я теперь не разстанусь!

— Да говори же, Софья! сказалъ вдругъ старикъ, удушаемый ея объятіями.— Кто же онъ твой?... Назови сына-то....

— Батюшка! отвѣтила дочь.— Замужъ я только за одного пойду. Какъ теперь меня у тебя самъ государь сватаетъ, ты для него да и для меня, конечно, не откажешь теперь.

И она стала предъ отцомъ на колѣни и, земно поклонившись въ ноги, внятно и четко выговорила ему:

— За Льва Григорьевича, за молодого Засѣкина-Рындина.

Не ожидалъ старикъ. Дочь была испугана. Замерли у него губы полураскрыты, да такъ и остались съ тѣхъ поръ, какъ у малолѣтка, полураскрыты на вѣкъ.

Наталья Ивановна, не прошло и получасу времени, ужь голосила о чемъ-то у себя подъ лѣстницей съ тарханскою подругой, протопоповою женой. А часъ спустя ужь толковала цѣлый городъ: „самъ-де царь сватаетъ воеводу дочку! Обресковы-де на-спѣхъ ѣдутъ въ Москву!“

Самое имя Льва Григорьевича, молодого Засѣкина-Рындина, варагъ разнеслось по цѣлому уѣзду. Сердце дѣвичье угадало всю правду. Сомнѣнiя не было для Софьи: никого другаго на Москвѣ, царь ей самого Лёву въ женихи нашель. Она никакихъ возраженiй не хотѣла слышать себѣ.

Злая боярышня Киндякина вдругъ расплакалась.

Только что ея подруги, заслышавъ новость, заголосили хоромъ: „моль, наше красное солнышко, Софья Даниловна, отъ насъ закатается,—ино не такъ больно будетъ глазамъ смотрѣть; совсѣмъ, было, насъ, темныхъ, ослѣпила!“ Боярышня Киндякина даже топнула ножкой въ полъ.

— Вамъ ея не жаль, сказала она,—а мнѣ такъ Софью Даниловну очень жаль. Вотъ гдѣ сосеть! вотъ такъ тутъ и сосеть!—И она заливалась горячими слезами.

— Прощай Тарханскъ! сказали они городу со здѣшней поклонной горки.

— Моль, и съ Богомъ, сударыня-княгиня! махаль рукой мельникъ Захарь.—Чего тутъ съ нами было? Поѣзжайте съ Богомъ!

— Вотъ тебѣ не жаль меня, молвила Софья,—а я, Захарь, о тебѣ жалѣть буду.

— Э, сударыня-княгиня! Каковъ онъ ни будетъ новый, по васъ, воевода; а были бы мы хороши сами, будутъ, Богъ дастъ, хороши и съ нами. Мало ли я ихъ тутъ пережилъ?

Онъ земно кланялся вослѣдъ ихъ отъѣзжавшему поѣзду.

А Софья долго еще выглядывала изъ-за полога „татарской кибитки“ на синiя волны Тарки... Не хотѣлось ей пропустить того мига какъ станетъ исчезать въ дальней синевѣ „бѣлая Гусыня“ и скроется съ ея глазъ навсегда.

Льва Гурьича Каравелова не было въ поѣздѣ, который ихъ изъ Тарханка провожалъ попережнему. Дьякъ еще съ самаго Свѣтлаго праздника отпросился у воеводы въ отпускъ и все пропадалъ въ уѣздѣ. Воеводѣ вдругъ, какъ съ неба упала, царская грамота; въ ней было сказано: „Сдаты городъ впередъ до указа изъ тамошнихъ государевыхъ людей кому будетъ можно.“ Пришлось сдать, кажется, Бискадарову. А про дьяка только въ послѣднее время прошли слухи что онъ присватался „къ кому-то изъ уѣздныхъ“.

Въ Нижнемъ Новгородѣ опять ихъ привѣтствовала княжна Зина; но она ужъ теперь не княжна. Теперь она—Зинаида Петровна, по мужу Соловая. Обнимаясь съ Софьей Обресковой, она и при встрѣчѣ, и при провожаньи повторяла все только одно, какъ она помнитъ что давно-давно тому назадъ она проводила святки въ Москвѣ у Засѣкиныхъ-Рындинныхъ, и сама Софья была тамъ; и когда еще они играли въ *птицы*, то Софья назвала себя *кречетомъ*, а она себя назвала *кукушкой*....

Наталья Ивановна, веселая съ самаго выѣзда, всю дорогу шутила; а какъ только перевалилась за Нижній, и предъ ними открылась Владимірка—словно помолодѣла старуха. „Ну, сказала она,—совсѣмъ теперь лицомъ на Москву покатились!“

Противъ того какъ они ѣхали за два года, одно мѣсто оставалось пусто въ ихъ „татарской кибиткѣ“. Софья всю дорогу не могла выронить изъ памяти что няни, одной няни, ея Василисы Пахомовны, не достаетъ ей теперь въ счастливой „татарской кибиткѣ“.

Г Л А В А XXXIII.

Пріѣздъ въ Москву.

Непередаваема ихъ радость какъ у нихъ предъ глазами вдругъ покраснѣла въ бѣлыхъ разводахъ церковь Тихвинской Божіей Матери. За нею бѣлѣлъ ихъ боярскій домъ, а вонъ и другой такой же. Возокъ повернулъ въ ворота... И вотъ уже ихъ обдало тепломъ въ тѣхъ самыхъ комнаткахъ гдѣ имъ хорошо жилось... такъ давно тому назадъ, или, пожалуй, такъ недавно.

Непередаваемо и все это время. Они сосватаны; они

женихъ и невѣста. Старикъ Обресковъ обласканъ самимъ государемъ. Въ домѣ у нихъ безпрестанныя гостины. Отъ Засѣкинскихъ къ Обресковымъ, отъ Обресковыхъ къ Засѣкинымъ, изъ воротъ въ ворота, поминутные переѣзды, непрекращаемые сносы. Ускоренною, какою-то двойною жизнью жилось имъ всѣмъ тогда, въ Кривомъ переулкѣ. Оно летѣло, это золотое время, сномъ на яву!

До самой свадьбы, съ того мига какъ самъ государь вошелъ въ ихъ дѣло, все спорилось, все ладилось, все удавалось само собою, дѣлалось какимъ-то чудомъ.

— Софья-дружокъ! говорила ей Лёвина мать.—По тебѣ, ни по комъ другому какъ по тебѣ, и безо всякой иной боли, вѣдь онъ у насъ, тутъ безъ тебя, въ смертной боли лежалъ!

И со слезами Татьяна Борисовна разказывала про огневую.

— Софья Даниловна! говорилъ Лёвинъ отецъ.—Не напрасно ты Лёву полюбила. Ты, одна ты, своимъ дѣвичьимъ разумомъ, разгадала его у насъ. Такой онъ... и Григорій Романовичъ не могъ говорить въ волненіи, плакалъ въ объятіяхъ нареченной невѣстки.

А Софья, какъ они ея ни удерживали, падала имъ въ ноги, и земно кланяясь, не за себя, „а чтобъ ея стараго отца не оставили своею любовію“, молила ихъ со слезами.

А молодая княгиня Львова, Настасья Григорьевна, всѣ свадебныя хлопоты на себя взяла. Сидитъ она тутъ за длинными столами, распоряжаетъ ткачихами и швеями; сама велитъ и указываетъ какъ надобно лисьи чернобурые мѣха кроить. Выкладываетъ серебряную посуду, гремитъ подносами....

— Я, говоритъ она, какъ сама видишь, Даниловна моя.... я всѣ по вашей свадьбѣ хлопоты взяла на себя. Старикамъ гдѣ жь хлопотать? Ну, а про васъ я такъ прямо и сказала: у Обресковыхъ и подавно кому жь хлопотать? Маменька твоя, Наталья Ивановна, сама до сихъ поръ въ дѣвкахъ; ну, а батюшка твой Данцло Ивановичъ, ужъ ты не взыщи на мнѣ, и вовсе ничего не смыслить въ нашихъ бабьихъ дѣлахъ.

Но Софья Даниловна своимъ глазамъ не вѣрить: та ли самая эта *малая китайская куколка* предъ ней?

Будто какая-нибудь княгиня Мстиславская, или даже самого Аванасія Ивановича Матюшкина толстуха жена, она въ разговорахъ теперь и размахиваетъ руками, и поминутно

хочетъ, и говорить ужъ не плавно, а какою-то веселою скороговорочкой....

И что ни шагъ у нихъ въ домъ, то все больше Софья Даниловна своимъ глазамъ не вѣрить. Узнать нельзя противъ того времени о которомъ ей упоминала княжна Зина. Старика весь домъ преобразили заново, и весь его сдали на житье-бытье молодымъ хозяевамъ, а сами хотятъ теперь завалиться въ крошечный, скромный уголокъ, доживать свою старость.

Но сами молодые, видѣлись ли, сговаривались ли они?

За нихъ видѣлись и сговаривались старики. Старика, между собою, справляли такъ-называемое *предложеніе*; они должны были обо всемъ удумать и переговорить между собой, упрочить всю будущую судьбу молодыхъ; имена Льва Григорьевича и Софьи Даниловны поминутно поминались ужъ не разлучны; на ихъ глазахъ для нихъ слагалось-собиралось цѣлое новое хозяйство, чтобы не только про ихъ вѣкъ, а еще и про ихъ внуковъ хватало, а они оставались все время какъ бы въ сторонѣ, все гдѣ-то пребывали никому невидимы, какъ будто вовсе не о нихъ тутъ шло все дѣло.

Впрочемъ, и старикамъ было не до разговоровъ. Лѣва—одинъ сынъ у отца; у окольногочаго одна дочь—Софья. О чемъ тутъ говорить? Да онъ же и сказалъ давно, разъ навсегда: „и его бѣлый домъ, и ихъ подмосковное большое Крутицкое село, и все что у него есть—все это Софьино, а не его!“

Длинныхъ счетовъ и расчетовъ окольныйчій не любилъ.

Скажутъ ли что Наталья Ивановна могла въ чемъ-нибудь не сойтись съ Татьяной Борисовной? Но обѣ старухи, старинныя московскія пріятельницы, какъ только увидѣлись послѣ разлуки, такъ цѣлый часъ и проплакали на груди другъ у дружки. Каждый день Татьяна Борисовна, послѣ деньскихъ хлопотъ, роскошно отдыхала у „тѣти-мамы“, въ ея просторной, сухой и теплой половинѣ.

Онѣ разказывали другъ другу какъ теперь молодые заживутъ счастливо въ томъ бѣломъ домѣ: какъ однакожь по воскресеньямъ будутъ сходиться за обѣдъ сюда къ старику Обрескову; какъ окольныйчій не любитъ своего бѣлаго дома, только умереть себѣ въ немъ просилъ у Софьи, а то, говорить, и продайте его совсѣмъ; какъ однакожь за то каждое лѣто всѣ они, и молодые, и сами старики Засѣкины, будутъ

непремѣнно жить въ Крутицкомъ у старика Обрескова, въ его любимомъ селѣ....

Такъ онѣ прохлаждались тутъ вдвоемъ, распивали свой любимый взварецъ и закусывали его вяземскимъ пряникомъ.

Видѣлись ли, сговорились ли между собою молодые, посторонніе не должны были этого знать.

Быль часъ между вечера и свѣта. Въ домѣ у Засѣкиныхъ-Рындиныхъ, какъ и все это время, шли какія-то приготовленія. Люди перетаскивали все что-то, перестановляли; носили какіе-то сундуки. Въ угольную комнату, которая прежде была занята Татьяной Борисовной, а теперь назначалась подъ спальню молодыхъ, сквозь полурастворенную дверь влетали крики горничныхъ дѣвушекъ, а по временамъ самой Настасьи Григорьевны. Варутъ они вошли сюда, озираясь, какъ бы еще не увѣренные что кромѣ ихъ никого тутъ не было. Послѣ больше чѣмъ двухъ-годовой разлуки это была еще ихъ первая встрѣча!...

Софья въ этотъ разъ была удивлена двумя Лѣвиными словами.

— Софья, сказалъ онъ ей:—какъ чинимъ людямъ отъ роду легко-весело живется! Счастье даромъ дается имъ. Погляди на брата съ сестрой, на Настеньку съ княземъ Львовымъ. Такъ ли намъ съ тобою?

И она опять слышитъ на себѣ его пристальный, этотъ неподвижный, будто безстрастный, этотъ внимательный, почти строгій взглядъ.

Другое было его слово:

— Знаешь, Софья. Какъ я одинъ на одинъ самъ съ собой думалъ о твоёмъ нравѣ, всегда у меня была одна недогадка. Хоть ты мнѣ ничего тогда не сказала, но вѣдь я все зналъ. Тебя за князя Маргеньянова-Руцкаго принуждалъ отецъ, да?

Софья молчала.

— Конечно, да! отвѣтилъ самъ Лѣвъ. — Также и въ Тарханскъ вы не просто уѣхали. Вѣдь его же норовъ былъ. Догадываюсь я. А?... Такъ какъ же ты его почитать могла?... Какъ ты своего отца любить могла?...

— Довольно! вдругъ молвила Софья, и у ней слеза скатилась.—Вотъ на то-то я тогда тебѣ, еще здѣсь у васъ въ домѣ, сказала: ты не знаешь его, а я знаю его! Вотъ Богъ далъ.... Теперь самъ ступай, погляди на него!...

— Софья Даниловна! крикнулъ вдругъ Левъ. — Я сейчасъ къ нему побѣгу; я Данилъ Ивановичу въ ноги упаду.

Съ тѣхъ поръ какъ Обресковы пріѣхали въ Москву, Левъ идти къ окольному все какъ-то медлилъ.

Г Л А В А XXXIV.

Левъ самъ видитъ теперь.

Левъ и родился на свѣтъ въ бѣломъ домѣ у Тихвинской. Имя сосѣдей Обресковыхъ съ пеленокъ звучало для его ушей.

„Чудо-красавица“! говорили про малютку-дочь.

„Самъ затворникъ, и её въ затворицы что ли готовить?“

Ребенокъ слушалъ, и цѣлый міръ складывался въ его мечтахъ. Смежное съ дѣтствомъ отрочество наступило для него. Они увидали другъ друга. Ихъ отрочество перешло въ ихъ юность....

Левъ и въ гостяхъ, и при дворѣ, по цѣлой Москвѣ приходилось слышать про Обресковыхъ. Весь городъ зналъ окольного за какого-то сумасброднаго, тяжелаго старика. Окольному мало было дѣла до того что о немъ говорили. А про него всѣ знали одно то что онъ въ жизнь ни про кого добраго слова не сказалъ.

Мудрено ли что нерасположеніе къ окольному росло въ Левѣ?...

Левъ вступилъ въ покой Данилы Ивановича гдѣ былъ одинъ разъ, давнымъ-давно, еще маленькимъ мальчикомъ. Все тутъ по-старому: большой боярскій письменный столъ съ рѣзною рѣшеткой; картина, завѣшенная зеленой тафтой, въ темномъ углу; лавка обтянутая малиновою кожей въ золотыхъ кружечкахъ. Левъ еще съ порога узналъ эту комнату; но онъ не узналъ окольного предъ собой.

Сѣдая понурая голова; ротъ подураскрытъ; на старческомъ лицѣ дѣтская улыбка; мало сторбленъ весь.

— Прости мнѣ, Данило Ивановичъ.... Не взыщи на мнѣ, путался Левъ.—Если я когда не словомъ или дѣломъ, а хоть помышленіемъ своимъ противъ тебя Богу грѣшенъ былъ.

— Ужь ты мнѣ лучше, дружокъ, прости! возразилъ окольный.—Вы другъ друга любили; моя дочь тобою жила, а я не замѣчалъ!

Онъ пристально поглядѣлъ ему въ глаза.

Левъ грянулся ему въ ноги; Данило Ивановичъ ловко успѣлъ его подхватить во время.

— Полно, дружокъ! Богу давай вмѣстѣ поклонимся! сказалъ онъ и подвелъ къ образницѣ. Отворивъ ея стеклянную полудверку, онъ снялъ большой въ золотомъ окладѣ Спасовъ образъ.

— Вотъ Софьюю благословеніе! сказалъ онъ.—Этимъ самымъ образомъ ея покойница мать.... тогда у кормилицы на рукахъ Софьюю благословила. Ты возьми его....

Онъ не договорилъ.

Левъ, не давая замѣтить что онъ видитъ слезы старика, отошелъ въ сторону, поставилъ икону на боярскій письменный столъ.

Вдругъ раздались сзади его какіе-то судорожные шаги. Данило Ивановичъ кинулся въ темный уголъ къ завѣшеному портрету, сорвалъ его со стѣны, прислонилъ на столъ, и прочь отодралъ тафту съ рамы....

Кроткое, ангельское лицо глянуло на Лёву....

— Варвара Глѣбовна!... простоналъ вдругъ околицій. Послѣ двадцати лѣтъ это еще въ первый разъ онъ вымолвилъ ея имя.

Ни на что не устремленный взоръ голубыхъ глазъ и полу-склоненный нѣжный обликъ, казалось, все задумчивѣе глядѣлъ съ холста....

— Возьми и его!... вдругъ вскрикнулъ околицій, судорожно замахавъ на портретъ руками.

Вдругъ дверь отворилась; въ комнату вошла Наталья Ивановна; околицій стремительно выбѣжалъ вонъ....

Войдя такъ не впопадъ къ государю-братцу, чуть не сбита имъ съ ногъ еще въ дверяхъ, очутивъ лицомъ къ лицу предъ разстроеннымъ Лёвой, а на столъ увидавъ заразъ и портретъ Варвары Глѣбовны, и ея родительское благословеніе, золотой Софьюинъ образъ, — Наталья Ивановна, съ разинутымъ ртомъ и разведенными руками, такъ и ошла на полдорогъ.

— Лёвушка, другъ ты мой! кинулась она къ нему на шею.— Ну, вотъ ты самъ видишь теперь.... (Она таинственными знаками указывала ему на дверь въ которую вышелъ околицій.) Таковъ-то, вотъ таковъ-то онъ у насъ всегда! Ну, что жъ мнѣ больше говорить? Вотъ ты самъ видишь теперь. Ишь,

онъ не видѣлъ? не замѣчалъ!... (Наталя Ивановна вдругъ еще неистовѣй стала указывать на дверь таинственными тычками.) Все-то знали, все-то видѣли, а онъ нѣтъ. Я-то ужъ и вовсе темная слѣпая старуха, какъ же это такъ, вотъ, я видѣла, а онъ не видѣлъ?

Вдругъ она оглянулась на дверь и смолкла.

Въ комнату вошелъ Обресковъ; Наталя Ивановна скорѣй зашамкала въ свою половину.

Окольничій былъ тихъ и ясенъ. Истинно-дѣтская улыбка освѣтала его лицо.

— Ну, сказалъ онъ Лѣвѣ,—живите долго и счастливо по-за-насъ стариковъ. А она (онъ взглянулъ на женинъ портретъ), можетъ, и вправду съ небеси призываетъ на вашу любовь.

Окольничій, вдругъ отступивъ на шагъ, уставился на Лёву.

— Софья! да что жь это со мной? говорилъ онъ дочери сейчасъ послѣ Лёвина ухода.—Куда ты меня завела? куда я взлетѣлъ? въ рай что ли ты меня привела? На седьмое небо, а? Себѣ дивлюсь, себя не узнаю....

— Ты себя никогда и не зналъ, разсмѣявшись отвѣтила Софья,—а вотъ я-то всегда знала тебя.

И нѣтъ въ мирѣ чище того поцѣлуя которымъ дочь поцѣловала отца.

Въ тотъ же день Левъ и Софья видѣлись другъ съ другомъ. Опять былъ часъ между вечера и свѣта когда они мелькнули въ угольной.

— Ну, что? спрашивала его Софья о чемъ-то. — Нѣтъ въ немъ ни души, ни сердца? Самъ скажи?

Она съ ногъ до головы сіяла.

— Софья! вдругъ кликнулъ Левъ, какъ бы молясь на нее.— Тѣмъ вотъ ты и воистину дорога!... Тарханскъ что помянуть? Въ Тарханскѣ ты его отъ тѣлесной смерти избавила, здѣшнюю маловременную жизнь ему спасла. Да и что Тарханскъ? На твоемъ мѣстѣ всякая другая дочь то же бы самое сдѣлала для отца. Но вѣдь ты, Софья, душу сохранила ему!...

Это былъ послѣдній ихъ короткій разговоръ украдкой. Слѣдующій разъ ужъ они свидѣлись подъ вѣнцомъ, въ церкви.

ГЛАВА XXXV.

У Тихвинской.

Церковь Тихвинской Божіей Матери никогда еще не свѣтилась такими безчисленными огнями и не была такъ полна народомъ какъ въ тотъ день.

Храмовая икона, направо отъ алтаря, сіяла драгоценною ризою.

Въ первый день по пріѣздѣ въ Москву изъ Тарханска Софья, отслушавъ молебень у Тихвинской, сказала отцу:

— Мнѣ сказывала покойница моя няня что маменька Варвара Глѣбовна всегда хотѣла сдѣлать серебряную ризу на нашу храмовую икону и велѣтъ вызолотить. Батюшка! Я ей, Тихвинской Божіей Матери, еще на *стремени*, тогда, на рѣкѣ, за тебя молилась. И тамъ, на самомъ *стремени*, вдругъ я вспомнила тогда эти нянины слова. Позволь мнѣ теперь для маменьки, и для моей няни, и для всего что миновалось, позволь мнѣ теперь это сдѣлать. Пусть всему-всему будетъ на память, отъ насъ съ тобою.

Выслушавъ дочь, отецъ добавилъ тѣлоко:

— Сдѣлаемъ изъ чистаго золота!

Эта самая риза и сіяла теперь.

Она была готова и надѣта на образъ еще ранѣе; но даже вчерашній день и еще нынѣшній день утромъ, наставка мудреною вязью, гласившая внизу о сооруженіи ризы, оканчивалась только словами: *Софью Даниловной Обресковой*. А теперь, тутъ же въ самой церкви, искусный царскій рѣщикъ дорѣзывалъ послѣднія добавочныя слова: *а въ замузестовъ Заспкиной - Рындиной*. Лишь предъ самымъ жениховымъ пріѣздомъ успѣлъ онъ докончить наставку, и скорѣй подобравъ все свое мастерство, скрылся въ народѣ.

Свѣчи горѣли цѣлыми пучками, серебряныя паникадила играли переливчатыми огнями. Женихъ, какъ сказано про рында въ старинномъ описаніи, „стоялъ какъ статуя неподвижно, и глазами ни въ которую сторону не оборачивалъ“. Сплошная толпа головъ вдругъ заколебалась.... Легкій шумъ пробѣжалъ съ паперти. Но при всеобщемъ поворотѣ головъ,

женихъ все-таки устоялъ недвижимо. Народное множество, очистивъ дорогу къ аналою, раздалось въ обѣ стороны.

Въ церковь, съ ногъ до головы укутанная двичьею фатой, смѣлою поступью входила невѣста.

И до нашихъ дней цѣла стоитъ красная церковь. Между насъ живы ихъ потомки...

Н. ВИЦЫНЪ.

ФИЗИОЛОГИЯ ЛЮДВИГА

СЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Прибавленіе къ статьѣ: *Самостоятельное начало душевныхъ явленій.* *)

I.

Психологія и фізіологія суть главныя части великой науки, предметъ которой есть изслѣдованіе человѣка и разнородныхъ явленій его жизни. Науки эти занимаются объясненіемъ двухъ разныхъ, съ перваго взгляда даже противоположныхъ сторонъ человѣческаго бытія, то-есть тѣлесной и душевной, матеріальной и умственной, безсознательной и заключающей въ себѣ возможность сознанія. Какія бы кто ни имѣлъ понятія о началѣ и сущности этихъ двухъ сторонъ человѣческаго бытія; какъ бы кто ни выводилъ обѣ эти стороны изъ одного общаго начала, матеріальнаго или идеальнаго: все таки нельзя оспаривать того что между фізіологическими и такъ-называемыми психическими явленіями есть извѣстная разница.

Разница эта очень наглядна. Она обнаруживается прежде всего въ томъ что психическія явленія соединяются съ сознаніемъ своихъ процессовъ, состояній и дѣйствій, и кромѣ того заключаютъ въ себѣ возможность свободы и произвола. И еслибы даже кто захотѣлъ объяснить эти признаки психическихъ явленій *самообманомъ*, то уже одно существованіе такого самообмана отличало бы психическія явленія

* См. *Русскіе Вѣстники* № 2.

отъ всѣхъ физиологическихъ процессовъ, которые совершаются, какъ говорятъ, по законамъ безсознательной необходимости.

При разницѣ между физиологическими и психическими явлениями есть разница и въ средствахъ ихъ изслѣдованія. Анализъ и познаніе физиологическихъ явленій основываются на чувственномъ наблюденіи процессовъ, преимущественно внѣшнихъ для самого наблюдателя; напротивъ, для изученія психическихъ явленій требуется прежде всего сознаніе способное отрѣшиться отъ внѣшняго міра и обратиться къ самому себѣ, къ своимъ внутреннимъ фактамъ. Здѣсь *самонаблюденіе*, тамъ наблюденіе *внѣшнихъ явленій*, служатъ главнымъ средствомъ научнаго изслѣдованія даннаго предмета.

Оба вышеприведенныя отличія физиологическихъ и психическихъ явленій, относящіяся какъ къ самымъ явлениямъ, такъ и къ способамъ ихъ изслѣдованія, вполне оправдываютъ существованіе двухъ отдѣльныхъ наукъ, *физиологии* и *психологии*. Науки эти, конечно, тѣснѣйшимъ образомъ соединяются между собою, дополняя себя взаимно, такъ какъ обѣ онѣ относятся къ человѣку. Но ихъ тѣмъ не менѣе нельзя смѣшивать, и не должно нарушать самостоятельность ни той, ни другой, ибо въ такомъ случаѣ одна изъ сторонъ человеческого бытія осталась бы безъ изслѣдованія. Обо всякомъ же полужизнѣданіи и полупознаніи должно сказать что оно заключаетъ въ себѣ не половину истины, а ложь, ибо представляетъ цѣлое не въ истинномъ свѣтѣ.

Но несмотря на очевидную разницу въ предметахъ и средствахъ изслѣдованія физиологии и психологии, все еще толкуютъ о томъ имѣется ли достаточное основаніе для различія и отдѣльнаго развитія этихъ двухъ наукъ. Именно со стороны *физиологии* повторяютъ часто мнѣніе что психология не имѣетъ ни самостоятельнаго предмета, ни самостоятельныхъ средствъ изслѣдованія, и потому не должна быть отдѣляема отъ физиологии. По этому мнѣнію, психология есть только глава физиологии, касающаяся явленій нервной системы, именно отправленій мозга.

Это мнѣніе распространено въ новѣйшее время въ особенности матеріалистами, которые по принципу и для единства своихъ метафизическихъ воззрѣній включаютъ психологию въ физиологию.

Но болѣе *критическіе* естествоиспытатели, въ томъ числѣ

и физиологи стремящіеся прежде всего къ научному изсѣдванію своего предмета, признають разницу между физиологическими и психологическими явленіями, и откровенно высказываютъ свое мнѣніе что средства физиологіи недостаточны для изсѣдованія явленій душевныхъ. Правда, многие и изъ этихъ критическихъ физиологовъ не свободны отъ извѣстныхъ предубѣжденій относительно психологіи, и потому высказываютъ сомнѣніе въ возможности научнаго рѣшенія главныхъ психологическихъ вопросовъ. Но такіа сомнѣнія проиходятъ по большей части отъ недостаточнаго знакомства съ областію психологіи, въ особенности съ ея новѣйшими методами, основанными на опытѣ; потому въ этомъ отношеніи трудно бываетъ спорить съ физиологами подобнаго рода. Но для психологіи, именно въ борьбѣ съ матеріализмомъ, уже очень важно указать на тотъ фактъ что критическіе физиологи признають отлчіе психическихъ явленій отъ физиологическихъ, и что всѣ они съ тѣмъ вмѣстѣ признають невозможность рѣшенія психологическихъ вопросовъ на основаніи только физиологическихъ данныхъ. Оба эти послѣднія положенія составляютъ главную основу самостоятельности психологіи съ физиологической точки зрѣнія; они и должны возбудить въ физиологахъ желаніе познакомиться съ другими средствами анализа душевныхъ явленій,—съ тѣми которыя испытаны психологами,—вмѣсто того чтобъ отрицать психологію и ея научный характеръ.

Въ примѣръ такихъ критическихъ физиологовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, мы обращаемъ здѣсь особенное вниманіе на Людвигъ и его физиологію.*

Въ диссертациі нашей *О самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*, напечатанной въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, мы приводили, по поводу разныхъ психологическихъ вопросовъ, мнѣнія разныхъ физиологовъ. Дѣлали это потому что при каждомъ сомнительномъ психологическомъ вопросѣ, гдѣ требуется помощь физиологіи, мы желали сослаться на подлинныя слова извѣстныхъ физиологовъ, не допускающія ни сомнѣній, ни разныхъ толкованій. Но такъ какъ нѣтъ физиолога который бы съ равною точностію и

* Ludwig, *Lehrbuch der Physiologie des Menschen*. 2 Auflage. Leipzig und Heidelberg. 1858. Цитованная въ этой статьѣ страдатель относится исключительно къ первому тому.

леностію висказався обо всьх затрунутихъ нами вопросахъ, то мы, конечно, были принуждены извлекать изъ *разныхъ* физиологовъ нужныя для насъ положенія.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены употребить иной приѣмъ. Мы сопоставимъ воззрѣнія одного и того же физиолога, и именно знаменитаго Людвіга, на котораго особенно указано было нѣкоторыми изъ моихъ оппонентовъ при публичномъ защищеніи моего сочиненія.

Мы представимъ здѣсь мнѣнія Людвіга о главныхъ психологическихъ вопросахъ составляющихъ содержаніе нашей диссертациі.

II.

Сперва нѣсколько словъ о *методѣ*.

1. Людвігъ на второй страницѣ своего сочиненія называетъ свои физиологическія воззрѣнія *физическими*, въ отаичіе отъ другихъ воззрѣній, извѣстныхъ подъ именемъ *витальныхъ*. Это значитъ, по его мнѣнію, что всѣ жизненные процессы организма должны быть изъяснены на основаніи только физики и химіи безъ помощи какой-либо особой *силы жизни*. Эту особую *силу жизни* нѣкоторые психологи и физиологи прикимають тождественною съ самостоятельнымъ началомъ психическихъ явленій, то-есть съ *душою*, другіе же отаичаютъ *силу жизни* отъ *души*. Для насъ здѣсь этотъ вопросъ не важенъ. Мы желаемъ только указать на понятія Людвіга о методѣ, при помощи котораго, по его мнѣнію, возможно рѣшить вопросъ о самостоятельномъ началѣ жизненныхъ процессовъ. Понятія эти вполне соответствуютъ тѣмъ воззрѣніямъ которыя мы высказали въ нашей диссертациі относительно метода рѣшенія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

Людвігъ говоритъ что его воззрѣніе подтверждается „неоспоримыми требованіями логики, по которымъ каждое сѣдствіе основывается на предыдущей причинѣ, и далѣе подтверждается *достовѣрнѣйшимъ правиломъ естѣственныхъ наукъ*, по которому мы должны ссылаться только на *неизбѣжно нужныя основанія для объясненія* даннаго вопроса (*unabgänglich nothwendige Erklärungsgründe*). Воззрѣніе это, продолжаетъ Людвігъ, отрицаетъ право отыскивать новыя

основанія для объясненія пока не будетъ доказанъ недостатокъ основаній простѣйшихъ; оно требуетъ этого тѣмъ болѣе что подобнаго рода основанія, какъ напримѣръ нервный эфиръ, растительная душа и т. д., придуманы только для объясненія того или другаго темнаго явленія, хотя ни изъ чего болѣе не слѣдуетъ существованіе этихъ самыхъ началъ, и хотя они не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ объясненія, что, напримѣръ, въ такой высокой степени достигается свѣтовымъ эфиромъ физиковъ. Еслибъ удалось сдѣлать это и въ нашемъ предметѣ, кончаетъ Людвигъ, то наши воззрѣнія не воспротивились бы подобной гипотезѣ *какъ бы ни было ново и неслышанно основаніе для такого объясненія.* §

Это значитъ: истинный естествоиспытатель не имѣетъ никакой причины противиться допущенію понятія о душѣ болѣе чѣмъ допущенію эвира, атомовъ и т. под. Вопросъ только въ томъ, можно ли объяснить такъ-называемыя душевныя явленія изъ извѣстныхъ физическихъ основъ, или нѣтъ? Этого-то взгляда мы ясно и точно высказали во второй главѣ нашей диссертациі о методѣ изслѣдованія нашего вопроса.

Какого бы мнѣнія ни былъ Людвигъ о томъ требуется или не требуется понятія о душѣ, допущеніе это касается уже самого предмета, а не метода изслѣдованія.

Мы увидимъ ниже на сколько собственныя слова Людвигъ оправдываютъ принятіе самостоятельности души или нѣтъ. Но здѣсь уже будетъ катати замѣтить по крайней мѣрѣ то что по убѣжденію Людвигъ, одно *физическое* воззрѣніе на жизненныя явленія *не достаточно* для ихъ объясненія. Вотъ его подлинныя слова: „Хотя и исполненіемъ вышеприведенныхъ (методологическихъ) требованій *нельзя доказать достаточности одного физическаго воззрѣнія* (das allein Zureichende der physikalischen Auffassung), однако то несомнѣнно вѣрно что основанія, изъ которыхъ это воззрѣніе изъясняетъ явленія, должны быть принимаемы въ соображеніе при объясненіи каждаго жизненнаго факта, потому что эти основанія истекаютъ изъ опыта.“ Мы согласны что нужно принимать въ соображеніе физическое воззрѣніе, но если оно одно не достаточно, то, кажется, можно требовать чтобы приняты были въ соображеніе и другія воззрѣнія.

2. Эту-же самую недостаточность физическихъ и физиологическихъ данныхъ признаетъ Людвигъ и при объясненіи такъ-называемыхъ *психическихъ явленій*.

- Самымъ главнымъ основаніемъ для объясненія отраженій нервовъ съ физической точки зрѣнія служатъ *электрическія* явленія въ нервахъ, открытыя и изслѣдованныя Дю-Буа-Реймондомъ. Людви́гъ прямо говоритъ (стр. 143), что по всей вѣроятности „нервные силы не что другое какъ электрическія (die Nervenkräfte keine anderen als electriche)“. Слѣдовательно вся теорія о дѣйствиіи нервовъ тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ теоріей электрическихъ явленій въ нервахъ.

Но Людви́гъ очень ясно указываетъ на недостатки этой теоріи для объясненія душевныхъ явленій.

Въ первомъ изданіи своей физиологіи онъ прямо высказалъ * что до сихъ поръ ни одна теорія, даже и новѣйшая теорія электричества въ нервахъ, основанная на открытіяхъ Дю-Буа-Реймонда, „не могла объяснить какимъ образомъ дѣйствиемъ нервовъ обуславливаются различные акты ощущенія, движенія и отдѣленія“. А во второмъ изданіи, которое мы имѣемъ подъ рукою, онъ высказываетъ эту же самую мысль только другими словами.

На стр. 111 онъ признаетъ что „мы не имѣемъ никакого точнаго отвѣта“ на вопросъ „какія химическія и физическія обстоятельства въ нервахъ обуславливаютъ собою такое или другое размѣщеніе электрическихъ молекул“. Тамъ же говоритъ что существуетъ только „очень не совершенный“ отвѣтъ на другой (въ психологическомъ отношеніи очень важный и основный) вопросъ: „при какихъ обстоятельствахъ нервъ, заключающій въ себѣ лишь возможность возбужденія, переходитъ въ состояніе дѣйствительнаго возбужденія (wie der erregbare Nerv in den erregten übergehe)?“

На стр. 116, разсматривая *качественное* различіе разныхъ состояній возбужденія нервовъ, Людви́гъ говоритъ: „Въ этомъ отношеніи мы не можемъ сказать ни того отъ какихъ внутреннихъ условій зависятъ эти разные состоянія, — ибо, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ случаевъ, въ этомъ предметѣ оставляетъ насъ и путеводная рука нерво-электричества; ни того по какимъ законамъ съ перемежною стимула перемежаются и эти состоянія.“ Подобный недостатокъ признаетъ Людви́гъ на слѣдующей страницѣ относительно *количественнаго* различія разныхъ состояній возбужденія.

* См. Ulrich, *Gott und der Mensch*, т. I, 1866, стр. 76.

Ниже, на стр. 142, Людвигъ признаетъ даже что нѣтъ никакой точно опредѣленной физической разницы между „покойнымъ и дѣйствующимъ состояніемъ нервовъ“. Онъ говоритъ: „Въ нервѣ дѣйствуютъ безпрестанно электрическіе токи которые вѣдъ предѣловъ нерва причиняютъ уклоненіе магнитной стрѣлки, и даже самый нервъ подлежитъ измѣненіямъ въ своемъ химическомъ и механическомъ составѣ, если продолжительно остается въ состояніи такъ-называемаго спокойствія, или такъ-называемаго дѣйствія. Поэтому только на основаніи неточнаго употребленія словъ, заключаетъ Людвигъ, можно приписывать нерву состояніе спокойствія въ противоположность состоянію дѣйствія.“ Это значитъ, физиология не даетъ никакого точнаго основанія для различія психическаго дѣйствія отъ бездѣйствія, сознанія отъ отсутствія сознанія, мышленія отъ состоянія когда нѣтъ мысли; однако разница эта существуетъ, и она доступна для изслѣдованія при помощи внутренняго опыта.

Словомъ, всѣ спеціальныя изслѣдованія нервныхъ процессовъ даютъ Людвигу полное право высказать на стр. 592, въ началѣ главы имѣющей предметомъ *физиологию органовъ души*, слѣдующее общее положеніе: „обстоятельства, совокупнымъ дѣйствіемъ коихъ создается ощущеніе, почти всѣмъ неизвѣстны (Die Umstände, durch deren Zusammenwirken die Empfindung entsteht, sind so gut wie unbekannt)“.

На такой же недостатокъ физиологическаго объясненія душевныхъ процессовъ указываетъ Людвигъ и относительно пресловутой, именно въ русской литературѣ, *теоріи рефлексовъ*. Г. Сѣченовъ говоритъ: * „мысль о вѣдшемъ сходствѣ, со стороны происхожденія, между чистыми рефлексами и психическими актами на столько уже выяснилась въ послѣднее время въ сознаніи физиологовъ что начинается проникать даже въ иностранные элементарные учебники физиологіи“. Онъ же утверждаетъ что „милліарды разнообразныхъ, не имѣющихъ пavidимому *никакой родственной связи* явленій сводятся на дѣятельность нѣсколькихъ десятковъ мышцъ“, да еще что „всѣ безъ исключенія *качества* вѣдшихъ проявленій мозговой дѣятельности, которыя мы характеризуемъ, напримеръ, словами *одушевленность, страстность, наемьлика, печаль, радость* и пр. суть не что иное какъ *результаты*

* Сѣченовъ; *Рефлексы головного мозга*, 1866, предисловіе и стр. 6.

большаго или меньшаго укороченія какой-нибудь группы мышц, акта, какъ есть извѣстно, чисто механическаго.“ Физиология Людвиг не принадлежитъ къ этому роду „элементарныхъ учебниковъ“ о которомъ выше упоминаетъ Свѣдковъ. Она принадлежитъ къ сочиненіямъ болѣе критическимъ и основывается на добросовѣстномъ и всестороннемъ анализѣ фактовъ, а не на теоріи рефлексовъ; но за то мы встрѣчаемъ въ ней одну краткую замѣтку которая не требуетъ дальнѣйшаго разбора чтобы доказать всю несостоятельность теоріи рефлексовъ въ сферѣ психологіи. Людвигъ говоритъ (стр. 593): „тѣмъ фактомъ что рефлексъ, то-есть соединеніе возбужденія чувственныхъ и двигательныхъ нервныхъ трубокъ, можетъ являться безъ ощущенія *опровергается вполне* (widerlegt zur Genüge) подозрѣніе, будто бы физиологическое соединеніе дѣйствія нервныхъ трубокъ въ головномъ и спинномъ мозгу есть условіе ощущенія.“

Приведенными положеніями Людвиг, кажется, достаточно исполняется первое изъ его методологическихъ условій относительно отыскиванія *новыхъ* основаній для объясненія данныхъ явленій, именно условіе, по которому эти *новые* основанія не имѣютъ права являться пока не показанъ недостатокъ старыхъ и простѣйшихъ. Положенія эти показываютъ недостаточность объясненія психической жизни на основаніи *простыхъ* процессовъ электричества, рефлексовъ и другихъ физиологическихъ явленій, и потому даютъ право отыскивать другія начала для ихъ объясненія.

III.

Конечно, указанная выше недостаточность физиологическаго объясненія психическихъ явленій не даетъ намъ еще права оставить совершенно физиологію и искать основаній для объясненія этихъ явленій въ совершенно новой сферѣ, въ психологіи, въ сферѣ бытія нематеріальнаго. Физиологъ противъ этого можетъ возразить что наука имѣетъ прогрессъ, что настоящая временная и случайная неспособность физиологіи въ объясненіи психическихъ явленій вовсе не исключаетъ возможности достигнуть этой цѣли въ будущемъ. Критическая физиологія признаетъ что она доселѣ не въ состояніи доказать что всѣ душевныя явленія происходятъ изъ

физиологическихъ отправленій; но изъ этого не слѣдуетъ что мы должны совсѣмъ отказаться отъ физиологическаго метода, покинуть тотъ путь изслѣдованій который довелъ насъ до сихъ поръ до большихъ открытій, и вмѣсто его принимать въ основаніе нашихъ изслѣдованій понятія неясныя, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію физиологовъ, менѣе точныя и опредѣленныя чѣмъ понятія о знакомыхъ намъ простыхъ физическихъ процессахъ электричества, теплоты и т. д.

Такое мнѣніе и дѣйствительно высказываетъ Людвигъ на стр. 605, говоря о *спдалищъ души*. Мы здѣсь приводимъ это мѣсто цѣликомъ, потому что оно послужитъ намъ главнымъ основаніемъ какъ для критики вышеприведенныхъ воззрѣній физиологовъ, такъ и для оцѣнки психологическаго значенія физиологіи Людвига.

„Тѣ аппараты, говоритъ Людвигъ, которые заключаютъ въ себѣ условія душевныхъ отправленій, опредѣляются разнымъ образомъ. Въ силу одной группы гипотезъ, душевные отправленія основываются на особой субстанціи, на *души*, которая на подобіе свѣтоваго эѳира держится между вѣсомыми массама мозговой субстанціи и такъ тѣсно соединяется съ нею что всѣ ея измѣненія идутъ рука въ руку съ измѣненіями субстанціи мозга, подобно свѣтовому эѳиру физиковъ относительно окружающихъ его веществъ. Но дабы эта гипотеза могла объяснить всѣ явленія, она требуетъ такого добавленія какое съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ оправдано быть не можетъ, именно того добавленія что душевный эѳиръ подлежитъ измѣненіямъ вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, произвольно (*willkührlich*). Напротивъ, приверженцы безчисленныхъ ступеней реалистическаго мировоззрѣнія, на сколько они вообще рѣшаются составлять себѣ въ этомъ дѣлѣ какія-либо представленія, согласились между собою въ томъ что душевныя явленія суть результатъ извѣстной суммы заключающихся въ мозгу и крови условій, ибо съ появленіемъ, развитіемъ и уничтоженіемъ мозга и съ переменной состава крови являются и уничтожаются разумъ, ощущеніе и воля. Кто допускаетъ умозаключеніе на основаніи *аналогіи*, и кто благодаря своимъ познаніямъ одаренъ возможностью основательнаго сравненія душевныхъ явленій съ другими явленіями природы, тотъ, если ужъ долженъ выбирать, не будетъ сомнѣваться въ которомъ изъ обоихъ воззрѣній ему слѣдуетъ

присоединиться. Кто, однако, потребует неопровержимаго доказательства истинности одного изъ этихъ воззрѣній, тотъ согласится что такого доказательства еще нѣтъ.“

Что же слѣдуетъ изъ этихъ словъ? Прежде всего совершенное равноправіе психологіи съ физиологіей. Обѣ эти науки относительно психическихъ явленій основываются, по мнѣнію Людвига, на двухъ недоказанныхъ гипотезахъ. При недостаткѣ доказательствъ нельзя окончательно рѣшить вопросъ которой изъ этихъ гипотезъ дать первенство, тѣмъ болѣе что приведенныя выше Людвигомъ положенія, которыя должны бы оправдать его пристрастіе къ физиологической гипотезѣ, не очень основательны, не подтверждаются спеціальными данными признанными самимъ Людвигомъ, и наконецъ, хотя Людвигъ ссылается на логику, даже не совсѣмъ согласны съ логическими условіями доказательства. Ближайшій критическій анализъ этихъ положеній Людвига убѣдитъ читателя въ основательности нашего упрека.

Вышеприведенныя слова Людвига имѣють двоякую цѣль: во-первыхъ, представить недостатки психологической; во-вторыхъ, объяснить преимущества физиологической гипотезы. Разсмотримъ обѣ эти составныя части воззрѣнія Людвига.

1. Главный недостатокъ психологической гипотезы, по мнѣнію Людвига, состоитъ въ томъ что объясняя психическія явленія на основаніи понятія о душѣ, она вводитъ въ эти явленія элементъ „произвольныхъ внутреннихъ причинъ“, то-есть элементъ *свободы*, которая, по его же мнѣнію, не можетъ быть оправдана съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ.

Намъ кажется что въ этомъ послѣднемъ положеніи заключается довольно странное понятіе о естественныхъ наукахъ, противорѣчащее положеніямъ самого Людвига относительно этого предмета. Въ вышеприведенной цитатѣ о методѣ, Людвигъ говоритъ что готовъ принять какое бы то ни было „новое и неслыханное“ основаніе для объясненія извѣстныхъ явленій, если только оно будетъ результатомъ опыта и логическихъ требованій объясненія. Здѣсь, напротивъ, изъ естественныхъ наукъ, даже изъ круга научныхъ психологическихъ гипотезъ, онъ просто-на-просто исключаетъ понятіе о *свободѣ*. Но что же пришлось бы сдѣлать, еслибы свобода тѣмъ не менѣе случайно оказалась эмпирическимъ фактомъ,

еслибы мы встрѣтили гдѣ-нибудь въ природѣ явленія имѣющія характеръ свободы? Развѣ естественныя науки въ такомъ случаѣ имѣли бы право требовать чтобъ эти факты не являлись, чтобъ они не мѣшали стройному порядку ихъ возрѣній, основанныхъ на понятіи сѣвной *необходимости*? Намъ доселѣ казалось что естественныя науки никогда не противятся никакому факту, если только онъ дѣйствителенъ; намъ казалось что естественныя науки не основываются ни на какихъ окончательно сформулированныхъ предположеніяхъ и предубѣжденіяхъ; намъ казалось что факты, эмпирическія явленія служатъ *единственнымъ* основаніемъ естественныхъ наукъ, и что духъ естествознанія требуетъ согласія нашихъ понятій съ фактами, а не наоборотъ, фактовъ съ нашими понятіями. Вдругъ здѣсь, при вопросѣ о свободѣ, Людвигъ отрекается отъ этихъ элементарныхъ понятій естествознанія; здѣсь вдругъ понятія его не расширяются міромъ явленій, но напротивъ міръ явленій стѣсняется его понятіями. Изъ своихъ *метафизическихъ* возрѣній, по какимъ бы то ни было, хотя бы и самымъ логическимъ требованіямъ, онъ *исключаетъ* понятіе о свободѣ, и вслѣдствіе того исключаетъ свободу и изъ міра явленій, не спрашивая даже существуетъ ли она или нѣтъ; свобода по *принципу* противна его понятіямъ о природѣ. А въ этомъ именно проявляется противорѣчіе съ истиннымъ духомъ естественныхъ наукъ. Въ духѣ этихъ наукъ нельзя по какимъ-нибудь предзанятымъ принципамъ рѣшать вопросъ о *свободѣ*, но должно сказать: свободныя силы *могутъ* существовать, какъ существуютъ не свободныя; вопросъ только въ томъ имѣемъ ли мы *факты* доказывающіе существованіе свободы.

Факты такіе существуютъ, и самъ Людвигъ говоритъ о нихъ.

Такъ, на стр. 208 учебника Людвигъ встрѣчаемъ мы очень важную замѣтку, что „большое количество частей мозга имѣетъ въ жизни рѣшительное вліяніе на мышечное движеніе, хотя непосредственное возбужденіе этихъ частей мозга посредствомъ физиологическаго опыта и не можетъ произвести движенія; это является особенно тогда, когда движеніе зависитъ отъ *воли*“. А на стр. 598 и слѣд. мы находимъ очень интересныя физиологическія доказательства того что по крайней мѣрѣ существуетъ самообманъ свободы. Людвигъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ: „Нашъ мозгъ владѣетъ способностью

съ одной стороны возбуждать известное число мышечныхъ нервовъ находящихся въ состояніи физиологическаго спокойствія, а съ другой возвращать спокойствіе возбужденнымъ иными причинами (рефлексами) нервамъ. Эта способность причинять и успокаивать возбужденіе, повидимому, основывается, судя по факту нашего сознанія, на одной и той же субстанціи, и что еще замѣчательнѣе, въ этомъ сознаніи намъ кажется что прекращеніе существующаго движенія и его возбужденіе зависятъ отъ одного рода силъ; ибо, по факту нашего сознанія, это мы двигаемъ доселѣ покойный членъ и мы же останавливаемъ существующее движеніе; для того и другаго мы совершаемъ одно и то же напряженіе силъ.... Но еще поразительнѣе то что мы, по нашему произволу (*nach Belieben*), можемъ обозначить степень какъ возбужденія движенія такъ и его ограниченія, такъ что *вслѣдствіе одного и того же внѣшняго возбужденія* можетъ являться *всякая* степень укороченія мышцъ, или *всякая* возможная скорость въ порядкѣ укороченія отдѣльныхъ мышцъ.“

Мы прерываемъ здѣсь дальнѣйшія доказательства свободной воли, взятыя изъ самого Людвига, слѣдующею замѣткой. Людвигомъ отзывается въ этомъ мѣстѣ съ большимъ недоверіемъ о свидѣтельствѣ нашего сознанія; свободную волю онъ здѣсь признаетъ какъ „фактъ сознанія“, но не приписываетъ этому „факту“ большаго значенія. Причины этого недоверія онъ нигдѣ не объясняетъ; поэтому мы въ правѣ спросить: по какой причинѣ физиологъ доверяетъ болѣе *фактамъ* органовъ чувствъ, своимъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ *фактамъ своего сознанія*? Вѣдь факты чувственныхъ впечатлѣній основываются на предыдущемъ или по крайней мѣрѣ на соединяющемся съ ними *фактѣ сознанія*. И если мы имѣемъ основаніе не доверять свидѣтельству нашего сознанія, то какимъ образомъ мы можемъ доверять свидѣтельству нашихъ чувствъ? Очень было бы желательно еслибы физиологи подвергающіе сомнѣнію свидѣтельство сознанія занялись основательнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса, и дали міру возможность воспользоваться ихъ *научными* изслѣдованіями въ этомъ отношеніи. Но мы возвращаемся къ нашему предмету.

„Весьма замѣчательнъ еще тотъ известный опытъ, говоритъ Людвигомъ на стр. 601, что *вслѣдствіе* постоянного упражненія мы въ силахъ возбуждать порознь такіа нервами

трубки которыя первоначально могли быть возбуждаемы лишь въ совокупности съ другими, и что эта способность изолированнаго возбужденія теряется въ состоянiяхъ умственнаго помраченiя, какъ на примѣръ въ пьянствѣ.“

На той же страницѣ читаемъ: „Особенно затруднительно объясненiе того явленiя что не имѣя представленiя ни объ анатомическомъ положенiи нервныхъ трубокъ въ мозгу, ни о мышцахъ соединенныхъ съ ними, произвольно возбуждающая способность, на основанiи существующихъ въ ней данныхъ, въ состоянiи совершать то то, то другое задуманное движенiе.“

Въ дальнѣйшемъ анализѣ этихъ явленiй Людвигъ говоритъ много о „произвольно-возбуждающемъ принципѣ (willkürlich erregendes Princip)“, а на стр. 603 встрѣчаемъ еще слѣдующiя замѣчательныя слова: „Сила производящая какое-нибудь произвольное мышечное движенiе есть результатъ силъ напряженныхъ первоначально въ нервахъ и мышцахъ, и сверхъ того она измѣняется вслѣдствiе энергiи, къ которой способно возбужденiе воли.“ А нѣсколько строкъ ниже Людвигъ говоритъ: „Во всякомъ случаѣ должны остановить на себѣ наше вниманiе тѣ факты въ которыхъ способность къ движенiямъ очень уменьшается, хотя нѣтъ повода думать что силы нервовъ или мышцъ подверглись ослабленiю. Къ этимъ фактамъ мы причисляемъ усталость послѣ умственнаго напряженiя, послѣ внезапныхъ чувственныхъ волненiй, послѣ принятiя опиума и т. д.“

Особенно сильное влiянiе душевныхъ явленiй на движенiя признаетъ Людвигъ, приводя на стр. 207 фактъ, что „непроизвольно движущееся сердце можетъ претерпѣвать измѣненiя въ своемъ возбужденiи, вызванныя душой, если одновременно движенiю подлежитъ извѣстное число другихъ произвольно движимыхъ частей.“

Все это, кажется, факты, которые такъ наглядно доказываютъ отличiе этого произвольно-возбуждающаго принципа отъ извѣстныхъ процессовъ физическихъ, что естественныи тателемъ, не ограничивающiй мира действительныхъ явленiй своими предвзятыми понятiями о свободѣ или необходимости, не имѣетъ никакого права заранѣе, до ближайшаго анализа этихъ явленiй, искажать изъ нихъ всякую возможность свободы. Это однако дѣлаетъ Людвигъ. Онъ основывается на предвзятыхъ понятiяхъ о необходимости законовъ природы

Я вижу полное согласіе и постоянство дѣйствій при отсутствіи всякаго произвола. Каждому дѣйствию лица А соответствуетъ дѣйствіе лица В; если я, какъ наблюдатель, совершаю какое-нибудь движеніе членами А, В сейчасъ повторяетъ то же самое движеніе и сохраняетъ постоянное согласіе съ А. Словомъ, лицо В никогда произвольно не противорѣчитъ дѣйствию лица А; напротивъ, постоянно согласуется съ нимъ.

Могу ли я изъ этого согласія дѣйствій лица В съ дѣйствіемъ лица А, изъ отсутствія всякаго произвола и изъ присутствія постоянства въ подражаніяхъ, заключать что все это совершается по закону *необходимости* и что здѣсь нѣтъ элемента *свободы*? Никакъ. Лицо В дѣйствуетъ не произвольно и повторяетъ постоянно дѣйствія лица А, то-есть оно всегда при тѣхъ же условіяхъ представляетъ собою тѣ же явленія; однако, дѣйствующею силой въ немъ не *необходимость*, а *свободная воля*. Лицо В *можетъ* въ каждомъ моментѣ своего дѣйствія отступить отъ своего договора и совершать дѣйствія несогласныя съ дѣйствіемъ лица А; оно *въ силахъ* дѣйствовать произвольно и безъ постоянства относительно своихъ прежнихъ условій и постановленій; но оно не *хочетъ* дѣлать этого. Имѣя *характеръ* и *энергію*, оно на основаніи *свободы* можетъ дѣйствовать такъ какъ дѣйствуетъ, то-есть въ полномъ согласіи съ дѣйствіемъ лица А, не обращая вниманія на то представляется ли это дѣйствіе постороннему лицу какъ результатъ необходимости и слѣпаго механизма, или нѣтъ. Снаружи это дѣйствіе представляется *необходимымъ, механическимъ*; посторонній наблюдатель можетъ думать что согласіе дѣйствія лица В съ дѣйствіемъ лица А основывается на какомъ-то механизмѣ *принуждающемъ* В сохранять согласіе съ А; а между тѣмъ, въ сущности, никакаго механизма нѣтъ: согласіе основывается въ полной мѣрѣ на *свободѣ* — на свободной, но сильной энергіи воли.

Можемъ ли мы сказать что человѣкъ имѣющій *характеръ* и *энергію* только на основаніи *необходимости* проявляетъ въ своихъ дѣйствіяхъ отсутствіе произвола и присутствіе постоянства? Отнюдь нѣтъ. Онъ *можетъ* дѣйствовать несогласно со своими собственными убѣжденіями и законами, какъ дѣйствуетъ человѣкъ не имѣющій характера; но этого дѣлать не *хочетъ*; онъ не *хочетъ* отступать отъ своихъ при-

цповъ; онъ всегда и постоянно будетъ дѣйствовать въ согласіи со своими неизмѣнными убѣжденіями и никогда не уступитъ произвольнымъ требованіямъ другихъ, хотя бы они и желали получить доказательство его *полной свободы* и требовали чтобы для этого онъ дѣйствовалъ произвольно, несогласно со своими убѣжденіями. На это онъ никогда не рѣшится; напротивъ, сохраняя *энергію* своей свободной воли, онъ останется вѣрнѣе самому себѣ, своимъ воззрѣніямъ, которыя стали для него постоянными и неизмѣнными законами дѣйствія.

Вотъ примѣры отсутствія всякаго призола и присутствія неизмѣннаго постоянства дѣйствія, основанныхъ однако на *свободѣ*, на силѣ свободной воли.

Какое, спрашиваю я теперь, имѣемъ мы доказательство что отсутствіе произвола и присутствіе постоянства и неизмѣнности законовъ природы исключаютъ изъ нея свободную самостоятельную энергію? Какое мы имѣемъ доказательство что міръ явленій *не можетъ* отмѣнить своихъ доселѣ дѣйствующихъ законовъ? Эмпирикъ можетъ сказать лишь что на сколько онъ изслѣдовалъ міръ явленій, *доселѣ* этотъ міръ не отмѣнялъ своихъ законовъ, но насколько онъ это сдѣлать *можетъ*, или насколько существуетъ возможность или невозможность отмѣны этихъ законовъ въ будущемъ,—этого *эмпирикъ* сказать не можетъ. А если эта мысль отмѣны не имѣетъ для нашего *разума* никакой вѣроятности, то можно замѣтить что понятіе о *необходимости* законовъ матеріи даетъ намъ въ этомъ отношеніи не болѣе гарантіи какъ и понятіе о бытіи *свободною*, сохраняющемъ только *постоянно* свои, имъ самимъ назначенные, законы.

Всѣ вышеприведенныя замѣчанія вовсе не имѣютъ цѣлю *положительно* доказать что сущность бытія сама въ себѣ *свободна*; для такого полнаго доказательства требуются совершенно другія изслѣдованія. Вся сила нашихъ замѣчаній состоитъ въ томъ что они, по нашему мнѣнію, убѣждаютъ всѣхъ безпристрастныхъ что понятіе о *свободѣ* не противорѣчитъ фактамъ естествознанія, доказывающимъ *постоянство* и *неизмѣнность* законовъ природы; что это понятіе о *свободѣ* отнюдь не менѣе точно и не менѣе вѣрно чѣмъ неясное и совсѣмъ недоказанное понятіе о *необходимости*.

Впрочемъ, слѣдующее замѣчаніе ослабляетъ окончательно

и исключаютъ изъ міра дѣйствительности все что не согласуется съ этими понятіями и не допускаетъ никакой аналогіи съ ними. На стр. 599 онъ высказывается что противорѣчіе всѣхъ вышеприведенныхъ явленій свободнаго дѣйствія со всякою „аналогіей съ другими явлениями природы“ (это значитъ съ другими *понятіями* о явленияхъ природы) *п*ринуждаетъ физіолога къ мнѣнію что теорія *совершенной свободы*, созданная для объясненія этихъ явленій, оттого же недостаточна сколько недостаточно представленіе *самыхъ явленій*“. Все дальнѣйшее развитіе этого предмета Людвигомъ имѣетъ только цѣлю доказать известную ограниченность нашей свободы. Но вопросъ о свободѣ не въ томъ *совершенно* ли она или *ограничена*, а прежде всего въ томъ существуетъ ли она вообще. Доказательство известныхъ границъ свободы не даетъ еще никакого права отрицать ея существованіе. Свобода остается свободой, хотя бы въ своихъ вѣдшихъ проявленіяхъ она была до крайности ограничена. Вопросъ ясенъ и состоитъ въ томъ: существуетъ ли въ насъ какая-нибудь сила владѣющая способностью быть *причиной собственнаго дѣйствія*, или нѣтъ. Вышеупомянутые приводимые самимъ Людвигомъ факты, кажется, даютъ по крайней мѣрѣ право *принимать въ соображеніе* теорію о свободѣ, а не пренебрегать ею только потому что она не согласуется съ известными, предвзятыми понятіями о необходимости.

Слѣдовательно, если главный недостатокъ психологическаго воззрѣнія, по Людвигу, состоитъ въ принятіи свободы, то тѣмъ не менѣе факты не оправдываютъ его пренебреженія къ этой гипотезѣ, основанной на известномъ рядѣ дѣйствительныхъ, самимъ Людвигомъ признаваемыхъ явленій.

При этомъ случаѣ мы не можемъ не высказать нѣсколькихъ критическихъ замѣтокъ о гипотезѣ *необходимости*, которую обыкновенно противопоставляютъ теоріи о свободѣ, будто бы на основаніи строгихъ требованій естественныхъ наукъ. Наше возраженіе сводится къ слѣдующему положенію. Если теорія о свободѣ можетъ сослаться на вышеприведенные факты свободнаго дѣйствія, то напротивъ теорія о *необходимости*, по нашему мнѣнію, *не можетъ опираться ни на одинъ фактъ*, не только въ мірѣ психическихъ явленій, но и въ отношеніи ко всему матеріальному міру.

Это положеніе для большинства читателей съ перваго

взглядъ покажется парадоксальнымъ; а многимъ эмпирикамъ, убѣжденнымъ что ихъ понятія о необходимости суть неприкосновенныя истины естественныхъ наукъ и всякаго научнаго мировоззрѣнія, оно покажется даже смѣшнымъ. Но я думаю что ближайшее объясненіе докажетъ всякому мыслящему что оно ни парадоксально, ни смѣшно.

Начнемъ вопросомъ. Что служитъ, спрашиваемъ, основой для понятія о *необходимости* господствующей въ матеріальномъ мірѣ? Ничто другое какъ *постоянство* явленій этого міра. Естественный испытатель можетъ лишь сказать что насколько онъ изслѣдовалъ явленія матеріальнаго міра, онъ убѣдился что всегда съ извѣстными условіями неразлучно и постоянно соединяются извѣстныя послѣдствія; что явленія матеріальнаго міра не подлежатъ никакимъ произвольнымъ и неопредѣленнымъ измѣненіямъ, но напротивъ проявляютъ всегда неизмѣнно и постоянно одни и тѣ же законы и формы, если только дѣйствуютъ однѣ и тѣ же условія. Вотъ все что критическій эмпирикъ можетъ сказать относительно нашего вопроса. Но все это сводится единственно къ двумъ признакамъ матеріальныхъ явленій: одинъ отрицательный, что въ природѣ *нѣтъ никакого произвола*; а другой положительный, что явленія природы *постоянны, неизмѣнны*.

Мы утверждаемъ что оба эти признака недостаточны какъ для образованія понятія о *необходимости*, такъ и для отрицанія понятія о *свободѣ*. Оба эти единственные признаки матеріальныхъ явленій согласуются вполнѣ и съ понятіемъ *свободы*. И свобода не заключаетъ въ себѣ *необходимо произвола*, и свобода не исключаетъ изъ себя *необходимо постоянства*. Слѣдовательно, отсутствіе произвола и присутствіе постоянства въ явленіяхъ матеріальнаго міра не даютъ еще никакого права сказать что основа этихъ явленій есть вещество подлежащее законамъ *необходимости*; этою основой *можетъ* быть наравнѣ и существо *свободное*, дѣйствующее свободно, но *постоянно* и *безъ произвола*.

Возьмемъ наглядный примѣръ для объясненія нашего воззрѣнія.

Положимъ, два лица А и В уговорились подражать другъ другу. В обязался дѣлать все что дѣлаетъ А и представлять собою какъ бы зеркало отражающее всѣ его движенія и дѣйствія. Что же я вижу, какъ посторонній зритель не знающій объ этомъ уговорѣ, наблюдая дѣйствія лицъ А и В?

природы, на которое ссылается Людвигъ, не только не подтверждаетъ его умозаключеній основанныхъ на аналогіи, но даже противорѣчить имъ.

Сравненіе это мы дѣлаемъ при помощи положеній самого Людвигъ, и находимъ, что по его собственнымъ взглядамъ очень трудно отыскать общіе признаки для психологическихъ и физиологическихъ процессовъ, признаки дающіе право на аналогическое умозаключеніе о тождествѣ основъ этихъ двухъ процессовъ. Напротивъ, самъ Людвигъ, какъ *критическій и добросовѣстный* физиологъ, такъ ясно выставляетъ все различіе душевныхъ и физиологическихъ явленій и самостоятельность первыхъ въ сравненіи съ послѣдними, что его собственныя указанія уничтожаютъ всѣ основанія для аналогическихъ умозаключеній въ нашемъ вопросѣ.

Разницу и даже противорѣчіе, а слѣдовательно недостатокъ аналогіи между психическими и физиологическими процессами, признаетъ Людвигъ въ слѣдующихъ мѣстахъ своей физиологіи.

На стр. 111 онъ говоритъ, что „одинъ и тотъ же нервъ при совершенно тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ разъ можетъ быть возбужденъ къ проявленію своей дѣятельности, а другой разъ не можетъ“.

Развѣ этотъ фактъ, спрашиваемъ, соответствуетъ аналогіи съ остальными явленіями природы, гдѣ безъ всякаго сомнѣнія одна и та же причина при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ всегда проявляетъ одиѣ и тѣ же послѣдствія? Ясно что здѣсь, въ нервныхъ процессахъ, дѣйствуетъ еще новый элементъ *свободный, нефизическій*, служащій причиною этого непостоянства приведенныхъ явленій.

Подобный фактъ приводитъ Людвигъ на стр. 118 говоря что „мы часто встрѣчаемъ совершенно *разную* силу движенія, ощущенія и отдѣленія, хотя одинъ и тотъ же нервъ подвергается вліанію одного и того же стимула, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ равномъ протяженіи, только въ разное время, и это является, продолжаетъ Людвигъ, и тогда когда физиологическій органъ служащій мѣриломъ (мозгъ, желѣза, мышца) по всей вѣроятности не подвергался никакимъ измѣненіямъ своего состоянія.“ Людвигъ на слѣдующей страницѣ объясняетъ это замѣчательное явленіе разною *возбудимостью* (Erregbarkeit) нерва; но спрашиваемъ, отъ какой *физиологической* причины зависитъ эта разная *возбуди-*

мость, если она не находится въ причинной связи ни съ разнымъ дѣйствиємъ стимуловъ, ни съ разными органами служащими мѣриломъ? Физиологи не даютъ намъ отвѣта на этотъ вопросъ, а потому должны позволять психологамъ объяснять эту разную *возбудимость* нерва разными внутренними состояніями психическаго начала, души.

Относительно *вниманія*, ограничивающаго дѣйствія физиологическихъ началъ ощущенія, Людвигъ признаетъ, на стр. 174, что „не всѣ возбужденія чувствительныхъ нервовъ могутъ быть воспринимаемы *душою* въ одно время“, а на стр. 596 прямо говоритъ: „Если извѣстное число нервныхъ трубокъ подлежатъ одновременно возбужденію въ такой силѣ что ощущеніе заключаетъ въ себѣ *возможность* произвести ясное представленіе о мѣстѣ и родѣ стимула, то тѣмъ не менѣе мы ощущаемъ всѣ возбужденные нервы не вмѣстѣ, но отдѣльно.“

Фактъ этотъ доказываетъ по самому Людвигу то что *вниманіе* есть необходимое *условіе* ощущенія. Развѣ встрѣчаемъ мы въ физическомъ мірѣ подобное явленіе, явленіе *аналогическое*? Есть ли въ матеріальномъ мірѣ какое-нибудь явленіе которое, кромѣ своихъ вѣдшихъ физическихъ причинъ, зависитъ *еще* отъ того насколько оно *обращаетъ вниманія* на эти вѣдшія причины? Кажется, электричество будетъ электричествомъ, если только существуютъ для того физическія условія. Электричество отнюдь не зависитъ отъ того обращаетъ ли, напримѣръ, электрической аппаратъ свое *вниманіе* на физическія условія электричества. Отчего же всѣ физиологическія условія ощущенія, всѣ необходимыя къ этому вѣдшіе процессы сами по себѣ еще не производятъ ощущенія? Отчего здѣсь для образованія ощущенія требуется чтобъ аппаратъ, въ которомъ всѣ эти процессы совершаются, обращалъ на нихъ свое *вниманіе*? Здравому смыслу трудно уловить здѣсь аналогію съ знакомыми намъ физическими явленіями.

Тотъ же самый недостатокъ *аналогіи* психическихъ явленій съ физиологическими представляетъ намъ анализъ дѣйствія *чувствъ* въ книгѣ Людвига. Обратимъ вниманіе читателя главнымъ образомъ на чувство зрѣнія.

„Точность зрѣнія, говоритъ Людвигъ на стр. 821, зависитъ отъ *степени вниманія* съ которымъ обращается *душа* къ изображеніямъ рисующимся на сѣтчаткѣ. Изъ тысячекратно

предубѣжденіе Людвигъ противъ психологическаго объясненія душевныхъ явленій.

Людвигъ не расположенъ главнымъ образомъ къ *душѣ* одаренной свободною волей, думая что душа и свободная воля два нераздѣльные понятія. Между тѣмъ это не такъ. Положимъ что свободной воли нѣтъ; развѣ тогда отрицательнымъ рѣшеніемъ этого вопроса уничтожается *психологія*, подобно тому какъ уничтожилось бы нравственное начало и ученіе на немъ основанное? Мы не думаемъ. Психологія и психологическое объясненіе душевныхъ явленій можетъ существовать и при отрицаніи свободной воли. Есть и психологи которые отрицаютъ свободную волю. Спиноза не принималъ свободной воли; для Гегеля она не имѣетъ большаго значенія; есть ученики Гербарта не нуждающіеся въ принятіи свободной воли. Слѣдовательно съ отрицаніемъ свободной воли еще не падаетъ психологическое воззрѣніе, основанное на понятіи о самостоятельной душѣ, какъ думаетъ Людвигъ. Онъ можетъ отрицать свободную волю, если имѣетъ къ этому *научныя* основанія, и притомъ быть психологомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Да, чтобы рѣшить вопросъ о свободной волѣ *необходимо* быть психологомъ, ибо только путемъ психологическаго самонаблюденія мы въ состояніи изслѣдовать основныя душевныя явленія относящіяся къ этому предмету.

Словомъ, изъ всего этого ясно что пренебреженіе ко психологическому воззрѣнію на душевныя явленія, оправдываемое у Людвигъ главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ что это воззрѣніе заключаетъ въ себѣ понятіе о свободѣ, противной, по его мнѣнію, духу естественныхъ наукъ, — пренебреженіе это не имѣетъ никакого основанія и сводится единственно къ неточнымъ и не научнымъ предубѣжденіямъ.

2. Въ противоположность этимъ минимымъ недостаткамъ психологическаго воззрѣнія, Людвигъ въ приведенномъ выше мѣстѣ (стр. 605) представляетъ удобства и вѣроятность воззрѣнія *физиологическаго*, высказывая мысль что умозаключенія основанныя на *аналогіи* и *основательное сравненіе* душевныхъ явленій съ другими явленіями природы даютъ первенство *физиологическому* воззрѣнію и уничтожаютъ сомнительность относительно его принятія.

Чтобъ убѣдиться на сколько это мнѣніе вѣрно, мы подвергнемъ его строгой догической критикѣ.

Сперва одно слово объ *аналогіи*. Умозаключенія основанныя на аналогіи состоятъ въ томъ что мы, имѣя два ряда признаковъ двухъ разныхъ понятій, изъ тождества известнаго числа этихъ признаковъ заключаемъ о тождествѣ остальныхъ. У меня есть напримѣръ, понятіе А и понятіе В; признаки понятія А мнѣ хорошо знакомы, они: а, b, c, d, e, f и т. д. Подобнымъ образомъ мнѣ знакомы нѣкоторые признаки понятія В, они: а, b, c, f, къ которымъ присовокупляются незнакомые признаки х. Изъ тождества признаковъ а, b, c, f въ обоихъ понятіяхъ А и В я заключаю что и неизвестные признаки х понятія В тождественны съ остальными признаками d, e понятія А, и что вслѣдствіе того вообще оба эти понятія А и В тождественны. Вотъ умозаключеніе основанное на *аналогіи*.

Примѣняемъ этотъ способъ умозаключенія и къ нашему вопросу.

Желая съ Людвигомъ, на основаніи *аналогіи*, доказать преимущество физиологическаго объясненія душевныхъ явленій предъ психологическимъ, нужно доказать что большинство признаковъ физиологическихъ процессовъ мы встрѣчаемъ и въ процессахъ душевныхъ, и что вслѣдствіе того мы можемъ заключать что и остальные намъ пока еще неизвестные признаки душевныхъ явленій тождественны съ признаками физиологическихъ процессовъ. Мы спрашиваемъ: какіе признаки суть общіе физиологическимъ и душевнымъ процессамъ и даютъ основаніе для аналогическихъ умозаключеній о сходствѣ и тождествѣ этихъ двухъ рядовъ явленій? Кромѣ общаго признака *бытія, существованія*, мы другихъ не знаемъ; и напрасно ищемъ у Людвига другихъ общихъ признаковъ.

Какъ приведенныя цитаты изъ Людвига о недостаточности разныхъ физиологическихъ теорій для объясненія элементарныхъ явленій психической жизни, такъ и приведенные имъ факты касающіеся свободной воли, о которыхъ онъ самъ говоритъ (стр. 599), что они „повидимому лежатъ внѣ границъ *аналогіи* съ другими явленіями природы“, доказываютъ ясно что трудно было бы и самому Людвигу представить намъ какой-нибудь признакъ общій физиологическимъ и психическимъ процессамъ, кромѣ одного общаго признака *бытія*. Но ко всему этому присоединяется то обстоятельство что *основательное сравненіе душевныхъ явленій съ другими явленіями*

отъ нервовъ что; для его существованія возбужденіе нервовъ вовсе не необходимо, и что такимъ образомъ нервы только одна изъ причинъ могущихъ вызвать ощущеніе, словомъ, нервы только вызываютъ эти ощущенія. Если поѣтому, продолжаетъ Людвигъ, мы хотимъ представить условія ощущенія, то нужно изъяснить на чемъ основывается это *добавленіе*, являющееся въ мозгу и, вслѣдствіе возбужденія, доходящее до ощущенія, а этого-то именно и невозможно сдѣлать.“

Мы кончаемъ эти выписки изъ Людвигъ знаменательными словами, сказанными имъ на стр. 609, что какъ бы ни было совершенно наше знаніе, однакоже „несомнѣнно вѣрно то что ни одинъ изъ органовъ мозга не производитъ такъ безо всего душевныя отправленія, какъ напримѣръ мышца приближаетъ дѣть кости и т. д.“

Кажется, что всѣ вышеприведенныя данныя, извлеченныя изъ самого Людвигъ, совершенно убѣдительно показываютъ несостоятельность его умозаключеній основанныхъ на аналогіи физиологическихъ и психическихъ явленій. Онъ осмыляется на эту аналогію чтобы доказать преимущества физиологическаго объясненія душевныхъ явленій предъ психологическимъ, основаннымъ на принятіи души. Но этой аналогіи, о которой онъ упоминаетъ при своихъ *общихъ* взглядахъ, мы не встрѣчаемъ нигдѣ при его частныхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, которыя одни и имѣютъ для насъ обязательную силу. Напротивъ, при спеціальныхъ вопросахъ, мы видѣли что самъ Людвигъ, какъ *критическій* физиологъ, приводитъ явленія доказывающія отсутствіе всякой аналогіи между физиологическими и психическими процессами. А это отсутствіе аналогіи даетъ полное право выводить психическія явленія изъ самостоятельнаго начала и изслѣдовать эти явленія при помощи особой самостоятельной науки, *психологии*. Вотъ и все что мы хотѣли доказать какъ въ настоящей статьѣ, такъ и въ нашемъ опытѣ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

ГЕНРИХЪ СТРУВЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Сочиненія Я. П. Полонскаго, три тома. Спб. 1869.

Поэзія не процвѣтаетъ въ наши дни, это неоспоримо; за то намъ предлагается теорія, будто никакая поэзія намъ и не нужна, будто поэзія можетъ въ наши дни интересоваться только умственныхъ младенцевъ или старцевъ впавшихъ обратно въ младенчество. Допускаться причинъ, отрывать корни этого ученія о безполезности и несовременности поэзіи, ученія которое у насъ проповѣдуется такъ громко, повело бы насъ слишкомъ далеко; но нельзя не остановиться на его плодахъ и послѣдствіяхъ. Политическія и социальныя бредни юности проходить съ лѣтами и опытомъ, разбиваются о знаніе дѣйствительной жизни, замѣняясь мнѣніями болѣе объективнаго и умѣреннаго свойства. Но какіе прожитые годы, какая житейская мудрость въ состояніи исправить разъ усвоенныя воззрѣнія на искусство, *доказать* необходимость для человечества поэзіи и музыки, скульптуры и живописи? Въ года воспримчиваго увлеченія, въ года искреннихъ и горячихъ порывовъ, вы заблагоразсудили задать въ себѣ всякую потребность изящнаго, всякое стремленіе къ красотѣ и идеалу. Когда они у васъ воскреснутъ? Вы убили въ себѣ цѣлую область духовной жизни, вы обрекли на смерть способности, зародыши которыхъ, быть-можетъ, существовали у васъ; но въ жизни можно обойтись и безъ этихъ способностей, и отсутствіе ихъ не выражается никакимъ матеріальнымъ, осязательнымъ вредомъ. Кто разъ заглушилъ въ себѣ чувство изящнаго, тотъ можетъ быть почти навѣрное убѣжденъ что оно у него не оживетъ. Это

повторяющихся" опытовъ каждаго челоѣка оказывается что душа, на основаніи существующихъ въ ней данныхъ (*nach den in ihr wohnenden Bestimmungen*), изъ числа всѣхъ изображеній рисующихся на сѣтчаткѣ можетъ одинъ или другой ближе разсматривать, и что она очень легко можетъ пренебрегать возбужденія, происходящія то отъ *visio indirecta*, то отъ *visio directa*, въ пользу тѣхъ основныхъ трубокъ, на которыя, употребляя принятое выраженіе, она обращаетъ свою *интенцію*."

Эта свобода чувства зрѣнія, эта возможность пользоваться по волѣ и усмотрѣнію то тѣми, то другими физиологически данными, кажется, совсѣмъ не подходитъ къ *аналогіи* съ другими физическими явленіями, подлежащими такъ-называемой *необходимости* и не пользующимися подобнымъ правомъ *выбора дѣйствующихъ* на нихъ физическихъ вліяній.

Но Людвигъ и самъ признается на слѣдующей 322 страницѣ что вопросъ: какимъ образомъ зрѣніе, вмѣсто совершенно субъективнаго ощущенія своего внутренняго нервнаго возбужденія, доходитъ до *представленія вѣшняго объективнаго пространства*,—есть предметъ *метафизическаго изслѣдованія*, отъ котораго уклоняется физиологъ.

Эта мысль очень важна и значительна въ своихъ послѣдствіяхъ. Мы не требуемъ чтобы физиологъ занимался *метафизическими и философскими изслѣдованіями*, какъ и физиологи не могутъ требовать отъ философа специальныхъ физиологическихъ *изслѣдованій*. Къ обоимъ родамъ изслѣдованій нужно особое подготовленіе, особое знаніе. Поэтому мы будемъ совершенно довольны если естествоиспытатели на столько воспользуются *результатами* философіи и психологіи, насколько въ настоящее время философы и психологи пользуются результатами естествознанія и физиологіи. Но если физиологъ съ своей точки зрѣнія принужденъ признаться что съ извѣстными вопросами его предмета, именно съ дѣйствіемъ чувствъ, соединяются разные *метафизическіе* вопросы, не касающіеся физиологіи; то, кажется, въ этомъ признаніи заключается и то что физиологія вообще недостаточна для рѣшенія этихъ вопросовъ, что здѣсь являются предметы уклоняющіеся отъ всякой *аналогіи* съ извѣстными физиологу данными,—иначе физиологъ не имѣлъ бы никакого основанія не заниматься изслѣдованіемъ и объясненіемъ этихъ *метафизическихъ* вопросовъ. И дѣйстви-

тально, только убѣжденіе что физиологическія данныя по *природѣ* своей недостаточны для рѣшенія всѣхъ этихъ метафизическихъ вопросовъ соединяющихся съ дѣйствіемъ чувства, — что при этомъ дѣйствіи встрѣчаются явленія не находящіяся ни въ какой аналогіи съ извѣстными физическими и физиологическими явленіями, — только это убѣжденіе служить основаніемъ для вышеприведенныхъ словъ Людвигъ о метафизическихъ изслѣдованіяхъ о пространственномъ зрѣніи.

Впрочемъ, въ виду разныхъ фактовъ, съ физиологической точки зрѣнія вовсе необъяснимыхъ, Людвигъ дѣлаетъ нѣкоторыя уступки относительно своего исключительнаго *физиологическаго* воззрѣнія, говоря напримѣръ, на стр. 342, что „для успокоенія психологовъ *можно допустить* что впечатлѣніе происходящее изъ трехъ (физиологическихъ) элементовъ зрѣнія (силы свѣта, движенія аккомодаци и сходимости осей) *еще не даетъ представленія о разстояніи*“. Это значитъ что анализъ зрѣнія открываетъ явленія заключающія въ себѣ нѣкоторое совершенно *новое* содержаніе, содержаніе психологическое и метафизическое, рѣзко отличающееся отъ физиологическаго.

На это *новое добавленіе* присоединяющееся къ физиологическимъ процессамъ ощущенія указываетъ наконецъ Людвигъ очень ясно въ цитованномъ въ нашей диссертациі мѣстѣ, которое мы здѣсь повторяемъ. На стр. 593 и 594 Людвигъ говоритъ: „Болѣе основательный разборъ актовъ ощущенія убѣждаетъ насъ что каждое ощущеніе соединяется съ чѣмъ-то совершенно особеннымъ, то-есть съ созерцательнымъ представленіемъ. Вотъ почему мы никогда не ощущаемъ возбужденія нерва въ самомъ мозгу, но внѣ мозга, и при томъ во всѣхъ органахъ чувствъ, въ извѣстномъ направленіи и на извѣстномъ разстояніи. Эти *добавленія*, сопровождающія каждое ощущеніе, *не могутъ быть объяснены, какъ кажется, самими возбужденіями нервовъ*. Ибо сообразивъ что ощущенія, происходящія вслѣдствіе одного и того же возбужденія, у различныхъ лицъ имѣютъ нѣчто особенное, что во время сна, при безпамятствѣ, при такъ-называемыхъ душевныхъ болѣзняхъ и т. д. бываютъ очень живыя ощущенія, извѣстныя подъ именемъ сновидѣній, галлюцинаціи и т. п., хотя и внѣ соответственнаго раздраженія нервовъ, мы почти принуждены признать *ощущеніе настолько независимымъ*

Современному русскому писателю нужна некоторая доля мужества, le courage de ses opinions; чтобы, среди этого дружного крика врагов чистого искусства, рывшись написать лирическое стихотворение, поэму, перевод из древняго поэта, словоизъ, какое бы то ни было произведение беллетристики въ которомъ негдѣ помѣстить ни саждуровь-отцовъ, ни угнетенныхъ дочерей, ни посвященныхъ сыновей, ни жестокихъ баръ, ни плачущихъ мужиковъ. Такъ какъ мужествомъ обладаютъ немногіе, то число такихъ поэтовъ, не задающихся гражданскими мотивами въ духѣ *Дюла*, замѣтно рѣдѣетъ, и все глуше и бесплоднѣе становится изолированное положеніе тѣхъ которые еще остались вѣрны старому знамени. Для людей отаудъ не видящихъ спасенія русской литературы и русскаго общества въ исключительномъ распложеніи обличительной поэзіи или этнографическихъ этюдовъ съ тою же обличительною цѣлью; для людей видящихъ серьезное и несомнѣнно-полезное значеніе въ каждомъ вдохновенномъ, художественно-цѣльномъ созданіи, эти немногіе, но вѣрные служители чистаго искусства являются еще почтеннѣе, еще симпатичнѣе, еще дороже. Мы знаемъ, развертывая книжку стихотвореній не посвященныхъ задачамъ которая теперь ставитъ „реальная“ критика, какая участь ждетъ эту книжку отъ фаланги реальныхъ критиковъ; мы знаемъ какъ одиноко будетъ голосъ сочувствія который могутъ встрѣтить эти стихотворенія. И если мы дошли до этого сознанія, то тѣмъ болѣе досель до него самъ поэтъ. Самъ поэтъ зналъ что на его ремесло наложено клеймо насмѣшки, что кругъ его поклонниковъ рѣдокъ, робокъ и нерѣшителенъ; что громче раздаются голоса враговъ и ненавистниковъ всякой поэзіи. Если онъ, несмотря на это сознаніе продолжаетъ творить, не обращая вниманія на наставленія лжереалистовъ и не куря имъ еиміама,—мы въ правѣ заключить въ немъ сильно призваніе, что помимо мѣры его врожденнаго таланта и болѣе или менѣе счастливаго развитія, стремленіе его чисто, возвышенно и какъ нельзя болѣе заслуживаетъ сочувствія со стороны друзей идеала и вѣчной красоты.

Мысли подобныя этимъ намъ неоднократно приходили во время чтенія *Сочиненій Я. П. Полонскаго*, недавно вышедшихъ въ новомъ трехтомномъ изданіи, довольно обратномъ, хотя и не слишкомъ полномъ. Г. Полонскій нѣкогда пользовался большимъ сочувствіемъ со стороны нашихъ „передо-

ныхъ" людей: въ 1859 г. Добролюбовъ, этотъ вращающій на-
шего, такъ-величимаго реалиста, написалъ въ *Современникѣ*
о нашемъ поэтѣ статью отличающуюся не только яснымъ
дружескимъ тономъ, но и объективнымъ изученіемъ характера
его таланта. Но съ 1859 года утекло много воды, и тепереш-
ніе реалисты сдѣлались суровы и неумолимы къ стихамъ, да-
же къ тѣмъ которые брали подъ свое покровительство ихъ
величайшій авторитетъ — Добролюбовъ. То колебаніе по от-
ношенію къ поэзии и поэтамъ которое замѣтно у Добролю-
бова каждый разъ когда ему приходилось разбирать книж-
ку стихотвореній давно побѣждено его болѣе равными и ме-
нѣе задумывающимися преемниками. Этими господамъ но-
вая появляющаяся книжка стиховъ не причисляетъ уже ни-
какихъ сомнѣній: она служитъ только къ тому чтобы съ но-
вою силой возжечь въ нихъ огонь отрицанія. Правда, любя-
щая и беззлобная муза г. Половскаго менѣе всего способна
возбудить вражду или негодованіе. Чрезвычайно симпатич-
ная кротость его натуры видна въ особенности тамъ, гдѣ
онъ изображаетъ представителей мѣстной противоположныхъ
его собственнымъ. Свойство это тѣмъ замѣчательнѣе что г.
Половскій поэтъ въ высшей степени отзывчивый, съ яв-
нымъ и весьма серьезнымъ интересомъ слѣдящій за движе-
ніемъ современной мысли, и посвятившій многіе изъ своихъ
стиховъ выраженію своего личнаго отношенія къ этому дви-
женію. Правда что, при очевидной начитанности и многостор-
онности, поэтъ нашъ страдаетъ нѣкоторою нерѣшитель-
ностью въ собственномъ складѣ возрѣній. Онъ сознаетъ въ
себѣ это послѣднее свойство и съ замѣчательною откровен-
ностью высказывается по этому предмету въ слѣдующихъ
стихахъ (т. I, стр. 92).

Впередъ и впередъ! вся душа моя къ знамени
За правду а битъса готовъ,
Готовъ умереть, но у каждаго знамени
Съ друзьями встрѣчалъ а враговъ:
Друзья ополчались на ложь ненавистную,
Враги молча думали думу корыстную.
Тамъ мира друзья, подъ эгидой воителей,
Точили, какъ мальчику, ножъ!
Здѣсь хитрый обманъ ждалъ себя покровителей
Среди ненавидящихъ ложъ....
И правду любилъ я, ли въ комъ не увѣренный;
Друзьямъ и врагамъ руки жалъ какъ потеряннымъ.

чувстве и безъ того слабо у большинства людей; врожденное художественное пониманіе составляетъ такое же рѣдкое явленіе какъ и творческій художественный талантъ, и большинство обыкновенно выражаетъ свои эстетическія потребности (если ихъ можно назвать этимъ именемъ) въ формѣ жажды комфорта и роскоши, или склонности къ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Но толпа склонна перенимать видѣнное и подражать тому что ее поражаетъ. Гдѣ учителя и руководители ея умственной жизни благоволило относиться къ тому или другому предмету, тамъ и въ толпу прокрадывается бессознательная увѣренность въ его высокомъ, священномъ значеніи. Читаящая масса не чувствуетъ поэзіи съ тою гибкостью и живостью съ какою чувствуютъ ее избранныя натуры; ей не можетъ быть доступна каждая тонкая черта въ твореніяхъ какого-нибудь глубокомысленнаго художника. Но если эта толпа признала васъ своимъ учителемъ, если она доверчиво слушаетъ вашъ голосъ, выкаивайте во всѣхъ вашихъ писаніяхъ, во всякомъ вашемъ отзывѣ глубокое уваженіе къ изысканнымъ сторонамъ человѣческаго творчества, и въ толпѣ, кромѣ людей бессмысленно повторяющихъ ваши непопулярныя или фразы, людей о которыхъ не стѣбитъ говорить, непременно найдутся и такіе которые захотятъ постигнуть смыслъ и причину этого уваженія, которые пожелаютъ ознакомиться съ произведеніями поставляемыми вами на такую высоту, перечитать, переосмотрѣть, переслушать ихъ, вздуматься въ нихъ, понять ихъ форму и внутреннее содержаніе. Пушкинъ приобрѣтетъ новыхъ читателей; картинныя галереи оживятся посѣтителями незнающими живописи, но увлеченными и пораженными вашимъ энтузіазмомъ, когда вы говорите о Рафаэлѣ. Иной результатъ когда критика поставитъ своею задачей распространять и укоренять въ читателяхъ мнѣніе что искусство можетъ развѣ только служить средствомъ для пустяжнаго, хотя и занимательнаго времяпровожденія. Такая критика самымъ успѣшнымъ образомъ можетъ способствовать засоренію эстетической струйки въ тѣхъ читателяхъ у которыхъ она и отъ природы была не слишкомъ сильна, но однако представляла возможность правительнаго развитія. И эту-то задачу критическій отдѣлъ нѣкоторой части нашей печати уже нѣсколько лѣтъ преслѣдуетъ со рвеніемъ достойнымъ лучшаго предмета и съ успѣхомъ въ средѣ мало развитой и поверхностно образованной публики.

Люди лишенные какъ врожденнаго чутья, такъ и основательнаго образованія, люди равнодушные къ прекрасному и не имѣвшіе даже случая познакомиться съ его величайшими образцами, читаютъ въ журналахъ оправданіе своего грубого безвкусія; читаютъ отрицаніе того самаго искусства пониманіе котораго такъ туго имъ давалось. Узнавъ что предметы казавшіеся имъ такими туманными и недоступными оказываются совершенно здорвыми и пошлыми, люди эти не безъ чувства внутреннего удовольствія удостоверяются что ихъ собственное нерасположеніе къ этимъ предметамъ происходило не отъ неразвитости, какъ они скромно думали, а напротивъ, отъ современности ихъ штампунка. Имъ остается только успокоиться насчетъ собственныхъ способностей, знаній и вкуса. Что было бы еслибъ имъ, на мѣсто отечественнаго журнала послѣдшаго десятилѣтія, попалась въ руки дѣльная и интересная книга объ исторіи какого-нибудь искусства или объ отдѣльномъ великомъ творческомъ дѣятелѣ? Увидавъ бездну между собственнымъ пониманіемъ искусства и пониманіемъ автора книги, многіе почувствовали бы себя неловко: многіе стали бы искать средствъ пополнить эту бездну, стали бы собирать матеріалы для ознакомленія съ искусствомъ; а изъ этихъ многихъ нѣкоторые, лучше одаренные, непременно увлекались бы новыми открывшимся предъ ними горизонтами, освоились бы съ найденнымъ ими миромъ и на всю жизнь полюбили бы тѣ возвышенныя наслажденія, самое существованіе которыхъ незадолго предъ тѣмъ было имъ неизвѣстно. Вліяніе печати въ предположенномъ намъ случаѣ могло бы быть громадно въ смыслѣ положительномъ. Къ сожалѣнію, у насъ оно значительно въ смыслѣ отрицательномъ. Современнымъ упадкомъ художественнаго вкуса и пониманія мы не мало обязаны печати, посвятившей не мало труда на преслѣдованіе всякаго проблеска поэтическаго чувства или творческой фантазіи.

Упадокъ этотъ существуетъ, и вожди и глашатаи той критики которая въ искусствѣ видитъ какое-то орудіе либеральной морали, — неважно на столько на сколько оно посвящаетъ себя популяризаціи прогрессивныхъ прописей, — не пропускаютъ случая заклеить презрѣишемъ и насмѣшкой всякую попытку на выходъ изъ теперешняго положенія, будь эта попытка сдѣлана въ формѣ критическаго протеста, или въ формѣ творческаго акта.

Поэтъ много читалъ, много обдумывалъ, встрѣчался со многими учениями, знакомился со всѣми партіями, но ни къ одной не рѣшился пристать: во всякой, радомъ съ чертами чувственными, онъ видитъ и такія которыя вселяютъ ему отвращеніе. Такое отношеніе къ партіямъ и знаменамъ является у людей въ высшей степени добросовѣстныхъ, scrupulousныхъ, въ душу которыхъ каждое новое свѣдѣніе привноситъ новое сомнѣніе, которые какъ только соберутся изречь какой-либо приговоръ, сейчасъ же вспоминаютъ всѣ аргументы приведенные противъ него и останавливаются недоумывая предъ силой этихъ аргументовъ. Свойство это гибельно для публициста или для оратора: только вполнѣ послѣдовательно проведенное, ни предъ какими выводами не робящее, со всѣми колебаніями покончившее убѣжденіе даетъ въ этихъ сферахъ право на вниманіе и уваженіе тѣхъ къ кому обращается изустное или печатное слово. Односторонній фанатикъ партіи еще можетъ, въ данный моментъ историческаго движенія, принести свою долю условной, временной пользы: но робкій и сомнѣвающийся электикъ, согласный со всякимъ въ чемъ-нибудь и ни съ кѣмъ не согласный вполнѣ и во всемъ, никогда не добьется вліянія, никогда не будетъ ни услышанъ, ни замѣченъ. Совсѣмъ другое дѣло поэтъ. Нѣкоторая часть нашей современной критики, правда, и поэту навязываетъ требованіе чтобъ у него прежде всего господствовало „ясное и опредѣленное мировоззрѣніе,“ вѣроятно для того чтобъ его удобнѣе было похвалить за передовой или выругать за отсталый образъ мыслей. Но въ томъ-то и дѣло что критики этого рода ни о чемъ такъ не хлопчутъ какъ о передвѣкѣ всѣхъ поетовъ въ либеральныхъ публицистовъ. Если же признать за поэтомъ особые, ему одному свойственныя права и обязанности, то нельзя не допустить, что на ряду съ величайшею неопредѣленностью политическихъ или какихъ бы то ни было мнѣній могутъ ужиться глубокое знаніе человѣческой природы, даръ характеристики, оригинальность мыслей и выраженія, единство формы и прелесть подробностей, словомъ, качества которыя мы позволяемъ себѣ считать болѣе важными для поэта нежели присутствіе въ немъ той или другой формулированной доктрины. Признаемся, мы нисколько не были бы обрадованы еслибы въ сочиненіяхъ г. Половскаго нашли болѣе типически выраженный духъ партіи, но менѣе поэтическаго

дарованія. Мы даже думаемъ что неопредѣленность и склонность къ нейтральности мнѣній лежить въ натурѣ этого поэта и следовательно должна браться въ разчетъ при характеристикѣ его дарованія. На произведеніяхъ г. Полонскаго лежить печать какого-то неистощимаго добродушія и благодушія. Читая его, вы чувствуете что имѣете дѣло съ писателемъ который очевидно очень многое любитъ (и любить не страстно, а съ тою мягкостью и вѣжностью которая его всегда отличаютъ), но ничего или почти ничего не ненавидитъ, и къ самому отталкивающему явленію относится со снисхожденіемъ и прощеньемъ. Читателя, конечно, помнятъ его живо и весело написанный расказъ *Женитьба Атуева*, напечатанный въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1869 годъ (и не вошедшій въ настоящее собраніе его сочиненій). Расказъ этотъ вводитъ насъ въ среду нигилистовъ которая, повидимому, должна была бы возбуждать ненависть и негодованіе такой художественной натуры какъ натура даровитаго поэта. Но въ томъ-то и дѣло что художественная натура вообще, прежде чѣмъ ненавидѣть *человѣка партіи*, любитъ *человѣка*, и только благодаря этой возвышенной любви къ вѣчной человѣческой природѣ со всѣми ея временными, случайными уклоненіями и слабостями способна воспроизводить эту человѣческую природу съ тою живостью и правдой безъ которой нѣтъ художественнаго произведенія. Г. Полонскій же такъ богатъ этою любовью, составляющею достоинствіе всякаго истиннаго художника, но въ вѣдьма различной мѣрѣ, что способенъ съ самою спокойною и объективною изобразить такіе кружки и такіе люди къ которымъ другой поэтъ, быть-можетъ, невольно отнесся бы съ раздраженною антипатіей, сдѣлавшемъ бы всякое художественное изображеніе невозможнымъ. Сколько ни слышенъ въ названной сейчасъ повѣсти затасанный смѣхъ автора надъ пустозвоннымъ фразерствомъ, надъ непереваренными принципами его героя, но онъ отдѣлываетъ его фигуру съ постыднымъ тщаніемъ, и даже, мало того, относится къ нему не безъ нѣкоторой вѣжности. Обще-человѣческія свойства его героя интересуютъ и автора, и читателя несравненно болѣе нежели политико-соціальныи кодексъ котораго придерживается Атуевъ. Добрый малый и влюбленный мужъ гораздо важнѣе въ этой фигурѣ нежели рыцарскій социалистъ. Доводя своего нигилистическаго героя чрезъ цѣлый рядъ неслѣдственныхъ до окончательнаго абсурда, авторъ ни

разу не дѣлается обвинителемъ, ни разу не кидается въ аргументацію или въ безполезную мораль, а исключительно руководствуется своимъ психологическимъ знаніемъ и тактомъ. Въ *Сочиненіяхъ* нашего поэта, изданныхъ теперь, есть (томъ I, стр. 213—291) другая повѣсть, на которую мы обратимъ вниманіе. Она носитъ заглавіе *Тифлисскаго сабли*. Въ этой замѣчательно-галантайовой, интересной и колоритной повѣсти, въ совершенно другой формѣ и по совершенно другому поводу, выступаетъ та же любовь къ человѣку которая разлита надъ всеми произведеніями г. Полонскаго и составляетъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ ихъ чертъ. Въ *Тифлисскаго сабли* изображенъ характеръ одного Грузина, глупаго и полудикаго {человѣка, очень молодаго, очень бѣднаго и чрезвычайно влюбленнаго. Несмотря на свою бѣдность, этотъ грузинскій *jeune premier* безумно щедръ для предмета своей страсти; всѣ его щедроты принимаются съ благодарностью, но его постоянная робость имѣетъ послѣдствіемъ самую плачевную неудачу его любви и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое, окончательное паденіе любимой имъ женщины. Надобно прочесть эту повѣсть чтобъ увидѣть и оцѣнить то глубоко-гуманное, теплое и любящее чувство, съ которымъ авторъ постоянно относится къ лицамъ этой грустной исторіи, людямъ живущимъ самою не похожею на нашу и непонятною для насъ жизнью, чуждымъ всякаго слѣда умственныхъ интересовъ, вращающимся въ кругу почти исключительно животныхъ побужденій, но при всемъ своемъ варварствѣ имѣющимъ свои радости и огорченія, свои страсти, свои трагедіи. Петербургскій наглизмъ и тифлисскаго грузинскій писарь равно близки сердцу автора, который видитъ въ нихъ не ихъ вѣшнюю, культурную оболочку, но скрытую подъ нею общую имъ человѣческую природу, тѣ вѣчные мотивы любви и ненависти, себялюбія и самопожертвованія, страсти и ревности, которые равно присущи и европейскому журналисту, и восточному дикарю.

Такая же гуманная доброта, выраженная съ неподдѣльною теплотой и простотой, проникаетъ собою и *Разказъ едвой* (*Сочиненія Я. П. Полонскаго*, томъ III, стр. 201—237). Этотъ разказъ не менѣе предыдущихъ характеристиченъ для нашего поэта. Дѣло идетъ объ одномъ изъ тѣхъ непримиримыхъ диссонансовъ жизни которые такъ часто разрушаютъ

гармонію и счастье нашего внутренняго мира, которые ложатся страшнымъ гнетомъ на наше существованіе, въ тщетной борьбѣ съ которыми изнемогаютъ лучшія силы. Человѣкъ среднихъ лѣтъ, сильно пожизній, но сохранявшій отъ своей первой молодости необузданныя страсти и порывы, притомъ вѣбалошный и эгоистическій, женится на одной изъ тѣхъ тихихъ и застѣнчивыхъ, повидимому холодныхъ дѣвушекъ, у которыхъ необычайная сила, глубина и живучесть чувства, постоянно и стыдливо скрываемая, только увеличиваются отъ невозможности вѣнчаго измѣненія; на дѣвушкѣ полюбившей его на всю жизнь, но надѣвшею ему едва ли не на слѣдующій день послѣ принятія его предложенія. Она живетъ всего одинокъ мѣсяць, по прошествіи котораго онъ умираетъ: но въ этотъ мѣсяць молодая женщина успѣваетъ испытать всю горечь своего безвыходнаго несчастья, дѣлается свидѣтельницей его рѣзкихъ переходовъ отъ одного настроенія къ другому, его дикихъ капризовъ, убѣждается въ его равнодушія къ ней и непостоянствія. Обозначать ли еще, послѣ всего приведеннаго, ту точку на которую должна стать суровый моралистъ, великопріяныи судья этого разлада? называть ли чью сторону онъ долженъ принять? Но поэтъ не принимаетъ ничьей стороны, хотя онъ, конечно, не менѣе насъ, читателей, чувствуетъ трагическую сторону этого брака. Разказъ объ этомъ человѣкѣ, такъ быстро и такъ безвозвратно сдѣлавшемъ женщину несчастною, вкладывается именно въ уста его вдовы. Она сохраняла о немъ если не тихое и свѣтлое, то самое восторженное, взыскательное воспоминаніе: она твердо рѣшилась не выводить замужъ вторично и любить умершаго столько же или, быть-можетъ, больше нежели она любила живаго. Вся вина этого человѣка предъ ней является смягченною въ пристрастномъ послѣдствіи горячо любящей женщины. Трагичность факта не скрадывается, но доиспывается его необходимостью: предъ нами является не обвиненный, не подсудимый, а дѣльный человѣкъ, индивидуальная натура со всеми условіями въ ней коренившимся, натура изображенная съ любовью, даже съ благоговѣніемъ. Мы не скажемъ что разказъ объ этомъ фактѣ развился у г. Полонскаго въ великое художественное произведеніе, мы даже находимъ что онъ далеко не исчерпалъ глубину интересной психологической задачи которую онъ себѣ здѣсь поставилъ; мы обращаемъ вниманіе главнымъ образомъ на

особенную постановку вопроса избранную поэтомъ, на постановку, въ которой еще разъ выразилась неизмѣнная черта его характера какъ художника: примирительная нота звучащая въ каждомъ почти изъ его произведеній. Только развѣ въ драмѣ *Разладъ* (*Сочиненія*, томъ III, стр. 237—423), сюжетъ которой взятъ изъ послѣдняго польскаго возстанія, мы не находимъ этой склонности раздѣлять свое сочувствіе между всѣми, хотя и въ этой пьесѣ очень замѣтно особенное усиліе быть вполнѣ безпристрастнымъ. Порывъ русскаго національнаго чувства, столь недавно и столь жестоко оскорбленнаго, на этотъ разъ пересилилъ въ поэтѣ-патріотѣ его обычную нерышительность и душевную мягкость: отъ этого драма *Разладъ* далека отъ кроткаго тона вообще свойственнаго поэзіи г. Полонскаго. Пьеса эта, какъ выраженіе патріотическаго чувства, приобретаетъ даже нѣсколько публицистическій оттѣнокъ, и вслѣдствіе этого обладаетъ нѣкоторыми очень краснорѣчивыми, но не въ одинаковой мѣрѣ поэтическими страницами. Для того чтобы съ полною и всеобъемлющею объективностью воссоздать картину національной розни и борьбы, недостаточно обладать большимъ поэтическимъ даромъ: надобно еще стоять на разстояніи многихъ десятилѣтій отъ изображаемаго момента. Лишь на такомъ разстояніи правильно ложатся свѣтъ и тѣни, лишь на немъ дѣлается уловимой та внутренняя законность явленій которая необходима для художественности изображенія.

Польскій мятежъ одинъ могъ вывести нашего поэта изъ его мирнаго и любвеобильнаго настроенія. Мы выше видѣли какую добродушную карикатуру караетъ онъ нигилистовъ. Выпишемъ здѣсь еще отрывокъ посвященный имъ же. Отрывокъ этотъ взятъ нами также изъ отрывка, но изъ отрывка во 120 страницъ, который носитъ названіе *Стефанъ преданіе* и долженъ былъ, по первоначальному намѣренію автора, составить первыя шесть изъ двадцати главъ обширнаго романа въ стихахъ, въ размѣрѣ *Онегина*, романа подобно *Онегину* изображающаго барскую жизнь недавняго прошлаго. Романъ этотъ остался болѣе чѣмъ на половину не дописаннымъ; написанная же часть полна всевозможныхъ отступленій и размышленій, между которыми мы избираемъ пассажи о противникахъ искусства. Рѣчь идетъ о старомъ баронѣ, который

...о Камковѣ отзывался
 Что это перлъ. Что жь? Можетъ-быть
 Онъ зналъ (недаромъ же учился),
 Какъ неприлично походить
 На пѣтуха который рысая
 Въ навозѣ—и *нашедѣ* зерно
 Жемчужное: „къ чему оно?“
 Воскакинулъ и распѣтушлся.
 А между тѣмъ мой старый другъ,
 Въ навозѣ рыскающій пѣтухъ,
 Какъ человекъ обыкновенный
 Былъ и памятный, и смелый
 (Хоть, можетъ-быть, и не умный)
 Иной, глубоко современной
 Намъ критики: онъ не желалъ
 Чудеснаго соединенья
 Духеспасительныхъ началъ
 Съ жемчужинами вдохновенья.
 Нашедъ жемчужное зерно,
 Онъ не желалъ чтобы оно,
 Не переставши быть жемчужнымъ,
 Могло быть для закуски нужнымъ.
 Онъ просто-на-просто не зналъ
 Ему цѣны, и браковалъ.
 Конечно, стоить же откровенныхъ,
 Фортуною благословенныхъ,
 Я знаю много пѣтуховъ.
 Они кричатъ намъ: „для голодныхъ
 „Не нужно украшений модныхъ,
 „Не нужно вашихъ жемчужновъ,
 „Изящной прозы и стиховъ.
 „Мы для гражданства не видали
 „Отъ музы никакихъ услугъ:
 „Стихи бесплодны, какъ жемчугъ.
 „Прочь—это роскошь!“ Но едва ли
 У этихъ бѣдныхъ пѣтуховъ,
 Опровергающихъ искусство,
 Изящное простое чувство
 Для настоящихъ жемчужновъ.

Повидимому, это самое рѣзкое порицаніе: поэтъ называетъ
 нагана стающаго предъ созданіемъ искусства и вопиющаго
 о его неумности—пѣтухомъ недовольнымъ находкой жемчуж-
 наго зерна. Но кто не слышитъ въ этой выходкѣ той ноты
 неистощимаго, веселаго добродушія, которая у нашего

поэта звучить каждый раз как только онъ касается нигилистовъ?

Мы заговорили о *Сельжеле преданіи*. По объему своему, *отрывокъ* этотъ составляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ между тѣми сочиненіями которыя вошли въ теперешнее собраніе. Эти почтенные размѣры составляютъ главный его недостатокъ: они многихъ удержать отъ чтенія его, да и оправедливость требуетъ сказать что они не были вынуждены внутреннею необходимостью. Подобно *Опъгмну*, подражаніе которому въ этой піесѣ очень замѣтно, но духа котораго въ ней нѣтъ сѣва, *Сельжее преданіе* состоитъ изъ разказа, поминутно прерываемаго субъективными изліяніями, размышленіями и шутками автора. Длинноты происходятъ какъ отъ всѣхъ этихъ изліяній, размышленій и шутокъ, такъ и отъ неумѣія вести разказъ сжато, живо и быстро: въ числѣ деталей, изображаемыхъ авторомъ, много неинтересныхъ или слишкомъ чуждыхъ содержанію повмы, вслѣдствіе чего вниманіе читателя утомляется и ослабѣваетъ. Тѣмъ не менѣе въ частностяхъ есть прекрасныя мѣста, запечатлѣнная тою особенною, кроткою и какъ бы улыбающеюся грустью, тою гуманною и сострадательною любовью къ человѣку со всѣми его слабостями и заблужденіями, наконецъ тѣмъ культомъ природы и ея красотъ, которые такъ сильны въ нашемъ поэтѣ и такъ проникаютъ собой его лиризмъ. Если подобныя мѣста въ большой піесѣ не производятъ всего своего дѣйствія, то потому что для большого романа, какъ и для драмы, прежде всего необходимо качество которымъ лишь въ слабой степени обладаетъ г. Полонскій: нуженъ даръ характеристики, даръ создавать отдѣльныя, выпуклыя, живыя лица. Между тѣмъ у нашего поэта лица, несмотря на всю тщательность и подробность письма, а можетъ-быть и благодаря этой подробности, обременяющей образъ слишкомъ многими и старательными штрихами, почти всегда нѣсколько сплываются и ступшевываются. Разумѣется, это должно быть понято лишь относительно: сочиненія г. Полонскаго совсѣмъ не тѣ повѣсти нигилистическаго беллетриста новѣйшей школы, гдѣ всѣ дѣйствующія лица говорятъ за автора, гдѣ каждое носитъ неизмѣнный ярлыкъ опредѣляющій степень его провинности, и гдѣ голое отвѣщеніе, кое-какъ драпированное въ беллетристическую форму, рисуется и выступаетъ на каждомъ шагѣ. Мы слишкомъ высоко

цѣнимъ талантъ г. Полонскаго чтобы не ставить этому таланту самыя взыскательныя требованія, и только съ этой строгой точки зрѣнія можемъ мы сказать что индивидуальность и выпуклость выведенныхъ лицъ не составляетъ сильной его стороны, что у него преобладаетъ настроеніе, чувство, иногда анализъ, мысль, но что той могучей объективности которая заставляетъ поэта исчезать предъ созданными имъ образами или попеременно превращаться въ каждый изъ нихъ, мы не находимъ въ произведеніяхъ г. Полонскаго.

Поэтъ съ такими особенностями художественной природы какія мы находимъ у г. Полонскаго—съ этою твоею и искреннею любовью ко всему окружающему, съ этимъ пытливымъ и неохладѣвающимъ вниманіемъ ко всѣмъ преходящимъ мимо него явленіямъ, съ этимъ богатствомъ настроенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этою слабостью въ обрисовкѣ индивидуальных образовъ, долженъ былъ почувствовать влеченіе къ неодушевленной природѣ и къ міру животныхъ. Въ этихъ сферахъ господствуютъ только общіе типы, общій тонъ, общее настроеніе, нѣтъ мѣста для самостоятельнаго развитія индивидуальности. Съ другой стороны уже неоднократно было замѣчаемо что именно нѣжныя и мягкія натуры чаще другихъ чувствуютъ симпатію къ животнымъ и интересъ къ тѣмъ темнымъ и неразгаданнымъ мотивамъ которые господствуютъ въ ихъ психической жизни. Древній и неизвѣстный поэтъ, положившій первое основаніе *животному эпосу*, долженъ былъ непременно обладать именно такою мягкой, чуткою и отзывчивою натурой. Мы сейчасъ говорили что влеченіе къ этого рода поэзіи должно было зародиться въ такомъ поэтѣ какъ г. Полонскій. И действительно, самое свѣжее и граціозное, самое оригинальное и интересное изъ его повѣстическихъ произведеній, замѣчательное по соединенію игриваго остроумія и грустной задумчивости, принадлежитъ именно роду очень близкому къ животному эпосу. Мы разумѣемъ его поэму: *Кузнечикъ-музыкантъ*. Герой этой поэмы — полевой кузнечикъ, героиня — бабочка; кромѣ этихъ двухъ лицъ является только одно, да и то нельзя назвать дѣйствующимъ, это — другой кузнечикъ, другъ и *наперсникъ* кузнечика-музыканта; лицо же имѣющее самое рѣшительное вліяніе на катастрофу поэмы (соловей) на сценѣ дѣйствія не является: о немъ только повѣствуется другими. Лица эти, совершенно какъ въ животномъ эпосѣ, отчасти

являются съ признаками и атрибутами оной животной природы, отчасти съ качествами перенесенными на нихъ изъ природы человѣческой: это не вполне аллегорія, но и не простой этюдъ изъ жизни животныхъ. Авторъ съ большимъ юморомъ подмѣтилъ сходство между разными насѣкомыми и нѣкоторыми типами людей, и одна изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ его поэмы заключается въ этихъ забавныхъ и часто неожиданныхъ сближеніяхъ. Самая канва, основное содержание поэмы, конечно построены на мотивѣ часто-человѣческомъ, и жизнь животныхъ тутъ не даа никакого материала. Это разказъ о несчастной любви бабочки къ соловью, который заманилъ къ себѣ и заклевалъ ее. Бабочка эта — особа высшаго свѣта, который вообще состоитъ изъ бабочекъ и червей; подъ соловьемъ разумѣется иностранный, заѣзжій пѣвецъ; кузнечикъ же не что иное какъ доморощенный музыкантъ, къ которому высшій свѣтъ не такъ внимателенъ и не такъ радушенъ какъ къ иностранному, артистѣ, который въ этомъ свѣтѣ бываетъ рѣдко и чувствуетъ себя въ немъ неловко. Плебей-кузнечикъ однакоже влюбился въ бабочку-аристократку, и любовь его, хотя она и не была раздѣлена бабочкой, пельстила ея самолюбію, какъ любовь даровитаго и знаменитаго художника (кузнечикъ былъ не только замѣчательный скрипачъ и композиторъ, авторъ всѣхъ тѣхъ концертовъ которые и понынѣ разыгрываются въ полѣ кузнечиками, но также и вдохновенный поэтъ). Бабочка рѣшилась покетничать съ кузнечикомъ и начала съ того что заказала ему эпиграмму на одну свою непріятельницу, ночную бабочку. Эпиграмму эту бѣдный кузнечикъ долженъ былъ положить на музыку, и любовь была такъ сильна въ немъ что онъ исполнялъ порученіе, хотя чувствовалъ всю немзыкальность текста и всю нехудожественность задачи. Музыка на эпиграмму была оркестрована, затѣмъ была репетиція, описаніе которой мы позволимъ себѣ выписать, главнымъ образомъ ради очерченныхъ въ ней нѣсколькихъ изъ тѣхъ забавныхъ, якобы животныхъ, но подмѣченныхъ между людьми типовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили и которые вообще составляютъ пикантное украшеніе *Кузнечика-музыканта*:

...Оставадось скакать
Прочихъ музыкантовъ—и мачать палкать.
И народу куча собралась на пробу,

Даже жукъ навозный, лачивая утробу
 Вскою дражно, смуглый, толстый и рогатый,
 Уши отъ простуды затыкая ватою
 За толпой туда же пробрался сторонкой,—
 Ничего не помялъ, но замѣтилъ толкій
 Хвостъ у музыканта, и бочкомъ поплеалъ
 Разказать сосѣдямъ что-де онъ обшелся
 Съ молодымъ маэстро; что-де онъ невзраченъ,
 Что его фигурой былъ онъ озадаченъ....
 Черная козявка, та что бьетъ бакалши
 И весь день вертится, наострила уши;
 Вожія коровка вѣкъ веревугала:
 Отъ восторга мыла, мыла и упала
 Въ обморокъ.... Спасибо, муравей съ шауровкой
 Подъ жилетомъ моднымъ, малый очень ловкій,
 Далъ ей спиртъ понюхать въ маленькомъ флаконѣ.
 Онъ встрѣчалъ коровку у N. N. въ садахъ,
 Гдѣ онъ появлялся, масурмивши бровки,
 И быть-можетъ радъ былъ услужить коровкѣ.
 Много было шуму: музыку хвадали,
 Музыку брадали, спорили, судили.
 Бабочки ночныя, въ стрѣлькахъ бурнаусахъ,
 Въ бѣлыхъ пелерникахъ и въ граветныхъ бусахъ,
 Просто вобѣдѣли отъ негодования,
 Раскусивши новую пѣсню содержанье.

Еслибы между насѣкомыми существовали музыкальные эстетика, они бы вѣроятно не преминули замѣтить кузнечика всю несообразность мысли сочинить какую-то кантату съ оркестромъ на слова язвительной эпиграммы. Не знаемъ навѣрное были ли такіе эстетика между толстыми жуками, вертялыми козявками и фразтами-муравьями составлявшими публику кузнечика; намъ достоверно извѣстно только то что первоначальная виновница этой сатирической кантаты, предметъ безграничнаго поклоненія кузнечика, предметъ его страсти, бабочка осталась вполнѣ довольна его новымъ произведеніемъ и даже отъ удовольствія пригласила его къ себѣ. Такимъ образомъ произошло что кузнечикъ, жившій до тѣхъ поръ исключительно въ обществѣ своихъ собратьевъ-артистовъ, дружившійся только со своимъ соплеменникомъ „кузнечикомъ-гулякой“, не совсемъ приличнымъ трактирнымъ героемъ, попалъ въ незнакомое ему высшее общество, въ кругъ бабочекъ и червяковъ. Г. Полонскій превосходно характе-

ризуетъ неловкое положеніе своего героя среди этой новой и непривычной ему сферы.

„Поприще артиста къ разнымъ стоаковельямъ
 Приучаетъ душу; но къ обыкновеньямъ
 Милыхъ насѣкомыхъ высшего разряда
 Не привыкъ герой мой. Вдалекѣ отъ сада,
 Вѣдемъ, худъ и баѣденъ съ головы до пятотъ,
 На себѣ носимъ онъ пола отпечатотъ,
 Пола гдѣ лишь тучи подають свой голосъ,
 Колосится жатва и серна ждетъ колосъ.
 Знаю, о, кузнечикъ! какъ ты была отгнѣнно
 Бабочкою принять. Ты себя надменно
 Велъ, какъ будто цѣлый вѣкъ торчалъ ты въ свѣтѣ,
 Съ юныхъ лѣтъ гуляя въ собственной каретѣ.
 Но скажи въ тотъ вечеръ что съ тобою сталося,
 И какимъ безвѣстнымъ чувствомъ сердце сжалосъ,
 И какія думы охватили жарко
 Геміальный лобъ твой, въ часъ когда изъ парка
 Ты обратю въ поле мчался черезъ кочки?“

Кокетничанье бабочки съ бѣднымъ плебеємъ-музыкантомъ было прекращено одною изъ тѣхъ сплетень которыя такъ часто нарушаютъ добрыя отношенія между людьми. На балу данномъ въ день свадьбы двоюродной сестры бабочки, на балу гдѣ кузнечикъ присутствовалъ, но не въ качествѣ гостя, а въ качествѣ капельмейстера, братъ молодой, танцуя съ предметомъ страсти кузнечика, шепнулъ своей кузинѣ что маэстро (то-есть кузнечикъ) распускаетъ слухъ будто онъ намѣренъ на ней жениться. Гордая дворянка-бабочка была такъ глубоко уязвлена мыслью что быть-можетъ нашлись люди на минуту повѣрившіе въ возможность такой mésalliance между ею и какимъ-то скрипачомъ, что тутъ же рѣшилась порвать всякія съ нимъ сношенія. Она наговорила ему колкихъ и непріятныхъ вещей на этомъ балѣ, а потомъ на домъ послала къ нему клопика съ запиской, въ которой было изображено: „*Благодарю* васъ.“ Кажись бы, остроуміе Сильфиды (такъ звали бабочку) не было ни особенно тонко, ни особенно в ко; но кузнечикъ такъ огорчился тою язвительною оресграфіей которую она изобрѣла для слова *благодарить*, что разразился слѣдующими громами лирическаго негодованія:

„Плачь, родная куза! Затяни ты пѣсню:
 Не о томъ какъ „ходить молодецъ на Прѣсню“,
 Не о томъ какъ „праха прада не гнѣдилась“,
 Не о томъ какъ „Волга матушка катилась“, —
 Спой мамъ пѣсню такъ чтобъ туча разразилась
 Надъ широкой ливей, чтобъ дождемъ шумящимъ
 Пробѣжала сила по листьямъ дрожащимъ;
 Чтобъ червей, враждебныхъ зелени и лѣту,
 Ненавистныхъ, падкихъ къ завязи и цвѣту,
 Смыло, разнесло бы по крутымъ оврагамъ.
 Туча дождевая, будь ты матишка благомъ!
 Поднимаемая вѣтеръ, оборни ты сѣти
 Паука съ крестами, чтѣ гордится въ свѣтѣ
 Тамъ что иссушилъ омы множество народу,
 Изъ души и сердца высосавъ свободу!
 Бабочкажъ грозбою опали ты крылья,
 Чтобъ хоть ихъ за это снова полюбилъ а!“

Какъ видитъ читатель, кузнечикъ былъ годенъ не на то только чтобы писать кантаты на слова эпитаграммъ: у него случались и величественное вдохновеніе, и страстный языкъ, и энергическій стихъ. Но въ то время какъ нашъ идеалистъ (такъ самъ г. Полонскій, и не безъ основанія, называлъ своего кузнечика) тратился на лирическіе возгласы и громкія проклятья, съ бабочкой случилась дѣйствительная и неоправимая бѣда: она влюбилась въ соловья, пѣвца котораго она впервые услышала именно на томъ балу гдѣ она поссорилась съ кузнечикомъ, и бѣжала съ нимъ: соловей-обольститель сначала занялся ею какъ игрушкой, а потомъ заклевалъ ее до смерти. Кузнечикъ-музыкантъ и кузнечикъ-гуляка, получивъ письмо, гдѣ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилось о какой-то угрожавшей ей опасности, отправились въ поиски за Сильфидой, но нашли лишь трупъ ея. Описаніемъ этихъ поисковъ и похоронъ Сильфиды кончается поэма, которая, по нашему убѣжденію, не только замысломъ и исполненіемъ превосходитъ все чтѣ писалъ г. Полонскій, но и вообще принадлежитъ къ самымъ свѣжимъ, душистымъ и обаятельнымъ произведеніямъ нашей литературы послѣдняго времени (мы, конечно, должны брать выраженіе „послѣднее время“ въ довольно обширномъ смыслѣ: *Кузнечикъ-музыкантъ* появился въ печати въ 1859 году). Легкость и живость разказа, не сжатого, не быстрого, но мило-болтливаго; богатство остроумія и

добродушного юмора, свободного от всякой фальши и натавности; прекрасные картины природы, изображенной рельефно и с неподдельною любовью; наконецъ перидко сквозь общій, легкій и шуточный тонъ прорывающееся серьезное чувство, серьезная мысль—вотъ привлекательныя качества *Кузнечика-музыканта*. Мы сейчасъ говорили что общій тонъ поэмы легкій, шуточный. Дѣйствительно, *Кузнечикъ-музыкантъ* не только изобилуетъ шутками, но нѣкоторые частные случаи, гдѣ поэтъ явно подражаетъ вѣтхимъ приемамъ Гомера, наводятъ на мысль что это произведение написано съ цѣлю пародическою, и что здѣсь прежде всего имѣлось въ виду прикѣпить къ эпизоду изъ жизни насѣкомыхъ тотъ тонъ которымъ Гомеръ описываетъ судьбы пелубоговъ и героевъ. Но было бы величайшимъ заблужденіемъ остановиться на этихъ вѣтвихъ признакахъ и не видѣть въ *Кузнечикѣ* ничего дальше пародіи, считать его за нѣчто въ родѣ *Виргиліевой Энеиды перетолоченной на испанку*. *Кузнечикъ-музыкантъ* отнюдь не есть сооруженное со смѣхотворною цѣлю ошелмиваніе эпическихъ приемовъ. Хотя и читая пародію, если только она одѣлана ловко и бойко, имѣеть право на вниманіе критика, какъ свидѣтельство остроумія и находчивости, но нельзя не поставить разсматриваемую нами поему нѣсколько выше всякой пародіи. *Кузнечикъ-музыкантъ* описываетъ, въ самой прозрачной аллегорической формѣ, явленіе въ такой мѣрѣ исполненное грустной дѣйствительности, что невозможно не усмотрѣть въ этомъ повиданію легкомъ и поверхностномъ произведеніи самаго серьезнаго содержания, глубоко предуманнаго и пречувствованнаго вѣстомъ. Содержаніе это осмысливается осмысливается общими идеями поэмы, а идея, въ свою очередь, легко узнаеть изъ сопоставленія *Кузнечика* съ двумя другими произведеніями того же поэта: съ начатыми главами романа *Сельское преданіе* и съ комедіей *Сельце и все тамъ*. Три названныя сочиненія очень наглядно сближаются одно отъ другаго вѣтхимъ формой, родами поэмы, къ которымъ они принадлежать, пожалуй, и степенью литературнаго достоинства; но это не мѣшаетъ имъ (воинно особыхъ подробностей свойственныхъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности) состоять по внутреннему содержанію въ самомъ кровномъ родствѣ. Идея этихъ произведеній одна изъ тѣхъ которая у другихъ поэтовъ получала форму страстнаго протеста или бѣднаго

сарказма, а у г. Полонскаго могли явиться только въ видѣ таковаго, грустнаго: сожалѣнія, въ формѣ сродной кроткому и любвеобильному настроенію, столь искажительно господствующему у нашего поэта. Идея эта — противорѣчіе между искусственнымъ раздѣленіемъ сословій, между духомъ касты, духомъ сословнаго высокомерія и вражды съ одной стороны и силою любви, силою, по существу своему, обличающею и примирительною, опрокидывающею предрасудки и уносящею плагины, — съ другой стороны. Любимый герой г. Полонскаго — бѣдный, незанятый, судьбой не избалованный плембей, который силою ума и таланта завоевываетъ себѣ положеііе среди чуждаго и активнаго ему вышнато круга общества. Вышнее общество относится къ плембею благоклонно и милостиво: оно открываетъ ему свои двери и интересуется имъ какъ художникомъ, литераторомъ и т. п. И вотъ мы видимъ Камкова въ блестящемъ дождѣ баронессы (*Семь летъ арденіи*), Юльскаго на вечерѣ у княгини Боровикъ (*Семь летъ и его тѣни*), аллегорическаго кузнецика на свадьбѣ аллегорической бабочки. (Кузнецикъ тотъ же Юльскій или Камковъ, только съ гораздо болѣе удавшимся, болѣе индивидуализирующею фязіономіей.) Герой-плембей одаренъ натурой воспримчивою и увлекающею: ему нравится блескъ и роскошь, господствующіе въ модѣ раскрывшаго предъ нимъ міра; его привлекаютъ утонченныя изящныя формы въ которыхъ вымалась аристократическая жизнь, ему наконецъ нравится видъ молодой дѣвушки — аристократки, и онъ влюбляется въ одну изъ представителей этого типа. Смотря по характеру, влюбленный плембей питаетъ большія или меньшія надежды: оптимистическій Юльскій, наимышій скрипачъ-кузнецикъ отдается надеждѣ и вѣрится въ возможность для нихъ счастья; скептическій и надломленный *человекъ со рюкзакъмъ седла*, Камковъ, напротивъ того, ни на минуту не позволяетъ себѣ вѣстаться несбыточными мечтами. Характеры героини-аристократки также различны. Хорошенькая, но тщеславная и сердцемъ сухая бабочка ни на минуту не допускаетъ мысли о возможности ей полюбить „жаккало музыкантика“, какъ она сама извоитъ выражаться; чувствительная и экзальгированная, но слабая характеромъ Полина (*Семь летъ и его тѣни*) сначала, повидимому, рѣшается на все для своего героя, даже готова бѣжать съ нимъ, но потомъ очень скоро уступаетъ авторитету матери, которая сош-

туетъ или приказываетъ ей выйти замужъ по денежному расчету; наконецъ болѣе сильная натура княгиня Лора (*Сельское преданіе*) безъ всякаго колебанія рѣшается на бракъ съ человѣкомъ безъ состоянія и знатнаго рода, но успѣвающимъ внушить ей серьезное и глубокое чувство. Ни одна изъ этихъ трехъ пьесъ не кончается * бракомъ по внутреннему влеченію, хотя въ то же время ни одна не кончается условными, безупречнымъ со свѣтской точки зрѣнія бракомъ героини съ женихомъ, выборъ котораго былъ бы внушенъ корыстью и чванствомъ. Бабонка гибнетъ увлеченная залетнымъ соловьемъ; Полина остается обманутой и осмѣянной за несбытшуюся богатую партію; Лора поступаетъ въ сестры милосердія. Невидимая Небезида метитъ тѣмъ семейнымъ деспотамъ, укіе предрасудки которыхъ навсегда лишали счастію ихъ дочерей; она не оставляетъ безъ наказанія и тѣхъ дѣвушекъ; сердечная пустота и ничтожество которыхъ не дали имъ понять и различить глубокаго чувства. Въ самой наглядной и ослѣдательной формѣ это возрѣаніе поэта выступаетъ въ пьесѣ *Сельтъ и его тѣни*, какъ потому что одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Кременчуговъ, говоритъ отчасти отъ лица самого автора (помнотіе драматическіе писатели умѣютъ остерегаться отъ этого грѣха: или отказать себѣ въ этомъ удовольствіи), такъ и потому что поэтъ здѣсь, въ контрастъ къ слабой, безхарактерной, вкоренной свѣтскимъ предрасудкамъ героинѣ, имѣетъ другую ея прямо противоположными свойствами: женщину которая вся любовь, увлеченіе, самопожертвованіе, для которой не существуютъ и не имѣли бы холодный расчетъ и суетное тщеславіе. Въ pendant къ Полины, не умѣющей любить, выступаетъ цыганка Сара, любовница Кременчугова, въ фигурѣ которой довольно замѣтно намѣреніе олицетворить идеалъ страсти не обожанной и не охлажденной себялюбивымъ расчетомъ. Но именно потому что въ этой комедіи видно желаніе автора убѣдить зрителя и читателя на сколько безграмотная цыганка Сара, по цѣльностямъ своей жеманной натурѣ, стоитъ выше изящней барышни Полины, именно потому что въ

* Хотя *Сельское Преданіе* и не окончено, я позволяю себѣ судить о концѣ этого романа по тому простой написанному эскизу, который приложенъ къ напечатаннымъ главамъ (*Сочиненія Я. П. Полонскаго*, томъ II, стр. 244—246) и содержитъ изображеніе всего сюжета.

ней авторъ иногда прятается за однимъ изъ своихъ лицъ, за Кременчуговымъ, и подсказываетъ ему что тотъ долженъ говорить, однимъ словомъ потому что авторъ въ *Септѣ и его тѣни* выдаетъ себя и свои мысли, мы поставимъ эту пьесу гораздо ниже другихъ произведеній г. Половскаго, гдѣ мораль не такъ очевидна. „Man merkt die Absicht, und! man ist verstimmt.“ Ничто такъ не опасно драматическому писателю какъ слишкомъ большая откровенность: желая во что бы то ни стало, въ опроверженіе мнѣній несочувственныхъ ему лицъ въ собственной пьесѣ, выступать и со своими заветными убѣжденіями, авторъ часто извращаетъ драматическій характеръ своего произведенія въ дидактическій. Слѣдуетъ прибавить что вообще *Септѣ и его тѣни* страдаетъ этимъ недостаткомъ въ очень ограниченной мѣрѣ, и что живость хода дѣйствія и оравнительная сжатость разсѣвовъ въ значительной степени выкупаютъ ту субъективность которая вѣскольکو вредитъ эстетическому значенію этой пьесы.

Нельзя не видѣть что мысль о социальномъ неравенствѣ людей умныхъ и даровитыхъ съ людьми злыми и богатыми долго и серьезно занимала нашего поэта, что онъ часто возвращался къ этой мысли и воспроизвелъ ее трижды въ совершенно различныхъ формахъ, причемъ однакоже каждый разъ противопоставлялъ общественному неравенству мотивъ любви и страсти, стремящейся переломить черезъ безду. Мы далеки отъ мнѣнія иногда высказываемаго, а еще чаще безосновательно приписываемаго, что въ произведеніи балетристки главное *устье* знамени котораго держится автора, а что художественное исполненіе, талантъ, изобрѣтеніе, форма, второе дѣло. Художникъ можетъ между прочимъ дѣлаться и проповѣдникомъ мысли и плодотворной мысли; кто же станетъ отрицать силу и обаяніе его одухотворенной проповѣди? Но онъ не для того художникъ чтобы проповѣдывать, а еще меньше для того чтобы проповѣдями своими служить именно такому направленію. Только свѣпой духъ вартіи можетъ довести критика до того что онъ начинаетъ саранирвать свои эстетическіе приговоры съ тенденціями обсуждаемыхъ авторовъ. Тѣмъ не менее въ художественныхъ произведеніяхъ наряду съ фермой существуетъ и другая сторона, — идея, пла, лучше сказать, эти двѣ части взаимно проникаются и сливаются. Сочиненія г. Половскаго почти всегда, помимо своихъ формальныхъ достоинствъ, важны и интересны именно выраженною въ

ныхъ идей. Мы едва ли ошибемся если скажемъ что идея эта, въ самомъ общемъ и широкомъ своемъ выраженіи, есть идея *гуманности*; что г. Полонскій принадлежитъ къ числу такихъ писателей которые глубоко и искренно прониклись идеаломъ человѣческой свободы и человѣческаго счастья, и литературная дѣятельность которыхъ есть служеніе этому идеалу. Повторяемъ, такое служеніе не можетъ быть вмѣнено въ обязанность художнику. Всякій другой идеалъ, вѣроятно, большинству читателей будетъ менѣ симпатиченъ, но можетъ встрѣтиться гениальный поэтъ который имъ одушевится и ему отдастся. Поэтъ можетъ быть сторонникомъ власти въ ущербъ свободѣ; онъ можетъ быть пессимистъ и не вѣрить въ возможности счастья. Онъ можетъ стать въ разрѣзъ съ самыми заветными стремленіями своего вѣка, не утрачивая признаковъ великаго художника. Католикъ Кальдеронъ и протестантъ Мильтонъ безспорно были одушевляемы идеалами весьма отдаленными одинъ отъ другаго; но кто станетъ судить о ихъ поэтическомъ творчествѣ и отдавать предпочтеніе одному изъ нихъ предъ другимъ, едва ли при этомъ употребитъ мѣриломъ вѣроисповѣданіе. Мы не считаемъ позволительнымъ при оцѣнкѣ современнаго поэта впадать въ нелѣпость которую мы отвергаемъ при оцѣнкѣ поэта давняшняго прошедшаго. При своемъ извѣдномъ талантѣ г. Полонскій могъ бы остаться художникомъ и при иномъ направленіи его симпатій. Но тотъ складъ убѣжденій который съ большею или меньшею опредѣленностью выступаетъ въ сочиненіяхъ г. Полонскаго не можетъ не возбудить живѣйшаго сочувствія въ критикѣ носящемъ въ душѣ не одни эстетическіе идеалы. На мягкой и симпатичной натурѣ нашего поэта по-своему отразилось то движеніе которое въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ овладѣло мыслящею частію нашего общества; на ней отозвался тотъ порывъ къ свѣту, къ простору, къ правдѣ, который съ такою силой заговорилъ въ русскихъ сердцахъ. Г. Полонскій, какъ поэтъ, есть одно изъ выраженій этого порыва, и если особенность его природы помѣшала ему излить свои чувства въ громкихъ дисирамбахъ или же въ ѣдкихъ сатирахъ, то эта же особенность обусловила совершенно своеобразную передачу имъ этихъ чувствъ,—передачу мягкую, сдержанную, склонную къ иносказанію, къ фантастическимъ формамъ, но и въ этихъ формахъ исполненную искренности и теплоты.

Мы убѣждены въ томъ что главная и первая задача поэзіи—знакомить насъ съ самимъ собой, разоблачать предъ нами всѣ побужденія, всѣ мотивы нашей внутренней жизни, возбуждать въ насъ ясное сознаніе тѣхъ нашихъ качествъ которыя чувствовались нами инстинктивно или и вовсе не замѣчались. Мы далѣе убѣждены въ томъ что во внутреннемъ мірѣ человѣка чѣрты вѣчныя и неизмѣнныя преобладаютъ надъ чѣртами особенными и случайными, появленіе которыхъ зависитъ отъ условій времени, страны, класса общества и т. п., и что изученіе этихъ вѣчныхъ и неизмѣнно-присущихъ человѣческой природѣ свойствъ, а не эфемерныхъ явленій тенденціознаго характера, даетъ пищу и силу произведеніямъ даровитаго поэта. Но поэтъ есть дитя своего времени, и если онъ не долженъ бросаться въ омутъ борющихся партій, если онъ не долженъ увлекаться мѣняющимися интересами и спорами, то съ другой стороны ему трудно удержаться на точкѣ безучастнаго и неподвижнаго квіетизма, мимо котораго мчались бы ученія, вѣрованія, заблужденія, радости и страданія эпохи. Г. Половскій далекъ отъ подобнаго квіетизма; напротивъ, отзывчивость, живой интересъ къ современнымъ вопросамъ принадлежатъ къ преобладающимъ его качествамъ, и въ его отношеніи къ этимъ вопросамъ сказалась та теплая любовь къ человѣку, то задушевное желаніе человѣку свободы и счастья, которыя во многихъ изъ его произведеній такъ отраднo дѣйствуютъ на читателя.

Л. НЕЛОВОВЪ.

II.

Архивъ государственнаго совѣта, т. I, отдѣленія 1е и 2е, Спб. 1869.

Въ 1863 году Высочайше повелѣно было составить систематическое описаніе архива государственнаго совѣта. Мы помнимъ что эта Высочайшая воля скоро сдѣлалась извѣстна въ кругу людей интересующихся отечественною исторіей и встрѣчена была живѣйшимъ сочувствіемъ, такъ какъ они надѣялись что за описаніемъ послѣдуетъ и обнародованіе описаннаго. Надежда эта исполнилась. Въ концѣ минувшаго года напечатано начало обширнаго собранія документовъ относящихся къ періоду времени съ 1768 по 1796 годъ. Документы эти должны пролить много новаго свѣта на исторію нашу за последнее столѣтіе, такъ какъ они извлечены изъ архивовъ государственнаго учрежденія столь важнаго по своему значенію. Государственный совѣтъ, каковымъ онъ былъ въ царствованіе Екатерины II, разсматривалъ не только законодательныя мѣры и восходившія до него судебныя дѣла но сосредоточивалъ въ себѣ всю правительственную дѣятельность; онъ замѣнилъ верховный совѣтъ Екатерины I и Петра II, кабинетъ Анны Иоанновны и конференцію Елисаветы Петровны и Петра III. Государыня могла, разумѣется, лично разрѣшать докладыаемыя ей дѣла, но если она находила нужнымъ предварительное ихъ обсужденіе, то это обсужденіе происходило въ государственномъ совѣтѣ.

Извѣстно что послѣдовавшее вскорѣ послѣ смерти Петра I лишеніе сената „правительствующаго“ значенія огорчило и оскорбило сенаторовъ. Екатерина II, которая охотно руководствовалась примѣромъ великаго императора, желая вѣроятно сверхъ того польстить основанному имъ учрежденію, по своему вступленіи на престолъ уничтожила преграду отдѣлявшую его отъ верховной власти, перестала собирать конференцію и нѣсколько разъ предсѣдала въ сенатѣ. Независимо отъ того она работала и со своими министрами, и безъ совѣщанія съ сенатомъ рѣшала многія первостепенной важности дѣла, какъ по вопросамъ вѣншей политики, такъ и по внутреннему управленію. Такъ, напримѣръ,

созваніе комиссіи о начертаніи Уложенія состоялось вовсе безъ вѣдома сената. Но человѣку естественно, какъ бы ни былъ великъ его геній, при рѣшеніи вопросовъ отъ коихъ зависитъ его слава и благо цѣлаго народа, обращаться къ разуму не только собственному, но и другихъ людей, находящихся къ обсуждаемому дѣлу въ разнообразныхъ отношеніяхъ, а потому способныхъ обсудить оное съ различныхъ сторонъ. Такимъ образомъ, задумавъ произвести пересмотръ русскаго законодательства и собрать для этого выборныхъ отъ народа, Екатерина совѣщалась съ просвѣщеннѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ того времени, графомъ Н. И. Панинымъ, съ лично ей преданнымъ графомъ Г. Г. Орловымъ, съ графомъ А. П. Шуваловымъ, вельможею проникнутымъ либеральными понятіями, и съ главою тогдашнихъ бюрократовъ, княземъ А. А. Вяземскимъ. Но удобно ли въ каждомъ данномъ случаѣ соображать какихъ именно лицъ пригласить для совѣта? Очевидно, Екатерина должна была скоро придти къ убѣжденію въ необходимости немногочисленнаго собранія состоящаго изъ вполне довѣренныхъ лицъ, собранія, которое имѣло бы по крайней мѣрѣ не случайный характеръ. Случай къ тому представился въ исходѣ 1768 года, когда Турція неожиданно объявила намъ войну. О своемъ намѣреніи составить по этому случаю чрезвычайное собраніе изъ лицъ особо ею назначенныхъ она сообщила первоначально своему военному министру графу Г. Г. Чернышеву; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ въ виду его записку на имя императрицы, въ которой, не зная впрочемъ „на какомъ основаніи будетъ учреждаться этотъ совѣтъ“, онъ предлагалъ призвать въ оный Н. И. Панина, Мордвинова, Г. Г. Орлова, Вяземскаго, вице-канцлера князя Голицына, адмирала Мордвинова и кого-либо изъ военной коллегіи.* Екатерина, оставивъ четырехъ первыхъ и назначивъ его самого, Чернышева, присоединила къ нимъ: бывшаго гетмана К. Г. Разумовскаго, М. Н. Волконскаго, П. И. Панина и вскорѣ назначеннаго главнокомандующимъ князя А. М. Голицына. Составленный такимъ образомъ чрезвычайный совѣтъ собрался въ первый разъ 4го ноября 1768 года. Утромъ въ 10 часовъ, читаемъ мы въ первомъ

* Графи Н. и П. Панины, Лебедева.

протоколъ этого совѣта, лица назначенныя императрицей пріѣхали во дворецъ и были введены въ особый покой, гдѣ она сама открыла засѣданіе. Она объявила что, сверхъ ея ожиданій и вопреки желанію ея, война объявлена Россіи, и поручила собравшимся опредѣлить планъ военныхъ дѣйствій, обсудить мѣры къ охраненію границъ и, наконецъ, изыскать, съ возможно мѣньшимъ отягощеніемъ народа, средства для предстоящихъ чрезвычайныхъ расходовъ.

Составленный для этой специальной цѣли совѣтъ собирався десять разъ. Въ первомъ засѣданіи графъ Н. Панинъ изложилъ собранію состояніе политическихъ дѣлъ, а графъ Чернышевъ сдѣлалъ обзоръ военныхъ силъ Россіи и Турціи, а также хода военныхъ дѣйствій въ предшествовавшей войны съ Портою, что и послужило для собранія основаніемъ къ дальнѣйшимъ соображеніямъ. При этомъ, на вопросъ императрицы „какой образъ войны вести“, Орловъ выразилъ мнѣніе „что когда начинать войну, то и надлежитъ имѣть цѣль“, и затѣмъ предложилъ, „не можно ли послать, подъ видомъ вояжа, въ Средиземное море вѣскольکو судовъ и оттуда учинить диверсію на непріятеля“, войдя, впрочемъ, по этому предмету въ предварительное соглашеніе съ дружественнымъ намъ Британскимъ дворомъ. Въ третьемъ засѣданіи совѣта императрица сказала: „если кто что придумалъ для пользы настоящихъ дѣлъ, то можетъ свое предложить“. Тогда Орловъ прочелъ записку о Морейской экспедиціи, а вице-канцлеръ—свѣдѣнія о единовѣрныхъ намъ народахъ подвластныхъ Турціи, „желающихъ поступить подъ російскій скипетръ“. Извѣстно что это предположеніе не замедлило осуществиться, и читатели *Русскаго Вѣстника* имѣли случай познакомиться съ любопытными подробностями задуманной Орловымъ экспедиціи (*Русск. Вѣстн.* 1868 г. № 1). Вслѣдъ затѣмъ были рѣшены въ общихъ чертахъ: планъ сухопутныхъ операцій, назначеніе главнокомандующихъ, мѣры къ оборонѣ государства, способъ комплектованія полковъ, и указаны средства къ увеличенію государственныхъ доходовъ. Все это окончено было къ 29му декабря. Чрезвычайный совѣтъ окончилъ возложенное на него дѣло. Императрица не пожелала однакожь распустить его, но указомъ даннымъ сенату продлила его существованіе на все продолженіе войны. Совѣту данъ былъ особый наказъ, коимъ на него возлагалось разсматривать: все касающееся настоящихъ воен-

ныхъ обстоятельствъ, какъ по предмету операций дѣйствующихъ армій, такъ и по дѣламъ вѣншей политики; условія могущаго послѣдовать мирнаго соглашенія и наконецъ вопросы связанныя съ чрезвычайными въ настоящихъ обстоятельствахъ расходами. Такимъ образомъ сфера дѣйствія совѣта значительно расширилась въ сравненіи съ тою которая была указана ему первоначально; но сама сила вещей не замедлила расширить еще болѣе программу его зачатій, такъ какъ на ходъ войны не могли не оказать вліянія положеніе дѣлъ внутри государства и отношенія Россіи къ иностраннымъ державамъ. На разсмотрѣніе совѣта стали поступать поочередно данныя касающіяся моровой язвы, Пугачевщины, польскихъ, шведскихъ и турецкихъ дѣлъ, а также нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ, какъ напримѣръ, учрежденіе для управленія губерній, грамоты данныя дворянству и купечеству и т. п.

Личный составъ совѣта измѣнялся въ продолженіе долгаго царствованія императрицы Екатерины; нѣкоторыя изъ вышепоименованныхъ лицъ получили назначенія въ столицы, другимъ указаны были особы занятія; наконецъ старость, болѣзни и смерть разчистили группу первоначально призванныхъ туда лицъ; поэтому поочередно вступали въ члены совѣта: графъ И. Г. Чернышевъ, Потемкинъ (съ 1774 года), графъ А. И. Остерманъ, Румяновъ, Безбородко (съ 1786 года), графы Брюсъ, Мусинъ-Пушкинъ, А. Р. Воронцовъ, Заводовскій и Н. И. Салтыковъ, Стрекаловъ, бывшій первымъ производителемъ дѣлъ въ совѣтъ, и Самойловъ, въ послѣдствіи генераль-прокуроръ.

Вотъ все что можно сказать, не вдаваясь въ подробности, объ исторіи государственнаго совѣта въ царствованіе Екатерины. Но сказаннаго достаточно, кажется, чтобы дать понятіе о важности этого учрежденія въ государственномъ механизмѣ Россіи. Поэтому архивъ его не можетъ не имѣть большаго значенія для историка. Этотъ архивъ состоитъ изъ протоколовъ засѣданій совѣта и, слѣдовательно, какъ историческій матеріалъ, идетъ въ уровень съ обнародованными нѣсколько лѣтъ тому назадъ протоколами верховнаго тайнаго совѣта. Историкъ Екатеринина царствованія найдетъ здѣсь, можно сказать, готовый остовъ для политической стороны своего труда, а при извѣстномъ и, къ сожалѣнію, довольню утвердившемся у насъ взглядѣ на историческую

работу, — и совсѣмъ готовыя страницы, за которыми теперь, благодаря настоящему изданію, не надо будетъ и ходить далеко. Слѣдующая страница, напимѣрь, заимствованная изъ протокола засѣданія 20 іюля 1788 года, въ коемъ разсматривалось донесеніе нашего посланника въ Швецію о полученномъ имъ приглашеніи выѣхать въ восьмидневный срокъ изъ Стокгольма, не могла ли бы цѣликомъ войти въ какой-либо изъ историческихъ трактатовъ господствующей у насъ школы?

„Совѣтъ находилъ поступокъ сей несоотвѣтствующимъ отнюдь добродушію между обѣими державами согласію и оскорбительнымъ для двора здѣшняго, разсуждая что справедливость и пристойность требуютъ наблюсти въ семъ случаѣ и съ нашей стороны совершенное взаимство учиненіемъ подобнаго объявленія и пребывающему здѣсь шведскому министру, а прочимъ находящимся здѣсь повѣреннымъ особамъ вручить записки съ изъясненіемъ причинъ, ея величество къ тому побуждающихъ. Между же тѣмъ, еслибы баронъ Нолькенъ прислалъ къ вице-канцлеру испросить себѣ часть для какого-нибудь изъясненія, или хотя и для врученія королевскаго письма ея величеству, можно будетъ ему отвѣтствовать, что послѣ онаго съ нашимъ министромъ въ Швецію происшествія, не можетъ онъ, вице-канцлеръ, съ нимъ, барономъ Нолькеномъ, изъясняться, не испросивши на то особаго повелѣнія; но буде бы потомъ, да и по формальномъ уже объявленіи, рѣшился сей шведскій посланникъ прислать къ вице-канцлеру запечатанныя письма королевскія для поднесенія ея величеству, то приняты они быть могутъ, тѣмъ болѣе что король, для вѣщаго оправданія своего, могъ бы иначе сказать, что изъяснялся въ письмахъ своихъ удовольствовательнымъ для здѣшняго двора образомъ, но что и сихъ писемъ принять не хотѣли. Впрочемъ, какъ уже сей поступокъ королевскій ясно показываетъ стараніе его изыскать поводъ къ явному разрыву со здѣшнею Имперіей, то и нужно 1) съ нашей стороны принять всевозможныя въ осторожность нашу мѣры, а въ вѣщее тому послѣдствіе представить ея императорскому величеству, не соизволить ли, для командованія всѣми находящимися въ здѣшнемъ краѣ сухопутными войсками, высочайше назначить начальника, который бы по лучшему своему усмотрѣнію учинилъ бы надлежащее распоряженіе къ надежнѣйшей здѣшнихъ предѣловъ безопасности и къ удобнѣйшей оборонѣ отъ всякихъ невриазнанныхъ покушеній. Потомъ предлагая графъ Безбородко записку, съ означеніемъ какимъ образомъ военныя наши дѣйствія располагаемы и ведены быть должны, въ случаѣ открытія (таковыхъ) со стороны шведской, и росписанія находящихся здѣсь войскъ.“

Но включенная въ историческій трактатъ, эта страница не передастъ потомству ни взрыва негодованія вырвавшегося изъ груди императрицы при извѣстіи о коварствѣ шведскаго правительства, ни раздраженія обнаружившагося въ русскомъ обществѣ, ни одушевленія крестьянъ добровольно составлявшихъ рекруты и подводы подъ поспѣвавшія на шведскую границу войска, которыя просили чтобъ ихъ вели безъ дневокъ: всѣ эти яркія черты будутъ потеряны. Правда канцелярская будетъ сохранена, цитаты будутъ точны, но жизненной правды не будетъ.

Но *Архивъ государственнаго совѣта* не исторіи; это остоѣ исторіи. Изданіе состоитъ изъ протоколовъ, то-есть сокращенныхъ перечневыхъ отчетовъ о засѣданіяхъ совѣта. Въ нихъ отмѣчено лишь что такой-то говорилъ о такомъ-то предметѣ или прочелъ записки такого-то содержанія, либо депешу извѣщающую о такомъ-то поворотѣ въ иностранной политикѣ; но ни произнесенныя рѣчи, ни текстъ записокъ и депешъ прочитанныхъ въ собраніи не записаны составителемъ протоколовъ. Такъ напримѣръ, въ протоколѣ 12го ноября 1768 года сказано только что графъ Г. Г. Орловъ читалъ свое мнѣніе объ экспедиціи въ Средиземное море, и больше ничего. Изъ вышеприведенной выдержки видно что графъ Безбородко читалъ записку о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Шведовъ, но самой этой записки, какъ равно и *мнѣнія* заявленнаго Орловымъ 12го ноября 1768 года, не сохранилось въ архивѣ государственнаго совѣта. Точно также не сохранилось тамъ и тѣхъ депешъ которыя нерѣдко представлялъ графъ Панинъ, и тѣхъ реляцій которыя доставлялись отъ главнокомандующихъ. Повидимому, члены, по прочтеніи этихъ депешъ, записокъ и реляцій, клали ихъ къ себѣ въ карманъ и уносили съ собой. Но для насъ весьма важно и то что сохранилось; мы узнаемъ изъ протоколовъ совѣта что въ его засѣданіяхъ были произнесены рѣчи, что были читаны важныя записки и депешы, и если имѣется мало надежды возстановить словесныя заявленія, то въ архивахъ различныхъ вѣдомствъ, по дѣламъ коихъ происходили разсужденія въ совѣтѣ, должны сохраниться тѣ письменные акты о которыхъ упоминается въ протоколахъ, а другіе, можетъ-быть, отыщутся между бумагами сановниковъ прежняго времени, которыя, какъ извѣстно, были печатаемы послѣ смерти

своихъ владѣльцевъ и болѣею частію поступали въ государственныя архивы.

Вышесказаннаго достаточно, кажется, чтобы дать понятіе о содержаніи лежащаго предъ нами изданія. Можетъ-быть, оно не удовлетворитъ нѣкоторымъ преувеличеннымъ ожиданіямъ, но въ этомъ некого винить. Во всякомъ случаѣ нельзя не почитать большимъ приобрѣтеніемъ того обстоятельства, что настоящее изданіе представляетъ несомнѣнно вѣрную и чрезвычайно подробную хронологическую нить за все царствованіе Екатерины, тогда какъ донынѣ многіе изъ нашихъ писателей перепутывали если не годы, то числа, руководствуясь то старымъ, то новымъ стилемъ, смотря по тому изъ русскихъ или иностранныхъ источниковъ они черпали свои данныя. Въ изданіи о которомъ мы говоримъ факты не раскрыты во всей ихъ полнотѣ и выпуклости, но перечень по инымъ предметамъ такъ подробенъ что къ нимъ уже немного остается прибавлять изъ другихъ источниковъ. Таковы, между прочимъ, свѣдѣнія относящіяся къ крымскимъ дѣламъ, послѣдствіемъ коихъ было присоединеніе Таврическаго полуострова. Мы можемъ наконецъ замѣтить и то что протоколы относящіяся ко второй половинѣ царствованія Екатерины гораздо пространнѣе чѣмъ первоначальныя. Станемъ надѣяться что протоколы послѣдующихъ царствованій будутъ заключать въ себѣ все болѣе и болѣе интереса, и если эта надежда наша исполнится, то будущимъ историкамъ Россіи будетъ легко работать.

Что касается до части собственно издательской, то она едва ли оставляетъ что-либо желать. Изданіе вовсе не роскошно, но за то очень опрятно и блестяще отсутствіемъ опечатокъ: мы почти не находимъ ихъ въ двухъ большихъ томахъ наполненныхъ собственными именами, что дѣлаетъ большую честь трудившимся надъ изданіемъ *Архива*. Уважаемые издатели, сенаторъ Калачовъ и профессоръ Чистовичъ, расположили находившіяся въ ихъ распоряженіи матеріалъ по предметамъ: все то что касается войнъ, иностранной политики и нѣкоторыхъ особенно важныхъ происшествій внутри государства,—какъ наприимръ Пугачевского бунта, моровой язвы, — отнесено къ первому отдѣленію, *историческому*; все касающееся законодательства, судоустройства и обычнаго теченія администраціи отнесено къ второму отдѣленію, *юридическому*. Каждое изъ этихъ отдѣ-

леній, составляющихъ въ совокупности *первый томъ*, снабжено прекрасно составленными указателями именъ лицъ и географическихъ названій. Словомъ, намъ остается ждать лишь одного, — чтобы слѣдующіе томы *Архива* продолжали выходить подъ редакціей тѣхъ же просвѣщенныхъ лицъ, которыя трудились надъ первымъ.

П. Ц.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФИИ
СНОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОДАЮТСЯ:

I.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ Аманьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова, находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственные имена (мисологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Лавія, Виргилія, Горация и Овидія.

II.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ

Аманьева, Яснецкаго и Лебединскаго, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Этотъ словарь есть сокращеніе предыдущаго словаря. Слова и обороты, находящіеся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей такъ-называемыхъ золотого и серебрянаго вѣка, за исключеніемъ лишь сочиненій спеціальнаго содержанія (какъ напримѣръ Varro's de re rustica, Vitruvii de architectura, Celsii de medicina, Plinii Naturalis Historia), а равно собственныхъ именъ изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Лавія, Виргилія, Горация и Овидія, объяснены въ сокращенномъ словарѣ столь же подробно какъ и въ полномъ. Кроме того, для употребленія книги въ духовныхъ училищахъ, въ сокращенномъ словарѣ удержаны слова, встречающіяся у отцовъ западной церкви или такъ-называемыхъ церковныхъ писателей.

Полный словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ. Сокращенный 1.130 страницъ въ восьмушку, въ два столбца, по 65 строчекъ въ столбцѣ.

Цена Полнаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ бесплатно; платящій за восемь экземпляровъ получаетъ два экземпляра бесплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экзempla. бесплатно.

Бесплатные экземпляры отпускаются лишь на полное ответственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру бесплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того въсовыхъ за сто фунтовъ.

Цена Сокращеннаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга три руб. сер. Въ конторѣ можно получать Сокращенный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за десять экз. получаетъ два экз. бесплатно; платящій за двадцать экз. получаетъ пять экз. бесплатно; платящій за двадцать пять экз. получаетъ семь экз. бесплатно; платящій за сто пятьдесятъ экз. получаетъ пятьдесятъ экз. бесплатно; платящій за четыреста экз. получаетъ двѣсти экз. бесплатно.

Бесплатные экземпляры отпускаются лишь на полное ответственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому оплатившій отъ десяти до девятнадцати экземпляровъ получаетъ два экземпляра бесплатно; оплатившій отъ двадцати до двадцати четырехъ—пять экз.; оплатившій отъ двадцати пяти до тридцати четырехъ—семь экз.; оплатившій отъ тридцати пяти до сорока четырехъ—девять экз.; оплатившій отъ сорока пяти до сорока девяти—двѣнадцать экз. и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экз. Сокращеннаго Словаря за четыре фунта. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать пять экз. прилагаетъ за двадцать экз. шестьдесятъ рублей, и сверхъ того въсовыхъ за 400 фунтовъ.

Менѣе шести экземпляровъ Полнаго и двѣдцати экз. Сокращеннаго Словаря получать отъ конторы нельзя; отъпуска въ кредитъ или на комиссію нѣтъ.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 р

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые четыре года его существованія. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А.е. Алашова, бывшего директора Тверской гимназій и составителя Латинскаго Словара, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драмусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ вольныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ, новое сочиненіе Жюль Верна. М. 1870.
Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СВЕРЬ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго.
Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНЪ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ.
Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по азиатскому отдѣленію Эрмитажа.
Соч. академика Стефана М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго
профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части
3 руб. сер.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ Евгенія Туръ, въ 4хъ частяхъ.
Ц. 3 р.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ
ПОЧВЫ. Соч. Вольфа. Переводъ профессора Калиновскаго.
Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

— Конечно возможно. Есть такіа затрудненія которыя должны бы были разлучить ихъ.

— Если это случится, мои чувства къ ней останутся такими же каковы они были съ тѣхъ поръ какъ я увидалъ ее въ первый разъ. Вотъ все что я хотѣлъ сказать.

Послѣ этого она разказала ему почти все. Не упомянувъ о состояніи котораго капитанъ лишился чрезъ безчестный поступокъ своего отца, она сказала ему что у молодыхъ людей не будетъ ничего кромѣ жалованья капитана и ничтожныхъ пятидесяти фунтовъ Мери ежегодно. Что она сама и родственникъ ея, свашемикъ, употребятъ всѣ силы чтобы помѣшать такому губельному браку и избавить Мери отъ непривлекательной будущности быть женой индійскаго офицера. Но она просила его припомнить что Мери дѣвушка съ характеромъ, и что въ настоящее время она вполне преда на своему жениху.

— Надѣюсь что это разстроится, сказала она.—Я такъ думаю. Это бракъ невозможный. Но если это разстроится, то отъ этого и она некоторое время будетъ страдать ужасно.

— Такъ я буду ждать, оказалъ мистеръ Джильморъ.—Я отправлюсь домой и буду ждать. Если есть хоть малѣйшая надежда, я могу жить и надѣяться.

— Дай Богъ чтобы вы надѣялись не напрасно.

— Я сдѣлаю все что будетъ въ моихъ силахъ чтобы доставить ей счастье. Теперь я уйду, и я вамъ очень благодаренъ за вашу доброту. Я думаю, мнѣ не слѣдуетъ видѣться съ Мери.

— Я думаю что не слѣдуетъ, мистеръ Джильморъ.

— Да, конечно. Она можетъ подумать что я дразню ее. Вы, вѣроятно, не скажете ей что я былъ здѣсь?

— Это, мнѣ кажется, не принесло бы никакой пользы.

— Конечно. Я сейчасъ же отправлюсь домой, и буду ждать. Если вамъ угодно будетъ, сообщите мнѣ что-нибудь....

— Если бракъ разстроится, я позабочусь чтобы вы узнали объ этомъ. Я напишу Жанетъ Фенвикъ. Я знаю, она ваша другъ.

И мистеръ Джильморъ ушелъ не видавъ Мери, уложивъ свои вещи, и возвратился съ ночнымъ походомъ въ Вестберри. Въ семь часовъ утра она прибыла домой въ вестберрийской одноколкѣ, все още очень несчастный, но уже гораздо

спокойнѣе чѣмъ онъ былъ когда уѣхалъ изъ дому. Онъ даже началъ надѣяться что теперь онъ наконецъ достигнетъ своей цѣли.

XXXIII. Прощаніе.

Прошло Рождество, и мѣсяцъ спустя послѣ Рождества капитанъ Маррабель и Мери Лоутеръ согласились забыть свое осеннее дѣло, смотрѣть на прошлую любовь какъ на чувство никогда не существовавшее, и разстаться друзьями. Оба сильно страдали отъ такого рѣшенія, но онъ сильнѣе жаловался на свое несчастье и утѣривъ себя и другихъ что его погубили на всю жизнь. И дѣйствительно, человѣкъ не можетъ быть несчастнѣе чѣмъ былъ Вальтеръ Маррабель въ то время. Горе его усиливалось непріятною истиной, которую онъ не хотѣлъ скрывать отъ самого себя и отъ Мери, что виновникъ его несчастья его отецъ. Въ концѣ ноября сдѣланы были различныя попытки спасти хоть какую-нибудь часть денегъ, и адвокаты спустились такъ низко что выразили готовность взять хоть 2.000 фунтовъ. Они могли бы избавить себя отъ такого униженія, потому что не только 2.000 фун., но и 200 нельзя было спасти. Вальтеру Маррабель въ то время хотѣлось подрагаться съ кѣмъ-нибудь, но гг. Блокъ и Корлингъ очень ясно дали ему понять что побить онъ можетъ только своего отца, но и тогда онъ не получитъ отъ него ни одного пенни. „По моему мнѣнію,“ сказалъ мистеръ Корлингъ, „вы имѣете право посадить въ тюрьму вашего отца но вы, вѣроятно, не захотите этого.“ Маррабель принужденъ былъ сказать что онъ этого не хочетъ, но сказалъ это такимъ тономъ что было понятно что онъ считаетъ тюрьму самымъ приличнымъ мѣстомъ для своего отца. Блокъ и Корлингъ уже много лѣтъ были повѣренными Маррабелей, и хотя они не чувствовали особеннаго расположенія къ личности полковника, но, по правиламъ своей профессіи, думали что семейнаго пятна не должно выказываться публикѣ. Нѣтъ семьи безъ уroda, и семейные повѣренныя обязаны не давать этому уроду выказываться въ переднихъ рядахъ семейства. Капитанъ сдѣлавъ умашную шутку подписавъ ту бумагу и теперь долженъ вывести послѣдствія этой шутки.

— Не думаю чтобы вы могли выиграть что-нибудь, капитанъ.

тань, если будете судиться съ полковникомъ, сказалъ мистеръ Корлингъ.

— Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія судиться съ нимъ, сказалъ капитанъ раздраженнымъ тономъ. Онъ вышелъ изъ конторы и отрясъ прахъ ногъ своихъ, какъ на гг. Блока и Корлинга, такъ и на своего отца.

Тотчасъ же послѣ этого онъ опять имѣлъ свиданіе со своимъ отцомъ. Чортъ дернулъ его, какъ онъ самъ потомъ говорилъ дядѣ, отправиться въ Портсмутъ чтобы повидаться съ человѣкомъ которому его интересы должны бы были быть дороже чѣмъ кому-либо, и который его такъ безжалостно ограбилъ. Ничего нельзя было ожидать отъ этого визита, ни денегъ, ни совѣта, ни даже утѣшенія. Можетъ-быть, Вальтеръ Маррабель, въ гнѣвѣ своемъ, думалъ что несправедливо будетъ если отецъ его вывернется не услышавъ отъ сына ни одного слова упрека за все что онъ ему сдѣлалъ. Полковникъ занималъ штабную квартиру въ Портсмутѣ, и сынъ пришелъ къ нему подъ вечеръ, когда онъ одѣвался собираясь ѣхать на обѣдъ.

— Это ты, Вальтеръ, сказалъ старый грѣшникъ, показываясь изъ двери своей спальни.—Очень радъ тебя видѣть.

— Я этому не вѣрю, сказалъ сынъ.

— Ну, что ты скажешь? Если ты будешь вести себя прилично, я буду радъ тебя видѣть.

— Вы подали мнѣ примѣръ приличія; не правда ли? Прилично! Вотъ еще что!

— Если ты, Вальтеръ, пришелъ говорить объ этихъ ужасныхъ деньгахъ, то прямо говорю тебѣ: я не буду слушать.

— Это великодушно съ вашей стороны.

— Я былъ несчастливъ. Какъ только я буду въ состояніи запалатить эти деньги, или часть ихъ, я заплачу. Съ тѣхъ поръ какъ ты воротился, я употреблялъ всѣ силы чтобы воротить для тебя часть денегъ, и ты получилъ бы ихъ, если бы не бедфордскіе дураки. Но если говорить правду, деньги эти все же мои, и мнѣ кажется, ты это самъ чувствовалъ когда уполномочилъ меня распоряжаться ими.

— Вотъ такъ хладнокровіе!

— Я всегда былъ хладнокровенъ и намѣренъ такимъ остаться. За мной сейчасъ пріѣдетъ экипажъ, я долженъ ѣхать на обѣдъ. Надѣюсь, ты не подумаешь что я бѣгу отъ тебя.

— Я не позволю вамъ уйти пока вы не выслушаете того что я намѣренъ сказать вамъ, сказалъ капитанъ.

— Такъ говори скорѣй.

И полковникъ стоялъ предъ сыномъ и смотрѣлъ ему въ глаза. Нельзя сказать чтобъ онъ сердился, но у него былъ видъ какъ будто онъ былъ пострадавшимъ лицомъ. Это былъ худощавый старикъ, который носилъ платье съ ватой, красивъ бороду и брови, имѣлъ вставные зубы, и который, вопреки хроническому разстройству кармана, одѣвался всегда въ отличное платье изъ рукъ вестендскаго портнаго. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей которые въ продолженіи своей долгой, безпечной, безпутной жизни умѣютъ жить всегда съ комфортомъ, ѣсть и пить отлично, мягко спать, носить хорошее платье и тонкое бѣлье, и при всемъ этомъ никогда не имѣютъ денегъ. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ общества полковникъ, хотя всѣмъ уже были извѣстны его дѣла, былъ еще до сихъ поръ популяренъ. Онъ былъ всегда веселъ, имѣлъ хорошія манеры, говорилъ забавно, и для него не было ничего святаго во всемъ свѣтѣ. Ему было болѣе семидесяти лѣтъ, жизнь свою онъ провелъ разгульно, и звалъ что жить ему остается не долго, но никакія сомнѣнія, никакія опасенія не тревожили его. Сомнительно даже зналъ ли онъ что онъ дурной человекъ, такой, хуже котораго трудно найти. Лгать, красть — конечно не изъ ящичковъ и кармановъ, потому что онъ зналъ какъ это опасно; обманывать — только не за карточнымъ столомъ, потому что этой науки онъ никогда не могъ постигнуть; удовлетворять всякой своей страсти, хотя бы это сдѣлало другаго человека несчастнымъ на всю жизнь; не признавать никакихъ боговъ кромѣ своихъ тѣлесныхъ чувствъ и никакихъ обязанностей кромѣ обязанности удовлетворять этихъ боговъ; продавать все и не производить ничего; не любить никого кромѣ себя; не учиться ничему кромѣ умѣнья по-джентльменски сидѣть за столомъ; не любить ни своей родины, ни своей профессіи; не имѣть ни вѣры, ни партіи, ни друзей; таковы были, есть и будутъ жизненные правила полковника Маррабель. Многие, можетъ-быть, ставили ему въ достоинство что онъ не робѣлъ предъ неизбежною судьбой. Когда его докторъ сказалъ ему что онъ умретъ очень скоро, если не будетъ воздерживаться отъ нѣкоторыхъ вещей, и сказалъ это въ такихъ словахъ что полковникъ пожалъ что и при воздержаніи онъ проживетъ не долго, онъ рѣшился воздерживаться,

думая что удовольствіа его грѣшной жизни стоятъ такой жертвы. Но никакого другаго дѣйствія не произвелъ на него намекъ доктора. Онъ даже ни разу ни подумалъ есть ли что о чемъ можно пожалѣть предъ смертыю, или чего надо страшиться за гробомъ.

На свѣтѣ много полковниковъ Маррабелей. Они хорошо извѣстны въ клубахъ и купцамъ у которыхъ забираютъ. Мушкетеры даютъ имъ обѣды, а женщины улыбаются имъ. Они никогда не испытываютъ недостатка въ сигарахъ и шампанскомъ. Для нихъ всегда готовы лошади, и слуги служатъ имъ усерднѣе чѣмъ другимъ людямъ. Имъ даютъ денегъ взаймы, зная что нѣтъ никакой надежды получить ихъ обратно. Иногда слышишь ужасный разказъ о какой-нибудь дѣвушкѣ которая губитъ себя изъ любви къ такому человѣку. И при всемъ этомъ полковники Маррабелы пользуются популярностью! Трудно прослѣдить жизнь такого человѣка до самаго конца и удостовѣриться какъ онъ спокойно отходитъ изъ міра, потухая какъ нагорѣвшая свѣча, оставляющая послѣ себя лишь небольшую копоть.

— Постараюсь сказать поскорѣй, отвѣчалъ капитанъ.—Я, насколько мнѣ извѣстно, ничего не выиграю оставаясь въ вашемъ обществѣ.

— Конечно, если ты такъ невѣжливъ.

— Невѣжливъ! Я рѣшилъ сегодня,—не для васъ, но для чести фамиліи,—что не буду преслѣдовать васъ какъ преступника за ужасную кражу которую вы совершили.

— Вѣдь это было бы глупо, Вальтеръ, и ты это также хорошо знаешь какъ и я.

— Я черезъ нѣсколько недѣль ѣду въ Индію, и надѣюсь что мнѣ не удастся увидетьъ васъ еще разъ. Я постараюсь чтобъ этого не случилось. Неизвѣстно кто изъ насъ умретъ раньше, но это послѣднее свиданіе. Надѣюсь что вы въ минуту смерти припомните что вы погубили вашего сына во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Я хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ которую я люблю, но теперь это разстроилось, и все изъ-за васъ.

— Я объ этомъ слышалъ, Вальтеръ, и искренно поздравляю тебя съ твоимъ избавленіемъ.

— Я не могу ударить васъ.

— Да, этого ты не дѣлай.

— Изъ уваженія къ вашимъ лѣтамъ и къ тому что вы мой

отецъ. У васъ, кажется, нѣтъ сердца, и вы этого не можете чувствовать.

— Милый мой, у меня есть аппетитъ, и я долженъ ѣхать и удовлетворить его.

И съ этими словами полковникъ исчезъ, а капитанъ выждалъ пока отецъ сошелъ съ лѣстницы и сѣлъ въ экипажъ, и тогда вышелъ самъ.

Хотя онъ говорилъ отцу что отказался отъ надежды жениться на Мери Лоутеръ, но онъ еще не выразилъ своего согласія на тотъ способъ какимъ должны были окончиться ихъ отношенія. Вопросъ этотъ подвергся продолжительному обсужденію друзей, какъ это всегда бываетъ съ подобными вопросами при такихъ обстоятельствахъ; и Мери слышала со всѣхъ сторонъ что она обязана отказаться, какъ для своей, такъ и для его пользы; что отношенія ихъ никогда не окончатся бракомъ и принесутъ несчастіе ей и ему. Священникъ Джонъ приходилъ поговорить съ ней и говорилъ съ такою энергіей къ какой она прежде не считала его способнымъ. Тетка Сарра была съ ней очень ласкова, но не измѣнила своего убѣжденія что отношенія ея съ Вальтеромъ должны быть по необходимости окончены. Мистеръ Фенвикъ написалъ ей письмо полное дружбы и совѣтовъ, а мистрисъ Фенвикъ сама пріѣзжала въ Лорингъ поговорить съ ней объ этомъ предметѣ. Разговоръ между ними длился очень долго.

— Если вы заботитесь обо мнѣ, сказала Мери,—это бесполезно.

— А о комъ же еще? О мистерѣ Джильморѣ? Право, я о немъ теперь и не думала. Я говорю это потому что знаю что бракъ между вами и вашимъ кузеномъ невозможенъ, а продолженіе такихъ сношеній было бы гибельно для васъ обоихъ.

— Для меня это не составляетъ никакой разницы.

— Нѣтъ, это составляетъ большую разницу. Васъ измучаетъ неисполняющееся ожиданіе; нѣтъ ничего столь убійственного, столь ужаснаго и чего надо такъ избѣгать. А онъ! Какъ можетъ человекъ, поставленный въ такое положеніе въ жизни какъ онъ, жить при такихъ условіяхъ?

Результатомъ всего этого было письмо, въ которомъ Мери предлагала своему кузену освободить его отъ обѣщанія, и говорила что для нихъ обоихъ будетъ лучше если онъ согласится принять это освобожденіе. Намѣреніе, которое

она приняла сначала, возложить на него всю отвѣтственность, не годится. Она убѣдилась изъ всѣхъ ужасныхъ разговоровъ, что если отношенія ихъ должны быть покончены, то это должна сдѣлать она, а не онъ. Она хотѣла поступить великодушно предоставивъ ему рѣшеніе, но тетка ея и мистрисъ Фенвикъ объявили ей что онъ не можетъ воспользоваться такимъ великодушіемъ. Она обязана принять всю отвѣтственность на себя и сдѣлать первый шагъ. Она, однимъ словомъ, обязана сказать ему что между ними все кончено.

Въ тотъ же самый день когда мистрисъ Фенвикъ уѣхала отъ нихъ, Мери написала это письмо, и оно лежало въ карманѣ капитана Маррабель когда онъ ходилъ въ послѣдній разъ проститься съ отцомъ. Сколько горя и слезъ стоило ей это письмо! Она сказала себѣ что слѣды слезъ не должны остаться на письмѣ, и разъ десять она вытирала ихъ на глазахъ чтобы не дать имъ упасть. Въ письмѣ не было умышленнаго пафоса, не было даже увѣреній въ любви до самого конца, гдѣ она сказала что всегда будетъ горячо любить его; не было ни жалобъ и ни одного слова о своемъ горѣ. Она употребила всѣ доказательства которыя приводили ей другіе и потомъ вывела свое заключеніе. Она подумала, что если она обѣщаетъ быть ему вѣрною, то этимъ будетъ вызывать его на такое же обѣщаніе съ его стороны, и она не написала ни слова о вѣрности. Для нихъ обоихъ будетъ лучше если отношенія ихъ будутъ кончены, и они должны быть кончены вполне. Таковъ былъ смыслъ письма Мери Лоутеръ.

Капитанъ Маррабель, прочитавъ его, не могъ не согласиться со справедливостью всѣхъ доказательствъ, но онъ слишкомъ любилъ эту дѣвушку чтобы свобода могла обрадовать его. Онъ, конечно, чувствовалъ что обязательство это ему въ тягость, что онъ не сдѣлалъ бы его еслибы зналъ о потерѣ всего состоянія, и что есть страшная вѣроятность что оно никогда не поведетъ къ браку, но несмотря на все это, освобожденіе сдѣлало его несчастнымъ. Бракъ никогда не можетъ быть такимъ важнымъ, рѣшительнымъ шагомъ въ жизни, причиной крайняго несчастья или полнаго счастья для мужчины, какъ для женщины. Но онъ любилъ ее искренно и сильно, и когда онъ узналъ что она не будетъ его женой, онъ чувствовалъ себя какъ человекъ у котораго украли его сокровище. Ея письмо было длинно и полно доказательствъ, его письмо было кратко и страстно. Читатель долженъ прочесть его:

„Дукъ-Стригъ, январь 186°.

„Милая Мери!

„Вы, кажется, правы. Всѣ мнѣ говорятъ это, и всѣ, вѣроятно, говорятъ и вамъ то же самое. Я долженъ уѣхать; что же же касается до возвращенія, а не знаю могу ли я надѣяться на это. При такихъ обстоятельствахъ было бы несправедливо и эгоистично съ моей стороны еслибъ я уѣхалъ оставивъ васъ думать о себѣ какъ о вашемъ будущемъ мужѣ. Вы ждали бы того что могло бы никогда не случиться.

„Что касается до меня, я никогда не буду думать о другихъ женщинахъ. Солдатъ можетъ обейтись безъ жены, а я съ этихъ поръ буду считатьъ себя однимъ изъ тѣхъ безпозваныхъ, но многочисленныхъ животныхъ которыхъ называютъ „холостяками“. Я никогда не женюсь и всегда буду носить вашъ образъ въ моемъ сердцѣ, и не буду считатьъ что грѣшу противъ васъ или кого другаго, продолжая думать о васъ когда вы увидите замужь.

„Мнѣ не нужно говорить вамъ какъ я страдаю. Не только потому что долженъ разстаться съ вами, но и потому что я не могу забыть кто этому причиной. Я вчера видѣлся съ отцомъ, и можете вообразить какое это было свиданіе. Я иногда думаю, когда лежу въ постели, что ни съ однимъ человекомъ не поступали такъ жестоко какъ со мной.

„Прощайте, моя милая. Я не рѣшился бы сказать того что вы сказали, но я знаю что вы правы. Это не моя вина, дорогая моя. Я любилъ васъ и люблю такъ искренно, какъ ни одинъ мужчина никогда не любилъ женщины.

„Всемъ сердцемъ преданный вамъ

„Вальтеръ Маррабель.

„P. S. Мнѣ хотѣлось бы увидать васъ еще разъ до отъезда. Неужели это невозможно? Я приѣду къ дядѣ, но не приду къ вамъ, если вы скажете что лучше не приходить. Если вы можете заставить себя повидаться со мной, прошу васъ, пожалуйста, издайте это.“

Въ отвѣтъ на это Мери написала что она, конечно, хочеть увидаться съ нимъ, когда онъ приѣдетъ въ Лорингъ. Она не знаетъ причины, говорила она, почему имъ не должно видѣться. Но написавъ это, она спросила совѣта тетки. Тетушка Сарра не рѣшилась сказать что свиданія этого не должно бы быть, но было ясно что она считала его опаснымъ.

Капитанъ Маррабель приѣхалъ въ Лорингъ въ концѣ января, и свиданіе состоялось. Мери устроила такъ что она была одна*когда онъ пришелъ. Онъ просилъ чтобъ она

пошла съ нимъ гулять, по ихъ обыкновенію, но въ этомъ она отказала, сказавъ что такая горестная прогулка ей не по силамъ, и послѣ этого улыбаясь говорила теткѣ, что еслибъ она еще разъ вышла съ нимъ изъ ихъ дома, то вѣроятно никогда не вернулась бы. „Я не рѣшилась бы попросить его воротиться назадъ, когда знала бы что это въ послѣдній разъ.“ И потому было рѣшено что свиданіе произойдетъ въ гостиной.

Онъ вошелъ въ комнату скорыми, неровными шагами, подошелъ къ ней, обнявъ и поцѣловалъ. На этотъ счетъ она уже заранѣе сдѣлала нѣсколько рѣшеній. Онъ можетъ поцѣловать ее, если захочетъ, когда будетъ уходить, но только одинъ разъ. И теперь, почти непримѣтнымъ движеніемъ, она освободилась отъ его рукъ. Она не скажетъ ему объ этомъ ни слова, но будетъ помнить что онъ для нея уже не болѣе какъ дальній родственникъ. Она не должна уже болѣе класть голову на его плечо, путать пальцами его волосы, смотрѣть въ его глаза, съ любовью цѣловать его. Какъ бы ни была сильна его любовь, но такіе внѣшніе знаки любви уже не приличны.

— Вальтеръ, сказала она, — я такъ рада васъ видѣть, хотя, можетъ-быть, было бы лучше еслибъ вы не приходили.

— Почему же лучше? Это было бы неестественно еслибы мы не увидались.

— И я такъ думала. Почему не простаться друзьямъ, если даже дружба ихъ такъ горяча какъ наша? Я сказала теткѣ Саррѣ что никогда не простила бы себя еслибы не позволила вамъ придти.

— Въ этомъ нѣтъ ничего страшнаго, кромѣ того что это ужасный конецъ, сказалъ онъ.

— Съ одной стороны, я не считаю это концомъ. Мы не можемъ быть мужемъ и женой, Вальтеръ, но я буду всегда слѣдить за вашею карьерой и буду думать о васъ какъ о самомъ дорогомъ другѣ. Я надѣюсь что вы будете писать мнѣ, не въ началѣ, а такъ, черезъ годъ. Тогда вы будете въ состояніи писать мнѣ какъ братъ.

— Никогда я не буду въ состояніи писать такъ.

— О, будете, если только захотите переломить себя для меня. Мнѣ кажется, люди могутъ привыкнуть ко всему, если только захотятъ хорошенько поработать надъ собой. Вы не должны быть несчастнымъ, Вальтеръ.

— Я не такъ благоразуменъ и самонадѣянъ какъ вы, Мери. Я буду несчастливъ, и я солгалъ бы еслибы сталъ увѣрять что не буду. Меня впереди не ожидаетъ ничего что могло бы сдѣлать меня счастливымъ. Когда я воротилса на родину, меня почти ничто не привязывало къ жизни, хотя я надеялся получить состояніе. Тутъ я встрѣтилъ васъ, и весь міръ, казалось, измѣнился. Я былъ счастливъ даже тогда когда узналъ какъ со мной ужасно поступили. Но теперь все кончено, и я не думаю чтобъ я когда-нибудь могъ быть опять счастливъ.

— А я надеюсь быть счастливою, Вальтеръ.

— Надеюсь что будете, милая моя.

— Есть различныя степени счастья. На высочайшей степени счастья я была когда узнала что вы любите меня.

Когда она сказала это, онъ хотѣлъ взять ея руку, но она непримѣтнымъ движеніемъ отодвинулась отъ него.

— Это счастье я не потеряла до сихъ поръ и не намѣрена терять его. Я всегда буду вспоминать что вы любили меня; и вы тоже не забудете что я васъ любила.

— Забуду? Нѣтъ, не думаю чтобъ я могъ забыть это.

— Такъ мы не можемъ быть вполне несчастны. Нѣкоторое время мы, конечно, будемъ страдать.

— Я знаю какъ я буду страдать. Я не могу похвалиться такою силой воли чтобы сказать что я могу потерять то что мнѣ необходимо и не чувствовать потери.

— Мы оба будемъ это чувствовать, Вальтеръ, но я надеюсь что мы не будемъ несчастны. Когда вы уѣзжаете изъ Англіи?

— Это не рѣшено еще. У меня не хватило духа подумать объ этомъ. Вѣроятно, не раньше какъ черезъ мѣсяцъ или два.

— Что же вы будете дѣлать съ собой?

— У меня нѣтъ никакихъ плановъ, Мери. Сэръ-Грегори звалъ меня въ Донриппель, и я проживу тамъ пока не надоѣсть. Какіе веселые разговоры будутъ у меня съ дядей объ отцѣ!

— Лучше не говорить о немъ, Вальтеръ; такъ вы скорѣй забудете его. Мы, конечно, будемъ слышать о васъ отъ священника Джона.

Она сидѣла немного поодаль отъ него, и онъ не старался приблизиться къ ней до той минуты когда, по ея знаку, онъ всталъ чтобъ уйти. Онъ сидѣлъ съ ней около часа, и все это время говорила болѣе она чѣмъ онъ. Она старалась дать

ему понять что онъ свободенъ какъ вѣтеръ, и говорила что она надѣется услышать когда-нибудь что онъ женатъ. Въ опроверженіе онъ съ жаромъ увѣрялъ что никогда не назоветъ ни одну женщину своею женой, если только непредвидѣнные обстоятельства не позволятъ ему возвратиться и опять просить ея руки.

— Я не хочу сказать что вы должны ждать меня, сказалъ онъ.

Она улыбнулась, но не дала никакого отвѣта. Она рѣшила что для его пользы она не должна давать ему надежды на возобновленіе ихъ отношеній, и не дала.

— Благослови васъ Богъ, Вальтеръ, сказала она наконецъ, подходя къ нему и протягивая ему руку.

— Благослови васъ Богъ, Мери, на вѣки вѣковъ, сказалъ онъ, обнявъ ее и поцѣловалъ нѣсколько разъ.

Это были послѣдніе поцѣлуи, и она не препятствовала ему. Наконецъ онъ оставилъ ее, дошелъ до двери и опять воротился.

— Милая, дорогая Мери, вы поцѣлуете меня еще разъ?

— Это будетъ послѣдній, Вальтеръ.

И она поцѣловала его какъ поцѣловала бы увѣзжающаго брата, и освободившись изъ его объятій, вышла изъ комнаты.

Несмотря на то что онъ пріѣхалъ въ Лорингъ наканунѣ вечеромъ, онъ въ этотъ же день уѣхалъ въ Лондонъ. Онъ, конечно, обѣдалъ въ клубѣ, выпилъ стаканъ вина и выкурилъ одну или двѣ сигары, хотя все это дѣлалъ съ мрачнымъ видомъ. Всѣ знали что онъ потерпѣлъ ужасную неудачу въ дѣлахъ по наслѣдству, и никто не ожидалъ отъ него веселія и любезности.

— Клянусь, сказалъ маленькій капитанъ Будъ, — еслибъ онъ былъ моимъ начальникомъ, я повѣсилъ бы за него. Клянусь, повѣсилъ бы.

И заявленіе это заслужило сильное одобреніе въ билліардной комнатѣ военнаго клуба.

Между тѣмъ въ Лорингъ Мери Лоутеръ сказала себѣ что ей не слѣдуетъ принимать на себя мрачный видъ, и за обѣдомъ она сидѣла противъ тетки съ веселымъ лицомъ. Но прежде чѣмъ окончился этотъ вечеръ, она отчасти выдала себя.

— Я теперь рѣшительно не въ состояніи читать романы,

тетушка Сарра, сказала она.—Не придумаете ли вы мнѣ ка-кого-нибудь занятія?

Старая леди подошла къ ней и поцѣловала ее, но не дала никакого отвѣта.

XXXIV. Булгамптонскія новости.

Когда дѣло было окончательно рѣшено въ Лорингѣ, когда миссъ Маррабель узнала что обѣ стороны не только прервали свои отношенія, но прервали ихъ такъ что они уже не могли быть возобновлены, она исполнила свое обѣщаніе мистеру Джильмору. Но это было сдѣлано только черезъ двѣ недѣли послѣ прощанія о которомъ говорилось въ предыдущей главѣ, и въ это время Вальтеръ Маррабель былъ уже у своего дяди, сэръ-Грегори, въ Донриппелѣ. Миссъ Маррабель взяла на себя извѣстить мистера Джильмора есая произойдетъ разрывъ, и обѣщала передать извѣстіе чрезъ мистрисъ Фенвикъ. Прошли двѣ недѣли, миссъ Маррабель знала что Мери не писала своему другу въ Булгамптонъ, и хотя ей было очень совѣстно и неловко поддержи-вать сношенія основанныя на надеждѣ что Мери со време-немъ приметъ милостиво другаго поклонника,—конечно, прой-детъ много времени прежде чѣмъ будетъ оказана такая ми-лость,—она написала однако нѣсколько строкъ къ мистрисъ Фенвикъ. Она объяснила что капитанъ Маррабель принужденъ возвратиться въ Индію, и что онъ увѣжаетъ свободнымъ че-ловѣкомъ. Мери, писала она, переноситъ свое горе муже-ственно. Конечно, пройдетъ много времени прежде чѣмъ вос-поминаніе о кузенѣ перестанетъ быть горемъ для нея, но она приступила къ своему тяжелому долгу съ доброю волей,—такъ говорила миссъ Маррабель,—и конечно, современемъ побѣдитъ его силой своего характера. О мистерѣ Джильмо-рѣ не было сказано ни слова, но мистрисъ Фенвикъ поняла все. Она знала что письмо это было написано для мистера Джильмора, и она обязана передать его какъ можно скорѣе, чтобъ онъ могъ извлечь изъ него утѣшеніе въ которомъ онъ такъ нуждается, хотя, конечно, онъ не долженъ, основываясь на немъ, приступать къ дѣлу прежде чѣмъ пройдетъ много мѣсяцевъ.

— Это будетъ ему утѣшеніемъ, сказалъ ей мужъ, прочи-тавъ письмо.

— Иво всѣхъ мушницъ которыхъ я знаю, онъ самый постоянный, сказала мистрисъ Фенвикъ, — и постоянство его заслуживаетъ награды.

— У него такой характеръ, сказалъ настоятель.—Онъ, по всей вѣроятности, преодолѣтъ ее наконецъ, и тогда онъ будетъ счастливъ, какимъ бы способомъ она ему ни досталась. Главное, это упрямо преслѣдовать свою цѣль. Мнѣ кажется, я могъ бы сдѣлаться епископомъ, еслибы захотѣлъ.

— Такъ почему же ты не захочешь?

— Я не увѣренъ что эта цѣль имѣтъ для меня столько привлекательности какъ Мери Лоутеръ для бѣднаго Гарри. Человѣкъ, для успѣха въ такихъ дѣлахъ, не долженъ предаваться сомнѣнію. Гарри не сомнѣвается что, несмотря на предпочтеніе оказанное Мери ея кузену, для него будетъ величайшимъ счастіемъ если она выйдетъ за него замужъ. Его увѣренность въ своей цѣли побѣдитъ наконецъ всѣ препятствія.

Два дня спустя послѣ этого мистрисъ Фенвикъ передала письмо мистеру Джильмору, окончательно убѣдившись что для этого оно и написано. Она держала письмо въ карманѣ, въ ожиданіи случая увидать Джильмора, и встрѣтивъ наконецъ его въ его владѣніяхъ, сказала:

— У меня есть письмо изъ Лоринга.

— Отъ Мери?

— Нѣтъ, отъ тетки Мери. Вамъ слѣдуетъ прочесть его. Сказать вамъ правду, Гарри, я высматривала васъ съ тѣхъ поръ какъ получила его. Но вы не должны придавать ему большого значенія.

Онъ прочиталъ письмо.

— Что вы хотѣли сказать тѣмъ что я не долженъ придавать ему большого значенія?

— Вы не должны думать что Мери теперь такая же какая она была когда не видала еще этого своего кузена.

— Но вѣдь она та же самая.

— Положимъ что та же тѣломъ и душою, но такое испытаніе оставляетъ впечатлѣніе которое не скоро изглаживается.

— Вы хотите сказать что я долженъ подождать прежде чѣмъ просить ее опять?

— Вы, конечно, должны ждать. Надо чтобъ исчезло впечатлѣніе. Понимаете?

— Такъ я буду ждать. Что же касается до впечатлѣнія,

это не мое дѣло. Какъ вы думаете, мистрисъ Феввикъ, неужели ни одна женщина, и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, не выйдетъ за одного человѣка если она любить другого?

Она не рѣшилась сказать ему что Мери Лоутеръ мѣняеъ всехъ другихъ женщинъ способна такъ поступить.

— Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, сказала она,—на которые нѣтъ возможности отвѣтить прямо. Для этого надо сдѣлать ясное опредѣленіе любви.

— Вы понимаете что я хочу сказать?

— Я понимаю, но я не знаю что отвѣтить вамъ. Еслибы вы обратились къ Мери теперь, она приняла бы это за оскорбленіе, тѣмъ болѣе что ей извѣстно что вы знаете ея исторію съ кузеномъ.

— Я, конечно, не обращаюсь къ ней теперь же.

— Она никогда не забудетъ его совершенно.

— Такія вещи не забываются.

— Однако, сказала мистрисъ Феввикъ,—можно надѣяться что Мери современемъ выйдетъ замужъ. Такія раны, какъ и все другія, излѣчиваются.

— Я отъ своей никогда не вылѣчусь, сказалъ онъ, засмѣявшись.—Но о Мери я не знаю что думать. Мнѣ кажется, дѣвочки выходятъ замужъ не саишкомъ заботясь о томъ кого онѣ избираютъ. Мы видимъ это каждый день; а потомъ онѣ любятъ своихъ мужей. Это не романчно, но это такъ.

— Не думайте объ этомъ саишкомъ много, Гарри, сказала мистрисъ Феввикъ.—Если вы все еще любите ее....

— Конечно люблю.

— Такъ подождите немного, и мы опять привеземъ ее въ Булгамптонъ. Вы, конечно, знаете чего мы желаемъ.

Въ Булгамптонѣ все было спокойно во время послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Мельница работала исправно, и Семъ также работалъ съ постоянствомъ. Настоятель не слышалъ ничего болѣе о Карри Бретль и не могъ отыскать ея слѣдовъ и узнать гдѣ она жила. Онъ часто заговаривалъ о ней съ мистрисъ Бретль, но она ничего не знала и полагала что Семъ знаетъ не болѣе ея. Они рѣшили что Сема невозможно спрашивать объ этомъ, хотя они знали что онъ нѣсколько разъ навѣщалъ сестру когда она жила въ Пикрофтской общинѣ. При самомъ же мельникѣ никто не рѣшался выговорить имени Карри съ того момента для котораго настоятель сдѣлалъ свою

неудачную попытку, и съ тѣхъ поръ между Фенвикомъ и старымъ Бретлемъ была если не вражда, то полное равнодушіе. Настоятель ходилъ на мельницу также часто какъ и прежде, рѣшивъ что все происшедшее не должно произвести въ немъ никакой перемены, и отношенія его съ мистрисъ Бретль и Фанни были попрежнему дружелюбны. Но мельникъ замѣтно избѣгалъ его, уходилъ на мельницу когда Фенвикъ приходилъ въ ихъ домъ, не оказывалъ ему ни малѣйшаго вниманія и только слегка притрогивался къ шляпѣ встрѣчаясь съ нимъ.

— Вашъ мужъ все еще сердится на меня, сказалъ однажды Фенвикъ мистрисъ Бретль.

Она покачала головой и горько улыбнулась, и сказала что это пройдетъ со временемъ, „вѣдь Яковъ такъ упрямъ“. Съ Семомъ у настоятеля не было никакихъ или очень мало сношеній. Семъ все это время ни разу не былъ въ церкви, и хотя онъ усердно работалъ на мельницѣ, но по временамъ онъ уходилъ изъ деревни дня на два, и никому потомъ не говорилъ гдѣ былъ.

Самымъ страннымъ и замѣчательнымъ дѣломъ совершавшимся тогда въ Булгамптонѣ была постройка часовни или скрини „Салема“, какъ называлъ ее народъ, для мистера Пудельгама. Первое извѣстіе о постройкѣ мистеръ Фенвикъ получилъ отъ Гримса, строителя и плотника, который, встрѣтивъ настоятеля на улицѣ Булгамптона, указалъ ему на небольшое пространство свободной земли противъ самыхъ воротъ его дома,—лужокъ, на которомъ никогда не было никакого строенія,—и сказалъ что маркизь отдалъ его подъ часовню методистамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Фенвикъ. — Надѣюсь что она будетъ удобна и достаточно обширна для нихъ. Тѣмъ не менѣе желательно было бы чтобъ она была подальше отъ моихъ воротъ.

Онъ сказалъ это одобрительнымъ тономъ, выказывая этимъ значительное присутствіе духа. Постройка этого зданія на такомъ мѣстѣ была для него испытаніемъ, и вспомнивъ что земля принадлежитъ маркизу Тробриджу, онъ тотчасъ же догадался что мѣсто это выбрано чтобы досадить ему. Полукруглая луговина противъ его воротъ казалась всегдѣ принадлежностью дома настоятеля. Даже коттеджъ построенный здѣсь былъ бы обидой, но бросающаяся въ глаза кирпичная

методистская церковь, со словомъ „Салемъ“, написаннымъ крупными буквами надъ дверью, будетъ издѣваться надъ нимъ каждый разъ когда онъ будетъ входить въ свой садъ или выходить изъ него. Онъ всегда тщательно избѣгалъ всякаго подобія ссоры съ методистскимъ священникомъ и всѣми способами старался показывать свою готовность считать священство мистера Пудельгама столь же полезнымъ для блага цивилизаціи какъ свое собственное. Съ мистеромъ Пудельгамомъ онъ былъ всегда вѣжливъ, посылалъ ему фрукты и овощи изъ своего сада, одолжилъ ему газеты. Когда рождались маленькіе Пудельгамы, мистрисъ Фенвикъ всегда осведомлялась о здоровьи матери и ребенка. Въ домѣ настоятеля, съ самаго пріѣзда Фенвика, соблюдалось величайшее стараніе показать что господствующая церковь не презираетъ диссидентскихъ конгрегацій. Въ послѣдніе три года много толковалось о сооруженіи новой часовни, и мистеръ Фенвикъ самъ разсуждалъ о ней съ мистеромъ Пудельгамомъ. Мѣсто для нея было выбрано большое, удобное и отдаленное отъ его дома. Когда онъ услышалъ новость и раздумалъ о послѣдствіяхъ такой постройки, ему показалось невѣроятнымъ чтобы маркизъ могъ увидѣться до такой мѣсти. Онъ пошелъ прямо къ мистеру Пудельгаму и узналъ отъ него что Гримъ сказалъ совершенную правду. Это было въ декабрѣ. Послѣ Рождества начнется немедленно постройка, такъ что кирпичная работа кончится съ окончаніемъ морозовъ, говорилъ мистеръ Пудельгамъ. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ и выразилъ надежду что въ августѣ онъ будетъ уже служить въ новой часовнѣ. Когда настоятель спросилъ по какой причинѣ перемѣнили мѣсто, стараясь тономъ своего голоса не выказать досады, мистеръ Пудельгамъ отвѣчалъ что прикащикъ маркиза рѣшилъ что такъ будетъ удобнѣе, „и я съ нимъ вполне согласенъ“, прибавилъ мистеръ Пудельгамъ съ вызывающимъ взглядомъ и оскаливъ зубы, и выказывая полную готовность начать приходскую распрю. Фенвикъ, соблюдая осторожность, не сдѣлалъ никакого замѣчанія и ни однимъ словомъ не выказалъ предъ Пудельгамомъ своего неудовольствія.

— Не думаю чтобъ онъ сдѣлалъ это сдѣлать, сказала мистрисъ Фенвикъ, пылая негодованіемъ.

— Конечно сдѣлать.

— Такъ послѣ этого вся улица его, и онъ сдѣлаетъ тамъ дѣлать что ему угодно?

— Улица большая дорога ся величества, что означает что она принадлежит публикѣ; но вѣдь это не улица. Кажется, вся деревенская земля принадлежит маркизу, и я никогда не слыхалъ о какомъ-нибудь частномъ владѣніи, да, кажется, такого и нѣтъ.

— Это самый низкій поступокъ о какомъ я когда-либо слыхала, сказала мистрисъ Фенвикъ.

— Въ этомъ я съ тобою согласенъ.

Позже, въ тотъ же день, продумавъ объ этомъ нѣсколько часовъ, онъ сказалъ женѣ:

— Я напишу маркизу и буду возражать. Это, вѣроятно, не принесетъ никакой пользы, но я обязанъ такъ поступить въ интересахъ тѣхъ которые будутъ жить здѣсь послѣ меня. Я постараюсь надѣяться ему хорошенько, такъ какъ я не въ состояніи сдѣлать что-нибудь другое, прибавилъ онъ смѣясь.—Я чувствую что мнѣ необходимо поссориться съ кѣмъ-нибудь, а мнѣ не хотѣлось бы ссориться съ милымъ старикомъ Пудельгамомъ.

XXXV. Новая часовня мистера Пудельгама.

Настоятель, посвятивъ недѣлю на раздумыванье о новой неприяности, наконецъ написалъ маркизу. И дѣйствительно, нельзя было медлить, если онъ надѣялся помѣшать постройкѣ, потому что на другой же день послѣ свиданія съ настоятелемъ, Гримсъ съ двумя помощниками началъ свои размѣриванія на указанномъ мѣстѣ, вбивая колышки для обозначенія угловъ будущаго зданія и мѣстами вырѣзывая дернъ. Гримсъ, несмотря на то что былъ строгимъ приверженцемъ церкви, готовъ былъ строить не только методистскую часовню, но даже языческій храмъ; еслибы представился случай, однако по первой просьбѣ священника согласился отложить на время работу. „Гримсъ“, сказалъ священникъ, „не скажу чтобы работа ваша мнѣ нравилась.“

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ? Я самъ думалъ, не примите ли вы это за обиду отъ маркиза.

— Я хочу написать ему. Если возможно, отложите работу дня на два.

Гримсъ тотчасъ же собралъ свои инструменты и ушелъ, рискуя навѣчь на себя сильное негодованіе мистера Пудель-

гама. Мистеръ Пудельгамъ торжествовалъ, мечтая о своемъ будущемъ Салемѣ, и рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и подъ защитой маркиза поспорить съ Фенвикомъ. До сихъ поръ характеръ Фенвика оказывался ему не подъ силу, и онъ противъ воли привужденъ былъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ настоятелемъ. Онъ былъ значительно старше Фенвика, тридцать лѣтъ уже занималъ духовную должность и всегда имѣлъ удовольствіе не давить съ духовенствомъ господствующей церкви. Быть браконьеромъ въ чужихъ владѣніяхъ, красть души изъ-подъ вліянія выше его поставленнаго священника, строго отзываться о недостаткахъ противника, однимъ словомъ, быть для него нарывнымъ пластыремъ, мистеръ Пудельгамъ считалъ за большую честь. Но мистеръ Фенвикъ притмалъ кое-что въ такихъ дѣлахъ и не безъ тайнаго удовольствія рѣшился лишить мистера Пудельгама его нарывныхъ свойствъ. Запрещенная охота имѣетъ свой особый интересъ, который пропадаетъ когда дано полное право стрѣлять. Пудельгамъ далеко не былъ счастливъ въ мирѣ и дружбѣ, къ которымъ обязывалъ его настоятель, и давно замѣтилъ что овощи и персики не могутъ вознаграждать за потерю возможности съ горечью проповѣдывать съ кафедры Салема, и при всякомъ удобномъ случаѣ, объ ужасныхъ оскорбленіяхъ которымъ онъ подвергается безвинно, что онъ всегда дѣлалъ съ наслажденіемъ, пока его такъ не опутали, не стѣсняли и не унижили. При всей свободѣ дѣйствовать, ему рѣдко удавалось выманить душу изъ-подъ вліянія настоятеля; мало того, онъ самъ потерялъ часть вліянія на свою паству, и начиналъ убѣждаться что всему причиной овощи и персики. Онъ упрекалъ себя что, не добиваясь и не желая вещественныхъ знаковъ дружбы, не отвергаетъ ихъ. Онъ мучительно создавалъ хитрость молодого священника, душившаго его секту обаяніа угнетенія, безъ чего не можетъ существовать никакая раскольничья секта рядомъ съ установленною церковью. Раздоръ былъ необходимъ мистеру Пудельгаму. Миръ и дружба съ настоятелемъ лишали его всякаго значенія. Все это онъ уже давно понималъ, и сдѣлавшись свидѣтелемъ размолвки маркиза со священникомъ, рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ. Онъ придумалъ сдѣлать замѣчаніе Фенвику что ему не слѣдовало говорить съ маркизомъ такъ дерзко, какъ онъ позволилъ себѣ говорить, и выходя изъ фермы Тромбула, готовилъ пропо-

гдѣ объ уваженіи къ властямъ. Но тогда неожиданное сравненіе мистера Феввика перепутало всѣ мысли Пудельгама, онъ струсилъ и присмирѣлъ. Онъ совсѣмъ не умѣлъ держать себя съ настоятелемъ какъ равный ему, но желаніе ссоры усилилось, и когда Пакеръ, управляющій маркиза, сказалъ ему что дугъ противъ воротъ усадьбы настоятеля самое удобное мѣсто для методистской часовни, и что маркизь готовъ удвоить пожертвованную на постройку сумму, мистеръ Пудельгамъ понялъ что пришла минута опоясать чресла, и рѣшилъ съ этихъ поръ возвращать вещественные знаки дружбы гордому дарителю.

Мистеръ Пудельгамъ ни на минуту не выпускалъ изъ виду мѣста своего будущаго священнодѣйствія, и когда Гримсъ со своими помощниками ушелъ отсюда, онъ сейчасъ же послѣдовалъ за ними, угрожалъ маркизомъ и доказывалъ необходимость немедленно приступить къ постройкѣ. Но Гримсъ остался непреклоненъ. Настоятель просилъ отложить для на два работу, а желанія настоятеля вѣлья не исполнить. Если такихъ пустяковъ не позволяютъ сдѣлать для настоятеля, то какой же порядочный человѣкъ станетъ жить въ Булгамptonѣ. На всѣ доказательства Пудельгама Гримсъ отвѣчалъ что времени впередъ много, чтобы не беспокоились, работа будетъ окончена къ сроку, если впрочемъ маркизь не раздумаетъ, что легко можетъ случиться. „Маркизь не раздумываетъ, мистеръ Гримсъ“, возразилъ разобиженный Пудельгамъ, и ушелъ отъ Гримса.

Весь Булгамptonъ уже толковалъ о ссорѣ, хотя мистеръ Феввикъ тщательно избѣгалъ всякаго повода къ ссорѣ. Онъ никому кромѣ жены не высказалъ своей досады, и обращаясь съ просьбой къ Гримсу, принялъ лицемѣрно равнодушный тонъ. Онъ зналъ однако что придется волноваться, и принимаясь за письмо къ маркизу, готовъ былъ отказать отъ своего намеренія вступить въ борьбу и вмѣсто того пойти къ Гримсу и сказать ему что онъ можетъ начать строить. Прилично ли ему, священнику, называть христіанскій храмъ поставленный противъ воротъ его усадьбы—оскорбленіемъ? Какъ можетъ пѣніе молитвъ братьевъ христіанъ оскорблять его слухъ? И притомъ, если глаза и слухъ его, по человеческой слабости, будутъ страдать, не обязанъ ли онъ подчиниться маленькой неприятности во имя своей великой обязанности? Не готовъ ли онъ вызвать вражду своимъ противорѣчіемъ, забывая святую

обязанность поддерживать любовь и миръ между ближними? Кромѣ того, въ своей усадьбѣ онъ имѣеть все что ему опредѣлено имѣть, а у бѣднаго старика Пудельгама нѣтъ ничего опредѣленнаго, и потому имѣеть ли кто право осуждать бѣднаго, всегда нуждающагося священника за то что онъ ищетъ покровительства своему Салему?

Такія размышленія остававливали Фенвика, но когда онъ вспомнилъ что постройкой методистской часовни противъ воротъ его усадьбы маркизъ хотѣлъ его наказать, онъ не могъ воспротивиться искушенію поспорить съ маркизомъ. И притомъ, если онъ такъ легко уступить теперь, равнѣ маркизъ не будетъ искать средствъ досадить ему чѣмъ-нибудь другимъ. А главное, еще не извѣстно, будетъ ли его уступка способствовать благу прихода. Онъ убѣдился что Пудельгамъ добивался чести быть орудіемъ маркиза. Фенвикъ былъ задоренъ какъ немногіе. Они сами вызывали его на бой, могли ли онъ отказаться? Думая и передумывая, онъ рѣшилъ что борьбы не миновать, и написалъ маркизу.

„Булгамптонъ, 3го января, 186°

„Ваше сіятельство!

„Я случайно узналъ на дняхъ что для секты методистовъ нашего прихода предполагается построить часовню на лугу противъ воротъ моей усадьбы, и что мѣсто это выбрано и пожертвовано вашимъ сіятельствомъ. Не знаю насколько это справедливо; Гримсъ, здѣшній подрядчикъ, говорить что получилъ подрядъ отъ вашего управляющаго, и это даетъ мнѣ поводъ предполагать что мѣсто выбрано мистеромъ Пакеромъ, а не вашимъ сіятельствомъ. Такъ какъ въ настоящее время года маленькое промедленіе не можетъ повредить ходу постройки, я просилъ Гримса обождать немного, пока я объяснюсь съ вами.

„Могу увѣрить ваше сіятельство что рѣдкій священникъ господствующей церкви готовъ такъ охотно какъ я содѣйствовать чтобъ отложившіеся отъ нашей церкви имѣли удобныя храмы для молитвы. Еслибъ у меня была своя земля, я не задумался бы удѣлить часть ея съ этою цѣлью, и еслибы не было другаго мѣста столь же удобнаго какъ то которое теперь выбрано, я не дѣлалъ бы никакихъ возраженій. Я порадовался услышавъ сначала отъ мистера Пудельгама что для постройки часовни выбрано мѣсто на перекресткѣ, мѣсто общирное, во всѣхъ отношеніяхъ удобное, и близкое отъ большинства секты

„Я не сталъ бы беспокоить ваше сіятельство по поводу выбора мѣста для методистской часовни, еслибъ у меня не было уважительныхъ возраженій противъ послѣдшаго выбора. Я

ни мало не сомнѣваюсь въ правахъ вашего сїятельства на пожертвованное мѣсто. Дѣло же въ клочкѣ земли, и хотя я до сихъ поръ считалъ его принадлежащимъ къ церковной землѣ, такъ какъ часть его прилежитъ ко входу въ усадьбу священника, но я убѣжденъ что вы, владѣлецъ обширной земли, не пожертвовали бы мѣста, въ правахъ своихъ на которое не были бы вполнѣ увѣрены. Итакъ, не спрашивая о томъ о чемъ нѣтъ надобности спрашивать, я почтительно прошу ваше сїятельство не забыть что постройка методистской часовни на выбранномъ мѣстѣ будетъ вѣчною обидой булгамптонскому викарію, а вы вѣроятно не захотите нанести бесполезную обиду настоятелю прихода, бѣльшая часть котораго принадлежитъ вамъ.

„Не говорю о томъ возможно ли было бы мнѣ и моей жентъ—также и будущимъ настоятелямъ и ихъ женамъ—жить въ домѣ, у воротъ котораго, подобно сторожевой башнѣ, будетъ возвышаться красная кирпичная часовня. Возможно ли было бы вашему сїятельству жить въ Торноверь-паркѣ, еслибы методисты вздумали построить башню противъ параднаго входа вашего дома? Но зная что у методистовъ не можетъ быть никакой уважительной причины строить свою часовню на такомъ мѣстѣ, вы не позволили бы имъ. На томъ же основаніи я теперь прошу васъ отмѣнить распоряженіе строить часовню противъ моихъ воротъ. Еслибы въ приходѣ не было другихъ, не менѣе удобныхъ мѣстъ, я не дѣлалъ бы возраженій.

„Имѣю честь быть
„Вашего сїятельства покорнѣйшимъ слугою
„Франсисъ Фенвикъ“.

Маркизь Тробриджъ, прочитавъ первую половину письма и вполнину только понявъ его смыслъ, началъ склоняться къ уступкѣ. Онъ былъ человекъ весьма ограниченный, напыщенный своимъ положеніемъ, требовалъ безграничнаго почтенія отъ тѣхъ людей которые по его мнѣнію озарялись лучами его величія, и легко раздражался противорѣчіями, но онъ не былъ золь. Онъ даже считалъ своею обязанностью быть свисходительнымъ къ низшимъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Онъ ужасно разгнѣвался на булгамптонскаго священника, и былъ твердо убѣжденъ что такого вреднаго человека необходимо удалить изъ прихода, но при всемъ томъ ему стыдно было оскорбить священника своего прихода, каковъ бы ни былъ этотъ священникъ. Способъ наказать Фенвика изобрѣлъ Пакеръ, съ содѣйствіемъ Пудельгама, а маркизь, одобревъ этотъ способъ, почти забылъ о немъ. Когда мистеръ Фенвикъ замѣтилъ ему объ обидѣ

наносимой церковному дому, и когда маркизъ вспоминалъ что въ его распоряженіи, по словамъ мистера Пудельгама, двѣ тысячи и два акра приходской земли, онъ началъ думать что дѣйствительно лучше будетъ построить часовню гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Священникъ человекъ вредный, его не мѣшало бы проучить, но наказаніе должно относиться къ человекѣ, а не къ его общественной дѣятельности.

Такъ слагались мысли маркиза, пока маркизъ не дошелъ въ письмѣ до ужаснаго мѣста, гдѣ говорилось какъ о возможномъ дѣлѣ—о постройкѣ методистской часовни въ собственномъ паркѣ маркиза, противъ его параднаго входа. Намекъ былъ почти такъ же дерзокъ какъ намекъ на дочерей его сіятельства. Ужъ не хочетъ ли онъ сказать что маркизы равны всѣмъ прочимъ смертнымъ? Еслибъ этотъ вѣроотступникъ способенъ былъ оцѣнить свое положеніе и положеніе маркиза, онъ не сдѣлалъ бы такого сравненія.

Маркизъ перечелъ письмо еще разъ, вникнулъ внимательно въ смыслъ и замѣтилъ что весь тонъ письма съ самаго начала не хорошъ, что авторъ его человекъ злонамѣренный и слѣдовательно не заслуживаетъ ни малѣйшаго снисхожденія. Хотя бы пришлось сломать часовню для удовольствія будущаго настоятеля, теперь она будетъ поставлена, чтобы наказать Фенвика. Человекъ просящій снисхожденія не долженъ просить такъ дерзко. Сердце маркиза ожесточилось, и онъ рѣшился сдѣлать то чего ему не слѣдовало дѣлать какъ крупному мѣстному владѣльцу и джентельмену.

Прошло нѣсколько дней прежде чѣмъ маркизъ отвѣтилъ священнику. Онъ повидался съ Пакеромъ и вытщился планъ своихъ владѣній. На планѣ спорное мѣсто обозначено было не ясно, но маркизу казалось что онъ хорошо его помнитъ, и что во всемъ Булгамптонѣ нѣтъ мѣста столь удобнаго для методистской часовни. Прошло около недѣли со дня полученія письма, и маркизъ наконецъ приказалъ отвѣтить Фенвику. Чтобы не унижаться самому, онъ поручилъ это дѣло главному управляющему. Управляющій просто и кратко написалъ настоятелю что выбранное мѣсто они считаютъ самымъ удобнымъ для методистской часовни.

Мистрисъ Фенвикъ, услыхавъ отвѣтъ, залилась слезами. Она была женщина далеко не мелочная, серьезно относившаяся къ своимъ обязанностямъ жены и матери, и опытная, дошедшая до убѣжденія что, вооружившись терпѣніемъ, можно

перенести всякую неприятность; но она любила свой домъ, гордилась своимъ садомъ, и радовалась глядя на свою красивую обстановку. Ее ужасало что безобразное зданіе испортитъ видъ ихъ усадьбы.

— Мы будемъ слышать ихъ пѣніе и разглагольствованія каждый разъ какъ отворимъ окна фасада.

— Мы не будемъ ихъ отворять.

— Никакими средствами намъ отъ нихъ не избавиться. Каждый разъ, входя или выходя изъ воротъ, мы будемъ ихъ видѣть. Все равно еслибъ они поселились въ нашемъ домѣ.

— Ты, кажется, думаешь что мистеръ Пудельгамъ не будетъ сходить со своей каеэды.

— У нихъ тамъ постоянно что-то творится. И притомъ развѣ не все равно, отворенное или затворенное, но это зданіе будетъ всегда торчать предъ нами. Какъ это вредно по дѣйствуетъ на приходъ! Право, тебѣ теперь надо бы искать другаго мѣста.

— Убѣжать отъ неприятеля?

— Не отъ неприятеля, а отъ неотвратимаго зла.

— Я этого не сдѣлаю, сказалъ священникъ.—Еслибы даже не было другихъ причинъ остаться, я не хочу позволить маркису Тробриджу говорить что онъ выгналъ меня изъ прихода чтобы наказать за неповиновеніе. Не я искалъ ссоры; онъ невыносимо надмененъ и дерзокъ, а теперь радъ оскорблять меня за то что я не выношу его дерзостей. Онъ, конечно, въ своемъ положеніи можетъ сдѣлать мнѣ много неприятностей, но ему не удастся выгнать меня изъ прихода.

— Какая же радость здѣсь-то оставаться, если мы будемъ постоянно страдать.

— Мы не будемъ страдать. Какъ! Страдать, потому что безобразное зданіе возвышается противъ нашихъ воротъ! Мнѣ не часовня неприятна, а ихъ поступокъ. Если будетъ возможно помѣшать имъ, я помѣшаю. Я считаю своимъ долгомъ бороться, чего бы мнѣ ни стоила борьба, но я не отступаю.

Мистрисъ Фенвикъ не возражала, но съ этихъ поръ домъ и все окружающее потеряли въ ея глазахъ всю свою прелесть.

XXXVI. Семь Бретль опять уходитъ.

Однажды Гримсъ, таинственнымъ шепотомъ, сообщилъ настоятелю что постройку можно бы запретить на томъ основаніи что она есть посягательство на чужой покой.

— Не мнѣ бы вамъ это говорить, потому что мнѣ все равно что ни строить, только бы платили деньги, но постройки иногда останавливаются, когда онѣ нарушаютъ покой соседей.

— Я не могу сказать что мѣсто христіанскаго богослуженія нарушаетъ мой покой, Гримсъ, возразилъ настоятель.

На это Гримсъ отвѣчалъ что онъ знаетъ случаи когда заставляли замолчать колоколъ женскаго монастыря, на томъ основаніи что онъ нарушалъ чей-то покой, а колоколъ методистской часовни ничѣмъ не лучше колокола женскаго монастыря.

Фенвикъ сказалъ что готовъ бороться, еслибы нашелъ какое-нибудь основаніе для борьбы, и благодарилъ Гримса за совѣтъ. Но въ послѣдствіи, подумавъ, онъ понялъ что совѣтъ вернымъ въ данномъ случаѣ.

Разговоръ этотъ произошелъ два дня спустя послѣ полученія отвѣта изъ Торноверъ-парка. Гримсу приказано было немедленно приступить къ постройкѣ, если не хочетъ отказаться отъ подряда. Мистеръ Пудельгамъ, чувствуя за собой маркиза, искалъ ссоры. Встрѣтившись съ настоятелемъ, на его дружескій, по обыкновенію, поклонъ онъ отвѣчалъ чуть замѣтнымъ наклономъ головы и кислою физиономіей. Мистрисъ Пудельгамъ успѣла внушить своимъ дѣтямъ что у настоятеля въ саду овощи горькіе, полные червями господствующей церкви, и что дѣтямъ свободной церкви кушать ихъ не подобаетъ. Мистеръ Пудельгамъ сказалъ въ своей скинни краснорѣчивую проповѣдь о покушеніи нечестиваго царя на чужой виноградникъ. Когда онъ назвалъ себя Назуеємъ, нельзя было не предположить что въ Булгамптонѣ есть Ахавъ и Іезавель. По всей деревни разнеслось что мистеръ Пудельгамъ приписывалъ мистрисъ Фенвикъ поступки Іезавели. Факелъ раздора былъ брошенъ, и вражда охватила приходъ.

Съ Гримсомъ у мистера Пудельгама дѣло дошло до крупныхъ словъ, и нѣкоторые даже увѣряли что Гримсъ угрожалъ

разбить голову священнику. Песѣднее Гримсъ упорно отвергалъ, но партія методистовъ настаивала на своемъ обвиненіи, и съ укоромъ выставляла на видъ прекрасныя дѣла и званіе мистера Пудельгама. „Они не останавливаются ни предъ какою ложью, ни предъ какимъ беззаконіемъ“, разсуждалъ раздраженный Гримсъ, и рѣшительно объявилъ что не примется за работу пока ему не заблагоразсудится. „Срокъ выставленъ въ контрактѣ, а помыкать собой я не позволю.“

Кончилось это тѣмъ что въ одно прекрасное утро на мѣсто постройки прибылъ, со всеми атрибутами своего ремесла, каменщикъ, анабаптистъ, изъ Салисбери. Гримсъ объявилъ что погянетъ къ суду двухъ главныхъ членовъ секты съ которыми рѣдился. На самомъ дѣлѣ никакого контракта не существовало, и Гримсъ взялся за работу на словесныхъ условіяхъ, которыя, по теоріи Пудельгама, онъ самъ нарушилъ, теряя время въ бездѣйствии и не приступая къ постройкѣ. Но Гримсъ твердо стоялъ на своемъ намѣреніи начать тяжбу, и приходъ жилъ ожиданіемъ.

Легко вообразить сколько страданія причиняло все это Фенвику. Онъ гордился тѣмъ что въ приходѣ его царствовали миръ и тишина, и восхищался способомъ которымъ ему удалось остричь когти методистскому священнику. Хотя ему лично всякая борьба была по душѣ, но онъ сознавалъ свою святую обязанность быть примирителемъ, и какъ примиритель поступалъ съ Пудельгамомъ. Протягивая руку методистскому священнику и дѣлая ему дружескія замѣчанія, онъ въ душѣ похвалявалъ себя за свое благоразуміе. Свои персики онъ называлъ вѣстниками мира, а овощамъ приписывалъ голубиныя крылья. А теперь всему конецъ, и въ Булгамптонѣ не осталось человека который не ненавидѣлъ бы и не обижалъ бы кого-нибудь изъ своихъ ближнихъ.

Ко всему этому прибавилась еще новая неприятность. Въ концѣ января Семъ Бретль пришелъ къ настоятелю и объявилъ что уходитъ съ мельницы. Семъ былъ одѣтъ весьма прилично, но костюмъ его былъ какой-то не булгамптонскій, что не понравилось мистеру Фенвику, и вся осанка его выражала личную независимость и непочтительность.

— Вы, конечно, воротитесь, Семъ, сказалъ настоятель.

— Ну, не знаю, сэръ. Мы съ отцомъ побранились.

— И потому вы его оставляете? Вы объ отцѣ говорите

точно онъ для васъ все равно что всякій посторонній человѣкъ.

— Я никому не позволилъ бы сказать себѣ десятой доли того что онъ мнѣ говорить.

— Такъ что же? Развѣ есть мѣра тому чѣмъ вы обязаны отцу? Не забывайте, Семъ, я хорошо знаю вашего отца.

— Конечно, сэръ.

— Онъ человѣкъ необыкновенно честный, и васъ ужасно любить. Вы для него звѣзда ока, а вы хотите огорченіемъ свести его съдуу голову въ могилу.

— Спросите у матери, сэръ, она вамъ все расскажетъ. Что я ему сказалъ, я имѣлъ полное право сказать, а онъ накинулся на меня, велѣлъ мнѣ убраться и никогда не приходить.

— Вы полагаете онъ васъ выгналъ.

— Я вамъ повторилъ что онъ сказалъ. Потому онъ говорилъ матушкѣ что я могу остаться, если обѣщаю никогда не заговаривать объ одномъ дѣлѣ. Только я такого обѣщанія дать не могу, такъ и ему сказалъ, а онъ проклялъ меня.

Священникъ замолчалъ и старался понять кто изъ нихъ виноватъ, отецъ или сынъ. Но онъ не зналъ изъ-за чего вышла ссора.

— О чемъ онъ запретилъ вамъ говорить, Семъ?

— Не все ли равно, сэръ? Я зашелъ только сказать что уйду; я думалъ что долженъ сказать вамъ, потому что вы поручитель.

— Такъ вы сейчасъ уходите изъ Бургамптона?

— Да, мистеръ Февикъ. Здѣсь я не могу вести хорошую жизнь.

— Почему же? Гдѣ же вы можете принести больше пользы?

— Развѣ хорошо каждый день браниться съ отцомъ?

— Но, право, Семъ, мнѣ кажется, вамъ нельзя уйти. За вами слѣдитъ полиція. Я не о себѣ забочусь, но я боюсь, полиція остановитъ васъ.

— Такъ мнѣ нельзя сдвинуться съ мѣста потому что господа полицейскіе не могутъ поймать убійцы Тромбула? Гдѣ же тутъ законъ и справедливость?

Эти слова дали поводъ къ длинному опору. Священникъ старался доказать молодому человѣку что, такъ какъ онъ, очевидно, знакомъ съ людьми которые подозрѣваютъ въ убійствѣ и замѣченъ съ ними тамъ гдѣ ему не слѣдовало быть, а именно въ саду настоятеля, то онъ не можетъ

жадоваться если ему не предоставлено такой свободы какою пользуются другіе люди. Семъ все это понималъ, потому что былъ уменъ, но отстаивалъ себя и доказывалъ что, такъ какъ священникъ не преслѣдовалъ его за поощреніе сада, то никто не имѣеть права вѣнчать ему въ вину этотъ проступокъ, и никто не смѣеть остановить его, потому что нѣтъ доказательствъ что онъ участвовалъ въ убійствѣ. Онъ говорилъ такъ убѣдительно что Фенвикъ не находилъ возраженій. Выставить на видъ свою собственную отвѣтственность, какъ поручителя, ему не хотѣлось, онъ пересталъ спорить и нѣхота согласился что никто не можетъ помѣшать Сему уйти изъ прихода. Но онъ совѣтовалъ ему не уходить такъ неожиданно, чтобы не навлечь на себя подозрѣній.

— Мнѣ отъ нихъ здѣсь никогда не избавиться, мистеръ Фенвикъ.

— Однако изъ-за чего же вышла ссора, Семъ?

Задавъ этотъ вопросъ, священникъ уже догадывался о причинѣ ссоры и зналъ что сочувствіе его на сторонѣ сына, а не отца. Семъ молчалъ, и Фенвикъ повторилъ вопросъ.

— Не въ первый разъ вамъ браниться съ отцомъ. Прежде вы мирились, отчего же не помириться теперь?

— Онъ проклялъ меня, сказалъ Семъ.

— Повѣрьте, это пустое слово, сказанное въ минуту гнѣва. Пора вамъ настолько знать вашего отца чтобы не принимать въ серіозномъ смыслѣ подобныхъ словъ. Изъ-за чего же вышла ссора?

— Изъ-за Карри, если васъ это такъ интересуетъ.

— Чтò вы сказали?

— Я сказалъ что пора взять ее домой, и что если я останусь на мельницѣ, я привезу ее. Онъ бросилъ въ меня мельничнымъ засовомъ. Да я за этимъ не гонюсь.

— И тогда-то онъ.... проклялъ васъ?

— Нѣтъ, не тогда. Вошла матушка, я отвелъ ее въ сторону и сказалъ что сейчасъ опять заговорю о Карри. И заговорилъ.

— Гдѣ же Карри?

Семъ молчалъ.

— Вы знаете гдѣ ее найти?

Семъ покачалъ головой.

— Вы не стали бы говорить что привезете ее, еслибы не знали гдѣ она.

— Я не отсталъ бы пока не нашелъ ея, еслибы старики согласилися ее принять. Я ея не защищаю, но есть женщины и похуже.

— Гдѣ вы видѣли ее въ послѣдній разъ?

— Въ Пикрофтѣ.

— Куда она отправилась изъ Пикрофта, Семъ?

— Мнѣ кажется, въ Лондонъ, мистеръ Фенвикъ.

— Скажите мнѣ ея лондонскій адресъ.

Семъ отрицательно покачалъ головой.

— Вы идете искать ее?

— Зачѣмъ мнѣ искать ее, если мнѣ некуда ее пристроить?

У отца цѣлый домъ и много лишнихъ комнатъ, а куда я могу ее помѣстить.

— Семъ, если вы ее найдете и привезете куда-нибудь, гдѣ я могъ бы повидаться съ ней, я найду ей мѣсто. Право, я готовъ бы самъ ѣхать въ Лондонъ, еслибы зналъ гдѣ она. Однако мнѣ она не сестра.

— Конечно не сестра, сэръ. У такихъ людей какъ вы не бываетъ такихъ сестеръ. Она....

— Остановитесь, Семъ. Не называйте ея дурнымъ словомъ. Вы ее любите.

— Такъ что же я люблю. Это не уменьшить ея вины.

— Я ее тоже люблю. Что же касается до ея вины, то кто изъ насъ не грѣшенъ? Свѣтъ и такъ слишкомъ жестоко наказываетъ ее за ея проступокъ.

— Да, онъ травитъ ее какъ собака крысу.

— Я не оправдываю ея грѣха, но онъ можетъ быть заплачетъ какъ всякій другой грѣхъ. Я до сихъ поръ ее люблю. Она была самой милою, доброю, пріятливою дѣвочкой изъ всего прихода, когда я пріѣхалъ сюда.

— Да, какъ отецъ-то любилъ ее тогда!

— Вы найдете ее, Семъ, и дадите мнѣ узнать, а я найду ей мѣсто, если она захочетъ принять его. Я увѣренъ что отецъ вашъ не возьметъ ея къ себѣ.

— Онъ и взглянуть-то на нее не захочетъ. А вамъ я скажу, мистеръ Фенвикъ, еслибы на свѣтѣ было побольше такихъ людей какъ вы, тогда легко было бы жить. Прощайте, мистеръ Фенвикъ.

— Прощайте, Семъ, если это неизбежно.

— Вы не бойтесь за меня, мистеръ Фенвикъ. Если меня

потребують, я ворочусь. Еслибъ я зналъ что меня повѣсятъ, я воротился бы, а не потерпѣлъ чтобы вы пострадали за меня.

Такъ разстались они друзьями, хотя священникъ не одобрялъ что молодой человекъ уходитъ, покидая отца и мать, и боялся чтобъ онъ не обратился къ дурному образу жизни. Разговоръ о Карри такъ размягчилъ ихъ сердца что мистеръ Фенвикъ не сумѣлъ быть строгимъ, и притомъ онъ зналъ что Сема нельзя остановить, проповѣдуй ему хоть цѣлые часы.

Постройка часовни подвигалась быстро, потому что крупный подрядчикъ, конечно, могъ вести дѣло скорѣе чѣмъ мелкій Бугамptonскій ремесленникъ. Въ февралѣ случились сильные морозы, но каменщики не прерывали работы. Въ Бугамptonѣ толковали что построенныя такимъ образомъ стѣны не устоятъ долго, но неизвѣстно, распускались ли эти слухи разсерженнымъ Гримсомъ, или въ самомъ дѣлѣ салисберійскій перекрещенецъ, въ своемъ фанатическомъ увлеченіи, пренебрегъ чѣмъ-нибудь для скорости работы, и не имѣло ли вліянія на большинство дурныхъ отзывовъ сочувствіе къ мистеру Фенвику и господствующей церкви. Какъ бы то ни было, но стѣны поднимались все выше и выше, и въ концѣ марта противъ воротъ усадьбы настоятеля возвышалось необыкновенно безобразное зданіе, безъ крыши, съ отверстиями для двери и оконъ, и съ ужасными словами: „Новый Салемъ“, написанными на камнѣ надъ дверью; зданіе въ высшей степени непріятное для приходскаго настоятеля господствующей церкви.

Всѣмъ извѣстны непріятныя принадлежности всякой постройки: кучи извести, вытопанная трава, пыль, кирпичи, обрубки дерева, клочки бумаги, остатки обѣдовъ работниковъ и всякій соръ. Мистрисъ Фенвикъ, замѣтивъ что краска на ея воротахъ испорчена, послала строгій выговоръ салисберійскому перекрещенцу. Послѣдній извинился предъ мистеромъ Фенвикомъ, доказывая что такіа вещи неизбѣжны при постройкахъ. Мистеръ Фенвикъ, не имѣя ни малѣйшей охоты ссориться съ перекрещенцемъ, отвѣчалъ что бѣда не велика. Въ этомъ дѣлѣ онъ считалъ своимъ врагомъ только маркиза, и съ маркизомъ готовъ былъ бороться, еслибъ была возможность. Онъ выходилъ къ воротамъ, наблюдалъ за работой, дружелюбно болталъ съ работниками, но сердце его болѣло. Обида казалась ему такъ ужасна что онъ

не могъ успокоиться. Жена его была вполнѣ несчастна, она буквально исхудала. Болѣе двухъ недѣль уже она не подходила къ воротамъ, и отправляясь въ церковь, проходила въ боковую, садовую калитку. Но чтобы пройти въ школу не увидавъ часовни, надо было сдѣлать большой обходъ, и такой обходъ она дѣлала ежедневно. Мистеръ Фенвикъ, не теряя надежды, написалъ длинное письмо одному архидіакону, своему другу, который жилъ недалеко отъ Бугамптона. Возмущенный архидіаконъ представилъ дѣло на разсмотрѣніе епископа, и епископъ взялъ на себя написать вѣжливое увѣщаніе маркизу. „Для блага всего прихода“, писалъ епископъ, „я рѣшаюсь дать вамъ совѣтъ, въ полной увѣренности что вы готовы сдѣлать все возможное для спокойствія прихода.“ Въ этомъ письмѣ епископъ не упоминалъ о своей недавней перепискѣ съ маркизомъ по поводу проступка мистера Фенвика. Маркизь въ своемъ отвѣтѣ, также умалчивая объ этомъ щекотливомъ предметѣ, выразилъ мнѣніе что христіанскій храмъ, выстроенный на открытомъ мѣстѣ, за предѣлами усадьбы настоятеля, ничѣмъ не можетъ помѣшать мистеру Фенвику. Мистеръ Фенвикъ потерялъ всякую возможность продолжать борьбу, и ему ничего больше не оставалось дѣлать какъ, стоя за воротами и наблюдая за стройкой, поражаться замѣчательнымъ безобразіемъ часовни.

Такъ стоялъ онъ тамъ однажды, когда къ нему подошелъ мистеръ Джильморъ. Джильморъ, съ тѣхъ поръ какъ узналъ что помолвка Мери Лоутеръ съ Вальтеромъ Маррабель разстроилась, всю зиму жилъ уединенно, дожидаясь того времени когда можно будетъ возобновить свое предложеніе Мери Фенвики часто звали его къ себѣ, но онъ заходилъ рѣдко. Онъ не былъ уже такъ мраченъ какъ въ то время когда Мери была невѣстой, но далеко еще не пришелъ въ нормальное состояніе. Теперь онъ подошелъ чтобы сказать слова два другу.

— На вашемъ мѣстѣ, Франкъ, я не думалъ бы такъ много объ этой часовни.

— Нѣтъ, милый другъ, думали бы, еслибъ она касалась васъ такъ близко какъ меня. Развѣ меня часовня огорчаетъ? Я готовъ бы на этомъ самомъ мѣстѣ своими руками построить имъ часовню, еслибъ это было необходимо.

— Въ такомъ случаѣ не понимаю чтѣ же огорчаетъ васъ.

— Меня огорчаетъ то что, послѣ всѣхъ моихъ трудовъ,

здѣсь остались люди которымъ доставляетъ удовольствіе дѣлать мнѣ непріятности. Обидно ихъ желаніе обидѣть и моя неспособность доказать имъ какъ дурно они поступаютъ, или выказать къ нимъ полное равнодушіе. Обидно не самое знаніе, а двойное оскорбленіе съ нимъ соединенное.

XXXVII. Женское страданіе.

Въ началѣ февраля капитанъ Маррабель отправился въ Дорриппель, и въ срединѣ марта былъ еще тамъ. Извѣстія объ образѣ его жизни доходили до лорингскихъ родственницъ, но доходили чрезъ человека не заслуживавшаго полного до-
вѣрія, по крайней мѣрѣ со стороны Мери Лоутеръ. Дорриппель, въ Варвикшейрѣ, окруженъ мѣстностью богатою дичью, и Вальтеръ Маррабель, по словамъ священника Джона, посвящалъ охотѣ три дня въ недѣлю. Сэръ-Грегори не держитъ охотничьихъ лошадей, и Вальтеръ надмываетъ ихъ, говорилъ священникъ Джонъ, соболѣзнуя что племянникъ, при своихъ незначительныхъ средствахъ, позволяетъ себѣ такіа безразсудныя издержки. „Онъ не хочетъ отказывать себѣ ни въ чемъ, пока не истратитъ всѣхъ денегъ какія привезъ съ собою.“ Все это говорилось съ намѣреніемъ показать Мери Лоутеръ что Вальтеръ не думаетъ умирать отъ любви и, забывъ о маленькой непріятности постигшей его, наслаждается жизнью. Мери знала такъ же хорошо какъ самъ священникъ для чего все это говорилось, но, конечно, никогда не возражала ни дядѣ, ни теткѣ. Если Вальтеръ ищетъ развлеченій, тѣмъ лучше для него, но она не могла повѣрить чтобы онъ въ своемъ положеніи сталъ безразсудно тратить деньги. На самомъ же дѣлѣ правда занимала средину между тѣмъ что разказывалъ священникъ Джонъ и тѣмъ чему вѣрила Мери. Вальтеръ Маррабель дѣйствительно охотился раза два въ недѣлю, иногда, случайно, нанималъ лошадь, но большею частію пользовался лошадью дяди, сэръ-Грегори. Но охотясь, онъ не оставалъ мрачнаго, разочарованнаго вида человѣка съ разбитымъ сердцемъ, обремененнаго многочисленными неудачами и только-что разставшагося на вѣки со своею возлюбленною. Однако, когда охота бывала удачна, онъ оживлялся и хотя на время забывалъ свои страданія. Вѣдь не

лишенъ же человѣкъ способности радоваться, когда у него болитъ сердце.

По отношенію къ послѣдствіямъ неудачной, обманутой любви мужчины сильно отличаются отъ женщинъ и поставлены въ болѣе благоприятныя обстоятельства. Женщина питаетъ свое горе, а мужчина убиваетъ его. Скажутъ что женщина питаетъ горе ибо не можетъ не питать, а мужчина истребляетъ его ибо въ состояніи истребить, но различіе зависитъ не столько отъ природныхъ склонностей, сколько отъ положенія въ жизни. Надъ иголкой и романами легче питать горе чѣмъ надъ адвокатскими бумагами, или даже среди разнообразныхъ, вѣдомашнихъ занятій офицера въ отпуску, не имѣющаго опредѣленнаго дѣла. Вальтеръ не переставалъ повторять что онъ страдаетъ, но страдалъ далеко не такъ сильно какъ Мери. Къ тому же другая неприятность, жестокій поступокъ отца, развлекала его мысли, и онъ такъ же много думалъ о своемъ разореніи какъ и о погибшей любви.

Но бѣдная Мери была несчастна. Когда дѣвушка задаетъ себѣ вопросъ что ей сдѣлать со своею жизнью, самый естественный съ ея стороны отвѣтъ: выйти замужъ и отдать кому-нибудь свою жизнь. Это единственный путь для женщины, какъ бы онъ противъ этого ни возставаалъ, и хотя раздаются единичные протесты, но большинство женщинъ рано сознаетъ свое истинное назначеніе. Истину знаютъ онѣ и когда въ болѣе поздней порѣ жизни заботятся о дочеряхъ. Эту истину знаютъ и отцы дочерей. Теперь и дѣвушки открыто объявляютъ что знаютъ урокъ. Авторы статей въ нѣкоторыхъ журналахъ осуждаютъ ихъ за недостатокъ скромности, осуждаютъ неблагоприятно, бесполезно, и если считать во что-нибудь вліяніе такихъ суждей — во вредъ обществу. Природа поощряетъ склонность женщины къ мужчѣ, свѣтъ признаетъ ея неизбѣжность, обстоятельства показываютъ ея разумность, всѣ законы міра подтверждаютъ ее; но у насъ требуютъ чтобы женщины, изъ чувства ложной скромности, отвергали ее, въ чемъ имъ не вѣрять ни одно живое существо. Не такова теорія нашихъ общественныхъ цензоровъ, которые не церемонятся съ современными женщинами. Наши дочери должны воспитываться съ тѣмъ чтобы быть женами, но не должны-де желать выйти замужъ! Это понятіе есть остатокъ того сентиментальнаго времени когда оттаакивающая неестественность женщинъ была

реакціей противъ предшествовавшей тому времени эпохи. Что наши дѣвушки нуждаются въ мужьяхъ, и что онѣ это поняли, есть фактъ несомнѣнный. Пусть мушоны съ своей стороны признають эту истину, и мы перестанемъ слышать о новой карьерѣ для женщинъ.

Мери Лоутеръ, которую никто не осмѣлился бы назвать искательницей мужа, знала все это и чувствовала что только одинъ образъ жизни въ будущемъ можетъ удовлетворить ее. У нея были глаза, и она смотрѣла, уши—и она слушала. Она дѣлала сравненіе—и не могла не дѣлать—между теткой и своимъ лучшимъ другомъ, мистрисъ Фенвикъ. Она видѣла—и не могла не видѣть—что жизнь одной жизнь жалкая, сухая, бѣдная содержаніемъ, между тѣмъ какъ жизнь другой, жены и матери, постоянно укрѣпляла корни, распускала вѣтви, давала тѣнь, плоды, красоту и пріютъ, гдѣ птички любятъ вить гнѣзда. Мери Лоутеръ хотѣлось быть женой, но она чувствовала что ей необходимо сначала полюбить человѣка чтобы сдѣлаться его женой. У нея явился поклонникъ, рекомендованный всѣми ея друзьями и всею своею обстановкой, но оказалось что она не любитъ его. Горестное смущеніе овладѣло ею на нѣкоторое время, она не видѣла чего долтъ требуетъ отъ нея, не понимала почему она равнодушна къ этому человѣку, сомнѣвалась, не есть ли любовь, о которой она мечтала, чувство являющееся послѣ замужства, и боялась рѣшиться на рискованный шагъ. Она все еще боялась, сомнѣвалась и продолжала отказывать, когда явился новый поклонникъ. Мистеръ Джильморъ добивался ея любви цѣлые мѣсяцы и не тронулъ ея сердца; Вальтеръ Маррабель въ нѣсколько часовъ одержалъ побѣду. У нея никогда не являлось желанія поиграть волосами мистера Джильмора, склонить голову на его плечо, искать его прикосновенія. Но она едва еще знала своего родственника, когда его присутствіе уже доставляло ей наслажденіе, и едва успѣлъ онъ вымолвить слово любви, какъ все касающееся его стало ей дорого. Ей дышалось легче въ атмосферѣ окружавшей его. Всѣ маленькія услуги которыя мушоны оказываютъ женщинамъ отъ него были ей особенно пріятны. Она говорила себѣ что нашла вторую половину самой себя, что только соединившись съ нимъ, сдѣлается полнымъ человѣкомъ. Ей казалось, она поняла почему не могла полюбить Джильмора. Какъ мистеръ Фенвикъ очевидно созданъ чтобы быть мужемъ своей

жены, такъ и Вальтеръ Маррабель созданъ чтобы быть ея мужемъ. Она пришла къ мечтательному убѣжденію что браки устраиваются на небесахъ. Вопросъ, будутъ ли они имѣть достаточныя средства къ существованію, казался ей конечно вопросомъ немаловажнымъ, но въ первые, счастливые дни своей помолвки она ни на минуту не рѣшилась бы усумниться что ничто на свѣтѣ не можетъ помѣшать имъ пройти рука объ руку всю жизнь.

Потомъ постепенно, постепенно, хотя и очень быстро, явилось убѣжденіе что она обязана избавить его отъ тягостей той жизни на которую сама смотрѣла съ такою любовью. Она сказала ему чтобъ онъ самъ разсудилъ какъ имъ поступить, и дала себѣ обѣщаніе принять за разумную необходимость его рѣшеніе, каково бы оно ни было. Наконецъ и этого оказалось мало, она поняла что не дала ему выхода изъ его положенія, что она должна сама рѣшить какъ имъ поступить и объявить ему свое рѣшеніе. Нѣжно, заботливо взялась она за дѣло, стараясь узнать какъ онъ взглянетъ на разлуку. Поступить по требованію долга было ея постояннымъ желаніемъ, поступить противъ долга постояннымъ опасеніемъ. Она тоже слыхала объ общественныхъ законодателяхъ и современныхъ женщинахъ, и о грубостяхъ которыми онѣ подвергаются. Она не знала почему, но видѣла что законы общества требуютъ болѣе честности отъ женщинъ чѣмъ отъ мужчинъ. Наблюдая за каждымъ звукомъ его голоса, за каждымъ словомъ, за каждымъ взглядомъ, она убѣдилась что разлука будетъ для него избавленіемъ отъ непріятной будущности, поняла что разлуку можетъ предложить она, но никакъ не онъ, и предложила ее. Сдѣлавъ уже свое дѣло, она отъишла чего оно ей стоило и почувствовала что разбила свое сердце. Пропала полнота жизни, которою она наслаждалась такъ недолго. Она пробовала убѣдить себя что можетъ прожить какъ жила ея тетка и быть счастливою такою жизнью, но попытка ей не удалась. Она мечтала о жизни замужней женщины, и потерявъ надежду на такую жизнь, чувствовала себя существомъ разбитымъ, не приносящимъ никому ни пользы, ни удовольствія.

Все это нѣкоторое время она переносила бодро и на взглядъ другихъ никогда не переставала переносить бодро. Когда священникъ Джонъ разказывалъ объ охотѣ Вальтера, она смѣясь сказала что желаетъ ему успѣховъ. Когда тетка

однажды похвалила ее, сказавъ что она поступила благородно и великодушно, она благодарила улыбною и ласковымъ словомъ. Но она много думала, и въ глубинѣ души ея поднялся ропоть что драма, которую они съ Вальтеромъ играли въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ, превратилась для нея въ трагедію, между тѣмъ какъ для него она осталась мелодрамой, съ оттѣнкомъ легкой грусти. Неудачная любовь, ошибка адвоката, обманутыя ожиданія и даже преступленія отца не превратили его въ разбитое существо. Онъ во всякомъ случаѣ остался мужчиной. Онъ бѣденъ, но у него есть руки чтобы работать и будущность впереди. Она понимала что его грубая дѣятельность поможетъ ему скоро, можетъ-быть даже слишкомъ скоро, забыть впечатлѣніе послѣдней любви и возвратитъ способность полюбить снова. А у нея не осталось ничего кромѣ воспоминаній, сожалѣній и разрушенной будущности, въ ожиданіи смерти.

Въ это время она получила письмо отъ мистрисъ Фенвикъ, которое ее сильно тронуло. Это было второе письмо съ тѣхъ поръ какъ она написала своему другу что все конечно между ней и ея родственникомъ. Въ первомъ письмѣ мистрисъ Фенвикъ сказала прямо что Мери поступила хорошо и обѣщала вновь писать когда время настолько уменьшитъ боль раны что можно будетъ поговорить о будущемъ. Мери страшилась втораго письма и не дѣлала ничего чтобъ его вызвать, но наконецъ оно пришло, и такъ какъ оно имѣло вліяніе на будущее поведеніе Мери, читатель долженъ прочесть его:

„Булгамптовъ, мартъ 186*.

„Милая Мери!

„Какъ бы я желала чтобы вы были здѣсь, хоть бы только для того чтобы раздѣлить съ нами наше горе. Я не думала что такая ничтожная вещь какъ методистская часовня можетъ меня такъ расстроить, сдѣлать такую несчастною какъ я несчастна теперь. Франкъ говоритъ что это у меня чувство побѣжденнаго, досада, а не оскорбленіе, но меня мучитъ и то и другое. Я теперь слышу непрерывный стукъ молотковъ, и хотя я никогда не подхожу къ воротамъ, но знаю что тамъ пыль, грязь, осколки кирпичей, известь и тому подобное. Такой жестокой обиды я еще никогда не испытывала, а что обиднѣе всего, такъ это то что Франкъ, страдающій не меньше меня, постоянно читаетъ мнѣ проповѣди о моемъ малодушіи и неумѣннн переносить маленькія неприятности. „Представь, еслибы тебѣ самой надо было ходить

туда каждое воскресенье“, сказалъ онъ мнѣ какъ-то надняхъ, стараясь доказать что могло бы быть и хуже. „Такъ что же, это и въ половину не было бы мнѣ такъ неприятно“, сказала я. Онъ началъ мнѣ совѣтовать попробовать. Не жестоко ли это съ его стороны, когда онъ знаетъ что это невозможно? Впрочемъ, всѣ говорятъ что часовая скоро развалится, потому что построена на скорую руку.

„Ваша тетюшка писала мнѣ два раза, что вамъ, вѣроятно, извѣстно. Она говоритъ что вы здоровы, но только молчаливѣе обыкновеннаго. Напишите мнѣ, милая моя, и откройте мнѣ свое сердце. Я не прошу васъ пріѣхать сюда, принимая во вниманіе нашего сосѣда, но я увѣрена что, если бы вы были здѣсь, я сумѣла бы утѣшить васъ. Я знаю, или по крайней мѣрѣ догадываюсь какое направленіе принимаютъ ваши мысли. Вы получили рану и думаете что остались больною на всю жизнь. Вы ошибаетесь и такія мысли надо считать если не малодушными, то во всякомъ случаѣ вредными. Я сама желала бы чтобы все устроилось иначе, чтобы вы не встрѣчались съ вашимъ родственникомъ. (Да я-то этого не желала бы, сказала себѣ Мери, но тотчасъ же поняла что сказала неправду. Для ея блага и, если бы его сердце было похоже на ея сердце, для блага ихъ обоихъ, было бы лучше если бы они никогда не встрѣчались.) Но ужъ если вамъ суждено было встрѣтиться съ нимъ, и вы вообразили что не можете жить безъ него, не надо по крайней мѣрѣ допускать чтобъ эта ложная фантазія разстроила вашу будущность. Вы оказываете себѣ плохую услугу если поддерживаете въ себѣ мысль что, любивъ уже разъ человѣка, съ которымъ вамъ пришлось разстаться, вы потеряли способность полюбить другаго. Я знаю какими доказательствами вы убѣждаете свое сердце что любовь прошла и не воротится, но ваши доказательства ложь и безчеловѣчіе. Индійскія женщины изъ ложной идеи о вѣчной преданности сожигаютъ себя послѣ смерти мужей, а если это ложная идея для вдовы, то во сколько же разъ она ложнѣе для молодой дѣвушки, никогда не бывшей женою?“

„Вы знаете чего мы всѣ желали и не перестаемъ желать до сихъ поръ; его постоянства ничто не поколеблетъ. Я убѣждена что онъ не пересталъ бы любить васъ, если бы вы вышли за вашего родственника, хотя тогда онъ избѣгалъ бы встрѣчаться съ вами. Теперь я не стараюсь склонить васъ на его предложеніе. Я сказала ему чтобъ онъ ждалъ, и что если это для него такъ серьезно какъ онъ говоритъ, то онъ долженъ быть счастливъ надеждой. Онъ ждетъ и надеется. Я не прошу васъ отвѣчать мнѣ на это, лучше теперь ничего не отвѣчайте, но вы должны знать что есть человѣкъ который любитъ васъ и никогда не перестанетъ любить.“

„Въ концѣ повторю мой совѣтъ не слишкомъ предаваться горю и не убѣждать себя что все погибло. Трудно сказать

кто дѣлаеть больше ошибокъ, тѣ ли женщины которыя слиш-комъ серьезно обдумываютъ каждый свой шагъ, или тѣ которыя поступаютъ не думая.

„Франкъ шлетъ вамъ свою дружбу. Отвѣтите мнѣ поскорѣй, хотя бы только для того чтобы погоревать со мной о нашей неприятности.“

„Всей душой любящая васъ
„Жанета Фенвикъ.“

„P. S. Моя сестра и мужъ ея, мистеръ Квикенгамъ, придутъ къ намъ на Пасху. Я не теряю надежды что зять мой укажетъ намъ средство потягаться съ маркизомъ. Говорятъ, нѣтъ такого дѣла въ которомъ мистеръ Квикенгамъ не найдетъ бы основанія для борьбы.“

Мери поняла смыслъ письма и все недосказанное также хорошо какъ сказанное. Она опять повторила себѣ что все происходившее между нею и Вальтеромъ, нѣжныя объясненія, поцѣлуи, птичье потиранье перышками, не оставило возможности принадлежать другому человѣку, хотя бы сердце позволило. Противъ этой мысли проповѣдуетъ другъ ея въ своихъ письмахъ, съ большею или меньшею ясностью въ выраженіяхъ. Кто же правъ? Еслибы въ такомъ дѣлѣ она могла принять отъ кого-нибудь совѣтъ, то только отъ друга своего, Жанеты Фенвикъ. Но сердце ея возмущалось противъ совѣта, она говорила себѣ что подруга ея никогда не была въ ея положеніи и не можетъ понять его. Развѣ не собственными чувствами должна она руководиться, развѣ она не чувствуетъ что, склонивъ голову на плечо другаго мужчины, она покраснѣетъ вспомнивъ прошлое.

Ужасное положеніе! Не о радостяхъ потерянной любви тосковала она, не о тѣхъ наслажденіяхъ къ которымъ такъ внезапно нашла въ себѣ способность, но мрачная скучная будущность страшила ее. А онъ способенъ охотиться, танцовать, работать и, конечно, полюбить снова. Какое было бы счастье еслибы совѣтъ позволила ей сдѣлаться католичкой и монахиней.

XXXVIII. Помѣшательство влюбленнаго.

Письмо мистрисъ Фенвикъ, которое сейчасъ прочелъ читатель, было немедленнымъ слѣдствіемъ визита къ ней мистера Джильмора. 10го марта онъ пришелъ сказать ей что прошло извѣстное число мѣсяцевъ со времени размолвки

Мери съ ея родственникомъ, тотъ именно періодъ который назначила ему выждать сама мистрисъ Фенвикъ. Онъ спросилъ не сдѣлать ли ему теперь какаго-нибудь заявленія. Мистрисъ Фенвикъ осталась недовольна ссылкою на ея собственныя слова, но принуждена была написать Мери Лоутеръ.

— Я думалъ, не пригласите ли вы ее къ себѣ, сказалъ мистеръ Джильморъ, когда мистрисъ Фенвикъ выговаривала ему за его нетерпѣніе.—Еслибы вы это сдѣлали, все могло бы устроиться очень просто.

— Она не прійдетъ, если я ее приглашу.

— Потому что ненавидитъ меня и боится быть близко отъ меня?

— Чтò за пустяки, Гарри! Какая тутъ ненависть. Еслибы мнѣ казалось что вы ей просто не нравитесь, я сочла бы долгомъ сказать это вамъ, для вашего же блага. Но если я приглашу ее теперь, она конечно вспомнитъ что вы нашъ сосѣдъ, и подумаетъ что мое приглашеніе имѣетъ что-нибудь общее съ вашими надеждами.

— И потому не прійдетъ?

— Да, конечно. Подумайте сами, можетъ ли быть иначе? Подождите пока онъ уѣдетъ въ Индію, или по крайней мѣрѣ до лѣта, и тогда мы съ Франкомъ употребимъ всѣ силы чтобы заманить ее сюда.

— Буду ждать, сказалъ Джильморъ, и тотчасъ же ушелъ, какъ будто чѣмъ другимъ нельзя было и говорить.

Со времени своего возвращенія изъ Лоринга, Джильморъ жилъ уединенно въ своемъ домѣ. Даже Фенвики почти не видали его, несмотря на то что были такіе близкіе сосѣди. Въ церкви онъ бывалъ рѣдко, никого не приглашалъ къ себѣ съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ его дядя, пребендарій, и у викарія обѣдалъ не болѣе двухъ разъ. Мистеръ и мистрисъ Фенвикъ много говорили о немъ, и священникъ страдалъ за него. Онъ боялся что другъ его сойдетъ съ ума отъ безнадежной страсти и говорилъ что ему действительно необходимо уѣхать за границу чтобы забыть свою неудачу. Но мистрисъ Фенвикъ не покидала надежды на лучший оборотъ дѣла. Она, конечно, болѣе заботилась о Мери Лоутеръ чѣмъ о Гарри Джильморѣ, и думала что оба могутъ выжить свои раны, если одинъ захочетъ подождать, а другая не приходитъ въ отчаяніе.

Мистеръ Джильморъ обѣщалъ ждать, и мистрисъ Фенвикъ

написала къ Мери Лоутеръ. Отвѣтъ пришелъ очень скоро. Говоря о часовѣ, Мери утѣшала и шутила такъ свободно, какъ будто бы надъ ней самой не тяготѣло горе. Она вѣрить, писала она, „въ мистера Квикелгама, который сумѣетъ измучить непріятеля, если не найдетъ возможности окончательно поразить его. А потомъ есть вѣроятность что зданіе само собой рухнетъ, что было бы великимъ торжествомъ. И наконецъ, развѣ видъ вашего прекраснаго сада не будетъ такъ же непріятно дѣйствовать на мистера Пудельгама, каждый разъ когда онъ [будетъ] приходиться въ свою часовню, какъ на васъ непріятно дѣйствуетъ видъ безобразнаго зданія?“

„Вы должны утѣшаться тѣмъ что на его сторонѣ будетъ столько же шиповъ какъ и на вашей“, говорила Мери. „Можно воспользоваться удобнымъ случаемъ и окончательно поразить его какою-нибудь неожиданностью. Предложите ему, напримеръ, воспользоваться лугомъ вашего сада для одного изъ его [школьныхъ] праздниковъ.“ Мнѣ кажется, это его убьетъ.“

Все это было очень мило и написано съ намѣреніемъ показать что Мери, вопреки всемъ своимъ непріятностямъ, весела и можетъ шутить. Но мистрисъ Фенвикъ поняла что вся сущность письма заключалась въ немногихъ словахъ послѣдняго параграфа.

„Не думайте, моя милая, что я умираю отъ разбитаго сердца. Я хочу жить и быть счастливою, но вы должны предоставить мнѣ распоряжаться собой. По моему мнѣнію, замужство не стоитъ тѣхъ безпокойствъ какія оно влечетъ за собой.“

Мери знала, что обманываетъ себя; и мистрисъ Фенвикъ поняла это, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдилась что еще рано говорить о мистерѣ Джильморѣ.

— Ты долженъ расшевелить его и притащить къ намъ, сказала мистрисъ Фенвикъ мужу.

— Это легко сказать. Мушкетеры не умѣютъ такъ возбуждать другъ друга какъ умѣете вы, женщины. Мушкетеры не говорятъ между собой объ особенностяхъ близкаго сердца предметовъ, кромѣ, впрочемъ, денегъ.

— О чемъ же они говорятъ?

— О томъ до чего имъ мало дѣла, объ охотѣ, о политикѣ, или просто о погодѣ. Еслибъ я заговорилъ съ намъ о Мери

Лоутеръ, онъ принялъ бы это за оскорбленіе. Ты другое дѣло, ты можешь говорить ему что тебѣ угодно.

Вскорѣ послѣ этого разговора мистръ Джильморъ пришелъ самъ, выбравъ время когда викарія не было дома. Онъ вошелъ въ садъ съ церковнаго двора чрезъ маленькую калитку, и не обошелъ на другую сторону дома чтобы войти въ дверь, но пошелъ къ окну гостиной.

— Я сама теперь никогда не выхожу въ переднюю дверь, сказала мистрисъ Фенвикъ.—Я только разъ была у воротъ съ тѣхъ поръ какъ они начали строить.

— Вѣдь это ужасно неудобно.

— Еще бы. Когда мы на дняхъ возвращались отъ сэръ-Томаса,—мы тамъ обѣдали,—я, несмотря на то что было совершенно темно, обошла чтобы пройти въ церковную калитку. Войдите, Гарри.

Мистръ Джильморъ вошелъ и пріютился къ камину. Мистрисъ Фенвикъ умѣла отгадывать чужія мысли, и теперь не торопилась вызвать его на разговоръ о главномъ. Если онъ самъ заговоритъ о Мери Лоутеръ, она знала что отвѣтить ему, но сама не хотѣла заговаривать. Она начала о Бретляхъ, рассказала что старикъ скучаетъ о сынѣ, что Семъ ушелъ въ концѣ января и до сихъ поръ о немъ нѣтъ никакихъ слуховъ. Джильморъ не навѣщалъ мельницы, и хотя теперь со вниманіемъ слушалъ о Бретляхъ, но видно было что онъ пришелъ поговорить о болѣе интересномъ для него дѣлѣ.

— Писали вы въ Лорингъ, мистрисъ Фенвикъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Я писала къ Мери вскорѣ послѣ того какъ вы были у насъ въ послѣдній разъ.

— Отвѣчала она вамъ.

— Да, онъ тотчасъ же отвѣтила. Она не могла не отвѣтить, потому что я такъ много писала ей о своемъ горѣ.

— О чемъ-нибудь другомъ она не писала?

— Не знаю какъ вамъ сказать, Гарри. Я говорила съ нею откровенно о будущемъ и намекала о нашемъ общемъ желаніи касательно васъ.

— Ну?

— Она отвѣчала, какъ и слѣдовало ожидать, что теперь она хочетъ чтобъ ее оставили въ покоѣ.

— Я, кажется, оставилъ ее въ покоѣ. Я не говорилъ и

не писалъ ей. Она не можетъ пожаловаться что я беспокоилъ ее.

— Вы, конечно, не беспокоили ея, но она знаетъ чего мы всѣ добиваемся.

— Я ждалъ дѣлую зиму, мистрисъ Фенвикъ, и не говорилъ ни слова, а сколько прошло времени со дня ея знакомства съ родственникомъ до помолвки съ нимъ?

— Что тутъ общаго, Гарри? Вы знаете какъ мы вамъ сочувствуемъ, но право ничего нельзя сдѣлать приставаемъ къ ней.

— Она была помолвлена съ нимъ и разошлась не прошло мѣсяца. Это было не болѣе какъ сонъ.

— Но такіе сны не скоро забываются. Будемъ надѣяться что это былъ только сонъ, что время изгладить его впечатлѣніе.

— Время—да; но нельзя ли составить какого-нибудь плана для будущаго? Нельзя ли предпринять что-нибудь? Вы говорили что пригласите ее сюда.

— Да, но только не теперь.

— Отчего бы ей не пріѣхать теперь? Вы не говорите обо мнѣ. Зачѣмъ говорить кого она можетъ здѣсь встрѣтить; а мнѣ это дало бы возможность просить и опять.

— Много вы понимаете въ женщинахъ, Гарри! Вы думаете что дѣвушка которую вы любите такъ легко промѣняетъ одного человѣка на другаго.

— Какъ знать! Она не долго думая влюбилась въ Вальтера Маррабель. Я былъ бы счастливъ, еслибъ она была здѣсь, даже не видаясь съ ней.

— Вы, конечно, постарались бы увидѣть ее, конечно, сдѣлали бы опять предложеніе, и она, конечно, опять отказала бы вамъ.

— Такъ нѣтъ никакой надежды?

— Я этого не говорю. Подождите лѣта, и тогда, если мои просьбы подѣйствуютъ, она будетъ здѣсь. Если вы находите что вамъ скучно жить одному въ Вязникахъ....

— Конечно скучно.

— Пользайтесь въ Лондонѣ, за границу, куда хотите, для разнообразія. Или у себя займитесь чѣмъ-нибудь.

— Все это легко говорить, мистрисъ Фенвикъ.

— Мужикъ стыдно предаваться унынію. Я говорю прямо, можете сердиться, если вамъ угодно.

— Я не сержусь на васъ. Вы не понимаете что говорите.

— Нѣтъ, понимаю, сказала мистрисъ Фенвикъ, вооружившись всею своею энергіей.— Я желала бы сдѣлать для васъ все чего вы хотите, но это дѣлается не такъ скоро. Если я пригласю ее теперь, она не прѣдетъ, и если даже прѣдетъ, то на вашу гибель. Подождите лѣта. Не бѣда если вы немного потерпите.

Онъ ушелъ, обѣщавъ ждать. „Что же касается до поѣздки въ Лондонъ или куда въ другое мѣсто, я ничего подобнаго не сдѣлаю. Когда не останется никакой надежды, тогда я, можетъ-быть, поѣду за границу“, сказалъ онъ.

— Я убѣжденъ что она никогда не будетъ его женой, сказалъ священникъ, когда жена вечеромъ передала ему разговоръ.— Не потому что она его не любитъ, или не могла бы полюбить, еслибъ онъ велъ себя какъ слѣдуетъ, но потому что онъ такъ безразсудно любитъ ее. Ни одну женщину не тронешь вымаливаньемъ и выплакиваньемъ любви. Еслибъ я не считалъ его помѣшаннымъ, я презиралъ бы его.

— Онъ дѣйствительно помѣшался.

— И это будетъ все усиливаться, пока онъ окончателно не погубитъ себя. Надо желать всего что только могло бы выгнать его изъ Булгамптона. Я благодарилъ бы Бога если бы сгорѣлъ его домъ или съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Сидитъ дома и ничего не дѣлаетъ. Онъ не хочетъ даже присмотрѣть за фермой. Говоритъ что читаетъ, да я ему не вѣрю.

— А все потому, Франкъ, что онъ серьезно влюбленъ.

— Слава Богу что я никогда не былъ такъ серьезно влюбленъ.

— Потому что вамъ не было надобности, сэръ. Слывы сами валяются къ вамъ въ ротъ.

— Слывы не должны слишкомъ спесивиться, чтобы не потерять своей сладости.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора, мистеръ Фенвикъ стоялъ у воротъ, наблюдая за постройкой и разговаривая съ рабочими, когда къ нему подошла Фанни Бретль. Онъ проводилъ иногда цѣлые часы у воротъ и успѣлъ подружиться съ главнымъ рабочимъ, несмотря на то что тотъ, подобно своему хозяину, былъ диссидентъ и пришелъ въ приходъ какъ непріятель. Весь Булгамптонъ зналъ какъ непріятна была для викарія совершавшаяся постройка и какъ мистрисъ Фенвикъ до того оторчалась ей

что не хотѣла выходить изъ своихъ собственныхъ воротъ. Весь Бугамптонъ зналъ что мистеръ Пудельгамъ называлъ викарія своимъ врагомъ, забывъ объ овощахъ и персикахъ на которыхъ вскормлены маленькіе Пудельгамы, и что въ продолженіи послѣдняго мѣсяца методистскій священникъ два раза съ кафедръ порицалъ священника господствующей церкви. Весь Бугамптонъ толковалъ о часовнѣ, одни брали маркиза и салисберійскаго перекрещенца, другіе говорили что господствующей церкви не мѣшаетъ дать щелчокъ. Но не обращая вниманія на эти толки, мистеръ Фенвикъ стоялъ у воротъ и болталъ съ работниками, точно очарованный обрушившимся на него несчастіемъ. Мистеръ Пакеръ, управляющій маркиза, увидѣвъ его тамъ, хотѣлъ скрыться незамѣченнымъ, потому что Пакеръ нѣсколько стыдился своего участія въ этомъ дѣлѣ, но Мистеръ Фенвикъ подозвалъ его и заговорилъ о постройкѣ.

— Гримсъ не могъ бы сдѣлать такъ скоро, сказалъ онъ.

— О, конечно, мистеръ Фенвикъ.

— Надѣюсь что морозы не повредятъ. Можетъ-быть извѣсть пострадаетъ.

Пакеръ не возражалъ. Онъ успѣшилъ замѣтить что не отвѣчаетъ за работу, что маркизу нѣтъ никакого дѣла до постройки, и онъ съ своей стороны пожертвовалъ только землю.

— Это все что онъ могъ сдѣлать, смѣясь оказалъ викарій.

Въ это время къ нему подошла Фанни Бретъ. Поклонившись ей и замѣтивъ что она хочетъ съ нимъ говорить, священникъ вошелъ съ ней въ свою усадьбу и спросилъ что можетъ сдѣлать для нея. Она держала въ рукѣ письмо. После минутной нерѣшительности она подала его настоятелю и попросила прочесть. Оно было отъ брата и дошло до нея тайными путями. Какой-то молодой человекъ пришелъ къ нимъ когда отецъ работалъ на мельницѣ, отдалъ ей письмо и ушелъ не согласившись дожидаться отвѣта.

— Отецъ ничего не знаетъ, сэръ, сказала Фанни.

Мистеръ Фенвикъ открылъ письмо и прочелъ:

„Милая сестра!

Ты должна помочь мнѣ, потому что обстоятельства мои очень плохи. Я не для себя прошу, я согласился бы скорѣй умереть чѣмъ попросить копѣйку на мельницѣ. Но у Карри тоже ничего нѣтъ, и потому не можешь ли ты переслать

сюда какую-нибудь бездѣлицу. Только ни подъ какимъ видомъ не говори отцу. Я знаю, ты не скажешь. Матушкѣ скажи. Только чтобъ она тоже не говорила отцу. Если у тебя найдутся два фунта, перешли мнѣ ихъ въ письмѣ, по адресу:

„Мистеру Томасу Крадокъ.

„№ 5, улица Коукросъ, городъ Лондонъ.

„Матушкѣ передай отъ меня почтеніе, а отцу не говори ни слова. Они не хотятъ знать Карри, такъ и не надо.

„Любящій тебя братъ

„Семъ Бретль.“

— Вы сказали отцу, Фанни?

— Ни одного слова, сэръ.

— А матери?

— О, конечно, сэръ. Она прочла письмо и послала меня спросить васъ что намъ дѣлать.

— У васъ есть деньги, Фанни?

Фанни сказала что у нея въ карманѣ даже больше чѣмъ онъ проситъ, но что на мельницѣ теперь такъ мало денегъ что едвали можно будетъ послать не сказавъ отцу. Она прибавила что не побойтся сначала послать деньги, а потомъ признаться отцу. Викарій задумался, съ открытымъ письмомъ въ рукѣ, и потомъ сказалъ:

— Войдите къ намъ, Фанни, и напишите что-нибудь брату. Вы отнесете на почту четыре фунта. Напишите что я даю ему эти деньги взаймы, пока поправятся его дѣла. Не надобно посылать денегъ вашего отца безъ его позволенія. Семъ мнѣ отдастъ, если я въ немъ не ошибаюсь.

Фанни Бретль, со многими изъявленіями благодарности, поступила какъ сказалъ священникъ.

XXXIX. „Три честные человека“.

Булгамptonскій викарій былъ славный человекъ; въ такомъ похвальномъ отзывѣ, надѣюсь, не откажутъ ему читатели. Но нельзя отвергать что онъ былъ въ высшей степени неосторожный человекъ. Онъ надѣлалъ много неосторожнаго относительно маркиза Тробриджа; всѣ его поступки относительно семейства Бретлей, съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился въ Булгамтонѣ всегда отличались неосторожностью. Онъ самъ зналъ что омысла слова сказанныя имъ маркизу

были зубами дракона, имъ самимъ посвященными и теперь показавшимися изъ земли прямо противъ воротъ его усадьбы, въ видѣ безобразнаго кирпичнаго зданія. Онъ улыбался, шутилъ, болталъ съ работниками, но ненавидѣлъ зданіе также сильно какъ жена его. И вотъ опять Бретлю поставили его въ затруднительное положеніе. Недѣлю спустя послѣ того какъ онъ далъ Фанни Бретль четыре фунта для пересылки брату, къ нему пришло грязное письмо изъ Салисбери, писанное Семомъ, въ которомъ его извѣщали что Карри Бретль пріѣхала въ Салисбери, живетъ въ трактирѣ *Три честные человека*, въ предмѣстьи города, и дожидается тамъ чтобы мистеръ Фенвикъ нашелъ ей убѣжище, какъ онъ самъ обѣщаль ей брату. Семъ въ письмѣ объяснялъ что мистеру Фенвику слѣдовало бы поспѣшить пріѣздомъ, не то на нихъ напишутъ вексель по которому ни онъ, ни Карри не будутъ въ состояніи заплатить. Письмо бѣднаго Сема было наивно, но человекъ не знающій его положенія называлъ бы письмо дерзкимъ. Онъ писалъ ни мало не сомнѣваясь что священникъ обязанъ пріѣхать и требовалъ мѣста для своей сестры не заботясь объ ея будущемъ образѣ жизни или способности добывать себѣ пропитаніе, считая несомнѣнною обязанностью мистера Фенвика дать пріютъ бѣдной Карри. Намекъ о векселѣ былъ предусмотрительнымъ предостереженіемъ. Поспѣшите взять ее отсюда, иначе вамъ придется много заплатить за нее. Таково было значеніе намека, и такъ его понялъ мистеръ Фенвикъ.

Священникъ былъ неостороженъ, но это не мѣшало ему быть человекомъ благоразумнымъ и добросовѣстнымъ. Онъ обѣщаль Сему Бретлю помѣстить куда-нибудь его сестру, если Семъ найдетъ ее и уговоритъ принять предложеніе. Семъ принялся за дѣло и окончилъ свою часть, и имѣлъ теперь полное право требовать чтобъ и священникъ исполнилъ обѣщанное. Но подумали ли они о томъ что они, безъ сомнѣнія, найдутъ Карри безъ средствъ заплатить долги? Можно ли было ожидать что дѣвушка въ ея положеніи имѣетъ деньги? Развѣ онъ не зналъ ихъ положенія когда давалъ Фанни четыре фунта для пересылки брату въ Лондонъ? Мистеръ Фенвикъ, чувствуя что попалъ въ затруднительное положеніе, не думалъ отвергать своей ответственности или увернуться отъ исполненія обѣщаннаго. Онъ обязанъ найти мѣсто для Карри и заплатить за нее въ трактирѣ.

Онъ разказалъ о своемъ затрудненіи женѣ, и она, конечно, бранила его за необдуманное обѣщаніе.

— Но, милый Франкъ, если для нея, то почему не для другой? И потомъ, развѣ это возможно?

— Для нея, а не для другихъ, потому что она старый другъ, дочь сосѣда, изъ нашего прихода.

На первый вопросъ не трудно было отвѣтять.

— Но развѣ это возможно, Франкъ? Конечно, надо сдѣлать все возможное чтобы спасти ее, да если это возможно, почему не спасти и другихъ.

— Если тебѣ удастся спасти одну, то это уже много.

— Чтò же можно сдѣлать для нея? Кто ее возьметъ? Захочетъ ли она пойти въ исправительный домъ?

— Боюсь что не пойдетъ.

— Ихъ тамъ такъ много, потому что ихъ больше нигуда не принимаютъ. Гдѣ ты надѣешься найти ей мѣсто?

— У нея есть замужняя сестра, Жанета.

— Которая не захочетъ взглянуть на нее, не только что пустить за порогъ своего дома. Неужели ты не знаешь, Франкъ, непрощающихъ попятій этихъ женщинъ о такихъ грѣхахъ какъ грѣхъ бѣдной Карри.

— Желалъ бы я знать, молятся ли онѣ когда-нибудь!

— Конечно, молятся. Я увѣрена что мистрисъ Гей религіозная женщина. Но имъ позволено не прощать этого грѣха.

— Какимъ закономъ?

— Закономъ обычая. Ты, конечно, правъ, Франкъ, но тебѣ не переучить ихъ, и ты не можешь не признавать факта пока онъ существуетъ. Да надо ли уничтожать его? Это удерживаетъ женщинъ отъ заблужденій.

— Такъ ты думаешь что не слѣдуетъ спасти это бѣдное существо, погибающее за такой маленькій грѣхъ?

— Я не говорю что не надо, но когда ты обѣщала ей мѣсто, какъ могъ ты надѣяться найти его? Единственное мѣсто куда не отказались бы принять ее, это домъ ея матери, но туда не пустить ея отецъ.

Мистеръ Фенвикъ замолчалъ, потому что еще ничего не придумалъ. Въ его головѣ возникалъ планъ силой открыть для Карри сердце ея отца. Онъ думалъ привести ее на мельницу, посадить въ общую комнату и тогда показать отцу. Можетъ случиться что Яковъ Бретль съ яростью накинется на человѣка осмѣлившагося вмѣшаться въ его семейныя

дѣла; но онъ навѣрное не обойдется грубо съ бѣдною дѣвушкой. Священникъ зналъ Бретля и былъ увѣренъ что онъ, даже въ злобѣ, не способенъ обидѣть женщину.

Но надо было дѣйствовать, а не дожидаться пока одинъ изъ возникавшихъ плановъ созрѣетъ до исполненія. Карри и братъ ея живутъ въ какомъ-то трактирѣ, увѣренные въ обѣщанной помощи. Ясно что надо дѣйствовать; но что можно сдѣлать? Фенвикъ обратился къ женѣ, но она не знала какъ помочь ему. Онъ намекнулъ на старшую сестру дѣвушки, какъ на самую естественную покровительницу Карри, но жена тотчасъ же показала ему что планъ его неисполнимъ. И потомъ можно ли такую дѣвушку какъ Карри Бретль выпустить изъ виду и помѣстить въ лавку провинціального города. Ей полезнѣе будетъ жить въ деревнѣ, на какой-нибудь фермѣ, и мистеръ Фенвикъ рѣшилъ обратиться къ старшему брату Карри. Джорджъ Бретль богатъ и занимаетъ большую ферму' близъ Фортинбриджа. Мистеръ Фенвикъ зналъ его очень мало, а жену его не видалъ ни разу, но зная что они женаты уже лѣтъ пятнадцать, и что у нихъ подрастаетъ семейство, онъ боялся что мистрисъ Бретль, въ Стартупѣ, такъ называлась ихъ ферма, не согласится принять предлагаемую родственницу. Но попробовать не мѣшаетъ, и мистеръ Фенвикъ рѣшилъ, повидавшись съ Карри въ Салисбери, поѣхать въ Стартупъ и пустить тамъ въ дѣло все свое краснорѣчіе.

На слѣдующій день онъ отправился съ утреннимъ поѣздомъ въ Салисбери и въ девять часовъ былъ уже тамъ. Послѣ многихъ разпросовъ онъ отыскалъ *Трагъ честныхъ людей*. Это была небольшая полпивная, въ переулкѣ, на самомъ краю города. Увидавъ ее, мистеръ Фенвикъ подумалъ что въ такое неприличное мѣсто не входилъ еще ни разу. Полпивная помѣщалась въ двухъ-этажномъ кирпичномъ строеніи, дверь въ него была отворена, а окно закрыто красною занавѣской. Изъ всѣхъ признаковъ такихъ полпивныхъ ни одинъ не придаетъ имъ столь неприличнаго вида какъ красныя занавѣски на окнахъ, а между тѣмъ ни одинъ цвѣтъ не пользуется тамъ такою популярностью какъ красный. Одинъ фактъ, можетъ-быть, объясняетъ другой. Пьяницы любятъ утолять свою жажду безъ постороннихъ нескромныхъ взглядовъ. Но мистеръ Фенвикъ вопреки красной занавѣскѣ вошелъ въ полпивную, и спросилъ у безобразной женщины, стоявшей за прилавкомъ, о Семѣ Бретлѣ.

— Не здѣсь ли живетъ молодой человѣкъ, по имени Семъ Бретль, молодой человѣкъ съ сестрой?

Потоки ругательствъ полились съ языка пьяной женщины на несчастнаго священника. Хозяйка *Трехъ честныхъ людей* была не только пьяна, но и ужасно зла. Оказалось что Семъ съ сестрой дѣйствительно жили здѣсь, но ихъ уже выгнали. Можно было понять что у нихъ тутъ произошла страшная ссора, потому что на бѣдную Карри сыпались такіа ужасныя прозвища какими только можетъ наградить языкъ одной пьяной женщины другую. Хозяйка *Трехъ честныхъ людей* была женщина замужняя и слѣдовательно женщина почтенная, а бѣдная Карри была не замужняя и слѣдовательно непочтенная. Открылось кое-что изъ ея прошлой жизни. Ни она, ни братъ не могли опровергнуть обвиненій, и ее выгнали на улицу. Все это мистеръ Фенвикъ понялъ изъ словъ пьяной женщины, но больше ничего узнать не могъ. Когда онъ спросилъ куда ушла бѣдная Карри, женщина начала насмѣхаться надъ нимъ, и обвиняла его что онъ съ дурными намереніями ищетъ такую женщину. Она стояла подбоченясь и грозила призвать сосѣдей. Пьяная, грязная, отвратительная, пересыпая рѣчь свою ругательствами и не останавливаясь ни предъ какимъ выраженіемъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ позою своею и словами выражала негодованіе оскорбленной добродѣтели, оскорбленной тѣмъ что у ней осмѣлились спросить о погибшей женщинѣ. Мистеру Фенвику не было никакого дѣла ни до сосѣдей, ни до этой пьяной женщины, которая возбуждала въ немъ только отвращеніе, но ему необходимо было узнать куда ушла та кого онъ искалъ. Женщина же ни за что не хотѣла сказать ему когда дѣвушка ушла отъ нея, или гдѣ ее можно найти. Онъ попробовалъ подмаслить ее обѣщая заплатить если Карри осталась должна за что-нибудь, но даже это средство не подействовало. Женщина продолжала кричать и браниться. Онъ рѣшился уйти ничего не добившись, что наконецъ и принужденъ былъ сдѣлать, и весьма поспѣшно, чтобы спастись отъ бутылки которую женщина намѣревалась пустить ему въ голову, въ наказаніе за дерзкое сравненіе которое онъ сдѣлалъ между нею и Карри Бретль.

Что ему теперь дѣлать? Единственное средство найти дѣвushку, думалъ онъ, пойти справиться въ полицію. Онъ шелъ

еще по переулку, когда къ нему подошелъ матернкій мальчикъ. „Вы священникъ?“ спросилъ ребенокъ. Мистеръ Фенвикъ признался что онъ священникъ. „Священникъ изъ Будгамтона?“ вопросительно продолжалъ ребенокъ. Мистеръ Фенвикъ подтвердилъ фактъ. „Такъ вамъ вѣрнѣе придти со мной.“ Мистеръ Фенвикъ послѣдовалъ за ребенкомъ, который привелъ его на матернкій дворъ, гдѣ толпилось грязное, худое и юное населеніе. „Она здѣсь, у мистрисъ Стигсъ“, сказалъ ребенокъ. Тогда священникъ понялъ что его поджидали и привели въ домъ гдѣ наша пріютъ та кого онъ искалъ.

XI. У мистрисъ Стигсъ.

Въ верхней комнаткѣ дома мистрисъ Стигсъ священникъ нашель Карри Бретъ, и узналъ что со вчерашняго вечера, — ибо только наканунѣ выехали Карри изъ *Three честныхъ людей*, — одинъ изъ дѣтей мистрисъ Стигсъ поджидалъ его въ переулкѣ.

— Я такъ и думала что вы пріѣдете ко мнѣ, мистеръ Фенвикъ, сказала Карри.

— Могъ ли я не пріѣхать? Развѣ я не обѣщаль вашему брату? А гдѣ же вашъ братъ?

Оказалось что Семъ ушелъ, помѣстивъ ее къ мистрисъ Стигсъ, и Карри не знала куда онъ пошелъ. Онъ привезъ ее въ Салсбери и пробылъ съ ней два дня у *Three честныхъ людей*, гдѣ они прожили все что у нихъ оставалось отъ четырехъ фунтовъ. Тамъ у нихъ вышла ссора. Кто-то изъ посетителей узналъ Карри, разказалъ объ ея прошлой жизни, ее начали бранить дурными словами. Семъ заступился и, по словамъ Карри, поколотилъ человекъ шесть. Она въ слезахъ выбѣжала на улицу. Немного погодя пришелъ Семъ, весь въ крови, съ разорвannoю губой и подбитымъ мазомъ. Онъ, кажется, еще прежде зналъ мистрисъ Стигсъ, или ея мужа, и привелъ къ ней сестру, прося пріютить ее не надолго. Онъ объяснилъ что за Карри скоро пріѣдетъ священникъ, заплатитъ за ея содержаніе и увезетъ ее съ собой. Карри думала что Семъ воротился въ Лондонъ. Онъ ужасно пострадалъ въ дракѣ и не хотѣлъ чтобы мистеръ Фенвикъ увидалъ его въ такомъ видѣ. Все это разказала Карри, и священникъ не сомнѣвался въ правдивости каждаго ея слова.

— Ну, Карри, сказать онъ, — что же вы намѣрены теперь дѣлать?

Она подняла на него глаза, но не рѣшилась взглянуть ему въ лицо, какъ бы боясь поднять ихъ такъ высоко. Онъ же смотрѣлъ на нее пристально, и думалъ что еще никогда не видѣлъ такого грустнаго образа. Она все еще была очень хороша, даже можетъ-быть лучше чѣмъ тогда когда пришла съ розовыми щечками и длинными локонами въ церковь занять свое мѣсто въ хорѣ. Теперь она была блѣдна, и онъ замѣтилъ что кожа ея лица испортилась, вѣроятно отъ румянъ, бессонныхъ ночей и дурной жизни, но дѣвочка превратилась въ женщину, черты лица приняли болѣе опредѣленное выраженіе, и въ линіяхъ рта появилось выраженіе мольбы, чего не было прежде, въ ея счастливые дни въ Булгамптонѣ. Онъ спросилъ ее что она намѣрена дѣлать! Но развѣ она пріѣхала сюда, по совѣту брата, не за тѣмъ чтобъ онъ самъ сказалъ что ей дѣлать? Развѣ онъ не обѣщавъ пріютить ее, если она захочетъ обратиться на путь истинный? Можетъ ли она знать что ей теперь дѣлать? Она не отвѣтила, но попробовала взглянуть ему въ лицо, и не рѣшилась.

Онъ самъ не зналъ что ему дѣлать съ ней. Онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Стартупъ, просить для нея убѣжища у старшаго брата, но такъ мало надѣялся на успѣхъ своего предпріятія что не рѣшился сказать о немъ дѣвушкѣ.

— Трудно сказать что вамъ теперь дѣлать, Карри.

— Очень трудно, сэръ.

Онъ такъ сочувствовалъ ей что не рѣшился предложить ей холоднаго, безучастнаго пріюта въ исправительномъ домѣ. Какъ священникъ и какъ человекъ со здравымъ разсудкомъ, онъ зналъ что сдѣлалъ бы ей величайшее добро еслибы помѣстилъ ее въ исправительный домъ, но онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ успокоивалъ свою совѣсть, утѣшая себя что она сама не приняла бы такого убѣжища. Онъ думалъ что почти обѣщавъ не предлагать ей исправительнаго дома, по крайней мѣрѣ не то подразумевалъ онъ, давая свое необдуманное обѣщаніе ея брату, а обѣщаніе, хотя и необдуманное, должно быть исполнено. Она была такая хорошенькая, такая кроткая, онъ такъ любилъ ее! Виновать ли онъ былъ что сочувствовалъ ей потому что она была хорошенькая и потому что онъ полюбилъ ее еще тогда когда она была дѣвочкой? Да, надо признаться, онъ былъ виноватъ,

потому что взявшись исцѣлить больной членъ, надо дѣйствовать твердою, непреклоннымъ образомъ.

— Не останетесь ли вы здѣсь два? сказалъ онъ.

— Еслибы только у меня были деньги.

— Объ этомъ я позабочусь. Я думаю съѣздить къ вашему брату Джорджу.

— Къ брату Джорджу?

— Да. А что? Развѣ онъ не былъ всегда добръ съ вами?

— Онъ никогда не былъ золъ, но...

— Что же?

— Я сама сдѣлалась такою дурною, сэръ, что онъ едва ли захочетъ говорить со мною, взглянуть на меня, или сдѣлать для меня что-нибудь. И потому у него есть жена.

— Но не всѣ же женщины, выйдя замужъ, дѣлаются безсердечными. Между ними есть и такія которыя пожалѣютъ васъ.

Она покачала головой.

— Я окажу ему что это его обязанность, и если онъ честный, богобоязненный человекъ, онъ поможетъ вамъ.

— И мнѣ надо будетъ жить у нихъ?

— Конечно, если они соглаются принять васъ. Чего же лучшаго можете вы пожелать? Вашъ отецъ строгъ, и хотя онъ до сихъ поръ любитъ васъ, но не можетъ простить вамъ.

— Можетъ ли кто изъ нихъ простить, мистеръ Февикъ?

— Я теперь же поѣду въ Стартупъ, а такъ какъ мнѣ придется возвращаться чрезъ Салисбери, я передамъ вамъ что скажетъ братъ.

Она покачала головой.

— Во всякомъ случаѣ надо попробовать, Карри. Слезами и неподвижностью ничего не сдѣлаешь. Я попрошу вашего брата, а если онъ откажетъ, пошщу другихъ средствъ. Послѣ отца и матери онъ первый обязанъ помочь вамъ.

Онъ началъ говорить ей о ея положеніи и сказалъ ей цѣлую проповѣдь, заранее приготовленную, въ которой относился къ ней такъ строго какъ только позволяла ему его любящая натура, и вѣротъ съ тѣмъ былъ съ нею чрезвычайно мягокъ. Онъ доказывалъ ей что она можетъ искупить свое поворное прошлое только тяжелою, трудовою жизнью, что она должна добровольно помириться съ тѣмъ что всѣ будутъ смотрѣть на нее какъ на существо самое презрѣнное. Онъ спросилъ ее, противно ли ей самой ея порочное, безчестное

прошлое. „Да, конечно,“ отвѣчала она, въ половину подавивъ на него глаза. Могла ли она отвѣтить иначе? Онъ охотнѣе усмѣхался бы страстное, вырвавшееся изъ глубины души выраженіе раскаянія, горячее обѣщаніе жить впередъ честно, предложеніе добровольно подвергнуть себя всевозможнымъ страданіямъ чтобъ искупить прошлое, но онъ зналъ что такой энергіи, такого краснорѣчія и экстаза отъ нея ожидать нельзя. Смиренная, кающаяся, несчастная теперь дѣвушка, въ глубинѣ души осталась все та же. Еслибы онъ помѣстилъ ее въ исправительный домъ, она не долго осталась бы тамъ! Еслибы онъ оставилъ ее у мистрисъ Стигсъ, обязавшись платить за нее, съ условіемъ чтобъ она занялась какою-нибудь работой, шитьемъ напримѣръ, она не исполнила бы условія. Онъ понималъ что переходъ отъ лихорадочнаго, хотя и мучительнаго возбужденія къ скучной, однообразной, лишенной всякаго содержанія жизни можетъ быть сдѣланъ только по строгому принужденію. Другое дѣло еслибы ее можно было воротить на мельницу; тамъ, подъ вѣчнымъ вліяніемъ матери, въ ней возродилась бы надежда. Она была хороша, ей можно было возвратити счастье, а онъ былъ молодъ, любилъ ее (прошу читателя не понять моихъ словъ въ дурномъ смыслѣ), и ему хотѣлось избавить ее по возможности отъ страданія. Ея паденіе,—первоначальное паденіе,—возбуждало въ немъ сожалѣніе къ ней, а не отвращеніе. Онъ самъ съ радостью схватилъ бы того человѣка и не выпустилъ не переломавъ ему всѣхъ костей, но этотъ трудъ достался на долю мельника, который тоже не пощадилъ его. И прилично ли было бы такое дѣло священнику? Но когда онъ думалъ о Керри въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ, онъ строилъ воздушные замки и готовилъ ей жизнь въ программу которой не входили власяница и пепелъ. Онъ находилъ ей любящаго мужа, знавшаго и простившаго ей ошибку, которую почти нельзя назвать грѣхомъ. Она дѣлалась любящею женою, любяща дѣти окружали ее. Въ программу, можетъ-быть, входили благодарныя улыбки, которыми она платила ему за свое счастье, когда онъ называлъ ея очаръ. Онъ зналъ что все это только воздушные замки, и старался забыть ихъ, когда говорилъ ей свою проповѣдь. Почему бы то ни было, но онъ былъ съ ней очень нѣженъ и совѣтъ не такъ обошелся бы съ некрасивою прихожанкой, которую ему пришлось бы брать за воровство.

— А теперъ, Карри, сказалъ онъ, собираюсь уйти,—я найду въ городѣ экипажъ и поѣду къ вашему брату. Нельзя не по-пробовать. Я увѣренъ что вамъ лучше всего жить у родныхъ.

— Можетъ-быть, но они никогда не согласятся принять меня.

— Во всякомъ случаѣ надо попробовать. А если они при-мутъ васъ къ себѣ, Карри, вы должны помнить что не слѣ-дуетъ ѣсть дароваго хлѣба. Вы должны быть готовы зара-батывать себѣ пропитаніе.

— Я не буду ѣвниться, сэръ.

Онъ пожалъ ея руку, призывалъ на нее благословеніе Божіе и далъ ей денегъ чтобъ она могла платить за себя мистрисъ Старсъ.

— Я не понимаю какъ вы можете такъ заботиться о та-кой какъ я, сказала она, заливаясь слезами. Священникъ не сказалъ ей что дѣлаетъ для нея такъ много потому что она ему нравится и, можетъ-быть, самъ этого не сознавалъ.

Онъ отправился на биржу чтобъ нанять экипажъ. Ему пришлось много спорить прежде чѣмъ рѣшились довѣрить ему лошадь и экипажъ безъ сопровожденія кучера. Онъ бо-ялся чтобъ кучеръ не сдѣлался свидѣтелемъ того чего ему не слѣдовало знать. Онъ еще ни разу не былъ въ Стартунѣ и очень мало зналъ человѣка къ которому ѣхалъ съ такимъ щекотливымъ предложеніемъ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ его по дѣлу о поручительствѣ за Сема, и тогда Бретль по-слѣ нѣкотораго убѣжденія согласился сдѣлать то о чемъ его просили. Джорджу Бретлю удалось найти въ Фортингбриджѣ жему съ деньгами, его тоже отецъ отпустилъ съ мельницы не съ пустыми руками, и онъ пошелъ въ гору. Онъ аккуратно платилъ ренту, не былъ никому долженъ, и ходилъ въ цер-ковь черезъ воскресенье, не послѣдовавъ въ дѣлахъ религіи дурному примѣру отца. Онъ былъ грубъ, самонадѣянъ, по-нималъ кое-что въ хлѣбопашествѣ и въ разведеніи овецъ, умѣлъ съ прибылью выжать изъ работниковъ жалованье ко-торое платилъ имъ, но дальше этого званія его не проща-рались. Все это зналъ мистеръ Феквикъ и, не принимая въ соображеніе посѣщеній церкви два раза въ мѣсяцъ, ставилъ сына ниже отца. Въ старикѣ Бретлѣ есть непреклонная честь, доходящая до героизма, а можно ли такому человѣку какъ Джорджъ Бретль проповѣдовать съ надеждой на успѣхъ о христіанскомъ самоотверженіи и милосердіи, думалъ онъ. Впрочемъ, онъ хорошій сынъ и говорить съ чувствомъ,

доходящимъ до благоговѣнія, о гнѣздѣ въ которомъ выросъ. Священнику не нравилось предстоявшее ему дѣло, неудача пугала его, но онъ неспособенъ былъ отступить отъ дѣла за которое взялся, и смѣло вѣхалъ на дворъ стартупской фермы, гдѣ увидалъ стоявшихъ на крыльцѣ фермера и его жену.

XLI. Стартупская ферма.

Фермеръ Бретль, плотный человекъ лѣтъ тридцати восьми, но которому на видъ всякій далъ бы десятью годами больше, подошелъ къ мистеру Фенвику, приподнявъ шляпу и дружески протянулъ ему руку.

— Какое удовольствіе видѣть васъ въ Стартупѣ, мистеръ Фенвикъ. Вашъ моя жена. Молли, ты еще не видала мистера Фенвика? Это нашъ булгамптонскій священникъ. Матушка и Фанни говорятъ что другаго такого священника не найти во всемъ Виллштейрѣ.

Мистеръ Фенвикъ вошелъ въ большую кухню, гдѣ его любезно привѣтствовала толстая хозяйка Стартупа.

Ему хотѣлось передать свое дѣло сначала брату Карри, наединѣ, но мистрисъ Бретль, занимавшая въ домѣ положеніе по крайней мѣрѣ равное положенію мужа, рѣшила не давать ему къ тому случая. Она пожимала что мистеръ Фенвикъ пріѣхалъ изъ Булгамптона не для того только чтобы показать руку ея мужу и сказать нѣсколько любезныхъ словъ. У него есть какое-нибудь дѣло, и касается оно, вѣроятно, семейства Бретлей. Говорятъ, у старика обстоятельства-то плохи; ужъ не прислалъ ли просить денегъ. Но мистрисъ Бретль, урожденная Гуджинсъ, давно рѣшила что Булгамптонскому приходу не видать Гуджинскихъ денегъ. Когда мистеръ Фенвикъ попросилъ фермера прогуляться съ нимъ немного, мистрисъ Бретль отвела мужа въ сторону и сдѣлала ему маленькое предостереженіе.

— Это что-нибудь съ мельницы, Джорджъ. Не обѣщай ничего не поговоривъ напередъ со мной.

Лицо Джорджа приняло серьезное, почти печальное выраженіе. Только что предъ тѣмъ у него съ благовѣрною супругой былъ маленькій споръ по поводу положенія дѣлъ на мельницѣ.

— Я сейчасъ видѣлъ въ Салисбери одну особу, отрывисто

началь мистеръ Фенвикъ, когда она вышла со двора фермы и зашла за скирды.

— Особу въ Салисбери, мистеръ Фенвикъ? Кого же это?

— Вы ее когда-то хорошо знали, мистеръ Бретль. Я видѣлъ вашу сестру Барри.

Лицо фермера приняло опять тяжелое, почти грустное выраженіе, и онъ не сказалъ ни слова.

— Бѣдное созданіе, продолжалъ священникъ.—Бѣдная, несчастная дѣвушка!

— Она сама наклекала бѣду на себя и на насъ всѣхъ, сказала фермеръ.

— Конечно, другъ мой. Необдуманное, минутное увлеченіе погубило ее и принесло много горя намъ всѣмъ. Но вѣдь надо же помочь ей? Вы какъ полагаете?

Братъ молчалъ.

— Вы поможете, я увѣренъ, спасти ее отъ безвозвратной гибели которая ее ожидаетъ, если никто не приметъ въ ней участія.

— Если нужны деньги чтобы помѣстить ее куда спѣдуетъ....

— Нѣтъ, не то; по крайней мѣрѣ въ настоящее время деньги ей не нужны.

— Чего же ей нужно?

— Ей нужна личная поддержка и дружба любящаго человѣка. Вы любите вашу сестру, мистеръ Бретль?

— Не знаю, мистеръ Фенвикъ.

— По крайней мѣрѣ вы любили ее когда-то, а теперь, конечно, жалѣете.

— Она принесла намъ всѣмъ столько горя. Еслибы не она, намъ не за кого было бы краснѣть. Теперь еще Семъ. Но, впрочемъ, мущина, какъ бы дурень ни былъ, никогда не сдѣлаетъ столько дурнаго какъ женщина.

Мистеръ Бретль говорилъ не о степени порочности до какой могутъ унизиться оба пола, но о вліяніи ихъ поведенія на родственниковъ.

— И потому женщина больше мужчина нуждается въ помощи.

— Я дамъ денегъ, мистеръ Фенвикъ. Много я дать не могу, но....

— Вы дайте ей приютъ, приютъ въ вашемъ домѣ.

— Чтѣ!? Взять ее въ Стартупъ?

— Да, въ Стартупъ, потому что отецъ вашъ не возьметъ ее.

— Я тоже не возьму. Да что я въ такомъ дѣлѣ? Вы меня спрашиваете послѣ, а спросите-ка сначала жену. Да что тутъ толковать, мистеръ Фенвикъ. Это невозможно.

— Невозможно помочь сестрѣ?

— Сестра-то она сестра, спорить нельзя. Но зачѣмъ она ушла и сдѣлалась... Я не скажу чѣмъ она сдѣлалась, мистеръ Фенвикъ. Мало она принесла намъ вѣтъ горла? Ваять ее сюда! Я на нее такъ злюсь что даже руки не протануль бы ей. Кто не велѣлъ ей остаться честною женщиной и не позорить семейства?

Но вопреки всѣмъ этимъ строгимъ приговорамъ, мистеру Фенвику удалось, потолковавъ о христіанской обязанности помогать ближнимъ, получить позволеніе фермера поговорить съ мистрисъ Бретль. Позволеніе это равнялось согласію принять сестру если жена не будетъ прекословить, но фермеръ прибавилъ что никогда не далъ бы позволенія еслибы не былъ вполне увѣренъ что мистрисъ Бретль даже не захочетъ выслушать такого страннаго предложенія. О женѣ онъ говорилъ почти съ благоговѣніемъ.

— Ей не приходилось и говорить-то съ такими, мистеръ Фенвикъ. Я боюсь, она забудетъ всякую вѣжливость, если при ней осмѣлятся упомянуть о такихъ женщинахъ.

Но мистеръ Фенвикъ, несмотря на предостереженіе, остался при своемъ намѣреніи. Когда онъ воротился въ домъ, мистрисъ Бретль была въ своей гостиной, предоставивъ кухню служанкѣ. Онъ пошелъ къ барышѣ и замѣтилъ что она въ честь его надѣла чистый чепчикъ. Заручившись позволеніемъ фермера, онъ прямо прешетупилъ къ дѣлу.

— Мистрисъ Бретль, сказалъ онъ,—мы сейчасъ съ вашимъ мужемъ говорили о его бѣдной сестрѣ Карри.

— Чѣмъ меньше говорить о ней, тѣмъ лучше, сказала фермерша.

— Я съ вами вполне согласенъ. Дѣло въ томъ чтобы помѣстить ее въ добрыя, благонадежныя руки, а потому чѣмъ меньше намъ придется говорить о ней тѣмъ лучше. Она бросила свою порочную жизнь.

— Онъ никогда не бросаетъ ея, сказала фермерша.

— Потому что имъ рѣдко даютъ къ тому возможность. Бѣдной Карри такъ хочется помѣститься куда-нибудь подалеже отъ грѣха.

— Прямо, мистеръ Фенвикъ, намъ лучше не говорить о

ней. Она опозорила насъ всѣхъ. По-моему, на свѣтъ нѣтъ слишкомъ большаго несчастья для нея.

Мистеръ Фенвикъ, думавшій напротивъ что на свѣтъ нѣтъ слишкомъ большаго благополучія для его бѣдной, кающеяся грѣшницы, начиналъ сердиться на хозяйку. Въ душѣ онъ дѣлалъ сравненія, которыя мы всѣ дѣлаемъ въ подобныхъ случаяхъ. Въ чемъ состоитъ великая добродѣтель этой толстой, откормленной женщины, которая смѣетъ воротить носъ отъ несчастной сестры? Не напоминаетъ ли она того гнуснаго фарисея который благодарилъ Бога что не похожъ на мытаря, между тѣмъ какъ мытарь былъ на пути къ небу?

— Вы, конечно, постарались бы спасти ее, еслибъ это было возможно, сказалъ священникъ.

— Что это значить: спасти? Если вы хотите сказать что такихъ женщинъ можно ставить наравнѣ съ тѣми которыя всегда были честными, такъ я не понимаю чего ихъ и спасать?

— Вы никогда не читали о Маріи Магдалинѣ, мистрисъ Бретль?

— Конечно читала, мистеръ Фенвикъ. У Маріи Магдалины, можетъ-быть, не было отца, братьевъ, сестеръ, золовокъ, и она никого не опозорила кромѣ себя. Можетъ-быть, у ней не было честнаго дома, когда она начала. Намъ ничего не извѣстно.

— А иначе у нашего божественнаго Спасителя не хватило бы милосердія простить ее? сказалъ мистеръ Фенвикъ съ ироніей.

Но иронія не задѣла мистрисъ Бретль.

— Тогда было одно время, а теперь другое. Теперь нѣтъ Спасителя чтобъ указать намъ кто можетъ и кто не можетъ сдѣлаться Маріей Магдалиной. А Карри Бретль сама приготовила себѣ постель, пусть и лежитъ на ней. Не наше дѣло мѣшаться.

Фенвикъ не покидалъ однако намѣренія сдѣлать ей свое предложеніе. Онъ уже почти потерялъ надежду сдѣлать тутъ что-нибудь для Карри, но ему хотѣлось подразнить женщину и сказать что, по его мнѣнію, она обязана сдѣлать для Карри.

— А я думалъ что вы возьмете ее къ себѣ и постараетесь оградить отъ облазна.

— Взять ее къ себѣ! съ ужасомъ воскликнула фермерша.

— Да. Кто же ей ближе брата?

— Не бывать этому, мистеръ Фенвикъ. Если вы объ этомъ

говорила съ Бретаемъ, а скажу вамъ, вы арѣхали сюда не съ добрымъ дѣломъ. Въ своемъ домѣ всякій самъ себя хозяинъ, и постороннимъ не приходится давать совѣтовъ, мистеръ Фенвикъ. Вы, можетъ-быть, не знаете что у насъ есть дочери? Взять ее въ Стартуль!

— Но, мистрисъ Бреть....

— Не оскорбляйте меня, мистеръ Фенвикъ. Я не позволю съ собой такъ обращаться. Неприлично вамъ, духовному лицу, и къ тому же молодому человѣку, приходиться въ честный домъ говорить о такой женщинѣ.

— Такъ вы допустите ее умереть съ голоду гдѣ-нибудь въ канавѣ.

— Такія не умираютъ съ голоду. Онѣ отаично ѣдятъ и пьютъ пока молоды, даже слишкомъ много. Наконецъ у насъ есть тюрьмы. Пусть идутъ туда, если хотятъ казаться. Онѣ однако идутъ туда только тогда когда никто не захочетъ взглянуть на нихъ, да и тогда большая часть изъ нихъ дѣлаются воровками.

— И вы не избавите сестры вашего мужа отъ такой будущаости?

— Точно кто виноватъ что она сестра честнаго человѣка! Помните чѣмъ обязаны ей мои дѣти; имъ не за кого было бы краснѣть, еслибы не она. Всѣ Гуджинсы всегда вели себя честно; я говорю о женщинахъ, прибавила она, вѣроятно вспоминая продавки одного пьяницы-дядюшки.—Позвольте попросить васъ, мистеръ Фенвикъ, чтобъ я не слышала больше ни одного слова о ней. Я съ такими женщинами никогда не говорила, и не хочу начинать въ моемъ собственномъ домѣ. Всякій самъ знаетъ какъ ему поступать и можетъ обойтись безъ совѣтовъ священниковъ. Вы меня извините, мистеръ Фенвикъ, что я такъ говорю съ вами, вы сами довели меня до этого. Прощайте, мистеръ Фенвикъ.

На дворѣ онъ увидалъ фермера стоявшаго у его экипажа.

— Что же, мистеръ Фенвикъ, раздѣляетъ она ваши мысли?

— Не совсѣмъ, мистеръ Бреть.

— Я такъ и зналъ. Согрѣшившія женщины точно больныя животныя, которыхъ облагаютъ здоровыя. Онѣ должны знать это напередъ и воздержаться отъ грѣха.

— Это однако не удержало Карри.

— Ну, и пусть ее страдаетъ, какъ мы всѣ страдаемъ по ея

милости. Однако, мистеръ Феввикъ, десять-пятнадцать фунтовъ, если они могут пригодиться...

Но священникъ съ досадою отвергнулъ предложеніе и поѣхалъ назадъ въ Салисбери, негодуя на жестокость свѣта. Развѣ женщина говорила не то что внушилъ ей свѣтъ, нашъ свѣтъ, считающій себя въ правѣ судить грѣшниковъ строже чѣмъ судилъ ихъ Спаситель.

Съ печальными извѣстіями отправился онъ къ мистрисъ Стигсъ и обезпечилъ тамъ содержаніе Карри недѣли на двѣ. Дѣвушкѣ онъ далъ много совѣтовъ какъ ей проводить время, обѣщавъ прислать ей книгу и просилъ не лѣниться надъ шитьемъ для семейства мистрисъ Стигсъ. Онъ просилъ ее ходить ежедневно къ службѣ въ соборъ, не потому чтобъ онъ считалъ общественное богослуженіе необходимымъ для нея, но чтобъ хоть часть ея дня проходила не безъ пользы.

Барри, прощаясь съ нимъ, сказала очень мало.

— Хорошо, я останусь у мистрисъ Стигсъ.

Вотъ все что она сказала.

XLII. Мистеръ Квикенгамъ.

Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, 6го апрѣля, мистеръ и мистрисъ Квикенгамъ пріѣхали въ Булгамтонъ. Адвокатъ намѣренъ былъ дать себѣ продолжительный отдыхъ, цѣлые четыре дня, и воротиться въ Лондонъ въ слѣдующій вторникъ, а жена его обѣщала себѣ много удовольствій у сестры.

— Какъ я бываю рада когда удается вытащить его изъ города хоть на два дня, сказала мистрисъ Квикенгамъ.—А въ этотъ разъ онъ, кажется, даже не взялъ съ собою своихъ бумагъ.

Мистрисъ Феввикъ тономъ извиненія заявила сестрѣ что имъ очень хотѣлось бы узнать законное мнѣніе зятя объ известномъ неприятомъ дѣлѣ.

— Развѣ это работа? сказала заботливая жена адвоката.— Онъ будетъ очень доволенъ. Я говорю объ ужасныхъ бумагахъ которыя онъ читаетъ по ночамъ. Пусть бы онъ говорилъ или писалъ сколько ему угодно, но это ужасное чтеніе приводитъ меня въ ужасъ. Правда, теперь у него есть помощники, но пользы-то отъ нихъ немного. Цѣлыя ночи онъ

перебираетъ листъ за листомъ и все говоритъ что сейчасъ кончить, а раньше трехъ никогда не ложится.

Мистрисъ Квикенгамъ была старше сестры на четыре года и моложе своего мужа на двѣнадцать лѣтъ; слѣдовательно адвокатъ былъ значительно старше священника. Мистеръ Квикенгамъ занимался въ конторѣ адвокатовъ, гдѣ, послѣ долгой и трудной борьбы, добился положенія принесившаго ему большой доходъ и безконечную, непрерывную работу. Съ самаго начала своего жизненнаго поприща онъ всегда стремился къ какой-нибудь дѣлѣ, достигалъ ея, но никогда не удовлетворялся и шелъ дальше. При выходѣ изъ школы ученая степень казалась ему верхомъ благополучія. Онъ получилъ ее. Отсюда былъ уже одинъ шагъ до начала-адвокатскаго поприща въ Лондонѣ. Первое страстно ожидавшееся тяжбное дѣло принесло ему мало удовлетворенія, но было первую ступенью лѣстницы, конецъ которой, по мѣрѣ восхожденія, терялся изъ виду. Такъ шла вся его жизнь, и между тѣмъ какъ онъ подвигался впередъ, обязанности увеличивались, онъ женился и сдѣлался отцомъ многочисленнаго семейства. Онъ постоянно ставилъ предъ собою какую-нибудь дѣлю и думалъ что будетъ вполне счастливъ когда достигнетъ ея. Теперь онъ надѣвалъ шелковую мантию, и доходъ его превышалъ его собственныя желанія, но онъ мечталъ о скамьѣ судей и желалъ бы свободно располагать своими вечерами. Теперь онъ думалъ что это было всегда конечною дѣлюю всѣхъ его стремленій, но еслибъ онъ могъ припомнить свои юношескія мечты, онъ увидѣлъ бы что въ то время тяжелая, безмолвная, незамѣтная должность судьи была въ его глазахъ ничто въ сравненіи съ блистательною карьерой счастливаго адвоката. Последнее онъ уже испыталъ и, можетъ-быть, скоро испытаетъ и первое, и когда придетъ то время, и мистеръ Квикенгамъ будетъ возсѣдать на почетномъ мѣстѣ въ судебной палатѣ и проводить долгіе часы въ утомительномъ, совѣстливомъ слушаніи, онъ будетъ мечтать о блаженномъ покоѣ почетной отставки, о томъ времени когда всѣ часы дня будутъ въ его распоряженіи. Но придутъ и эти счастливые дни, и съ ними болѣзни, — слѣдствіе времени и тяжелыхъ трудовъ, и его мысли обратятся съ ожиданіемъ къ вѣчному покою, гдѣ доходы, почести, жена и дѣти соединятся для него въ одно цѣлое, которое онъ назоветъ небомъ. Теперь же онъ пріѣхалъ въ Булгамптонъ отдохнуть

и повеселиться, если окажется что веселіе возможно безъ судебныхъ бумагъ.

Мистеръ Квикенгамъ былъ высокій, худощавый господинъ, съ пронзительными сѣрыми глазами и длиннымъ носомъ, по поводу котораго остряки враги его въ судѣ, говоря что жена вѣшаетъ ему на носъ чайникъ, чтобы не даромъ пропала изаинній жаръ исходящій изъ его усть. Въ волосахъ его уже проглядывала сѣдина, а бакенбарды, единственное украшеніе его лица, были почти совсѣмъ уничтожены его нетерпѣливою рукой. У него не хватало времени ни на что кромѣ работы. Онъ былъ въ опредѣленные часы съ такимъ видомъ что, казалось, жизнь его зависитъ отъ того чтобы не потерять лишней минуты за этимъ занятіемъ. Одвѣлся онъ со скоростью желѣзныхъ дорогъ, ходилъ быстрою, стремительною походкою, какъ бы протестуя противъ слишкомъ медленнаго движенія всего міра. Онъ былъ близорукъ и часто спотыкался, ушибалъ ноги и разбивалъ на пути все что можно было разбить, но не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на страданія своего тѣла и кармана, такъ что жена перестала замѣчать ему его промахи. Онъ былъ неопытенъ, постоянно проливалъ на себя супъ и чай, пальцы его никогда не освобождались отъ чернильныхъ пятенъ, и имѣлъ несчастную привычку терять самыя необходимыя бумаги. Онъ приказывалъ слугамъ отыскивать пропавшую вещь и потомъ бранилъ ихъ когда они ее искали, но часто бранилъ и самого себя за всѣ свои промахи. Онъ былъ человекъ совѣстливый, трудолюбивый, добрый, но съ нимъ трудно было ладить; горячій, нетерпѣливый, онъ легко раздражался когда съ нимъ не соглашались, самъ же никогда не признавался въ своихъ ошибкахъ. Всегда стремясь къ правдѣ, онъ часто прогибалъ ее, сокрушался о незначительной неудачѣ, но одержавъ значительную побѣду, тотчасъ же забывалъ о ней. Таковъ былъ мистеръ Квикенгамъ, котораго боялись не только всѣ его враги, но и многіе изъ друзей. Мистрисъ Фенвикъ признавалась что боится зятя, а священникъ хотя и не боялся, но былъ всегда на сторожѣ въ присутствіи великаго адвоката.

Мы не можемъ объяснить здѣсь какъ случилось то что мистеръ Чамберленъ былъ избавленъ отъ обязанности присутствовать при богослуженіи Страстной недѣли, но какъ бы то ни было, когда мистеръ Квикенгамъ пріѣхалъ въ Булгамтонъ, каноникъ гостилъ въ Вязникахъ. Онъ пріѣхалъ

туда въ началѣ недѣли, можетъ-быть съ дѣлюю, какъ предполагалъ мистеръ Фенвикъ, образумить племянника и внушить ему болѣе здравый взглядъ на дѣло съ миссъ Лоутеръ, а можетъ-быть, какъ увѣряла нелюбезная мистрисъ Фенвикъ, просто для того чтобъ избавиться отъ длинныхъ службъ Страстной недѣли, и предполагалъ вернуться въ Салисбери въ субботу. Въ четвергъ онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ Фенвикамъ, гдѣ долженъ былъ познакомиться съ мистеромъ Квикенгамомъ. Въ своемъ городѣ, среди своихъ прихожанъ, онъ считалъ бы неприличнымъ обѣдать въ гостяхъ на Страстной недѣлѣ, но въ деревенскомъ приходѣ, какъ онъ объяснилъ мистрисъ Фенвикъ, на эти вещи смотрять иначе.

Мистеръ Квикенгамъ пріѣхалъ часа за два до обѣда и тотчасъ же отправился со священникомъ взглянуть на оскорбительное зданіе, а мистрисъ Фенвикъ, которая никогда не ходила смотрѣть на него, осталась въ безопасныхъ предѣлахъ своей гостиной и начала описывать его ужасы сестрѣ.

— Это мѣсто до сихъ поръ считалось приходскою землею? спросилъ мистеръ Квикенгамъ.

— Право, не знаю, отвѣчалъ священникъ.— Сюда приходили играть дѣти, а когда выросло тутъ сколько-нибудь травы, соседскія коровы съѣдали ее.

— Было объявлено что она отдается въ аренду подъ зданіе?

— Конечно, нѣтъ. Лордъ Тробриджъ никогда не дѣлаетъ ничего подобнаго.

Адвокатъ обошелъ вокругъ мѣстечка измѣряя его шагами, какъ бы надѣясь этимъ способомъ узнать что-нибудь, потомъ, положивъ руки въ карманы и склонивъ голову на бокъ, онъ внимательно посмотрѣлъ на зданіе.

— Онъ отдалъ имъ землю въ подарокъ или въ наемъ? спросилъ онъ.

Священникъ объявилъ что ему ничего неизвѣстно объ условіяхъ агентомъ маркиза съ методистами.

— Они, можетъ-быть, такъ поспѣшили наказать васъ что ограничились словесными условіями. Какъ велика пространство церковной усадьбы?

— Говорятъ, сорокъ два акра.

— А вы сами не измѣряли?

— Никогда. Мнѣ рѣшительно все равно сколько тутъ акровъ, сорокъ одинъ или сорокъ три.

— Конечно, согласился адвокатъ.— Это такое пустынное

дѣло какихъ мнѣ не встрѣчалось, но во всякомъ случаѣ для васъ неприятное.

— И очень неприятное. Жанета ужасно горячится, но я рѣшилася смотрѣть равнодушно. Вѣдь въ сущности вреда большаго тутъ нѣтъ.

— Однако это оскорбленіе.

— Но если я могу показать что не оскорбляюсь, то оскорбленіе теряетъ силу. Прихожане, конечно, знаютъ что помѣщикъ дразнитъ меня.

— Именно дразнить.

— И они въ некоторое время будутъ дразнить меня въ подражаніе ему. Это, конечно, неприятно, потому что вредитъ моему вліянію и усиливаетъ расколъ въ ущербъ церкви. Мужчины и женщины будутъ ходить сюда только потому что маркизь покровительствуетъ часовнѣ. Все это я знаю, и мнѣ досадно, но во всякомъ случаѣ надо стараться смотрѣть на дѣло равнодушно.

— Кто здѣсь самый старый человѣкъ въ приходѣ? Самый старый изъ не потерявшихъ памяти?

Подумавъ немного, священникъ сказалъ что самый старый человѣкъ въ приходѣ мельникъ Бретль, и что онъ не только не потерялъ памяти, но можетъ рассказать все что помнить.

— Сколько ему лѣтъ, спросилъ адвокатъ.

Священникъ сказалъ что мельнику идетъ, кажется, седьмой десятокъ.

— Ходитъ онъ въ церковь?

Священникъ принужденъ былъ признаться что мельникъ никогда не ходилъ ни въ какую церковь.

— Я пойду къ нему завтра, во время утренней службы.

Священникъ поднялъ брови, но не выразилъ своего мнѣнія насчетъ того пристойно ли самому мистеру Квикенгаму не пойти въ церковь въ Страстную Пятницу.

— Можно сдѣлать что-нибудь, Ричардъ? спросила мистрисъ Фенвикъ.

— Конечно можно.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ я рада. Что же можно сдѣлать.

— Можно уступить.

— Вотъ чего я никогда не сдѣлаю! Это было бы малодушіемъ, я такъ и сказала Франку. Я не желала имъ зла пока они не трогали насъ, а теперь они наши враги, и я буду

доставать съ ними какъ съ врагами. Я сочла бы за безче-
стiе сидѣть въ одной комнатѣ съ маркизомъ Тробриджемъ.

— Вы легко можете избавиться себя отъ безчестiя, если бу-
дете стоять въ его присутствiи, сказалъ мистеръ Квикен-
гамъ. Онъ умѣлъ иногда состричь, но люди коренно его
знавшiе замѣтили что онъ острялъ когда хотѣлъ скрыть
свои мысли. Жена, услышавъ его острогу, была вполнѣ увѣ-
рена что въ головѣ его составила какой-нибудь планъ.

Въ четверть седьмого пришли мистръ Чамберленъ и
Джильморъ. Разговоръ продолжался о часовнѣ, и каноникъ
при удобномъ случаѣ выказалъ свое краснорѣчiе и ученость.
Пока въ комнатѣ были дамы, онъ блисталъ краснорѣчiемъ,
когда дамы ушли, онъ видимо старался блеснуть ученостью.
Онъ доказывалъ что маркизъ поступилъ совершенно закон-
но отдавъ землю подъ часовню, даже если есть сомнѣнiе
принадлежитъ ли ему эта земля, и объявилъ что, хотя самъ
онъ думаетъ иначе, но во всякомъ случаѣ часовню сочтутъ
вслѣдственнымъ зданiемъ въ приходѣ, и нигдѣ не дадутъ разрѣ-
шенiя сломать ее.

— Но онъ не имѣлъ права отдать чужую собственность,
сказалъ адвокатъ.

— Здѣсь не можетъ быть рѣчи о чужой собственности.
возразилъ каноникъ.

— Я въ этомъ не увѣренъ, сказалъ адвокатъ.— Земля эта,
можетъ-быть, не есть собственность одного какого-нибудь
лица, но если она есть собственность десяти, двадцати лицъ,
для маркиза она, все равно, чужая собственность.

— Но въ такомъ случаѣ можетъ возникнуть тяжба, замѣ-
тилъ священникъ.

— Весьма вѣроятно что дѣло дойдетъ до тяжбы, сказалъ
адвокатъ.

— Я увѣренъ что вы не нашли бы никакого основанiя на-
чать тяжбу, сказалъ каноникъ.

— Я съ вами не согласенъ, возразилъ Джильморъ.— Если
земля есть собственность всего прихода, онъ не имѣлъ права
распоряжаться частью прихода, потому что онъ помѣщикъ
своей земли, а не приходской.

— Мнѣ кажется, онъ имѣлъ право отдать ее подъ часовню,
сказалъ мистеръ Чамберленъ.

— А я думаю что не имѣлъ, возразилъ адвокатъ.— Но тѣмъ
не менѣе трудно будетъ доказать что онъ не правъ, а

часовня уже стоитъ тутъ какъ свершившійся фактъ. Еслибъ онъ захотѣлъ продать эту землю, а покупщики потребовали бы документъ на право владѣнія, я увѣренъ, ему не пришлось бы получить съ нихъ денегъ.

— Во всякомъ случаѣ его поступокъ не дѣлаетъ ему чести, сказалъ мистеръ Чамберленъ.

— И тутъ я не могу поддержать васъ, сказалъ адвокатъ.— Законы у насъ въ Англіи опредѣлены не ясно, а правила чести и совѣсьмъ не опредѣлены.

— Я не нуждаюсь чтобы мнѣ кто-нибудь опредѣлялъ ихъ, отвѣтилъ мистеръ Чамберленъ, которому совѣсьмъ не нравился мистеръ Квикенгамъ.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, но вопросъ о правилахъ чести все-таки остается спорнымъ вопросомъ. Человѣкъ можетъ дѣлать что ему угодно со своею собственностью, и вы не можете осуждать его въ безчестномъ поступкѣ, если онъ отдаетъ ее священнику который вамъ не нравится.

— Мы въ Салисбери посмотримъ на дѣло совѣсьмъ иначе.

— Очень можетъ быть что вы въ Салисбери смотрите на дѣло нѣсколько пристрастно, сказалъ адвокатъ.

Ни о чемъ другомъ не думалось и не говорилось въ домѣ настоятеля. Первое число іюня былъ день назначенный для открытія часовни, а въ то время шелъ еще апрѣль. Мистеръ Фенвикъ рѣшилъ что если богослуженіе начнется въ новой часовнѣ, оно будетъ тамъ продолжаться. Пока часовня не болѣе какъ зданіе, противъ нея можно возражать, но когда методистское краснорѣчіе, со всею своею силою, раздастся съ кафедръ, часовня обратится въ храмъ, а храмъ, хотя бы и неосвященный, неприкосновененъ. Священнику надоѣло носить въ сердцѣ свою обиду, хотѣлось забыть о ней. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія начать съ маркизомъ тяжбу о приходской собственности. Мѣсто свое онъ получилъ отъ коллегіи, и потому счелъ долгомъ сообщить правителю коллегіи о томъ что творится въ его приходѣ. Но онъ не надѣялся что коллегія вмѣшается въ дѣло которое, хотя и касается прихода, но не затрагиваетъ церковной собственности. Коллегія не станетъ тратить денегъ и наводить справки чтобы узнать принадлежитъ ли такой-то клочокъ земли приходу или маркизу. Правитель, его старый другъ, отвѣчалъ шутивымъ письмомъ, гдѣ совѣтовалъ ему вложить болѣе

жару въ свои проповѣди и этимъ способомъ взять верхъ надъ врагами.

— Мнѣ такъ надоѣла эта часовня, сказалъ въ тотъ день вечеромъ Фенвикъ женѣ,—что я ничего такъ не желалъ бы, какъ чтобы у насъ въ домѣ о ней не говорили.

— Тебѣ она надоѣла не больше чѣмъ мнѣ, отвѣчала жена.

— Я хочу сказать что она надоѣла мнѣ какъ предметъ разговора. Дѣло ужь сдѣлано, и мы должны уступить, какъ совѣтуетъ Квикенгамъ.

— Неужели ты ожидаешь сочувствія отъ Ричарда?

— Я никого не прошу сочувствовать мнѣ, я прошу молчать. Стоить только заставить себя думать что дѣло неоправимо, перестать толковать о немъ—какъ, помнишь, когда морозы погубили кусты, и какъ мы дѣлаемъ при всякомъ неприятомъ, но неоправимомъ случаѣ,—и чувство досады тотчасъ же исчезнетъ. О неоправимомъ нельзя сокрушаться.

— Да, но надо быть увѣреннымъ что дѣло неоправимо.

— А развѣ мы можемъ сдвинуть часовню?

— Шарлотта увѣрена что Ричардъ что-то придумалъ. Онъ неспособенъ сочувствовать, но онъ думаетъ, соображаетъ, и не откажется начать тяжбу.

— И разорить насъ своею тяжбой, сказалъ Фенвикъ.—Онъ думаетъ что это приходская земля, а не частная собственность.

— Все равно, они не имѣли права строить и на приходской землѣ.

— Все это такъ, но кто же теперь перенесетъ ее? И еслибъ я могъ это сдѣлать, что сказали бы обо мнѣ еслибъ я изъ упрямства сломалъ христіанскій храмъ?

— Никто не могъ бы осудить тебя, Франкъ.

— И наконецъ, врагъ мой маркизь Тробриджъ, а не часовня, и не мистеръ Пудельгамъ. Мнѣ досадно что маркизь сдѣлалъ мнѣ неприятность, но если я заставлю себя думать что тутъ нѣтъ никакой неприятности, я успокоюсь. Лордъ Тробриджъ не можетъ повредить мнѣ, а еслибъ и могъ, то не захотѣлъ бы.

— А я увѣрена что онъ воспользовался бы всякимъ удобнымъ случаемъ чтобы повредить тебѣ.

— Нѣтъ, милая, ты ошибаешься. Еслибъ онъ вдругъ получилъ право лишить меня мѣста, онъ не воспользовался бы

своимъ правомъ. Изъ того что человекъ способенъ нанести мелкую обиду не слѣдуетъ что онъ способенъ повредить. Милая моя, ты мнѣ сдѣлаешь величайшее удовольствіе, величайшую милость, если перестанешь маружно, а если можно, и въ душѣ, относиться враждебно къ этой часовнѣ.

— О, Франкъ!

— Я прошу оказать мнѣ большую милость, возвратитъ мнѣ покой.

— Я, конечно, буду стараться, Франкъ.

— Вотъ какая умница. Теперь я не буду больше мучиться. На чтò это похоже что безобразная куча кирпичей, и къ тому же предназначенная для добраго дѣла, дѣлаетъ изъ меня страдальца, потому что стоитъ за моими воротами.

— Я постараюсь забыть о ней, сказала жена.

На слѣдующее утро, въ Страстную Пятницу, мистрисъ Фенвикъ, отправляясь въ церковь, прошла въ ворота, чтобы доказать мужу что старается исполнить обѣщаніе. Мужъ шелъ впереди. Проходя мимо часовни, она взглянула на сестру, содрогнулась и отвернулась, но это было сдѣлано невольно.

Между тѣмъ Квикенгамъ собирался на мельницу. Маленькое изслѣдованіе которое онъ намѣревался произвести въ этотъ день казалось ему болѣе праздничнымъ препровожденіемъ времени чѣмъ двухъ-часовое присутствіе при богослуженіи. Въ Свѣтлое Воскресенье придется принести эту жертву, если впрочемъ не помѣшаетъ головная боль, или спѣшныя письма въ Лондонъ, или какое-нибудь другое благодѣтельное занятіе не явится на выручку. У себя дома мистеръ Квикенгамъ ходилъ въ церковь такъ рѣдко какъ только было возможно, но все же ходилъ, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ безбожіи. Въ сущности, его религиозное усердіе равнялось усердію Джорджа Бретля. Но Джорджъ Бретль сдѣлалъ точную сдѣлку со своею совѣстью. Одно воскресенье онъ шелъ въ церковь, а другое оставался дома, и такимъ образомъ устанавливалъ равновѣсіе между требованіемъ долга и человѣческой немощью. Мистеръ Квикенгамъ не смотрѣлъ на дѣло съ такой же философской точки зрѣнія. Онъ даже не зналъ почему шелъ въ церковь, или почему не шелъ. Но когда онъ приходилъ въ церковь, у него являлось какое-то непріятное чувство лживости своего поступка, а когда оставался дома, ему казалось что онъ не исполняетъ долга. Но

Джорджъ Бретль все это устроилъ такъ что былъ вполне доволенъ.

Мистеръ Квикенгамъ распросилъ о дорогѣ и пошелъ на мельницу по тропинкѣ вдоль берега рѣки. На пути онъ не смотрѣлъ ни на рѣку, ни на распускавшіяся деревья, ни на зеленныя изгороди, но встрѣчая поселянъ, онъ бессознательно разсматривалъ ихъ, и послѣ могъ бы довольно подробно описать ихъ костюмъ. Онъ улыбнулся увидѣвъ гуляющую молодую мету которая, встрѣтясь съ нимъ, не подумала увеличить разстояніе между собой. Такія вещи онъ замѣчалъ, но рѣка, изгороди, чириканье птицъ не привлекали его вниманія.

На дорогѣ онъ встрѣтилъ старую мельничиху, совершавшую свой трудный путь въ церковь. Онъ ея не зналъ, не говорилъ съ ней, но почему-то былъ вполне увѣренъ что видѣлъ жену Бретля. На мосту отдѣлявшемъ мельницу отъ дома стоялъ старый Бретль, погрузивъ руки въ карманы, и говорилъ что-то дочери Фанни. Увидавъ незнакомца, Фанни тотчасъ же скрылась въ домъ, а Бретль остался на томъ же мѣстѣ, подозрительно поджидая незнакомца, и еще глубже опустилъ руки въ карманы, рѣшившись не вынимать ихъ для дружескаго привѣтствія. Адвокатъ поклонился и назвалъ его по имени, и тогда мельникъ вынулъ руку, притронулся къ шляпѣ, и совершивъ эту церемонію, поспѣшилъ опять спрятать руку. Мистеръ Квикенгамъ объяснилъ что пришелъ отъ настоятеля, что онъ зять мистрисъ Фенвикъ и адвокатъ. На каждое изъ этихъ объясненій Бретль слегка кивалъ головою, что должно было означать что онъ принимаетъ ихъ не много лучше чѣмъ съ полнымъ неодобреніемъ. Въ настоящее время мистеръ Фенвикъ былъ у него въ немилости, и онъ не расположенъ былъ принимать любезно посѣтителей приходившихъ изъ его дома. Мистеръ Квикенгамъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— Вы слышали, мистеръ Бретль, о часовнѣ которую строятъ противъ воротъ настоятеля?

Бретль отвѣчалъ что слышалъ, но самъ часовни не видалъ.

— Но вы помните то мѣсто.

— Какъ не помнить!

Мальчикомъ и взрослымъ, онъ зналъ его цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ. По его мнѣнію, отлочно сдѣлали что хоть къ чему-нибудь приспособили это мѣсто.

— Не знаю, правы ли вы, сказалъ адвокатъ.

— Лѣтъ сорокъ оно никому не приносило пользы, сказалъ мельникъ.

— А развѣ прежде оно приносило какую-нибудь пользу.

— Священникъ, который тогда былъ у насъ, держалъ овецъ.

— А, такъ вотъ что! И онъ, вѣроятно, кормилъ ихъ тамъ? Это тотъ священникъ который былъ тутъ предъ мистеромъ Фенвикомъ?

— Нѣтъ, какъ это можно. Послѣ него у насъ былъ еще мастеръ Брандонъ. Онъ здѣсь ни разу не былъ, а держалъ курата. Это предъ нимъ у насъ былъ священникъ Смольбонсъ.

— Такъ мистеръ Смольбонсъ держалъ овецъ?

— А послѣ Брандона былъ у насъ мистеръ Тринвей. Онъ былъ здѣсь священникомъ тридцать лѣтъ, у насъ тутъ и умеръ. Ужъ послѣ него пріѣхалъ мистеръ Фенвикъ.

— Это онъ держалъ овецъ?

— Не слыхалъ я что-то чтобъ онъ держалъ овецъ. И чѣмъ ему было держать ихъ, онъ хозяйствомъ не занимался. Ни жены у него не было, ни дѣтей, ничего такого у него не было. Онъ былъ хорошей человѣкъ, этотъ мистеръ Тринвей, въ чужія дѣла не совался.

— Священникъ Смольбонсъ былъ чѣмъ-то въ родѣ фермера?

— Чѣмъ-то въ родѣ фермера? Да они всѣ тогда были все равно что фермеры. Я былъ тогда еще мальчишка, а я его хорошо помню. Онъ носилъ парикъ и старые черные штіблеты и знать не хотѣлъ что его, а что не его.

— Но овцы-то были его собственные?

— А то чьи же, сэръ?

— Что же, у него на томъ мѣстѣ была сдѣлана загородка для нихъ?

— Съ ними, я думаю, ходилъ мальчикъ, сэръ. Въ то время для овецъ не строили загородокъ какъ теперь. Тогда мальчики были дешевы.

— Священникъ не пускалъ туда чужихъ овецъ?

— Какъ не пускалъ! Мистеръ Смольбонсъ не пропускалъ случая забрать себѣ чужую овцу.

— Да? Такъ эта замашка у нихъ издавна ведется. Они берутъ хорошей примѣръ у своихъ епископовъ. Но по какому праву онъ пользовался этимъ мѣстомъ для своихъ овецъ?

— Почему намъ здать, по какому праву. Я не знаю по какому праву и мистеръ Фенвикъ пользуется лугами на той

сторонѣ рѣки, которые у него арендуютъ фермеръ Пирсъ. Однако онъ считаетъ ихъ своими, и Пирсъ платитъ ему за наемъ.

— Ну, это понятно: церковная земля.

— Да, говорятъ церковная земля, подтвердилъ мельникъ.

— А послѣ священника Смольборса ни одинъ изъ священниковъ не извлекалъ никакой пользы изъ этого клочка земли.

— Нѣтъ. Мистеръ Брандонъ, я вамъ говорилъ, тутъ и не жилъ. Я его не видалъ ни разу. Его потомъ послали епископомъ куда-то въ Ирландію. У него былъ дядя лордъ. Потомъ тутъ былъ мистеръ Тринвей.

— Онъ такими пустяками не занимался?

— Нѣтъ, онъ не держалъ овецъ. При немъ старухи стали гонять туда коровъ, ребятки собирались туда поиграть, а подчасъ и лошадей пускали. Вотъ, наконецъ, мистеръ Пудельгамъ взялъ землю себѣ подъ часовню. Можетъ-быть, теперь, сэръ, она пригодится и адвокатамъ, сказалъ мельникъ и засмѣялся своей остротѣ.

— И они извлекутъ изъ нея больше пользы чѣмъ всѣ прежніе владѣльцы, сказалъ мистеръ Квикенгамъ. Онъ дѣйствительно сожалѣлъ что интересное судебное дѣло пропадетъ даромъ, хотя всѣми силами постарался бы отклонить зата своей жены отъ тяжбы.

Мистеръ Квикенгамъ простился съ мельникомъ, вполне увѣренный что сдѣлалъ важное открытіе, но такъ какъ онъ во всемъ любилъ точность, то возвратившись домой не сказалъ ни слова о разговорѣ съ мельникомъ. Мистеру Фенвику очень естественно было бы спросить о результатѣ утренней экспедиціи адвоката, но онъ рѣшился не думать и не говорить о своей неприятности и постараться забыть мистера Пудельгема и его часовню, и потому ничего не спросилъ. Мистрисъ Фенвикъ терзалась любопытствомъ, но она дала мужу слово молчать, и намѣрена была исполнить обѣщаніе. Но если сестра сама скажетъ ей что-нибудь, ужъ это будетъ не ея вина.

XLIII. Пасха въ Торноверскомъ замкѣ.

Не въ одномъ Булгамптонѣ методистская часовня обращала на себя всеобщее вниманіе. Въ Торноверѣ о ней говорилось тоже ни мало, и маркизъ былъ не совсѣмъ спокоенъ.

Епископъ писалъ ему объ этомъ дѣлѣ и доказывалъ что маркизъ своимъ поступкомъ оскорбляетъ настоящаго и будущаго священниковъ того прихода, о пользѣ и спокойствіи котораго онъ, какъ помѣщикъ, обязанъ заботиться. Маркизъ отвѣтилъ епископу тономъ непреклонной рѣшимости. Булгамптонскій викарій, по его мнѣнію, относился къ нему всегда съ пренебреженіемъ, а иногда съ непростительною дерзостью, и онъ не намѣренъ былъ щадить настоятеля. Булгамптонскіе методисты нуждаются въ часовнѣ, а онъ въ правѣ располагать своею собственностью. Разсуждая такимъ образомъ, онъ отвѣчалъ епископу со спокойною твердостью, но въ душѣ не былъ спокоенъ. Онъ считалъ себя преданнымъ господствующей церкви, и совесть мучила его, когда онъ вспоминалъ что поступаетъ во вредъ церкви, а слѣдовательно и государству, вмѣсто того чтобы служить имъ своимъ вліяніемъ. Главный агентъ его тоже колебался и совѣтовалъ подождать. Его знатныя дочери, привыкшія относиться къ имени Фенвиковъ съ отвращеніемъ, тѣмъ не менѣе не одобряли постройки. Все населеніе Булгамптона толковало о часовнѣ, а толки толпы имѣли доступъ къ знатымъ дочерямъ дома Стоутъ.

— Папа, сказала леди Каролина,—не лучше ли было бы построить часовню не много подальше отъ настоятельской усадьбы?

— Другой священникъ, можетъ-быть, будетъ совѣтъмъ другаго рода человѣкъ, замѣтила леди Софи.

— Не ваше дѣло, отвѣчалъ маркизъ. Онъ требовалъ отъ своихъ дочерей безусловнаго повиновенія, хотя и полагалъ что весь свѣтъ обязанъ относиться къ нимъ съ благоговѣніемъ, но себя и ихъ старшаго брата онъ исключалъ изъ числа всѣхъ.

Старшій братъ въ Торноверѣ считался высочайшею особой во всемъ мірѣ. Самъ маркизъ боялся сына и относился къ нему съ необыкновеннымъ почтеніемъ. Наслѣдникъ всѣхъ почестей фамиліи Стоутъ стоялъ во мнѣніи маркиза выше того кто обладалъ ими. Это убѣжденіе происходило не только отъ добросовѣстнаго сознанія отца что сынъ значительно умнѣе его самого, лучше знаетъ свѣтъ и пользуется бѣльшимъ уваженіемъ отъ окружающихъ, но отчасти и отъ мысли что человѣкъ, которому предстоитъ пользоваться почетомъ высокаго положенія еще тридцать и, можетъ-быть,

пятьдесятъ лѣтъ, значительнѣе того чья власть окончится черезъ восемь или десять лѣтъ. Своего наследника онъ считалъ чуть ли не за божество. Когда дѣла въ Торноверѣ приходили въ расстройство, онъ самъ и дочери его подчинялись неприятели, но это никоимъ образомъ не должно было стѣснять лорда Сентъ-Джорджа. Старыя каретныя лошади замѣнялись новыми къ прїѣзду сына; выкрашенные рамы новой теплицы были сняты чтобы до него не дошелъ запахъ краски; въ дичь никто не смѣлъ стрѣлять выстрѣла, пока онъ самъ не прїѣдетъ стрѣлять ее. И при всемъ томъ лордъ Сентъ-Джорджъ никогда не былъ человѣкомъ напыщеннымъ, и въ сношеніяхъ со свѣтомъ не требовалъ къ себѣ такого почтенія какъ его отецъ.

Въ этотъ годъ лордъ Сентъ-Джорджъ прїѣхалъ на Пасху въ Торноверъ съ цѣлью убить двухъ птицъ однимъ камнемъ, воспользоваться парламентскимъ отпускомъ, и обдѣлать одно дѣльце съ отцомъ. Нерѣдко случалось что онъ находилъ нужнымъ умѣрить высокое всемогущество отца. Онъ даже доходилъ до того что доказывалъ отцу что въ наши дни маркизы мало чѣмъ отличаются отъ прочихъ смертныхъ, развѣ только тѣмъ что у нихъ больше денегъ. Маркизь во глубинѣ души возмущался, не смѣя спорить съ сыномъ, и сокрушался объ извращенныхъ понятіяхъ молодыхъ людей. Онъ вѣровалъ въ несокрушимость древнихъ сословныхъ раздѣленій и полагалъ что глава великой фамиліи подобенъ патриарху, которому обязаны повиноваться всѣ окружающіе. Сынъ же думалъ что всякій человѣкъ можетъ требовать себѣ столько повиновенія сколько можетъ купить деньгами, но не болѣе. Маркизь ужасался, но сынъ былъ наследникъ, и ему было все позволено.

— Мнѣ очень неприятна эта булгамптонская часовня, сказалъ сынъ послѣ обѣда.

— Отчего же неприятна, Сентъ-Джорджъ? Я думалъ, ты раздѣляешь мое мнѣніе что методистамъ полезно имѣть часовню.

— Конечно, если они такъ глупы что имъ понадобилась часовня, когда у насъ много церквей. Нѣтъ никакой причины желать чтобы они не имѣли часовни, такъ какъ мы уже убѣдились что ничѣмъ не можемъ помѣшать распространенію раскола.

— Конечно не можемъ, Сентъ-Джорджъ.

— Не можемъ, потому что въ религіи, какъ и во всемъ

другомъ, люди любятъ поступать по-своему. Какой-нибудь фермеръ или купецъ обращается въ расколъ только потому что въ своей часовнѣ онъ будетъ играть роль, а въ отношеніи къ церкви онъ былъ ничто.

— Какъ это ужасно!

— Не хуже, однако, нашихъ единовѣрцевъ, которые держатся господствующей церкви только ради приличія. Изъ пятидесяти человекъ едва ли одинъ искренне убѣжденъ что его вѣроисповѣданіе лучше другихъ.

— Я, конечно, причисляю себя къ числу немногихъ, оказалъ маркизъ.

— Конечно, иначе и быть не можетъ, потому что вамъ даны всѣ преимущества. Но возвратимся къ булгамптонской часовнѣ. Не думаете ли вы что ей не мѣшало бы стоять подалеже отъ усадьбы священника?

— Она ужъ построена, Сентъ-Джорджъ.

— Не можетъ быть чтобъ они ее такъ скоро кончили.

— Неужели же ты хочешь чтобъ я велѣлъ имъ сломать ее? Пакеръ былъ у меня вчера, и говорилъ что срубъ крыши ужъ поставленъ.

— Почему они такъ спѣшать? Изъ ненависти къ священнику, вѣроятно?

— Онъ самый неблагонамѣренный человекъ, Сентъ-Джорджъ; дерзкій, высокомерный, даже совсѣмъ не похожъ на священника. Говорятъ, онъ самъ едва ли не безбожникъ.

— Не лучше ли предоставить это епископу, милордъ.

— Отчасти это касается и насъ, потому что мы сами принадлежимъ къ приходу.

— Не думаю чтобы намъ прилично было вмешиваться въ приходскія распри.

— Для часовни нельзя было найти лучшаго мѣста въ Булгамптонѣ, сказалъ маркизъ.—Я самъ наводилъ справки. Я, правда, очень не люблю Фенвика, но я не имѣлъ намѣренія оскорбить его.

— Ему однако сдѣлано ужасное оскорбленіе.

— Это случайность.

— И я не буду нисколько удивленъ, если окажется что мы сдѣлали ошибку.

— Какую ошибку?

— Отдали не принадлежащую намъ землю.

— Кто смѣетъ говорить что она не принадлежитъ намъ?

воскликнулъ маркизъ. Такое невѣроятное, жестокое предположеніе вывело его изъ себя и заставило даже забыть чувство благоговѣнія къ сыну.—Ты сказалъ просто безсмыслицу, Сентъ-Джорджъ.

— Вы смотрѣли документы?

— Документы у Бусби, но Пакеръ знаетъ каждый футъ нашихъ владѣній, если ты предполагаешь что я самъ ихъ не знаю.

— Я въ грошъ не ставлю знаній Пакера.

— Они и сами не сомнѣваются въ принадлежности этой земли.

— А я слышалъ что сомнѣваются. Они говорятъ что это приходская земля. И очень можетъ быть. Она никогда не отдавалась въ аренду, никогда не была огорожена.

— То же самое ты можешь сказать о лугѣ за нашими воротами, гдѣ стоитъ большой дубъ, но изъ этого не слѣдуетъ что онъ принадлежитъ приходу.

— Я ничего не утверждаю, я хотѣлъ только сказать что могутъ встрѣтиться затрудненія, если придется доказать наши права. Неприятно уже то что отъ насъ могутъ потребовать доказательствъ.

— Что же, ты думаешь, намъ надо сдѣлать?

— Перенести на свой счетъ часовню на безспорное мѣсто

— То-есть прямо признаться въ своей ошибкѣ?

— А почему же не признаться? Я не вижу никакого униженія въ томъ что мы поступимъ честно и признаемся что ошиблись. Отдавая землю, мы считали ее своею; явилась тѣмъ сомнѣнія, — мы назначаемъ другое мѣсто и беремъ на себя издержки. По моему мнѣнію, намъ нельзя поступить иначе.

Черезъ два дня послѣ вышеописаннаго разговора лордъ Сентъ-Джорджъ уѣхалъ изъ Торновера. Онъ часто вмѣшивался въ дѣла своего отца, но никогда не приказывалъ и рѣдко настаивалъ. Онъ сказалъ что ему нужно было сказать, и предоставилъ маркизу дѣйствовать какъ ему угодно. Но маркизъ по опыту зналъ что не послушаться сына значило навѣрно попасть въ затруднительное положеніе. Сына всегда оказывался правъ, что теперь не мало смущало маркиза. Надо не только уступить мистеру Фенвику въ глазахъ всего Булгамптона и Пудельгама, но еще сознаться въ незнаціи границъ своихъ владѣній и отказаться отъ клочка земли который онъ до сихъ поръ считалъ принадлежащимъ

фамиліи Стоутъ. Изъ всѣхъ убѣжденій лорда Тробриджа твердо же всѣхъ было убѣжденіе въ неприкосновенности своихъ владѣній, и онъ твердо рѣшилъ что въ періодъ его правленія они не убавятся ни на одинъ вершокъ.

XLIV. Донриппельскіе родственники.

— Когда я умру, не останется никого кромѣ васъ. Вы должны это помнить и не думать о повѣздкѣ въ Индію.

Слова эти были сказаны въ Донриппелѣ Вальтеру Маррабель его двоюроднымъ братомъ Грегори, единственнымъ сыномъ сэръ-Грегори.

— А если я умру въ Индіи, что, вѣроятно, скоро случится, кто будетъ слѣдующимъ за мной наслѣдникомъ, спросилъ Вальтеръ.

— Вы послѣдній наслѣдникъ титула.

— А къ кому перейдетъ состояніе.

— При настоящемъ положеніи дѣлъ, еслибы вы и я умерли раньше вашего отца и дяди, тотъ изъ нихъ который пережилъ бы другаго былъ бы послѣднимъ въ родѣ. Еслибы мы всѣ умерли не сдѣлавъ завѣщанія, состояніе перешло бы къ Мери Лоутеръ. Но это едва ли возможно. Когда мой дѣдъ дѣлалъ завѣщаніе, во время женитьбы моего отца, у него было четыре сына.

— Если состояніе попадетъ въ руки къ моему отцу, я ручаюсь что послѣ него никто ничего не получитъ, сказалъ Вальтеръ.

— Еслибы вы женились, тогда, конечно, было бы сдѣлано новое завѣщаніе въ вашу пользу. Вашъ отецъ не могъ бы повредить, развѣ только какъ вашъ наслѣдникъ. Но дядя Джонъ переживетъ его.

— Дядя Джонъ будетъ жить вѣчно, сказалъ Вальтеръ.

Этотъ разговоръ произошелъ между двумя родственниками послѣ того какъ Вальтеръ прожилъ въ Донриппелѣ недѣли двѣ или три. Онъ пріѣхалъ туда съ намѣреніемъ прогостить дня два или три, но потомъ принялъ приглашеніе остаться у дяди все время до отъѣзда изъ Англіи. Онъ совсѣмъ не зналъ своего дядю и двоюроднаго брата когда пріѣхалъ къ нимъ, онъ былъ увѣренъ что они не расположены къ нему, потому что зналъ какъ они не любили его отца. Полковникъ

Маррабель, младшій братъ сэръ-Грегори, никогда не довольствовался тѣмъ что давалъ ему глава семейства, котораго онъ считалъ за свою дойную корову. Даже убѣдившись въ безчестности отца, Вальтеръ сохранилъ чувство нерасположенія къ дядѣ и двоюродному брату. Онъ считалъ ихъ тупоумными, злыми эгоистами, и только по настоянію дяди, священника, рѣшился посѣтить ихъ. Какъ же былъ онъ удивленъ когда, пріѣхавъ къ нимъ, встрѣтилъ дружелюбный пріемъ, и жизнь ихъ показалась ему не скучною, хотя и очень спокойною. Въ Донриппелѣ жила нѣкто мистрисъ Броумло, вдова, сестра покойной леди Маррабель, съ дочерью, Юдифью Броумло. Вальтеръ Маррабель до сихъ поръ такъ мало интересовался Донриппелемъ что даже не зналъ о существованіи Броумло, и пріѣхавъ, долженъ былъ спросить кто эти дамы.

Дядя, сэръ-Грегори, по вѣншиности и образу жизни оказался именно такимъ какимъ воображалъ его Вальтеръ. Баронетъ былъ старъ и любилъ угождать себѣ во всемъ, считая себя больнымъ человѣкомъ. Онъ вставалъ поздно и проводилъ день съ помощью дворецкаго, романа, а иногда дѣктора. Онъ много спалъ и никогда не уставалъ говорить о самомъ себѣ. Въ жизни у него не было никакихъ обязанностей, но онъ былъ добръ, благороденъ и умѣлъ уважать людей. Но сынъ его очень удивилъ Вальтера. Грегори Маррабель младшій былъ немного старше сорока лѣтъ, но на видъ ему казалось лѣтъ шестьдесятъ. Онъ былъ очень высокъ и худъ, съ узкою грудью, и такъ сутуловатъ что казался почти горбатымъ, близорукъ въ высшей степени и со всѣмъ плѣшивъ. Голова его такъ выдавалась впередъ что, казалось, она готова упасть. Онъ ходилъ переваливаясь, и ноги его были едва способны переводить его изъ одной комнаты въ другую, а изъ дома онъ никогда не выходилъ, исключая тѣ рѣдкіе случаи когда въ воскресенье отправлялся въ церковь въ низенькомъ фавтонѣ. Но въ одномъ отношеніи онъ не былъ похожъ на отца. Все свое время онъ проводилъ надъ книгами, и во время посѣщенія Вальтера былъ занятъ пересмотромъ и редижированіемъ очень длинной, непоятной старой англійской хроники въ стихахъ, которую намѣрено было издать одно изъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ Лондона. Чоусеръ былъ его любимый поэтъ, а произведенія Гоуера онъ прочелъ на англійскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Но самъ онъ былъ, во

вѣдѣности, такъ же старъ какъ его томы съ готическими буквами. Вальтеръ не могъ повѣрить что это его двоюродный братъ, ему казалось что отецъ и дядя Джонъ моложе младшаго Грегори Маррабель. Вѣчный кашель и различные тѣлесныя недуги никогда не покидали его, но онъ обращалъ на нихъ мало вниманія и принималъ ихъ какъ неизбежное. Домъ съ такими обитателями былъ бы очень мраченъ, еслибъ его не оживляли женщины.

Вальтеръ скоро замѣтилъ что на него смотрятъ какъ на члена семейства, даже какъ на наследника семейства. Между нимъ и титуломъ съ состояніемъ стояли только четыре старыя жизни. Какъ онъ не зналъ этого, прежде чѣмъ рѣшился разстаться съ Мери Лоутеръ! Но онъ дѣйствительно до сихъ поръ ничего не подозрѣвалъ. Зная что есть Маррабель сынъ, одного съ нимъ поколѣнія, который можетъ жениться и имѣть дѣтей, онъ не думалъ о вѣроятности получить наследство. Ему никогда въ голову не приходило что вѣтъ надобности ѣхать въ Индію, потому что есть надежда пережить четырехъ стариковъ и сдѣлаться сэръ-Вальтеромъ Маррабель и обладателемъ Донриппля.

И теперь онъ не повялъ бы своего положенія, еслибъ ему его не объяснилъ двоюродный братъ. Въ Донриппелѣ его никто не спросилъ о Мери Лоутеръ, но о немъ самомъ говорилось очень много. Грегори Маррабель настойчиво совѣтовалъ ему не ѣздить въ Индію, такъ настойчиво, что Вальтеръ былъ даже удивленъ что такой человекъ какъ его двоюродный братъ можетъ такъ много говорить о такомъ предметѣ. Молодой капитанъ затруднялся объяснить прямо что, хотя онъ и будущій наследникъ, но не такой близкій человекъ чтобы могъ разчитывать на поддержку отъ главы семейства; но онъ зналъ что это единственный отвѣтъ на предложеніе остаться въ Англіи и ждать титула сэръ-Вальтера Маррабель. Онъ сказалъ своему двоюродному брату что вслѣдствіе потери состоянія, по милости отца, онъ можетъ жить только въ такомъ краю свѣта, гдѣ ему будутъ давать достаточное на его потребности жалованье.

— Развѣ вы не можете служить въ Англіи за небольшое жалованье, или совсѣмъ выйти въ отставку, поселиться здѣсь и жениться на Юдиен Броумо?

— Я этого не могу сдѣлать, сказалъ Вальтеръ нервнѣе.

— Почему же не можете? Вы ничѣмъ такъ не могли бы угодить отцу.

Грегори Маррабель замолчалъ; но видя что Вальтеръ не отвѣчаетъ, онъ продолжалъ:

— Десять лѣтъ тому назадъ, когда она еще была дѣвочкой и рѣшено было что она будетъ жить у насъ, отецъ предложилъ мнѣ жениться на ней.

— Почему же вы не женились?

Старшій братъ улыбнулся, покачалъ головой и громко закашлялъ.

— Почему не женился? Вы, я думаю, сами видите почему. Я былъ старикомъ, когда она была еще дѣвочкой. Теперь ей двадцать четыре, а я, вѣроятно, умру года черезъ два.

— Что за пустяки!

— Я съ тѣхъ поръ былъ два раза на шагъ отъ смерти. Да теперь и отецъ потерялъ надежду что я могу жениться.

— Развѣ онъ такъ любитъ миссъ Броунло?

— Онъ никого не любитъ такъ какъ ее. Это очень естественно, потому что у него никогда не было дочерей, а Юдиень замѣнила ему дочь. Ему ничто не было бы такъ пріятно какъ еслибы она сдѣлалась хозяйкой въ Довриппель.

— Очень жаль что это невозможно, сказалъ Вальтеръ.

— Почему же невозможно? Тогда не было бы необходимости ѣхать въ Индію. Мой отецъ считалъ бы васъ своимъ сыномъ. Вашъ отецъ переживетъ меня и отца, и поселится здѣсь на всю жизнь. Почему же не устроить такъ чтобы помѣстье перешло прямо къ вамъ?

— Знаю что это невозможно, повторилъ Вальтеръ.

Много мыслей зародилось въ его головѣ. Зачѣмъ не зналъ онъ сколько благъ ожидаетъ его прежде чѣмъ разстался съ Мери Лоутеръ? А что еслибы онъ посѣтилъ Довриппель тогда, когда еще не ѣздилъ въ Лорингъ? Какъ устроились бы дѣла съ другою дѣвушкой? Юдиень Броунло не была такъ хороша какъ Мери, но очень недурна, добра, благовоспитана, весела, съ примѣсю спокойнаго юмора,—однимъ словомъ, такая дѣвушка которой не трудно найти мужа. А какъ легко жилось въ Довриппель! Два Маррабеля были стары и больны, и Вальтеру предоставлено было дѣлать у нихъ все что угодно. Ему предложили охотиться. Даже слуги, смотритель за дичью, грумъ и старшій дворецкій, смотрѣли на него какъ

на наслѣдника. Какъ легко было бы выйти изъ затруднительнаго положенія въ которое поставилъ его отецъ, еслибъ ему не вздумалось сѣздить въ Лорингъ.

— Почему же невозможно? спросилъ Грегори Маррабель.

— Потому что нельзя полюбить по заказу. И какое право имѣю я разчитывать что она захочетъ быть моею женой?

— Конечно захочетъ. Почему же ей не захотѣтъ? Всѣ окружающіе будутъ склонять ее въ вашу пользу. Что же касается до того можно ли полюбить ее, я объявляю вамъ что лучшаго существа чѣмъ Юдиѳъ Броунно вамъ не найти во всемъ мірѣ.

Прежде чѣмъ окончилось время охоты, капитанъ Маррабель оставилъ намѣреніе отправиться въ Индію и остался на время въ полку съ тѣмъ чтобы служить въ Англіи. Онъ рѣшился на это послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія съ дядей. Капитанъ Маррабель не зналъ, извѣстно ли его дядѣ и двоюродному брату объ его прошлыхъ отношеніяхъ съ Мери Лоутеръ. Дядя ни разу не намекнулъ ему на женитьбу, но часто говорилъ что къ нему со временемъ перейдетъ состояніе, и выражалъ сожалѣніе что послѣдній наслѣдникъ и единственный человѣкъ въ ихъ родѣ способный продолжать фамилію и титулъ уѣзжаетъ въ Индію во цвѣтъ лѣтъ. Онъ не предложилъ ему денегъ, но сказалъ, что если ему вздумается оставить службу или взять отпускъ, онъ можетъ считать ихъ домъ своимъ домомъ. Лошади будутъ къ его услугамъ, и на него во всѣхъ отношеніяхъ будутъ смотрѣть какъ на члена семейства.

— Поймайте отца на словѣ, сказалъ Грегори Маррабель, — и вы никогда не будете нуждаться въ деньгахъ.

Послѣ долгаго раздумыванья Вальтеръ Маррабель воспользовался совѣтомъ двоюроднаго брата и покинулъ навсегда мысль ѣхать въ Индію.

Принявъ окончательное рѣшеніе, онъ написалъ Мери Лоутеръ: „Не ужасно ли“, говорилъ онъ въ письмѣ, „что рѣшеніе, столь желанное по многимъ причинамъ, не сопровождается другимъ, еще болѣе желаннымъ.“ Но онъ не возобновилъ предложенія. Онъ зналъ что не можетъ такъ поступить, изъ уваженія къ двоюродному брату и дядѣ. Онъ принялъ ихъ гостепріимство и остался по ихъ совѣту въ Англіи не сказавъ имъ ни слова о Мери Лоутеръ. Они предложили ему

свой домъ, но не разчитывали что онъ привезетъ съ собой жену и будетъ жить у нихъ съ семействомъ. Онъ ничего такъ не желалъ какъ остаться въ Англіи, и думалъ что это можетъ способствовать возобновленію отношеній съ Мери Лоутеръ въ будущемъ, но о послѣднемъ онъ не упомянулъ въ своемъ письмѣ. Онъ разказалъ фактъ, на сколько онъ касался его самого, и разказалъ довольно холоднымъ тономъ. Объ Юдиен Броунло и о предложеніи которое ему сдѣлали относительно ея, онъ, конечно, не сказалъ ни слова.

Сэръ-Григорі, какъ и сынъ его, желалъ чтобъ ихъ новый сожитель женился на Юдиен Броунло. Старикъ, требовавшій съ болѣзненною настойчивостью чтобы сынъ женился на его любимицѣ, оставилъ эту мысль какъ только пріѣхалъ племянникъ. Если Вальтеръ женится на Юдиен, это разрѣшитъ всѣ семейныя затрудненія и дастъ старику возможность наградить ее какъ свою дочь. Онъ очень любилъ Юдиенъ и не могъ помириться съ мыслию что ей когда-нибудь придется покинуть Донриппель. Онъ съ горестію представлялъ себѣ какъ его наслѣдники, о которыхъ онъ не зналъ ничего хорошаго, поселятся въ Донриппель, а Юдиенъ останется безъ пріюта. Еслибы сынъ его женился на ней, все устроилось бы какъ нельзя лучше, но подъ конецъ сэръ-Грегори началъ самъ убѣждаться что такой бракъ невозможенъ. Въ это время случилась ссора между полковникомъ и Вальтеромъ, и послѣдній былъ принятъ въ милость. Полковнику не позволяли переступить чрезъ порогъ Донриппеля, такой сильный ужасъ внушилъ онъ тамъ, и сына боялись точно также, пока сынъ былъ заодно съ отцомъ. Но теперь отецъ, всегда оскорблявшій все семейство, самымъ жестокимъ образомъ оскорбилъ сына, и потому сынъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями. О помолвкѣ Вальтера съ Мери Лоутеръ никто изъ нихъ не слышалъ. Два или три раза въ годъ священникъ Джонъ и племянникъ его Грегори обмѣнивались письмами, но письма были всегда очень кратки, а священникъ Джонъ менѣе всѣхъ способенъ былъ болтать безъ цѣли о любовной исторіи. Онъ зналъ что дѣло кончится ничѣмъ, и не считалъ нужнымъ сообщать о немъ.

Вальтеръ долженъ былъ отправиться въ поѣздъ, въ Виндзоръ, въ концѣ апрѣля. Когда онъ написалъ Мери Лоутеръ, ему оставалось пробыть только двѣ недѣли въ Донриппелѣ. Онъ

рѣчи замѣчательна. И однако я соотечественника въ немъ не „чувствовалъ“.

Онъ продолжалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Вы вѣроятно нашли что я слишкомъ долго медлил своимъ вторымъ къ вамъ посѣщеніемъ. Это потому что долженъ былъ внимательно обдумать какъ мнѣ быть съ вами. Я долго колебался. Самые странныя обстоятельства свели васъ съ человекомъ который порвалъ всѣ связи съ остальными людьми. Вы нарушили мое спокойствіе.....

— Невольно, отвѣтилъ я.

— Невольно! повторилъ незнакомецъ, нѣсколько повысивъ свой голосъ.—Развѣ *Абраамъ Линкольнъ* невольно рыскаетъ за мною во всѣхъ моряхъ? Развѣ вы невольно отправились путешествовать на этомъ фрегатѣ? Развѣ невольно стрѣляли ядрами въ мой корабль? Развѣ невольно мистеръ Неддландъ ударилъ его своею острогой?

Въ этихъ словахъ мнѣ слышалась сдержанная досада. Но у меня на это былъ готовый отвѣтъ который я посѣпшилъ сдѣлать.

— Милостивый государь, началъ я,—вы, безъ сомнѣнія, не знаете какіе толки носились на вашъ счетъ въ Америкѣ и въ Европѣ. Вы не знаете что нѣсколько несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ вслѣдствіе столкновенія съ вашимъ подводнымъ судномъ, взволновали общественное мнѣніе обоихъ материковъ. Не стану утомлять васъ разказомъ о безчисленномъ множествѣ гипотезъ которыми пытались объяснить необъяснимое явленіе, понятное только вамъ. Но знайте, что преслѣдуя васъ до отдаленныхъ морей Тихаго океана, *Абраамъ Линкольнъ* думалъ что гонится за нѣкимъ могучимъ морскимъ чудовищемъ, отъ котораго слѣдовало освободить моря во что бы то ни стало.

Легкая улыбка скользнула по губамъ капитана, и онъ сказалъ болѣе спокойнымъ голосомъ.

— Господинъ Аронаксъ, рѣшитесь ли вы утверждать что вашъ фрегатъ не сталъ бы преслѣдовать подводное судно и стрѣлять въ него какъ въ чудовище?

Вопросъ этотъ смутилъ меня, ибо капитанъ Фаррагутъ, вѣроятно, не задумалъ бы ни на минуту. Онъ счелъ бы своею обязанностью уничтожить подводное судно точно также какъ испанскаго нарвала.

— Итакъ вы должны согласиться, господинъ профессоръ, что я вполнѣ въ правѣ считать васъ врагами.

Я не отвѣчалъ и имѣлъ на то основаніе. Что толку возражать на подобное предложеніе, когда сила можетъ опрокинуть самые лучшіе доводы?

— Я долго колебался, продолжалъ капитанъ.— Меня ничто не обязывало оказывать вамъ гостепріимство. Еслибъ я долженъ былъ разстаться съ вами, то мнѣ не было никакой надобности видѣть васъ еще разъ. Я велѣлъ бы васъ посадить на платформу корабля, послужившаго вамъ убѣжищемъ, спустился бы на дно моря, и забылъ бы о вашемъ существованіи. Не имѣлъ ли я на то право?

— Это было бы, можетъ-быть, правомъ дикаря, отвѣчалъ я,—но никакъ не человѣка образованнаго.

— Господинъ профессоръ, быстро перебилъ капитанъ,—я не принадлежу къ тѣмъ кого вы называете образованными людьми! Я порвалъ всѣ связи съ обществомъ, по причинамъ одному мнѣ извѣстнымъ. Я повторму не повинуюсь его законамъ и прошу васъ, въ своихъ сношеніяхъ со мною, никогда на нихъ не ссылаться.

Это было сказано ясно. Глаза незнакомца блеснули гнѣвомъ и презрѣніемъ, и мнѣ показалось что прошедшее его скрываетъ нѣчто ужасное. Онъ не только сталъ внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ, но еще оградилъ себя независимостью и свободой въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, сдѣлавшись недосягаемымъ! Кто въ самомъ дѣлѣ осмѣлится преслѣдовать его въ глубинахъ морей, если онъ на поверхности ихъ могъ разстроить всѣ направленныя противъ него усилія? Какой корабль устоитъ противъ натиска его подводнаго монитора? Какой панцырь, какъ бы ни былъ онъ плотенъ, выдержитъ ударъ его носа? Никто изъ людей не могъ у него потребовать отчета въ его дѣйствіяхъ. Богъ, если онъ вѣрилъ въ него, да совѣсть, если онъ не совершенно заглушилъ ее, были его единственными судьями.

Мысли эти быстро промелькнули въ моемъ умѣ, между тѣмъ какъ загадочный незнакомецъ стоялъ молча, погруженный въ свои думы. Я смотрѣлъ на него съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ участіемъ, и, безъ сомнѣнія, такъ какъ Эдипъ смотрѣлъ на сфинкса.

Послѣ довольно долгаго молчанія, капитанъ заговорилъ снова.

— Итакъ я колебался, началъ оиъ, — но наконецъ нашелъ средство согласить свою выгоду съ чувствомъ состраданія, на которое въ правѣ разчитывать всякое человѣческое существо. Судьба бросила васъ на мое судно, и вы останетесь тутъ. Вы будете здѣсь свободны, и взаимнѣ этой свободы, совершенно, впрочемъ, относительной, я предложу вамъ только одно условіе. Вашего обѣщанія подчиниться оному мнѣ будетъ совершенно достаточно.

— Говорите, сказалъ я, — я увѣренъ что условіе это такое что оно можетъ быть принято честными людьми.

— Да, и вотъ въ чемъ дѣло. Легко можетъ случиться что нѣкоторыя непредвидѣнные обстоятельства заставятъ меня удалить васъ на нѣсколько дней или часовъ въ ваши каюты. Не желая прибѣгать къ насилію, я надѣюсь что въ подобномъ случаѣ, еще болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, вы окажете мнѣ безусловное повиновеніе. Принимаете ли вы это условіе?

На борту происходили слѣдовательно вещи необыкновенныя, которыхъ не должны были видѣть люди не поставившіе себя внѣ общественныхъ законовъ. Изъ всѣхъ нечаянностей которыя судьба приберегала для меня на будущее время, это была одна изъ наиболѣе поразительныхъ.

— Мы согласны, отвѣчалъ я, — только я просилъ бы позволенія сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Извольте.

— Вы сказали что мы будемъ свободны на вашемъ суднѣ?

— Совершенно свободны.

— Я желалъ бы знать что вы подразумѣваете подъ этою свободой.

— Что? Да свободу приходить, уходить, смотрѣть, даже наблюдать все что здѣсь дѣлается, — за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ. Однимъ словомъ ту свободу которую мы пользуемся сами, я и мои товарищи.

Было ясно что мы другъ друга не поняли.

— Извините, возразилъ я, — но вѣдь это такая же свобода какою пользуется узникъ расхаживая по своей тюрьмѣ. Мы этимъ довольствоваться не можемъ.

— Надо однако чтобы вы удовольствовались.

— Какъ, мы должны отказаться отъ надежды видѣть нашу родину, нашихъ друзей и родныхъ?

— Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться возложить на себя

основа тотъ невыносимый гнетъ земной который люди считаютъ свободой: это, кажется, не такъ тяжело какъ вы думаете.

— Вотъ еще! закричалъ Недъ-Ландъ: — я никогда не дамъ слова что не буду стараться ѡбъехать отсюда.

— Я и не требую вашего слова, мистеръ Ландъ, холодно отвѣчалъ капитанъ.

— Милостивый государь, отвѣчалъ я, не владея собой, — вы злоупотребляете своею властью въ отношеніи къ намъ. Это жестоко.

— Нѣтъ, это великодушно! Вы мои плѣнники послѣ боя. Одного моего слова было бы достаточно чтобы васъ снова бросили въ бездну, а я оставляю васъ здѣсь. Вы напали на меня. Вы хотѣли открыть тайну въ которую не долженъ проникнуть никто въ мірѣ, тайну всей моей жизни! И вы полагаете что я дамъ вамъ средства вернуться на землю которая не должна болѣе ничего знать обо мнѣ! Никогда! Удерживая васъ, я забочусь главнымъ образомъ о себѣ.

Эти слова изобличали твердо принятое капитаномъ рѣшеніе, противъ котораго не помогли бы никакіе аргументы.

— Итакъ, сказалъ я, — вы намъ просто предлагаете выборъ между жизнью и смертью?

— Именно.

— Друзья мои, сказалъ я, — на поставленный въ такомъ видѣ вопросъ отвѣчать нечего. Но никакое обѣщаніе не связываетъ насъ съ капитаномъ этого судна.

— Никакое, отвѣчалъ незнакомецъ.

Потомъ, смягчивъ нѣсколько свой голосъ, онъ сказалъ:

— Теперь позвольте мнѣ окончить то что я долженъ вамъ сказать. Я знаю васъ, господишь Аронаксъ. Если не товарищи ваши, то по крайней мѣрѣ вы, быть-можетъ, не будете такъ сѣтовать на ту случайность которая связала вашу судьбу съ моею. Между моими книгами вы найдете напечатанное вами сочиненіе о морскихъ глубинахъ. Я часто читалъ его. Вы дошли въ своихъ воззрѣніяхъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ полагаемыхъ земной наукой. Но вы не все знаете, вы не все видѣли. Позвольте васъ увѣрить, господишь профессоръ, что вы не станете жалѣть о времени проведенномъ на моемъ суднѣ. Вы будете возвращаться въ области чудесъ. Восторженность, изумленіе будутъ, вѣроятно, обычнымъ состояніемъ вашего духа. Вамъ не скоро надоесть то зрѣлище

которое будетъ постоянно представляться вашимъ глазамъ. Я хочу предпринять новое подводное путешествіе кругомъ свѣта,—какъ знать! быть-можетъ послѣднее,—и взглянуть еще разъ на все что я могу изучить въ глубинѣ этихъ морей столько разъ мною посѣщенныхъ. Вы раздѣлите мои научныя занятія. Съ этого дня вы вступаете въ совершенно новую стихію, вы увидите то чего не видалъ еще никто изъ людей,—ибо я и мои спутники не идемъ въ расчетъ,—и наша планета, благодаря мнѣ, раскроетъ предъ вами свои послѣднія тайны.

Не скрою: слова капитана произвели на меня сильное впечатлѣніе. Онъ попалъ въ мою слабую струну, и я на минуту забылъ что созерцаніе чудесъ природы не можетъ замѣнить потерянной свободы. Къ тому же я разчитывалъ что обстоятельства сами собой разрѣшатъ этотъ важный вопросъ. Я поэтому ограничился слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Вы порвали всѣ связи съ человѣчествомъ, но я, однако, надѣюсь что вы не отказались отъ всякаго человеческого чувства. Мы никогда не забудемъ что, потерпѣвъ крушеніе, были великодушно приняты на вашемъ суднѣ. Что же касается до меня, то я долженъ признаться, что еслибы любовь къ наукѣ могла заглушить потребность свободы, то все что обѣщаетъ мнѣ наша встрѣча могло бы съ избыткомъ вознаградить меня.

Я полагалъ что капитанъ протянетъ мнѣ при этомъ руку чтобы скрѣпить нашъ союзъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Я пожалѣлъ о томъ за него.

— Послѣдній вопросъ, сказалъ я въ ту минуту какъ этотъ непостижимый человѣкъ готовился удалиться.

— Говорите, господинъ профессоръ.

— Я желалъ бы знать ваше имя.

— Милостивый государь, сказалъ капитанъ, — для васъ я только капитанъ Немо, * а для меня вы и ваши только пассажиры судна которое зовется *Nautilus*, *Корабликъ*.

Капитанъ Немо позвалъ, явился слуга. Онъ отдалъ ему нѣсколько приказаній на томъ странномъ языкѣ котораго я не могъ понять. Потомъ, обращаясь къ Канадцу и Конселю, онъ сказалъ:

— Завтракъ ждетъ васъ въ вашей каютѣ. Потрудитесь идти за этимъ человѣкомъ.

* *Nemo*—никто.

— Отъ такого предложенія не отказываются, отвѣчалъ китоловъ.

Они съ Конселемъ вышли наконецъ изъ этой кельи гдѣ были заперты болѣе тридцати часовъ.

— А теперь, господинъ Аронакъсъ, нашъ завтракъ тоже готовъ. Позвольте мнѣ указать вамъ дорогу.

— Къ вашимъ услугамъ, капитанъ.

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо, и едва переступивъ порогъ, очутился въ электрически освѣщенномъ корридорѣ, похожемъ на узкіе проходы корабля. Мы прошли около десяти метровъ, и тутъ предо мной отворилась новая дверь.

Я вошелъ въ столовую, убранную и меблированную съ большимъ вкусомъ. Высокіе дубовые поставцы, выложенные чернымъ деревомъ, возвышались по обоимъ концамъ залы, и на ихъ волнообразно изогнутыхъ полкахъ сіяли драгоценные фаянсы, фарфоры, хрустали. Серебряная посуда отражала лучи лившіеся съ освѣщеннаго потолка, тонкая живопись коего умѣрляла и смягчала яркость свѣта.

Посреди залы стоялъ богато-сервированный столъ. Капитанъ Немо указалъ мнѣ мое мѣсто.

— Садитесь, сказалъ онъ,—и кушайте какъ человѣкъ умирающій съ голоду.

Завтракъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ, для которыхъ матеріалъ доставленъ былъ исключительно моремъ, и изъ другихъ, свойства которыхъ я никакъ не могъ угадать. Все это, правда, было хорошо, но имѣло какой-то особенный вкусъ, къ коему я однако скоро привыкъ. Мнѣ казалось что всѣ эти разнообразныя кушанья богаты фосфоромъ, и я полагалъ что они должны быть морскаго происхожденія.

Капитанъ Немо смотрѣлъ на меня. Я не спрашивалъ его, но онъ угадалъ мои мысли и сталъ самъ отвѣчать на тѣ вопросы съ которыми я думалъ было обратиться къ нему.

— Большую часть этихъ кушаній вы видите въ первый разъ, сказалъ онъ,—но вы можете употреблять ихъ безъ опасеній. Они здоровы и питательны. Давно уже я отказался отъ всѣхъ произведеній земли и, право, чувствую себя отъ этого не хуже. Въ моемъ экипажѣ все народъ здоровый, и однако всѣ они питаются такъ же какъ и я.

— И всѣ эти предметы доставлены моремъ? спросилъ я.

— Да, господинъ профессоръ, море удовлетворяетъ всѣмъ моимъ потребностямъ. То закидываю свѣти и тотчасъ же

вытаскиваю ихъ съ обильнѣйшимъ уловомъ; то отправляюсь охотиться въ этой стихіи, которая, повидимому, недоступна человеку, и преслѣдую дичь населяющую мои подводные лѣса. Мои стада, какъ стада стараго пастуха Нептуна, безбоязненно разгуливаютъ по неизмѣримымъ лугамъ океана. У меня огромныя владѣнія, которыми я пользуюсь самъ и которыя постоянно засѣваются рукой Творца всего живаго.

Я посмотрѣлъ на капитана Немо съ нѣкоторымъ изумленіемъ и отвѣчалъ ему:

— Понимаю вполне что ваши свѣти доставляютъ вамъ превосходную рыбу; понимаю менѣе какимъ образомъ преслѣдуете вы морскую дичь въ подводныхъ лѣсахъ; но уже вовсе не понимаю какъ можетъ попасть въ вашъ обѣдъ хотя бы самая мельчайшая частичка говядины.

— Но, господинъ профессоръ, я никогда не ѣмъ мяса земныхъ животныхъ.

— А это? спросилъ я, указывая на одно изъ блюдъ съ остатками отъ бывшаго на немъ кушанья.

— Это не говядина, а только филейная часть морской черпахи. Вотъ также печень дельфина, которую вы могли бы принять за свиное рагу. Мой поваръ очень искусенъ, и отлично приготовляетъ эти разнообразныя продукты океана. Отвѣдайте всѣ эти блюда. Вотъ сухое варенье изъ морскихъ кубышекъ, которое любой Малаецъ признаетъ превосходнымъ. Вотъ кремъ, для котораго молоко добыто изъ сосцовъ кита, а сахаръ изъ большихъ водорослей Сѣвернаго моря, и наконецъ позвольте мнѣ предложить вамъ варенье изъ анемоновъ, не уступающихъ никакимъ самымъ сочнымъ плодамъ.

И я отвѣдывалъ, больше изъ любопытства чѣмъ изъ желанія лакомиться, между тѣмъ какъ капитанъ Немо продолжалъ восхищать меня своими невѣроятными разказами.

— Но море, говорилъ онъ, — не только доставляетъ мнѣ обильную, неизсякаемую пищу, — оно также и одѣваетъ меня. Матерія изъ которой сдѣлано ваше платье соткана изъ виссона нѣкоторыхъ раковинъ; она выкрашена пурпуровою краскою древнихъ и отлиываетъ лиловымъ цвѣтомъ. Краску я добываю изъ аплизій Средиземнаго моря. Духи, которые вы найдете на туалетѣ вашей каюты, суть продукты морскихъ растений. Ваша постель сдѣлана изъ самаго мягкаго морскаго взморника. Перомъ вамъ будетъ служить китовый

усь, а чернилами — жидкость выдѣляемая каракатицей. Все мнѣ теперь дается моремъ, какъ все со временемъ вернется туда же!

— Вы любите море, капитанъ?

— Да, я люблю его! Море для меня все! Оно покрываетъ семь десятыхъ земнаго шара. Испаренія его здоровы и чисты. Это огромная пустыня, гдѣ человѣкъ никогда не бываетъ одинокимъ, ибо чувствуетъ вокругъ себя трепетаніе жизни. Море скрываетъ въ себѣ существа непостижимыя, удивительныя. Все въ немъ движеніе и любовь. Это живая безконечность, какъ выразился одинъ изъ вашихъ поэтовъ. Природа, господинъ профессоръ, проявила въ немъ свои три царства — минеральное, растительное и животное. Последнее имѣетъ въ немъ многочисленныхъ представителей, въ четырехъ группахъ зоофитовъ, въ трехъ классахъ членистыхъ, въ пяти классахъ моллюсковъ, въ трехъ классахъ позвоночныхъ, въ млекопитающихъ, пресмыкающихся, и въ безчисленномъ множествѣ рыбъ, самомъ богатомъ классѣ животныхъ, считающемъ 13.000 породъ, изъ коихъ только одна десятая принадлежитъ прѣсной водѣ. Море обширный резервуаръ природы. Земной шаръ начался моремъ и, какъ знать, быть-можетъ кончится имъ же! Здѣсь высшее спокойствіе. Море не повинуется деспотамъ. На его поверхности они еще могутъ предъявлять незаконныя права, драться, пожирать другъ друга, переносить туда всѣ ужасы земли; но тридцать футовъ ниже уровня воды ихъ могущество прекращается, ихъ власть исчезаетъ! Да, живите, живите въ глубинѣ моря. Только здѣсь независимость, только здѣсь я никого не признаю господиномъ, только здѣсь я свободенъ!

Среди этой полной увлеченія рѣчи капитанъ Немо вдругъ смолкъ. Можетъ-быть, онъ невольно измѣнилъ своей обычной сдержанности. Можетъ-быть, онъ слишкомъ много высказался. Нѣсколько минутъ онъ въ волненіи ходилъ по комнатамъ, потомъ нервы его успокоились, лицо приняло обычное безстрастное выраженіе, и онъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Теперь, господинъ профессоръ, если вы желаете осмотрѣть *Корабликъ*, то я къ вашимъ услугамъ.

Г Л А В А XI.

Nautilus.

Капитанъ Немо всталъ. Я послѣдовалъ за нимъ. Двойная дверь, находившаяся во глубинѣ столовой, распахнулась, и мы вышли въ другую комнату, такой же величины какъ и первая.

Это была библіотека. Высокіе шкафы изъ чернаго, палисандроваго дерева, облѣпленные инкрустаціями изъ мѣди, поддерживали на своихъ широкихъ полкахъ множество книгъ въ одинаковыхъ переплетахъ. Шкафы шли вдоль стѣнъ комнаты, и къ нимъ примыкали широкіе диваны обитые темно-коричневою кожей и представлявшіе самые удобные выгибы. Легкіе, подвижные пюпитры, свободно приближаемые и отдаляемые, могли служить подставкой для книги во время чтенія. Посрединѣ возвышался большой столъ заваленный брошюрами, между которыми видѣлось нѣсколько книжекъ журналовъ, уже не новыхъ. Все это озарялось электрическимъ свѣтомъ, лившимся изъ четырехъ матовыхъ шаровъ расположенныхъ между арабесками потолка. Я съ истиннымъ восторгомъ осматривалъ эту столь остроумно убранную комнату и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Капитанъ Немо, сказалъ я своему хозяину, расположившемуся на диванѣ,—эта библіотека могла бы сдѣлать честь многимъ дворцамъ материка, и я не могу достаточно надивиться при мысли что она слѣдуетъ за вами на дно океана.

— Гдѣ найдете вы такое уединеніе, такую тишину, господинъ профессоръ? Вашъ кабинетъ въ музеѣ давалъ ли вамъ столь невозмутимое спокойствіе?

— Нѣтъ, капитанъ, и я долженъ прибавить что онъ очень бѣденъ въ сравненіи съ вашимъ. У васъ тутъ шесть или семь тысячъ томовъ....

— Двѣнадцать тысячъ, господинъ Аронаксъ. Это единственная связь, прикрѣпляющая меня къ землѣ. Но міръ пересталъ существовать для меня съ той минуты какъ мой *Корабль* погрузился въ первый разъ въ глубину водъ. Въ этотъ день я купилъ свои послѣднія книги, свои послѣдніе журналы, послѣднія брошюры, и я хочу думать что съ той поры человечество больше не мыслило и не писало. Всѣ эти

книги, господинъ профессоръ, къ вашимъ услугамъ, и вы можете свободно пользоваться ими.

Я поблагодарилъ капитана Немо и подошелъ къ полкамъ. Библіотека изобиловала научными, философскими и беллетристическими сочиненіями на всѣхъ языкахъ; но я не нашелъ ни одной книги по политической экономіи; ей, повидимому, доступъ на корабль былъ строго воспрещенъ. Замѣчательно что всѣ эти книги были разставлены безразлично, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были написаны, и это доказывало что капитанъ Немо долженъ былъ бѣгло читать всякій изъ томовъ какой ему случайно попадаетъ подъ руку.

Между этими книгами я замѣтилъ классическія произведенія великихъ мыслителей древняго и новаго міра, то-есть то что человѣчество создало самаго прекраснаго въ исторіи, поэзіи, романѣ, наукѣ, отъ Гомера до Виктора Гюго, отъ Ксенофонта до Мишле, отъ Рабле до г-жи Зандъ. Но особенно богата была библіотека учеными сочиненіями; книги по механикѣ, баллистикѣ, гидрографіи, метеорологіи, географіи, геологіи и т. д. чередовались здѣсь съ сочиненіями по естественной исторіи, и я повялъ что это было любимое занятіе капитана. Тутъ нашелъ я всѣ сочиненія Гумбольдта, Араго, труды Фуко, Аври Сентъ-Клеръ-Девіля, Шаля, Мильнъ-Эдвардса, Катрфажа, Тиндала, Фарадея, Бертелло, аббата Секки, Петермана, капитана Мори, Агассиса и пр.; *Записки Академіи Наукъ*, сборники различныхъ географическихъ обществъ, и т. д., а въ числѣ прочихъ и тѣ два тома которымъ я, быть-можетъ, былъ обязанъ этимъ относительно любезнымъ приемомъ капитана Немо. Между сочиненіями Жозефа Бертрана, книга его, подъ заглавіемъ: *Основатели астрономіи*, дала мнѣ даже возможность сдѣлать одно любопытное заключеніе; я зналъ что она появилась въ теченіе 1865 года, и могъ отсюда вывести что *Корабликъ* двинулся въ путь не ранѣе этого времени. Итакъ, повидимому, капитанъ Немо началъ свою подводную жизнь назадъ тому только три года. Я, впрочемъ, надѣялся что еще новѣйшія сочиненія доставятъ мнѣ возможность опредѣлить эту эпоху съ большею точностію; но времени для розысковъ было много впереди, и я не хотѣлъ откладывать дальше наше обзорніе всѣхъ чудесъ *Кораблика*.

— Благодарю васъ за предоставленіе вашей библіотеки въ

мое распоряженіе, сказалъ я капитану,—въ ней не мало сокровищъ науки, и я буду пользоваться ими.

— Эта комната, впрочемъ, не для чтенія только, но и для куренія.

— Куренія! вскричалъ я.—Такъ на вашемъ кораблѣ курятъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ предположить что вы сохранили сношенія съ Гаванной.

— Никакихъ, отвѣчалъ капитанъ.—Вотъ вамъ сигара, и хотя она происхожденіемъ не изъ Гаванны, но если вы знатокъ, то останетесь ею довольны.

Я взялъ предложенную сигару, форма которой напоминала форму *londrès*, но которая казалась свернутою изъ золотыхъ листьевъ. Я закурилъ у маленькаго бразера, возвышавшагося на изящномъ бронзовомъ пьедесталѣ, и затягивался первыми клубами дыма съ наслажденіемъ любителя не курившаго уже двое сутокъ.

— Это превосходно, сказалъ я,—но это не табакъ.

— Да, отвѣчалъ капитанъ,—это не гаванскій и не турецкій табакъ. Это родъ водоросли богатой никотиномъ, которую море доставляетъ мнѣ не безъ нѣкоторой скупости. Не жалѣете ли вы о *londrès*?

— Капитанъ, съ этой минуты я презираю ихъ.

— Ну, такъ курите сколько угодно, не разсуждая о происхожденіи этихъ сигаръ. Ихъ не контролировало ни одно вѣдомство, но отъ этого, полагаю, онѣ не хуже.

— Напротивъ.

Въ эту минуту капитанъ Немо отворилъ дверь расположенную противъ той чрезъ которую мы вошли въ библіотеку, и я вступилъ въ огромную, ярко освѣщенную залу.

Это былъ большой четырехсторонникъ, съ закругленными углами, въ десять метровъ длины, шесть метровъ ширины и пять метровъ вышины. Сквозь сіявшій потолокъ, испещренный красивыми арабесками, лились волны мягкаго свѣта на всѣ чудеса собранныя въ этомъ музее. Ибо это былъ дѣйствительно музей въ коемъ искусная рука умѣла совокупить всѣ сокровища природы и искусства, въ томъ живописномъ безпорядкѣ какимъ отличается студія художника.

Около тридцати картинъ величайшихъ мастеровъ, всѣ въ одинаковыхъ рамкахъ, отдѣленныя одна отъ другой блестя-

щими зеркалами, украшали стѣны обтянутыя обоями со строгимъ рисункомъ. Я видѣлъ здѣсь самыя дорогія произведенія, которыми я восхищался по большей части въ частныхъ коллекціяхъ въ Европѣ и на художественныхъ выставкахъ. Всѣ знаменитыя старыя школы имѣли здѣсь своихъ представителей. Тутъ были *Мадонна Рафаэля*, *Святая Дѣва Леонарда да-Винчи*, *Нимфа Корреджіо*, *Женщина Тиціана*, *Поклоненіе пастырей* Веронеза, *Успеніе Мурильо*, портретъ Гольбейна, *Монахъ Веласкеса*, *Мученикъ Рибейра*, *Храмовой праздникъ* Рубенса, два фламандскіе пейзажа Тенфера, три маленькія жанровыя картины Жерара Доу, Поль Поттера, два рисунка Жерико и Прудона, нѣсколько морскихъ видовъ Бакуйзена и Верне. Между картинами новыхъ художниковъ оказались произведенія Делакруа, Ингра, Декампна, Тройона, Мейсонье и пр., и нѣсколько превосходныхъ слѣпковъ изъ мрамора или бронзы съ самыхъ прекрасныхъ образцовъ древнихъ статуй возвышались на своихъ пьедесталахъ по угламъ этого великолѣпнаго музея. Изумленіе, которое мнѣ предсказывалъ командиръ *Кораблика*, начинало уже овладѣвать моимъ умомъ.

— Господинъ профессоръ, сказалъ этотъ странный человекъ, — вы извините безцеремонность съ которою я васъ принимаю и безпорядокъ царствующій въ моей гостиной.

— Капитанъ, отвѣчалъ я, — не стараясь отгадать кто вы такой, можно ли признать въ васъ артиста?

— Любителя, не болѣе, господинъ профессоръ. Я любилъ прежде собирать эти прекрасныя произведенія созданныя рукой человека. Я жадно искалъ, рылся неутомимо, и мнѣ удалось собрать нѣсколько довольно цѣнныхъ предметовъ. Это послѣднія воспоминанія о землѣ которая для меня умерла. Въ моихъ глазахъ ваши современные художники стали уже древними; они какъ бы тоже существовали двѣ-три тысячи лѣтъ тому назадъ, и въ своемъ умѣ я ихъ смѣшиваю. Великіе люди не принадлежатъ никакому вѣку.

— А эти музыканты? спросилъ я указывая на партитуры Вебера, Обера, Россини, Моцарта, Бетговена, Меттербера, Герольда, Вагнера, Гуно и множество другихъ лежавшихъ на большомъ піанино, занимавшемъ одну стѣну залы.

— Эти музыканты, отвѣчалъ капитанъ, — современники Орфея; хронологическая разница исчезаетъ изъ памяти мерт-

выхъ, а вѣдь я умеръ, господинъ профессоръ. Я точно также мертвъ какъ и тѣ изъ вашихъ друзей что покоятся шесть футовъ подъ землей.

Капитанъ Немо замолчалъ и, казалось, глубоко задумался. Я смотрѣлъ на него съ живымъ участіемъ, вглядываясь молча во всѣ особенности его физиономіи. Облокотившись на уголь драгоцѣннаго мозаиковаго стола, онъ, повидимому, не замѣчалъ меня, и какъ бы забылъ о моемъ присутствіи.

Я не прерывалъ его размышленій и продолжалъ обозрѣвать рѣдкости наполнявшія залу.

Рядомъ съ созданіями искусства занимали весьма видное мѣсто и произведенія природы. Они состояли главнымъ образомъ изъ растений, раковинъ и другихъ произведеній океана, которыя, по всей вѣроятности, были найдены личными усиліями капитана Немо. Посреди комнаты электрически освѣщенный водометъ билъ изъ бассейна сдѣланнаго изъ одной треуголки. * Вырѣзанные красивыми фестонами края этой раковины, доставляемой самымъ большимъ изъ безголовыхъ слизней, имѣли въ окружности около шести метровъ; она, слѣдовательно, превосходила величиной тѣ прекрасныя тридакны которыя Венеціанская республика подарила Франциску I, и изъ коихъ церковь Св. Сульпиція въ Парижѣ сдѣлала двѣ громадныя кропильницы.

Вокругъ этого бассейна, въ изящныхъ витринахъ, прикрепленныхъ мѣдными винтами, были расположены по классамъ и снабжены надписями драгоцѣннѣйшія произведенія моря, какія когда-либо представлялись взору натуралиста. Легко понять мою радость, радость ученаго.

Отрядъ зоофитовъ имѣлъ крайне любопытныхъ представителей по обѣимъ своимъ группамъ: полиповъ и иглокожихъ. Въ первой группѣ органчики, морскіе вѣеры, сирійскія губки, кораллы Молукскихъ острововъ, морскія перья, превосходная лозовинка Норвежскихъ морей, разнообразныя зонточники, пробки морскія; далѣе цѣлый рядъ *Madrepora*, которыхъ мой наставникъ Мильнъ-Эдвардъ такъ остроумно расположилъ по отдѣламъ, и между которыми я нашелъ восхитительныя вѣеролистники, глазчатки съ острова Бурбона, „Нептунову колесницу“ Антильскихъ острововъ, превосходныя

* *Tridacna* — огромная ребристая раковина употребляемая для чаши и резервуаровъ.

разновидности коралловъ, наконецъ всѣ породы тѣхъ замѣчательныхъ полипняковъ, срощеніе которыхъ образуетъ цѣлые острова долженствующіе современемъ сдѣлаться материками. Группа иглокожихъ, замѣчательныхъ своею колочіею оболочкой, состояла изъ полной коллекціи звѣзвѣздокъ, морскихъ звѣздъ, *pentostemi*, волосатиковъ, астерофановъ, морскихъ ежей, морскихъ кубышекъ и т. д.

Какой-нибудь слабонервный конхиліологъ, безъ сомнѣнія, упалъ бы въ обморокъ въ виду другихъ еще болѣе многочисленныхъ витринъ, гдѣ были размѣщены образчики отряда моллюсковъ. Я нашель тутъ неодоенное собраніе рѣдкостей, которое описать вполнѣ у меня неостало бы времени. Между этими произведеніями я назову только для памяти: красивый королевскій молотокъ Индійскаго океана, правильныя бѣлыя пятна котораго ярко выдавались на красно-коричневомъ фонѣ; императорскій *Spondilus* яркихъ цвѣтовъ, весь усыянный иглами, экземпляръ весьма рѣдко встрѣчающійся въ европейскихъ музеяхъ, и который, по моимъ разчетамъ, стоилъ двадцать тысячъ франковъ; обыкновенный молотокъ изъ морей Новой Голландіи, который весьма трудно достать; экзотическіе сердцевики Сенегала, хрупкія, бѣлыя, двустворчатая раковины, которыя одно дуновеніе могло бы развѣять какъ мыльный пузырь; многія разновидности морскихъ леекъ съ острова Явы, родъ известковыхъ трубокъ окаймленныхъ листовными складками и такъ дорого цѣнимыхъ любителями; цѣлый рядъ курганчиковъ, то желто-зеленыхъ, ловимыхъ въ американскихъ моряхъ, то темно-бурыхъ, предпочитающихъ воды Новой Голландіи: одни добыты въ Мексиканскомъ заливѣ и замѣчательные своими черепицевидными раковинами; другіе—звѣзчатки, найденныя въ южныхъ моряхъ, и наконецъ самый рѣдкій изъ всѣхъ—превосходный болецъ Новой Зеландіи; и затѣмъ удивительныя сѣристыя теллины, драгоценныя породы цитеръ, рѣшетчатый солнечникъ, мраморная кубарна, съ блестящими перламутровыми пятнами, зеленые попугаи китайскихъ морей, неизвѣстный почти конусъ изъ вида *Coenodulli*, далѣе всѣ разновидности ужокъ употребляемыхъ вмѣсто монетъ въ Индіи и Африкѣ; „Слава моря“, самая драгоценная раковина Восточной Индіи; наконецъ лужанки, дафніи, башенницы, антины, ячки, свитки, оливки, змитры, каски; багрецы, трубари,

арфы, скалы, тритоны, цериты, веретена, рагульцы, крыловики, блюдечки, гялеи, клеодоры, раковины красивыя и хрупкія, которыя наука окрестила самыми пріятными именами.

Въ сторонѣ, въ особые отдѣленія, извивались нити самаго прекраснаго жемчуга, облитатаго электрическимъ свѣтомъ и сіявшаго огненными искрами, розовый жемчугъ отнятый у жемчужныхъ пиннь Краснаго моря, зеленый жемчугъ радужнаго уховида, желтый, голубой, черныи, любопытныя порожденія различныхъ моллюсковъ всѣхъ океановъ и нѣкоторыхъ ракушекъ сѣверныхъ рѣкъ; наконецъ, многіе чрезвычайно цѣнные экземпляры выдѣленные изъ самыхъ рѣдкихъ жемчужницъ. Нѣкоторыя изъ этихъ зеренъ превосходили величиной голубиное яйцо; они стоили столько же и даже болѣе чѣмъ жемчужина которую путешественникъ Тавернье продалъ за три милліона шаху Персидскому, и могли поспорить съ жемчужиной имама Маскатскаго которая, какъ я думалъ, не имѣла себѣ равной на свѣтѣ.

Одѣвнть эту коллекцію было для меня рѣшительно невозможно. Капитанъ Немо долженъ былъ истратить милліоны для пріобрѣтенія этихъ разнообразныхъ экземпляровъ, и я спрашивалъ себя изъ какого источника черпаетъ онъ чтобъ удовлетворять въ такой степени свои фантазіи собирателя рѣдкостей; тутъ я былъ прерванъ слѣдующими словами:

— Вы разсматриваете мои раковины, господинъ профессоръ. — Дѣйствительно, онѣ могутъ привлечь вниманіе натуралиста; но, для меня онѣ имѣютъ еще большую прелесть, ибо всѣ собраны собственными моими руками. Нѣтъ ни одного моря на земномъ шарѣ которое ускользнуло бы отъ моихъ поисковъ.

— Понимаю, капитанъ, понимаю радостное чувство испытываемое при видѣ такихъ богатствъ. Вы изъ тѣхъ что сами скопили свои сокровища. Ни въ одномъ европейскомъ музеѣ нѣтъ подобнаго собранія произведеній океана. Но если я потрачу всѣ свои восторги на коллекцію, то что же мнѣ останется для корабля ихъ везущаго? Я не ищущу проникнуть ваши тайны, но признаюсь кто *Корабликъ*, съ присуцею ему движущею силою, съ его машинами и снарядами, все это въ высшей степени возбуждаетъ мое любопытство. Я вижу на стѣнахъ этой комнаты нѣсколько инструментовъ, назначеніе коихъ мнѣ неизвѣстно. Можно ли мнѣ это узнать?

— Господинъ Аронаксъ, я уже сказалъ вамъ что вы будете свободны на моемъ суднѣ, и поэтому всѣ части *Кораблика* для васъ открыты. Вы можете осмотрѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ, и я съ удовольствіемъ возьму на себя обязанность служить вамъ проводникомъ.

— Я не знаю какъ васъ и благодарить, но я не употребляю во зло вашу любезность. Я только спрошу для чего служатъ эти физическіе инструменты....

— Господинъ профессоръ, такіе же точно инструменты находятся въ моей комнатѣ, и тамъ я буду имѣть честь объяснить вамъ ихъ назначеніе. Но прежде всего взгляните на приготовленную вамъ каюту. Надо чтобы вы знали какъ вы будете помѣщены на борту *Кораблика*.

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо, который, чрезъ одну изъ дверей находившихся въ каждомъ изъ округленных угловъ залы, вступилъ въ проходы устроенные по бокамъ судна. Онъ провелъ меня на переднюю часть корабля и тамъ я нашелъ не каюту, а изящную комнату съ кроватью, туалетомъ и разною мебелью. Я только могъ поблагодарить своего хозяина.

— Ваша комната смежна съ моею, сказалъ онъ мнѣ, отворяя дверь,—а изъ моей ходъ въ залу, откуда мы сейчасъ вышли.

Я вошелъ въ комнату капитана. Она имѣла видъ суровый, почти монастырскій. Желѣзная кровать, рабочій столъ, нѣсколько туалетныхъ принадлежностей. Все это въ какомъ-то полусвѣтѣ. Ничего изысканнаго, только строго необходимое.

Капитанъ Немо предложилъ мнѣ стулъ. Я усѣлся, и онъ заговорилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

ГЛАВА XII.

Все посредствомъ электричества.

— Господинъ профессоръ, началъ капитанъ Немо, показывая мнѣ инструменты висѣвшіе на стѣнахъ его комнаты,— вотъ снаряды необходимые для плаванія *Кораблика*. Здѣсь, какъ и въ залѣ, они всегда у меня предъ глазами, и они съ точностью указываютъ мнѣ мое положеніе и мое направленіе среди океана. Одни изъ нихъ вамъ извѣстны, какъ напримѣръ термометръ, опредѣляющій внутреннюю темпера-

туру *Кораблика*; барометръ взвѣшивающій давленіе воздухъ и предсказывающій перемену погоды; гигрометръ означающій степень сухости атмосферы; storm-glassъ котораго смѣсь, разлагаясь, возвѣщаетъ приближеніе бури, компасъ, направляющій мой путь; секстантъ который, опредѣляя высоту солнца, указываетъ мнѣ широту; хронометры, при помощи которыхъ я высчитываю долготу; и наконецъ подзорныя трубки, денныя и ночныя, служація мнѣ для обзрѣнія всѣхъ точекъ горизонта, когда *Корабликъ* поднимается на поверхность океана.

— Это все инструменты обычные въ мореплаваніи, и употребленіе ихъ мнѣ извѣстно, отвѣчалъ я. — Но вотъ другіе, приспособленные, по всей вѣроятности, къ исключительнымъ потребностямъ *Кораблика*. Этотъ циферблатъ тамъ съ подвижною стрѣлкой не манометръ ли?

— Это дѣйствительно манометръ. Приведенный въ соприкосновеніе съ водою, онъ опредѣляетъ силу внѣшняго давленія и показываетъ такимъ образомъ какъ глубоко сидитъ мое судно.

— И эти лоты особеннаго устройства?

— Это термометрическіе лоты. Они измѣряютъ температуру различныхъ слоевъ воды.

— А вотъ эти инструменты, назначенія которыхъ я понять не могу?

— Здѣсь, господинъ профессоръ, я долженъ пуститься въ нѣкоторыя объясненія, сказалъ капитанъ Нежо. — Потрудитесь меня выслушать.

Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ началъ:

— Есть двигатель могучій, послушный, быстрый, легкій, поддающійся всевозможнымъ примѣненіямъ и который неограниченно господствуетъ на моемъ суднѣ. Все совершается посредствомъ него. Онъ освѣщаетъ меня, согреваетъ меня, даетъ жизнь моимъ механическимъ аппаратамъ. Двигатель этотъ — электричество.

— Электричество! воскликнулъ я въ изумленіи.

— Да, господинъ профессоръ.

— Однако, капитанъ, чрезвычайная скорость вашего судна плохо согласуется со свойствами электричества. До сихъ поръ его динамическая сила была весьма ограничена и могла давать только очень незначительные результаты!

— Господинъ профессоръ, отвѣчалъ капитанъ, — мое элек-

тричество не то которое общезвѣстно, и вы мнѣ позволите ограничиться этимъ объясненіемъ.

— Я не буду настаивать, капитанъ, и только выскажу свое удивленіе при видѣ подобныхъ результатовъ. Но вотъ еще вопросъ: можете ли отвѣчать на него, если онъ вамъ покажется нескромнымъ; элементы которые служатъ вамъ для полученія этого удивительнаго двигателя должны, конечно, скоро портиться. Какъ вы, наприкладъ, возобновляете свой цинкъ, если вы прекратили всѣ сношенія съ землей?

— Я скажу вамъ прежде всего что въ глубинахъ морей находятся цѣлыя залежи цинка, желѣза, серебра, золота, и что разработка ихъ очень возможна. Но я не хотѣлъ пользоваться этими произведеніями земли и заимствовать у самого моря средства для произведенія моего электричества.

— У моря?

— Да, господинъ профессоръ, и въ способахъ у меня недостатка не было. Я могъ бы, устроивъ сообщеніе между проволоками погруженными на разныхъ глубинахъ, получить электричество отъ различія температуръ, испытываемыхъ этими проволоками; но я предпочелъ употребить способъ болѣе практическій.

— Какой же?

— Вамъ извѣстенъ составъ морской воды. На тысячу граммовъ, мы имѣемъ девяносто шесть съ половиною процентовъ воды, и два съ двумя третями процентовъ хлористаго натрія; далѣе въ небольшихъ количествахъ хлористый магній и хлористый калий, бромистый магній, сернокислую магнезію, сернокислую и углекислую известь. Вы видите что хлористый натрій находится здѣсь въ количествѣ довольно значительномъ. Вотъ этотъ-то натрій я и выделяю изъ морской воды, и изъ него я составляю свои элементы.

— Натрій?

— Да, господинъ профессоръ. Въ соединеніи со ртутью онъ образуетъ смѣсь замѣняющую цинкъ въ элементахъ Бунзена. Ртуть никогда не портится, потребляется одинъ натрій, а мнѣ его доставляетъ само море. Я вамъ скажу сверхъ того что батареи изъ натрія должны считаться самыми энергическими, что ихъ электродвигательная сила вдвое больше силы батарей съ цинкомъ.

— Я понимаю, капитанъ, что при тѣхъ обстоятельствахъ въ коихъ вы находитесь, натрій представляетъ много

выгодъ. Онъ имѣется въ морѣ. Хорошо. Но надо еще его приготовить, то-есть выдѣлать. Какъ же вы это дѣлаете? Разумѣется, ваши батареи могли бы вамъ тутъ служить; но, если не ошибаюсь, количество натрія требуемое электрическими аппаратами превзошло бы количество добываемое. Оказалось бы что для получения натрія вы потребляли бы его больше нежели получите!

— По этой-то причинѣ я и не выдѣляю его посредствомъ батареи, а просто пользуюсь теплотой каменнаго угля.

— Каменнаго угля?

— Скажемъ, пожалуй, „морской уголь“, если хотите, отвѣчалъ капитанъ.

— И вы можете разрабатывать подводныя залежи каменнаго угля?

— Господинъ Аронаксъ, вы увидите меня въ дѣлѣ. Я васъ прошу только подождать немного; время еще терпѣть. Помните только что я всѣмъ обязанъ океану; онъ производитъ электричество, а электричество даетъ *Кораблику* теплоту, свѣтъ, движеніе, словомъ — жизнь.

— Но не воздухъ которымъ вы дышите.

— О, я могъ бы самъ дѣлать необходимый для моего дыханія воздухъ, но это лишнее, ибо я могу подниматься на поверхность океана, когда захочу. Впрочемъ, если электричество не доставляетъ мнѣ воздуха, то оно по крайней мѣрѣ приводитъ въ движеніе сильныя насосы скопляющіе его въ особыхъ резервуарахъ, что даетъ мнѣ возможность въ случаѣ надобности продолжать, на сколько нужно, мое пребываніе въ глубинѣ моря.

— Капитанъ, сказалъ я,—мнѣ остается только удивляться. Вы, очевидно, открыли то что люди когда-нибудь откроютъ,—настоящую динамическую силу электричества.

— Не знаю, откроютъ ли они его, холодно отвѣчалъ капитанъ Немо.—Какъ бы то ни было, но вы знаете уже первое приложеніе какое я сдѣлалъ изъ этого драгоценнаго дѣятели. Онъ освѣщаетъ насъ съ такою ровностью и постоянствомъ какихъ не достаетъ солнечному свѣту. Теперь взгляните на эти часы; они электрическіе и идутъ съ правильностью которая поспорить съ лучшими хронометрами. Я раздѣлил ихъ на двадцать четыре часа, какъ итальянскіе часы, потому что для меня не существуетъ ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, а только этотъ искусственный свѣтъ,

слѣдующій за мною въ глубину моря. Вотъ, напримѣръ, теперь десять часовъ утра.

— Именно.

— Еще другое приложение электричества. Этотъ циферблатъ, висящій предъ нашими глазами, служитъ указателемъ скорости *Кораблика*. Электрическая проволока соединяетъ его съ винтомъ лага, и его стрѣлка показываетъ мнѣ дѣйствительную быстроту судна. Посмотрите, въ настоящую минуту мы идемъ не болѣе пятнадцати миль въ часъ.

— Это удивительно, отвѣчалъ я, — вы были правы, капитанъ, употребивъ эту силу должествующую замѣнить со временемъ вѣтеръ, воду и паръ.

— Мы еще не кончили, господинъ Аромакъсъ, сказалъ капитанъ Немо, вставая, — и если вамъ угодно, мы пойдемъ на заднюю часть *Кораблика*.

Дѣйствительно, я зналъ уже всю переднюю часть подводнаго судна, которое было расположено слѣдующимъ образомъ, если идти отъ центра къ носу: столовая въ пять метровъ длины, отдѣленная отъ библіотеки не пропускающею воду перегородкой; библіотека въ пять метровъ, большая зала въ десять метровъ, отдѣленная отъ комнаты капитана также не пропускающею воду перегородкой; комната капитана въ пять метровъ; моя въ два метра пятьдесятъ дюймовъ и, наконецъ, резервуаръ для воздуха въ семь метровъ съ половиною который шелъ до форштевня. Всего тридцать пять метровъ длины. Въ перегородкахъ вѣданы были двери, которыя запирались герметически, посредствомъ каучуковыхъ засововъ, и обезпечивали полнѣйшую безопасность въ случаѣ еслибы гдѣ-либо оказалась течь.

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо по разнымъ проходкамъ и мы вышли къ центру корабля. Здѣсь находился родъ колодца. По стѣнамъ его желѣзная лѣстница вела вверхъ. Я спросилъ капитана къ чему эта лѣстница служить.

— Она ведетъ къ шлюпкѣ, отвѣчалъ онъ.

— Какъ, у васъ есть шлюпка? возразилъ я, удивляясь.

— Безъ сомнѣнія. Превосходное гребное судно, легкое и не тонущее, употребляемое для прогулокъ и для рыбной ловли.

— Но въ такомъ случаѣ, когда желаете съѣсть въ лодку, вы должны возвращаться на поверхность моря?

— Нисколько. Шлюпка эта поставлена на верхней, вѣшной части корпуса *Кораблика* и занимаетъ особо для нея устроенное углубленіе. Она вполнѣ оснащена, совершенно непромокаема и прикрѣплена прочными болтами. Эта лѣстница ведетъ къ отверстію въ корпусѣ *Кораблика*, которое соотвѣтствуетъ подобному же отверстію въ шлюпкѣ. Черезъ это двойное отверстіе я и вхожу въ шлюпку. Тогда закрывается отверстие *Кораблика*, а съ своей стороны дѣлаю то же въ шлюпкѣ посредствомъ винта; снимаю болты, и шлюпка съ неимоверною быстротой поднимается на поверхность моря. Тутъ я открываю отверстіе на палубу бывшее дотолѣ наглухо закрытымъ, ставлю мачту, поднимаю парусъ, или беру весла, и прогуливаюсь.

— Но какъ же вы возвращаетесь?

— Возвращаюсь не я, господинъ Аронаксъ, — возвращается *Корабликъ*!

— По вашему приказанію?

— По моему приказанію. Электрическая проволока соединяетъ насъ. Я посылаю телеграмму, и дѣло съ концомъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, ослѣпленный всѣми этими чудесами, — ничего не можетъ быть проще.

Миновавъ лѣстницу, я увидалъ каюту длиной въ два метра, гдѣ Консель и Недъ-Ландъ, въ восторгѣ отъ своего завтрака, съ жадностью его пожирали. Потомъ отворилась другая дверь, и мы заглянули въ кухню длиной въ три метра, расположенную между обширными кладовыми судна.

Тутъ электричество, болѣе послушное и дѣятельное нежели самый газъ, удовлетворяло всѣмъ кухоннымъ потребностямъ. Проволоки сходящіяся подъ плитой сообщали платиновымъ губкамъ теплоту которая распредѣлялась и поддерживалась равномерно. Онѣ нагревали также перегонные снаряды доставлявшіе чрезъ выпариваніе отличную, годную для питья воду. Возлѣ этой кухни находилась удобно устроенная ванная, съ кранами для теплой и холодной воды.

За кухней слѣдовала комната экипажа, длиной въ пять метровъ, но дверь ея была затворена, и я не могъ видѣть ея устройства, изъ котораго могъ бы вывести заключеніе о числѣ людей необходимыхъ для управленія *Кораблика*.

Въ глубинѣ возвышалась еще четвертая перегородка, отдѣлявшая этотъ пунктъ отъ мѣста нахождения машинъ.

Дверь отворилась, и я очутился въ томъ отдѣленіи гдѣ капитанъ Немо, очевидно инженеръ первостепенный, расположилъ свои двигательныя снаряды.

Эта комната, ярко освѣщенная, имѣла не менѣе двадцати метровъ въ длину. Она раздѣлялась на двѣ части. Первая заключала снаряды производившіе электричество, вторая—механизмъ сообщавшій движеніе винту.

Я прежде всего былъ пораженъ запахомъ *vis generis* наполнявшимъ это отдѣленіе. Капитанъ Немо замѣтилъ это.

— Это, сказалъ онъ,—нѣкоторые газы выдѣляющіеся при употребленіи натрія; но это неудобство небольшое. Каждое утро, впрочемъ, мы освѣжаемъ воздухъ на корабль чрезъ провѣтриваніе.

Тѣмъ временемъ я съ понятнымъ любопытствомъ разсматривалъ машину *Кораблика*.

— Вы видите, сказалъ капитанъ Немо,—я употребляю элементы Бунзена, а не Румкорфа. Последние были бы слабы. Элементы Бунзена немногочисленны, но они сильны и велики, что на опытѣ оказывается важнѣе. Полученное электричество посредствомъ электро-магнитовъ большаго размѣра дѣйствуетъ на особенную систему рычаговъ и колесъ, сообщающихъ движеніе винту. Этотъ послѣдній, котораго діаметръ равенъ шести метрамъ, а шагъ семи метрамъ съ половиной, можетъ дать до ста двадцати оборотовъ въ секунду.

— И вы получите тогда?

— Скорость пятидесяти миль въ часъ.

Тутъ была тайна, но я не настаивалъ на ея раскрытіи. Какъ можетъ электричество дѣйствовать съ такою силой? Гдѣ источникъ этой почти неограниченной мощи? Въ огромномъ ли напряженіи достигаемомъ этими катушками новаго рода? Въ передачѣ ли движенія которую система неизвѣстныхъ еще рычаговъ * могла увеличивать до безконечности? Этого я понять не могъ.

— Капитанъ, сказалъ я,—вижу полученные результаты и

* И въ самомъ дѣлѣ, теперь говорятъ о подобномъ открытіи, благодаря которому, вслѣдствіе новаго сочетанія рычаговъ, достигаются значительныя силы. Не сошлася ли изобрѣтатель съ капитаномъ Немо?

не добиваюсь объясненія оныхъ. Я помню какъ *Корабликъ* маневрировалъ предъ *Араамомъ Линкольномъ*, и знаю какова быстрота его хода. Но идти впередъ еще недостаточно. Надо видѣть куда идти. Надо имѣть возможность направляться влѣво, вправо, внизъ и вверхъ. Какимъ образомъ спускаетесь вы въ морскую глубину при возрастающей силѣ давленія, опредѣляемой сотнями атмосферъ? Какъ поднимаетесь вы снова на поверхность океана? Наконецъ, какимъ образомъ удерживаетесь вы на томъ уровнѣ какой для васъ требуется? Но, быть-можетъ, вопросы мои нескромны?

— Все нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ, послѣ минутнаго колебанія.—Вѣдь вы никогда не должны оставлять это подводное судно. Пойдемте въ залу; это нашъ настоящій рабочий кабинетъ, и тамъ вы узнаете о *Корабликѣ* все что вамъ нужно.

Г Л А В А XIII.

Кой-какія цифры.

Минуту спустя мы сидѣли на диванѣ въ гостиной, съ сигарами во рту. Капитанъ разложилъ предо мной чертежъ изображавшій планъ, разрѣзъ и высоту *Кораблика*. Затѣмъ онъ началъ объясненія слѣдующимъ образомъ:

„Вотъ, господинъ Ароакъ, размѣры судна на которомъ вы находитесь. Это цилиндръ, весьма удлиненный, съ конусообразными оконечностями. Онъ очень напоминаетъ форму сигары,—форму усвоенную уже въ Лондонѣ для многихъ построекъ такого рода. Длина цилиндра изъ конца въ конецъ составляетъ ровно семьдесятъ метровъ, а наибольшая его ширина восемь метровъ. Въ немъ слѣдовательно ширина нѣсколько превышаетъ одну десятую длины, не такъ какъ въ вашихъ пароходахъ съ большимъ ходомъ; тѣмъ не менѣе, онъ достаточно длиненъ для того чтобы вытѣсняемая имъ вода отбѣгала легко, не представляя ни малѣйшаго препятствія его ходу.

„На основаніи этихъ двухъ величинъ, вамъ не трудно будетъ вычислить поверхность и объемъ *Кораблика*. Поверхность его имѣетъ тысячу одиннадцать квадратныхъ метровъ и еорокъ пять сотыхъ; а объемъ тысячу пятьсотъ кубическихъ

метровъ и двѣ десятыя; это означаетъ что совершенно погруженный въ воду, онъ вытѣсняетъ тысячу пятьсотъ кубическихъ метровъ.

„Составляя планы этого судна предназначеннаго для подводнаго плаванія, я хотѣлъ чтобы, находясь въ равновѣсїи, оно сидѣло въ водѣ на девять десятыя и выступало только на одну десятую. При такихъ условїяхъ оно, очевидно, должно было вытѣснить только девять десятыя своего объема,—или тысячу триста пятьдесятъ шесть кубическихъ метровъ и сорокъ восемь сотыхъ, и вѣсить столько же тоннъ. Устраивая его въ означенныхъ размѣрахъ, я не долженъ былъ, следовательно, превысить этотъ вѣсъ.

„*Корабликъ* имѣетъ два корпуса, одинъ наружный, другой внутреннїй, соединенные между собой желѣзными полосами въ формѣ буквы *T*, которые и сообщаютъ ему прочность чрезвычайную. И дѣйствительно, благодаря такому кѣлочному устройству, онъ твердъ какъ гранитъ, какъ будто бы онъ былъ весь литой. Его обшивка не можетъ отстать; она прищипывается непосредственно, безъ помощи заклепокъ, и однородность его конструкціи, вслѣдствіе тщательнаго совокупленія матеріаловъ, позволяетъ ему выдерживать самые стремительныя напоры волнъ.

„Эти два корпуса сдѣланы изъ листоваго желѣза, котораго плотность относится къ плотности воды какъ семь и восемь десятыя. Наружный корпусъ имѣетъ не менѣе пяти сантиметровъ толщины и вѣситъ триста девяносто четыре тонны и девяносто шесть сотыхъ. Часть же внутренняя, которой киль вышиной въ пятьдесятъ сантиметровъ и шириной въ двадцать пять одинъ вѣситъ шестьдесятъ двѣ тонны, затѣмъ машина, балластъ, различныя помѣщенія и перегородки и внутреннїя подпорки,—все это вмѣстѣ взятое имѣетъ вѣсу девятьсотъ шестьдесятъ одну! тонну и шестьдесятъ двѣ сотыхъ, что въ соединенїи съ тремястами девяносто четырьмя тоннами и девяносто шестью сотыми, составитъ требуемую цифру: тысячу триста пятьдесятъ шесть тоннъ и сорокъ восемь сотыхъ. Ясно?“

— Совершенно, отвѣчалъ я.

— Итакъ, продолжалъ капитанъ,—*Корабликъ*, находясь въ водѣ при подобныхъ условїяхъ, выдѣется на одну десятую. Но еслибъ я располагалъ резервуарами, вмѣстимость которыхъ равнялись бы этой десятой, то-есть которые могли бы

вмѣщать сто пятьдесятъ тоннъ и шестьдесятъ двѣ сотыхъ, и еслибъ я ихъ наполнилъ водой, то судно вѣсило бы тысячу пятьсотъ семь тоннъ или совершенно погрузилось бы въ воду. Такъ оно и бываетъ, господинъ профессоръ. Такіе резервуары находятся въ нижней части *Кораблика*. Я открываю краны, они наполняются, и судно погружается въ уровень съ морскою поверхностью.

— Хорошо, капитанъ, но вотъ гдѣ въ такомъ случаѣ настоящее затрудненіе. Чтò судно ваше можетъ сравняться съ поверхностью океана, это я понимаю. Но погружаясь ниже, не встрѣтитъ ли оно сопротивленія и не будетъ ли поднимать его снизу вверхъ съ силою возрастающею при каждахъ тридцати футахъ погруженія на величину равную давленію одной атмосферы, или около килограмма на каждый квадратный сантиметръ?

— Совершенно справедливо.

— Итакъ, чтобы заставить *Корабликъ* опуститься въ глубину, вы должны цѣликомъ наполнить его? Другаго средства я не вижу.

— Господинъ профессоръ, отвѣчалъ капитанъ,—не слѣдуетъ смѣшивать статику съ динамикой. Въ противномъ случаѣ вы рискуете надѣять большихъ промаховъ. Вовсе не такъ трудно достигнуть нижнихъ слоевъ океана. Послушайте объясненіе.

— Слушаю, капитанъ.

— Когда я высчитывалъ насколько нужно увеличить вѣсъ *Кораблика* чтобы заставить его идти внизъ, мнѣ приходилось обратить вниманіе только на то постепенное уменьшеніе какое испытываетъ объемъ морской воды по мѣрѣ того какъ ея слои становятся все больше глубокими.

— Это очевидно, отвѣчалъ я.

— Но если нельзя отрицать сжимаемость воды, то по крайней мѣрѣ должно признать что эта ея способность весьма ограничена. И въ самомъ дѣлѣ, по новѣйшимъ вычисленіямъ оказывается что эта сократимость равняется четыремъ стамъ тридцати шести десятиллионнымъ на каждую атмосферу, или на каждые тридцать футовъ глубины. Если требуется опуститься на тысячу метровъ, то я беру въ расчетъ сокращеніе объема при давленіи равняющемся давленію столба воды въ тысячу метровъ, то-есть давленію ста атмо-

сферъ. Это сокращеніе составитъ тогда четыреста тридцать шесть стотысячныхъ. Я долженъ, слѣдовательно, такъ увеличить тяжесть судна чтобъ оно вѣсило тысячу пятьсотъ тринадцать тоннъ и семьдесятъ семь сотыхъ, вмѣсто тысячи пяти сотъ семи тоннъ двухъ десятыхъ. Итакъ, мнѣ придется прибавить только шесть тоннъ пятьдесятъ семь сотыхъ.

— Только?

— Да, господинъ Аронаксъ, и вычисленіе это легко проверить. Но я имѣю имѣю запасные резервуары способные вмѣщать сто тоннъ. Я, слѣдовательно, могу спускаться на значительную глубину. Когда же я хочу подняться опять на поверхность и держаться въ уровень съ ней, то мнѣ стоить только выкачать эту воду и затѣмъ совершенно опорожнить резервуары, если я хочу чтобы *Корабликъ* поднялся надъ водой на одну десятую своего объема.

На эти разсужденія, подкрѣпляемые цифрами, возражать было нечего.

— Допускаю ваши вычисленія, капитанъ, сказалъ я,—да и неумѣстно было бы опровергать ихъ въ виду того что опытъ подтверждаетъ ихъ ежедневно. Но я предвижу теперь дѣйствительное затрудненіе.

— Какое, господинъ профессоръ?

— Когда вы находитесь на глубинѣ тысячи метровъ, то стѣны *Кораблика* испытываютъ давленіе ста атмосферъ. Если же вы въ эту минуту захотите опорожнить запасные резервуары дабы облегчить ваше судно и подняться на поверхность, то необходимо чтобы насосы ваши преодолѣвали это давленіе ста атмосферъ, которое равняется ста килограммамъ на каждый квадратный сантиметръ. Отсюда сила....

— Которую одно электричество могло мнѣ дать, проспѣшилъ замѣтить капитанъ Немо.—Повторяю вамъ что динамическая сила моихъ машинъ почти безконечна. Насосы *Кораблика* имѣютъ необыкновенную силу, и вы могли въ этомъ убѣдиться, когда водяные столбы отъ нихъ обрушились потокомъ на *Абраама Линкольна*. Впрочемъ, я пользуюсь запасными резервуарами только для того чтобы достигать средней глубины отъ тысячи пятисотъ до двухъ тысячъ метровъ, и это я дѣлаю съ цѣлью сбереженія моихъ машинъ. А когда мнѣ приходитъ фантазія побывать въ океанѣ на двѣ или на три мили ниже поверхности воды, то я прибѣгаю къ болѣе сложнымъ, но столь же вѣрнымъ маневрамъ.

— Къ какимъ же, капитанъ?

— Это приводитъ меня къ необходимости сказать вамъ какъ *Корабликъ* управляется.

— Я нетерпѣливо желаю узнать это.

— Для того чтобы поворачивать это судно вправо и влево, чтобы вести его, однимъ словомъ, въ горизонтальномъ направленіи, я пользуюсь обыкновеннымъ рулемъ съ широкою лопастью, утвержденнымъ назади и который приводится въ движеніе посредствомъ колеса и штуръ-троссовъ. Но я могу также направлять *Корабликъ* снизу вверхъ и сверху внизъ, въ направленіи вертикальномъ, посредствомъ двухъ наклонныхъ плоскостей, приделанныхъ по сторонамъ. Плоскости эти подвижны, могутъ принимать всякое положеніе, и ими управляютъ со внутренней стороны посредствомъ сильныхъ рычаговъ. Если плоскости лежатъ параллельно съ судномъ, оно движется въ горизонтальномъ направленіи. Если же онѣ наклонны, то смотря по расположенію этого наклона и подъ ударомъ своего винта, *Корабликъ* либо опускается слѣдуя діагонали, удлиняемой по моему желанію, либо поднимается вверхъ по той же діагонали. А если я хочу скорѣи возвратиться на поверхность, то останавливаю винтъ, и давленіемъ воды *Корабликъ* поднимается вертикально, какъ шаръ наполненный водородомъ быстро взлетаетъ на воздухъ.

— Bravo, капитанъ! вскричалъ я.—Но какъ штурманъ различаетъ свой путь подъ водою?

— Штурманъ помѣщается въ стеклянной каютѣ которая образуетъ выступъ на верхней части корпуса *Кораблика*, и которой стѣнки состоятъ изъ чечевицеобразныхъ стеколъ....

— Способныхъ выдерживать подобныя давленія?

— Какъ нельзя лучше. Хрусталь, при всей своей хрупкости, можетъ однако выдерживать значительное давленіе. При опытахъ рыбной ловли съ помощію электрическаго свѣта, сдѣланныхъ въ 1866 году въ сѣверныхъ моряхъ, оказалось что пласты изъ этого вещества, толщиною не болѣе какъ въ семь миллиметровъ, выдерживали давленіе шестнадцати атмосферъ, пропуская въ то же время сильныя теплотворныя лучи. Стекла же которыми я пользуюсь имѣютъ не менѣе двадцати одного сантиметра въ центрѣ, то-есть въ тридцать разъ болѣе помянутой толщины.

— Согласенъ, капитанъ; но чтобы можно было видѣть что-

либо, свѣтъ долженъ прогонять тьму, и я спрашиваю себя какъ среди мрака водъ....

— Позади каюты занимаемой штурманомъ помѣщается сильный электрическій рефлекторъ, лучи котораго освѣщаютъ море на полмили разстоянія.

— Bravo, капитанъ! Отлично! Теперь я объясняю себѣ ту фосфоризацію мнимаго нарвала которая такъ смущала ученыхъ. Кстати еще я спрошу васъ, случайно ли произошло столкновение *Кораблика* съ *Шотландіей*, надѣлавшее столько шума?

— Совершенно случайно. Я шель въ двухъ метрахъ подъ водой, когда произошло столкновение. Я впрочемъ замѣтилъ что оно не имѣло никакихъ неприятныхъ послѣдствій.

— Никакихъ. Но что касается до вашей встрѣчи съ *Авраамомъ Линкольномъ*....

— Господинъ профессоръ, мнѣ очень жаль одинъ изъ лучшихъ кораблей храбраго американскаго флота, но на меня нападали, и я долженъ былъ защищаться. Я однако ограничился тѣмъ что лишилъ фрегатъ возможности вредить мнѣ,—онъ легко можетъ починить въ ближайшей гавани всѣ свои поврежденія.

— Капитанъ, воскликнулъ я съ убѣжденіемъ,—вашъ *Корабликъ* дѣйствительно удивительное судно!

— Да, господинъ профессоръ, отвѣчалъ капитанъ Немо, съ неподдѣльнымъ чувствомъ,—и я люблю его какъ плоть отъ плоти моей. Если на вашихъ судахъ подверженныхъ всѣмъ случайностямъ океана всюду чутся опасность, если первое впечатлѣніе производимое моремъ—какъ справедливо выразился Голландецъ Янсенъ—есть сознаніе бездны; то на борту *Кораблика* сердце человека можетъ быть совершенно покойно. Нечего бояться пролома, ибо двойной корпусъ судна несокрушимъ какъ желѣзо; нѣтъ оснастки которая портилась бы отъ боковой или килевой качки, нѣтъ парусовъ уносимыхъ вѣтромъ; нѣтъ котловъ разрываемыхъ паромъ; нечего опасаться пожара, ибо судно сдѣлано изъ листового желѣза, а не изъ дерева; нѣтъ угля который можетъ истощиться, ибо корабль приводится въ движеніе электричествомъ; нѣтъ опасности столкновенія, ибо онъ одинъ плаваетъ въ глубинѣ морской; нѣтъ бурь съ какими бы нужно было бороться, ибо въ нѣсколькихъ метрахъ подъ водой онъ находитъ

полнѣйшее спокойствіе. Вотъ единственный настоящій корабль! Если правда что инженеръ имѣеть болѣе довѣрія къ судну чѣмъ строитель, а строитель болѣе чѣмъ капитанъ, то вы поймете какъ безгранично я довѣряюсь моему *Кораблику*, потому что я въ одно и то же время и капитанъ его, и строитель, и инженеръ!

Капитанъ Немо говорилъ съ увлекательнымъ красноречіемъ. Огонь горѣвшій въ его глазахъ и живость движеній совершенно измѣнили его. Да, онъ любилъ *Корабликъ*, какъ отецъ любить свое дитя.

■ Но меня тревожилъ вопросъ быть-можетъ, нескромный, однако я не могъ удержаться чтобы не высказать его.

— Такъ вы инженеръ, капитанъ?

— Да, отвѣчалъ онъ, — я учился въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ то время когда еще жилъ на материкѣ.

— Но какъ могли вы сохранить втайнѣ постройку этого замѣчательнаго *Кораблика*.

— Каждую изъ его составныхъ частей, господинъ профессоръ, я получалъ изъ различныхъ странъ земнаго шара, и всѣ онѣ заказывались для вымышленныхъ цѣлей. Киль его былъ выкованъ въ Крѣзо во Франціи, ось винта у Пена и К° въ Лондонѣ, листовое желѣзо его корпуса у Лерда въ Ливерпулѣ, его винтъ у Скота въ Глазго. Резервуары его были сдѣланы у Кайля и К° въ Парижѣ, машина у Круппа въ Пруссіи, бивень — въ мастерскихъ Моталы въ Швеціи, инструменты опредѣляющіе направленіе — у братьевъ Гартъ въ Нью-Йоркѣ, и т. д., и каждому изъ этихъ поставщиковъ доставлены были мои планы подъ разными именами.

— Но, возразилъ я, — когда всѣ эти части были готовы, ихъ еще оставалось собрать, соединить.

— Я устроилъ свои мастерскія на пустынномъ островѣ въ открытомъ океанѣ. Тамъ я и мои работники, то-есть мои brave товарищи, которыхъ я образовалъ и направилъ, мы вмѣстѣ додѣлывали нашъ *Корабликъ*. Когда же эта операція была кончена, то огонь уничтожилъ всѣ слѣды нашего пребыванія на островѣ, который я бы взорвалъ на воздухъ если бы могъ.

— Въ такомъ случаѣ я полагаю что стоимость этого судна громадна.

— Господинъ Аронаксъ, броненосный фрегатъ стоить обыкновенно тысячу сто двадцать пять франковъ на тонну.

Корабликъ вмѣщаетъ ихъ тысячу пятьсотъ. Итакъ онъ стоить миллионъ шестьсотъ восемьдесятъ семь тысячъ франковъ, съ принадлежностями два миллиона, или четыре-пять миллионъ со всеми произведеніями искусства и коллекціями которыя онъ заключаетъ.

— Послѣдній вопросъ, капитанъ Немо.

— Извольте, госнодинъ професоръ.

— Вы слѣдовательно богаты?

— Неизмѣримо, и могу не стѣсняясь заплатить двѣнадцать миллиардовъ французскаго долга.

Я пристально посмотрѣлъ на моего страннаго собесѣдника. Ужь не злоупотреблялъ ли онъ моимъ легковѣріемъ? Будущее должно было мнѣ это разъяснить.

Г Л А В А XIV.

Черная рѣка.

Занимаемая водой часть земнаго шара исчислена въ три миллиона восемьсотъ тридцать двѣ тысячи пятьсотъ пятьдесятъ восемь квадратныхъ мириаметровъ, или свыше тридцати восьми миллионъ гектаровъ. Эта жидкая масса составляетъ два миллиарда двѣсти пятьдесятъ миллионъ кубическихъ миль, и если изъ нея образовать шаръ, то діаметръ его равнялся бы шестидесяти милямъ, а вѣсъ тремъ квинтиллионамъ тоннъ. Чтобы понять это число надо сказать себѣ что квинтиллионъ относится къ миллиарду какъ миллиардъ къ единицѣ, то-есть что въ одномъ квинтиллионѣ содержится столько же миллиардовъ сколько единицъ въ миллиардѣ. Эта жидкая масса объемлетъ такое же почти количество воды какое могли бы излитъ всѣ рѣки земныя въ продолженіи сорока тысячъ лѣтъ.

Во время геологическихъ эпохъ, за огненнымъ періодомъ слѣдовалъ періодъ водяной. Океанъ сперва былъ повсюду. Потомъ мало-по-малу, во время силурійскаго періода, выступили вершины горъ, возникали острова, исчезали при мѣстныхъ наводненіяхъ, показывались снова, сливались, образовали материки, и наконецъ земли приняли то географическое расположеніе какое мы видимъ теперь. Твердая масса отвоевала у жидкой тридцать семь миллионъ шестьсотъ пятьдесятъ семь квадратныхъ миль, или двѣнадцать тысячъ девятьсотъ шестнадцать миллионъ гектаровъ.

Очертаніе материковъ редеть къ дѣленію водъ на пять частей: океанъ Ледовитый Сѣверный, океанъ Ледовитый Южный, океанъ Индійскій, океанъ Атлантическій и океанъ Тихій.

Тихій океанъ простирается съ сѣвера на югъ между двумя полярными кругами, а съ запада на востоку между Азіей и Америкой на протяженіи ста сорока пяти градусовъ въ длину. Это самое спокойное изъ морей; теченія его широки и не быстры, приливы незначительны, дожди обильны. Вотъ какой океанъ мнѣ предстояло объѣхать прежде всего при самыхъ необыкновенныхъ условіяхъ.

— Господинъ профессоръ, сказалъ капитанъ Немо, — если вамъ угодно, мы сейчасъ опредѣлимъ съ точностію положеніе и узнаемъ исходную точку нашего путешествія. Теперь безъ четверти двѣнадцать. Мы поднимаемся на поверхность моря.

Капитанъ прижалъ три раза электрической звонокъ. Насосы стали изгонять воду изъ резервуаровъ; стрѣлка манометра показывала различныя давленія по коимъ мы могли слѣдить за восходящимъ движеніемъ *Кораблика*; наконецъ она остановилась.

— Пріѣхали, сказалъ капитанъ.

Я отправился къ средней лѣстницѣ выходившей на платформу, взбираясь по металлическимъ ступенямъ, и чрезъ отворенный люкъ вышелъ на верхнюю часть *Кораблика*.

Платформа выступала только на восемьдесятъ сантиметровъ. Передняя и задняя части *Кораблика* представляли форму веретенообразную, вслѣдствіе чего судно справедливо сравнивалось съ длинною сигарой. Я замѣтилъ что его черепицевидныя желѣзные пласты очень походили на чешую отъ- вающую тѣло большихъ преможающихъ. Этимъ я объяснилъ себѣ почему, несмотря на самыя лучшія подзорныя трубы, это судно всегда принимали за морское животное.

Въ серединѣ платформы шляпка, входившая въ корпусъ корабля, образовала незначительное возвышеніе. Впередѣ и позади ея подымались двѣ невысокія клѣтки съ покатыми стѣнками, отчасти закрывавшіяся толстыми чечевицеобразными стеклами; одна изъ нихъ назначалась для штурмана управлявшаго *Корабликомъ*, въ другой горѣлъ яркій электрической свѣтъ озарявшій его путь.

Море было великолѣпно, небо ясно. Длинное судно чуть-чуть покачивалось на широкихъ волнахъ океана. Легкій

восточный вѣтерокъ рябилъ поверхность воды. Свободный отъ тумана горизонтъ былъ вполне доступенъ наблюденіямъ.

Кругомъ все было пусто. Ни скалы, ни острова. Ни малѣйшаго слѣда *Араама Линкольна*. Безграничная пустыня.

Вооружившись секстантомъ, капитанъ Немо опредѣлилъ высоту солнца долженствовавшую указать ему широту мѣста. Во время наблюденія ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ, и инструментъ въ его рукахъ былъ такъ неподвиженъ, какъ будто его держала мраморная рука.

— Поддень, сказалъ онъ.—Господинъ профессоръ, не угодно ли вамъ?...

Я бросилъ послѣдній взглядъ на это нѣсколько желтоватое море омывавшее японскіе берега, и спустился въ гостиную.

Здѣсь капитанъ опредѣлилъ положеніе мѣста, высчиталъ съ помощью хронометра долготу, провѣрилъ свой выводъ предшествовавшими наблюденіями часовыхъ угловъ, и сказалъ мнѣ:

— Господинъ Аронаксъ, мы подъ сто тридцать седьмымъ градусомъ и пятнадцатью минутами западной долготы....

— Отъ какого меридіана? живо спросилъ я, надѣясь что отвѣтъ капитана укажетъ мнѣ на его національность.

— У меня нѣсколько хронометровъ, сказалъ онъ, поставленныхъ по меридіанамъ Парижа, Гринвича и Вашингтона. Но въ честь васъ я выбираю парижскій.

Этотъ отвѣтъ не объяснялъ ровно ничего. Я наклонился, и капитанъ продолжалъ:

— Сто тридцать семь градусовъ и пятнадцать минутъ долготы къ западу отъ Парижскаго меридіана, и тридцать градусовъ семь минутъ сѣверной широты, то-есть въ трехъ стахъ миляхъ отъ береговъ Японіи. Значить сегодня, 8го ноября, въ полдень, начинается наше подводное ученое путешествіе.

— Да сохранить насъ Богъ! промолвилъ я.

— А теперь, господинъ профессоръ, прибавилъ капитанъ, предоставляю васъ вашимъ занятіямъ. Я отдалъ приказаніе идти къ востоку-сѣверо-востоку на глубинѣ пятидесяти метровъ. Вотъ карты, гдѣ всѣ пункты обозначены; по нимъ вы можете слѣдить направленіе. Зала къ вашимъ услугамъ, и я прошу позволенія удалиться.

Капитанъ Немо поклонился. Я остался одинъ, погружен-

тс
иі-
тс
тс.
и
кс
тс
е
о.
тс
тс
тс
с
о

Andru

1880

